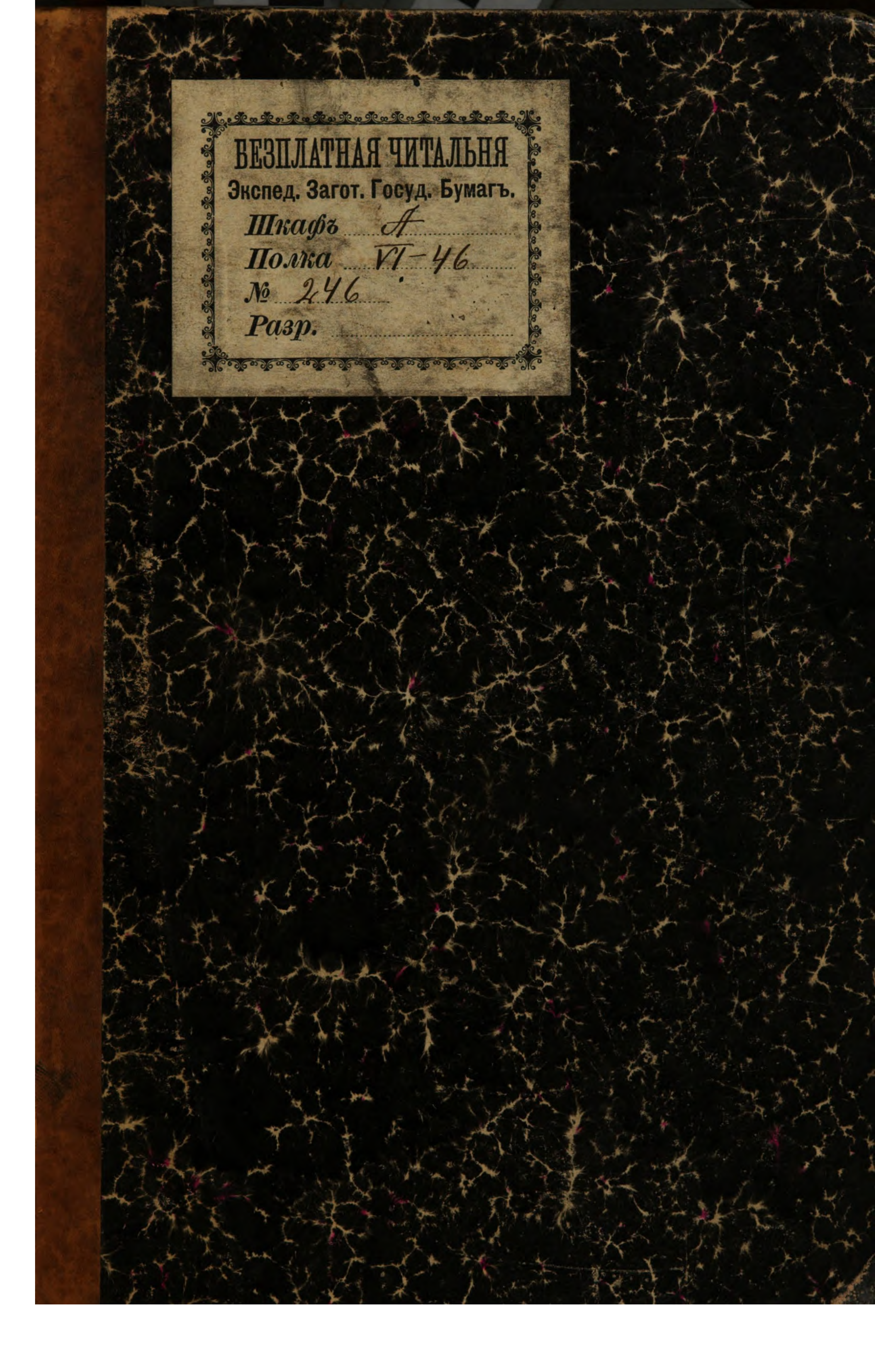

БЕЗПЛАТНАЯ ЧИТАЛЬНЯ
Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ.
Шкафъ А
Полка VI-46
№ 246
Разр.

„УБЕДИТЕЛЬНАЯ ПРОСЬБА КНИГИ“.

Пожалуйста не трогайте меня грязными руками: мне будет стыдно, если меня возьмут другие читатели.

Не исчеркивайте меня пером и карандашем, — это так некрасиво.

Не ставьте на меня локтей когда читаете, не кладите меня раскрытой на стол лицом вниз, ибо вам самим не понравилось бы, если бы с вами так обращались.

Не кладите в меня ни карандаша, ничего толстого, кроме тоненького листка бумаги, иначе разрывается корешок.

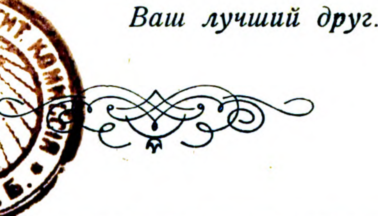
Если вы кончили читать и боитесь потерять место, где вы остановились, то не делайте знака ногтем, а вложите в меня закладку, чтобы я могла удобно и спокойно отдохнуть.

Не забывайте, что после того, как вы прочитали, мне придется побывать у других читателей.

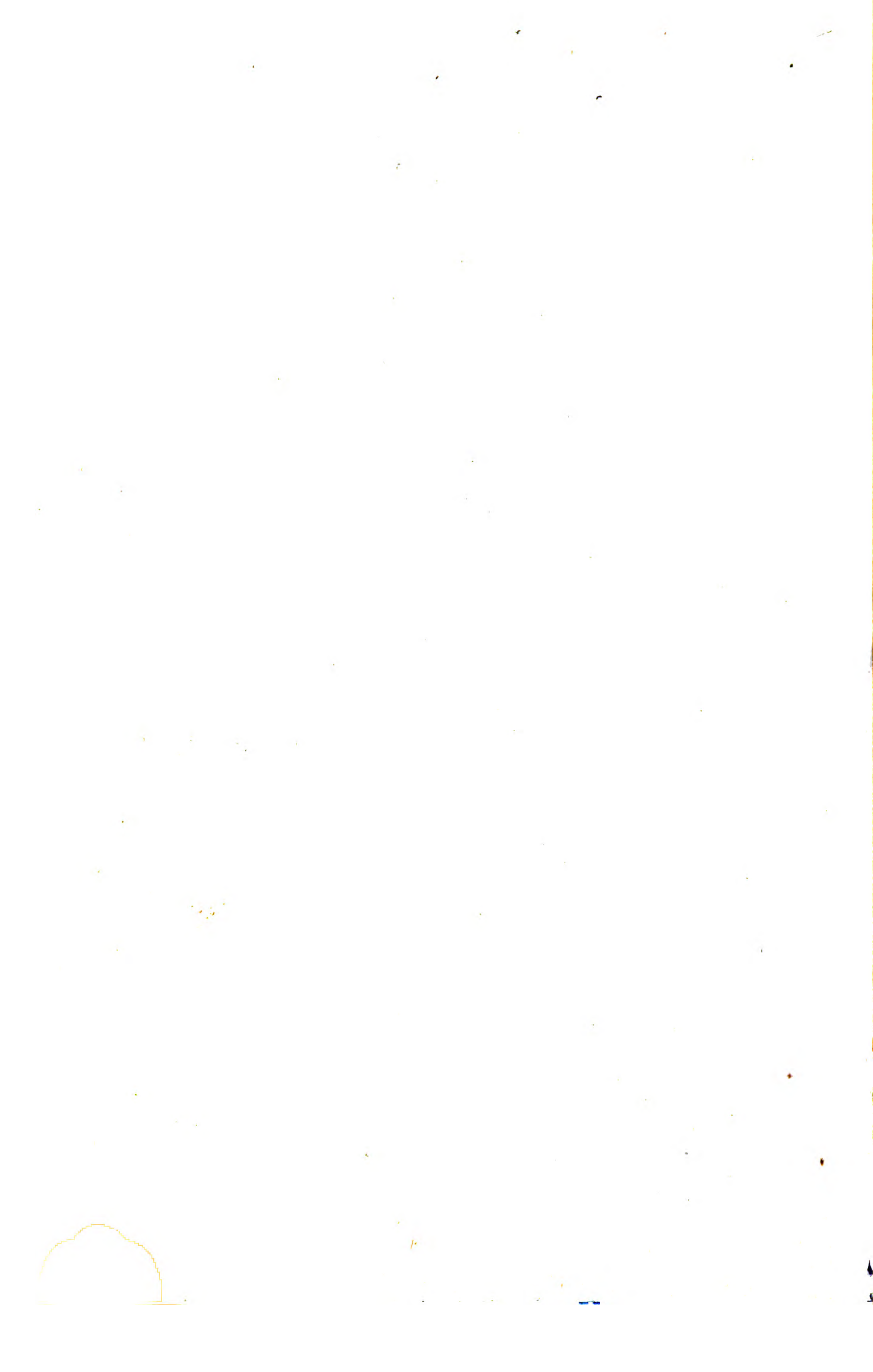
Заворачивайте меня в бумагу в сырую погоду, потому что такая погода мне вредна.

Помогите мне остаться свежей и чистой, а я помогу вам быть счастливыми.

Ваш лучший друг.

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

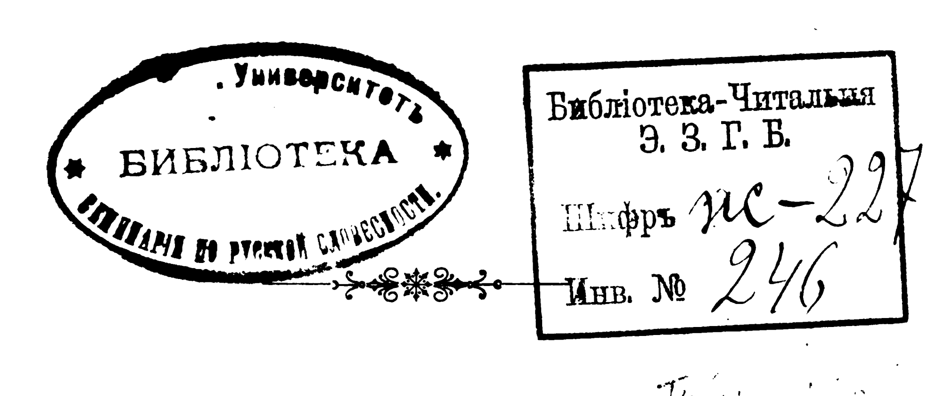

ІЮЛЬ. 1906.

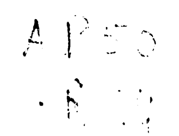
РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1906.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

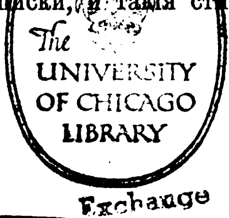
8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія уничтожаются.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

ПОБѢГЪ.

Повѣсть.

II.

Исправникъ слушалъ, молча, и осторожно скребъ бритвой по своей щетинистой щекѣ. Отъ времени до времени онъ помогалъ себѣ языкомъ, выпирая впередъ менѣе доступныя для бритья мѣста, или хваталъ себя за большой носъ и оттягивалъ его въ сторону. Онъ казался совершенно поглощеннымъ этимъ дѣломъ, тѣмъ не менѣе, внимательно слѣдилъ въ зеркало за удлиненнымъ отраженіемъ денщика, стоявшаго за нимъ съ утиральникомъ въ рукахъ, и за мохнатой фигурой Мусьи, сидѣвшаго поодаль на стулѣ. Французъ говорилъ неумолчно, поясняя рѣчь широкими жестами. Красный отблескъ, бьющій отъ красныхъ обоевъ, отъ малиноваго одѣяла, брошеннаго небрежно на незастланной кровати исправника, отъ тяжелыхъ алыхъ занавѣсей и портьеръ у оконъ и дверей, странно окрашивалъ всѣ предметы и лица присутствующихъ. Начальникъ округа очень любилъ красный цвѣтъ, который, какъ будто, дѣлалъ его „генераломъ“, хотя, въ дѣйствительности, онъ былъ всего только капитаномъ. По тѣмъ же побужденіямъ, любилъ исправникъ и свой „бухарскій“ халатъ съ красной подкладкой и красными широчайшими обшлагами.

Исправникъ выспался, красный туманъ и разсказъ Мусьи настраивали его весело.

— Кто женится?! — спросилъ онъ неожиданно и положилъ бритву. Мусья замолкъ и широко открылъ ротъ, изумленно улыбаясь.

— Да я этого вовсе не говорилъ. Я только говорилъ, что мнѣ приходится оставить прежнюю квартиру, что я новую искалъ по всему городу, и что всѣ отказываются... Въ такой морозъ не могу же я поселиться на улицѣ, поэтому...

— Но всетаки... откуда все пошло? Я знаю хорошо, Мусья, что у вашей націи все начинается отъ женщины. Шерше ла фамъ!..—добавилъ онъ съ убійственнымъ выговоромъ.

Пріятная улыбка разлилась по лицу Мусьи.

— Вотъ видите, въ чемъ дѣло: Красусскій переноситъ свою мастерскую въ юрту Негорскаго, а Негорскій перебирается къ Александрову... А такъ какъ Негорскій отчего-то меня не любитъ, то...

— Вотъ какъ!.. — протянулъ исправникъ. — Но при чемъ тутъ я и чѣмъ вамъ могу помочь!?.. Не могу же я мужьямъ запретить опасаться васъ!.. Развѣ, что вы примете православіе и поступите въ монахи. Впрочемъ, знаете, вотъ что сдѣлаемъ: отправляйтесь къ доктору Красноперову. Жена у него красавица... Тамъ вамъ будетъ недурно. Скажите, что я послалъ васъ къ нему. Отлично, великолѣпно!.. Вотъ хорошо придумано!.. Я сейчасъ пошлю съ вами казака, чтобы онъ разыскалъ вамъ квартиру, но вы обѣщайте, что раньше всего отправитесь къ доктору. И прямо идите въ спальню. Скажите, что эту именно комнату я и отвелъ вамъ, что это... отчужденіе въ видахъ государственной пользы... Будете помнить?! А?.. Постарайтесь замѣтить тамъ все, что увидите, а затѣмъ мнѣ доложите... Поняли?.. Ничего не опасайтесь... Прямо въ спальню валите!.. Ванька!.. — крикнулъ онъ на денщика, — отправляйся сейчасъ въ караулку и зови сюда немедленно Голіафа! Слышишь! Живо!

Мусья вмигъ понялъ, въ чемъ дѣло, и глаза у него игриво засверкали. Онъ немедленно собрался въ походъ.

— Я пойду вмѣстѣ съ Ванькой. Такъ будетъ скорѣе. Докторша, чего добраго, въ церковь уйдетъ. Иду, значитъ. Что они мнѣ сдѣлаютъ, ничего не сдѣлаютъ. Скажу, что вы меня послали. Когда товарищи меня не хотятъ, пусть знаютъ...

Долго, по уходѣ Мусьи, исправникъ улыбался, разсматривалъ въ зеркало свое лицо, покручивалъ усы и думалъ объ аппетитной докторшѣ и сердитой рожѣ разобиженнаго супруга.

Обыватели, увидя Мусью, шагающаго столь рано по улицѣ, рядомъ съ самымъ крѣпкимъ и рослымъ въ городѣ казакомъ, по направленію къ квартирѣ доктора, останавливались и покачивали значительно головами. Женщины, оповѣщенныя о событіи ребятами, не смотря на стужу, выходили торопливо въ домашнихъ платьяхъ на улицу, чтобы не лишиться, Боже упаси, интереснаго зрѣлища.

Вскорѣ изъ дома доктора выскочили обратно Мусья съ Голіафомъ, а затѣмъ выбѣжалъ оттуда сторожъ съ листомъ

бумаги и помчался, сломя шею, къ Черевину. Общее любопытство было возбуждено до нельзя. Мусья былъ забросанъ вопросами, но таинственно отмалчивался и только сѣтовалъ, что всѣ притворяются его друзьями, а не хотятъ нанять ему квартиру. Любознательные обыватели обращались къ Голіафу, но тотъ хлопалъ глазами и увѣрялъ, что ничего не знаетъ, такъ какъ его дальше кухни не пустили.

Исправникъ, не смотря на „обиду", какая постигла его оффиціальнаго представителя, былъ чрезвычайно всѣмъ случившимся доволенъ. Городишко зашумѣлъ, точно тронутый улей. Пьяный докторъ вышелъ на крыльцо и угрожалъ „всей полиціи", что ей „поломаетъ кости!"

Джурджуйская оппозиція, съ помощникомъ исправника во главѣ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, подняла голову. Денисовъ, полицейскій писарь, первый въ городѣ донъ-жуанъ, былъ замѣченъ, когда входилъ въ домъ Козлова, дочь котораго считалась красивѣйшей дѣвушкой города. Объ этомъ сейчасъ же доложили исправнику.

— Хорошо, я ихъ сосватаю! — улыбнулся начальникъ и, какъ громъ съ яснаго неба, обрушился съ ревизіей на больницу, гдѣ Козловъ былъ главнымъ поставщикомъ продуктовъ. Оттуда начальство отправилось въ школу, гдѣ тоже свила гнѣздо оппозиція. Оно вездѣ нашло большіе „безпорядки, упущенія и нарушенія", и вездѣ раздавались грозные окрики: „подъ судъ!" Всѣ перетрусили, такъ какъ расходившееся начальство било въ обѣ стороны по своимъ и по чужимъ. Въ замѣшательствѣ дѣло Мусьи было забыто. Онъ самъ не являлся больше къ товарищамъ; даже за вещами не самъ пришелъ, а послалъ якутку Желтуху, въ чьей грязной и отвратительной юртѣ онъ нашелъ временный пріютъ.

Вечеромъ появился у Александрова Черевинъ. Онъ горько жаловался на свою судьбу, на ложное положеніе, въ какое его поставила неумѣстная шутка Мусьи.

— Конечно, онъ въ спальню не проникъ, его не пустили, но докторъ страшно разсвирѣпѣлъ и, представьте себѣ, напалъ на всѣхъ политическихъ, а прежде всего, конечно, на меня. Чудаки! они обязательно требуютъ отъ насъ какой-то круговой поруки. Никто не разубѣдитъ ихъ, что это немыслимо и несправедливо, что мы не можемъ отвѣчать за поступки единичныхъ личностей, что среди насъ есть самые разнообразные люди. Даже эскулапъ, который живалъ въ столицѣ и окончилъ университетъ, не разбираетъ этого и взваливаетъ на насъ отвѣтственность за все. Онъ требуетъ, чтобы мы... вліяли на Мусью!.. Остроумно, нечего

сказать! Я съ трудомъ втолковалъ ему, что это не „интрига“ политическихъ ссыльныхъ, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ присутствіе казака. Тогда онъ написалъ оскорбительное письмо исправнику. Послѣднему, въ свою очередь, сказали, что это я указалъ доктору на него, какъ на „зачинщика“ всего скандала, и теперь исправникъ на меня дуется, не отвѣтилъ на мой поклонъ на улицѣ и притворился, что глядитъ въ другую сторону. Мнѣ до смерти надоѣло это вѣчное виляніе между пьянымъ докторомъ и самонадѣяннымъ „помпадуромъ“. Не знаю, чѣмъ все это кончится! Предполагаю, что устранятъ меня отъ больницы и запретятъ практику. А пока возгорится съ поставщиками и фельдшерами вновь борьба изъ-за каждаго грамма лѣкарства, изъ-за каждаго бинта, изъ-за полѣна дровъ и куска мяса для больныхъ. Мои распоряженія будутъ высокомѣрно замалчиваться и оставляться втунѣ. Уже сегодня Козловъ прислалъ такое мясо, что больные задыхались отъ одного запаха. Правда, онъ попался, — исправникъ устроилъ, какъ разъ, ревизію,—но докторъ будетъ защищать его на зло исправнику, и ничего ему не сдѣлаютъ. Иногда меня, право, беретъ охота плюнуть на все и уйти въ книги, въ науку, какъ вы... Но я чувствую, что это мнѣ не подъ силу. Я, прежде всего, практикъ, я привыкъ трудиться и жить... Для книжной работы я еще черезчуръ молодъ и въ то же время черезчуръ уже старъ для... фразъ.

Долго еще говорилъ Черевинъ въ этомъ духѣ и закончилъ свою рѣчь выговоромъ товарищамъ, что они прогнали и оставили безъ призора Мусью.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло!..—пробормоталъ Негорскій.

—...Обычныя послѣдствія доктринерства! — продолжалъ, между тѣмъ, Черевинъ. — Pereat mudus!.. Онъ шокировалъ васъ своими выходками. Понимаю. Онъ, дѣйствительно, бываетъ невозможенъ, хотя, въ сущности, добрѣйшее существо, добрый и честный малый!.. Съ этимъ всякій согласится. Безъ вашей поддержки онъ сдѣлается еще глупѣе, но лучше не сдѣлается. Между тѣмъ, джурджуйскіе прохвосты передъ нами будутъ упражняться въ безцеремонномъ обращеніи съ политическими. Мы для нихъ бѣльмо на глазу. Мы отличаемся отъ нихъ во всемъ, точно другая раса людей. Они это сознаютъ и ненавидятъ насъ. До сихъ поръ они относились къ намъ съ наружнымъ уваженіемъ, такъ какъ мы импонировали имъ нашей солидарностью, дружностью и нашимъ... fraternité. Удаленіе Мусьи изъ нашей среды разрушаетъ это понятіе. Попробуйте разъяснить имъ, что Мусья не нашъ, что онъ попалъ въ ссылку случайно, какъ жертва бѣлаго, нелѣпаго террора, что у Мусьи мало

общаго съ политикой, идейностью, общественной дѣятельностью. Они не поймутъ васъ и не повѣрятъ вамъ...

— Такъ въ чемъ же дѣло? Берите его къ себѣ! — вставилъ неожиданно Негорскій.

— Я?..—удивился Черевинъ. — Это совсѣмъ особый вопросъ: могу ли я это сдѣлать? У меня занятіе, которое никакъ не мирится съ присутствіемъ этого чудака. Ваше предложеніе ставитъ для меня ту же диллему: Мусья, или больница и практика. И я, конечно, выбираю послѣднее. Я только такимъ образомъ могу использовать свои силы и свое знаніе. А вы?.. Чѣмъ занимаетесь вы?..

Товарищи сильно были раздражены и его доводами, и, особенно, тономъ, но молчали. Даже Самуилъ ничего не отвѣтилъ и только курилъ „азартно" папироску за папироской. Воронинъ вспыхнулъ было, но Негорскій дернулъ его за полу. Черевинъ ушелъ крайне недовольный ихъ поведеніемъ и отношеніемъ къ нему. По поводу политическихъ у него были съ обывателями и джурджуйскими властями постоянныя столкновенія и непріятности, которыя онъ терпѣливо переносилъ за тѣ рѣдкія минуты сердечныхъ съ товарищами разговоровъ, за тѣ освѣжающіе споры и идейныя волненія, которыя они доставляли ему. Въ послѣднее время все это неожиданно притихло.

— Не скоро увидятъ меня!—раздумывалъ Черевинъ, закутываясь плотно въ мѣховую доху и степенно уходя отъ дома товарищей въ холодъ и темноту туманной ночи.—Шалые люди!.. Опять, видно, что-то задумали, что скрываютъ отъ меня. Хорошо!.. Пусть!.. Но я не обязанъ гибнуть вмѣстѣ съ ними, особенно, если они не довѣряютъ мнѣ!..

— Зачѣмъ вы не сказали ему? — упрекалъ товарищей Воронинъ послѣ ухода Черевина.

— Вотъ что, Воронъ, ты днемъ спишь, а ночью читаешь умныя книжки, поэтому, естественно, не знаешь, что творится на бѣломъ свѣтѣ... - пошутилъ Негорскій.— Черевинъ постоянно вращается среди... этихъ господъ. Для него же лучше, если онъ не будетъ ничего знать. Можетъ случиться, что онъ, лишившись... ясности ума на одной изъ многочисленныхъ пирушекъ... нечаянно обмолвится. А послѣ отвѣчать будетъ. Черевинъ недостаточно ловокъ и опытенъ въ такихъ дѣлахъ. Даже теперь: зачѣмъ онъ вмѣшался въ эту нелѣпую и смѣшную исторію съ Мусьей? Зачѣмъ онъ счелъ нужнымъ оправдывать себя и насъ передъ докторомъ? Зачѣмъ впуталъ въ дѣло исправника? Онъ могъ вѣдь предвидѣть, что эти чинуши другъ другу особеннаго вреда не причинятъ... Да и скажите на милость, какое намъ до этого дѣло?.. Конечно, теперь все обернется противъ не-

го. Выходитъ какъ будто онъ защищаетъ насъ. Между тѣмъ, для насъ тѣмъ хуже, чѣмъ больше о насъ говорятъ и чѣмъ больше обращаетъ на насъ вниманіе городская публика... Такъ-то!.

— Пусть всегда событія сами за себя говорятъ. Не слѣдуетъ комментаріями усиливать ихъ свыше мѣры и не слѣдуетъ ослаблять ихъ дѣйствія разговорами!—добавилъ Александровъ.

— Это вѣрно, но не всегда. Съ Мусьей слѣдовало обойтись помягче, слѣдовало ему вѣжливо объяснить, въ чемъ дѣло. Я увѣренъ, что онъ сдѣлалъ глупость изъ огорченія. Теперь трудно будетъ безъ него распродать билеты...—про бурчалъ Красусскій.

Негорскій взглянулъ на него протяжно, и кулакъ, которымъ онъ подпиралъ голову, тяжело опустился на столъ.

— Что-жъ дѣлать: гдѣ дрова рубятъ, щепки летятъ! Если-бъ мы вѣжливо обошлись съ Мусьей, мы бы никогда отъ него не избавились. Съ такими лицами слѣдуетъ обращаться рѣшительно, чувствительность надо отложить въ сторону для лучшихъ временъ. Впрочемъ, увѣряю васъ, Красусскій, что Мусья куда меньше это почувствовалъ, чѣмъ вы!..

— Богъ знаетъ, куда зайдемъ, такъ разсуждая!..—вскрикнулъ, вставая, Красусскій.

Онъ жалѣлъ Мусью. Столько дней и ночей онъ провелъ съ нимъ подъ одной кровлей, столько продѣлалъ надъ нимъ смѣшныхъ шалостей и получалъ всегда въ отвѣтъ все ту же неумную, но дружескую простосердечную улыбку. Теперь онъ внутренно никакъ не могъ помириться съ обидой „большого ребенка“.

— Чѣмъ же онъ, бѣдняга, виноватъ, что попалъ въ ссылку, скорѣе мы виноваты въ его несчастіи!..—размышлялъ юноша со всей наивностью своего двадцатилѣтняго сердца.

Онъ съ улыбкой вспомнилъ разсказъ француза о политическомъ приключеніи, приведшемъ его въ Джурджуй.

— Пріѣхалъ я въ Петербургъ съ образчиками галантерейныхъ товаровъ. Повстрѣчались мы съ товарищемъ изъ Парижа и отправились вечеркомъ въ Аркадію погулять... Болтали мы, болтали... Онъ бонапартистъ, я бонапартистъ... Онъ бутылочку, я бутылочку... Зашумѣло у насъ въ головахъ. „Знаешь“—говоритъ онъ—„спою я тебѣ хорошую пѣсенку... Тутъ всѣ ее поютъ... Мотивъ у нея марсельезы, но слова много жалче...“ Если всѣ поютъ, то и я согласенъ... „Всѣ поютъ!“ увѣряетъ онъ. И сталъ учить меня по-русски:

„Во Францію два гренадера
Изъ русскаго плѣна брели...“

. . . .

У него былъ хорошій голосъ, и я недурно вторю. Вскорѣ окружили насъ многіе изъ публики, дамы, кавалеры, барышни!.. Хлопаютъ намъ, а когда мы пропѣли:

„А нашъ императоръ въ плѣну..."

Кто-то крикнулъ „браво!" „Бисъ! Бисъ!" всѣ закричали. Ну, мы и пропѣли еще разъ:

„А нашъ императоръ въ плѣну..."

Намъ еще разъ: бисъ!.. Закрылъ я это глаза, чтобы лучше пѣть и тяну:

„А нашъ императоръ въ плѣну..."

Вдругъ, чувствую, кто-то меня беретъ за плечо. Смотрю: публики нѣтъ, одинъ полицейскій приставъ. „Идите за мной!" Зачѣмъ? — „Безъ разговору!" Посадили меня на извозчика и увезли... Безъ разговору!.. Сочинили протоколъ, отправили въ тюрьму. Долго сидѣлъ я въ тюрьмѣ, просилъ, писалъ, объяснялъ... Все тщетно. Наконецъ, вызвали, стали допрашивать... Хотѣлъ я имъ разсказать все толкомъ, но они сейчасъ: „довольно! молчать!.. безъ разговору!.." Опять посадили въ тюрьму, продержали полъ-года, а затѣмъ прочли приговоръ: „за оскорбленіе его величества..." Приговорили въ ссылку, приказали что-то подписать и привезли вотъ сюда! Говорятъ, дѣйствительно, тогда царь никуда не выѣзжалъ изъ дворца и жилъ, какъ въ плѣну. Но что же я могъ знать? Я имъ говорилъ, что только что пріѣхалъ изъ Вѣны. Киваютъ головами: „ладно!" А когда хочу еще что-нибудь добавить, сейчасъ: „безъ разговору!" Я имъ толкую, что я... „neutralité" — не помогаетъ! Теперь я уже не... neutralité!.. Теперь я уже знаю!.. Довольно! Теперь пусть они, пусть они берегутся!—кричалъ обыкновенно въ концѣ Мусья. Красусскій вспомнилъ его вытаращенные глазки, всклокоченную бороду, сжатые кулаки и засмѣялся.

— Бѣдняга!.. Завтра обязательно пойду навѣстить его!..

Когда на слѣдующій день онъ вошелъ въ юрту Желтухи, онъ засталъ уже у Мусьи Петрова и Гликсберга, пьющихъ тамъ демонстративно „чай". Это была грозная, хотя и молчаливая „нота" иностранныхъ державъ, направленная противъ Александрова и другихъ „анархистовъ", не умѣющихъ поступать надлежаще съ „товарищами".

— Мы не полагаемъ, чтобы можно было личность, вопреки ея волѣ, приносить въ жертву на алтарь какихъ-либо идей. Идеи, которымъ это нужно, ничего не стоятъ. Тѣ только идеи нужно считать своевременными и дозрѣвшими, которыя понятны большинству людей и которыхъ не нужно скры-

вать и стыдиться. Что толку въ идеяхъ, лишенныхъ основаній, не усвоенныхъ большинствомъ?..—толковалъ длинно и скучно Петровъ.

— Прочитайте объ этомъ у Спенсера!—совершенно серьезно предложилъ Красусскому Гликсбергъ.

— Оставьте меня!—отрѣзалъ юноша. Онъ съ досадой слушалъ выходки иностранныхъ державъ противъ Александрова и Негорскаго, но въ споръ не ввязывался. Вообще онъ былъ нерѣчистъ, къ тому же—по-русски говорилъ плохо и удареніяставилъ смѣшно. Неудовольствіе свое онъ обнаруживалъ только нервнымъ покручиваніемъ своихъ усиковъ. Одно мгновеніе онъ хотѣлъ уже уйти, но Мусья такъ жалобно взглянулъ на него, что юноша вдругъ рѣшилъ остаться и началъ просто и весело разсказывать, какъ онъ разъ заблудился на охотѣ и познобилъ себѣ пальцы, и какъ его спасали якуты топленымъ масломъ.

Мусья тоже вспомнилъ, какъ разъ въ Алжирѣ получилъ солнечный ударъ. Петровъ и Гликсбергъ, сначала возмущенные „безсмысленными разговорами“, слушали разсказы очень холодно, но затѣмъ сами вспомнили свои приключенія, смягчились и просидѣли, калякая, до поздней ночи.

Мусья съ трудомъ поспѣвалъ кипятить чай. Желтуха, которая подъ шумокъ сумѣла всласть попользоваться и хлѣбомъ, и чаемъ своего новаго квартиранта, возымѣла о немъ самое лучшее мнѣніе:

— Французъ умница, только притворяется дурачкомъ. Вы бы только посмотрѣли, какъ съ нимъ цѣлуются „преступники“. И какую прорву чая выпили они?! Сейчасъ видно, что господа! И французъ тоже господинъ!..—разсказывала она на слѣдующій день посѣтителямъ.

Вѣсть о посѣщеніи Мусьи товарищами мигомъ облетѣла городокъ и много помогла Мусьѣ въ развитіи того новаго промысла, который онъ себѣ придумалъ. Именно онъ принялся выдѣлывать изъ мамонтовой кости недурненькія запонки, мундштуки, трубочки, ручки для перьевъ и сталъ разносить эти предметы по домамъ. Требованіями „торговли“ онъ объяснялъ милое его сердцу бродяжничаніе по сосѣдямъ. Женщины опять стали встрѣчать его дружеской улыбкой, ожидая отъ него новостей, сплетенъ и рискованныхъ шутокъ; мужчины подсмѣивались надъ нимъ, допрашивая, что такое онъ видѣлъ въ спальнѣ докторши.

Буря, вызванная его выходкой, уже затихала. Послѣднимъ ея отзвукомъ былъ „балъ примиренія“, который устроилъ исправникъ своимъ противникамъ.

Это было замѣчательное пиршество. О количествѣ выпитой на немъ водки долго ходили легендарные разсказы.

Панъ Янъ утверждалъ, что всѣ напились „до зеленаго змія“. Докторъ, не смотря на свой чинъ „генерала“, простилъ великодушно исправнику, „капитану“, всѣ его прегрѣшенія. Помощникъ всѣмъ по очереди цѣловалъ „ручку“ и, бія себя въ грудь, колѣнопреклонно исповѣдывалъ свою вину. Козловъ все время не отступалъ ни на шагъ отъ Черевина и назвалъ себя публично „соціалистомъ“, за что чуть было не попалъ на гауптвахту. Былъ прощенъ исключительно въ виду торжественности общаго настроенія. Балъ окончился великолѣпнымъ экспромтомъ, придуманнымъ остроумнымъ Денисовымъ. Гости стали въ рядъ, уже безотносительно къ своимъ чинамъ, а сообразно съ ростомъ и тѣлеснымъ сложеніемъ, взяли въ руки веревку, конецъ которой держалъ исправникъ, и, когда онъ дергалъ за нее, удивительно хорошо подражали всѣ джуржуйскому колокольному звону. Затѣмъ пѣли „славу“ хозяину, опять пили и опять подражали колокольному звону...

На слѣдующій день устроилъ „балъ“ докторъ, затѣмъ состоялись „балы“ у помощника, командира, улуснаго писаря и прочихъ административныхъ и торговыхъ столповъ города Джурджуя, въ томъ числѣ и у... Черевина. Всѣ послѣдующіе пиры не достигли, конечно, той пышности и блеска, какъ исправничій, чего требовалъ и мѣстный этикетъ, но были достаточно обильно снабжены водкой, и въ концѣ концовъ, возимый съ мѣста на мѣсто въ полубезсознательномъ состояніи отецъ Акакій, возвращаясь послѣ недѣльнаго отсутствія домой, опять увидѣлъ въ рощѣ „окаменѣлаго мамонта“. Въ тотъ разъ онъ встрѣтился съ чудовищемъ въ кустахъ по серединѣ города:

— Онъ шелъ себѣ и размахивалъ трубой!—расказывалъ скромно преподобный пастырь.

Пьянство прекратилось только съ пріѣздомъ обоза, состоящаго изъ трехъ вьючныхъ лошадей и трехъ всадниковъ. Заиндевѣлые, окруженные облакомъ сѣдого тумана, розоваго отъ вечерней зари, понуждая усталыхъ мохнатыхъ лошадокъ частыми ударами пятокъ, они подъѣхали прямо къ полицейскому управленію. Оттуда немедленно выскочилъ дежурный и побѣжалъ къ исправнику. По городу, затихшему въ послѣобѣденной дремотѣ, съ быстротой молніи пронеслась вѣсть:

— Почта пришла!

Даже тѣ, кто никогда не получалъ ни писемъ, ни газетъ, зашевелились и покинули укромные углы. Слабо освѣщенная оплывшей сальной свѣчкой первая комната полицейскаго управленія исподволь наполнилась казаками, мѣщанами мѣстной аристократіей. Писарь Денисовъ благово-

лилъ „принимать гостей“; онъ стоялъ въ глубинѣ комнаты съ папироской въ зубахъ, съ руками въ карманахъ и нашептывалъ избранникамъ самыя свѣжія извѣстія изъ „губерніи“. Ежеминутно стучали двери и входили все новыя и новыя лица, внося въ затхлую атмосферу канцеляріи струи свѣжаго, холоднаго воздуха и свойственный туземцамъ запахъ скотскихъ хлѣвовъ, плохо выдѣланныхъ кожъ и дешевой махорки. Перешептыванія все усиливались, но не переходили извѣстнаго предѣла, не заглушали постукиванія счетовъ и торжественныхъ возгласовъ исправника, его помощника и конвойныхъ казаковъ, провѣрявшихъ доставленныя почтой деньги въ сосѣдней комнатѣ. Сквозь неплотно запертыя двери оттуда лился яркій свѣтъ и мелькали тѣни. Вдругъ наружныя двери стукнули какъ-то особенно и раздались широкіе, смѣлые шаги. Исправникъ сразу почувствовалъ, что пришелъ одинъ изъ „этихъ“, и сдвинулъ брови.

— Кто тамъ!.. Не пускать никого!.

— Негорскій за письмами...

— Пусть ждетъ!

Казаки бросились къ идушему.

— Нельзя! Вы должны подождать. Его высокоблагородіе принимаетъ деньги. Шестнадцать, сказываютъ, тысячъ пришло...—повторили казаки, смягчая приказъ.

Негорскій подалъ два пальца Денисову, торопливо протянувшаго ему руку, и остановился въ сторонкѣ. Сквозь щель въ дверяхъ онъ замѣтилъ сильно плѣшивый лобъ исправника, его красное, испитое лицо, наклоненное надъ столомъ, и бѣлыя руки съ золотыми перстнями, быстро перебирающія пачки кредитокъ.

— Одинъ... два... три... пять... десять... двадцать... тридцать... сто...

— Есть!

— Провѣрить!

Шарикъ счетовъ стукалъ; пачка, шелестя, летѣла въ сторону помощника, а въ опытныхъ рукахъ стараго чиновника хрустѣлъ новый свертокъ.

— Одинъ... два... три... четыре...

Негорскій закрылъ глаза и пробовалъ думать о другомъ... о далекомъ. Гнѣвное, лихорадочное состояніе овладѣвало имъ. Чтобы успокоить себя, онъ принялся считать до ста, до тысячи... Къ счастію, явился Петровъ съ неизмѣннымъ Гликсбергомъ. Разговоръ съ ними немного успокоилъ его; затѣмъ присоединились Самуилъ, Воронинъ, наконецъ, вошелъ съ шумомъ Красусскій. Казаки разступились передъ его размашистыми, самоувѣренными дви-

женіями, и онъ, не оповѣщенный, вошелъ бы, по всей вѣроятности, въ слѣдующую комнату, если-бъ его не удержалъ Негорскій.

— Зачѣмъ же они не выдаютъ писемъ?

— Деньги считаютъ. Сейчасъ кончатъ!

Это „сейчасъ“ протянулось съ добрый часъ. Мелькали тѣни, постукивали счета, шелестѣли бумаги и скоро-скоро произносились числа, однообразныя, точно припѣвъ акафиста. Красусскій приходилъ въ бѣшенство. Наконецъ, въ сосѣдней комнатѣ водворилась тишина. Стоявшій впереди Негорскій замѣтилъ, что исправникъ взялъ пачку писемъ и вскрываетъ конверты. Не смотря на продолжительность своего заточенія, онъ никакъ не могъ привыкнуть къ этому зрѣлищу и поспѣшно отвернулъ голову. Вдругъ онъ разслышалъ шепотъ исправника. Чиновникъ нагнулся черезъ уголъ стола къ своему помощнику и съ улыбкой показывалъ ему что-то въ раскрытомъ письмѣ. На жирномъ, пухломъ лицѣ помощника тоже засіяла нехорошая улыбка. Красусскій, который видѣлъ все это, неожиданно толкнулъ двери.

— Что же письма?

— А-а?... Это вы?.. Есть одно и для васъ, есть!..—отвѣтилъ исправникъ. Взялъ письмо со стола и принялся основательно взрѣзывать конвертъ. Протянутая рука юноши дрожала, глаза его метали молніи. По губамъ исправника скользнула сдержанная улыбка.

— Да-а!.. Оно... по-польски. Я могъ бы вамъ его не отдать. По-польски я не понимаю...

— Что-о?!

Въ возгласѣ ссыльнаго звучала такая угроза, что исправникъ съ наслажденіемъ погладилъ себя по подбородку. Онъ былъ по происхожденію сибирякъ, престижъ и величіе государства мало его волновали. Наоборотъ: въ глубинѣ души онъ чувствовалъ нѣкоторое нерасположеніе къ угнетающей и эксплуатирующей Сибирь „Рассеи“; онъ зналъ о культурныхъ услугахъ, которыя оказали его родинѣ ссыльные поляки и русскіе, да и самъ, кажется, происходилъ изъ Литвы. Правда, его предки давно уже перемѣнили вѣру, осибирячились, обрусѣли, тѣмъ не менѣе, ему пріятно было чувствовать свое родство съ этимъ красивымъ, смѣлымъ до дерзости юношей.

— Польскія письма не воспрещены закономъ.

— Да, но они должны быть провѣрены. Полиція не обязана знать всѣ языки или держать переводчиковъ. Пусть ваши родственники пересылаютъ письма черезъ губернское правленіе...

— Будутъ годъ странствовать. Совсѣмъ это не нужно!

— Чего вы сердитесь? Вѣдь я его вамъ даю!

Красусскій не выразилъ ни малѣйшей благодарности; схватилъ письмо, тутъ же развернулъ его и сталъ на ходу просматривать. Другіе ссыльные получали свои письма по очереди и уносили поспѣшно, точно святыню. Самуилъ, который въ этотъ разъ ничего не получилъ, остался, чтобы захватить газеты и журналы.

— И зачѣмъ это вы, господа, пришли? Вѣдь я обѣщалъ вамъ отсылать все на домъ!..— мягко выговаривалъ ему исправникъ.

— Развѣ вы не понимаете, Николай Ивановичъ, что для насъ это—единственный лучъ свѣта?! Право, вы могли бы раньше вскрывать пакеты съ письмами. Деньги подождали бы безъ волненія...

— Законъ запрещаетъ. По закону, раньше всего должны быть просчитаны деньги... — отвѣтилъ начальникъ округа, поглядывая на своего помощника. Тотъ заерзалъ на стулѣ и пробормоталъ что-то невнятное. Исправникъ, подъ вліяніемъ получки наградныхъ, пришелъ въ прекрасное расположеніе духа; онъ всегда отличалъ Самуила, цѣнилъ его тактъ и благовоспитанность; иногда онъ даже съ нимъ совѣтовался и откровенничалъ.

— А знаете, къ вамъ ѣдетъ опять какой-то новый товарищъ... Аркановъ?.. Не слыхали?.. Артемій Павловичъ Аркановъ, — добавилъ онъ, справляясь въ бумагахъ, — съ женой, Евгеніей Ивановной... Веселѣе будетъ! Какъ хотите, а скучна жизнь безъ женщинъ! Развѣ не правда: „безъ женщинъ, безъ женщинъ мы точно безъ души“—запѣлъ чиновникъ, сильно фальшивя.

Въ воспаленныхъ, сладострастныхъ глазахъ его засверкали нехорошіе огоньки. Самуилъ поспѣшно раскланялся и ушелъ.

Онъ направился къ Александрову, гдѣ обыкновенно собирались ссыльные послѣ прихода почты. Всѣ были погружены еще въ чтеніе писемъ. Только Негорскій, который тоже письма не получилъ, просматривалъ номера предусмотрительно захваченныхъ имъ газетъ. Когда Самуилъ бросилъ на столъ новую кипу журналовъ и газетъ, присутствующіе принялись за нихъ. Низко и жадно наклонили ссыльные свои головы надъ бѣлыми листами, съ которыхъ повѣяли на нихъ вдругъ родныя воспоминанія; слезящіеся глаза страстно ловили печатныя слова при слабомъ свѣтѣ сальнаго огарка. Все для нихъ было такъ дорого и полно значенія, даже пустыя, мишурныя фразы,—во всемъ они доискивались тайнаго глубокаго смысла. Красусскій не

читалъ газетъ; съ письмомъ въ рукѣ онъ сидѣлъ въ сторонкѣ на стулѣ и смотрѣлъ впередъ въ темноту.

— Отъ сестры?—спросилъ его тихонько по-польски Негорскій и ласково положилъ ему на плечо руку.

— Отъ сестры.

— Что же пишетъ?

— Все то же. Умоляетъ, чтобы я... не ослабѣлъ! — разсмѣялся юноша.—Проситъ, чтобы я не отчаивался, не женился на иностранкѣ, вернулся чистъ и здоровъ. Все письмо полно заботы обо мнѣ, о себѣ ничего не пишетъ; сообщаетъ только, что тоскуетъ...

— Опять!.. Слушайте, опять!..—вскричалъ громкимъ голосомъ Самуилъ. Замѣтивши, что всѣ глаза обратились къ нему, онъ принялся читать вслухъ съ глубокимъ волненіемъ. Газета дрожала въ его рукѣ и голосъ болѣзненно обрывался:

...„Сегодня въ нашемъ городѣ казнены государственные преступники. Съ утра улицы, по которымъ долженъ былъ двигаться позорный кортежъ, наполнились народомъ и войсками, построенными въ цѣпь. Въ открытыхъ окнахъ виднѣлось множество женскихъ головъ, многія дамы стояли на балконахъ. Погода благопріятствовала, солнце великолѣпно сверкало на штыкахъ, мундирахъ, стѣнахъ домовъ, украшало своимъ блескомъ женскіе наряды. Полицейскіе въ парадныхъ мундирахъ прохаживались на постахъ по срединѣ улицъ. Глаза публики обращались въ сторону городской тюрьмы. Тамъ вдругъ раздался и покатился по народу шумъ, точно вздохъ, который все приближался, крѣпчая, мѣняясь, превращаясь въ говоръ, въ стонъ, въ бурю...

— „Ѣдутъ!.. Ѣдутъ!

„Толпа дрогнула. Одновременно застучали колеса, зазвенѣли подковы. Изъ-за угла выскочилъ отрядъ конныхъ жандармовъ. За ними быстро катилась черная колесница. Приговоренные въ холщевыхъ саванахъ сидѣли, привязанные задомъ къ лошадямъ. На груди у нихъ болтались черныя доски съ надписью „преступникъ". Было ихъ два, оба молодые.

„Одинъ ослабѣлъ, опустился въ веревкахъ, и голова его жалко болталась и подскакивала при каждомъ стукѣ колесъ о мостовую. Другой, возбужденный, что-то кричалъ, чего нельзя было разслышать изъ-за грохота телѣги и топота коннаго отряда. Къ тому же и народъ шумѣлъ. Я стоялъ совсѣмъ близко, но съ трудомъ уловилъ только: „за васъ умираю!"

„Толпа вела себя враждебно. Раздавались ругательства, угрозы, проклятія, въ воздухѣ замелькали даже сжатые кулаки

и палки. И только какая-то очень молоденькая дѣвушка бросила букетъ цвѣтовъ, но такъ неудачно, что онъ упалъ на мостовую и былъ измятъ копытами конвоя. Дѣвушку сейчасъ же арестовали. Оба приговоренные съ трудомъ взошли на эшафотъ. Помощники палача помогали имъ. Во время чтенія приговора, они были сильно блѣдны; затѣмъ горячо поцѣловались. Когда священникъ подошелъ къ нимъ съ крестомъ, тотъ, что кричалъ, покачалъ отрицательно головой. Его товарищъ, наоборотъ, крѣпко прильнулъ губами къ святому знаку, и палачъ съ трудомъ оторвалъ его отъ креста. Приговореннаго подтащили за плечи къ петлѣ, ему моментально закрыли лицо колпакомъ, ужасная скамеечка выскользнула у него изъ-подъ ногъ, и онъ повисъ грузно и неподвижно... Другой, который глядѣлъ на все это, вдругъ сталъ рваться изъ рукъ палачей. Когда онъ повисъ, онъ долго бился, и заплечный мастеръ потянулъ его за ноги...“

— Нѣтъ... не... могу... не могу!—простоналъ Самуилъ, отступая въ темный уголъ избы.

Въ юртѣ воцарилось гробовое молчаніе.

— Вѣчно и безпощадно... ненавидѣть ихъ!..—прошепталъ вдругъ Красусскій, подымая руку.

— Развѣ это были поляки? — спросилъ тихонько у Негорскаго Янъ, который пришелъ во время чтенія.

— Развѣ не все равно!? Развѣ тебѣ не жалко?!

— Не въ томъ дѣло: я думалъ, что это непремѣнно поляки, а теперь вижу, что и русскіе взялись за умъ!..

III.

Учитель наигрывалъ на гитарѣ и хриплымъ голосомъ въ сотый, можетъ быть, разъ выводилъ любимый куплетъ мѣстной баллады:

Сверкнулъ мечъ, скатилась голова,
Погибла невѣрная жена!..
Не дышутъ лебединыя груди,
Никто ея любить не буди...

Всѣмъ стало скучно. Денисовъ, принуждаемый подтягивать учителю, давно уже морщился. Наконецъ, онъ махнулъ рукою, вскрикнулъ: „жги! жги!.. жги!..“—выскочилъ на середину комнаты и давай приплясывать, присѣдать, сѣменить ногами съ такимъ рвеніемъ и задоромъ, что большой шахматный коверъ изъ черныхъ и бѣлыхъ кобыльихъ лапъ, разостланный на полу, взъерошился и пришелъ въ большой безпорядокъ. Учительша приказала служанкѣ поскорѣе

убрать коверъ и уже не уходила изъ комнаты, а раскраснѣвшаяся, смѣющаяся, глядѣла на отчаянную пляску и сама слегка пошевеливала бедрами и поводила плечами. Денисовъ плясалъ все неистовѣе, и отъ поднятаго имъ вихря вздымались занавѣски у оконъ, трепетало пламя свѣчей, и даже лампадка зеленаго стекла, неугасимо теплившаяся въ углу передъ образомъ Николая Угодника, слегка покачивалась на серебряныхъ цѣпяхъ. Учитель тоже вскочилъ, принялся живѣе перебирать по струнамъ и подпрыгивать на заплетающихся ногахъ. Туманы поднятой пляскою пыли, облака табачнаго дыма да запахъ разлитой и выпитой водки дѣлали дальнѣйшее пребываніе въ комнатѣ невозможнымъ. Красусскій поднялся и сталъ прощаться съ хозяевами.

— Куда? Не пущу! Сидите, когда вамъ хорошо! А уйдете—ничего вамъ уже не разскажу ни про горы на западѣ, ни про то, какъ путешествуютъ якуты. Ей, ей! Знаю я все, вижу васъ насквозь! Не проведете меня!.. Нѣ-е-етъ!— кричалъ сильно пьяный хозяинъ, стараясь поймать гостя за рукавъ.—Красусскій испугался окончательно этихъ изліяній, вырвалъ руку и ушелъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ учитель безусловно перешелъ къ джурджуйской опозиціи, и особенно съ тѣхъ поръ, какъ Денисовъ сталъ въ ихъ домѣ еженедѣльнымъ гостемъ, Красусскій началъ сильно тяготиться своими сношеніями съ педагогомъ. Онъ поддерживалъ ихъ еще въ надеждѣ на лотерею, послѣднее финансовое убѣжище бѣглецовъ. Къ сожалѣнію, и учительша сильно къ нему измѣнилась со времени исторіи съ Мусьей, уклонялась отъ исполненія обѣщаній, виляла и хитрила. Она, въ сущности, управляла всѣмъ домомъ, поэтому ея охлажденіе къ лотереѣ лишало послѣднюю всякой опоры. Тѣмъ не менѣе, Красусскій ходилъ къ учителю, ходилъ потому, что безъ лотереи... не вѣрилъ въ успѣхъ побѣга, потому что грустилъ, скучалъ. Присутствіе Денисова и вѣчное пьянство хозяина раздражали его.

— Хотя бы сегодня: лишь смерклось—уже оргія!—размышлялъ онъ, странствуя по окутанному ночью озеру. Въ душѣ у него царила такая же тьма и холодъ, онъ съ отвращеніемъ думалъ о своей пустой юртѣ, но еще съ большимъ отвращеніемъ думалъ о юртѣ Александрова, гдѣ онъ встрѣтитъ мрачныя, угрюмыя лица товарищей, подавленныхъ денежными неудачами. Вдругъ слуха его коснулись необычные звуки у полицейскаго управленія—скрипъ саней и шаги людей, приближающихся къ нему наискось. При слабомъ блескѣ звѣздъ онъ замѣтилъ четыре человѣческія фигуры. Двѣ были несомнѣнно казацкія, въ двухъ другихъ онъ сразу

угадалъ—по движеніямъ, а еще больше по говору — давно ожидаемыхъ товарищей.

— Аркановъ?.. Неужели это вы?!.

— Да это я! А вы кто?

— Я—Красусскій.

Къ великому удивленію конвойныхъ, они бросились другъ другу въ объятія, какъ будто знали другъ друга сто лѣтъ или были родными братьями. Затѣмъ юноша робко поклонился второй стройной фигурѣ.

— Что же вы мнѣ не протягиваете руки?!—разсмѣялась она серебристымъ голосомъ. — Я вѣдь тоже товарищъ вашъ!

— Идемъ къ намъ... Тутъ къ Александрову ближе всѣхъ... Или, можетъ быть, вы уже рѣшили идти въ другое мѣсто?.. Вы, вѣрно, прозябли и изголодались!.

— Мы ничего не знаемъ, куда насъ ведутъ. Въ полиціи никого нѣтъ, закрыта...

— Надо бы вамъ къ исправнику... явиться!..—проговорилъ казакъ.

— Я тоже думаю, что лучше явиться!—согласился Аркановъ.

— Зачѣмъ же? Пустое!.. Мы напишемъ письмо, что вы устали съ дороги, и что явитесь завтра. Пустая формальность!..

Покончили на томъ, что казаки пошли доложить исправнику, а пріѣзжіе повернули къ Александрову. По пути Красусскій послалъ встрѣчнаго якута къ Самуилу и Воронину. Не прошло и полчаса, какъ всѣ ссыльные, не исключая Яна, собрались въ юртѣ Александрова

Большая охапка дровъ, затопленная въ плоскомъ якутскомъ камелькѣ, наполнила, какъ всегда, внутренность юрты веселымъ свѣтомъ, говоромъ, щебетаніемъ, шипѣніемъ пламени, выстрѣлами углей и лопаньемъ согрѣвающихся ледяныхъ полѣньевъ. На столѣ гостепріимно стоялъ самоваръ. Арканова сразу вошла въ роль хозяйки и, перебросивши черезъ плечо бѣлое полотенце, перетирала чайныя чашки. Ссыльные впервые съ тѣхъ поръ, какъ оставили родину, вспомнили, что совсѣмъ перестали это дѣлать. Тюрьмы и нужда отучили ихъ отъ многихъ вещей. Грязь и небрежность казались имъ дѣломъ обычнымъ и неизбѣжнымъ. Теперь эта стройная женщина съ золотыми волосами и васильковыми, нѣжными глазами, какъ будто принесла имъ съ собой вѣяніе давно покинутой культурной жизни. Всѣ невольно вспоминали забытыя привычки благовоспитанности. Александровъ держался необыкновенно прямо и удивительно долго не ставилъ локтей на столъ, даже тру-

бочку вынулъ изо рта и спряталъ въ карманъ. Негорскій вдругъ загрустилъ. Воронинъ тщетно пробовалъ побороть свое волненіе, вызванное большимъ количествомъ чайныхъ серебряныхъ ложекъ, вилокъ, ножей, вообще чайныхъ приборовъ, которыхъ „хватило для всѣхъ".

— Салфетки!..—шепнулъ восторженно Самуилъ и прикоснулся къ нимъ рукою.

Красивая женщина все это раскладывала на столѣ и съ грустной улыбкой посматривала на блѣдныя, малокровныя лица ссыльныхъ, на ихъ оборванныя, лохматыя фигуры. Красусскій, спрятавшись въ дальній уголъ, глазъ съ нея не сводилъ.

— Итакъ, здѣсь необходимо жить въ юртахъ. Другихъ болѣе человѣческихъ жилищъ нѣтъ... Проѣзжая, я видѣлъ, однако, русскіе дома!—спросилъ Аркановъ.

— Есть-то есть. Только необходимо нанять весь домъ, что черезчуръ дорого для нашихъ кармановъ. Отдѣльныхъ комнатъ не отдаютъ въ наемъ жители. Впрочемъ, обо всемъ этомъ и о цѣнахъ лучше всего разскажетъ вамъ Черевинъ.

— Кто это такой?

— Это тоже нашъ... врачъ. Онъ не пришелъ еще, нужно бы послать за нимъ. Вѣрно, не знаетъ!

Раньше, чѣмъ нашелся посыльный якутъ, пришелъ самъ Черевинъ. Онъ безцеремонно прервалъ разговоръ и заставилъ сызнова разсказать ему новости.

— Съ 1878 года,—началъ искусственнымъ, скучающимъ голосомъ Аркановъ,—русская революціонная партія направилась, какъ вамъ извѣстно, по новому пути. Народники послѣ короткой борьбы исчезли. Слабые совсѣмъ устранились отъ всякой работы и превратились въ заурядныхъ буржуевъ, болѣе дѣльные перешли къ террористамъ. Въ настоящее время въ Россіи есть только террористы, другихъ партій нѣтъ. Осталась одна только „Народная Воля"...

— Ого!..—шепнулъ Петровъ.

— Террористы образуютъ три фракціи: террористовъ-конституціоналистовъ, террористовъ непримиримыхъ, какъ мы ихъ зовемъ — „pur sang", и террористовъ-народниковъ. Послѣдніе происходятъ отъ остатковъ прежнихъ бунтарей...

Тутъ Аркановъ принялся обширно и чрезвычайно объективно излагать программы каждой фракціи.

— А вы къ какимъ причисляете себя?—спросилъ неожиданно Александровъ.

Аркановъ чуть-чуть смутился.

— Я въ правѣ не отвѣчать на этотъ вопросъ,—отвѣтилъ онъ неохотно,—но я скажу: я принадлежу къ террористамъ „чистокровнымъ". Я не считаю конституцію за идеалъ, ко-

торый можно написать на знамени, и не вижу другого пути для Россіи, какъ терроръ и еще разъ терроръ...

— Это могущественное средство, но не единственное. Не думаю, чтобы полезно было суженіе программъ ради тактическихъ соображеній!—замѣтилъ Александровъ.

— Конечно, насиліе иногда неизбѣжно,—вставилъ Негорскій,—но есть ли у васъ силы и средства для проведенія такой программы? На кого вы разсчитываете, разъ вы отказываетесь отъ пропаганды среди массъ? Насиліе не содержитъ въ себѣ другихъ идеальныхъ элементовъ, кромѣ самопожертвованія, — онъ сдѣлалъ удареніе на *само.*—Поэтому оно не обладаетъ притягательной силой, не привлекаетъ послѣдователей. Оно пользуется раньше накопленнымъ политическими организаціями капиталомъ силъ и сознательности.

— Какъ не привлекаетъ?! Языкъ террора, языкъ фактовъ много понятнѣе и доказательнѣе толпѣ, чѣмъ сотни брошюръ и прокламацій.

— Да, но онъ волнуетъ души иного порядка, иного сорта!..—замѣтилъ грустно Самуилъ.

— Этого слѣдовало ожидать. Нѣкоторое время они просуществуютъ, расточая безумно сокровища, нагроможденныя нами, а затѣмъ все рухнетъ... Своими выходками, покушеніями, насиліями они закрыли намъ всѣ пути мирной борьбы, а сами... Высоко летаютъ, да гдѣ-то сядутъ!.. Посмотримъ!!.—вспыхнулъ страстно Петровъ.

— Вы не считаете конституцію идеаломъ?. Хорошо. Но я вотъ что скажу вамъ на это...—вскричалъ задорно Черевинъ.

Поднялся шумъ, всѣ захотѣли говорить, убѣждать и обвинять другъ друга. Аркановъ глядѣлъ на всѣхъ спокойно и вдругъ поднялся: черные глаза его засверкали, черная грива волосъ зашевелилась... Жена его улыбнулась, такъ какъ она опять, опять узнала своего милаго „Артю“.

— Такъ! Вы смѣете утверждать, что люди, ожидающіе исключительно смерти за свои дѣянія, не приносятъ жертвъ?!--загремѣлъ онъ неожиданно.—Вы жалѣете десятокъ-другой лицъ, умирающихъ *насильственной* смертью, вы притворно скорбите о пролитой крови и въ то же время соглашаетесь на порабощеніе, насиліе, позоръ, нужду, темноту, страданія милліоновъ... на жизнь безъ малѣйшаго луча надежды на улучшеніе, безъ слова поддержки... И такъ всю жизнь... отъ колыбели до могилы...

Это молніеносное нападеніе на отсутствующаго врага показалось Самуилу немного смѣшнымъ. Вѣдь никто не сказалъ ничего подобнаго тому, съ чѣмъ сражался и спорилъ Аркановъ!

Послѣдній, оказался, впрочемъ, опытнымъ борцомъ, обладалъ звучнымъ голосомъ и огненнымъ, захватывающимъ краснорѣчіемъ. Приводилъ интересные примѣры, употреблялъ оригинальные обороты. Подъ конецъ онъ всѣхъ заставилъ себя слушать. Не слушали его только Александровъ да Красусскій: первый старательно ковырялъ въ своей трубочкѣ, прочищая ея коротенькій чубукъ; второй уставился неподвижно въ догоравшій огонь и, видимо, былъ мысленно далеко отъ спора и споривших.

Неожиданно двери тихонько стукнули.

Глаза всѣхъ направились въ ту сторону; Аркановъ умолкъ. На порогѣ стоялъ смущенный Мусья и порывисто мялъ шапку въ рукахъ.

— Могу ли... я?

— Это кто?—спросила тихо Арканова.

— Это!.. Это... Мусья! Чрезвычайно почтенный и заслуженный... бонапартистъ!—разсмѣялся Самуилъ.

— Несчастный человѣкъ, котораго случай сдѣлалъ государственнымъ ссыльнымъ. Онъ—нашъ товарищъ! — рѣзко, почти грубо проговорилъ Красусскій, высовывая изъ темноты покраснѣвшее лицо.

Пріѣзжая впервые взглянула внимательнѣе на стройную фигуру юноши, который весь вечеръ держался молча въ тѣни и въ сторонкѣ.

— Такъ что же! Идите, милости просимъ!.. Очень рады!..

— Иди, иди, Мусья!.. Для такого „торжества!“—передразнилъ Яна Самуилъ.

Мусья неловко поклонился и подсѣлъ къ столу. Александровъ налилъ ему чаю и придвинулъ хлѣбъ.

Перерванный споръ уже не возобновился.

Вмѣсто того, было предложено и предпринято хоровое пѣніе. Началось оно, конечно, „Зозулей“, затѣмъ пропѣты были всѣ извѣстныя присутствующимъ хоровыя и соловыя пѣсни. Жена Арканова обладала красивымъ груднымъ контръальтомъ. Самъ Аркановъ зналъ нѣсколько новыхъ революціонныхъ гимновъ, которые эффектно пропѣлъ вдвоемъ съ женою. Даже Янъ поддался уговорамъ и не особенно звучно, но съ большимъ воодушевленіемъ пропѣлъ по-польски:

Кто мнѣ скажетъ, что москали
Стали братьями лохитовъ,
Тому въ лобъ пущу я пулю
Предъ костеломъ Кармелитовъ!
Вотъ свободы зовъ, зовъ, зовъ, зовъ!
Мы прольемъ за него кровь, кровь, кровь!
. . . .

Когда музыкальные запасы были исчерпаны, кто-то предложилъ Самуилу прочесть свое послѣднее стихотвореніе. Долго противился онъ и, только когда Арканова обратилась къ нему изъ-за самовара съ просительной улыбкой, наконецъ, согласился, всталъ и, спрятавшись въ тѣни, началъ тихо:

Ночи полярныя, безсонныя ночи изгнанія...

. . . .

Въ стихотвореніи, въ сильныхъ и прочувствованныхъ выраженіяхъ, довольно звучно говорилось о томъ мучительномъ процессѣ разложенія, какой обязательно начинается въ душахъ чуткихъ и дѣятельныхъ, обреченныхъ на бездѣйствіе и уничиженіе ссылки.

— Весьма недурно!—похвалилъ Аркановъ. — Вы, вижу я, настоящій поэтъ. Только въ началѣ слѣдовало бы выправить размѣръ...

— Ахъ, какъ все это печально! Неужели все это дѣйствительно такъ?!—спрашивала Арканова, вглядываясь пристально въ лица присутствующихъ.

Они молчали; наконецъ, Черевинъ заговорилъ о „благодѣтельномъ вліяніи труда“. Опять загорѣлся споръ. Петровъ возразилъ, Гликсбергъ поддержалъ друга, и разговоръ грузно вкатился на обычные рельсы никогда не прекращавшихся въ Джурджуѣ преній о свободѣ воли, о вліяніи личности на теченіе исторіи, о субъективномъ и объективномъ методѣ и проч. Александровъ принялся вторично ставить самоваръ, Красусскій подбросилъ дровъ въ камелекъ, Негорскій отправился въ кладовую за масломъ, мясомъ и морожеными ягодами.

И опять стало въ юртѣ свѣтло и шумно, опять забурлилъ на столѣ самоваръ, и Арканова, красиво сгибая стройную талію, хозяйничала среди чайной посуды.

Но въ голосахъ уже не дрожали бурныя ноты, всѣ сильно устали, разсуждали вяло, отвѣчали коротко и неосновательно; наконецъ, разговоромъ завладѣлъ Черевинъ:

— Попробуемъ, господа, основательно разобраться въ занимающихъ насъ вопросахъ. Такимъ только образомъ мы, разъ на всегда, рѣшимъ наши споры. Другого средства я не вижу. Итакъ, начнемъ съ самаго начала, начнемъ, съ перво-причинъ, — разсуждалъ онъ голосомъ ученаго докладчика. — Съ того момента, когда плазма, плавая въ соотвѣтственной средѣ, обнаружила слегка цѣлесообразныя движенія, можно сказать, что народилось на землѣ сознаніе, взошло сѣмя разума. Въ началѣ это была простая способность различать впечатлѣнія, очень элементарная и

очень смутная. Эта способность была разлита по всему тѣлу плазмы. Замѣтьте, господа, по всему тѣлу! Подъ давленіемъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ обстоятельствъ, отъ соотвѣтственной или несоотвѣтственной на нихъ реагировки, преуспѣвали въ жизни и размножались особые, болѣе приспособленные и одаренные, гибли неудачники. Такова начальная дифференціація ощущеній и закрѣпленіе ихъ практикой и естественнымъ подборомъ...

Аркановъ съ трудомъ сдерживалъ зѣвоту; Арканова пыталась потихоньку разговориться съ Негорскимъ. Янъ взялъ шапку и попрощался съ присутствующими. Одинъ Мусья прилежно слушалъ и поддакивалъ.

Слушалъ также, казалось, и Воронинъ, но, въ дѣйствительности, онъ мирно спалъ, подперши голову рукою.

— Пріѣзжіе, по всей вѣроятности, устали. Вы, докторъ, завтра намъ окончите вашу любопытную лекцію. Поздно уже! Вѣдь завтра вы опять соберетесь у насъ? — любезно спросилъ Негорскій.

Всѣ поднялись съ мѣстъ. Аркановъ уже открыто зѣвнулъ.

— Хорошая у васъ шуба! обратился онъ къ Черевину, съ удовольствіемъ осматривая пышную „пыжиковую“ доху доктора.

— И не дорогая—двадцать пять рублей всего! — весело отвѣтилъ тотъ.

— Дѣйствительно, дешево. Нужно будетъ подумать о подобномъ облаченіи, морозы здѣшніе не шутятъ. Полюсъ холода. И выдумало же русское правительство такую трущобу, буквально... свѣту не взвидишь! Гдѣ же это мы сегодня пристроимся, Евгенія Ивановна?

Александровъ повелъ ихъ въ свою каморку, откуда онъ уже убралъ постель и вещи. Аркановы, при помощи Красусскаго, перенесли туда все, что имъ было нужно въ тотъ разъ. Пока Евгенія усталыми руками развѣшивала въ дверяхъ плэдъ, вмѣсто занавѣски, Аркановъ осматривалъ критическимъ взглядомъ чуланчикъ, узкую кровать, узенькій проходъ межъ ней и стѣнкой, затѣмъ взглянулъ съ отвращеніемъ на низкій потолокъ, на закоптѣлыя стѣны, на захватанную карту, повелъ плечами и выбросилъ свою постель обратно въ общую комнату. Жену онъ поцѣловалъ холодно въ лобъ и легъ на землю рядомъ съ Александровымъ.

Въ комнатѣ нѣкоторое время сіялъ слабый свѣтъ подъ покрытымъ золою жаромъ, и, нѣтъ-нѣтъ, сползали съ него темные покровы пепла, открывая рубиновые глаза горящихъ углей. Затихли въ юртѣ голоса и движеніе.

Одинъ Красусскій не могъ заснуть. Тщетно онъ смыкалъ

вѣки, гналъ прочь назойливыя мысли; онѣ все возвращались, безпорядочныя, перемѣшанныя со странными, причудливыми картинами. Горячая, молодая кровь переливалась въ немъ, точно ртуть; сердце усиленно билось. Онъ чувствовалъ, что если-бъ прочелъ одну страницу какой-либо книги, то успокоился бы и уснулъ, но онъ не рѣшался зажечь свѣчку, чтобы не разбудить гостей. Гнетущая безсонница мучила его; онъ вслушивался въ богатырское храпѣніе Александрова, улавливалъ въ сосѣдней комнатѣ ровное, мягкое дыханіе молодой женщины и все переворачивался съ боку на бокъ, точно рыба, пораженная острогой. Поэтому онъ чрезвычайно обрадовался, когда услышалъ въ кухнѣ довольно громкій вздохъ Негорскаго. Онъ всталъ и на пальцахъ отправился къ товарищу.

— Ты, вижу, тоже не спишь? Знаешь что: мы непремѣнно, непремѣнно бѣжимъ! — прошепталъ онъ, садясь на краю кровати.

— Именно и я думалъ объ этомъ. Спрячь ноги подъ одѣяло, а то простудишься!

Красусскій послушался друга и такъ, полулежа рядомъ, они проболтали вплоть до разсвѣта.

IV.

Нѣсколько дней спустя Арканова уходила изъ юрты Александрова въ большомъ волненіи.

— Бѣгутъ, бѣгутъ!..—повторяла она, идя по озеру. Она торопилась, такъ какъ мужъ ждалъ ее и, вѣрно, безпокоился ея продолжительнымъ отсутствіемъ. Ночь была довольно свѣтлая; къ несчастію, Арканова, по разсѣянности, не замѣтила хорошо надлежащей тропинки и вдругъ очутилась среди неизвѣстныхъ ей построекъ подозрительной наружности. Внутри ихъ мерцалъ свѣтъ, и дымъ струился изъ низкихъ трубъ; звучали голоса и смѣхъ; Арканова побоялась, однако, войти и спросить дорогу: она опасалась попасть въ игорный домъ или тайный кабакъ, всегда полный казаковъ и поселенцевъ. Она осматривалась кругомъ, силясь угадать, гдѣ находится, какъ вдругъ замѣтила тутъ-же близко, только съ другой стороны, юрту Александрова. Она направилась къ ней прямо черезъ сугробы снѣга и очень удивилась, замѣтивши на красномъ фонѣ одного изъ оконъ темное пятно, которое быстро исчезло при ея приближеніи. Осторожные, крадущіеся шаги убѣжали въ противоположную сторону.

— Подслушиваютъ, шпіонятъ за ними... Можетъ быть, все уже знаютъ!—подумала она.

Запыхавшись, она влетѣла въ юрту.

— За вами слѣдятъ! Кто-то стоялъ только что подъ окномъ. Я его спугнула. Сквозь ледяныя окна прекрасно слышны разговоры...

— И вы вернулись затѣмъ, чтобы насъ предупредить! Спасибо вамъ, но это лишнее. Мы знаемъ, что насъ подслушиваютъ. Мы уже не разъ ловили любопытныхъ. Мы говоримъ громко только то, что хотимъ, чтобы узнали власти. Это для насъ даже удобно. О важныхъ дѣлахъ мы говоримъ только по польски или по нѣмецки...

— А со мной?

— О, тогда никто не подслушивалъ!—увѣрилъ ее Красусскій.

— Впрочемъ, они въ состояніи затруднить побѣгъ, но помѣшать ему не въ силахъ. Во всякомъ случаѣ — спасибо вамъ. Мы поостережемся. Нужно будетъ сухари и сушенное мясо перетащить къ Яну!—добавилъ Александровъ.

Ихъ спокойствіе и увѣренность пріятно подѣйствовали на Арканову. Она разстегнула немного свою шубку.

— Какъ жарко! Прошу васъ, проводите меня кто-нибудь, а то я... заблудилась, въ снѣгъ попала!—проговорила Арканова, смѣясь.

— Вы заблудились? Дѣйствительно, вы запыхались... Знаете: сбросьте шубу и отдохните!

— Нѣтъ, нельзя! Артемій до смерти, вѣрно, встревоженъ. Голова его всегда полна ужасныхъ предположеній и страховъ. Между тѣмъ, самъ еще хуже моего разбирается въ темнотѣ. Недавно онъ у насъ во дворѣ заблудился.

Она опять засмѣялась.

— Такъ кто-же изъ васъ будетъ столь любезенъ?

Красусскій взялъ шапку и надѣлъ тулупъ.

— Легко заблудиться, темно... А главное, туманъ отъ дыханія не даетъ хорошо видѣть!—говорилъ мягко юноша, идя рядомъ съ Аркановой. Въ его движеніяхъ было столько силы и увѣренности, что было ясно—онъ только изъ вѣжливости смягчаетъ смѣшное приключеніе ея мужа.

— Правда, тропинку чуть замѣтно подъ ногами. Мнѣ кажется, что когда я впервые ушла отъ васъ, на небѣ были звѣзды, а теперь исчезли!..

Красусскій внимательно взглянулъ на небо и окрестности. Совершилась одна изъ тѣхъ странныхъ, мѣстныхъ, мгновенныхъ перемѣнъ, когда одно теплое дуновеніе южнаго вѣтерка превращаетъ вдругъ прозрачную, морозную зимнюю ночь въ ночь весеннюю, теплую и мутную.

Юноша повернулъ лицо въ сторону вѣтра и жадно ловилъ отдаленные признаки весенняго перелома.

Весна!.. весна!.. Исчезнутъ снѣга, зазеленѣютъ лѣса, а затѣмъ... двинутся и они на поиски свободы и жизни!

Онъ задумался и не замѣтилъ, что его спутница разъ и другой споткнулась; наконецъ, она сама попросила его помочь ей. Онъ торопливо протянулъ ей руку и умѣрилъ шаги, приноравливая ихъ къ ея движеніямъ. Шли молча нѣкоторое время, а мелкія снѣжинки падали имъ наискось на лица и влажныя губы.

— Когда-же... тронетесь? — спросила Арканова, чуть наклоняясь къ спутнику.

— Какъ пройдетъ ледъ на рѣкѣ и сбудетъ разливъ. Иначе можетъ рѣчка на пути остановить.

— И вы вѣрите... въ успѣхъ?

Красусскій помедлилъ отвѣтомъ.

— Какъ вамъ сказать?.. Скорѣе -- нѣтъ! Не думаю. Если бъ у насъ были лошади, если бь у насъ была хоть одна лошадь?..

— Такъ почему же вы не покупаете? Развѣ здѣсь трудно добыть лошадь?

— Очень даже... особенно когда денегъ нѣтъ! — разсмѣялся онъ.

— Та-акъ?! Какъ это нехорошо, что вы не сказали! Вѣдь этому легко помочь... я попрошу мужа!.. — заговорила она лихорадочно.

— Повѣрьте мнѣ, что я совсѣмъ объ этомъ не думалъ! — быстро вставилъ онъ.

Ему стало крайне неловко. Онъ не зналъ почему, но чувствовалъ, что онъ не можетъ держаться съ ней такъ просто и откровенно, какъ со всякимъ товарищемъ, что онъ охотнѣе пошелъ бы въ тайгу на вѣрную смерть, чѣмъ возбудить въ ней подозрѣніе, что онъ разжалобилъ ее лишь затѣмъ, чтобы выманить деньги.

А она, между тѣмъ, говорила съ горечью:

— И все такъ! Всѣ вы такіе!.. Товарищи, товарищи, а какъ дѣло пойдетъ въ серьезъ, начинаете капризничать. Сознаюсь: виновата и я. Должна была сама догадаться и предложить вамъ, гордецамъ! Вѣдь у васъ, дѣйствительно, такая сквозитъ во всемъ нужда. Меня все это ошеломляетъ. Я думала, что вы скупитесь, сберегая деньги на побѣгъ, что оттого у васъ ничего не хватаетъ. Вы просили только о кройкѣ и шитьѣ нѣсколькихъ предметовъ для путешествія. Я полагала, что у васъ все есть! А, можетъ быть, что и сухарей, и оружія у васъ недостаточно? Богъ мой!.. Отправиться такъ въ глухую пустыню безо всего, на вѣрную гибель!.. Вижу, что ссылка дѣйствительно ужасная

вещь, если такъ безжалостно гонитъ людей на всякіе ужасы... Мы останемся здѣсь и узнаемъ все это!..

Она невольно вздохнула.

— Вы должны, вы обязаны взять у насъ деньги!

Они остановились у воротъ квартиры Аркановыхъ.

— Развѣ вы не войдете? Войдите, прошу васъ! Мужъ очень вамъ будетъ радъ!—просила она, придерживая его за руку.

Красусскій безусловно отказался; онъ былъ золь на себя, на весь міръ, а главное—на Арканова, который, навѣрно, дастъ деньги...

— Что случилось? Ждалъ тебя, ждалъ, самоваръ остылъ, чай перестоялся, а я умираю съ голоду. Посмотри, вѣдь не дурно!—спрашивалъ жену Аркановъ, помогая ей снимать шубу и указывая внутрь комнаты, гдѣ на застланномъ бѣлой скатертью столикѣ, при свѣтѣ двухъ стеариновыхъ свѣчей, блестѣлъ никелевый самоваръ и хорошенькіе чайные приборы.

— Что?!.. Чѣмъ не Европа? Право, у насъ лучше, чѣмъ даже у Самуила!.. Улыбнись, Женя!.. Похвали меня! Чего ты такъ запыхалась? Разскажи, наконецъ, что случилось!

— Я заблудилась, бродила по сугробамъ, попала въ какіе-то мало извѣстные углы и, благодаря случаю только, разыскала вновь юрту Александрова. Тамъ я попросила провожатаго.

— Кто-же проводилъ тебя?

— Красусскій.

— Аа... помню. Такой фатоватый полячекъ. Почему онъ не зашелъ?

— Не пожелалъ. Не говори дурно о нихъ: они хорошіе, дѣльные люди. Ты и не догадываешься, что они замышляютъ... Ахъ, Артя, у меня такая для тебя новость! Но ты раньше долженъ обѣщать мнѣ, что не посмотришь на удобства своей Жени и дашь имъ возможно больше. Женѣ ничего не сдѣлается, если она немного хуже поѣстъ, или если посидитъ не при стеариновыхъ свѣчахъ, а при сальныхъ. Вѣдь она пріѣхала сюда не ради удобствъ...

Она нѣжно прижала свою голову къ его плечу.

— Да что такое? Скажи, наконецъ! Въ чемъ дѣло?!—спросилъ безпокойно Аркановъ.

— Они бѣгутъ.

— Кто бѣжитъ?.. Когда бѣгутъ?!

Онъ спрашивалъ, но самъ уже догадался, и въ умѣ его молніеносно пронеслось: „хорошо, что мы своевременно ушли отъ нихъ!“ Но этого онъ, конечно, не сказалъ.

Арканова, между тѣмъ, повторила ему разговоръ, проис-

шедшій между нею и товарищами въ юртѣ Александрова, сказала, о чемъ они просили ее, и добавила то, что узнала отъ Красусскаго.

Лицо Арканова дѣлалось все мрачнѣе и мрачнѣе.

— Безумцы! Я не намѣренъ своими деньгами помогать самоубійцамъ. Не дамъ. Ихъ гибель ляжетъ на моей совѣсти...

— Они и такъ пойдутъ. Пойдутъ безо всего... Ты не знаешь ихъ. Они твои единомышленники, они террористы по крови, по темпераменту, по всему своему складу, родныя тебѣ души. Они точь въ точь, какъ ты, разсуждаютъ... Скажи, развѣ ты не присоединился бы къ нимъ, если бъ былъ одинъ, если бъ у тебя не было... меня?

— Нѣтъ, они не единомышленники мнѣ. Сравненіе ихъ съ моими сотоварищами звучитъ для меня кощунствомъ. Тѣ, къ которымъ я причисляю себя, поступаютъ прежде всего разумно, все соображаютъ, разсчитываютъ. У нихъ есть царь въ головѣ. Они жертвуютъ жизнью за достойныя цѣли. А здѣсь что?.. Развѣ не безуміе, не крайне вредный для всѣхъ пуфъ—этотъ проектъ пройти пѣшкомъ лѣса, о которыхъ ты вѣдь имѣешь понятіе, такъ какъ мы недавно проѣзжали сквозь нихъ.

— Тѣмъ не менѣе, они пойдутъ, пойдутъ!

— Пусть идутъ, дня черезъ три вернутся.

— А если... не вернутся? Господи, я уже теперь вижу ихъ блѣдныхъ, исхудалыхъ, оборванныхъ, умирающихъ съ голоду въ тайгѣ. Если ты имъ откажешь въ помощи, я чувствую, что это видѣніе никогда меня не оставитъ. Если бъ они имѣли хоть... одну... лошадь...

Она закрыла руками лицо.

Аркановъ молчалъ. Этотъ ея жестъ, полный горя и отчаянія, ея прелестный лобъ, покрывшійся морщинами страданія, ея дрожащія губы, сладость которыхъ онъ зналъ такъ хорошо, сильно подѣйствовали на него.

— У насъ есть... всего двѣсти!—глухо сказалъ онъ.

— Только двѣсти?!—переспросила она удивленно.

— Ну, да. Мы много издержали въ пути. Дамъ имъ половину. Не могу вѣдь лишить тебя всякихъ удобствъ. На эти деньги они купятъ лошадь, и даже останется на оружіе.

— Одну лошадь! А если бъ ты имъ отдалъ все? Вѣдь у насъ будетъ казенное пособіе. Другіе живутъ исключительно на него. Намъ пришлютъ, я съ первой почтой напишу матушкѣ.

— Не можемъ остаться совершенно безъ денегъ. У насъ могутъ явиться... дѣти.

Молодая женщина встала. По тону его голоса она догадалась, что дальнѣйшій споръ будетъ тщетенъ.—Онъ при-

влекъ ее къ себѣ, посадилъ на колѣни и принялся доказывать тихимъ голосомъ. Въ сущности, онъ поступаетъ такъ изъ любви къ ней, вопреки своимъ правиламъ. Онъ не долженъ бы помогать этимъ вреднымъ попыткамъ. Революціонеры въ ссылкѣ обязаны прежде всего стремиться къ сохраненію своихъ силъ, своей энергіи и способностей, должны стремиться къ обогащенію ума знаніемъ, къ изученію языковъ и практическихъ наукъ, должны привыкать владѣть оружіемъ, умѣть пробираться и странствовать по лѣсамъ, чтобы со временемъ, когда родина этого потребуетъ, они могли стать во главѣ возставшихъ отрядовъ, какъ опытные предводители. Чтобы, въ случаѣ нужды другого рода, являлись вездѣ умѣлыми, безстрашными, образованными заговорщиками. Такія же предпріятія, которыя затѣваютъ Негорскій съ Александровымъ, ведутъ лишь къ безполезной тратѣ силъ и средствъ. Для чего? Кому это нужно и зачѣмъ? Погибнутъ, волки ихъ съѣдятъ, и ничего больше!

Хотя сердце Евгеніи содрогалось отъ этихъ приговоровъ, но разсужденій мужа она опровергнуть не умѣла, и между супругами произошло примиреніе.

На слѣдующій день Аркановъ пошелъ къ Александрову, положилъ деньги на столъ и сказалъ съ подкупающей простотой:

— Жена передала мнѣ, что вы бѣжите. Я не соглашаюсь съ вами по всѣмъ пунктамъ, но приношу вамъ мою посильную дань.

Онъ уклонился отъ благодарности и не выразилъ ни малѣйшимъ намекомъ желанія узнать подробности предпріятія.

— А мы думали, что онъ—эгоистъ и фразеръ! Какъ легко ошибиться въ людяхъ!.. — замѣтилъ послѣ его ухода Негорскій.

Красусскій мрачно отвернулся въ сторону; Александровъ кивнулъ головою и взялъ деньги со стола.

V.

— Итакъ, они купили лошадь!—вздохнулъ исправникъ, положилъ перо и взглянулъ въ окно, откуда мощная струя весенняго солнца врывалась въ канцелярію. Подъ его прикосновеніемъ повеселѣлъ даже скучный присутственный столъ, застланный краснымъ сукномъ, даже докучливо-однообразныя кипы бумагъ, даже обрюзгшіе томы законовъ и счетныхъ книгъ какъ-будто дрогнули и попробовали улыбнуться. Металлическія зерцала съ государственными гер-

бами загорѣлись радужнымъ блескомъ, пуговицы чиновничьихъ мундировъ засверкали точно звѣзды. Только лица склонившихся надъ бумагами людей казались въ этомъ яркомъ освѣщеніи еще болѣе безцвѣтными, землистыми, губы безкровными и морщинистыми, а глаза тусклыми. Со двора доносились мѣрные удары каплющей съ крыши воды; сквозь сползающіе со стеколъ зимніе морозные узоры виднѣлись свѣшивающіяся съ навѣсовъ кровли ледяныя сосульки; сѣрыя птички съ малиновыми хохолками на лбахъ перелетали, чирикая, съ карниза на карнизъ.

— Итакъ, они купили лошадь!.. Вы понимаете, Владиміръ Сергѣичъ, чѣмъ это пахнетъ?! Купили лошадь... Это только начало... Но вы ничего не понимаете, вы, вижу я, ковыряете пальцемъ въ носу!

— Нѣтъ, я просматриваю инструкціи.

— Ну, и что-жъ?

— Въ нихъ ничего не сказано о лошади. Перечислено только, что запрещается врачебная практика, учительство, занятія въ фотографическихъ заведеніяхъ, въ присутственныхъ мѣстахъ, въ полиціи.. Нельзя заниматься имъ также въ судебныхъ учрежденіяхъ, быть присяжными повѣренными, аптекарями, фельдшерами, работать въ типографіяхъ, литографіяхъ и проч... Нельзя состоять членами обществъ... держать оружіе, взрывчатыя вещества, яды и т. п... Ничего нѣтъ подходящаго!.. Развѣ, вотъ здѣсь...—добавилъ онъ, останавливаясь на одномъ изъ многочисленныхъ параграфовъ инструкціи: „На полицію возлагается обязанность слѣдить, чтобы политическіе ссыльные не обладали предметами, могущими способствовать имъ въ побѣгѣ или совершеніи преступныхъ замысловъ“...

Помощникъ остановился и взглянулъ вопросительно на „начальство“.

— Какъ-будто!.. Но... вѣдь и сапоги—тоже предметы, способствующіе въ побѣгѣ... Гдѣ предѣлъ? О лошади тамъ, значитъ, ничего не сказано... Если станемъ насильно отнимать, можетъ возникнуть большой скандалъ, за который тоже насъ не похвалятъ, тѣмъ болѣе, если тамъ не сказано прямо: „воспрещаются лошади“... Кажется, что нужно оставить. Много ли одна лошадь на десятерыхъ? Если на ней уѣдетъ одинъ человѣкъ, то мы его легко поймаемъ; а если всѣ, то далеко не уѣдутъ. Пусть балуются! Казака послать на главный трактъ, чтобы караулилъ переѣздъ; окрестнымъ якутамъ приказать ловить немедленно отлучившихся и провожать въ городъ. А двоихъ казаковъ съ завтрашняго дня назначить въ городѣ, чтобы день и ночь не теряли политическихъ изъ виду.

— На казаковъ особенно полагаться нельзя, ваше высокоблагородіе! Сами не разъ убѣдились, что они даже караулы при магазинахъ плохо справляютъ: вмѣсто себя, ставятъ соломенное чучело, одѣтое въ тулупъ съ ружьемъ и папахой!.. Будутъ играть у Таза, а въ отчетахъ плести всякую чепуху!—вмѣшался Денисовъ.

— Можно ли на нихъ положиться, въ этомъ мы скоро убѣдимся, Ксенофонтъ Поликарповичъ!—отвѣтилъ значительно исправникъ.

— Лошадь оставимъ, значитъ, въ покоѣ. А вы какъ полагаете, Ѳедотъ Ѳеофановичъ?!

— Что-жъ я?!.. Я тоже такъ думаю. Тѣмъ болѣе, что они не дѣлаютъ никакихъ шаговъ. Только вотъ Красусскій возитъ Арканову...

— Пускай возитъ. Лучше пусть ее возитъ, чѣмъ нашихъ женщинъ. Черезчуръ красивъ, каналья, черезчуръ красивъ!.. Только выйдетъ на улицу, всѣ джурджуйскія дѣвушки, женщины, даже старыя бабы тутъ какъ тутъ у оконъ или у дверей. Въ одинъ мѣсяцъ всѣхъ бы перепортилъ!.. Ничего бы намъ не оставилъ, Ксенофонтъ Поликарповичъ!.. Вѣрно говорю! Лучше пусть возитъ эту пріѣзжую барыню. Все равно она намъ не достанется... А убѣгутъ... Не убѣгутъ!.. Шутки!.. Сумасшествіе!.. Съ тѣхъ поръ, какъ Джурджуй зовется Джурджуемъ, еще отсюда никто не убѣжалъ. А вѣдь перебывало ихъ здѣсь не мало.

Несмотря на эти доказательства, червь сомнѣнія точилъ исправника. Когда случалось ему сквозь окно увидать Александрова или Негорскаго, ведущихъ лошадь на водопой, лицо его омрачалось, и онъ опять принимался соображать и думать: послать ли ему губернскимъ властямъ рапортъ о томъ, что политическіе купили лошадь, или нѣтъ. Не дѣлая доноса, онъ всю отвѣтственность бралъ на себя, а сдѣлавши, его рисковалъ или быть поднятымъ на смѣхъ, или повліять на уменьшеніе и безъ того недостаточнаго казеннаго пособія ссыльнымъ. Онъ прекрасно къ тому же понималъ, какъ вообще опасно прижимать непріятеля къ стѣнкѣ, непріятеля, съ которымъ, какъ никакъ, приходилось жить тутъ-же бокъ о бокъ. Если бъ онъ зналъ, зачѣмъ они купили лошадь? Ну, тогда другое дѣло!.. Нужно спросить!

Разъ, когда Самуилъ зашелъ за пособіемъ въ полицейское управленіе, начальникъ округа заговорилъ съ нимъ съ невинной улыбкой.

— Зачѣмъ это понадобилась лошадь этимъ господамъ насупротивъ? Развѣ денегъ стало некуда дѣвать?

— Хотятъ пріучить ее къ плугу и весною подымутъ пары. Намѣрены попытать хлѣбъ сѣять.

— Дѣйствительно — идея! — обрадовался исправникъ. — Я готовъ оказать всякое содѣйствіе. Напишу объ этомъ губернатору, сдѣлаю представленіе. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ отецъ Варлаама Варлаамовича тоже пробовалъ сѣять ячмень и чуть не получилъ за это знака отличія. Хлѣбъ хорошо выросъ, колосья даже налились, но не дозрѣли. Мѣстные жители, желая горю помочь, зажгли по угламъ поля костры, да такъ и сожгли на корню хлѣбъ... До сихъ поръ замѣтно за Сорданахомъ квадратное поле съ бороздками, гдѣ сѣялъ этотъ купецъ.

— Плохо выбралъ. Не въ долинахъ сѣять нужно, а на откосахъ. На низахъ влажно, хлѣба нѣжатся и не дозрѣваютъ. Товарищи мои разыскали укромное мѣсто на косогорѣ за рѣкой...—съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣтилъ Самуилъ.

Вскорѣ лошадь исчезла съ глазъ полиціи; ее перевели къ юртѣ Красусскаго на край города. Обыватели исподволь привыкли къ ея существованію, а начальство забыло о ней.

Хозяева любили и холили животное, словно игрушечку. Не меньше ихъ любила его и Арканова, что служило достаточнымъ поводомъ, чтобы оно возбуждало отвращеніе въ ея мужѣ.

— Что красиваго видишь ты въ этой неуклюжей скотинѣ, толстоногой, махнатой, какъ медвѣдь?

— Напрасно. Она ловкая. У нея красивая головка, и она отлично бѣгаетъ. Знатоки уже давали товарищамъ за нее двойную цѣну. Утверждаютъ, что она украдена гдѣ-нибудь на югѣ, такъ какъ нѣтъ въ окрестностяхъ такихъ красивыхъ лошадей; къ тому же, продавецъ якутъ исчезъ неизвѣстно куда. Полиція тщетно разыскиваетъ его...

— Хорошее дѣло!.. Еще впутаешься въ уголовщину. И откуда ты все это знаешь?

— Знаю. Ты все сидишь дома, читаешь или разсуждаешь съ Черевинымъ о началѣ началъ. Даже на прогулку вытащить тебя невозможно. Знаешь, пойдемъ посмотримъ Сивку. Увидишь, какой онъ умный и ручной. Хлѣбъ у меня изъ рукъ беретъ, точно собака ходитъ за мной. А вѣдь въ первый разъ, когда я приблизилась къ нему, онъ бросался, подымался на дыбы и кричалъ отъ страха и злости, точно поросенокъ... Страшно быстро приручился, не правда-ли?

Повинуясь какому-то неясному инстинкту, Арканова никогда не упоминала фамиліи Красусскаго и не поясняла, что это именно онъ смирилъ лошадь, пріучилъ кушать съ руки сахаръ и хлѣбъ и склонять красивую шею для ласкъ. Животное такъ къ ней привыкло, что, еще завидя издали, начинало ржать и бить нетерпѣливо копытомъ въ землю...

Красусскій, заслыша эти сигналы, бросалъ самую спѣшную работу, выходилъ изъ своей кузницы и смотрѣлъ жадко въ ту сторону, въ которую лошадь протягивала свою голову.

Ежедневно ровно въ полдень ходила Арканова гулять по направленію къ кузницѣ. И по мѣрѣ того, какъ она приближалась, идя по бѣлоснѣжному залитому солнечнымъ блескомъ озеру, и день, и окрестности свѣтлѣли, хорошѣли въ глазахъ Красусскаго. Необычная, непонятная радость охватывала его и исчезала на мгновеніе даже тоска, вѣчно глодавшая его сердце съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ родину.

— Неужели это тоска по женщинѣ?—спрашивалъ онъ себя сурово.

Совѣсть успокаивала его: онъ сознавалъ, что родины онъ не промѣнялъ бы ни на чьи самыя сладкія ласки, но совѣсть дѣлала ему въ то же время упреки, что онъ питаетъ не дозволенныя чувства къ женѣ товарища... Послѣ нѣкоторой борьбы рѣшилъ онъ не выходить больше на встрѣчу искусительницѣ, вообще избѣгать ее. И вотъ, въ первый же разъ, какъ услыхалъ ржаніе Сивки, голосъ и шаги Евгеніи, ласкавшей и кормившей по обыкновенію лошадь, онъ не вышелъ наружу и продолжалъ жестоко ковать желѣзо, усиливая удары молота сообразно съ усиленнымъ біеніемъ своего юнаго сердца. Арканова, услышавши такой неимовѣрный громъ и звонъ, предположила, что необычный наплывъ работы удержалъ любезнаго кузнеца у наковальни, и, чуть-чуть задѣтая и раздраженная, удалилась, не заглянувъ даже въ кузницу.

— Что это у тебя сегодня такой видъ, какъ-будто ты семь деревень спалилъ, а восьмую собираешься?.. — спросилъ Красусскаго за обѣдомъ Негорскій.

— А чего же мнѣ радоваться?.. Побѣгъ не состоится. Полиція догадывается. Насъ выслѣживаютъ. Два казака постоянно вертятся около кузницы. Вотъ я имъ поломаю кости, пусть только попадутся!..

— Прошу тебя, не дѣлай никакихъ скандаловъ. Въ чемъ тебѣ мѣшаютъ казаки?

— Ни въ чемъ! Но не люблю, когда шляются. Впрочемъ, что они мнѣ сдѣлаютъ? Самое большее—арестуютъ. Это не помѣшаетъ вашему побѣгу. Пойдете безъ меня.

Юноша отвернулъ лицо, чтобы скрыть блеснувшія у него на глазахъ слезы. Александровъ и Негорскій изумленно глядѣли на него. Послѣ обѣда Негорскій вышелъ вслѣдъ за нимъ въ сѣни и попробовалъ придержать за плечо, но Красусскій грубо вырвался у него изъ рукъ.

— Красусскій... Сигизмундъ... А сестра?.. А Польша?.. Смотри, парень, берегись... Не поддавайся!

— Кому? Чему?.. Зачѣмъ?..—отвѣтилъ высокомѣрно Красусскій и повелъ плечами. Дѣланная улыбка перекосила его губы.

— Вотъ какъ!.. Дѣло, вижу, хуже, чѣмъ я думалъ!..— шепнулъ Негорскій. Онъ не смѣлъ удерживать больше товарища, который рѣзко повернулся и ушелъ.

Негорскій долго глядѣлъ ему вслѣдъ.

— Ахъ, эти бабы!—проговорилъ онъ громко, съ неудовольствіемъ, садясь вновь за столъ и принимаясь за недоконченный стаканъ чаю. Александровъ помалкивалъ и старательно вытряхивалъ золу изъ трубочки.

— Берегись!.. Кого мнѣ беречься?—размышлялъ Красусскій. — Призываетъ на помощь мою сестру!.. Какъбудто я могу... какъ-будто мыслимо... Вѣдь она жена товарища... Къ тому же, русская! Впрочемъ, я... она мнѣ ни чуть не нравится! Она некрасива. Носъ у нея неправильный, неловкія движенія, черезчуръ буйные волосы, черезчуръ румяныя губы... Она старше меня... А главное — страшно горда и самоувѣренна. Ей даже въ голову не пришло, что у меня нѣтъ времени, или что я не замѣтилъ ее. Она обидѣлась за то, что я не вышелъ къ ней!.. Не заглянула ко мнѣ даже въ кузницу!.. Хорошо, очень хорошо! Посмотримъ!..

Когда вечеромъ онъ замѣтилъ вдали Евгенію, идущую подъ руку съ мужемъ къ дому Черевина, рѣшимость его окончательно окрѣпла.

Работалъ онъ усиленно, но работа не спорилась; часто, обозленный, онъ бросалъ молотокъ на землю и погружался въ мрачное раздумье. Мусья, которому пришлось заглянуть въ кузницу въ одинъ изъ такихъ моментовъ, выскочилъ оттуда, какъ ошпаренный.

— Совсѣмъ дитю! Не знаю, чего хотятъ отъ меня? А говорятъ, что они суть идеалистъ... и демократъ...—бормоталъ несчастный французъ, убѣгая.

Красусскій тайкомъ вздыхалъ, но долго не могъ уснуть и усиленно размышлялъ, но никакъ не въ состояніи былъ составить ни одной жалкой фразы, на подобіе тѣхъ, которыя читалъ въ романахъ. Это еще больше утвердило его въ мысли, что любовь ему не страшна, что онъ ничуть не влюбленъ. Придя къ такому заключенію, онъ уснулъ, спокойный и равнодушный. Но когда по утру проснулся, и весенній солнечный свѣтъ заглянулъ ему въ глаза, тоска опять охватила его. Онъ неохотно принялся за работу.

Между тѣмъ, джурджуйскіе обыватели зашевелились. Теплое дыханіе быстро приближающейся весны, казалось,

вывело и ихъ изъ зимней спячки. Они вытащили изъ амбаровъ свои древнія, разнообразной формы кремневки, ружья солдатскія и не солдатскія, современныя двустволки и мушкеты прошлаго столѣтія и все это потащили къ Красусскому въ кузницу, требуя въ лестныхъ для его мастерства выраженіяхъ быстрой передѣлки всего этого хлама въ лучшій сортъ дальнобойного оружія.

— Ужъ если вы возьметесь, ужъ если вы обѣщаете, такъ мы останемся довольны и повѣримъ безъ сумлѣнія!.. Какое можетъ быть сумлѣніе?! У васъ, извѣстно, золотыя руки. Мы не совсѣмъ уже дикіе и кой-что понимаемъ. Вы только постарайтесь, а мы честью, того, отблагодаримъ!.. И здѣсь, въ Джурджуѣ, тоже люди живутъ... Вы не сумлѣвайтесь!.. Мы тоже знаемъ обращеніе, вознаградимъ труды ваши по заслугамъ!.. — говорили кліенты Красусскаго политично и витіевато.

Но если онъ чье-либо ружье не принималъ за негодностью, собственникъ обижался и злословилъ по всему городу. Цѣлый день съ утра продолжалась толчея. Красусскій слышалъ не разъ сквозь раскрытыя двери кузницы, какъ его гости, встрѣтившись, обмѣнивались краткими замѣчаніями:

— Что? Взялъ?!

— Нѣтъ. Сказываетъ, никуда не годится. Гордецъ! у сосѣда-то взялъ, а у меня не хочетъ. Насказали, вѣрно, ему про меня, насплетничали!

— Зайду показать свою винтовку. Ружье важнѣющее, только курокъ сломался.

Входилъ новый заказчикъ и, снявши у порога шапку, начиналъ:

— Здравствуйте! Ужъ вы только постарайтесь, порадѣйте, а мы не оставимъ васъ безъ благодарности...

Чѣмъ ближе подходилъ полдень, тѣмъ суровѣе разговаривалъ съ заказчиками Красусскій. Шаги на тропинкѣ повергали его въ лихорадку, онъ часто не зналъ, что отвѣчаетъ, и съ трудомъ удерживался, чтобы не оставить гостя и не выскочить по старому на дворъ. Вскорѣ обнаруживалась, впрочемъ, ошибка, и вновь принесенное ружье удостоивалось такого недружелюбного взгляда, что его собственникъ просто терялся.

— Что такое?

— Ничего!.. Курочекъ... маленько не въ то мѣсто попадаетъ!..

— Поставьте тамъ, въ ряду...

— А скоро-ли?.. Можно узнать?!

— Не знаю. Посмотрите, сколько набралось. Всегда такъ, всѣ сразу... Не могу-же разорваться!..

— А по снисхожденію своему ко мнѣ...

— Почему же къ вамъ? Сдѣлаю, когда придетъ очередь.

Промышленникъ съ ужасомъ взглядывалъ на настоящую оружейную кладовую, образовавшуюся подъ стѣнкой мастерской, и, теребя шапку, все ждалъ болѣе ласкового отвѣта отъ строгаго „мастера"; но такъ какъ Красусскій продолжалъ молча работать, мрачно склонившись къ тискамъ, то несчастный кланялся неловко и уходилъ въ смущеніи.

Починка оружія, какъ искусство исключительно знакомое въ Джурджуѣ Красусскому, доставляло ему большіе барыши, тѣмъ болѣе, что въ Джурджуѣ считалось признакомъ „хорошаго тона" хвастаться работой политическихъ ссыльныхъ. Даже Варлаамъ Варлаамовичъ, который, по словамъ исправника, боялся заряженнаго ружья хуже медвѣдя и ни разу въ жизни не выстрѣлилъ, обязательно въ началѣ весенняго сезона присылалъ Красусскому для осмотра и вывѣрки свою заржавленную двустволку.

Работы набралось за этотъ ведреный день въ мастерской пропасть, но Евгенія не явилась.

На слѣдующій день погода перемѣнилась, стало облачно, подулъ сѣверный вѣтеръ и порошилъ мелкій снѣжокъ. Красусскій дверей кузницы не притворялъ, хотя моментами холодный вѣтеръ залеталъ къ самому станку. Онъ боялся, что Евгенія придетъ, а онъ ея не замѣтитъ. Вчерашнее ея отсутствіе онъ объяснялъ теперь необычнымъ приливомъ заказчиковъ, которые могли испугать ее своей мало привлекательной наружностью и попутнымъ посѣщеніемъ кабака. Сегодня за то никого не было, такъ какъ ничтожная перемѣна погоды уже дѣйствовала угнетающе на неустойчивое настроеніе джурджуйскихъ охотниковъ, и они воздерживались отъ всякихъ заказовъ, какъ-будто весна и не думала приближаться. Они вдругъ забывали о гусяхъ и уткахъ, объ охотѣ и своихъ ружьяхъ и, точно зимою, грѣлись у пылающихъ очаговъ, играя въ карты и калякая.

Наплывъ работы не позволилъ Крассускому предаваться особенному отчаянію; быстро промелькнуло утро, незамѣтно наступилъ полдень, и вдругъ въ отверстіе дверей мелькнула тѣнь. Юноша взглянулъ, и вся кровь сразу прихлынула ему къ сердцу: у порога стояла Евгенія, осыпанная съ головы до ногъ алмазной снѣговой пылью, и съ улыбкой смотрѣла на него.

— Доброе утро! Какая пропасть оружья! Я уже видѣла вашъ арсеналъ, я заглядывала къ вамъ, но вамъ было некогда... Простите мое любопытство... Но я была немного встревожена... Вчера люди валили сюда толпою... Что это означаетъ?! Вѣдь вотъ сегодня ихъ нѣтъ!.. Не больны-ли

вы?.. Что это вы такъ блѣдны!..—проговорила она тревожно: переступая порогъ. Но вдругъ умолкла и потупилась, взглядъ Красусскаго и дрожащіе его губы сказали ей все... Открытіе поразило ее, точно молнія... Она не двигалась; не двигался и Красусскій, за то имъ казалось, что земля подъ ними колеблется. Наконецъ, Арканова прошептала что-то невнятное и вышла. Красусскому вдругъ почудилось, что между нимъ и ею опустилась навсегда черная непроницаемая завѣса. Тихая печаль, — сѣрая, холодная — какъ этотъ зимній, пасмурный день, охватила его и обезсилила сразу.

Того-же дня надъ нимъ стряслось еще приключеніе, которое при другихъ условіяхъ взволновало бы его гораздо больше, чѣмъ стоило; теперь же ему было все равно.

Чтобы не терять времени утромъ на лишніе переходы, Красусскій уже недѣлю тому назадъ перебрался ночевать въ мастерскую, гдѣ въ маленькомъ чуланчикѣ устроилъ себѣ постель. Онъ, какъ разъ, окончилъ работу, поставилъ на огонь чайникъ и присѣлъ въ своей каморкѣ на кровать, грустный и усталый; въ головѣ у него, какъ дятелъ, все постукивала одна мысль, одна мечта: бѣжать, бѣжать, бѣжать... бѣжать, во что бы ни стало! Онъ при свѣтѣ огарка просматривалъ свои замѣтки, карты, маршруты, соображалъ и сопоставлялъ разныя мелочи, лишь бы занять чѣмъ-нибудь тревожныя свои мысли. Вдругъ двери широко разскрылись, затѣмъ крѣпко захлопнулись, такъ что со стѣнъ юрты посыпалась земля.

— Осторожно! Кто тамъ!! — воскликнулъ раздраженно Красусскій.

Никто не отвѣтилъ; въ то же время звякнулъ дверной крючекъ, и зашуршало женское платье. Юноша вскочилъ взволнованный и съ высоко поднятой свѣчой вышелъ изъ чулана.

— Кто тамъ?

— Тише, ради Бога!.. Спасите... Мужъ!..

Платокъ упалъ съ головы гостьи, и Красусскій узналъ жену учителя.

— Вы?.. Что случилось?.. Вы вся въ снѣгу?.. Мужа вашего здѣсь нѣтъ... Развѣ кто-нибудь обидѣлъ васъ? Не исправникъ ли? Я давно догадывался...

— О да, исправникъ! Онъ давно былъ золъ на Денисова, что тотъ перешелъ въ партію помощника. Онъ все выслѣживалъ меня, и теперь... выдалъ. Мужъ застигъ меня у него... Я едва успѣла выскочить по черному ходу... Господи!.. Слышите—это онъ!

На дверь посыпались крѣпкіе удары.

— Пожалѣйте!.. Ради Христа!.. Не выдавайте!.. Онъ пьянъ...

Онъ убьетъ меня!.. Онъ ужасенъ!.. Я сдѣлаю для васъ все, что только пожелаете... все...—шептала женщина, блѣдная, какъ полотно.

— Вы спрячьтесь туда!

Онъ указалъ ей на чуланъ и заперъ за ней дверь, когда она туда вошла, а затѣмъ, не торопясь, подошелъ къ входнымъ дверямъ, въ которыя продолжали сыпаться яростные удары.

— Кто тамъ?! Перестаньте!

— Отпирай, а то домъ разнесу. Жена моя... моя жена здѣсь!.. Я ее видѣлъ... Отпирай, подлый варнакъ... воръ... Чего прячешься?!

Красусскій узналъ голосъ учителя...

— Довольно! Прежде всего попридержите языкъ!.. — Онъ поставилъ свѣчу на наковальню и быстро отбросилъ крючекъ. Крѣпко дернутыя двери широко раскрылись. На порогѣ появился учитель въ засыпанномъ снѣгомъ, помятомъ платьѣ.

— Такъ вотъ какъ! Вотъ какой ты благородный проповѣдникъ!.. Гдѣ она?.. Отдай!.. Обоихъ васъ я вотъ здѣсь... по закону... сейчасъ!..

Онъ обвелъ пьянымъ взглядомъ избу, предметы, отыскивая, видимо, какое-либо орудіе.

— Поликарпъ Селивестровичъ! Вы пьяны, — проговорилъ, сдерживаясь, Красусскій. — Совѣтую вамъ вернуться немедленно домой. Тамъ, вѣрно, вы и найдете свою жену.

— Не пойду!.. Ни за что не уйду... пока не осмотрю всего... Не на такого напалъ!.. Шалишь!..

— Вы тутъ никакихъ обысковъ не станете дѣлать.. Вы все это выбейте себѣ изъ головы. Пойдемте домой, пойдемте, я васъ усердно объ этомъ прошу..

— Какъ такъ не сдѣлаю обыска? Здѣсь моя жена!.. Я съ тобой вотъ какъ поступлю: начерчу углемъ кругъ, схвачу и посажу въ середину, по поясъ въ землю вобью!.. Такъ-то!..

Пьяница подвинулся угрожающе впередъ, но Красусскій въ ту же минуту схватилъ его за талію и послѣ короткаго сопротивленія выбросилъ на дворъ. Затѣмъ заложилъ крючекъ, наскоро надѣлъ шубу и шапку. Учительша что-то ему шептала, но онъ не слушалъ и не отвѣчалъ. Онъ разобралъ только слова „по гробъ доски“ и слезливыя жалобы.

Со двора, между тѣмъ, доносились упреки и стоны выброшеннаго учителя.

— Кормилъ я тебя, поилъ, какъ друга... И любилъ ее одну... И вотъ, выбросили меня за двери.. Охъ, горе мое!

Красусскій, выйдя, замѣтилъ, что учитель сидитъ на снѣгу

съ полѣномъ въ рукѣ и жалобно покачивается взадъ и впередъ, точно молящійся еврей.

— Кормилъ я, поилъ его, какъ друга...

— Встаньте и пойдемъ!.. Вы отморозите себѣ члены!..

— Куда пойду, если она измѣнила мнѣ?!. Казаки сказали, что къ Денисову, но я хорошо видѣлъ, что сюда!..

— Увѣряю васъ, что жену застанемъ дома.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я не тронусь отсюда... Я просижу здѣсь до... свѣтопреставленія. Ну, скажите, дайте мнѣ руку и честное слово благороднаго человѣка, что вы не любили её...

— Даю вамъ честное слово благороднаго человѣка, что не любилъ ее!..—отвѣтилъ совершенно серьезно Красусскій.—Пойдемъ! Надѣньте шапку и рукавицы, стряхните снѣгъ... Изъ чего вы заключили, что я ухаживаю за вашей женой? Развѣ я часто хожу къ вамъ? Развѣ вы что-нибудь замѣтили?

— А зачѣмъ вы раньше ходили и все разспрашивали про горы? Знаемъ мы ваши горы... Зачѣмъ вамъ горы?.. Не проведешь, не надуешь... Шутки!..—Учитель опять сталъ волноваться и даже пробовалъ вырвать у Красусскаго руку, за которую тотъ его велъ.

— Я видѣлъ, что она тебѣ нравилась... — началъ онъ опять жалобно, когда попытка вырваться не удалась. — Здѣсь всѣ такъ: чѣмъ больше обманываютъ, тѣмъ меньше ходятъ. Знаемъ мы все это... насквозь видимъ другъ дружку. А она за это... даетъ мнѣ много водки!.. Даетъ, сколько хочу!.

Онъ вдругъ ослабѣлъ, сталъ сильно пошатываться, и много прошло времени, пока они добрались, наконецъ, до школы. Тамъ, къ удивленію и безпредѣльной радости учителя, нашли улыбающуюся и прилично одѣтую жену его.

— Ахъ ты, противный, безстыжій пьяница, гдѣ ты пропадалъ? Я людей уже за тобою послала разыскивать... Мокрый, грязный... Гдѣ ты шлялся? Несчастіе мое, горе съ нимъ! Напьется, померещится что-нибудь—и бѣжитъ ни съ того ни съ сего!.. Ревнуетъ, подозрѣваетъ... Всякую женщину тогда принимаетъ за меня... Ищи его, раздѣвай, какъ малаго ребенка, а онъ въ благодарность за волосы меня деретъ, за косу хватаетъ! Увѣряю васъ!.. Хотите, покажу вамъ цѣлую прядь, вырванную у меня этимъ извергомъ прошлый разъ... я ее храню на память!

— Не вѣрьте ей, они сами вылѣзаютъ!.. — защищался стыдливо учитель.

Красусскій хотѣлъ уйти, но и мужъ, и жена удерживали его.

— Умоляю васъ, еще останьтесь,—шептала она.—Изступленіе скоро вернется. Тогда кого-же позову я? Увѣряю

васъ, что я ни у кого не была, что онъ все вретъ... Я отправилась только къ вамъ, какъ къ... другу, за помощью... Сама не помню, что въ испугѣ говорила вамъ... Онъ грозилъ, что убьетъ меня... Я со страху съ ума сошла!..

Безстыдная наглость этой женщины поразила юношу, и въ то же время его охватывало чувство глубокаго стыда и гадливости. Онъ вспомнилъ, какъ еще недавно онъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ думалъ объ этой веселой и пригожей женщинѣ. Теперь онъ понялъ, что разъ навсегда утратилъ способность къ „такимъ“ похожденіямъ, что остатокъ „пещерной“, по выраженію Негорскаго, неискренности и лжи исчезъ изъ его души, той лжи, которую оправдывали даже лучшіе изъ извѣстныхъ ему мужчинъ.

Нѣтъ, онъ никогда не сойдется съ женщиной, которую не полюбитъ всей душой! И никогда ни въ чемъ не солжетъ онъ любимой женщинѣ!..

В. Сѣрошевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ записокъ М. Л. Михайлова.

II.

Судъ въ сенатѣ.

Я не сидѣлъ, кажется, еще и пяти дней въ крѣпости, какъ плацъ-адъютантъ, войдя ко мнѣ поутру, вскорѣ послѣ чая, сообщилъ мнѣ, что меня требуютъ въ сенатъ. Я одѣлся въ свое платье, и въ мой номеръ вскорѣ пришелъ, вмѣстѣ съ крѣпостнымъ плацъ-адъютантомъ, плацъ-адъютантъ городской, П—въ. Мнѣ подали было обѣдъ (это было ужъ часовъ около двѣнадцати), чтобы я поѣхалъ не на тощій желудокъ, но я предпочелъ пообѣдать потомъ, по возвращеніи, и велѣлъ пока все убрать. Мы вышли изъ куртины и прошли къ дому, гдѣ помѣщается—если не ошибаюсь—крѣпостной плацъ-маіоръ. Противъ подъѣзда этого дома стояла извозчичья четвероместная карета. Я думалъ сначала, что мы поѣдемъ только вдвоемъ; но П - въ сказалъ мнѣ, что будутъ еще два провожатыхъ «архангела». Съ подъѣзда, дѣйствительно, сошли два жандарма. Они молча помѣстились въ каретѣ насупротивъ насъ, задернули тафтяныя занавѣски на окнахъ двери, и мы поѣхали.

Мостъ былъ еще не разведенъ, и дорога шла по Дворцовой набережной; тутъ, отогнувъ немного занавѣску съ своей стороны, я замѣтилъ огромный съѣздъ у Государственнаго Совѣта. Но вотъ мы проѣхали и площадь, въѣхали подъ арку сената, и тутъ повернули въ первыя ворота направо. И передъ воротами, и во дворѣ была толпа народу, такъ что карета едва подвигалась. П—въ не зналъ, кажется, гдѣ остановиться, и мы проѣхали почти въ глубь двора, гдѣ стояло порядочное количество экипажей. П—въ вышелъ изъ кареты и побѣжалъ справиться. Въ это время два-три кучера, привезшіе, должно быть, сенаторовъ, указывали на меня въ отворенную дверь кареты и, вѣроятно, острили надо мной, потому что разражались самымъ веселымъ хохотомъ. Жандармскому унтеръ-офицеру это не понравилось, кажется, и онъ притворилъ дверь.

Намъ пришлось вернуться къ подъѣзду у самыхъ воротъ, опять въ толпу, которую я никакъ не приписывалъ своему пріѣзду. Я

предполагалъ, что, по обилію дѣлъ въ сенатѣ, здѣсь всегда такая толпа.

Жандармы вышли изъ кареты первые, выхватили изъ ноженъ свои палаши и стали по бокамъ выхода изъ кареты. Я пошелъ съ ними по сторонамъ и съ П—вымъ по лѣстницѣ, тоже переполненной народомъ.

Секретарская комната передъ присутствіемъ V департамента (гдѣ я долженъ былъ подождать) очень не велика. Тутъ первое лицо, обратившее на себя мое вниманіе, былъ священникъ, сидѣвшій въ уголкѣ и державшій завернутые въ епитрахиль крестъ и евангеліе. Я сѣлъ поближе къ столу секретаря. Въ комнату навѣдывались разные господа, и сенаторы въ мундирахъ, и чиновники помельче. Оберъ-секретарь Кузнецовъ съ толстымъ, корявымъ и тупымъ лицомъ, затянутый въ мундиръ, выходилъ отъ времени до времени изъ присутствія и справлялся, кажется, готовы ли вопросные для меня пункты. Мнѣ пришлось, впрочемъ, ждать очень не долго, не болѣе четверти часа.

Кузнецовъ опять вышелъ и, какъ-то минуя меня своимъ тупымъ взглядомъ, сказалъ:

— Пожалуйте.

Я вошелъ.

За длиннымъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ и украшеннымъ зерцаломъ, сидѣло пять сенаторовъ въ своихъ позлащенныхъ одеждахъ. По неподвижной важности лицъ и позъ они показались мнѣ очень похожими на позолоченныхъ бурхановъ.

Особенно выдавались изъ нихъ двое: Карніолинъ - Пинскій, своею умною, но злобно хитрою физіономіей, съ длинными, безпорядочно торчавшими на головѣ волосами, да еще Бутурлинъ, но этотъ, напротивъ, обличалъ лицомъ своимъ тупость и что-то закоснѣло солдатское; у него была крашеная голова, и крашеные усы на одутловатомъ дрябломъ лицѣ, глаза смотрѣли довольно свирѣпо. Низенькій старичекъ Карнѣевъ имѣлъ видъ крайне добродушный—вотъ и все, что можно сказать про него. Венцель обратилъ на себя мое вниманіе особенно неподвижною и прямою посадкой; онъ сидѣлъ на своемъ креслѣ, будто верхомъ на лошади передъ фронтомъ, и, вытянувъ длинную и тонкую свою шею, глядѣлъ на меня совсѣмъ безсмысленно своими сѣрыми глазами. Предсѣдатель Митусовъ былъ лицо не вполнѣ для меня незнакомое: я видѣлъ его на свадьбѣ доктора М., у котораго онъ былъ посаженнымъ отцомъ. Про его наружность сказать совсѣмъ ужъ нечего—чиновникъ, какъ чиновникъ. За отдѣльнымъ столомъ, у окна сидѣлъ оберъ-прокуроръ (фамилію его я слышалъ, но не помню), самое антипатичное для меня по наружности лицо, даже антипатичнѣе противной рожи оберъ-секретаря Кузнецова, хоть и гораздо красивѣе. Таково было общее впечатлѣніе его на меня, но я не могу теперь припомнить, даже какого характера было у него

лицо. Изъ судей моихъ, возсѣдавшихъ за краснымъ сукномъ, двое, были въ военныхъ мундирахъ, именно Бутурлинъ и Венцель остальные въ гражданскихъ.

Не мѣшаетъ кстати упомянуть, что одинъ изъ моихъ судей и, какъ мнѣ говорили, самый злостный, былъ мнѣ извѣстенъ по разсказамъ отца. Это былъ именно Карніолинъ-Пинскій. Онъ началъ свою карьеру скромно—учителемъ гимназіи въ Симбирскѣ. Отецъ мой служилъ уже тогда, но, недовольный своимъ жалкимъ образованіемъ, присогласилъ кой-кого изъ своихъ сослуживцевъ просить Карніолина-Пинскаго читать имъ лекціи особо отъ гимназистовъ. Тотъ согласился, и отецъ — помню — всегда вспоминалъ о немъ съ какимъ то благоговѣніемъ. Онъ приписывалъ ему пробужденіе въ себѣ серьезной мысли, любознательности и здравыхъ понятій о значеніи образованія.

Оберъ-секретарь указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ я долженъ былъ встать передъ судьями, въ концѣ краснаго стола, и самъ помѣстился около меня, тоже стоя въ полъ-оборота ко мнѣ. У него были въ рукахъ бумаги.

Не помню, объявилъ ли мнѣ сначала на словахъ Митусовъ съ другого конца стола, что я преданъ по высочайшему повелѣнію суду, или прямо обратился къ оберъ-секретарю съ приказаніемъ прочесть мнѣ отношеніе шефа жандармовъ, заключавшее въ себѣ это повелѣніе.

Оберъ-секретарь началъ читать громко и внятно. Едва ли къ кому шла въ такой мѣрѣ, какъ къ нему, знаменитая характеристика Фамусова: «съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой». Главное—съ чувствомъ читалъ. При словахъ «государь Императоръ» или «высочайше повелѣть соизволилъ» онъ принималъ торжественно-благоговѣйный тонъ; произнося слова «государственное преступленіе», онъ упиралъ на нихъ съ какимъ-то трагическимъ паѳосомъ.

Слова о государѣ императорѣ и о высочайшемъ его величества повелѣніи произвели на судей *моихъ* (совершенно для меня неожиданное) внезапное дѣйствіе. Точно всѣхъ ихъ жигнулъ кто-нибудь прутомъ сзади. Они вдругъ вскочили со своихъ мѣстъ, какъ вскакиваютъ лакеи въ передней, когда проходитъ баринъ, и выслушали оное повелѣніе, стоя благоговѣйно на вытяжку. Я едва удержался отъ улыбки. Трудно представить себѣ весь комизмъ этого вскакиванья, которое пришлось мнѣ видѣть два раза. У большей ихъ части ноги, видно, были ужъ не тверды въ колѣняхъ отъ старости, и чтобы разомъ подняться съ креселъ, нужно было руками упереться въ столъ. Особенно смѣшонъ былъ Бутурлинъ, у котораго ноги какъ-то разъѣзжались при этомъ, словно всѣ пружины ослабли. Послѣ той бурханской важности, съ которой они сидѣли на своихъ мѣстахъ, такой пассажъ былъ мнѣ совершеннымъ сюрпризомъ.

Прочиталъ оберъ-секретарь, и они опять усѣлись.

Предсѣдатель показалъ мнѣ тутъ мое показаніе, препровожденное изъ Тайной Канцеляріи вмѣстѣ съ экземпляромъ листка «*Къ молодому поколѣнію*», и спросилъ меня, признаю ли я это показаніе.

Я отвѣчалъ:

— Признаю.

— Прочтите!—обратился онъ къ оберъ-секретарю.

И опять началось то же *чувствительное* чтеніе.

Когда онъ кончилъ, Митусовъ сказалъ мнѣ:

— Мы имѣемъ дать вамъ нѣсколько вопросныхъ пунктовъ; но предварительно священникъ сдѣлаетъ вамъ духовное увѣщаніе.— Пригласите его сюда,—прибавилъ онъ, обращаясь къ оберъ-секретарю.

Оберъ-секретарь направился къ дверямъ комнаты, куда я былъ предварительно введенъ; но этого онъ могъ бы и не дѣлать. Оттуда въ полуотворенную дверь любопытно глядѣли къ намъ головы чиновниковъ, и попу, вѣрно, тотчасъ же передали, что часъ его приспѣлъ.

Онъ вступилъ въ комнату суда во всеоружіи своемъ, въ епитрахили и съ воздѣтыми руками — въ одной евангеліе, въ другой крестъ.

Остановившись передо мною на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ до этого оберъ-секретарь, попъ началъ жиденькимъ голоскомъ читать заученную, вѣроятно, заранѣе рѣчь о важности присяги и ея нарушеніи, о необходимости раскрыть преступленіе во всѣхъ его подробностяхъ, о неукрываніи никого изъ сообщниковъ (на это онъ особенно напиралъ), потомъ сталъ разсказывать безсвязно, дико и при томъ ни къ селу ни къ городу какую-то притчу изъ евангелія о рыбаряхъ и мрежахъ, рѣшительно мнѣ неизвѣстную.

Видя, что попъ ужъ слишкомъ зарапортовался и началъ говорить совсѣмъ дичь, Митусовъ нѣсколько разъ говорилъ ему: «Довольно, батюшка, довольно», но онъ никакъ не хотѣлъ отстать, не кончивъ своей исторіи и не примазавъ къ ней какой-то морали, вѣроятно, изъ начатковъ христіанскаго благочестія протоіерея Кочетова. Я имѣлъ время въ подробности разсмотрѣть безобразную живопись на крестѣ и на евангеліи, пока попъ разглагольствовалъ. Изъ опасенія разсмѣяться, я лишь изрѣдка взглядывалъ въ глупое, золотушное лицо проповѣдника. Онъ былъ еще молодой человѣкъ.

Наконецъ-то, онъ отсталъ и ушелъ, а оберъ-секретарь вооружился тетрадкой вопросныхъ пунктовъ.

Судъ выразилъ свою снисходительность ко мнѣ тѣмъ, что оберъ-секретарь прочелъ мнѣ сразу, одинъ за другимъ, вопросные пункты. Потомъ сталъ онъ читать каждый пунктъ отдѣльно, и на каждый пунктъ я сначала отвѣчалъ словесно, а потомъ отходилъ съ оберъ-секретаремъ къ стоявшему въ сторонѣ большому письменному столу, садился тамъ и давалъ письменно отвѣтъ, данный

передъ тѣмъ на словахъ. Ни одинъ изъ судей не спрашивалъ меня ни полсловомъ о чемъ-нибудь, не находившемся въ вопросныхъ пунктахъ. Они выслушивали мои отвѣты въ мертвомъ молчанiи и только глядѣли на меня.

О содержанiи вопросныхъ пунктовъ не стоитъ и говорить. Они ничего не прибавляли къ показанiю моему, и ихъ, пожалуй, можно бы было и вовсе не предлагать мнѣ. Ни одинъ изъ нихъ не могъ ни смутить меня, ни застать врасплохъ. Я слишкомъ хорошо все обдумалъ.

Во второй допросъ, когда оберъ-секретарю сказалъ предсѣдатель, чтобы онъ точно такъ же, какъ и въ первый, прочелъ мнѣ сначала всѣ вопросы сряду, я отказался отъ этой снисходительности, сказавши:

— Зачѣмъ это? Читайте одинъ вопросъ, я отвѣчу, потомъ другой, и т. д.

На лицахъ судей показалось удивленiе, и Венцель, переглянувшись со всѣми, особенно внимательно устремилъ на меня глаза.

Во второй и въ третiй допросы, такiе же пустые по содержанiю, какъ и первый, не всѣ сенаторы, однако-жъ, хранили прежнее суровое молчанiе. Они, должно быть, увидали, что я вовсе не буянъ, и что со мною можно говорить. Впрочемъ, это не былъ дѣйствительно разговоръ, а такъ какiе-то не идущiе вовсе къ дѣлу вопросы. Съ ними обращались ко мнѣ только двое: Карнiолинъ-Пинскiй и Митусовъ. Первый спросилъ, напримѣръ, почему то, говорю ли я по-англiйски. И еще два-три вопроса были такого же рода, ни важнѣе, ни интереснѣе.

Только въ послѣднiй допросъ Митусовъ рѣшился на вопросъ, повидимому, болѣе серьезный. По поводу двухъ прокламацiй, найденныхъ у Костомарова, онъ обратился ко мнѣ съ такими словами:

— А вы не ходили въ казармы къ солдатамъ и словесно не возбуждали ихъ къ неповиновенiю?

— Нѣтъ.

— И крестьянъ тоже не собирали, не ѣздили по деревнямъ, чтобы подстрекать ихъ?

— Нѣтъ.

Я теперь не могу уже припомнить, въ какiе именно дни были три допроса мнѣ въ сенатѣ. Знаю только, что между первымъ и вторымъ былъ очень краткiй промежутокъ, а третьяго допроса я ждалъ что-то очень долго.

Во второй разъ такая же толпа была на лѣстницахъ.

Въ третiй разъ приняли, видно, мѣры, и обратно провели меня какими-то задними ходами. Сенатскiе чиновники за то проявляли страшное любопытство, и собирались сотнями на моей дорогѣ, или глядѣли, толпясь въ дверяхъ, когда меня привозили или увозили.

Два мѣсяца, проведенные мною въ крѣпости, слились у меня

въ памяти въ однообразный рядъ длинныхъ и скучныхъ дней, и только ярко свѣтится въ этихъ тюремныхъ потемкахъ нѣсколько отрадныхъ минутъ, о которыхъ я пока не въ правѣ говорить.

Въ сенатъ сопровождалъ меня все тотъ же П. Изъ жандармовъ унтеръ-офицеръ былъ всегда тотъ же Ефимьевъ, выражавшій желаніе проводить меня и до Тобольска. Другой жандармъ мѣнялся.

Кажется, послѣ третьяго допроса, которымъ, собственно говоря, кончался мой судъ, перевели меня изъ невской куртины въ главную гауптвахту, о чемъ я скажу потомъ. Но до него—если не ошибаюсь—я былъ призванъ къ коменданту, который подалъ мнѣ бумагу и просилъ сѣсть къ столу, чтобы отвѣтить на нее.

Это были еще вопросные пункты отъ слѣдственной коммиссіи, съ которою я познакомился въ зданіи Первой адмиралтейской части. Тутъ я какъ нельзя лучше понялъ, что я могъ ожидать отъ Костомарова, если-бъ онъ былъ призванъ со мною вмѣстѣ къ суду и ему были предложены вопросы относительно моего дѣла. Каждый изъ вопросовъ, бывшихъ теперь у меня въ рукахъ, начинался словами: «Корнетъ Всеволодъ Костомаровъ показываетъ, что...» или «Корнетъ Всеволодъ Костомаровъ на очной ставкѣ показалъ», и проч. Читая эти вопросы, можно было только одному удивляться, для чего было говорить о томъ, чего никто не зналъ, кромѣ меня, да и знать не могъ. Подумавши, я увидалъ, однако-жъ, что этими показаніями вся вина сваливается на меня и на московскихъ студентовъ. Стараясь въ отвѣтахъ своихъ оградить по возможности послѣднихъ, я не выгораживалъ себя.

Во все это время—начиная со второго сенатскаго допроса,—меня болѣе всего томило ожиданіе, скоро ли, наконецъ, рѣшеніе. Надо вспомнить, что во второй разъ, когда меня возили въ сенатъ, отъ меня уже была отобрана подписка, что при судѣ и слѣдствіи мнѣ не было дѣлано пристрастія. Изъ этого можно было заключить, что вопросовъ болѣе предлагать мнѣ не будутъ, и, дѣйствительно, то, что спрашивали меня на третьемъ допросѣ, было совершеннѣйшіе и безполезнѣйшіе пустяки.

Вѣсть о назначенномъ мнѣ наказаніи, разумѣется, огорчила меня, но не столько, сколько огорчило бы меня помилованіе, если бы оно послѣдовало, вслѣдствіе моей глупой выходки, безпокоющей меня и до сей поры. Я, впрочемъ, никакъ не ждалъ такого большого срока каторжной работы. Мнѣ помнится, я читалъ какъ-то статьи закона, касающіяся «преступленій» въ родѣ моего, и мнѣ постоянно думалось, что высшимъ срокомъ должно быть шесть лѣтъ.

Еще до произнесенія мнѣ приговора въ сенатѣ получилъ я извѣстные стихи и письмо отъ заключенныхъ студентовъ. И то, и другое сильно меня растрогало. Я не могъ удержаться отъ слезъ, и тотчасъ же отвѣчалъ имъ стихами...

Кажется, 7 декабря пріѣхала за мною карета, чтобы свезти

меня въ послѣдній разъ въ сенатъ. П. вошелъ въ новое мое помѣщеніе, сообщилъ мнѣ, что мнѣ будетъ прочитана конфирмація, выкурилъ папиросу, пока я одѣвался,—и мы поѣхали. На этотъ разъ я былъ, кажется, потребованъ раньше, чѣмъ въ прежнія мои поѣздки.

Полиція, разумѣется, приняла мѣры, чтобы прежнихъ любопытствующихъ не было на лѣстницѣ и во дворѣ, и точно, когда мы пріѣхали, было довольно пусто у входа.

Въ этотъ разъ меня провели въ другую комнату, вѣроятно, канцелярію отдѣленія, но тоже выходившую дверями съ другой стороны въ палату, гдѣ производились мнѣ допросы. Формальности, съ которыми сопряжено произнесеніе въ сенатѣ приговора, были уже мнѣ извѣстны.

Мнѣ пришлось прождать тутъ съ четверть часа. Около меня образовался цѣлый кружокъ чиновниковъ, большею частью изъ молодежи. Нѣкоторые рекомендовались мнѣ, другіе прямо заговаривали.

Тутъ мнѣ сказали, что «съ моей легкой руки», еще начинается въ сенатѣ дѣло такого же рода, какъ мое. Вѣдь на мнѣ былъ сдѣланъ первый въ Россіи опытъ обыкновеннаго суда надъ политическимъ преступникомъ. Теперь, какъ мнѣ сказали, былъ преданъ суду за распространеніе «*Великорусса*» Владиміръ Обручевъ и съ нимъ еще четверо или пятеро молодыхъ людей, и, между прочимъ, мой знакомый докторъ Боковъ. Потомъ, какъ я узналъ, всѣ, кромѣ Обручева, были освобождены отъ суда и слѣдствія.

Наконецъ, сенаторы изготовились къ произнесенію мнѣ приговора. Обѣ половинки дверей въ комнату ихъ засѣданія были отворены, позвали пріѣхавшихъ со мною жандармовъ, велѣли имъ обнажить палаши и поставили ихъ по сторонамъ двери на порогѣ. Позвали и меня.

Оберъ-секретарь Кузнецовъ, съ бумагою въ рукахъ, стоя по ту сторону порога, указалъ мнѣ на него и сказалъ:

— Остановитесь тутъ.

Я сталъ между жандармами, и Кузнецовъ началъ чтеніе своимъ источнымъ и торжественнымъ голосомъ. Онъ могъ бы быть хорошимъ дьякономъ.

Все, что онъ читалъ, за исключеніемъ мнѣнія государственнаго совѣта, было мнѣ уже очень хорошо извѣстно. Чтеніе длилось долго, и я пользовался этимъ временемъ, чтобы наблюдать за моими судьями. Они сидѣли за тѣмъ же столомъ, но въ нѣсколько иномъ порядкѣ, и между ними я увидалъ совершенно незнакомаго мнѣ генерала.

Кто то изъ чиновниковъ говорилъ мнѣ передъ этимъ:

— Подлецъ Карніолинъ-Пинскій нарочно сѣлъ сегодня задомъ,

чтобы не смотрѣть на васъ. Видно, совѣстно же стало подъ конецъ.

Это предположеніе было несправедливо.

Онъ, дѣйствительно, сѣлъ задомъ, но весь повернулся въ мою сторону, и одинъ изъ всѣхъ сенаторовъ смотрѣлъ на меня такъ пристально, не отводя ни на минуту своихъ прищуренныхъ злобныхъ глазъ. Сѣдые волосы его и безъ того торчали во всѣ стороны, но онъ безпрестанно еще болѣе ерошилъ ихъ, запуская въ нихъ пальцы. Другой, не менѣе пристальный взглядъ былъ направленъ на меня сбоку, отъ того стола, за которымъ я писалъ отвѣты на вопросные пункты. Тутъ сидѣлъ какой-то молодой человѣкъ очень аристократическаго вида въ мундирѣ (какомъ именно, я ужъ не помню) и, подавшись впередъ на своемъ стулѣ, тоже не спускалъ съ меня глазъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта зашевелило во мнѣ злобу на себя, и я радъ былъ только тому, что и самъ государственный совѣтъ понялъ, повидимому, всю неискренность моего обращенія къ государю и не принялъ его во вниманіе.

Когда Кузнецовъ, пріостановившись въ чтеніи на минуту, про кашлялся и съ еще большею торжественностью возгласилъ громогласно: «На мнѣніи государственнаго совѣта собственною его императорскаго...» и т. д., позлащенные идолы вскочили со своихъ мѣстъ.

Слова резолюціи: «ограничиваю каторгу шестью годами, а въ прочемъ быть по сему» Кузнецовъ прочиталъ уже совсѣмъ достойно дьякона, возглашающаго многолѣтіе.

Передъ тѣмъ, какъ меня позвали выслушивать это чтеніе, одинъ чиновникъ сказалъ мнѣ, чтобы я не смѣялся во время его. Я и не смѣялся, хотя мнѣ подчасъ хотѣлось улыбнуться, слушая тонкія соображенія сената надъ фактами, которые были ему извѣстны въ превратномъ видѣ. Тѣмъ не менѣе я, говорятъ, заслужилъ неудовольствіе сенаторовъ и даже самого Александра Николаевича, что выслушалъ рѣшеніе съ не достаточнымъ благоговѣніемъ и страхомъ. Вѣрно, нужно было, по ихъ мнѣнію, стоять, вытянувъ руки по швамъ, а я держалъ ихъ, скрестивши, и не измѣнилъ положенія даже въ то время, когда сенаторы вскочили по-холопски съ своихъ мѣстъ.

По прочтеніи конфирмаціи Кузнецовъ вынесъ мнѣ бумагу для подписи.

— Что же написать? Что я доволенъ вашимъ рѣшеніемъ?

— Только имя и фамилію,—произнесъ Кузнецовъ тревожно и суетливо, кладя бумагу передо мною.

Что такое было тамъ написано, я не прочиталъ, а прямо подписалъ: Михаилъ Михайловъ.

И вся прихожая, гдѣ я надѣвалъ пальто и калоши, и вся длинная площадка, и значительная часть лѣстницы были полны

любопытныхъ. Сенатскіе чиновники, вѣрно, забросили тоже въ ту минуту свои дѣла. N догналъ меня, чтобы пожать мнѣ руку на прощанье. Въ толпѣ стоялъ Б. и, когда я проходилъ, выдвинулся прощаться со мною. Я былъ очень радъ его вниманію и отъ души пожалъ ему руку.

Внизу, когда я вышелъ уже съ подъѣзда, справа послышались женскіе голоса: «Михаилъ Ларіонычъ, прощайте!» Это были Варенька съ Машенькой. Онѣ бросились ко мнѣ, и я поцѣловался съ ними. У Машеньки глаза были полны слезъ. Варенька протянула ко мнѣ руку, когда я и въ карету сѣлъ.

— Куда прикажете?—спросилъ извозчикъ.

— Въ крѣпость!—крикнулъ П. и вскочилъ въ карету.

III.

Переселеніе на главную гауптвахту.

Не знаю, что заставило крѣпостное начальство перевести меня изъ невской куртины на главную гауптвахту. Плацъ-маіоръ говорилъ мнѣ, что это дѣлается для большаго моего спокойствія; плацъ-адъютантъ,—что меня хотѣли удалить отъ студентовъ, которые туда переводятся. Послѣдній, впрочемъ, не зналъ сначала, что меня переведутъ именно на гауптвахту, и не безъ соболѣзнованія говорилъ, что меня, кажется, хотятъ помѣстить въ алексѣевскомъ равелинѣ. Я зналъ, что тамъ сидитъ, между прочимъ, Владиміръ Обручевъ, и не находилъ въ этомъ ничего удивительнаго.

Какъ бы то ни было, но меня перевели. Когда именно, я не помню, но вскорѣ послѣ третьяго допроса—около 20-го ноября. Я это предполагаю потому, что еще въ куртинѣ узналъ о смерти бѣднаго Добролюбова, а 20-го я написалъ стихи на его смерть уже на гауптвахтѣ. Это былъ день его похоронъ.

Отъ крыльца невской куртины до главной крѣпостной гауптвахты лишь шаговъ полтораста. Я перешелъ туда поутру вмѣстѣ съ однимъ изъ плацъ-адъютантовъ. Тутъ кстати сказать, что два крѣпостныхъ плацъ-адъютанта раздѣляли сначала между собою всѣхъ крѣпостныхъ арестантовъ на двѣ половины, и каждый завѣдывалъ своею половиной. Потомъ они нашли болѣе удобнымъ для себя раздѣлиться днями: такимъ образомъ, два дня приходилось дежурить одному, да два другому. Тутъ я ближе познакомился и съ другимъ крѣпостнымъ плацъ-адъютантомъ П., котораго видалъ до тѣхъ поръ лишь изрѣдка.

Пока еще не время характеризовать этихъ двухъ ближайшихъ ко мнѣ лицъ изъ крѣпостного начальства; но я не могу не вспомнить съ особенно теплымъ чувствомъ добраго и милаго П....

Новое помѣщеніе было гораздо лучше. Комната была меньше, чѣмъ въ невской куртинѣ, но тутъ былъ за то прямой потолокъ,

и меня уже не давилъ этотъ тяжелый сѣрый сводъ. Окно было одно, за то большое и свѣтлое, хотя тоже забѣленное снаружи и съ еще болѣе крѣпкими рѣшетками. Въ довольно большую форточку я могъ видѣть невскія ворота крѣпости, гдѣ было обыкновенно не мало проѣзжихъ и прохожихъ. Однимъ изъ украшеній здѣшней моей жизни была, между прочимъ, большая круглая печь. Она топилась у меня, и топка ея всегда развлекала меня. Еще развлеченіе, кромѣ смотрѣнія въ форточку и печки, представляли бесѣды солдатъ въ караулкѣ рядомъ со мной которая отдѣляла мой номеръ отъ корлегардіи. Все, что тутъ говорилось, слышно было у меня какъ нельзя лучше, и я очень часто, въ особенности подъ вечеръ, ложился на постель и слушалъ солдатскіе пренія и разговоры. Въ постели тоже произошло улучшеніе: здѣсь былъ волосяной матрацъ сверхъ соломы. Платье мое хранилось тутъ же у меня, а не уносилось, какъ прежде, ефрейторомъ на сбереженіе куда-то.

Вотъ и всѣ измѣненія; а затѣмъ все шло точно такъ же, какъ въ куртинѣ. Четыре дня былъ тотъ же порядокъ и прислуживали мнѣ тѣ же лица.

Я былъ особенно доволенъ, когда на дежурствѣ былъ бойкій бѣлокурый ефрейторъ небольшого роста, тотъ самый, который выстругалъ мнѣ изъ лучинокъ вилку и мѣшалку для чая. Онъ былъ грамотный и либералъ. Еще когда я былъ въ куртинѣ, онъ обратился разъ ко мнѣ съ просьбой дать ему какую-нибудь книжку почитать. У меня изъ русскихъ книгъ была только скучная и глупая Всемірная Исторія Вебера. Онъ взялъ первый томъ, но вскорѣ возвратилъ мнѣ его, какъ вещь незанимательную. Въ караулкѣ при гауптвахтѣ онъ обыкновенно читалъ вслухъ, и здѣсь, слушая это чтеніе и потомъ разсужденія солдатъ, я могъ убѣдиться еще разъ (если бы не былъ и прежде убѣжденъ), какъ нелѣпо *сочинять* какую-то особую литературу для солдатъ, для народа, и проч. Ефрейторъ читалъ «Солдатское Чтеніе» или что-то подобное, разсказывавшее о воинскихъ подвигахъ, какіе-то историческіе разсказы о Петрѣ Великомъ и объ Александрѣ. Тонъ разсказа, съ поддѣлкою подъ народный говоръ, никому не нравился, и самое содержаніе казалось невѣроятнымъ.

— Это такъ только для насъ написано,—замѣчали нѣкоторые,—а ничего этого и быть не могло.

За то всѣхъ приводило въ восторгъ чтеніе пушкинскихъ повѣстей Бѣлкина. Эти повѣсти читались нѣсколько вечеровъ, и особенно заняли всѣхъ разсказы «*Барышня-Крестьянка*» и «*Станціонный смотритель*».

Солдатскій либерализмъ тоже замѣчателенъ.

Когда либеральный ефрейторъ былъ дежурнымъ, я не подвергался тому шпіонству, которое почему-то явилось недѣли за двѣ до моего отъѣзда въ ссылку. Что было причиною внезапныхъ

строгостей, новый ли плацъ-маіоръ, какой-то вялый мямля, или какія нибудь инструкціи свыше,—я не знаю; но только все чаще и чаще солдаты поднимали покрышку дверного оконца и наблюдали за мной, и я слышалъ иногда вопросы и отвѣты: «Не пишетъ-ли?—«Нѣтъ, лежитъ, читаетъ». Подглядыванье это, сопровождаемое шушуканьемъ, меня сердило.

Самъ комендантъ сталъ внимательнѣе и строже. Онъ замѣтилъ у меня какъ то на столѣ не крѣпостную чашку съ серебрянной ложечкой, и изъ за этого, какъ я узналъ изъ солдатскихъ разговоровъ, вышло что то въ родѣ слѣдствія и допросовъ находившимся въ караулкѣ солдатамъ.

Глядя изъ своей форточки, я часто видѣлъ арестованныхъ студентовъ. Почти какъ разъ противъ моего окна было крыльцо другого отдѣленія невской куртины, и на немъ нерѣдко собирались студенты, сидѣли, курили, уходили и вновь приходили. Тутъ я видѣлъ Реню, Ш. и разъ явственно слышалъ, какъ они говорили, указывая на меня: «Это Михайловъ, кажется».

Дня за четыре до произнесенія мнѣ приговора на площади, я почти все утро простоялъ у форточки, глядя на роспускъ ихъ по домамъ. Наѣхало пропасть мужчинъ и дамъ, вѣрно, все родныхъ, и студенты сновали по крыльцу, подбѣгали къ подъѣзжавшимъ санямъ, пожимали руки и весело разговаривали. Нѣкоторые изъ пріѣзжихъ родныхъ или знакомыхъ проходили на крыльцо, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ это содержатся люди въ крѣпости. Слышались слова:

— Можно?

— Идите, ничего.... Можно.

— Да вѣдь нельзя, господа! и т. п.

Внятнѣе всего доносился до меня голосъ П., суетливо распоряжавшагося въ куртинѣ.

Признаюсь, я позавидовалъ этимъ юношамъ, выпархивающимъ на волю изъ тюремной западни.

Явственно слышалъ я и такіе вопросы:

— Что, стихи-то взялъ?

— У тебя списаны стихи?

Я предполагалъ, что дѣло идетъ о моихъ стихахъ, и, кажется, не ошибался. Мнѣ было извѣстно, что они переписывали ихъ для себя.

Я, однако жъ, потерялъ хронологическую нить своего разсказа. Надо вернуться къ тому утру, когда мнѣ была прочитана конфирмація въ сенатѣ.

Только-что вернулся я изъ сената, ко мнѣ пришелъ комендантъ и привелъ съ собою попа, Михаила Архангельскаго, какъ онъ мнѣ отрекомендовался, и оставилъ его со мной.

Еще прежде спрашивалъ онъ у меня (въ куртинѣ), не желаю ли я побесѣдовать со священникомъ, но я отказывался.

Попъ былъ человѣкъ еще молодой, хотя и лысый. Мнѣ не понравилось въ немъ что-то лисье. Онъ заговорилъ со мной объ исповѣди и о томъ, что мнѣ слѣдовало бы выслушать и божественную литургію, и все въ этомъ родѣ; но въ то же время онъ велъ какъ будто и какой то допросъ: спрашивалъ, не было ли у меня какихъ сообщниковъ, не собираюсь ли я избѣжать наказанія посредствомъ бѣгства, и еще что-то въ этомъ родѣ. Особенно налегалъ онъ на побѣгъ.

Все послѣднее время была у меня одна тревога. Я страшился, что Шелгуновымъ придется уѣхать изъ Петербурга раньше меня, и каждая вѣсть, приходившая отъ нихъ, все болѣе и болѣе утверждала меня въ моихъ опасеніяхъ.

Изъ доставленной мнѣ статьи свода законовъ о церемоніи, совершаемой на площади, я узналъ, что попъ обязанъ усовѣщивать меня двѣ недѣли, если я выражу нежеланіе исповѣдываться. Эти двѣ недѣли могли рѣшить дѣло Шелгуновыхъ, и я тотчасъ же рѣшился не выставлять попу своихъ убѣжденій, а исполнить формальность, на которой онъ настаивалъ.

Я сказалъ ему, что чѣмъ скорѣе это сдѣлается, тѣмъ лучше.

— Въ такомъ случаѣ исповѣдуйтесь завтра.

— Хорошо.

Онъ зашелъ ко мнѣ и вечеромъ въ тотъ день, принеся святцы и евангеліе, прочиталъ мнѣ нѣсколько молитвъ и въ евангеліи заложилъ лентой главу отъ Іоанна: «Да не смущается сердце ваше», и совѣтовалъ прочесть ее.

Просидѣлъ онъ у меня довольно долго; мы говорили о всякой всячинѣ, но онъ не разъ возвращался въ разговорѣ къ моей судьбѣ и все старался изобразить яркими красками тѣ ужасы, которые ожидаютъ меня, если я буду столь неблагоразуменъ, что рѣшусь на побѣгъ.

Откуда шли вѣсти, что я собираюсь бѣжать съ дороги, или что меня хотятъ отбить у жандармовъ, не знаю, но объ этихъ вѣстяхъ я слышалъ не отъ одного попа.

Я въ свою очередь спрашивалъ его, не знаетъ ли онъ о днѣ, когда будетъ мнѣ объявлена на площади сентенція суда, и вообще повезутъ ли меня для этого на площадь, но попъ отзывался невѣдѣніемъ—и вралъ, потому что ему былъ, какъ я потомъ догадался, извѣстенъ этотъ день.

Вопросы о томъ же, обращенные мною къ коменданту и плацъ-маіору, оставались безъ опредѣленнаго отвѣта. Они отвѣчали только «не знаю» да «не знаю».

Одно только говорили мнѣ утвердительно, что я не буду изъ крѣпости отвезенъ въ острогъ, какъ это требуется закономъ. Впрочемъ, объ этомъ могъ я и самъ догадаться, такъ-какъ ко мнѣ явился здѣсь попъ съ своими увѣщаніями.

На слѣдующее утро (это было, если не ошибаюсь, во вторникъ

12-го декабря) плацъ-адъютантъ пришелъ звать меня въ церковь при комендантскомъ домѣ, какъ меня наканунѣ предувѣдомилъ отецъ Михаилъ. Эта маленькая домашняя церковь была совсѣмъ пуста. Меня встрѣтилъ здѣсь комендантъ съ попомъ. Комендантъ удалился, а попъ пригласилъ меня на исповѣдь къ налою, поставленному передъ царскими дверьми.

Исповѣдовалъ онъ по какой-то книжкѣ гражданской печати, которую скрывалъ отъ моихъ глазъ. Въ нее была у него вложена какая-то записочка.

Всѣ вопросы почти исключительно касались моего друга. Попъ разпрашивалъ, не скрылъ ли я именъ сообщниковъ въ дѣлѣ, не принялъ ли на себя болѣе, чѣмъ слѣдовало, и потомъ, не сговаривался ли съ кѣмъ о побѣгѣ.

Послѣ исповѣди онъ живо отслужилъ обѣдню. Какъ, однако, онъ ни торопился, я успѣлъ продрогнуть въ нетопленной церкви, и былъ очень доволенъ, когда по окончаніи этой церемоніи комендантъ пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ и меня, и отца Михаила, и угостилъ насъ горячимъ чаемъ съ ромомъ.

Передъ сумерками, часа въ три, пріѣхалъ ко мнѣ Суворовъ и сообщилъ, что на дняхъ будетъ мнѣ позволено видѣться съ моими друзьями. Онъ назвалъ поименно всѣхъ. Оставался онъ у меня довольно долго, говорилъ о томъ, что въ дорогѣ мнѣ будутъ доставлены всѣ удобства, жалѣлъ, что не можетъ *спасти* меня отъ кандаловъ, и т. д.

Между прочимъ, онъ спрашивалъ меня (это по-англійски), знакомъ ли я съ Герценомъ и съ Долгорукимъ,—и замѣтилъ, что Герценъ совсѣмъ не то, что издатель «Будущности». Все, что ни пишетъ Герценъ, все такъ gentlemanlike, тогда какъ Долгорукій и бездаренъ, и мало видно въ немъ честности.

Суворовъ въ заключеніе сказалъ, что онъ еще заѣдетъ ко мнѣ проститься.

Только въ этотъ вечеръ я сообразилъ, что, вѣроятно, мнѣ будетъ произнесенъ приговоръ на площади въ четвергъ, т. е. 14-го декабря, и это вотъ почему: попъ намекнулъ мнѣ поутру, что не мѣшало бы мнѣ «выслушать послѣзавтра литургію», но я наотрѣзъ отказался.

Наканунѣ четырнадцатаго декабря я уже съ большою увѣренностью ожидалъ на завтра церемоніи...

Тринадцатаго я нарочно легъ раньше въ постель, чтобы встать поутру раньше самому, а не дожидаться, пока меня разбудятъ...

. . . .

IV.

Въ дорогѣ.

...Молчаніе жандармовъ продолжалось не долго. Я разговорился съ ними; они стали разспрашивать о моемъ дѣлѣ, я разсказалъ, что считалъ для нихъ интереснымъ; они начали разсказывать о томъ, что слышали обо мнѣ,—и, такимъ образомъ, въ первый же день между нами водворилось взаимное довѣріе. Они тотчасъ послѣдовали моему совѣту отцѣпить свои сабли, отъ которыхъ имъ неловко было сидѣть, и снять мѣшавшіе имъ пистолеты. Вечеромъ, въ Новой Ладогѣ, гдѣ мы ужинали рыбной селянкой въ гостиницѣ при почтовомъ дворѣ, мы уже были какъ будто старые знакомые.

Изъ разсказовъ ихъ я узналъ слѣдующее: между ними былъ слухъ, въ вѣрности котораго они были совершенно убѣждены, что волненіе въ университетѣ было произведено мной, что я былъ «всѣмъ студентамъ голова». Затѣмъ они, на основаніи слуховъ, шедшихъ отъ начальства, были увѣрены, что меня собрались отнять и отбить у нихъ на первой станціи отъ Петербурга, въ Ижорѣ, и опять-таки студенты, и что ихъ тамъ должно было собраться человѣкъ двадцать.

Вслѣдствіе этого, меня отправили не въ моемъ возкѣ, а въ мой возокъ посадили другихъ жандармовъ и на одного изъ нихъ надѣли мою арестантскую шапку, чтобы его можно было принять за меня. Впереди поѣхалъ фельдъегерь, за нимъ возокъ, а моя кибитка должна была отставать немного. Въ Ижорѣ разъѣзды наши происходили отъ того, что неизвѣстно было, гдѣ остановился возокъ и фельдъегерь.

Затѣмъ Каменевъ показалъ мнѣ маршрутъ, котораго сначала никакъ не хотѣлъ вынимать, потому что не велѣно, и я увидалъ, что меня повезутъ дорогой, которой я никогда не ѣзжалъ, именно—на Мологу, Ярославль, Кострому, Вятку, Пермь и т. д.

Въ какой мѣрѣ установилось между нами довѣріе, яснѣе всего увидалъ я на слѣдующее утро.

Незадолго до свѣта пріѣхали мы въ Тихвинъ, гдѣ при почтовой станціи были прекрасныя комнаты (даже съ зеркальными стеклами въ окнахъ), и мы расположились тутъ пить чай. Мнѣ очень захотѣлось написать Шелгуновымъ нѣсколько строкъ, что я и сдѣлалъ совершенно явно. Когда мы вышли садиться, я сказалъ Бурундукову, чтобы онъ бросилъ письмо въ ящикъ, прибитый у почтамта насупротивъ станціи, и видѣлъ самъ, какъ онъ опустилъ его.

Когда я въ первый разъ вынулъ свою записную книжку и

сталъ въ ней писать карандашомъ, Каменевъ спросилъ меня: «Не жизнь ли вы свою описываете?» Я отвѣтилъ утвердительно, и онъ потомъ обыкновенно говорилъ мнѣ при каждомъ удобномъ случаѣ: «А что, записали про то, какъ опрокинулись?»—«А про то, какъ смотритель содралъ за студень цѣлковый, не забыли?» и т. п.

Его очень интересовало, что такое могло быть написано въ листѣ, за который меня не только ссылали, но еще и заковали. Послѣднее, какъ говорили они, было для нихъ совершенною неожиданностью и очень ихъ смутило; имъ случалось уже препровождать такимъ образомъ разныхъ господъ, но въ кандалахъ никого не возили. «Ужъ видно бѣдовый!» Потомъ, когда я передалъ имъ, сообразно ихъ понятіямъ, содержаніе воззванія, Каменевъ очень серьезно замѣтилъ, что со мной поступаютъ несправедливо, что дѣло было тамъ написано, что я за правду пострадалъ. И онъ повторялъ это часто во все продолженіе дороги. Особенное впечатлѣніе произвели на него, кажется, мои слова о томъ, что крестьянъ обманули волей и что необходимо уменьшить срокъ службы солдатамъ.

Впрочемъ, мы скоро обо всемъ переговорили, и я большую часть дороги могъ молча предаваться моимъ безконечнымъ, тяжелымъ и грустнымъ думамъ.

Разъ я какъ-то началъ говорить о томъ, какая гадость—жандармская обязанность, какой позоръ—служить въ Третьемъ Отдѣленіи, какая низость—всякій доносъ и такъ далѣе въ этомъ родѣ. Провожатые мои, особенно Каменевъ, слушали меня съ большимъ вниманіемъ. Имъ, казалось, это было совершенно ново.

— Ну, что, правду я говорю?—спросилъ я, наконецъ.

— Правду,—отвѣчалъ, задумавшись, Каменевъ.—Вотъ, хотя бы у насъ былъ такой случай. Что ужъ можетъ гаже быть? А есть этакіе подлецы!

И онъ мнѣ разсказалъ объ одномъ жандармѣ, который за какое-то преступленіе былъ приговоренъ къ шпицрутенамъ. Онъ прошелъ сквозь тысячу человѣкъ. Когда его привезли въ лазаретъ, одинъ изъ товарищей, видя страшное положеніе его, подошелъ къ нему съ сожалѣніемъ и предложилъ ему чарку вина, чтобы онъ подкрѣпился; наказанный жандармъ, почти умиравшій, не нашелъ ничего другого сказать товарищу, что онъ донесетъ на него за это противозаконное предложеніе.

Я такъ засидѣлся въ послѣдніе три мѣсяца, что мнѣ безпрестанно хотѣлось ходить, хотя этому и значительно мѣшали кандалы. Какъ только мы отъѣхали станціи три отъ Шлиссельбурга, я сталъ выходить изъ возка почти при каждой перемѣнѣ лошадей. Меня смущало только отчасти бряцанье моихъ цѣпей; но сдѣлать ихъ менѣе звонкими мнѣ не удалось. Станціи за двѣ до Новой Ладоги Бурундуковъ принялся обматывать ихъ нашедшимся

насъ холстомъ; но это не помогло. Главное неудобство заключалось въ томъ, что въ городахъ, гдѣ не случалось на станціи ничего поѣсть, нельзя было, не возбудивъ придирокъ, идти въ гостиницу или въ трактиръ, особенно если онъ еще былъ далеко отъ почтоваго двора. Одинъ непріятный случай такого рода я сейчасъ разскажу, а теперь стану продолжать по порядку.

Я ужъ сказалъ, что въ Тихвинъ мы пріѣхали рано утромъ 16-го декабря. Хозяинъ дома не хотѣлъ здѣсь взять ничего съ меня за чай, сливки и хлѣбъ, говоря, что это было бы грѣхомъ. Здѣсь еще не привыкли къ «несчастнымъ», ѣдущимъ въ своемъ экипажѣ. Дальше, около Тобольска и за Тобольскомъ, наоборотъ, кажется, потому и норовили взять съ меня за все подороже, что я—«секретный», и ѣду самъ по себѣ, а не тащусь съ партіей.

Когда я садился въ возокъ въ Тихвинѣ, ко мнѣ подошла нищая и стала просить. И ямщикъ, и всѣ стоявшіе близко начали останавливать ее, крича: «Развѣ не видишь? развѣ у такихъ просятъ? Ты посмотри ему на ноги-то?» И тутъ разница между мѣстами, близкими отъ Сибири и далекими. Здѣсь я уже не встрѣчалъ больше нищихъ; а тамъ, то есть подальше отъ Петербурга, они на всякой почти станціи обступали меня, и я бралъ постоянно мѣдныя деньги у Каменева, которому жалко было платить ихъ не только даромъ, но даже и за дѣло, хоть бы, напримѣръ, за ѣду, за чай.

На слѣдующее утро мы пріѣхали въ Устюжну, во время обѣдни. День былъ воскресный, и надъ городомъ стоялъ гулъ благовѣста. Здѣсь при станціи была гостиница; мы остались поѣсть, потому что дальше трудно было разсчитывать на обѣдъ, и я очень обрадовался тремъ-четыремъ номерамъ «Сѣверный Пчелы», въ которыхъ, впрочемъ, не было ровно ничего интереснаго.

Такъ какъ было еще рано, обѣдня только что начиналась и въ трактирѣ не было еще посѣтителей, то мы расположились въ общей залѣ, рядомъ съ билліардной. Тамъ скоро раздалось стуканье билліардныхъ шаровъ, и въ полуотворенную дверь было мнѣ видно, какъ тамъ какой-то офицеръ принялся играть съ маркеромъ. Онъ то и дѣло заглядывалъ въ комнату, гдѣ я сидѣлъ, и, наконецъ, вошелъ.

— Вы, вѣроятно, господинъ Михайловъ?—спросилъ онъ меня и отрекомендовался офицеромъ Софійскаго какого-то полка.

Его особенно интересовало студенческое дѣло. Онъ спрашивалъ меня, выпущены ли студенты изъ крѣпости, и на какихъ основаніяхъ; много ли изъ нихъ сослано, куда именно, на долго ли. Я, насколько могъ, удовлетворилъ его любопытство.

Замѣчу кстати, что вѣсть о моей ссылкѣ какъ-то особенно быстро прошла по всей дорогѣ, которую я совершалъ. Не говоря уже о городахъ, не было почти станціи, гдѣ бы смотритель не зналъ моего имени и, завидѣвъ жандармовъ, не спрашивалъ, не

Михайловъ ли это. Жандармы не разъ выражали мнѣ свое удивленіе по этому поводу.

Вечеромъ на четвертый день по выѣздѣ изъ Шлиссельбургской крѣпости мы добрались скучной и утомительной дорогой до Ярославля. Цѣлый день мнѣ не удалось нигдѣ перекусить. Богатый торговый городъ Рыбинскъ тоже не выручилъ: гостиница была гдѣ-то за версту отъ станціи, а въ другой поблизости ничего не готовили по случаю поста. Я рѣшилъ перетерпѣть голодъ до Ярославля.

На станціи тоже ничего нельзя было достать здѣсь, кромѣ чая.

Жандармы мои рѣшили ѣхать въ гостиницу, куда привели бы и почтовыхъ лошадей. Мы отправились, и скоро возокъ мой остановился у хорошо освѣщеннаго подъѣзда очень большого зданія, какія рѣдко встрѣчаются въ нашихъ губернскихъ городахъ.

Бурундуковъ пошелъ справиться, есть ли отдѣльный номеръ, и послѣ какихъ-то долгихъ переговоровъ пришелъ съ трактирнымъ слугой во фракѣ объяснить, что свободные два-три номера есть только въ третьемъ этажѣ. Въ общихъ залахъ довольно таки гостей, а идти въ номера можно по корридорамъ только мимо ихъ. Бурундуковъ замѣчалъ, что это «ничего». Я вынулъ изъ дорожнаго мѣшка два полотенца и опуталъ ими кандалы; но они не бряцали только до входа моего въ большую очень хорошо убранную прихожую, гдѣ передо мной растворилъ дверь весьма приличный швейцаръ. И эта прихожая, и широкая, устланная ковромъ лѣстница напомнили мнѣ хорошія заграничныя гостиницы, и я никакъ не могъ не подумать, что тамъ нигдѣ не былъ бы возможенъ визитъ въ родѣ моего.

Слуга слегка поддерживалъ меня, чтобы я могъ ступать не такъ твердо, когда мы входили по лѣстницамъ и шли по широкимъ и свѣтлымъ корридорамъ. Кандалы мои предательски позвякивали, несмотря на мои старанія ступать какъ можно осторожнѣе. Мы прошли мимо ярко освѣщенной столовой.

Двери въ корридоръ были отворены; но господа, бывшіе тамъ, были слишкомъ заняты разговоромъ или обѣдомъ, и не слыхали интереснаго звяканья. Рядомъ были отворены двери и изъ билліардной. Тамъ шла игра; но одинъ господинъ выглянулъ таки на меня въ корридоръ. Замѣчательно то, что звука кандаловъ нельзя принять ни за что другое. Всякій сейчасъ же устремляетъ глаза на ноги, и никакъ не подумаетъ, какъ бы тихо они ни брякали, что это звонятъ мѣдныя деньги въ карманѣ или что нибудь другое. Выглянувшій господинъ, къ счастью, не отличался, вѣрно, чуткостью.

Наконецъ, взобрались мы въ третій этажъ, въ просторную и чистую комнату, и я заказалъ обѣдъ. Мы еще не успѣли кончить обѣда, какъ явился въ комнату какой-то маленькій горбунъ, слабое подобіе Квазимодо по лицу, въ черномъ сюртукѣ. Это, какъ ока-

залось, былъ староста на станціи, явившійся за полученіемъ денегъ.

Онъ, впрочемъ, не удовольствовался тѣмъ, что взялъ прогоны, и, надѣясь, вѣроятно, получить еще хоть цѣлковый, поднялъ вопросъ о томъ, имѣли ли право жандармы въѣзжать со мной, «секретнымъ» арестантомъ, въ гостиницу.

— Это такъ нельзя оставить,—говорилъ онъ гадкимъ, какимъ-то разбитымъ голосомъ.—Мнѣ законы извѣстны. Вамъ слѣдовало въѣхать въ станціонный домъ. Вы еще за это отвѣтите.

Бурундуковъ вспылилъ.

— Прогоны ты получилъ,—раскричался онъ:—такъ и ступай себѣ. Что ты тутъ за начальникъ, что пришелъ спрашивать? Да я отвѣчать-то тебѣ не хочу. Почемъ ты знаешь, какія у меня инструкціи? Вонъ сейчасъ отсюда!

Горбунъ, вѣроятно, ждавшій мировой сдѣлки, началъ ворчать что-то подъ носъ себѣ, изъ чего можно было разобрать только:

— Здѣсь вѣдь тоже есть и ваше начальство... Штабъ-офицеръ... Здѣсь же назадъ-то поѣдете... заставятъ васъ отвѣчать!

— Пошелъ, тебѣ говорятъ, вонъ! Жалуйся, кому знаешь!—крикнулъ Бурундуковъ уже такъ рѣшительно, что поганый горбунъ разсудилъ убраться поскорѣе отъ грѣха.

Каменевъ все это время сидѣлъ, молча, и съ совершеннымъ безстрастнымъ спокойствіемъ въ лицѣ пилъ чай, стаканъ за стаканомъ. Надо замѣтить, что хоть ему и были ввѣрены деньги и бумаги, но онъ старшинствомъ уступалъ Бурундукову, и былъ обличенъ довѣріемъ начальства, вѣроятно, въ этомъ случаѣ только по знанію своему грамоты да по примѣрной своей «умѣренности и аккуратности». Даже у меня въ возкѣ принадлежало ему лишь второстепенное мѣсто. Онъ сидѣлъ задомъ къ кучеру, на чемоданѣ моемъ, вмѣсто скамейки, и только когда особенно уставалъ и хотѣлъ спать, Бурундуковъ уступалъ ему мѣсто, да и то большею частью лишь тогда, какъ самъ уже хорошо выспался.

Только по уходѣ горбуна, Каменевъ, опрокидывая стаканъ на блюдечко, замѣтилъ:

— Что ему, дураку, нужно было?

Мы выѣхали изъ города благополучно; но насъ какъ будто преслѣдовало проклятье горбуна. Зимняя дорога шла Волгой. Вскорѣ послѣ того, какъ мы выѣхали, поднялся вѣтеръ, не особенно сильный, но со снѣгомъ, и поднялъ небольшую мятель. Мы преспокойно задремали, никакъ не воображая, чтобы, ѣдучи по льду рѣки, можно было, даже при сильной мятели, сбиться съ дороги. Но это именно случилось.

Когда кто-то изъ насъ проснулся и тотчасъ разбудилъ другихъ, мы стояли надъ полыньей. Ямщикъ не зналъ, что дѣлать и гдѣ дорога. Послѣ долгихъ поисковъ, онъ рѣшилъ, что мы не по той сторонѣ ѣдемъ, и повернулъ назадъ. Потомъ онъ еще раза два

ворочался и, наконецъ, съ самымъ твердымъ убѣжденіемъ объявилъ, что дорога найдена, и что теперь остается до станціи не больше половины пути. Спалъ онъ, что ли, или ѣхалъ въ первый разъ, или по какой разсѣянности потерялъ дѣйствительно занесенную снѣгомъ дорогу,—но онъ сваливалъ все на какихъ-то проѣзжихъ въ саняхъ, которые видимо *обогнали* его. Мы безпрестанно спрашивали его, скоро ли же, наконецъ, станція. Онъ отвѣчалъ все, что сейчасъ.

Ночь была довольно темна, но скоро на снѣгу можно было разсмотрѣть чернѣющія строенія, а за ними бѣлѣющую церковь.

— Это станція?

— Станція.

Не успѣли мы успокоиться на этомъ извѣстіи, какъ ямщикъ, повернувшись къ намъ, какъ-то странно проговорилъ:

— А вѣдь это не станція.

— Такъ что же?

— Да я и самъ не знаю.

Это былъ снова Ярославль, но ямщикъ, какъ Одиссей, вынесенный на родной берегъ, не узналъ его. Мало того: онъ долго не хотѣлъ согласиться и съ жандармами, когда тѣ начали увѣрять его, что онъ обратно привезъ насъ въ Ярославль.

Когда онъ убѣдился, наконецъ, въ этомъ, отчаяніе его было неизобразимо, и онъ и дорогой, и по пріѣздѣ на почтовый дворъ не переставалъ изумляться своей ошибкѣ и изрекать проклятія на встрѣтившіяся ему сани и на какихъ-то лѣшихъ, сидѣвшихъ въ нихъ. Къ досадѣ его прибавилось еще что-то въ родѣ лихорадки: отыскивая дорогу, онъ вымокъ по поясъ въ сугробахъ и зажорахъ.

Горбунъ, вѣроятно, удовлетворенный нашею неудачной поѣздкой (оказалось, что мы плутали пять часовъ), смотрѣлъ уже кротко и помалкивалъ. Но для производства слѣдствія явился почтосодержатель, какой-то отставной офицеръ, и распорядился, чтобы съ нами отправился провожатый съ фонаремъ.

Въ утѣшеніе онъ сообщилъ, что и самъ начальникъ губерніи этой же дорогой ѣздитъ всегда, и недавно еще застрялъ гдѣ-то въ зажорѣ.

На этотъ разъ мы доѣхали до станціи, хоть и тащились опять пять часовъ.

Если бы не это плутанье, по утру могли бы мы быть въ Костромѣ, но были только въ Нерехтѣ, а Кострому проѣхали только въ серединѣ дня.

Я былъ уже сильно истомленъ дорогою, потому что нигдѣ не отдыхалъ; но мнѣ хотѣлось сдѣлать хоть половину пути, который казался мнѣ безконечнымъ. Спутники мои мнѣ надоѣли и опротивѣли; въ головѣ была какая-то путаница отъ неизвѣстности того, что меня ожидаетъ; на сердцѣ горько и одинако; сны видѣлись все о свободѣ, да о бѣгствѣ, да о друзьяхъ, а иногда и такіе,

что я просыпался отъ испуга. Съ самаго отъѣзда изъ Петербурга и до Тобольска я былъ словно растерянный какой, и не могъ ничего сообразить хорошенько, и все какъ будто что-то щемило мнѣ сердце. Спать приходилось мнѣ, сидя, и это еще болѣе утомляло меня. Протянуть ноги, значило только подвергнуть ихъ холоду. И такъ онѣ у меня безпрестанно зябли, несмотря на толстые и теплые сапоги. Какъ ни старался я укрывать свои кандалы, они быстро холодѣли; холодѣли и кольца, которыя, какъ когти, охватывали мнѣ ноги, и ноги начинали ныть и тосковать.

Но мнѣ хотѣлось ѣхать скорѣе, чтобы скорѣе добраться до мѣста. Я лишь не на долго остановился въ Вяткѣ, чтобы пообѣдать да написать письмо. Хозяйка дома, въ которомъ помѣщается почта, видя, какъ я изнеможенъ, упрашивала меня остаться переночевать, а на ночь сходить попариться въ банѣ. О банѣ, разумѣется, нечего было и думать, потому что я не могъ бы снять съ себя брюкъ при узкихъ кольцахъ кандаловъ; но и ночевать, несмотря на явное желаніе и моихъ провожатыхъ отдохнуть немного, я не хотѣлъ остаться. «Доѣду хоть до Перми, и тамъ отдохну. Всетаки хоть половина первой части дороги будетъ назади», думалъ я, и такъ и сдѣлалъ.

Утро Рождества встрѣтили мы въ только-что отстроенной, сырой и холодной станціонной избѣ. Горница была очень большая; вездѣ отъ стѣнъ дуло; изъ оконъ тоже. Одиночныя рамы въ окнахъ дрожали и скрипѣли отъ жестокаго вѣтра, который вылъ, какъ бѣшеный, около одинокостоящаго дома.

Это былъ праздникъ только для Каменева. Онъ могъ разговѣться и перестать завидовать мнѣ, что я пью чай съ молокомъ, когда случалось найти молоко. Въ горницѣ ярко топилась большая печь, и мы оттащили столъ изъ передняго угла къ ней и тутъ напились чаю; съ одного боку подпекала насъ печка, а съ другого обдувалъ вѣтеръ; такъ что пламя свѣчи на столѣ колебалось и сало оплывало. Было еще темно.

Въ ночь этого же дня, добрались мы, наконецъ, до Перми. Мы пріѣхали туда часу во второмъ. Отдохнуть было уже рѣшительно необходимо: у меня ломило спину и всѣ кости; ноги были, какъ онѣмѣвшія. Дорога становилась все хуже и хуже: то ухабы, то снѣгъ по колѣни, то снѣгъ сдуло съ дороги. Въ иныхъ мѣстахъ такъ было выбито, что я ѣхалъ съ постоянно замирающимъ сердцемъ: вотъ сейчасъ ухабъ! и каждый толчокъ экипажа отдавался рѣзкой болью у меня въ головѣ.

Во второмъ этажѣ пермскаго почтоваго дома было нѣчто въ родѣ гостиницы: три-четыре просторныхъ комнаты съ узкими диванами по стѣнамъ и съ голыми кроватями. Побоявшись клоповъ, я улегся на диванѣ и проспалъ ночь, какъ убитый, несмотря на скованныя ноги. Утромъ я чувствовалъ какое-то дрожаніе во всемъ тѣлѣ: вѣроятно, застоявшаяся кровь расходилась. Хотѣлъ

было написать письмо, но у меня было какое-то отупѣніе въ головѣ, и руки дрожали, какъ у горькаго пьяницы. Мнѣ почему-то думалось, что я получу здѣсь какую-нибудь вѣсточку отъ друзей. Спросилъ, не справлялись ли обо мнѣ до моего пріѣзда—нѣтъ. Утромъ увидалъ я, идетъ казакъ. Дѣйствительно, онъ справлялся, кто пріѣзжіе; но, собственно, мною никто не интересовался, значитъ—письма ко мнѣ не было. Зашелъ на нѣсколько минутъ бывшій студентъ петербургскаго университета, полякъ, остановившійся тутъ же, рядомъ со мной. Онъ уѣхалъ изъ Петербурга до волненій въ университетѣ на службу сюда. Мнѣ не понравился онъ, и самую фамилію его я забылъ.

Изъ оконъ моей комнаты виднѣлась огромная пустынная площадь, вся покрытая снѣгомъ. Праздничный звонъ гудѣлъ, наводя еще болѣе тоску,—и я торопилъ жандармовъ ѣхать.

Во всю почти дорогу отъ Вятки, чуть не на каждой станціи случалось слышать:

— Вотъ недавно изъ Варшавы двухъ провезли.

Или:

— Третьяго дня ксенддъ проѣхалъ изъ Варшавы съ жандармами.

Въ Кунгурѣ, гдѣ я былъ вечеромъ въ тотъ день, мнѣ сказали, что тутъ провезли, одного вслѣдъ за другимъ, шесть ксендзовъ.

Тутъ меня еще болѣе напугали дорогой. Отсюда-то только и начинаются ухабы.

Это оправдалось, какъ нельзя лучше. Безконечные обозы съ чаями потянулись навстрѣчу и до самой Тюмени не прерывались. Дорога, дѣйствительно, была безпримѣрно выбита. Селенія, правда, начинали смотрѣть нѣсколько зажиточнѣе: не кидалась уже въ глаза та голая, вопіющая нищета, какая возбуждала тягостную тоску въ Вологодской, въ Вятской губерніяхъ. Но за то горько и тяжело было отъ другого зрѣлища. Около каждой деревни темнѣли средь глубокаго снѣга сѣрые частоколы этаповъ. По раннимъ утрамъ около ихъ воротъ стояли бабы съ калачами, съ молокомъ для несчастныхъ. Попадались партіи ссыльныхъ: скованные по четверо вмѣстѣ желѣзными наручниками, съ заиндѣвѣвшими бородами, шли впередъ каторжные; безъ оковъ, сзади, въ жалкой одеженкѣ, въ куцыхъ, не грѣющихъ казенныхъ полушубкахъ, отправляющіеся на поселеніе, еще дальше—дровни съ бабами, съ больными, съ дѣтьми, закутанными въ разное жалкое тряпье. Солдаты и казаки, какъ пастухи за стадомъ.

Екатеринбургъ проѣхалъ я въ три часа съ 27-го на 28-ое число. Я, вѣроятно, остался бы до утра, если бъ братъ Павелъ былъ это время здѣсь; но мнѣ сказали на почтѣ, что онъ не пріѣзжалъ.

О дальнѣйшей дорогѣ до Тобольска нечего было бы и говорить,

если бъ съ нами не случилось смѣшного происшествія, станціи за двѣ-за три отъ города Тюмени.

На этой станціи мы рано пообѣдали, чѣмъ нашлось. Когда выходили садиться, ямщикъ, еще молодой парень, съ круглымъ, краснымъ лицомъ и смѣлыми глазами сдѣлалъ намъ упрекъ, что мы долго слишкомъ прохлаждались за чаемъ, что лошади не стоятъ.

— Ну. такъ поѣзжай скорѣе!

И, дѣйствительно, лошади помчались, какъ стрѣла.

— Не гони; пристанутъ потомъ,—станція длинная!—останавливалъ его Каменевъ.

Вдругъ лошади остановились.

— Что такое?

— Гдѣ у васъ ямщикъ-то?—спрашивалъ мужикъ, стучась въ затворенное окно.

Оказалось, что ямщикъ слетѣлъ съ козелъ, и остался позади. Когда онъ догналъ насъ, мы увидали, что онъ еле держится на ногахъ. Видно, на морозѣ разобрало его.

— Да ты, парень, пьянъ? Того и гляди, опять слетишь да и повозку повалишь.

— Пьянъ! такъ закачу, только держись.

— Легче! Легче!

Онъ погналъ опять, какъ сумасшедшій. Возокъ трещалъ на ухабахъ.

На шестой верстѣ лошади вдругъ стали, какъ вкопанныя. Какъ ни кричалъ на нихъ ямщикъ и съ козелъ, и съ земли, они не дѣлали ни шага впередъ. Такъ простояли мы, по меньшей мѣрѣ, четверть часа.

Бурундуковъ вышелъ изъ терпѣнія, и выскочилъ изъ возка.

— Вѣдь говорили тебѣ, чтобы ты не гналъ? Вотъ стали теперь лошади.

Ямщикъ вдругъ разразился самою скверною бранью. Его уже совсѣмъ разобрало.

— Оттого и стали, что ты гналъ меня,—кричалъ онъ, чуть не къ каждому слову прибавляя отвратительное русское ругательство:— ты и меня всего избилъ! Саблей меня въ бокъ тыкалъ!

Онъ вралъ все это.

Шагахъ въ двадцати виднѣлась крайняя изба только-что проѣханной нами маленькой деревушки.

— Что съ нимъ толковать?—обратился ко мнѣ Бурундуковъ.— Онъ пьянъ и какъ одурѣлый какой-то. Надо спросить тутъ лошадей въ деревнѣ; эти не довезутъ, онъ ихъ совсѣмъ загналъ.

Изъ деревни кто-то ужъ увидалъ, что съ нашимъ возкомъ что-то случилось, и тутъ какъ разъ подошло мужиковъ пять-шесть. Лошадей у нихъ не оказалось. Ямщикъ, обрадовавшись слушателямъ, началъ кричать съ тою же бранью еще громче.

Въ каждомъ словѣ его выражалось то ожесточеніе, которое

глубоко таитъ въ себѣ нашъ простолюдинъ противъ всякаго, въ особенности же противъ военнаго, начальства. Въ солдатахъ онъ привыкъ видѣть не собрата своего, который несчастнымъ случаемъ попалъ самъ чуть-что не въ каторгу, а грабителя своего и притѣснителя. Да и, впрочемъ, не изъ чего было вынести другой взглядъ. Особенно жандармъ долженъ быть ненавистенъ, по своему произволу, по безнаказанности.

Ямщикъ ругался и кричалъ, не умолкая. Онъ на каждомъ словѣ клеветалъ на моихъ провожатыхъ.

— Они изжили меня,—вопіялъ онъ:—гнали во всю мочь. Только и кричали, что пошелъ да пошелъ. Съ козелъ меня столкнули... А ты кто такой?—обратился онъ къ Бурундукову, размамахивая руками.—Генералъ—ты, что ли, какой? Ты солдатъ (и крѣпкое словцо)... солдатъ безштанный (и опять крѣпкое словцо).

Бурундуковъ и Каменевъ объяснялись, между тѣмъ, съ мужиками, и изъ этихъ объясненій выяснилось, что въ деревушкѣ всего-то три двора, и лошадей нѣту.

— Надо съѣздить назадъ на станцію, за лошадьми. Помогите-ка кто-нибудь отпречь пристяжную.

Мужики не двигались.

— Что же вы?

— Не замай, братцы!—кричалъ ямщикъ.

— Что жъ, наше дѣло тутъ сторона. Что жъ мы?

— И то, братцы.

Бурундуковъ пошелъ отпрягать лошадь.

— Нѣтъ ты не смѣешь отпрягать,—закричалъ ямщикъ.—Не дамъ я тебѣ.

Онъ рванулся было къ нему, но свалился и едва приподнялся, скользя на обледенѣломъ снѣгу дороги.

— Видите, какъ онъ пьянъ,—замѣтилъ Каменевъ мужикамъ.

— Точно, что маленько выпивши.

Но не успѣлъ Каменевъ отойти шага на два-на три, какъ они принялись наускивать ямщика:

— Не давай, не давай!

Ямщикъ кинулся, и на этотъ разъ удачнѣе,—да поздно. Вдвоемъ жандармы успѣли уже отпречь лошадь, и Бурундуковъ сѣлъ на нее верхомъ.

Тутъ-то разразился нашъ ямщикъ.

Въ то время, какъ Бурундуковъ удалялся отъ насъ назадъ, онъ напустился на Каменева, который, какъ и товарищъ его—надо признаться—вели себя какъ нельзя лучше во всей этой исторіи.

Теперь ямщикъ далъ другой оборотъ своимъ ругательствамъ.

— Ты кого везешь?—кричалъ онъ, все съ тѣми же неизбѣжными приговорками.—Ты секлетнаго везешь. Вотъ кого! Не генерала ты везешь, а секлетнаго. А въ чемъ ты его везешь? Я, братъ, законы

знаю. Развѣ въ этакой избушкѣ секлетныхъ возятъ. На то перекладная есть. А ты его съ проходной везешь.

— Молчи ты, когда съ тобой не разговариваютъ,—попробовалъ кротко замѣтить ему Каменевъ.

— Не стану молчать!—еще громче голосилъ ямщикъ.—Секлетнаго-то ты въ избушкѣ въ этой везешь? Ты кто такой? Жандармъ ты (словцо)... А сабля у тебя гдѣ? Захочу, я тебѣ все рыло расхлещу. Съ секлетнымъ ты ѣдешь, а гдѣ у тебя сабля? А!.. Жандаръ ты, а я плевать хочу на тебя. А пистолетъ у тебя гдѣ? Секлетнаго ты везешь... Секлетнаго или нѣтъ?.. А какъ же ты его безъ сабли везешь!

Каменевъ подошелъ къ растворенной дверцѣ возка и началъ говорить со мной.

Тутъ совершилось нѣчто совсѣмъ неожиданное.

Пользуясь, вѣроятно, тѣмъ, что жандармъ не обращаетъ на него никакого вниманія, и подзадоренный мужиками, ямщикъ вдругъ вскочилъ на козлы, крикнулъ на лошадей въ источный голосъ, и лошади, вѣроятно, съ испугу помчались. Я захлопнулъ поскорѣе дверцу возка и отворилъ маленькое оконце впереди.

— Стой! Куда ты? Остановись! Держи лошадей,—кричалъ я ямщику.

Но онъ ничего не слушалъ, размахивалъ кнутомъ, какъ сумасшедшій, и только отчаянно ухалъ на лошадей.

— Что, плохо везу? Плохо!—восклицалъ онъ по временамъ. — Пристали лошади? а! Вотъ какъ я на парѣ троихъ везу.

Ясно было, что онъ ничего не помнитъ.

Видя, что слова мои не помогаютъ, я схватилъ его за поясъ, потомъ за плечо, но толку никакого не было: онъ продолжалъ гнать все сильнѣе и сильнѣе.

Наконецъ уже, онъ какъ-то неловко пошатнулся, неловко потянулъ возжи, и лошади круто повернули въ сторону и уперлись въ сугробъ. Мы проскакали версты три.

Тутъ догналъ насъ Каменевъ верхомъ. Мужики испугались, видя, что можетъ выйти плохо для нихъ, и поспѣшили дать ему лошадь. Онъ съ великимъ трудомъ усадилъ ругавшагося ямщика на козлы, сѣлъ съ нимъ самъ, и мы поѣхали назадъ, чтобы встрѣтиться съ Бурундуковымъ.

Замѣчательнѣе всего то, что когда, стоя около сугроба, ямщикъ опять принялся за ругательство и опять кричалъ: «ты секлетнаго везешь?» и проч., и когда я крикнулъ ему: «Да перестанешь ли ты ругаться?», онъ вдругъ нѣсколько присмирѣлъ, подошелъ ко окошку, въ которое я глядѣлъ, снялъ шапку и принялся оправдывался передо мной, называя меня: «ваше превосходительство». Не думайте, чтобы въ этомъ названіи, какъ и вообще въ обращеніи ко мнѣ, была хоть искра ироніи.

Когда мы отъѣхали немного назадъ и Бурундуковъ встрѣтился

намъ въ саняхъ съ посланнымъ со станціи и съ парой свѣжихъ лошадей, на подкрѣпленіе остальныхъ, ямщикъ перепугался и, повидимому, совсѣмъ отрезвѣлъ.

Лошадей перепрягли, и онъ, извиняясь, сталъ просить, чтобы ему дозволили довезти насъ до слѣдующей станціи. Онъ и повезъ насъ—уже тихо и смирно, и довезъ исправно.

Если бъ мнѣ въ то время, какъ мы мчались только вдвоемъ съ пьянымъ ямщикомъ, попался какой-нибудь исправникъ или становой, онъ легко бы могъ принять меня за бѣглаго, улепетывающаго отъ погони. Кандалы мои могли бы только утвердить его въ этомъ предположеніи.

Вотъ самое интересное изъ происшествій со мной по пути изъ Петербурга до Тобольска. Затѣмъ стоитъ развѣ упомянуть, что мы четыре раза сваливались съ возкомъ и выбирались изъ него въ одну изъ дверокъ, которая оказывалась обыкновенно на мѣстѣ крыши. При этомъ, конечно, всегда почти надламывалась одна изъ оглобель, и въ ближайшей по дорогѣ деревнѣ производилась чинка. Любопытно, что три послѣднихъ паденія съ возкомъ случились какъ разъ въ три послѣдніе дня моего пути къ Тобольску—по паденію на день. Одно окно разлетѣлось въ дребезги, и мы забили его войлокомъ.

Мнѣ не хотѣлось пріѣхать въ Тобольскъ ночью, и мы рѣшили ночевать на послѣдней станціи. Здѣсь мы въѣхали на такъ называемую земскую квартиру, въ опрятную, теплую и довольно просторную избу. Было еще не поздно. Напившись чаю, я принялся писать письмо, чтобы отправить его съ жандармами. Они обѣщали доставить его аккуратно. Я не зналъ, гдѣ будутъ держать меня въ Тобольскѣ и допустятъ ли ихъ ко мнѣ,—и потому лучше было сдѣлать дѣло заранѣе. Тутъ же рѣшилъ я дать имъ на водку. Денегъ у меня на рукахъ не было. Вывести въ расходъ по данной Каменеву книжкѣ слишкомъ много мнѣ не хотѣлось. Я еще не искусился опытомъ въ этомъ отношеніи, и думалъ, какъ бы не было потомъ какихъ придирокъ. Поэтому я распоролъ подкладку своей шапки, въ которую друзья зашили мнѣ на всякій случай денегъ,—и вознаградилъ жандармовъ довольно щедро. Они были, конечно, какъ нельзя болѣе благодарны. Остальныя, выпоротыя изъ шапки деньги я просто на просто, безъ всякихъ опасеній и предосторожностей, положилъ себѣ въ карманъ.

По мѣрѣ приближенія къ Тобольску мнѣ не разъ встрѣчались на станціяхъ проѣзжіе и оттуда, и изъ дальнѣйшихъ мѣстъ Сибири. Всѣ почти обнадеживали меня, что меня не ждетъ ничего ужаснаго, что со мною будутъ обращаться, какъ нельзя лучше, и проч., и я, признаюсь, нѣсколько успокоился. Меня нѣсколько смущало только то, что я—первый и единственный политическій преступникъ, ссылаемый въ царствованіе Александра II въ каторжную работу. Отъ подобныхъ ссылокъ успѣли уже нѣсколько отвыкнуть въ Сибири,

и, пожалуй, я буду поставленъ въ исключительное положеніе, которое, во всякомъ случаѣ, непріятно, потому что возбуждаетъ вниманіе, а слѣдовательно, болѣе строгій надзоръ. Я зналъ, что въ Нерчинскомъ округѣ не осталось уже никого изъ декабристовъ, ни Петрашевскаго и сосланныхъ съ нимъ вмѣстѣ трехъ его товарищей.

Къ счастью, того, что я предполагалъ, не случилось. Время всетаки сдѣлало успѣхи, и я встрѣтилъ здѣсь, вмѣсто прежняго равнодушія или притѣсненія, болѣе или менѣе искреннее сочувствіе и всевозможныя удобства.

Привычка ли къ дорогѣ, или всетаки пріятное чувство, что въ Тобольскѣ узнается хоть что-нибудь рѣшительное,—только я не чувствовалъ уже того утомленія, что въ Вяткѣ и Перми. Я уснулъ очень хорошо, но проснулся довольно рано,—и мы почти тотчасъ же отправились.

Двадцать верстъ, считавшіяся отъ станціи, скоро остались за нами, и вотъ забѣлѣли на горѣ зданія и церкви Тобольска. Было около десяти часовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АКЦЕНТЪ.

(Разсказъ моего знакомаго).

I.

Лѣтъ пять тому назадъ я окончилъ гимназію въ К. Аттестатъ при этомъ получилъ средній и въ университетъ не попалъ, какъ еврей, по процентному отношенію. Собственно, меня бы приняли, если-бы я былъ получеловѣкомъ, такъ какъ полъ-процента, по разсчету, оказывался вакантнымъ, но меня на этотъ разъ признали настоящимъ, полнымъ человѣкомъ и... отказали.

Дѣло сводилось къ тому, что надо было кормить мать и младшаго братишку, оставшихся безъ всякихъ средствъ послѣ смерти отца. Надо было и самому жить, и при томъ въ чертѣ осѣдлости, такъ какъ гимназія въ этомъ отношеніи никакихъ правъ не даетъ.

Я надѣялся попасть въ университетъ, взять къ себѣ братишку, да и уроки студенту легче найти, чѣмъ „не попавшему", но... мечты — мечтами, а дѣйствительность говоритъ свое: хлѣба!—и пришлось думать только о немъ.

Началъ я усиленно искать подходящихъ занятій, веду переписку—неудача за неудачей. Наконецъ, получаю отъ знакомаго письмо о томъ, что въ мѣстечкѣ Болотищахъ, въ „чертѣ", нѣсколько семействъ соединились и подыскиваютъ для своихъ чадъ подходящаго учителя; такъ вотъ, не возьмусь ли,—жалованье не плохое. Обрадовался я, тотчасъ поѣхалъ. Осмотрѣли меня со всѣхъ сторонъ и аттестатъ мой разсмотрѣли. Кто-то изъ участниковъ „смотринъ" предложилъ мнѣ изложить свое міросозерцаніе... Я это сдѣлалъ довольно туманно... Наконецъ, отъ меня потребовали, чтобы я не выходилъ со своими учениками изъ предѣловъ чистой науки, и когда я пообѣщалъ, что за все время моего учительства я не внушу своимъ ученикамъ ни малѣйшаго подобія идеи, договоръ былъ законченъ...

Если принять во вниманіе, что меня „договаривали“, такъ сказать, сливки общества, то станетъ ясно—гдѣ я очутился. Глушь, грязь, невѣжество, подозрительность и скука, скука безъ конца. Былъ тамъ аптекарь, самъ ловившій ради экономіи какихъ-то пауковъ для приготовленія лѣкарства. Я занимался съ его мальчикомъ, и онъ ежедневно просилъ меня объ одномъ—не жалѣть рукъ и линейки.

— Науку необходимо вбивать, тогда она усвоится; и мнѣ вбивали.—Это я слышалъ отъ него неизмѣнно.

Мальчикъ его, золотушное, жалкое существо, плохо успѣвалъ, и аптекарь, видя, что я отказываюсь его бить, самъ старался колотить его въ моемъ присутствіи.

— Вамъ непріятно, такъ я за васъ, — говорилъ онъ, вѣроятно, полагая, что это мнѣ пріятно.

Затѣмъ докторъ, старый, глухой человѣкъ, спавшій по 14 часовъ въ сутки, одинъ изъ тѣхъ комичныхъ докторовъ, о которыхъ говорятъ, что въ серьезныхъ случаяхъ они пугаются не меньше больного и велятъ позвать доктора. Наконецъ, народный учитель, добрый, хотя и ограниченный человѣкъ, но, къ несчастію, безнадежный алкоголикъ. Вотъ вся интеллигенція мѣстечка.

Повторяю: это было пять лѣтъ тому назадъ; теперь многое, конечно, измѣнилось къ лучшему. Въ прошломъ году я посѣтилъ Болотищи и самъ слышалъ въ одинъ вечеръ двѣ пѣсни, прежде неслыханныя. Молодежь, расходясь, съ одного собранія, раздѣлилась на двѣ группы, и обѣ запѣли свои пѣсни. Въ одной говорилось, что еще не потеряна надежда возвратиться въ страну отцовъ; а другая съ гордостью заявляла: „Мы новый міръ построимъ, и воспрянетъ родъ людской“... И говорятъ, теперь въ Болотищахъ есть съ кѣмъ сходиться... Но въ то время...

II.

Я съ ужасомъ вспоминаю о той тьмѣ, какая царила въ этомъ грязномъ мѣстечкѣ. Прямыхъ, свободныхъ отношеній ко мнѣ я не помню, особенно въ первое время. Для всего русскаго населенія я былъ „жидъ“, и этимъ все сказано. Для тѣхъ богатыхъ евреевъ, которые меня „наняли“, я былъ чѣмъ-то въ родѣ лакея, меня почти презирали за мой бѣдный костюмъ; хозяйскія жены и дочери еле подавали мнѣ руку, а хозяева вмѣшивались въ преподаваніе и очень часто замѣчали: „пожалуйста, старайтесь,—вы вѣдь не даромъ деньги получаете“; или: „господинъ будущій студентъ, вы вчера ушли за четверть часа до срока,—чтобы это больше не по-

вторялось; сегодня занимайтесь лишнихъ четверть часа", и т. д.

Порой мнѣ казалось, что это какіе-то зулусы, принявшіе нѣкоторую европейскую внѣшность. Въ субботу они надѣвали новые костюмы, тугіе крахмальные воротники и отправлялись въ синагогу, гдѣ, растолкавъ локтями бѣдноту, усаживались на почетныхъ мѣстахъ у амвона. Видно было, что необносившіеся костюмы рѣжутъ имъ подъ мышками, воротники препятствуютъ свободно дышать и говорить; что въ синагогу они пришли не молиться, а вести громкими голосами разговоры о коммерческихъ дѣлахъ, заставляя этимъ страдать вѣрующую, молящуюся массу, что самая суббота для нихъ не праздникъ, не день торжественнаго отдыха отъ труда и для молитвы, а что-то внѣшнее, безразличное. Я ихъ прямо ненавидѣлъ минутами, не выносилъ ихъ жирныхъ лицъ, лоснящихся щекъ и глазъ, твердыхъ шляпъ, всего этого жирнаго, глянцевитаго вида, хамской манеры обращенія съ бѣднотой. А какими лакеями они, въ свою очередь, являлись по отношенію къ каждой свѣтлой пуговицѣ, цвѣтному околышу, какъ они добровольно унижались передъ надзирателемъ, урядникомъ, акцизнымъ, чуть-ли не передъ городовымъ!

У одного такого богача, Якова Исаича Гохмана, я занимался съ мальчикомъ. Весной мы втроемъ ѣздили въ городъ, къ гимназическимъ экзаменамъ, и остановились въ лучшей гостиницѣ. На прислугу, кучеровъ онъ кричалъ, мнѣ подавалъ кончики пальцевъ, но однажды, разговаривая по телефону съ исправникомъ, онъ низко кланялся телефонной трубкѣ, умильно улыбался, потиралъ руки и повторялъ: „здрасте, мое почтеніе, Петръ Петровичъ, мое почтеніе" — и все кланялся, кланялся телефону...

Средній классъ—мелкіе торговцы, зажиточные ремесленники—были симпатичнѣе, но вся жизнь ихъ была поглощена одной заботой, однимъ страхомъ — не сойти со своего сноснаго положенія на низшую ступень,—ступень нищеты. Для этого они принуждены были постоянно напрягаться, бороться, бодрствовать и... дрожать. Равновѣсіе ихъ благополучія было, дѣйствительно, очень неустойчиво.

Имъ было некогда жить, и поэтому сближаться съ ними было очень трудно. Свободнымъ днемъ для нихъ былъ праздникъ—суббота. До обѣда они бывали въ синагогѣ и молили Бога о томъ, чтобы имъ ничто не помѣшало всю недѣлю до слѣдующей субботы работать и работать, чтобы никто не убилъ ихъ, ихъ женъ и дѣтей, не разбилъ мебели и оконъ и не разорвалъ перинъ...

Послѣ обѣда въ субботу они спали въ жаркихъ, старыхъ

перинахъ, потомъ, заспанные и хмурые, провѣряли знанія своихъ дѣтей, съ помощью побоевъ пріобрѣтенныя за недѣлю въ хедерахъ, и успѣхи награждали обѣщаніемъ „копѣйки", а неуспѣшность—новыми побоями.

Потомъ отправлялись въ синагогу къ вечернимъ молитвамъ и, стряхнувъ остатки праздничнаго настроенія, возвращались домой, опять готовые вести мелочную, но жестокую борьбу...

Но всетаки были среди нихъ хорошіе люди, и даже у многихъ находилась и нѣжность, и ласка для своей семьи, изрѣдка и для чужого.

Эти копѣйки уродовали ихъ грезы, обезкрыливали мечты, лишали чувства свѣжести и непосредственности. И то, что все-таки уцѣлѣвало въ этой борьбѣ съ копѣйкой, — носило печать надорванности, тоски...

Но еще болѣе темная масса, и уже безъ всякихъ проблесковъ, составляла самую значительную по количеству часть населенія Болотищъ. Это — страшная бѣднота, безъ малѣйшаго признака какой-бы то ни было профессіи. Мнѣ всегда казалось, что всѣ они, т. е. почти половина мѣстечка, прожили до того времени, какъ я ихъ узналъ,—единственно благодаря какой-то счастливой, необъяснимой случайности, но что завтра-послѣ завтра всѣ они съ женами и дѣтьми обязательно перемрутъ съ голоду... Среди нихъ нерѣдко можно было встрѣтить семью въ 7—8 человѣкъ, кормившуюся тѣмъ, что глава семьи торговалъ самоварной мазью, по 3 копѣйки за коробку, а всѣхъ-то коробокъ у него было 10—15. Я, помню, нарочно подошелъ къ одному такому коммерсанту съ бѣльмомъ на глазу и спросилъ — сколько стоитъ коробка мази. Онъ торопливо смѣрилъ меня своимъ глазомъ и коварно, вмѣсто 3-хъ коп., назначилъ 5. Нужно было видѣть его плохо скрытое изумленіе, радость, почти восторгъ, когда я, не торгуясь, подалъ ему пятакъ. Жалкая, страшная картина! Я послѣ этого аккуратно каждую недѣлю покупалъ у него ненужную мнѣ мазь и платилъ пятакъ; вскорѣ я увидѣлъ, что еврей началъ считать меня чѣмъ-то въ родѣ доброй феи... Не только онъ самъ снималъ шапку, издалека завидя меня, но и жена его, и дѣти кланялись и провожали меня благоговѣйными взглядами... Вскорѣ меня осадили предложеніями мази на самыхъ выгодныхъ условіяхъ: въ кредитъ, съ доставкой на домъ и т. д. Я упорно отказывался, но сколько крови, нервовъ портилось у несчастнаго еврея, когда въ его присутствіи сосѣди мнѣ предлагали ту-же мазь за 3 копѣйки. Онъ бросалъ на конкуррентовъ взгляды, полные ненависти, и даже не въ силахъ бывалъ воздержаться отъ отрывистыхъ и короткихъ проклятій.

Переводя свой единственный глазъ на меня, онъ мгновенно умилялся и говорилъ:

— Милостивый государь, вы такой умный, образованный, ученый господинъ, таки сейчасъ станете купувать ихнюю мазь! Развѣ то мазь? Камень, больше ничего. Вотъ это мазь—мнедъ, мармаладъ...

И его глазъ горѣлъ при этомъ фальшивымъ восторгомъ...

III.

Трудно себѣ представить домашнюю жизнь этихъ бѣдняковъ. Вотъ Файвель—керосинщикъ, маленькій черный еврей съ такой обильной растительностью на лицѣ, что самого лица почти и не видно,—только большіе глаза смѣшно выбѣгаютъ изъ-подъ бровей и опять убѣгаютъ обратно. Самъ онъ разноситъ керосинъ по домамъ, а дома, какъ онъ мнѣ объяснилъ, жена торгуетъ тоже керосиномъ, крейдой (мѣломъ), навозомъ, который дѣтьми собирается по воскресеньямъ на базарной площади, спичками.

Файвель большой шутникъ. „Покупатель любить шутку“,— говоритъ онъ, точно оправдываясь. У него чахотка, но онъ говоритъ, что она уже давно у него, и „онъ къ ней привыкъ“.

— Мнѣ вывѣски для моего товара не надо: я кашляю, то уже всѣ знаютъ, что Файвель-керосинщикъ идетъ.

Семья у него большая — шестеро дѣтей, и всѣ дѣвочки.

— Вы не думайте,—говоритъ онъ,—имѣть 6 дочекъ—это вовсе не плохо, лучше, чѣмъ имѣть 6 милліоновъ рублей.

И каждый разъ онъ забираетъ при этомъ въ кулакъ свою огромную бороду, отчего, какъ будто, сразу становится вдвое меньше ростомъ, и лукаво задаетъ вопросъ: — а почему?—и сейчасъ-же, распустивъ кулакъ, самъ отвѣчаетъ:

— Это очень просто. Когда есть 6 милліончиковъ, такъ хочешь, чтобы было 7, ну, а если 6 дочекъ, то—довольно!

Какъ-то разъ онъ не принесъ мнѣ керосину, и я, захвативъ жестянку, отправился къ нему на домъ. Квартира его представляла собой пристройку изъ тонкихъ шелевочекъ къ полуразрушенной стѣнѣ стариннаго польскаго замка и торчала какъ-то нелѣпо и не у мѣста... Низкая, съ маленькимъ одинокимъ окошкомъ въ неплотно притворяющейся двери; оконъ,—тамъ, гдѣ они полагаются,—вовсе не было. У самаго входа, въ углу—куча навоза (это товаръ), нѣсколько кусковъ мѣлу, два ведра съ керосиномъ, мѣшокъ съ солью, затѣмъ на стѣнѣ маленькая полочка, — на ней нѣсколько па-

чекъ спичекъ, штукъ пять бубликовъ, три лимона—и больше ничего. У задней стѣны, на врытыхъ въ землю 4-хъ столбикахъ, нѣсколько досокъ,—это столъ; возлѣ него три ящика и двѣ колоды—стулья, и на веревкахъ, идущихъ вверхъ къ покатой крышѣ (потолка нѣтъ) люлька—корыто. Потомъ еще какой-то, трудно опредѣляемый, хламъ...

Меня встрѣтила высокая, закутанная въ разное тряпье женщина съ ребенкомъ въ такомъ-же тряпьѣ, пищавшимъ у нея на рукахъ. Лицо женщины нельзя было разглядѣть изъ-подъ тряпья,—видны были только красные глаза и тонкій, какъ лезвіе, носъ.

— Простите, панъ учитель,—встрѣтила она меня,—у мужа ноньче кровь пошла изъ рота, такъ онъ карасину ни вамъ, никому не носилъ. Спасибо вамъ, что у другого не взяли.— Она поспѣшно положила ребенка подлѣ себя на землю и стала отпускать мнѣ керосинъ.

— Куда-же Файвель ушелъ?—спросилъ я.—Вы, значитъ, не здѣсь живете? И дѣтей здѣсь нѣтъ?..

— Нѣтъ, мы здѣсь и квартируемъ, если пану угодно знать. Но только съ дѣтями развѣ можно торговать? Никто ничего не купитъ отъ гвалту. Дѣтки утречкомъ уходютъ, а приходютъ ночевать; когда и днемъ придутъ, но что вы подѣлаете — надо прогонять, — торговля... А мужъ ушелъ... насилу ушелъ — ему тутъ холодно. Въ гекдешѣ *) все полно, то онъ такъ пошелъ... може, кто впуститъ въ теплую хату полежать. Такъ онъ, може, и умретъ до вечера на улицѣ, а я и не узнаю... Кому сладко возиться съ чужимъ человѣкомъ— може, его никто и не впуститъ... я знаю?..

— А безъ него развѣ заработаешь? — продолжала она тихо и сосредоточенно.—Всякому другой принесетъ. У самого Файвеля всетаки брали скорѣй, чѣмъ у другого. У него и мѣрка честная, и пошутить съ господами можетъ, такъ его и люблютъ. А сюда кто придетъ?

— Холодно у васъ,—сказалъ я.—Топить, видно, нельзя,— печки нѣтъ.

— А хоть бы была, такъ что?—пальцами и печку не затопишь. Ночью всѣ въ кучу спимъ, дѣтки притулятся... А что дѣлать? Увездѣ щели, снѣгъ набивается... Только лѣтомъ дыхать можно, а осенью или весной, то еще хуже, чѣмъ шейчасъ. Тутъ подъ низомъ болото, водой все чисто заливается—и дѣтки, и товаръ, бѣгаешь, не знаешь, куда дѣться ... За то трошки торгуется. А лѣтомъ кому надо карасинъ? Никому. Ну, такъ и нѣту хлѣба, что вы думаете?..

— Что-же дѣлать?

*) Гекдешъ—больница для бѣдныхъ.

— А я знаю? Что-бъ мене такъ горе знало, какъ я знаю. Ничего. Горуемъ... Вотъ дѣти ушли, мужъ ушелъ,—а куда они приткнулись—я не знаю. Они и сами не знаютъ; то въ синагогѣ, то у шамеса *) погрѣются... какъ нибудь... Слезы уже всѣ выплакала, скоро ослѣпну,—сердце болитъ, а больше ничего... Спасибо, панъ, простите, что я вамъ долю свою говорю. Пожалуйста, у другихъ не берите карасинъ.. Что дѣлать? Просить не хочется по домамъ, не привыкли...

И въ такомъ, приблизительно, положеніи находилась почти половина мѣстечка...

Это была страстно вѣрующая масса. Да оно и понятно, такъ какъ если бы не напряженная вѣра, отвлекающая мысль отъ созерцанія своего невыносимаго положенія при вѣчномъ, вынужденномъ досугѣ,—они впали-бы въ отчаяніе, убили-бы, кажется, своихъ женъ, дѣтей, самихъ себя. Молитва вылетала изъ ихъ груди рыданіемъ, стонами, у женщинъ—почти истериками. Ихъ дѣти имѣли всегда какой-то угнетенный старчески-серьезный, мертвенный видъ.. А родители вымещали на нихъ свою горькую долю побоями, страшными проклятіями, вошедшими въ привычку.—Мама я хочу ѣсть,—говорить какой-нибудь мальчуганъ, съ большими голодными глазами на сѣромъ, безкровномъ лицѣ. А мать отвѣчаетъ:—Ѣсть? Черви чтобъ тебя ѣли! Что я тебѣ дамъ ѣсть? Господи! Что мнѣ тебѣ отдать? Душу свою? Печенки свои? Что я вамъ всѣмъ дамъ?! Мене ѣшьте, мене!.. Чтобъ васъ черный годъ взялъ...

Она бы ихъ, навѣрно, меньше проклинала, если бы меньше любила... Но, кромѣ измученной души и высохшаго тѣла, у нея, дѣйствительно, ничего больше нѣтъ для нихъ!

IV.

Но, пожалуй, ужаснѣе всего были отношенія между еврейскимъ и нееврейскимъ населеніемъ мѣстечка. Это была, собственно, не открытая вражда, а нѣчто худшее—привычное, хроническое обоюдное непризнаваніе человѣческаго достоинства. У русскихъ существовало для еврея лишь слово „жидъ“, у евреевъ для русскаго—равнозначущее „гой“. Была густая, непроницаемая, казалось, безнадежная тьма, равнодушіе къ мученіямъ и страданіямъ иновѣрца, равнодушіе болѣе холодное, чѣмъ къ страданіямъ лошади, собаки... Для характеристики этихъ отношеній очень пригоденъ старый анекдотъ о томъ, какъ мужикъ, убившій и ограбившій еврея, не съѣлъ найденной у убитаго курицы, потому что

*) Шамесъ—синагогальный прислужникъ.

былъ постный день. Я самъ сотни разъ слышалъ: „жида убить не грѣхъ"—и видѣлъ, что это не фраза, а искреннее убѣжденіе...

Я не знаю ничего гнуснѣе картины торга между евреемъ и русскимъ или полякомъ. Если въ продажѣ былъ заинтересованъ еврей,—онъ клялся не только живыми, но и мертвыми, призывая въ свидѣтели ангеловъ и Бога, призывая на себя всѣ бѣдствія и болѣзни, въ доказательство правдивости того, что было явной ложью. И, точно также, по сту разъ божился, крестился и клялся еврею христіанинъ, въ доказательство своей лжи, будучи въ ней заинтересованъ. Я часто задавалъ себѣ вопросъ: зачѣмъ они клянутся другъ другу, когда все равно абсолютно не вѣрятъ этимъ клятвамъ и даже тѣмъ меньше, кажется, вѣрятъ, чѣмъ ужаснѣе клятва. Въ этомъ было что-то унизительное, страшное!

Если бы въ Болотищи какимъ-нибудь образомъ попалъ человѣкъ, не имѣющій понятія объ отношеніяхъ евреевъ и христіанъ, то его возможно было-бы убѣдить, что въ Болотищахъ нѣтъ ни одного человѣка. Въ самомъ дѣлѣ: каждый еврей сказалъ-бы о христіанинѣ, что это „гой", а не человѣкъ, христіанинъ же о евреѣ, что это—не человѣкъ, а „жидъ". Людей не было...

Объ умершихъ не своей вѣры говорили: издохъ, поволокли,—надъ нищими издѣвались, травили ихъ собаками; упавшій среди улицы отъ болѣзни, голода, будь то женщина, ребенокъ—оставался лежать до тѣхъ поръ, покуда его не подымали „свои". Никакіе безчестные поступки по отношенію другъ къ другу не считались безчестными. Презрѣніе съ людей переносили на животныхъ: убилъ *жидовскую* собаку, убилъ *гойскаго* пѣтуха...

Это было какое-то страшное недоразумѣніе, зарождавшееся надъ колыбелью всѣхъ этихъ помраченныхъ людей и сопровождавшее ихъ вплоть до самой могилы...

VI.

Съ тяжелымъ и злымъ фономъ Болотищенской жизни удивительно характерно и своеобразно гармонично сливается въ моихъ воспоминаніяхъ образъ одного близкаго мнѣ человѣка...

Звали его Исакомъ Наумовичемъ Мусановскимъ, хотя самъ онъ произносилъ свою фамимію „Мушановшкій", потому что изрядно шепелявилъ, вообще говорилъ съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ.

Это былъ безродный старый холостякъ, грязный, обор-

ванный, съ черной, курчавой, уже начинавшей сѣдѣть, круглой головой, хохлатой и нечесаной. Его широкоплечая, сутуловатая фигура, съ головой, глубоко ушедшей въ плечи, длинныя руки и смуглое лицо съ выпяченными толстыми губами, круглыми бѣгающими глазами, съ желтизною въ бѣлкахъ, и толстый короткій носъ,—дѣлали его похожимъ на большую обезьяну.

Познакомился я съ нимъ на лѣсномъ складѣ, гдѣ онъ служилъ приказчикомъ, придя туда съ порученіемъ отъ своего знакомаго. Когда я собирался уже уходить, Мусановскій взглянулъ на меня исподлобья и спросилъ отрывистымъ, почти сердитымъ голосомъ:

— Книги у васъ есть?

— Есть,—отвѣтилъ я.

— А можно у васъ ихъ брать?

— Можно, конечно.

— Ну, такъ я передъ вечеромъ приду.

Вечеромъ онъ, дѣйствительно, пришелъ за книгами, и съ этихъ поръ знакомство наше уже не прерывалось. Впослѣдствіи Мусановскій признавался мнѣ, что ему такъ совѣстно было просить меня, незнакомаго человѣка, что онъ „чуть не лопнулъ со стыда", и только неодолимая страсть къ чтенію заставила его рѣшиться на такой шагъ.

Книги онъ прочитывалъ удивительно быстро, и поэтому приходилъ ко мнѣ довольно часто. Потомъ сталъ брать и газеты и еще чаще являлся ко мнѣ. Немалымъ удобствомъ для Мусановскаго было мое одиночество, благодаря которому, какъ онъ выражался, ему не надо было ни съ кѣмъ „знакомиться". Особенно не любилъ онъ знакомиться съ дамами, и если ему изрѣдка случалось застать у меня какую-нибудь женщину,—онъ тотчасъ же, у самыхъ дверей, поворачивался и уходилъ прочь, ворча отрывисто:—Ага, гости... Ну, такъ я послѣ...—Обыкновенно же, заставъ меня одного, онъ молча протягивалъ свою жесткую, не сгибавшуюся, какъ рукавица, руку, клалъ на столъ принесенныя книги или газеты и, если это было зимой, раздѣвался, подходилъ къ печкѣ и, грѣясь возлѣ нея, неизмѣнно произносилъ:—мг... таки тепло...

Обыкновенно я первый начиналъ разговоръ, но Мусановскій не всегда въ него втягивался, особенно если мнѣ удавалось уговорить его выпить чаю. Это было нетрудно сдѣлать. На первое предложеніе онъ отвѣчалъ категорическимъ отказомъ, но стоило повторить просьбу нѣсколько разъ — и онъ терялъ свою рѣшительность: глаза начинали шмыгать по угламъ, избѣгая встрѣчи съ моимъ взглядомъ, вмѣсто отвѣтовъ и отказовъ онъ ворчалъ и коротко мычалъ что-то отрывистое, неуловимое для пониманія и, наконецъ, прини-

малъ стаканъ съ чаемъ, казалось, лишь для того, чтобы прекратить просьбы, на которыя волей-неволей приходилось отвѣчать, а также, чтобы можно было куда-нибудь дѣть руки. Онъ поспѣшно выпивалъ нѣсколько стакановъ, видимо даже обжигаясь горячимъ чаемъ, говорилъ:—ну, книги?—и, получивъ ихъ, тотчасъ уходилъ. Поэтому я всегда колебался между двумя желаніями: напоить его чаемъ, или побесѣдовать. Къ тому или другому рѣшенію я склонялся, смотря по тому, какой видъ имѣлъ Мусановскій, и каково было мое собственное настроеніе. Иногда онъ приходилъ прямо закоченѣвшій, и я уже не отпускалъ его безъ чаю. Странно было, что именно въ такомъ состояніи онъ больше конфузился, очевидно, чувствуя, что нуждается въ томъ чаѣ, который пьетъ. Но если онъ приходилъ не со склада, а изъ дому, уже обогрѣвшись, желаніе напоить и отогрѣть его я приносилъ въ жертву своему эгоизму. Дѣло въ томъ, что бесѣды съ Мусановскимъ являлись для меня порой положительною потребностью, особенно, если настроеніе было чѣмъ-нибудь испорчено. Онъ замѣчательно умѣлъ реагировать на мое раздраженіе неистощимымъ запасомъ собственной тоски и желчи, и въ такія минуты его сарказмы были мнѣ близки и прямо-таки дороги. Къ тому же, онъ бывалъ особенно разговорчивъ почти исключительно тогда, когда подмѣчалъ черту мизантропіи въ моемъ настроеніи. Мои же радости и свѣтлыя упованія только замыкали его. Тогда онъ исподлобья взглядывалъ на меня, тяжело дышалъ и на всѣ мои попытки заговорить отвѣчалъ пожиманіемъ плечъ и пускалъ сквозь зубы: „Вамъ весело, ну, и слава Тебѣ Богу, вы себѣ веселитесь, а мнѣ не весело какъ разъ ноньче; каждый по своему»...

Въ газетахъ его интересовали исключительно политическія событія. Книги любилъ больше историческаго содержанія: о войнахъ, походахъ, политическихъ переворотахъ,— и такихъ книгъ перечиталъ въ своей жизни множество. Романовъ онъ не любилъ и бросалъ ихъ читать иногда на серединѣ:—Ну, что—говорилъ онъ презрительно - я люблю, ты люблю, онъ люблю, всѣ люблю; ну, что? Кому это хочется знать?—барышнямъ. Э, чепуха!..

VII.

Вотъ краткая біографія Мусановскаго. Отецъ его былъ лѣсопромышленникъ и къ этому дѣлу пріучилъ и сына. Потомъ, когда наступилъ срокъ, Мусановскій былъ взятъ въ солдаты вмѣсто другого, скрывшагося отъ отбыванія воинской повинности, и прослужилъ пять лѣтъ въ Закаспійскомъ

краю. На службѣ ему не повезло: онъ заболѣлъ лихорадкой въ тяжелой формѣ, а ему не вѣрили, говорили, что онъ не принимаетъ лѣкарствъ нарочно, чтобы его отпустили домой по болѣзни. Обходились очень сурово, и это недовѣріе и подозрительность во время страданій—провели въ его душѣ черту недовѣрія и подозрительности къ людямъ. Затѣмъ, послѣ выздоровленія, съ нимъ произошелъ такой случай: ротѣ скомандовали „направо", а Мусановскій, по оплошности, повернулся „налѣво". Подскочилъ фельдфебель и приказалъ сосѣду Мусановскаго плюнуть въ лицо провинившемуся... Мусановскій смолчалъ, но навсегда запомнилъ это унизительное оскорбленіе и часто о немъ вспоминалъ, какъ бы намѣренно растравляя себя. Вообще онъ какъ-то не ладилъ съ своимъ начальствомъ и считался плохимъ, ненадежнымъ солдатомъ. На смотрахъ высшаго военнаго начальства командиръ роты Мусановскаго болѣе всего опасался его ошибки.

Вернулся онъ со службы уже порядочно озлобленный и на людей, и на жизнь, но благотворное вліяніе матери, которую онъ очень любилъ, очевидно, удерживало въ его душѣ нѣкоторое равновѣсіе.

Мусановскому было 28 лѣтъ, когда на него сразу обрушился цѣлый рядъ несчастій. Въ томъ городѣ, гдѣ жила его семья, произошли антиеврейскіе безпорядки, и, въ числѣ другихъ, былъ также разграбленъ домъ его отца. Затѣмъ мать, проболѣвъ отъ испуга около года,—умерла. Отецъ, уже старикъ, черезъ два мѣсяца послѣ смерти жены женился вторично на молодой вдовѣ, которая очень скоро забрала въ свои руки и старика, и все его имущество. Мусановскій не поладилъ съ мачихой, и однажды, послѣ жестокой ссоры съ нею, ему было объявлено, что онъ свободенъ отъ дѣла и можетъ идти, куда угодно. Вскорѣ же умеръ его отецъ, подъ конецъ жизни доведенный обращеніемъ жены до какого-то ребячески-безпомощнаго состоянія,—и все имущество перешло къ ней.

Всѣ эти несчастія, слѣдуя одно за другимъ, крайне озлобили и ожесточили Мусановскаго. Тогда же, какъ онъ самъ говорилъ, возникла, между прочимъ, его антипатія къ женщинамъ. Онъ уѣхалъ изъ родного города и сталъ искать какой-нибудь службы. Знакомый его покойнаго отца, имѣвшій лѣсной складъ въ Болотищахъ, нуждался въ это время въ приказчикѣ и предложилъ это мѣсто Мусановскому, своему бывшему конкурренту. Тотъ согласился. Жалованье его было очень маленькое, что-то около 15-ти рублей въ мѣсяцъ. Неподалеку отъ моей квартиры была нанята имъ крошечная, полу-темная комнатка, гдѣ-то въ сараѣ; обѣдъ онъ варилъ

себѣ самъ, на складѣ. Рано утромъ онъ туда уходилъ и возвращался поздно вечеромъ. Знакомыхъ, кромѣ меня, у него почти не было, со мной же, какъ-то для себя самого незамѣтно, онъ сошелся довольно близко и даже, думается, привязался ко мнѣ.

Положительно могу сказать, что по характеру это былъ человѣкъ незлой и даже добродушный. Но въ его душѣ чувство прощенія было, очевидно, забито жизнью, заглушено обидами, и онъ требовалъ отъ людей голой справедливости. Въ Болотищахъ, между тѣмъ, справедливость была величайшей рѣдкостью, а такъ какъ каждая несправедливость ложилась на его душу тяжелымъ камнемъ, то онъ все больше и больше сжимался.

Иногда на него находили минуты, такъ сказать, просвѣтленія, и онъ съ незлобивой иронiей подсмѣивался надъ своимъ горькимъ положеніемъ и не такъ ужъ безпросвѣтно-мрачно смотрѣлъ на жизнь. Но это бывало очень рѣдко, обыкновенно же его воспоминанія были полны горечи непрощенныхъ и неотмщенныхъ обидъ и униженій въ прошломъ...

Помню: разъ пришелъ онъ ко мнѣ въ минуту, когда я былъ особенно радостно настроенъ; только что передъ этимъ я прочиталъ въ газетѣ корреспонденцію, свидѣтельствовавшую о сближеніи русскаго и еврейскаго населенія въ какомъ-то мѣстечкѣ, въ Болотищахъ же такое извѣстіе пріобрѣтало особенную цѣнность. Увидя меня веселымъ, Мусановскій, по обыкновенію, внутренно съежился и прямо приступилъ къ дѣлу, то есть къ книгамъ. Но я ужъ не могъ отпустить его отъ себя, не подѣлясь своей радостью. Мнѣ хотѣлось разъяснить ему смыслъ обрадовавшаго меня извѣстія, доказать ему, что это симптомъ времени, а не единичный случай, что скоро это начнется вездѣ, слѣдуетъ только работать, сближаться и т. д., и т. д.

Вначалѣ онъ слушалъ меня просто насмѣшливо: кивалъ головой и подавалъ короткія реплики, въ родѣ: «мг... мг... такъ—такъ... ай-ай-ай... скажите, пожалуйста»...—но потомъ я увидѣлъ, что его ироническій тонъ понемногу исчезаетъ и замѣняется гнѣвнымъ. Въ глазахъ его даже сверкнула ненависть, если не ко мнѣ, то къ моей горячей рѣчи... Онъ вдругъ побагровѣлъ и съ какой-то страстной злобой набросился на меня:

— Что, что!.. Вы... вы мальчикъ, вы ничего не понимаете!.. Вы думаете, что окончили свою гимназію и уже все знаете?!.. Я знаю, а не вы, потому что меня били...

— И меня били...—попробовалъ я остановить его.

— Га?.. что такое?.. И васъ били?.. Ну-ну, хорошо... А

въ морда вамъ плювали?!.. Нѣтъ, не плювали... Ну, хорошо, а когда вы были больной, то вамъ довѣряли, что вы больной?.. А васъ зимою выгоняли на улицу изъ своего дома? А за кусокъ хлѣба васъ попрекали, замучивали?.. Что вы еще скажете? Русскіе полюблютъ насъ, а мы полюбимъ русскихъ! Полюблютъ!.. Посмотрите, какая свайба вышла, цѣлуваться заразъ будутъ!.. Деньги есть, то всѣ будутъ цѣлувать—и наши, и русскіе, и американцы и всѣ, а безъ денегъ-то вы, со всѣми вашими свайбами, голодный подохнете. Вы мальчикъ и больше ничего. Гдѣ вы живете—на небѣ или на землѣ, въ Болотищахъ? Тутъ одинъ у другого жилы вытягуетъ, кости ломаетъ, кровь пьетъ, а онъ свайбы выдумалъ. Вамъ Хамизонъ много даетъ за урокъ? А, много?—А у него въ уѣздѣ три мельницы. И нехай еще будетъ триста, такъ онъ вамъ больше не дастъ. Каждый себѣ и своему семейству, а больше никому. Вы мене, пожалуста, не учите,—я, слава Богу, ученый...

— Позвольте, Исакъ Наумычъ, — пробовалъ я возражать, воспользовавшись его передышкой, — вѣдь не всѣ же такіе, какъ Хаимзонъ, есть и хорошіе, добрые люди...

— Нѣтъ, вы позвольте,—перебивалъ онъ меня.—Хорошіе, добрые люди! Когда на человѣка нападаетъ куча собакъ, то онъ говоритъ, что вотъ эта собака — хорошая, она не такъ крѣпко кусаетъ и гавкаетъ, какъ та, или та. Хорошій человѣкъ!.. Этотъ вашъ хваленый хорошій человѣкъ только меньше васъ мучитъ, чѣмъ другой, такъ вамъ и показывается что онъ хорошій. Ну, годи съ вами чепуху балакать. Вы даете книги или нѣтъ? Ну, такъ давайте. — Ну, прощайте, идите поцѣлуйтесь съ Фомкой, онъ васъ любитъ, крѣпко любитъ...

VIII.

Когда, случалось, мы сходились нимъ, оба чѣмъ-нибудь оскорбленные, онъ—постояннымъ презрительнымъ обращеніемъ своего хозяина, бывшаго конкуррента, я—какимъ-либо столкновеніемъ на урокѣ, тогда отъ насъ сильно доставалось человѣку и человѣчеству. Со стороны могло бы показаться, что между мной и Мусановскимъ происходитъ состязаніе въ очерненіи всего свѣтлаго и дорогого, въ вылавливаніи изъ явленій жизни только дурныхъ и тяжелыхъ...

— Есть что-нибудь новенькое?—задавалъ вопросъ Мусановскій, придя за газетами. Взглянувъ на меня, онъ тотчасъ подмѣчалъ во мнѣ дурное настроеніе, и это моментально располагало его ко мнѣ. Онъ раздѣвался, усаживался и вновь спрашивалъ, не глядя уже на меня:

— Ну, такъ что же вы скажете новенькое?

— А вотъ почитаю, если хотите,—отвѣчалъ я, берясь за газету.

— Ну-ну-ну, почитайте! — говорилъ онъ нетерпѣливо,— любовникъ у любовницы откусилъ носъ, или свинья дите съѣла, га?

— Хуже...

— Что, что? Вы говорите—хуже? Ну, хорошо, хорошо, прочитайте.

Я бралъ газету и читалъ: такого-то числа въ такомъ-то селѣ крестьяне убили женщину, которую все село называло вѣдьмой. Въ убійствѣ принималъ участіе и отецъ убитой, считавшій дочь вѣдьмой...

— Пхе!.. Я смотрю, что онъ мнѣ прочитаетъ такого особеннаго. Черти убили вѣдьму, что тутъ удивительнаго, вы мнѣ скажите?

— Какъ что удивительнаго?—сердился я:—Отецъ убиваетъ свою дочь потому, что считаетъ ее вѣдьмой. И все село называетъ вѣдьмой женщину, выросшую въ этомъ же селѣ. Вамъ этого мало?

— Ну-да, мало,—невозмутимо отвѣчалъ Мусановскій. — Вамъ это много, потому вы только вчера родились, а я не вчера родился, я, слава Тебѣ Богу, видалъ хуже. Во-первыхъ, вамъ не вѣрится, что есть вѣдьмы, а я вѣрно знаю, что есть—моя мачиха вѣдьма. Охъ, если-бъ ее кто убилъ прежде, чѣмъ я ее узналъ. Ну, а второе... Вы мнѣ скажите, пожалуйста, что слѣдуетъ тому человѣку, который другого отъ смерти спасаетъ? Мучить его слѣдуетъ?

— За что же? Я не понимаю васъ... Короче, пожалуйста...

— Что тутъ короче — успѣемъ. На базаръ продавать не понесутъ, и никто не купитъ. Но вотъ я вамъ сейчасъ докажу, что замѣсто спасибо даютъ по шеѣ. Было такъ. Хозяинъ послалъ мене въ Камневку принимать лѣсъ. Ну, хорошо, я себѣ поѣхалъ, нанялъ тамъ квартеру у одного мужика и живу. Но только вы, понятно, знаете, что Камневка село, и мнѣ тамъ жить нельзя, а можно только помирать. Но что значитъ нельзя, когда надо? Урядникъ взялъ рубль, еще разъ рубль и ничего, никто мене не трогалъ. А изъ мужиковъ тоже никто не донесетъ: первое, что они сами не знаютъ въ точности — гдѣ можно, а гдѣ нельзя. То они думаютъ, что вовсе нигдѣ нельзя, а то такъ, что увездѣ можно. И кто это настояще знаетъ? Никто. Ну, а второе— имъ былъ заработокъ, потому, кромѣ какъ хозяина, никто тамъ лѣсомъ не торгувалъ. Они рубили, возили, все какъ водится.

— Ну, живу я себѣ мѣсяцъ, другой, и ни съ того, ни съ сего случается такая исторія. Иду я передъ Рождествомъ че-

резъ рѣчку и слухаю: кто то кричитъ, какъ рѣзаный. Что такое? Я смотрю кругомъ и вижу: какой-то хлопчикъ въ водѣ кричитъ. Онъ, понимаете, катался на конькахъ и попалъ на такое мѣсто, гдѣ ледъ тонкій, и провалился. Извѣстно—кричитъ, стукотитъ руками объ ледъ, а ледъ, конечно, еще хуже ломается. Я побѣжалъ и вижу, что хлопчикъ почти совсѣмъ уже утопъ — не кричитъ, а только руки изъ воды выкидываетъ. А кругомъ — хоть бы кто, ни одного человѣка. Ну, извѣстно, кабы я зналъ, что изъ этого потомъ выйдетъ, то я вамъ вѣрно говорю, что я бы наплювалъ и пошелъ своей дорогой, это — какъ вы мене видите живого. Но только что? Вѣдь не знаешь и не думаешь. И жалко — тамъ русскій, не русскій, но у тебя на глазахъ утопаетъ хлопчикъ, такъ ты начнешь думать, кто онъ такой? Конечно, нѣтъ. То я, какъ стоялъ, сбросилъ съ себя пальто, прыгнулъ въ рѣчку и поймалъ хлопчика за руку. Плаваю я хорошо, и силы тоже есть, то я таки его вытащилъ, но только онъ уже былъ безъ чувствъ. То я поклалъ его на ледъ, подальше отъ воды, чтобы не свалился, а самъ побѣжалъ къ селу и сталъ, понятно, кричать. Мое счастье, что мнѣ напротивъ ѣхалъ священникъ: онъ услыхалъ—кто-то кричитъ, потомъ и мене замѣтилъ, узналъ—что такое и поспѣшилъ къ мальчику. А тотъ все безъ чувства. Тогда онъ забралъ насъ удвоихъ къ себѣ въ санки и поѣхалъ къ доктору. Ну, тамъ, конечно, шейчасъ мальчика привели въ чувству, а я таки хорошо уже замерзъ, и одежа на мнѣ—какъ дубъ. То спасибо доктору,—онъ мене раздѣлъ и велѣлъ легти въ постель и грѣлъ бутылками съ горячей водой; потомъ мнѣ давали пить малину и какое-то лѣкарство. Докторъ все думалъ, что у мене будетъ воспаленіе въ легкихъ, но кончилось все благополучно, и я не заболѣлъ. Ну, постойте, не спѣшите, вы думаете, что это все? Такъ нѣтъ.

— Я ничего не знаю, рубаю лѣсъ, да и все. А докторъ, понимаете, хорошій человѣкъ, такъ онъ подивился, какъ это я, приказчикъ, необразованный, простой человѣкъ и еще еврей, или тамъ по ихнему—жидъ, вдругъ прыгнулъ зимою въ воду за русскимъ хлопчикомъ, удивительная вещь?! Докторъ тоже былъ русскій. Такъ онъ взялъ и написалъ тамъ, не знаю куда, чтобы мнѣ выдали медаль за спасеніе погибавшихъ. Но я этого, повѣрьте, не зналъ; онъ хотѣлъ, понимаете, чтобы это было мнѣ... какъ это называется... суприэъ. Ну, хорошо. То разъ приходитъ до мене сотскій и зоветъ къ доктору. Я пошелъ,—человѣкъ хорошій, я уже у него книги бралъ. Приходю я до доктора, а тамъ и священникъ тотъ самый, что я его тогда устрѣлъ, и еще становой. У мене сразу что-то въ сердцѣ оторвалось... — Вы

спасли — спрашиваетъ становой—Ивана Шулику, когда онъ потопалъ?—Ну, я.—Раскажите, какъ было дѣло.—Ну, что тутъ расказывать? Я разсказалъ все то, что вотъ вамъ разсказалъ, и Шулика этотъ подошелъ, и его все спросили, записали, и священника, и доктора.—Молодецъ,—говоритъ становой,—медаль получите.—Спасибо, ваше благородіе.—Ну, дайте сюда вашъ документъ, я запишу. Далъ я ему свой документъ. Онъ читалъ, читалъ, а потомъ задумался и молчитъ. Я уже хорошо спугался, что онъ молчитъ.—Какъ же, говоритъ, ты здѣсь, братецъ, живешь, когда тутъ тебѣ вовсе жить не полагается?—Понимаете? Такъ и сказалъ, помню, „братецъ“.—Теперь уже я молчу. Докторъ смотритъ,—ничего не понимаетъ, и священникъ тоже.—Нельзя, говоритъ, дѣло по дѣламъ, а судъ по формѣ. Поступилъ ты хорошо, по христіанскому, но только выѣхать тебѣ всетаки придется. Скажи спасибо господину доктору,—кабы онъ за тебя не похлопоталъ, а я бы узналъ, что ты незаконно живешь, то я бы тебя по этапу. Ну, за твой поступокъ, и что докторъ похлопоталъ, то вотъ тебѣ двѣ недѣли сроку.—Я, признаться, не вытерпѣлъ досады, повернулся къ доктору и говорю:—спасибо вамъ, что вы за мене похлопотали! И всѣ они сдѣлались красные, какъ турякъ. Ну, тутъ докторъ сталъ просить, и священникъ, и я тоже трошки. А онъ одно говорилъ:—не могу. Мнѣ и самому жалко, но исправникъ дознается, и съ губерніи какая-то строгая бумага насчетъ евреевъ получилась. Я самъ боюсь пострадать.—И что вы думаете?—черезъ двѣ недѣли я таки выѣхалъ! Докторъ мене провожалъ, чуть не плакалъ.—Мнѣ, говоритъ, стыдно, это все я надѣлалъ. Они и съ священникомъ хотѣли дать мнѣ денегъ, только я не взялъ, такъ докторъ мнѣ хоть книгъ подарилъ. Графа Толстого сочиненіе „Войну и миръ“ я любилъ читать, такъ онъ написалъ на книгѣ, что на всю жизнь мнѣ обовязанъ, и подарилъ. Ну, и я уѣхалъ. Такъ это хуже вашей вѣдьмы... Кто она была—мы не знаемъ, може и какъ моя мачиха; а я хлопчика спасъ... И я тогда побожился, что нехай сто человѣкъ утопаетъ, то будь они прокляты, чтобы я ихъ спасалъ: хоть всѣ нехай утопнутъ! Досталось мнѣ отъ хозяина за мой христіанскій поступокъ... Ну, что, мало вамъ? Вы еще молодой. Вѣдьма, вѣдьма! Всѣ вѣдьмы, всѣ черти... Не говорите мнѣ спасибо, не надо вашей медали, вы хоть не мучьте! Э, что тутъ говорить, давайте книги, пойду домой.

Я молча давалъ ему книги или газеты, и онъ уходилъ, видимо довольный тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ его разсказъ...

Когда же Мусановскій бывалъ добродушно настроенъ,

онъ умѣлъ и шутить. Его опредѣленія нѣкоторыхъ жителей Болотищъ были замѣчательно мѣтки и остроумны, хотя подчасъ довольно злы, и въ такія минуты изъ самыхъ мрачныхъ картинъ онъ вылавливалъ смѣшныя черточки.

Какъ-то разговорились съ нимъ о погромѣ, бывшемъ въ его городѣ.

— Я помню,—сказалъ онъ съ усмѣшкой,—начали бить на нашей улицѣ. Такъ еще въ нашъ домъ не зашли всей кампаніей, а только авангардъ, по военному. Смотрю: Микита Вовченко, сусѣдъ нашъ, и еще два мужика пришли, пьяные всѣ. А Микита этотъ былъ хорошо знакомый. Ну, вошелъ онъ—и шейчасъ кулакомъ объ шкафу. Я говорю до него:—Микита, какъ тебѣ не стыдно по сусѣдскому?—Такъ онъ, понимаете, застиснялся, видать шейчасъ, въ глаза уже не смотритъ и говоритъ: „Слухай, Исакъ, не я, такъ другой—все одно побьютъ".—Такъ то дѣло не твое, вѣдь ты все одно помрешь, а всетаки заразъ не согласенъ помирать.—„Ишь, говоритъ, хитрый жидъ какой, что выдумалъ. Это ты правду сказалъ... Ну, такъ слухай: если я не буду бить, какъ всѣ, а по сусѣдскому пожалѣю, такъ мои сусѣди будутъ балакать, что я все одно, какъ жидъ, что жидовъ жалѣю, дражнить будутъ".—Ну, это другое дѣло, когда такъ, то бей, твоя правда,—взялъ себѣ и ушелъ.—Хоть поговорили, какъ слѣдуетъ, и то хорошо.

Болотищанскіе евреи въ общемъ не долюбливали Мусановскаго, чуждались его главнымъ образомъ, за индифферентное отношеніе къ религіознымъ обрядамъ, называли „гоемъ", „апикойресомъ" (эпикурейцомъ), а онъ только подсмѣивался надъ ними и дразнилъ ихъ. Удары жизни произвели на него дѣйствіе, обратное тому, что такъ часто наблюдается въ жизни: онъ въ несчастіяхъ не искалъ утѣшенія и надежды въ Богѣ, а уходилъ отъ него, озлоблялся, кощунствовалъ...

Вообще, онъ уже не пытался улучшить, украсить свою жизнь. Когда я придумывалъ для него различные планы, давалъ совѣты, онъ посмѣивался и говорилъ: „Себѣ посовѣтуйте, а потомъ уже мнѣ". А одинъ разъ покачалъ головой и сказалъ:

— Нѣтъ, постойте, вы мнѣ вашими совѣтами хлѣба не дадите и пальта не купите. Лучше сдѣлаемъ такъ: подайте на мене мировому, или тамъ въ палату, что я у васъ дите убилъ, или чемоданъ денегъ укралъ. То что выйдетъ? Мене допросютъ, а я не откажусь, и присудютъ мнѣ Сибирь. Больше ничего и не надо. Въ Сибири, пишутъ, очень много дѣловъ, хорошо жить, а своей волей нашему брату туда

нельзя ѣхать, а надо сперва кого-нибудь убить или ограбить. Ну, а мы съ вами и такъ обойдемся.

IX.

Въ Болотищи я пріѣхалъ зимою, и по всему видно было, что придется и вторую зиму провести въ этомъ грязномъ мѣстечкѣ: я вновь подавалъ прошеніе въ университетъ и вторично получилъ отказъ... На урокахъ я нервничалъ, и меня уже раза два предупреждали, что я получу выставку, если не буду хладнокровнѣе...

Стояла глубокая осень, грязная, тяжелая, злая... Въ Болотищахъ начинались эпидеміи, чаще умирали чахоточные, и порой думалось, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Болотищахъ всѣ перемрутъ, и некому даже будетъ хоронить мертвыхъ... О, какое это было тяжелое время! Отовсюду выползала нужда, бѣдствія, вздохи становились тяжелѣе, ругательства на улицахъ и въ домахъ мрачнѣе, безпощадныя вообще отношенія казались еще жесточе и безпощаднѣе... Точно свинцовыя, низкія тучи, цѣлыми недѣлями висѣвшія надъ головой, задавили Болотищи, заползли въ сердца и сдѣлали ихъ тоже тяжелыми и свинцовыми... Озябшія лица съ синими губами и красными, заплаканными глазами вѣчно торчали на виду, на каждомъ шагу, снились ночью, давили, мучили... Потомъ началось какое-то тревожное оживленіе, какое бываетъ у мышей въ мышеловкѣ при видѣ кошки... По улицамъ стали ходить парни съ „букетами“ на шапкахъ, пьяные, съ громкими ругательствами и безстыдными пѣснями. Часто встрѣчались еврейки съ острымъ отчаяніемъ, съ тупой тоской на лицѣ, которыя, сморкаясь въ руку и стоня, громко жаловались на свою судьбу... А по субботамъ въ синагогѣ происходили потрясающія сцены, и кого-нибудь выносили въ обморокѣ на синагогальный дворъ... Однимъ словомъ — приближался призывъ... Мы съ Мусановскимъ были мрачны и съ болѣзненнымъ наслажденіемъ терзали другъ друга и кормили ядомъ...

Въ серединѣ октября, проснувшись рано утромъ, я замѣтилъ, что свѣтлыя тѣни отъ щелей въ ставняхъ какъ-то живѣе играютъ, рѣзвятся на потолкѣ... Я быстро одѣлся и вышелъ изъ своей комнатки. Дѣйствительно, я не ошибся— выпалъ первый, осенній снѣгъ, мягкій, обильный, пушистый, сверкающій, ласковый... И казалось, что на все легла пелена ласки, привѣта,—на лица людей, на улицы, на небо и солнце... И дышалось такъ легко, какъ не дышалось уже долго-долго, мѣсяца два. И голоса звучали звонче,—или это ихъ сердце иначе принимало... Новые звуки стояли въ воз-

духѣ отъ скрипа шаговъ и колесъ по снѣгу... Казалось, будто все стало лучше, острая грусть становилась мягкой и нѣжной, тяжелое горе—легкимъ и воздушнымъ, какъ мечта, и отъ радости и грусти хотѣлось плакать-плакать, но было совѣстно передъ самимъ собой... Въ такомъ состояніи пробуждается дѣтская, горячая вѣра въ Бога безъ всякихъ сомнѣній и колебаній, и хочется страстно молиться своими словами...

Вечеромъ ко мнѣ пришелъ Мусановскій. Видно, и онъ встосковался по свѣтлымъ впечатлѣніямъ, которымъ душа его была еще временами доступна. Онъ былъ оживленъ и добродушенъ, острилъ безъ яду, шутилъ, даже смѣялся... Мои надежды и упованія не только его не злили въ этотъ вечеръ, но, казалось, и самъ онъ не прочь попытаться былъ имъ повѣрить.

— Погодите, Исакъ Наумычъ,—говорилъ я,—еще мы съ вами увидимъ лучшія времена. Такихъ, о которыхъ говоритъ пророкъ Исаія,—чтобы левъ лежалъ рядомъ съ ягненкомъ и не трогалъ его, чтобы перековали мечи на серпы—этого, конечно, не увидимъ, но, во всякомъ случаѣ, человѣкъ, я вѣрю, перестанетъ терзать и ненавидѣть своего ближняго за то, что у него другая кличка. Вотъ посмотрите: въ пользу голодающихъ евреевъ только что вышла книга, мнѣ прислали,—такъ ни одного еврейскаго писателя: все русскіе или поляки.

— Ну-ну, дай Богъ,—отвѣчалъ Мусановскій, вертя въ рукахъ книгу.—Вы думаете, что это сладко, когда всѣ тебя ненавидятъ, и ты всѣхъ ненавидишь? Только я говорю—наврядъ мы лучшее увидимъ. Може, наши дѣти—ну, другое дѣло. Вы человѣкъ молодой, горячій, а я пожилъ, но всетаки, конечно, вы ученый и больше мене знаете, може и такъ—я знаю? То, что тѣ написали—это хорошо, но вы мнѣ скажите—кто это будетъ читать? Наши, евреи, га? А тѣ, что бьютъ и ненавидятъ, развѣ будутъ читать? Черезъ тыщу лѣтъ. Еще еврей еврея давитъ, русскій русскаго, то вы хочете, чтобы они другъ дружку не давили? Это пока невозможно.

— Мы еще увидимъ много перемѣнъ.

— Увидимъ, такъ увидимъ, дай Богъ,—согласился Мусановскій.

Сидѣлъ онъ у меня въ этотъ вечеръ часовъ до десяти, потомъ взялъ нѣсколько газетъ и ушелъ. Я проводилъ его до воротъ. Была темная-претемная ночь, даже бѣлизна снѣга едва различалась,—луна всходила поздно, между часомъ и двумя ночи. Гдѣ-то вдали слышна была пѣсня, — вѣроятно, рекрута гуляли...

— Прощайте, Исакъ Наумовичъ,—сказалъ я,—вы сейчасъ

домой?—Его квартира находилась въ десяткѣ саженей отъ моей.

— Да, я зайду домой. Возьму квитанцію и отнесу хозяину. Не знаю, зачѣмъ ему такъ скоро надо квитанціи со склада... спѣшка.

— Смотрите, остерегайтесь,—рекрута пьяные гуляютъ: еще поколотятъ васъ.

— Мнѣ это не страшно,—слава тебѣ Богу, колотили. И кто тамъ будетъ мене колотить—у мене тутъ ни враговъ, ни друговъ.

Потомъ онъ разсмѣялся и добавилъ шутливо:

— И вѣдь вы сами только что говорили, что перестанутъ бить и ненавидѣть.

— Ну, сегодня еще могутъ побить по привычкѣ!—пошутилъ я въ тонъ Мусановскому.

И онъ ушелъ, а я возвратился къ себѣ и сѣлъ что-то читать, кажется, именно ту книгу, о которой говорилъ съ Мусановскимъ. Сквозь ставню вскорѣ стало доноситься нѣсколько голосовъ, оравшихъ пьяную пѣсню—очевидно, рекрута приближались къ моей квартирѣ. Потомъ мнѣ показалось, что гдѣ-то неподалеку раздался крикъ, не въ тонъ пѣснѣ, и самая пѣсня оборвалась... Сердце сжалось тяжелымъ предчувствіемъ... Я прислушался... Но все было уже тихо, и прерванная пѣсня опять издалека донеслась — значитъ, рекрута удалились. Я вышелъ во дворъ, но все было тихо, и я рѣшилъ, что крикъ почудился моей взволнованной душѣ...

Возвратясь въ комнату, я улегся въ постель и вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ... Приснился мнѣ бѣлый пушистый снѣгъ, мягкій, пріятно-холодный... Потомъ появился Мусановскій, протягивающій мнѣ руку, и рука тоже мягкая, холодная, бѣлая, какъ снѣгъ. Я жму ее, но она безъ остатка исчезаетъ въ моей рукѣ... Я хочу обнять Мусановскаго, но и онъ исчезаетъ, и я обнимаю пустоту, а Мусановскій уже дальше отъ меня стоитъ и серьезно на меня смотритъ... Я пытаюсь подойти къ нему, но не въ силахъ сдвинуться съ мѣста... Онъ зоветъ меня къ себѣ жестами, а я все на одномъ мѣстѣ. Я хочу крикнуть старому еврею, чтобы онъ убѣгалъ, а то его побьютъ рекрута, гдѣ-то поблизости поющіе, но голосъ не повинуется моимъ страшнымъ, послѣднимъ усиліямъ... и я молчу, а Мусановскій, точно отгадавъ мою мысль, говоритъ: „можутъ побить? Ну, такъ побьютъ"... — и голосъ его, ужасно громкій, наполняетъ громомъ всю мою голову.

Я сразу вскочилъ съ кровати... Ставня открыта, и въ окно свѣтитъ луна. Кто-то изо всѣхъ силъ колотитъ въ окно и кричитъ:

— Вставайте, Мусановскаго убили!..

Черезъ пять минутъ я уже былъ на дворѣ. Какой-то незнакомый мнѣ человѣкъ, спѣша и заикаясь, объясняетъ мнѣ, что возлѣ моего дома лежитъ Мусановскій, весь въ крови, повидимому, мертвый... Я выхожу на улицу. Возлѣ самыхъ воротъ лежитъ навзничь Мусановскій. Луна свѣтитъ ему прямо въ лицо, которое кажется чернымъ отъ покрывающей его крови... Разбудившій меня еврей успѣлъ также разбудить и хозяина моей квартиры. Онъ подходитъ съ фонаремъ, и свѣтъ отъ свѣчи, колеблясь, играетъ яркими кровяными бликами на лицѣ моего друга и освѣщаетъ ужасную картину...

Вокругъ верхушки елки, изъ-за которой свѣтитъ луна, сіяетъ золотой, легкій вѣнчикъ, снѣгъ искрится и сверкаетъ своими холодными алмазами, а у ногъ моихъ—близкій человѣкъ, только что добродушно шутившій, безмолвно лежитъ съ лицомъ, залитымъ кровью... И было что-то кощунственное, безконечно унизительное для души въ диссонансѣ торжественно-красивой природы и этого злого человѣческаго дѣла!..

X.

Мы внесли Мусановскаго въ комнату. Кто-то побѣжалъ за докторомъ, а я сталъ употреблять всѣ извѣстныя мнѣ мѣры для приведенія его въ чувство. Онъ былъ еще живъ— перо, поднесенное къ губамъ, шевелилось. Я растиралъ ему грудь, виски, обливалъ его водой. Дыханіе становилось замѣтнѣе, глубже, потомъ Мусановскій едва-едва пріоткрылъ глаза и застоналъ тихо и сдавленно... Наконецъ, явился докторъ, испуганный и суетливый. Мусановскому обмыли лицо и голову,—оказалось, что черепъ пробитъ въ двухъ мѣстахъ.

Докторъ сказалъ, что лѣченія здѣсь не можетъ быть никакого, а надобно только выжидать, подкрѣплять силы раненаго и стараться держать раны въ чистотѣ, чтобы не произошло нагноенія и зараженія крови.

Между тѣмъ, Мусановскій мало по малу приходилъ въ себя. Часа въ три ночи мы его подняли, а часовъ въ семь онъ былъ уже въ сознаніи, стоналъ и пытался разговаривать съ окружавшими. Я указывалъ ему на предписаніе доктора— быть спокойнымъ, меньше говорить, но онъ сдѣлалъ знакомую мнѣ гримасу безконечнаго презрѣнія и сказалъ:

— Что онъ тамъ знаетъ, докторъ вашъ... глухой...

Потомъ онъ пересталъ стонать, видимо, сдерживая себя. Въ виду его слабости, никто не разспрашивалъ его о ночномъ происшествіи, и, какъ это ни странно, самъ Мусанов-

скій не дѣлалъ попытокъ намъ объ этомъ разсказать. Онъ точно самъ припоминалъ подробности и только разъ спросилъ тревожно: „полиціи заявили"?.. И добавилъ тихо не то съ ироніей, не то въ серьезномъ раздумьи:

— Да, молодая голова выдержала-бы, но у меня уже не молодая... пропалъ!..

Ко мнѣ онъ обращался такъ же, какъ и ко всѣмъ остальнымъ,—сдержанно и спокойно.

— Я послалъ въ К. за фельдшеромъ,—сказалъ я ему,— онъ будетъ возлѣ васъ все время дежурить. Богъ дастъ, выздоровѣете, Исакъ Наумычъ...

— Послали, такъ послали,—сказалъ онъ со своей обычной манерой фатальнаго безразличія,—недолго придется дежурить...

Пришелъ полицейскій надзиратель съ понятыми составлять протоколъ. Я осторожно объяснилъ ему, что раненаго не слѣдуетъ опрашивать, потому что докторъ не велѣлъ ему разговаривать. Но больной вдругъ оживился и, глядя на меня почти съ ненавистью, сказалъ прерывистымъ отъ волненія голосомъ:

— Опять вы съ своимъ докторомъ!... Это... это не ваше вовсе дѣло...

И, обращаясь къ надзирателю, добавилъ:

— Ничего, я все чисто помню и... подробно разскажу...

— Я вышелъ вотъ отсюда, — заговорилъ Мусановскій, указывая на меня глазами, — было часовъ десять... ну... зашелъ къ себѣ домой... тутъ... шейчасъ, возлѣ... Вы сядьте, пожалуйста, ближче,—обратился онъ вдругъ къ надзирателю,—а то, когда я громко говорю... то мнѣ въ глазахъ дѣлается тёмно... Ну, такъ я взялъ квитанціи, чтобы идти до хозяина. Это, значитъ, не больше, какъ четверть часа прошло... Вышелъ и иду себѣ... и только два или три ра̀за ступнулъ, какъ устрѣлъ рекрутовъ... Они спивали пѣсню... и вдругъ... перестали... стало тихо... Потомъ одинъ кричитъ: „Кто идетъ? Отвѣчай солдатамъ". Я говорю: — Мушановшкій...—Опять одинъ говоритъ: „Что онъ тамъ лопочетъ? Кто идетъ, я тебя спрашиваю". — Ну, я знова сказалъ: Мушановшкій—что мнѣ говорить другое—я не знаю... То тогда они разомъ крикнули: „жидъ идетъ, стой ребята, бей жида!"..— и кинулись на мене—ихъ было три человѣка—и одинъ ударилъ мене кулакомъ по головѣ... и я крикнулъ, тогда они совсѣмъ напали... И я упалъ, и ничего уже не помню... А потомъ я прочухался — еще было тёмно, и я не могъ встать, я знова падалъ, когда хотѣлъ вставать... Ну, то я сталъ кричать... а никто не слышитъ, никого нема на улицѣ... и таки

голосъ былъ слабый, я понимаю... Такъ я сталъ потрошки лѣзть, какъ гадюка, сюда, чтобъ какъ нибудь... сбудить вотъ...— Опять онъ укáзалъ на меня.—Но изъ мене уже вышло много крови, и не было силы... то я лѣзъ—лѣзъ и думалъ, не долѣзу... мнѣ уже стало совсѣмъ холодно... Я то въ оморокъ, то опять въ чувству... И сколько такъ прошло время—я не знаю. Уже я къ воротамъ долѣзъ и стукалъ, но... извѣстно, тихо стукалъ, потому что силы нѣту и замерзъ... И я лежалъ—лежалъ... Мѣсячно стало, видно все чисто, а никто мене не видитъ и не слышитъ — никого на улицѣ нема — ночь. И я былъ въ безсознаніи, пока тутъ въ хатѣ не прочухался... Вы все записали? — обратился онъ къ надзирателю.

— Да, все,—сказалъ надзиратель.

— Ну, то вы еще запишите, что это *они* мнѣ голову рубили... потому... потому что крѣпко мене люблютъ... да... всѣ люблютъ... такая книга въ еврейскую пользу вышла, что всѣмъ стало лучше...—Онъ посмотрѣлъ на меня уничтожающимъ, злобнымъ взглядомъ, и тяжелый, долго сдерживаемый стонъ вырвался изъ его груди... Онъ всхлипнулъ, но тотчасъ-же крѣпко сжалъ зубы, такъ что скулы рѣзко проступили сквозь щеки, и замолчалъ...

Надзиратель сказалъ, нагнувшись къ моему уху:

— Бредитъ, какъ видно?...

Но я понималъ, что Мусановскій не бредитъ... Вдругъ онъ повернулъ глаза къ надзирателю, и лицо его вспыхнуло.

— Слухайте... Вы чтобъ ихъ безпремѣнно нашли... рекрутовъ!

— А вы бы ихъ узнали?—спросилъ надзиратель.

Мусановскій на нѣсколько секундъ задумался, и я видѣлъ, какъ новая, неожиданная мысль загорѣлась въ его глазахъ. Онъ даже сдѣлалъ попытку повернуть къ надзирателю свою разбитую голову, но только застоналъ и заговорилъ, захлебываясь:

— О-о-о, изъ тыщи человѣкъ узнаю!.. Всѣхъ чисто узнаю... изъ всего мѣстечка. Вы только, господинъ надзиратель, приведите ихъ, рекрутовъ... Накажи мене Богъ, узнаю...

— Но вѣдь было темно, когда васъ били, какъ-же возможно узнать?

— Что?!.. Тёмно было?.. Ничего!.. Они мою голову увидали, хоть и тёмно было, узнали, что я жидъ!.. Другъ дружку по головѣ не попали, а мнѣ по головѣ всѣ три попали... Кого другого не узнаю, а *ихъ* узнаю...

— Хорошо,—согласился надзиратель,—я приведу вамъ рекрутъ для опознанія. Попробуемъ.

XI.

Было часа два, когда пришелъ надзиратель съ городовыми и 15 — 20 рекрутами. Ввели первыхъ 8 человѣкъ и выстроили противъ кровати, на которой лежалъ раненый: Мусановскій впился въ нихъ своими бѣгающими съ какимъ-то лихорадочнымъ блескомъ глазами; за осматриваемыми пристально слѣдилъ также надзиратель, а я старался одновременно уловить всю картину осмотра: и выраженіе рекрутъ, и страшное въ эти минуты выраженіе лица Мусановскаго. Это была отвратительная картина: гнѣвные, зловѣщіе глаза умирающаго человѣка, едва выглядывающіе изъ безобразной бѣлой перевязки на черной лохматой головѣ—съ какой то страстной жаждой ищутъ убійцу среди группы блѣдныхъ, съежившихся, нетрезвыхъ людей... Сколько ненависти горѣло въ его глазахъ!.. Я видѣлъ, что онъ колетъ, какъ кинжаломъ, тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчается взглядомъ, и они, дѣйствительно, старались избѣгать его, отводя глаза какъ-то нелѣпо въ сторону, въ потолокъ... Они переступали съ ноги на ногу, опуская при этомъ голову и обращая, казалось, огромное вниманіе на носки своихъ сапогъ... Ихъ тяжелое положеніе было понятно и всѣми чувствовалось...

Вдругъ Мусановскій остановилъ свой взглядъ на одномъ изъ восьми и минуты двѣ не сводилъ съ него глазъ.

— Вотъ этотъ былъ, господинъ надзиратель, онъ мене... кулакомъ по головѣ вдарилъ... первый. Я узналъ...—добавилъ онъ злобно.

Всѣ разомъ тяжело вздохнули, какъ одной грудью...

— Не ошибаетесь?—спросилъ надзиратель, внимательно глядя на Мусановскаго.

— Нѣтъ, будьте покойный, я не ошибаюсь... это вѣрно...—проговорилъ старикъ, съ злымъ торжествомъ глядя на рекрута, точно ожидая, чтобы тотъ не выдержитъ его взгляда. Но, къ моему великому изумленію, опознанный не выказалъ и тѣни безпокойства... Мусановскій, между тѣмъ, устремилъ взглядъ на другихъ и опять задержалъ его на одномъ изъ парней.

— И этотъ былъ...—опять заговорилъ Мусановскій, указывая на хорошо мнѣ извѣстнаго парня, служившаго кучеромъ въ одномъ домѣ, гдѣ я давалъ уроки. Это былъ смирнѣйшій человѣкъ, совсѣмъ непьющій, ласково со всѣми обращавшійся, даже съ „жидовскими“ лошадьми. Я вдругъ всѣмъ своимъ существомъ почувствовалъ, что не онъ совершилъ это мерзкое дѣло. Онъ сразу побѣлѣлъ, судорожно скосилъ ротъ и всѣмъ тѣломъ отшатнулся назадъ...

— О-о... что это вы... побойтесь Бога... Та я дома всю ночь былъ...—залепеталъ онъ, заикаясь и дрожа... Глаза его заблестѣли слезами, и на лицѣ появилось выраженіе „затравленнаго“... Но Мусановскій, какъ видно, принялъ это смущеніе за улику...

— Что?! Не ты!.. Брешешь, сволочь, разбойникъ!.. — закричалъ онъ, очевидно, изъ послѣднихъ уже силъ:—не ты?!.. Такъ это не ты мнѣ разбилъ голову?!..—и вдругъ онъ рѣзкимъ движеніемъ сорвалъ повязку со своей распухшей, огромной головы, съ лощинами, выстриженными въ густыхъ волосахъ, тамъ, гдѣ были раны...

— Бога мнѣ побояться?!.. А ты, разбойникъ, боялся Бога, когда билъ чѣмъ попало по старой головѣ?!..

— Исакъ Наумычъ,—вмѣшался я невольно,—я знаю этого человѣка, не можетъ быть, чтобы онъ васъ билъ, вы ошибаетесь...

— Ошибаюсь? Все одно... всѣ разбойники!.. Что вы думаете, этотъ не убивалъ бы, кабы онъ мене устрѣлъ съ тѣми звѣрями?.. Убили—за что?.. Весь свѣтъ разбойники!..

Онъ зарыдалъ, грохнулся на подушку, и изъ головы его, изъ ранъ пошла кровь, вѣроятно, отъ сильнаго волненія... Фельдшеръ, уже находившійся здѣсь, сдѣлалъ новую перевязку. Мусановскій былъ въ безпамятствѣ и бредилъ въ перемежку съ короткими рыданіями...

— Зачѣмъ вы все это устроили? — обратился я съ упрекомъ къ надзирателю.

— Да, видите ли, я хотѣлъ по смущенію попробовать распознать убійцъ. Ерунда вышла... Первый, на котораго онъ указалъ,—городовой изъ К. Сегодня ко мнѣ пріѣхалъ съ бумагами, а я переодѣлъ его и впустилъ, чтобы посмотрѣть — не напутаетъ ли больной. Ну, ничего, всетаки найдемъ! Вѣдь тутъ ужъ обязательно рекрута участвовали. Отыщется... Жаль вотъ, не удалось всѣхъ подвергнуть осмотру, разволновался вашъ больной. А кто его зналъ, что это на него такъ сильно подѣйствуетъ... Сердитый! Весь свѣтъ, говоритъ, разбойники, — а?

XII.

Мусановскій промучился еще цѣлыхъ три дня. За это время его посѣщали такіе же одинокіе, обездоленные люди, какъ и онъ самъ. Но заглянулъ и хозяинъ его, посидѣлъ двѣ минуты и, вѣроятно, въ видѣ ободренія, сказалъ:

— Ну, поправляйся поскорѣе; вѣдь тебѣ еще надо три рубля перебору отслужить!—и осклабился при этомъ.

Когда онъ ушелъ, Мусановскій сказалъ серьезно, съ горечью:

— Помру, такъ хоть не буду его видѣть...

Смерть Мусановскаго была мучительная, агонія страшно долгая... Передъ потерей сознанія онъ поманилъ меня рукою и попросилъ нагнуться къ нему. И этотъ угрюмый, нелюдимый человѣкъ гладилъ меня своей жесткой, ослабѣвшей рукой по лицу, а крупныя, страдальческія слезы текли по его щекамъ...

— Я не знаю, кто убилъ. Темно было... То я сказалъ... такъ... чтобъ хоть кто-нибудь... пошелъ на каторгу... изъ нихъ... Може грѣхъ... не знаю...

Онъ сдѣлалъ движеніе губами и своими, уже угасавшими, глазами ласково, по-дѣтски просяще поглядѣлъ на меня. Я наклонился, и его воспаленныя губы, обросшія жесткой щетиной, прильнули къ моимъ губамъ слабымъ, всхлипывающимъ поцѣлуемъ...

— Прощайте... Но только... чтобы *ихъ* нашли!..

Это были его послѣднія слова...

Онъ умеръ озлобленный, послѣ тяжелой жизни не примиренный ни съ ней, ни съ тяжелой смертью. И трупъ его, съ раздутой, обезображенной головой, изрѣзанный пріѣхавшимъ съ слѣдователемъ врачемъ, имѣлъ тяжелый отталкивающій видъ...

Злой, гнилой вѣтеръ бушевалъ въ день похоронъ Мусановскаго, стоялъ туманъ, всюду была грязь и слякоть... Сумрачная кучка евреевъ отнесла его изрѣзанный трупъ на непривѣтливое, грязное кладбище и похоронила въ холодной, осенней, неуютной могилѣ... Не было на похоронахъ ни хозяина Мусановскаго, ни раввина: послѣдній заявилъ, что убили „апикойреса“ за грѣхи. Одинъ только, я, какъ ребенокъ, рыдалъ на его могилѣ...

XIII.

Убійцъ Мусановскаго обнаружили черезъ нѣсколько дней. Ихъ было трое. Въ пьяномъ видѣ одинъ изъ нихъ, во время ссоры съ кѣмъ-то, прямо заявилъ: „Не лѣзь, а то убью, какъ жида убилъ“.—Его арестовали, а потомъ и двухъ его товарищей.

А черезъ недѣлю, ликвидировавъ свои дѣла, я уѣхалъ изъ Болотищъ, съ неотступнымъ вопросомъ въ душѣ: за что убили Мусановскаго?—Убійцы, по словамъ допрашивавшаго ихъ надзирателя, не дали опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ. И я, не переставая, задавалъ его себѣ самому, знакомымъ, книгамъ, которыя читалъ, газетамъ... Я, наконецъ, рѣшилъ, что это выяснится на судѣ, гдѣ я долженъ былъ давать свидѣтельскія показанія.

Судъ происходилъ мѣсяцевъ восемь спустя послѣ убійства. Судили только двоихъ, потому что третій подсудимый, Гнатъ Квачъ, мѣстечковый увеселитель, за бутылку водки выпивавшій бутылку керосину, за пять копѣекъ разбивавшій у себя на головѣ кирпичи, алкоголикъ и почти идіотъ,—умеръ въ тюрьмѣ, не дождавшись суда. Онъ даже не былъ рекрутомъ: его водили съ собой „для скандалу“...

По странному совпаденію, мнѣ пришлось ѣхать въ О., гдѣ засѣдалъ судъ, въ одномъ вагонѣ съ Емельяномъ Хоменкомъ, однимъ изъ убійцъ, котораго везъ отецъ, взявшій его на поруки. Я подсѣлъ къ нимъ на лавочку, и разговоръ самъ собою перешелъ на исторію убійства.

— Эге, ось погуляли, а заразъ гдѣ будутъ?..—сокрушенно замѣтилъ отецъ, хозяйственный, грамотный хохолъ. Я зналъ немного и сына, совершенно трезваго, женатаго, тоже грамотнаго и смирнаго парня, настоящаго хлѣборода...

— Какъ же это случилось, разскажите, если можете?—обратился я къ убійцѣ моего друга, красивому, съ голубыми мягкими глазами и русой бородкой, молодому парню.

— Та просто сказать вамъ — грѣхъ... Прямо не упомню настояще. Оце заставили мене хлопцы водку пить—значитъ, некрутъ долженъ пить. Я зъ одного стакана сварился, ну, и пошелъ зъ ими... Гуляли звѣстно... Ну, темно... Потомъ хтось кричитъ—хто идетъ?—а воно какъ залопоче... Хлопцы до его, та кричать, извиняйте, „бей жида!“.. А я за ними, и Квачъ, царство ему небесне... Всѣ били, и я ударилъ чѣмъ попало,—палкой, чи каменюкой... Развѣ-жъ я знаю?

— А вы не знали, кто онъ такой?—спросилъ я.

— Ни, я и тверезый его не зналъ.

— Такъ за что же вы его били?

— И накажи мене Господь—не знаю...—Онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ какъ-то поверхъ моей и отцовской головы въ потолокъ, и вдругъ глупая, жалкая, безсмысленная улыбка залила это доброе, простодушное лицо... — А хто его зна, може я ихъ десять убилъ... Звѣстно, пьяный... какъ дымъ...

Этимъ бахвальнымъ и, очевидно, недавно пріобрѣтеннымъ выраженіемъ „какъ дымъ“ онъ, вѣроятно, пытался побороть свое невольное смущеніе...

— Заливае съ того часу, насчетъ водочки, — замѣтилъ отецъ, все время внимательно глядѣвшій на сына, кивая въ его сторону головой, отъ такъ. Все одно, каже, на каторгу зашлють.

Я невольно представилъ себѣ темную ночь, глушь, предстоящую потерю воли на нѣсколько лѣтъ, разлуку съ семьей, непривычное дѣйствіе водки и... „что-то“, шепелявящее не-

понятный отвѣтъ на вопросъ, кто идетъ. Затѣмъ роковое слово „жидъ", не вызывающее у жителя Болотищъ представленія о человѣкѣ... И вотъ, пѣсня прервана, Мусановскаго бьютъ въ темнотѣ... Крикъ, отвѣтный хохотъ, и... пѣсня опять возобновляется... И такимъ естественнымъ, почти фатально необходимымъ показалось мнѣ убійство Хоменкомъ моего друга!.. И такимъ роковымъ недоразумѣніемъ пахнуло отъ этого убійства, эпизодически прервавшаго на минуту пѣніе подвыпившей компаніи!..

XIV.

Судъ происходилъ на слѣдующій день. Когда я вошелъ въ залъ засѣданій, то прежде всего взглянулъ на подсудимыхъ. Хоменко съ испуганнымъ видомъ, какъ-то украдкой посматривалъ въ ту сторону, гдѣ среди посторонней публики сидѣлъ его отецъ. Когда глаза наши случайно встрѣтились, онъ въ первое мгновеніе, какъ будто, смутился и потупился, но сейчасъ же, точно вспомнивъ что-то, молодцевато поднялъ голову, выпрямился и ухарски поправилъ рукой волосы, откинувъ ихъ назадъ.

Его товарищъ Ивашкинъ сидѣлъ естественнѣе и, очевидно, скучалъ; вообще казался крайне равнодушнымъ.

...— Что вы знаете по дѣлу объ убійствѣ?.. — спросилъ меня предсѣдатель. Я началъ свой разсказъ съ того знаменательнаго момента своей жизни, какъ меня не приняли въ университетъ. Но предсѣдатель, поглядѣвъ на меня съ недоумѣніемъ, тотчасъ же вмѣшался:

— Пожалуйста, разсказывайте только о томъ, что имѣетъ отношеніе къ убійству Ицхака Мусановскаго.

Тогда я повелъ разсказъ о томъ, какія ужасныя отношенія существовали въ Болотищахъ между различными національностями и различными классами одной и той же національности, вообще о злой атмосферѣ взаимныхъ отношеній жителей Болотищъ; однако, предсѣдатель и тутъ сердито прервалъ меня, замѣтивъ строго и внушительно, что это дѣло защитника и прокурора, а не мое — выяснять характеръ преступленія, и опять пригласилъ давать показанія непосредственно о самомъ убійствѣ... И это же требованіе я прочелъ на недоумѣвающихъ лицахъ всѣхъ судей, присяжныхъ, защитника, прокурора, публики... Но для меня оно казалось нелѣпымъ, равносильнымъ тому, какъ если бы я сталъ рѣшать математическую задачу не съ самаго начала, по извѣстнымъ правиламъ, а съ конца, по отвѣту, и я рѣшилъ, что предсѣдатель и другіе не понимаютъ и не поймутъ меня, знавшаго и любившаго Мусановскаго, жившаго

долгое время въ Болотищахъ, человѣка... И я отказался давать дальнѣйшія показанія... Что-то по этому поводу записали, пошептавшись между собою, о чемъ-то меня предсѣдатель предупредилъ, и меня оставили въ покоѣ. Впрочемъ, особенной нужды въ моихъ показаніяхъ и не было, потому что убійцы сами во всемъ давно признались, и вся остальная процедура была только формальностью, лишней и тяжелой для всѣхъ...

Присяжные приняли во вниманіе безчувственно - пьяное состояніе „преступниковъ" и еще какія-то обстоятельства и дали снисхожденіе Ивашкину по одному пункту обвиненія, а Хоменку по обоимъ (не помню уже, какимъ именно). Судъ приговорилъ Ивашкина къ тюремному заключенію на $2^{1}/_{2}$ года, а Хоменка—на 1 годъ 4 мѣсяца. Оба судомъ остались довольны, и послѣдній даже расплакался отъ радости. Отецъ его долго крестился и въ какомъ-то восторгѣ все повторялъ:

— А я думалъ — каторга... Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ, Господи...

Судъ такъ и не выяснилъ для меня вопроса: за что же убили Мусановскаго? Напротивъ, онъ ясно показалъ мнѣ, что убили его ни за что, ни про что... Неужели, думалъ я съ горечью, причиной—шепелявый акцентъ Мусановскаго?.. Столько жертвъ изъ-за шепелявости—не слишкомъ ли много?.. Если же не въ акцентѣ дѣло, то въ чемъ же? Вѣдь очевидно, что эти „убійцы" не виноваты. Такъ кто же виноватъ?—въ сотый разъ въ этотъ день спрашивалъ я себя, выходя на освѣщенный подъѣздъ зданія суда, и сердце мучительно сжималось тупой болью, неудовлетворительностью всѣхъ приходившихъ въ голову отвѣтовъ...

Я шелъ, и по мѣрѣ того, какъ освѣщенное огромное зданіе суда отдалялось, меня окутывалъ мракъ темной майской ночи. Я свернулъ въ пустынный переулокъ, и кругомъ стало совершенно темно,—исчезли даже тусклые одинокіе фонари, и тьма, густая и черная, какъ чернила, плотными, душными объятіями охватила меня и какимъ-то призракомъ вошла въ душу... Кошмарный страхъ проникъ мнѣ въ сердце, и я сразу какъ-то почувствовалъ съ удивительной ясностью и реальностью, что весь міръ задыхается въ такомъ же кошмарномъ оцѣпенѣніи, и что нужно крикнуть громко, сильно, чтобы весь міръ, все человѣчество разомъ сбросили съ себя эту тьму, этотъ вѣковой грузъ кровавыхъ недоразумѣній!..

...Годъ спустя я побывалъ въ Болотищахъ и заказалъ плиту на могилу Мусановскаго. Я не догадался дать надпись мастеру, а только продиктовалъ ее, и по ошибкѣ онъ

вырѣзалъ *Мушановскій* вмѣсто Мусановскій и—*умъръ* черезъ „ѣ". Я такъ и оставилъ обѣ эти ошибки: въ нелѣпости, думалось мнѣ, было что-то символическое, сходное съ нелѣпымъ, непонятнымъ убійствомъ Мусановскаго...

Могила его расположена въ болотистомъ уголкѣ еврейскаго кладбища. Она—не на виду, и поэтому зелень на ней свѣжая, не помятая. Весь небольшой холмикъ густо поросъ блѣдно-розовымъ богульникомъ и свѣтло-синимъ барвинкомъ, и молодой осинникъ совсѣмъ охватилъ его своими молодыми объятіями, ревниво оберегая могильное одиночество моего угрюмаго друга...

И, кажется, въ Болотищахъ совсѣмъ и навсегда забыли о немъ и о случившемся съ нимъ недоразумѣніи...

Аб. Дерманъ.

Біологія и логика смерти.

Сущность смерти и ея причины: физіологическія (Бючли, Бартъ, Дельбефъ) и біологическія (Вейсманнъ, Ру и Мечниковъ). Сущность смерти остается вопросомъ открытымъ.

Что такое смерть и въ чемъ заключается ея смыслъ, если онъ есть?

Первымъ изъ этихъ вопросовъ: что такое смерть? занимается только біологія, которая, какъ и по многимъ вопросамъ, еще не даетъ на него своего окончательнаго отвѣта. Вторымъ — занимаются всѣ,—и поэзія, и философія, и наука. Это обстоятельство, какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать, не подвинуло рѣшеніе задачи къ ея благополучному концу ни на одинъ миллиметръ ближе, чѣмъ рѣшеніе перваго вопроса.

Что же отвѣчаетъ намъ на вопросъ о существѣ смерти и ея причинахъ наука?

Вмѣсто точнаго знанія, мы имѣемъ здѣсь только рядъ гипотезъ, болѣе или менѣе обоснованныхъ наблюденіями и опытомъ. Нѣтъ, однако, ни одной изъ нихъ, противъ которой нельзя было бы сдѣлать такъ же обоснованныхъ наблюденіемъ и опытами возраженій.

Сопоставляя эти гипотезы между собою, мы легко обнаруживаемъ, что онѣ распадаются на двѣ группы. Однѣ изъ нихъ видятъ причины смерти въ явленіяхъ *физіологическихъ*, не признавая большого значенія за другими факторами, а то и вовсе игнорируя ихъ. Другія же видятъ эти причины въ явленіяхъ *біологическихъ* *).

Что касается до гипотезъ *физіологическихъ*, то первое мѣсто

---

*) О старой идеѣ, по которой внутреннихъ причинъ смерти будто-бы не существуетъ и смерть, наступающая въ преклонномъ возрастѣ у людей, никогда не бывшихъ больными, зависитъ отъ постепеннаго накопленія маленькихъ разрушеній въ теченіе всей жизни,—объ этой идеѣ, упоминаемой М. Ферворномъ въ его „Общей физіологіи"—я не говорю, такъ какъ она послѣ Іоганнеса Миллера всѣми оставлена.

изъ нихъ, по очереди, занимаетъ гипотеза Бючли *). Ученый этотъ раздѣляетъ животные организмы, съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ смерти, на *одноклѣточные*, тѣло которыхъ состоитъ изъ одной клѣтки (таковы корненожки и инфузоріи), и *многоклѣточныя*, тѣло которыхъ состоитъ изъ многихъ клѣтокъ. Первыя (одноклѣточныя) размножаются дѣленіемъ, въ результатѣ котораго изъ одной старой особи являются двѣ новыхъ, двѣ молодыхъ; животныя эти являются такимъ образомъ потенціально безсмертными, то есть они не умираютъ собственною смертью, если внѣшніе факторы не приведутъ ихъ къ гибели.

Вторыя (многоклѣточныя), умирая, теряютъ свою индивидуальность: ихъ тѣло разрушается, разлагается. Причина же ихъ смерти заключается въ томъ, что находящееся въ ихъ клѣткахъ вещество,—родъ жизненнаго фермента, мало по малу израсходывается. Съ этой точки зрѣнія жизнь многоклѣточнаго организма заключается въ постепенномъ истрачиваніи, на біо-химическіе процессы жизненныхъ функцій, того запаса фермента, который животное получило въ яйцѣ, давшемъ ему начало. Истраченъ запасъ, догорѣло масло въ свѣтильникѣ—и потухла лампада.

Почему же, однако, простѣйшія животныя, повторяя безконечное число разъ свое размноженіе дѣленіемъ, не истрачиваютъ того фермента, который имѣла особь, давшая тысячи, десятки тысячъ потомства?

Потому, отвѣчаетъ Бючли, что простѣйшія животныя обладаютъ способностью, расходуя ферментъ,—возстановлять его. У многоклѣточныхъ же организмовъ этою возстановляющею способностью обладаютъ только половыя клѣтки; отсюда и выходитъ, что въ то время, какъ клѣтки тѣла высшихъ животныхъ, способныя только расходовать жизненный ферментъ, умираютъ, половыя клѣтки этотъ ферментъ вырабатываютъ, вслѣдствіе чего получаютъ возможность давать безконечный рядъ потомковъ.

Итакъ, основная идея Бючли о причинѣ смерти высшихъ организмовъ заключается въ томъ, что *клѣтки, съ теченіемъ времени, теряютъ нѣчто, находящееся во внутреннемъ ихъ составѣ, нѣчто необходимое для жизни и полученное* съ моментомъ образованія яйца, изъ котораго данный многоклѣточный организмъ получилъ свое начало.

Проф. Тархановъ **) аналогичную мысль формулируетъ такъ: «причиной естественной, нормальной смерти служитъ не изнашиваніе самихъ клѣтокъ, а прогрессивное ограниченіе способности клѣтокъ къ созиданію и къ размноженію, зависящее отъ постепеннаго изсяканія созидающаго ядернаго вещества. На этомъ осно-

---

*) Butschli. Gedänken über Leben und Tod. Zool. Anzeig. Y. 1882.

**) Долголѣтіе животныхъ, растеній и человѣка. „Вѣстникъ Европы". 1891 г.

ваніи мы въ правѣ заключить, что число клѣточныхъ поколѣній, могущихъ развиться въ теченіе всей жизни изъ зародышеваго яйца, благодаря первоначальному запасу въ немъ созидающей энергіи, и опредѣляетъ собою долголѣтіе, — ту максимальную продолжительность жизни, до которой могутъ достигать разнообразные организмы».

По мнѣнію другихъ натуралистовъ, дѣло стоитъ какъ разъ наоборотъ. Причиною смерти является не жизненный ферментъ, не содержимое клѣтокъ, а та *среда*, въ которой находятся клѣтки, отравляемая продуктами выдѣленія жизнедѣятельности клѣтокъ.

Пр. Кулагинъ въ защиту этой гипотезы приводитъ слѣдующее наблюденіе.

Инфузоріи, проживъ долгое время въ одной и той же порціи воды, начинаютъ становиться все болѣе и болѣе мелкими, мало подвижными, съ меньшимъ числомъ рѣсничекъ; другими словами, начинаютъ «старѣть». Будучи пересажены въ свѣжую порцію воды, инфузоріи эти «молодѣли», увеличивались въ ростѣ, дѣлились и размножались. Отсюда выводъ: вода, въ которой раньше находились инфузоріи, отравлялась токсиномъ, который ими выдѣлялся и который велъ ихъ къ вымиранію и смерти. У многоклѣточныхъ животныхъ мы видимъ то же явленіе: продукты жизнедѣятельности клѣтокъ, хотя и выводятся изъ организма наружу, однако часть ихъ остается въ немъ и влечетъ за собою такое же старѣніе клѣтокъ, какое отравленная токсиномъ вода влечетъ у живущихъ въ ней одноклѣточныхъ организмовъ.

Такимъ образомъ, по смыслу этой гипотезы причина смерти высшихъ организмовъ лежитъ *не въ составѣ клѣтки*, какъ это думаетъ Бючли, *а внѣ клѣтокъ* — въ средѣ, которая ихъ окружаетъ.

Наконецъ, къ числу физіологическихъ гипотезъ смерти относится и гипотеза Дельбёфа *), по мнѣнію котораго причина смерти заключается въ процессѣ самаго *дѣленія клѣтокъ*.

Его разсужденіе просто: при дѣленіи клѣтокъ (и ихъ ядеръ) нельзя допустить образованіе неизмѣнно тожественныхъ половинъ; стоитъ, однако, проявиться такому неравенству, стоитъ одной половинѣ оказаться меньше другой, какъ нарушенное равновѣсіе неизбѣжно должно будетъ повести за собой все прогрессирующее удаленіе отъ нормы, а въ концѣ концовъ вырожденіе и гибель.

Рядомъ съ гипотезами смерти *физіологическими*, и независимо отъ нихъ, какъ я сказалъ уже, существуютъ гипотезы біологическія. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ гипотеза Вейсманна **), кото-

*) Delbeuf. La matière brute et la matière vivante (Revue philosophique de la France et de l'Etranger, 1887). Pourquoi mourons nous? (Revue philosophique, 1891).

**) Weismann. Ueber Leben und Tod. Iena 1884 г. Zur Frage nach der Unsterblichkeit der Einzelligen. Biolog. Centr. IV. № 21, 22, 1885 г.).

рый, какъ и Бючли, дѣлитъ животныхъ на двѣ группы: одноклѣточныхъ—потенцiально безсмертныхъ, и многоклѣточныхъ—смертныхъ. Но причину безсмертiя первыхъ и смертности вторыхъ названный ученый видитъ въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ Бючли.

Она, по Вейсманну, заключается въ томъ, что тѣло многоклѣточныхъ организмовъ состоитъ изъ клѣтокъ, вслѣдствiе раздѣленiя между ними физiологической работы (раздѣленiе труда), въ значительной степени утратившихъ нѣкоторыя изъ своихъ первоначальныхъ способностей. Клѣтки тѣла специализируются въ выполненiи какой-либо одной функцiи, напримѣръ, двигательной, отдѣлительной, нервной и т, д., тогда какъ функцiи воспроизведенiя у нихъ (вслѣдствiе раздѣленiя труда) являются пониженными и измѣненными настолько, что онѣ могутъ путемъ размноженiя воспроизводить только клѣтки, себѣ подобныя. Такъ, печеночныя клѣтки, при пораненiяхъ печени, могутъ размножаться и давать только печеночныя клѣтки; то же съ мышечными и железистыми клѣтками, дающими при размноженiи соотвѣтствующiе имъ элементы.

Въ одноклѣточныхъ организмахъ одинъ и тотъ же комокъ живой протоплазмы служитъ носителемъ какъ соматическихъ, то-есть тѣлесныхъ функцiй, необходимыхъ для поддержанiя индивидуальной жизни, такъ и функцiй воспроизведенiя, имѣющихъ своей задачей поддержанiе вида. Въ организмѣ же многоклѣточныхъ животныхъ раздѣленiе клѣтокъ на соматическiя, необходимыя для индивидуальной жизни, и на воспроизводительныя, обезпечивающiя сохраненiе рода, выражено съ полною опредѣленностью. Представителемъ послѣднихъ у одного пола являются оплодотворяющiе элементы, сперматозоиды, у другого—зародышевыя яйца.

Эти клѣточные элементы, сохраняя свои первоначальныя способности неизмѣнными, въ многоклѣточныхъ организмахъ являются такими же потенцiально безсмертными, какъ одноклѣточныя животныя.

Такимъ образомъ, тѣло многоклѣточныхъ организмовъ—смертно, а ихъ половыя клѣтки, для которыхъ тѣло является какъ бы защищающимъ ихъ въ борьбѣ за жизнь футляромъ, остаются безсмертными, если яйцо получило возможность быть оплодотвореннымъ, то-есть, если конъюгацiя могла имѣть мѣсто.

Процессъ же конъюгацiи, послѣ извѣстныхъ опытовъ Мопа *), получилъ въ вопросѣ о жизни клѣтокъ важное значенiе.

---

*) Maupas, Recherches experimentales, sur la multiplication des infusoires cilies. Arch. de Zool. experimentale et generale. 1888 г.

Резюме его опытовъ по этому вопросу заключается въ томъ, что изолированныя, и потому лишенныя возможности конъюгировать инфузорiи, будучи поставлены въ благопрiятныя условiя со стороны питанiя, первоначально живутъ совершенно нормально и размножаются *дѣленiемъ*, но затѣмъ мало по малу начинаютъ вырождаться, старѣться, мельчаютъ, лишаются части рѣсничекъ и, наконецъ, гибнутъ.

Другая біологическая гипотеза принадлежитъ Ру, который полагаетъ, что смерть является результатомъ побѣды болѣе сильныхъ, но не всегда болѣе совершенныхъ, элементовъ надъ слабыми.

Эту послѣднюю идею извѣстный русскій натуралистъ И. И. Мечниковъ *) формулируетъ такимъ образомъ.

Человѣкъ старѣется и умираетъ не вслѣдствіе простого утомленія, или истощенія нашихъ жизненныхъ силъ, а вслѣдствіе регресса въ организаціи, вслѣдствіе старческой атрофіи. Наши важнѣйшіе органы: мозгъ, печень, почки и пр. состоятъ изъ двоякаго рода тканей: изъ соединительной ткани, служащей основой или остовомъ, и изъ благородныхъ клѣточекъ, которыми и характеризуется данный органъ и которыя собственно и выполняютъ свойственную ему функцію. Старость по существу и состоитъ въ упадкѣ этихъ благородныхъ клѣточекъ, и въ замѣщеніи ихъ все разростающейся соединительной тканью, которая всюду посылаетъ свои отростки. Подъ вліяніемъ этого процесса, который называютъ «склерозомъ», органъ дѣлается менѣе эластичнымъ, какъ бы ссыхается и начинаетъ функціонировать весьма несовершеннымъ образомъ. Чтобы это явленіе произошло, необходимо, чтобы характерные элементы органа, его «благородныя» клѣтки, подверглись предварительному разстройству, сдѣлались неспособными выдерживать борьбу за существованіе.

Представимъ себѣ человѣческій организмъ въ видѣ союза живыхъ клѣточекъ или, какъ выражается Мечниковъ, въ видѣ «клѣ-

---

Если же такимъ вырождающимся инфузоріямъ дать возможность конъюгировать (процессъ, аналогичный оплодотворенію яйца сперматозоидомъ у многоклѣточныхъ животныхъ), то вырожденіе прекращается—и клѣтки молодѣютъ. Пр. Шимкевичъ называетъ поэтому конъюгаціи процессомъ обновленія и, проводя параллель между одно и многоклѣточными организмами съ этой точки зрѣнія, такъ формулируетъ вопросъ: одноклѣточные организмы, лишенные возможности конъюгировать, погибаютъ, конъюгирующіе живутъ; у многоклѣточныхъ организмовъ клѣтки тѣла (или соматическія клѣтки, какъ ихъ назвалъ Вейсманнъ) никогда не конъюгируютъ (эта способность ими утрачена). Клѣтки, входящія въ составъ сложнаго организма, не только оказываютъ другъ на друга опредѣленныя воздѣйствія, но при извѣстныхъ условіяхъ вступаютъ въ открытую борьбу между собою. Борьба эта въ виду тѣснаго соприкосновенія борящихся другъ съ другомъ, можетъ, очевидно, по своей интенсивности превосходить ту, которую ведутъ другъ съ другомъ животныя какой-либо территоріи. Особенной силы достигаетъ она въ организмахъ съ сложной организаціей: клѣтки не только разныхъ тканей, но и одной и той же ткани не тожественны по своей силѣ, по быстротѣ усвоенія питательныхъ веществъ и пр. Болѣе сильныя обгоняютъ другихъ въ ростѣ и размноженіи; менѣе сильныя мало по малу вытѣсняются и потому гибнутъ; половыя же клѣтки этихъ организмовъ, сохранившія способность къ оплодотворенію (конъюгаціи), не умираютъ, а даютъ начало новому поколѣнію. Смерть многоклѣточныхъ организмовъ отъ старости есть процессъ, аналогичный вымиранію одноклѣточныхъ организмовъ (въ опытахъ Мопа), вслѣдствіе невозможности конъюгировать.

*) L'Annee Biologique и Annales de l'institut Pasteur.

точнаго государства». Въ этомъ государствѣ, какъ и во всякомъ другомъ, происходитъ борьба за существованіе, и сильные поѣдаютъ слабыхъ. Въ его распоряженіи имѣется настоящая армія изъ бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ, или фагоцитовъ, которыя защищаютъ территорію отъ вторженія непріятелей—микробовъ. Но иногда эта армія (какъ это бываетъ не въ одномъ клѣточномъ государствѣ) обращается противъ тѣхъ, кого ей было поручено защищать.

Тѣ же фагоциты, которые борются съ микробами, преблагополучно пожираютъ наши собственные органы, какъ только благородныя клѣточки начнутъ ослабѣвать. Среди этихъ фагоцитовъ нужно различать двѣ группы. Одни—такъ называемые «микрофаги» (они характеризуются присутствіемъ нѣсколькихъ клѣточныхъ ядеръ) борются съ микробами; другіе—«макрофаги» (они съ однимъ ядромъ) главнымъ образомъ разрушаютъ наши собственные органы, пожирая благородныя клѣточки, мѣсто которыхъ и заступаетъ описанная выше соединительная ткань. А такъ какъ утомленность и слабость тканей, особенно высшихъ, съ возрастомъ наблюдаются все чаще и чаще, то опасность со стороны макрофаговъ со старостью увеличивается и въ концѣ концовъ ведетъ организмъ къ гибели.

Таковы главнѣйшія гипотезы смерти, предлагаемыя наукой. Я сказалъ уже, что среди нихъ нѣтъ ни одной, противъ которой нельзя было бы представить болѣе или менѣе серьезныхъ возраженій. Весьма вѣроятно, что причиною смерти не служитъ непосредственно ни одна изъ нихъ, а что и физіологическіе, и біологическіе факторы, каждый со своей стороны, ведутъ къ тому итогу, который мы называемъ смертью. Съ полнымъ основаніемъ можно сказать лишь одно, что вопросъ о причинѣ смерти многоклѣточныхъ организмовъ пока еще далекъ отъ своего окончательнаго рѣшенія, или, какъ выражается Ферворнъ, до сихъ поръ представляетъ еще загадку.

Но масса, и завѣдомо невѣжественная, и мнящая себя образованной, даже по европейски, рѣшаетъ дѣло иначе. Для нея смерть—есть фактъ совершенно ясный и подлежащій учету, такимъ, какимъ онъ ей представляется, безъ поправокъ и комментаріевъ.

Для нея смерть вполнѣ законченное и опредѣленное явленіе: умеръ человѣкъ, изъ персти взятъ и въ персть превратился—только и всего.

II.

Отношеніе массы человѣчества къ факту смерти.—Ея логика передъ судомъ философіи (Шопенгауэръ и др.).—Попытки примиренія на почвѣ духа (идея о сліяніи съ человѣчествомъ Л. Н. Толстого).—Безплодность философствованія.

Фактъ смерти,—какъ я сказалъ уже, не разъясненный и загадочный для науки,—массѣ представляется яснымъ и простымъ; но

смыслъ смерти представляется ей различнымъ, въ зависимости отъ высоты культуры и отъ того, изъ какого источника черпается отвѣтъ на вопросъ: «гдѣ я буду и что со мною будетъ послѣ моей смерти»? — вопросъ, который съ трагической неизбѣжностью каждому рано или поздно предстоитъ себѣ поставить. Этихъ источниковъ два: религія и метафизическая философія.

Что касается до религіи, то ея отвѣтъ всегда былъ такимъ же простымъ и яснымъ, какъ и самый фактъ смерти. Его сущность вездѣ была одною и тою же. Она заключалась въ томъ, что человѣческая жизнь лишь преддверіе къ жизни вѣчной. Смерть съ этой точки зрѣнія только желанный мигъ желаннаго начала, слѣдующаго за концомъ бреннаго и временнаго существованія.

Тайлоръ *), на основаніи цѣлаго ряда фактовъ, устанавливаетъ положеніе, по которому религіозность представляетъ собой для человѣчества на всѣхъ ступеняхъ его развитія явленіе всеобщее **).

Для насъ, разумѣется, не важно, что именно представляетъ собою та или другая религія и въ чемъ заключается ихъ источникъ и сущность. Намъ достаточно знать, что минимумъ религіозности составляетъ вѣру въ безсмертіе души и что религіозныя вѣрованія, постепенно усложняясь, приводятъ, наконецъ, начиная съ этого минимума, къ тѣмъ, которыя мы видимъ у культурныхъ народовъ. Намъ важно знать, что вопросы о жизни, по свидѣтельству Леббока, встрѣчаются у людей, стоящихъ на самыхъ низшихъ ступеняхъ культуры. Дикари вѣрятъ въ безсмертіе души. Они полагаютъ, что душа можетъ выходить изъ тѣла, входить въ тѣла другихъ людей, животныхъ и даже вещей, что она можетъ странствовать по землѣ, летать въ воздухѣ или отправляться въ настоящую обитель духовъ—въ загробный міръ.

Нѣтъ надобности, конечно, распространяться о томъ что, гдѣ есть вѣра въ загробную жизнь, тамъ эта послѣдняя всегда представляется «страной блаженства и безсмертія»,—это понятно само собою.

Въ чемъ состоитъ ожидаемое «блаженство»—это для насъ тоже вопросъ, не имѣющій особаго значенія.

Патагонскія племена, по свидѣтельству Д'Орбиньи, хоронятъ съ покойникомъ его оружіе и украшенія и убиваютъ на его могилѣ всѣхъ принадлежавшихъ ему животныхъ; арабы убиваютъ на

*) Первобытная культура. Пер. съ англійскаго Д. А. Коропчевскаго Спб. 1872, часть II, гл. XI.

**) Случаи „безбожества“ Тайлоръ объясняетъ или не точно сдѣланными наблюденіями, или явленіями, аналогичными тому, какъ древніе аріане описывали коренныя племена Индіи въ качествѣ adeva, то есть безбожниковъ, или какъ древніе греки называли первыхъ христіанъ безбожниками потому, что они не вѣрили въ классическихъ боговъ, или какъ нѣкоторые теологи новаго времени называли атеистами тѣхъ, кто не вѣритъ въ апостольское преемство.

могилѣ верблюда, чтобы духъ умершаго могъ ѣздить на немъ *) и т. д. А въ могилы кладутъ всевозможные предметы въ зависимости отъ того — что, по представленіи даннаго племени, можетъ служить къ улучшенію жизни умершаго въ странѣ блаженства **).

Есть племена, которыя поэтому стараются помочь природѣ, убивая людей, чтобы освободить ихъ души и ускорить пользованіе этимъ блаженствомъ. А чтобы сдѣлать его болѣе полнымъ—вмѣстѣ со смертью господина убиваютъ его слугъ, рабовъ, женъ, долженствующихъ слѣдовать за нимъ, чтобы продолжать ему службу въ будущей жизни ***).

Само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ существуетъ такая вѣра, смерть не представляетъ ничего ужаснаго. Напротивъ, это—желанный мигъ, такъ какъ онъ возвращаетъ душу, стѣсняемую тѣломъ, къ свободному и дѣятельному существованію. И если бы человѣческой мысли можно было сказать, какъ это сдѣлалъ въ свое время Іисусъ Навинъ, обращаясь къ солнцу: «стой!», то никакого иного отвѣта на вопросъ о смерти и не требовалось бы; ибо что

---

*) Интересны указываемые Леббокомъ пережитки этихъ обычаевъ. Такъ, въ погребальной церемоніи Бертрана Дюгесклена въ Сенъ-Дени въ 1389 году были принесены въ жертву лошади, при чемъ епископъ Оксерскій сначала возложилъ руки на ихъ головы, затѣмъ онѣ были убиты. Въ Германіи жертвоприношенія совершались почти на памяти людей, живущихъ до нашего времени. Кавалерійскій генералъ Фридерикъ Казиміръ былъ похороненъ въ Трирѣ въ 1781 году согласно обрядамъ Тевтонскаго ордена; лошадь его вели за гробомъ, и когда послѣднiй опустили въ могилу, лошадь убили и зарыли вмѣстѣ съ нимъ. Это, быть можетъ, послѣдній случай подобнаго жертвоприношенія, совершеннаго торжественнымъ образомъ въ Европѣ. Но обычай вести при похоронахъ военныхъ людей ихъ осѣдланныхъ и взнузданныхъ лошадей сохранился и до сихъ поръ, какъ остатокъ суроваго религіознаго обряда, исчезнувшаго навѣки.

**) Любопытны пережитки, указываемые Леббокомъ и въ этомъ отношеніи:

„Человѣкъ, правда, умеръ, но можно еще представить себѣ его живымъ, взять его холодную руку, говорить съ нимъ, поставить его стулъ у стола, положить съ нимъ въ гробъ полные значенія сувениры, бросить цвѣты на его гробъ, класть вѣнки иммортелей на его могилу“ и т. д.

***) Вдовы на островахъ Фиджи сами желаютъ смерти и ожидающей ихъ новой жизни съ ихъ умершими мужьями. Миссіонерамъ не удавалось убѣдить ихъ въ безуміи обычая: онѣ упорно отказывались отъ жизни. Мысль о томъ, что какой-нибудь полководецъ можетъ отойти въ другой міръ безъ спутниковъ, до такой степени противорѣчитъ уму туземцевъ, что противодѣйствіе миссіонеровъ варварскому избіенію этихъ предназначаемыхъ къ смерти людей было причиною отвращенія туземцевъ къ христіанству. Эти обычаи встрѣчались во многихъ мѣстахъ центральной Америки, въ Мексикѣ, Перу и др. Король Дагомейскій долженъ войти въ страну смерти съ цѣлымъ духовнымъ дворомъ: сотнями женъ, евнуховъ, пѣвцовъ и солдатъ; онъ, сверхъ того, долженъ получать свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ его королевствѣ, вслѣдствіе чего ежегодно совершаются убійства, дабы убитый могъ исполнить порученіе сына и сообщить умершему отцу требуемыя свѣдѣнія.

же можетъ быть лучше вѣры въ замѣну временнаго и болѣзненнаго вѣчнымъ и безболѣзненнымъ!

Къ сожалѣнію или къ счастью, — остановить процесса интеллектуальнаго развитія—нельзя; а вслѣдствіе этого—рано или поздно у человѣчества наступаетъ пора сомнѣнія и въ ожидаемомъ блаженствѣ, и въ достоинство обѣщающихъ это блаженство боговъ. На смѣну одной религіи является другая, болѣе совершенная, болѣе удовлетворяющая запросамъ времени и культуры.

Понятно, однако, что эти смѣны не могутъ идти безконечно, уже по тому одному, что онѣ смѣны: религія можетъ или представлять собою вѣру въ *неизмѣнное*, вѣчное, непоколебимое, — или ея нѣтъ. Соображеніе о томъ, что прежняя, исповѣдывавшаяся тысячелѣтія религія была ложной религіей, предполагаемая же будетъ настоящей, можетъ имѣть мѣсто лишь нѣкоторое число разъ, а затѣмъ вопросъ: гдѣ же гарантія въ томъ, что новая религія не представляетъ такого же заблужденія, какое представляли собою первоначальныя,—возникаетъ самъ собою.

Возникаетъ *сомнѣніе*,—этотъ величайшій факторъ прогресса,—его основной ферментъ, его геній, а вслѣдствіе этого, исконный врагъ косной массы, ея Люциферъ, мѣшающій покою, сбивающій со старыхъ дорогъ и освѣщенныхъ вѣками традицій!

Развѣ это боги, говорятъ передовые умы племенъ, расъ, народовъ, когда имъ становится очевиднымъ, что могущество этихъ боговъ—дѣтское могущество, а всевѣдѣніе—смѣшное всевѣдѣніе! Какое же это всемогущество, говорятъ они, если ему приходится вести нескончаемую борьбу съ богомъ зла и, несмотря на свою шестирукость и сонмъ несмѣтныхъ духовъ, до сихъ поръ не одолѣть его! Какое же это всевѣдѣніе боговъ, будто бы знающихъ судьбу каждаго человѣка, если они не знали самаго главнаго, а именно, что человѣкъ, котораго они создали, будетъ несовершеннымъ и грѣшнымъ?

А главное, какъ же это такъ: боги, сами будучи виноватыми въ томъ, что по своему невѣдѣнію сдѣлали человѣка несовершеннымъ, вмѣсто того, чтобы оправдать свою всеблагость и, воспользовавшись своимъ всемогуществомъ, пересоздать человѣка по новому образцу,—предали его въ руки злыхъ боговъ, предоставивъ бѣдному человѣчеству вести съ этими богами борьбу своими слабыми силами, кое-гдѣ помогая любимцамъ, а другимъ обѣщая разныя муки на томъ свѣтѣ, если они не устоятъ въ борьбѣ, въ которой и сами-то боги не въ состояніи были одержать побѣды.

Въ тотъ періодъ культуры, когда люди, обоготворяя себя, создавали своихъ боговъ по своему образу и подобію,—эти созданія стояли, разумѣется, на высотѣ задачи; они были высшими принципами жизни и смерти. Но съ теченіемъ вѣковъ и боги, и герои старѣлись, люди опережали свои старыя созданія, и то, что казалось великимъ въ свое время, становилось малымъ, безсильнымъ и

жалкимъ—тысячелѣтія спустя, а иногда и въ гораздо болѣе короткій срокъ.

Къ сомнѣніямъ въ области вѣры и на основаніи данныхъ самой вѣры, въ концѣ концовъ, присоединились данныя изъ другого источника. Наука выдвигаетъ рядъ истинъ, которыя все сильнѣе и сильнѣе колеблютъ религіозныя основы. Сначала она устанавливаетъ, какъ фактъ, что земля, считавшаяся неподвижнымъ и неизмѣннымъ центромъ вселенной, ея единственною твердью,—не болѣе, какъ вѣчно подвижная и вѣчно измѣнчивая песчинка живого и подвижного космоса. Затѣмъ, она доказываетъ, что человѣкъ не составляетъ центра, для котораго и птицы поютъ, и цвѣты благоухаютъ, а представляетъ лишь звено огромной цѣпи существъ, съ которыми онъ связанъ родственными узами и отъ которыхъ ничѣмъ не отличается по своему происхожденію и своему концу.

Вопросъ о цѣли жизни и смыслѣ смерти опять выдвигается на очередь съ новою силою. Если смерть не переходъ къ новой жизни, а трагическій ея конецъ, то зачѣмъ же жизнь и гдѣ, въ чемъ смыслъ смерти? На мѣсто религіи выступаетъ метафизика.

Смерть—не зло, говоритъ философія устами однихъ своихъ представителей, а величайшее благо, ибо жизнь есть величайшее несчастіе.

Смерть—величайшее благо, утверждаютъ другіе, ибо она даетъ возможность духу освободиться отъ узъ, налагаемыхъ на него нашимъ тѣломъ, и слиться съ душою человѣчества, такимъ путемъ обрѣтая свое безсмертіе.

«И что за слабость держаться за жизнь, восклицаетъ Л. Н. Толстой, всю жизнь трепетавшій отъ страха смерти! Мы, какъ жильцы тюремъ, или пансіонеры сумасшедшихъ домовъ, страшно боимся освобожденія. Иногда сторожа выводятъ арестантовъ на открытый воздухъ; они легко бы могли спастись, но несчастные узники группируются вокругъ своихъ сторожей и снова возвращаются по тому же пути въ свою темницу. И мы, живущіе, продѣлываемъ то же самое. Мы боимся смерти, этого часа освобожденія, этого благодѣтельнаго конца».

«Освобожденія»—отъ чего? спросимъ мы въ свою очередь; «благодѣтельнаго»—почему? Какъ будто кто-нибудь мѣшаетъ людямъ «освободиться» изъ темницы и гораздо раньше получить «благодѣтельный конецъ», чѣмъ это приходится дѣлать засидѣвшемуся въ тюрьмѣ жильцу? Кто держитъ его въ этой тюрьмѣ тогда, когда жажда къ освобожденію у него еще не исчезала?

Удерживаетъ его, конечно, то самое, что заставляло мучиться и страдать умирающаго Ивана Ильича, то-есть сожалѣніе о томъ, что составляло его жизнь и трагическое недоумѣніе надъ тѣмъ, «что съ нимъ будетъ, когда его не будетъ?»

Нѣтъ нужды, что правда смерти заставила Ивана Ильича пе-

реоцѣнить удовольствія и прелести его жизни, которыя представились ему въ иномъ свѣтѣ, когда онъ очутился передъ открытой могилой: онъ жалѣлъ жизнь и такой, какой она была, и такой, какой она могла быть, и холодѣлъ отъ ужаса передъ мыслью о томъ, что будетъ съ нимъ, Иваномъ Ильичемъ, его духомъ и *тѣломъ*, когда онъ умретъ.

И никакого отвѣта на вопросъ о томъ: въ чемъ заключается смыслъ смерти, кромѣ того, что для облегченія этого «торжественнаго акта нужно вести не ложную жизнь»,—никакого отвѣта не получается. Получается даже нѣчто худшее, чѣмъ простая фигура умолчанія.

Въ самомъ дѣлѣ.

Если бы Иванъ Ильичъ кончилъ курсъ не въ пажескомъ корпусѣ, началъ свою карьеру не при содѣйствіи «тайнаго совѣтника и не нужнаго члена различныхъ ненужныхъ учрежденій», не построилъ своей жизни на почвѣ одного строжайшаго comme il faut, проникавшаго во всѣ перипетіи его жизни: женитьбу, служебную дѣятельность, отношенія къ людямъ, выборъ круга знакомыхъ (только самыхъ лучшихъ: богатыхъ и знатныхъ) и пр., если бъ, вслѣдствіе этого, его жизнь насквозь не пропиталась одною безконечною ложью, которая въ концѣ концовъ желѣзнымъ кольцомъ окружила его наканунѣ смерти, низводя этотъ «*торжественный актъ*» «до уровня визитовъ, сардинъ и осетрины къ обѣду», низводя этотъ актъ тѣмъ самымъ «приличіемъ», которому онъ служилъ всю жизнь, на степень неприличія («вродѣ того, какъ обходятся съ человѣкомъ, который, войдя въ гостиную, распространяетъ отъ себя дурной запахъ»); если бы ничего этого не было и жизнь Ивана Ильича представляла собою не одинъ «ужасный, огромный обманъ», а текла по руслу правдивой жизни, проложенному мыслью Л. Н. Толстого, то спрашивается,—развѣ отсюда слѣдуетъ, что рѣшеніе вопроса о томъ, «что со мной будетъ, когда меня не будетъ», доставило бы ему удовольствіе? Что смерть не казалась бы ему несправедливостью и величайшимъ ужасомъ?

Толстой, сосредоточивъ все свое вниманіе только на томъ, чтобы показать значеніе неправды жизни, и увлекшись стремленіемъ показать, какъ тяжко бываетъ сознаніе этой неправды передъ лицомъ такой суровой и неподкупной правды, какую являетъ собою смерть,—забылъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

Получилась... художественная неправда, въ такой же степени очевидная, какъ очевидна философская неправда въ идеѣ о безсмертіи, которую, по мысли Толстого, человѣкъ обрѣтаетъ путемъ сліянія съ человѣчествомъ.

Эта идея примиренія со смертью на почвѣ духа совершенно безплодна, не говоря ни о чемъ другомъ, уже по тому одному, что человѣчество вовсе не представляетъ собою чего-то реальнаго, единаго и цѣльнаго, а общимъ для всѣхъ его разъединенныхъ и

враждебно настроенныхъ другъ къ другу частей является все та же неизбѣжная, какъ и для отдѣльнаго человѣка, смерть.

Когда и какъ?—это вопросъ, но гибель человѣчества это такой же несомнѣнный фактъ, какъ и гибель самой земли, на которой оно плодится и множится, какъ песокъ морской. Въ чемъ можетъ утѣшить умирающаго такое сліяніе съ временнымъ и бреннымъ?..

Метафизика пессимизма гораздо откровеннѣе Толстого и несравненно логичнѣе его.

Страданій въ мірѣ, говорятъ представители пессимизма, гораздо больше, чѣмъ наслажденій,—уже по тому одному, что жизнь не можетъ не отравляться сознаніемъ ея бренности и ея близкаго конца.

«О, злополучное, жалкое, смертное племя людское», говоритъ Эмпедоклъ,

Многія бѣды тебя постигаютъ, твой умъ помрачая,
Жизнь коротка и непрочна, подобно летучему дыму.

Великій метафизикъ Кантъ утверждаетъ, что рѣдкій человѣкъ, прожившій достаточно долго, согласился бы вновь пережить не только ту же самую жизнь, но и всякую иную.

Философія поэта Леопарди выражаетъ ту же идею въ слѣдующихъ прочувствованныхъ строкахъ:

Вся жизнь есть горечь
И скука. Міръ ничтоженъ. Успокойся...
Разочаруйся навсегда... Судьба
Намъ смертнымъ удѣлила только смерть.
Такъ ненавидь отнынѣ всю природу.
Ту силу грубую, что все повергнетъ ницъ.
Усни на вѣкъ. Оставь безъ сожалѣнья
Весь этотъ міръ—пустыню безъ границъ,
Миражъ, достойный лишь презрѣнья...

Нѣтъ надобности, конечно, говорить о томъ, что Леопарди не вѣритъ въ человѣческій прогрессъ. Интересно, однако, причина этого невѣрія. Она заключается въ томъ, что *орудіемъ прогресса является мысль, а это самый пагубный даръ изъ всѣхъ данныхъ человѣку*, говоритъ онъ.

Философъ забылъ, что мысль, какъ и всякое орудіе, какъ ножъ, напримѣръ, можетъ служить не для того только, чтобы рѣзать людей и совершать насиліе, но и для того, чтобы рѣзать хлѣбъ, дѣлать операцію, которою человѣкъ спасается отъ неизбѣжной смерти, и познавать внутреннее строеніе организмовъ...

Ученіе Шопенгауэра достаточно хорошо извѣстно, и потому я напомню о немъ здѣсь лишь въ немногихъ словахъ.

Весь міръ, какимъ онъ представляется человѣку,—«*міръ, какъ представленіе*», есть призракъ, иллюзія *).

---

*) Въ этомъ своемъ положеніи Шопенгауэръ расходится съ Леопарди, который признавалъ за космосомъ реальное бытіе.

Реально для него существуютъ только такія вещи, которыя онъ хочетъ имѣть, или которыхъ хочетъ избѣжать, которыя ему доставляютъ удовольствіе, либо заставляютъ его страдать. Не входящіе въ кругъ этихъ *волевыхъ* процессовъ предметы для человѣка реально не существуютъ, какъ для слѣпого не существуетъ красокъ, для глухого—звуковъ и т. д.

А такъ какъ всякая воля есть съ тѣмъ вмѣстѣ и *стремленіе* чего-нибудь достигнуть или чего-нибудь избѣжать, то въ ней самой, поэтому, и лежитъ источникъ трагедіи жизни, ибо всякое стремленіе и начинается, и кончается страданіемъ.

Отсюда вся жизнь человѣка вращается между страданіемъ (стремленіемъ) и скукой, а задача мудреца сводится къ тому, чтобы побороть, парализовать *волю*, являющуюся источникомъ стремленій, отречься отъ жажды жизни и обрѣсти блаженный покой. «Для того, кто обрѣлъ такой покой,—заключаетъ главное свое произведеніе Шопенгауэръ,—весь этотъ міръ, со всѣми его солнцами и млечными путями, есть ничто!»

И пессимизмъ, конечно, гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ философія «примиренія» съ ея увѣреніями о томъ, что нашъ міръ лучшій изъ міровъ, что человѣчество преисполнено счастія и каждый такой счастливецъ черезъ сліяніе съ человѣчествомъ обрѣтаетъ даже безсмертіе!

Ближе къ истинѣ, но потому лишь, что правильно понимаетъ дѣйствительность и дѣлаетъ ей разумную оцѣнку; но отнюдь не въ смыслѣ своихъ конечныхъ заключеній. Здѣсь пессимизмъ такъ же далекъ отъ истины, какъ и оптимизмъ метафизической философіи.

Причина такихъ безотрадныхъ и совершенно невѣрныхъ заключеній, по моему мнѣнію, лежитъ въ томъ, что, исходя изъ совершенно вѣрнаго положенія объ иллюзорности міра нашихъ представленій и ничтожности жизни съ точки зрѣнія ея неизбѣжнаго и скораго конца,—мудрствующіе о природѣ, а не изучающіе природу философы признали доказаннымъ, что наши органы чувствъ навсегда останутся такимъ же несовершеннымъ орудіемъ познанія, какими были до настоящаго времени, а это, на мой взглядъ—грубая и оскорбительная для человѣческаго генія ошибка.

До какой степени эти философы далеки отъ представленія о постигающихъ способностяхъ органовъ чувствъ, всего лучше видно изъ того, какъ они понимали ихъ значеніе въ этомъ процессѣ. Такъ Кантъ, напримѣръ, въ своей *Антропологіи* говоритъ о нихъ слѣдующее.

«Объективными» органами чувствъ, то есть такими, которые даютъ познаніе внѣшнихъ предметовъ, являются: осязаніе, слухъ и вкусъ. Обоняніе для такого познанія, по мнѣнію Канта, служить не можетъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ у многихъ высшихъ животныхъ оно служитъ для такого познанія съ большею силою,

чѣмъ органы зрѣнія и слуха. У человѣка всѣ органы чувствъ, кромѣ осязанія, понизились въ своемъ совершенствѣ, но и у него они могутъ служить для познаванія внѣшнихъ предметовъ.

Какъ же Кантъ представлялъ себѣ задачу и роль этихъ трехъ объективныхъ органовъ чувствъ?

Чувство осязанія. Этими органами,—говоритъ философъ,—природа, повидимому, надѣлила только одного человѣка, чтобы онъ путемъ ощупыванія со всѣхъ сторонъ могъ составить себѣ понятіе о фигурѣ тѣла, ибо чувствительныя щупальца насѣкомыхъ, какъ кажется, имѣютъ въ виду показать только присутствіе предмета безъ опредѣленія его формы. Это внѣшнее чувство только одно даетъ непосредственное внѣшнее воспріятіе; именно поэтому оно и самое серьезное, и его показанія особенно достовѣрны; но въ то же время это и самое грубое чувство.

О слухѣ мы читаемъ:

Чувство слуха есть одно изъ чувствъ посредственнаго воспріятія. Оно идетъ черезъ воздухъ, который насъ окружаетъ, и посредствомъ его узнается отдаленный предметъ на значительномъ разстояніи; и именно черезъ эту среду, которая приводится въ движеніе органомъ голоса, ртомъ, люди легче всего и удобнѣе всего могутъ входить въ общеніе мысли и чувства съ другими людьми, въ особенности въ томъ случаѣ, если звуки, которыми каждый обмѣнивается со всѣми другими, членораздѣльны и въ ихъ закономѣрномъ соединеніи при помощи разсудка создаютъ языкъ.

Въ чувствѣ слуха внѣшняя фигура предмета не дается; звуки языка ведутъ къ представленію этого предмета непосредственно; но именно поэтому—и еще потому, что сами по себѣ они ничего не значатъ, по крайней мѣрѣ не обозначаютъ объектовъ, а только выражаютъ внутреннія чувства, они являются самымъ пригоднымъ средствомъ для обозначенія понятій.

Что же касается при этомъ жизненнаго чувства, то въ музыкѣ, какъ въ размѣренной игрѣ ощущеній слуха, оно становится необыкновенно живымъ и не только испытываетъ разнообразныя волненія, но и становится сильнѣе; музыка, такимъ образомъ, служитъ какъ бы голосомъ исключительно ощущеній (безъ всякихъ понятій). Звуки здѣсь тоны и служатъ для слуха тѣмъ же, чѣмъ краски служатъ для зрѣнія. Звукъ здѣсь передается въ даль, расходится по извѣстному пространству, сообщается всѣмъ, которые при этомъ присутствуютъ, и представляетъ изъ себя нѣчто пріятное для общества, даетъ удовольствіе, которое отнюдь не уменьшается оттого, что въ немъ многіе принимаютъ участіе.

Ни единаго намека на то, что такое слухъ въ сравнительной анатоміи (о насѣкомыхъ говорится только по поводу осязанія), ни единаго слова о способностяхъ этого органа къ познанію явленій природы у Канта нѣтъ, да и быть не можетъ, такъ

какъ въ его время для оцѣнки того и другого не было *никакихъ данныхъ*, и заимствовать ихъ для его философствованіи Канту было негдѣ. Все дѣло ограничивается только разсмотрѣніемъ органа чувствъ человѣка, какъ орудія *для его жизни въ обществѣ*.

Если бы исключить изъ этого изслѣдованія Канта ничего въ сущности не выясняющіе термины вродѣ: органическія ощущенія, жизненныя ощущенія, внѣшнія ощущенія, субъектъ чувствъ, матерія съ твердой поверхностью, матерія текучая, текучій элементъ, подвижная матерія и пр., и пр., то все опредѣленіе органовъ чувствъ, какъ орудій познанія внѣшней природы, у Канта сводилось бы къ тому, что органъ осязанія служитъ, чтобы ощупывать предметъ, органъ слуха, чтобы слушать разговоръ и музыку, а органъ зрѣнія...

Вотъ что онъ говоритъ о немъ. И зрѣніе тоже чувство посредственныхъ ощущеній; ощущеніе передается здѣсь черезъ подвижную матерію, ощутительную только для извѣстнаго органа (для глаза), черезъ свѣтъ, который не только, какъ звукъ, представляетъ волнообразное движеніе текучаго элемента, расходящееся въ пространствѣ во всѣ стороны, но представляетъ то изліяніе, черезъ которое опредѣляется въ пространствѣ мѣсто для объектовъ и т. д., и т. д., все съ одинаковою ясностью опредѣленія и изложенія. Новаго здѣсь только то, что глазъ можетъ, кромѣ людей, видѣть «самосвѣтящіяся небесныя тѣла» и «посредствомъ микроскопа разсматривать маленькихъ инфузорій». Какъ это безконечно далеко отъ того, что можетъ сказать въ настоящее время ученый, обладающій современнымъ микроскопомъ и химической лабораторіей!

Что же мудренаго, что Кантъ утверждалъ, будто бы чувство зрѣнія не такъ необходимо, не такъ благородно, какъ органъ слуха, и что органы чувствъ не могутъ вести къ познанію вещей.

III.

Логика смерти передъ судомъ науки (Вейсманнъ). Слабая сторона его гипотезы.—Трагизмъ смерти есть результатъ глубокой дисгармоніи между непропорціонально огромнымъ развитіемъ интеллектуальной силы и ничтожествомъ орудій ея познанія (органовъ чувствъ), унаслѣдованныхъ человѣкомъ отъ животныхъ.

Посмотримъ теперь, что отвѣчаетъ намъ на поставленный нами вопросъ наука; въ чемъ видитъ она оправданіе и логику смерти?

Пока мы имѣемъ на него только одинъ отвѣтъ, который я нахожу все же не вполнѣ вѣрнымъ, и ошибочность котораго постараюсь здѣсь выяснить и поправить.

Упомянутый отвѣтъ даетъ Вейсманнъ и содержаніе этого отвѣта таково:

Смерть представляетъ собою одну изъ высшихъ формъ приспособленія видовъ животныхъ къ эволюціи: слишкомъ продолжи-

тельная жизнь задерживала бы прогрессъ и тормазила бы отборъ въ борьбѣ за существованіе.

Смерть, по мнѣнію ученаго,—могучій факторъ совершенствованія: она устраняетъ слабыхъ, уродливыхъ; она во время кладетъ предѣлъ отживающему, охраняя интересы потомства, т. е. вида. Благодаря смерти, и усовершенствовался весь міръ организмовъ на землѣ; ея благодѣтельному вліянію онъ обязанъ всѣмъ, что на землѣ есть прекраснаго въ наши дни: она не давала заживаться на землѣ организмамъ, сдѣлавшимъ свое дѣло, то есть давшимъ и воспитавшимъ свое потомство въ періодъ расцвѣта своихъ силъ; молодыя поколѣнія организмовъ, благодаря этому, смѣнялись новыми и новыми, вѣчно стремясь къ дальнѣйшему совершенству.

Въ этомъ и заключается *логика смерти*, ея цѣлесообразность, необходимость и желательность. И не одинъ Вейсманнъ думаетъ такимъ образомъ.

Спенсеръ, Геккель, Уоллесъ и многое множество ученыхъ съ авторитетнѣйшими именами не только не возмущаются идеей объ обязательности животной логики смерти для человѣка, но видятъ въ ней такую же гарантію прогресса человѣчества, какую смерть играла и продолжаетъ играть въ совершенствованіи животныхъ.

Они признаютъ законнымъ руководительство человѣческимъ прогрессомъ того закона и той логики, которые тяготѣютъ надъ нимъ, не справляясь о томъ: признаетъ ли человѣчество то совершенствованіе, которое гарантируется смертью, за желательное совершенствованіе, и хочетъ ли оно идти туда, куда его ведетъ этотъ роковой для всего живого на землѣ законъ смерти?

Между тѣмъ, идея эта даже по стольку, по скольку она касается животныхъ, встрѣчаетъ серьезныя возраженія въ тѣхъ данныхъ, которыя свидѣтельствуютъ о борьбѣ за жизнь особи, идущей параллельно съ борьбою за жизнь потомства *).

Что же касается до человѣка, то, на мой взглядъ, приведенная выше идея Вейсманна представляетъ собою огромную ошибку и вотъ почему. Однажды поднявшись на такой уровень умственнаго развитія, стоя на которомъ человѣкъ могъ понять, что природа несравненно болѣе его врагъ, чѣмъ союзникъ, — онъ долженъ былъ вступить съ нею въ борьбу и либо одержать побѣду, либо погибнуть.

Природа накладываетъ на человѣка тѣ же цѣпи естественнаго отбора для усовершенствованія вида, которыя наложила на все живущее для достиженія наиболѣе совершенныхъ формъ въ борьбѣ за существованіе и въ этихъ интересахъ прекращаетъ его жизнь въ наиболѣе цѣлесообразный для *этой* цѣли моментъ. Но человѣкъ сознавши свою индивидуальность и противопоставивъ свою волю слѣпымъ велѣніямъ біологическаго отбора, не можетъ, разу-

*) См. В. Вагнеръ. Материнство и материнскій инстинктъ.

мѣется, свести свою индивидуальную роль на степень служенія этимъ велѣніямъ; онъ не можетъ не протестовать противъ того, чтобы его личная жизнь цѣнилась не болѣе, чѣмъ временное средство къ достиженію цѣлей, которыхъ онъ не раздѣляетъ. Противопоставивъ свои человѣческія задачи задачамъ біологическимъ, онъ въ правѣ требовать принесенія въ жертву не первыхъ послѣднимъ, а послѣднихъ первымъ. Логика смерти животныхъ поэтому для него теряетъ всякій смыслъ, и онъ стоитъ передъ этимъ фактомъ, какъ передъ роковой безсмыслицей, которой не можетъ ни понять, ни опредѣлить своего къ ней отношенія.

Отсюда, какъ мы это видѣли въ предшествующей главѣ, ведетъ свое начало возникновеніе религіи, а потомъ философіи, пессимистической, примиряющей, утѣшающей и всякой иной.

Причины, которыя сдѣлали усилія человѣческаго ума безплодными въ рѣшеніи вопроса о смерти, заключаются въ томъ противорѣчіи между явленіями смерти, съ одной стороны, и оторванныхъ отъ фактовъ дѣйствительности поисковъ трансцендентальной мысли,—съ другой.

Смерть, несмотря ни на какія разсужденія, оставалась «актомъ, во-первыхъ, отрывающимъ человѣка отъ предметовъ, которые составляютъ всю красоту и прелесть жизни, а, во-вторыхъ, актомъ, послѣ котораго самъ человѣкъ, созданный по образу и подобію Бога, превращается въ грязь, хуже, чѣмъ грязь, въ зловонный трупъ».

Что можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи наука и можетъ ли она вообще что-нибудь здѣсь сдѣлать?

Я глубоко убѣжденъ, что можетъ и можетъ не въ отдаленномъ будущемъ, а сейчасъ, и не путемъ иллюзорныхъ надеждъ, въ которыя люди вѣрятъ только потому, что хочется вѣрить, и лишь до тѣхъ поръ, пока можно вѣрить, то есть пока дѣйствительность не докажетъ всей безплодности этой вѣры съ обычной для нея грубостью и неотразимостью.

Цѣпь разсужденій, которыя приводятъ меня къ этому выводу, заключается въ слѣдующемъ.

Я исхожу изъ положенія, что органы чувствъ животныхъ, отъ которыхъ они унаслѣдованы человѣкомъ, выработались въ борьбѣ за существованіе съ живою природой, то есть съ живыми организмами, въ условіяхъ окружающей ихъ среды. Естественный отборъ удерживалъ тѣ уклоненія въ эволюціи нервной дѣятельности, которыя были нужны для веденія борьбы за существованіе въ такихъ условіяхъ, не болѣе. Все, что оказывалось излишнимъ для этой цѣли, уничтожалось, даже если и было въ свое время выработано въ качествѣ полезнаго, какъ исчезли, напримѣръ, глаза у пещерныхъ животныхъ. Для того, чтобы вести борьбу за жизнь,—несовершенныхъ и ограниченныхъ органовъ чувствъ было совершенно достаточно, такъ какъ война за жизнь велась съ организмами, вооруженными аналогичными же органами чувствъ въ

сходныхъ условіяхъ жизни. Для нея было достаточно даже несравненно менѣе совершенныхъ органовъ, чѣмъ тѣ, какіе мы видимъ у высшихъ животныхъ: другія способности или особенности организма возмѣщали недочеты въ этомъ отношеніи съ большимъ или меньшимъ совершенствомъ. Для реакціи на свѣтъ, тепло, газообразную, жидкую или твердую среду, на враговъ—было нужно не много, и то, что представляетъ эволюція органовъ чувствъ въ смыслѣ рѣшенія этой задачи, представляетъ собою картину удивительной цѣлесообразности и совершенства.

Эти совершенныя орудія жизни тотчасъ же, однако, превращаются въ никуда негодныя средства, какъ только на землѣ является человѣкъ съ его роковыми, неизвѣстными міру животныхъ, вопросами: *почему* и *зачѣмъ*?

Гармонія между орудіями разума и его запросами оказалась, вслѣдствіе этого, такъ глубоко нарушенной, а послѣдствія этого нарушенія до такой степени колоссальными, что ни одна изъ указываемыхъ И. И. Мечниковымъ дисгармоній человѣческой природы въ сферѣ органовъ пищеваренія, размноженія и пр., не можетъ быть даже поставлена рядомъ.

Человѣкъ вооруженъ органами чувствъ, отлично приспособленными для животной жизни, для того отдаленнаго прошлаго, когда человѣкъ, какъ и всякій звѣрь, долженъ былъ добывать себѣ пищу и вести нескончаемую войну со всѣмъ его окружающимъ, когда ему и нужно было ничего видѣть, кромѣ того, съ чѣмъ приходилось вести борьбу, и тѣхъ, съ кѣмъ ему эту войну приходилось вести сообща. И онъ въ теченіе тысячелѣтій не видалъ и не слыхалъ ничего другого.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ отношеніе человѣка къ природѣ напоминаетъ такое же отношеніе у животныхъ.

Человѣкъ, какъ настоящее стадное животное, долгое, безконечно долгое время *видѣлъ* въ природѣ только особей своего стада и вида. Въ нихъ онъ всматривался, за ними наблюдалъ. Всѣ остальныя животныя его безусловно не интересовали, какъ не интересуютъ они и стадныхъ животныхъ. Онъ знаетъ среди нихъ полезныхъ и опасныхъ, но и то лишь со стороны ихъ полезности или опасности. Онъ ихъ, собственно какъ таковыхъ, и не видитъ, хотя и смотритъ на нихъ; не видитъ, какъ слѣдуетъ, даже ближайшихъ къ нему животныхъ.

Отношеніе человѣка къ мертвой природѣ еще поучительнѣе.

«Описаніе природы въ ея роскошномъ разнообразіи, описательная поэзія, какъ отдѣльная отрасль литературы, были совершенно чужды грекамъ», говоритъ А. Гумбольдтъ: «страсти, разражающіяся сильными дѣлами, почти однѣ приковывали ихъ вниманіе».

«Когда вспомнишь», говоритъ Шиллеръ, «о прекрасной природѣ, окружавшей древнихъ грековъ; когда подумаешь, въ какой близкой связи съ свободной природой находился этотъ народъ подъ

своимъ счастливымъ небомъ, какъ его способъ представленій и чувствованій, какъ его нравы ближе подходили къ простой природѣ, и какое вѣрное отраженіе ея находится въ произведеніяхъ его поэзіи, покажется страннымъ, отчего у него встрѣчается такъ мало слѣдовъ того сочувствія, съ которымъ мы, новые народы, увлекаемся картинами природы и всматриваемся въ ея физіономію. Правда, грекъ описываетъ природу въ высшей степени точно, вѣрно и обстоятельно, но не съ бо́льшимъ сердечнымъ участіемъ, чѣмъ то, съ которымъ онъ описываетъ какую-нибудь одежду, щитъ и доспѣхи, онъ не привязанъ къ ней съ тою нѣжностью, съ той сладостной грустью, съ которыми привязаны къ ней новые народы».

Есть, впрочемъ, и у грековъ одинъ писатель, который говорилъ о природѣ въ истинно поэтическихъ выраженіяхъ. Но этотъ писатель—именно тотъ человѣкъ, который зналъ природу и занимался ея изученіемъ,—Аристотель. «Если бы были существа, всегда обитавшія въ глубинѣ земли, въ жилищахъ, украшенныхъ статуями и картинами, вообще всѣмъ тѣмъ, что имѣютъ тѣ, которыхъ называютъ счастливыми», говоритъ этотъ глубокій мыслитель; «потомъ, если бы эти существа, услышавъ о дѣятельности и могуществѣ боговъ, вышли сквозь разверстыя земныя разсѣлины изъ своихъ скрытыхъ жилищъ къ мѣстамъ, нами обитаемымъ; если бы они внезапно увидѣли землю и море, и небесный сводъ, узнали обширность облаковъ и силу вѣтровъ, оцѣнили солнце, его величіе, красоту и свѣтоносное дѣйствіе; если бы они, наконецъ, послѣ того, какъ наступившая ночь покрыла землю мракомъ, вдругъ увидѣли звѣздное небо, луну, измѣняющую свой свѣтъ, восходъ и закатъ созвѣздій и ихъ съ самой вѣчности устроенное, неизмѣнное теченіе,—то, безъ сомнѣнія, они воскликнули бы: есть боги, и такія великія дѣла—ихъ твореніе!»

Та способность вдохновляться красотой природы, которая мало замѣтна, не говоримъ—въ характерѣ греческаго народа, но въ его литературѣ, еще скуднѣе выражена у римлянъ. «Къ намъ—говоритъ Гумбольдтъ,—не дошло изъ древности ни одного описанія вѣчныхъ альпійскихъ снѣговъ, когда они, къ вечеру или рано утромъ, покрываются багровой краской; ни одного изображенія красоты голубыхъ ледниковъ или величаваго характера швейцарскаго ландшафта, а между тѣмъ безпрестанно переходили въ Галлію черезъ Гельвецію государственные люди, полководцы и, въ свитѣ ихъ, литераторы. Всѣ эти путешественники могли только жаловаться на непроходимыя, страшныя дороги, романтическій же характеръ альпійской природы нисколько ихъ не занимаетъ. Извѣстно, что Юлій Цезарь, возвращаясь къ своимъ легіонамъ въ Галлію, воспользовался временемъ своего перехода черезъ Альпы, чтобы писать грамматическій трактатъ «De analogia».

Что находимъ мы въ средніе вѣка? Въ наукѣ о природѣ ца-

ритъ глубокій покой. Лишь кое-гдѣ слышатся одинокіе голоса ученыхъ, большею частью толкователей классическихъ авторовъ. Съ другой стороны, мы не видимъ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ описывались бы сцены природы даже тамъ, гдѣ къ этому представляется полная возможность.

Древне-германскіе пѣвцы способны были, конечно, чувствовать красоту природы; однако же, по указанію Ал. Гумбольдта, «они передали намъ только то выраженіе этого чувства, которое могло проглянуть въ связи съ историческими событіями или съ ощущеніями, изливающимися въ лирическихъ стихотвореніяхъ. Начиная съ древнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ, съ народной эпопеи, ни въ Нибелунгахъ, ни въ Гудрунѣ не встрѣтились описанія сценъ природы. У поэтовъ тринадцатаго вѣка можно собрать множество доказательствъ въ пользу ихъ глубокаго чувства природы, проявляющагося особенно въ сравненіяхъ; но мысль объ отдѣльномъ самобытномъ описаніи природы была и имъ чужда. Они не замедляли хода происшествій въ поэмѣ, не останавливались въ созерцаніи предъ тихой жизнью природы. Лирическіе поэты тринадцатаго вѣка, воспѣвая «минну» (любовь), хотя и довольно часто говорили о кроткомъ маѣ, о пѣніи соловья, о росѣ, блестящей на вересковыхъ цвѣткахъ, но всегда только въ отношеніи чувствованій, отражающихся въ этихъ образахъ». Прошли вѣка прежде, чѣмъ описанія природы получили въ художественной литературѣ то значеніе, которое они заслуживаютъ по своей внутренней цѣнности. Что же случилось въ исторіи цивилизаціи за это время? Гдѣ искать то событіе, къ какому можно было бы пріурочить моментъ развернувшагося художественнаго чутья, зачатки и только зачатки котораго имѣлись въ прошломъ?

Едва-ли можно возразить что-нибудь серьезное на утвержденіе, что этимъ моментомъ нужно признать всестороннее развитіе естествознанія въ половинѣ XVIII вѣка.

Явились ботаника и зоологія, какъ науки; явился Бюффонъ; познакомились съ географическимъ распространеніемъ животныхъ, съ разными племенами человѣчества; явились, съ другой стороны, де-Сенъ-Пьеръ, Шатобріанъ, Плейферъ, а позднѣе Клопштокъ, Гете.

Сначала надо познать — любовь къ познанному явится сама собою.

Лишь съ того момента, когда человѣкомъ впервые были поставлены его роковые вопросы, впервые выяснилась и полная трагизма дисгармонія между орудіемъ, способнымъ ставить такіе вопросы, то есть разумомъ человѣка, и средствами для ихъ рѣшенія, то есть его органами чувствъ.

Разумъ въ конечныхъ стадіяхъ его эволюціи представляетъ собою новую, еще невѣдомую на землѣ силу, которой суждено было вступить въ открытую борьбу съ природой, а органы чувствъ,

выработанные въ школѣ рабскаго подчиненія ея велѣніемъ, держали его на мѣстѣ.

Нужно ли объяснять, что, когда разумъ принялся за рѣшеніе своихъ, только одного человѣка интересовавшихъ вопросовъ, то онъ не получалъ и не могъ получить на нихъ отвѣта, ибо онъ смотрѣлъ не туда, гдѣ можно было видѣть то, что нужно было видѣть, и слушалъ не тамъ, гдѣ нужно было слушать? А смотрѣлъ онъ не туда и слышалъ не то, что нужно, потому, что дѣлалъ и продолжаетъ это дѣлать органами чувствъ, которые унаслѣдовалъ отъ животныхъ, такіе вопросы себѣ не ставившихъ, видѣвшихъ вещи не такими, какими онѣ есть, а такими, какими имъ нужно было ихъ видѣть въ борьбѣ за существованіе.

Отличный примѣръ, иллюстрирующій сказанное, представляетъ собою отношеніе животныхъ, а съ ними и человѣка къ трупу.

Человѣку трупъ страшенъ по своей неподвижности и отвратителенъ по своему запаху.

Въ основѣ этого чувства лежитъ вѣрный, установленный борьбою за существованіе, инстинктъ: трупъ опасенъ, онъ можетъ быть источникомъ болѣзни и смерти. У животныхъ, питающихся падалью, трупъ вызываетъ совершенно иное чувство: у нихъ онъ возбуждаетъ аппетитъ; запахъ трупа доставляетъ имъ удовольствіе. Естественный отборъ создалъ эти формы животныхъ такими, что трупъ приноситъ имъ не вредъ, а пользу, и ихъ отношеніе къ трупу, покоясь на инстинктѣ *питанія*, является совершенно противоположнымъ тому, которое мы видимъ у человѣка и нѣкоторыхъ млекопитающихъ животныхъ. У нѣкоторыхъ насѣкомыхъ трупный запахъ возбуждаетъ, повидимому, половые инстинкты и никакихъ другихъ.

Приведеннымъ примѣромъ я хочу сказать, что и животное, и человѣкъ своими органами чувства видитъ предметы не такими, каковы они есть, а лишь такими, какими они представляются ему, благодаря унаслѣдованнымъ способностямъ видѣть ихъ *съ точки зрѣнія интересовъ въ борьбѣ за существованіе*..

Здѣсь, по моему мнѣнію, и лежитъ основной источникъ трагедіи жизни человѣка и, между прочимъ, того ея акта, который называется смертью.

Мы видѣли уже, чѣмъ представлялся этотъ актъ людямъ.

Основная причина такого представленія, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что человѣкъ смотритъ на міръ глазами животнаго, а не человѣка; надо вооружить его органы чувствъ такими орудіями, которыя дали бы ему возможность видѣть міръ такимъ, какой онъ есть на самомъ дѣлѣ; надо дать людямъ возможность почувствовать этотъ невидимый и неподозрѣваемый міръ явленій—и они полюбятъ его, какъ полюбили природу послѣ того, какъ начали познавать ее. А когда это случится, не будетъ болѣе и трагедіи смерти.

Присмотримся поближе къ этой трагедіи.

Что покидаемый человѣкомъ міръ представляетъ собою не то, чѣмъ онъ кажется,—это давно извѣстно; не извѣстно лишь, въ какой мѣрѣ и почему это несоотвѣтствіе между кажущимся и дѣйствительно существующимъ глубоко, а главное, какія послѣдствія можетъ и *несомнѣнно будетъ* имѣть это знаніе для нашего отношенія къ явленію смерти. Масса ничего не знаетъ объ этомъ, но и тѣ, которые кое-что знаютъ, не могутъ ничего извлечь изъ своего знанія, ибо дисгармонія между знаніемъ разума и чувствомъ, здѣсь, какъ и вездѣ, находитъ коррективъ путемъ пониженія высшей способности (разума) до уровня низшихъ (органовъ чувствъ), а не наоборотъ, какъ бы слѣдовало.

Пусть пестрота красокъ жизни на самомъ дѣлѣ не болѣе, какъ иллюзія, пусть звуки природы — явленіе, только намъ кажущееся, на самомъ же дѣлѣ вокругъ насъ царитъ глубокое безмолвіе, развѣ эти знанія мѣшаютъ мнѣ любить окружающіе меня предметы, и даже не просто, а двойною любовью, то есть любить ихъ и такими, какими они намъ представляются органами чувствъ, и такими, какими ихъ знаетъ нашъ разумъ: красота, соединенная съ проявляющеюся въ ней мыслью,—еще могущественнѣе захватываетъ наши чувства, еще сильнѣе вызываетъ нашу привязанность, еще болѣе тягостной дѣлаетъ разлуку.

Это справедливо, однако, лишь на первый взглядъ. Не трудно понять, въ самомъ дѣлѣ, что чѣмъ глубже будутъ становиться наши познанія явленій природы, тѣмъ яснѣе будетъ выступать несоотвѣтствіе между свидѣтельствомъ животныхъ органовъ чувствъ и свидѣтельствомъ разума, изслѣдующаго міръ органами чувствъ человѣка, то есть вооруженными способомъ, безгранично расширяющимъ область видимаго и чувствуемаго. Наступитъ, наконецъ, моментъ, когда коррективъ въ противорѣчіи между тѣмъ и другимъ источникомъ познанія *сдѣлается безусловно не возможнымъ*.

До тѣхъ поръ, пока наши знанія не идутъ далѣе того, напримѣръ, что предметы собственнаго цвѣта не имѣютъ, а зависитъ этотъ цвѣтъ ихъ отъ преломленія солнечныхъ лучей, — отношенія наши къ окружающему насъ міру проигрываютъ не много: предметъ можетъ мнѣ нравиться безъ всякаго отношенія къ тому, представляетъ ли его окраска внутреннее, независимое отъ какихъ-либо внѣшнихъ факторовъ свойство предмета, или не представляетъ.

Но познанія наши теперь уже не останавливаются только на этомъ, они пошли гораздо дальше въ глубь явленій.

За картиной, которую намъ рисуютъ элементарные факторы, непосредственно обусловливающіе явленія среды, открывается другая, которую въ общихъ чертахъ мы, согласно указаніямъ новой области знанія—энергетики *), можемъ себѣ представить такою.

---

*) Подъ энергетикой разумѣется наука, изучающая различныя формы,

Весь міръ живой и мертвой природы представляетъ собою только измѣненія неразрушимой матеріи и неразрушимой энергіи, вѣчно переходящихъ изъ одной формы явленій въ другія, при чемъ различіе послѣднихъ между собою, въ значительной части случаевъ, обусловливается различіемъ не этихъ явленій, а воспринимающихъ явленія органовъ чувствъ.

Пока мы не имѣемъ основанія утверждать, что всѣ существующія формы энергіи намъ извѣстны *), но мы можемъ категорически утверждать теперь же, что новыя формы энергіи, если бы таковыя были когда-либо открыты, будутъ подчиняться уже извѣстнымъ намъ законамъ. Явленія жизни, съ точки зрѣнія энергетики, представляютъ собою одинъ изъ частныхъ случаевъ космической энергіи, который занимаетъ въ общей картинѣ міровыхъ явленій опредѣленное мѣсто, представляя одну неразрывно и генетически съ нею связанную часть цѣлаго.

Грандіозная картина связи явленій жизни съ міровыми явленіями можетъ быть представлена въ слѣдующихъ общихъ чертахъ.

Солнечный лучъ, выражаясь образно, доставляетъ намъ на землю космическую энергію солнца.

Чередующіяся волны солнечныхъ лучей, слѣдующія другъ за другомъ съ такою же невообразимой быстротой, какъ и ихъ движеніе впередъ (290,000 верстъ въ секунду),—расшатываютъ мелкіе атомы углекислоты, проникнувшей изъ воздуха въ толщу зеленаго листа, и порываютъ связь между кислородомъ и углеродомъ, изъ химическаго соединенія которыхъ углекислота состоитъ.

Органомъ листа, въ которомъ совершается процессъ разложенія углекислоты,—являются зеленыя зернышки, обусловливающія зеленый цвѣтъ растенія, хлорофиллъ. Въ этихъ зернышкахъ углеродъ, освободившись изъ углекислоты, вступаетъ въ соединеніе съ водою (всегда находящеюся въ листѣ) и образуетъ *крахмалъ*. Такъ совершается, провѣренный опытомъ и установленный наукою, первый актъ великой драмы жизни: превращеніе одной формы энергіи въ другую, одной формы матеріи въ другую.

Изъ элементовъ мертвой природы—углекислоты CO_2—изъ неорганическаго вещества *получается вещество органическое—крахмалъ*. На землѣ пока еще нѣтъ другой лабораторіи, въ которой наблюдалось бы такое превращеніе неорганическаго вещества въ органическое, кромѣ зеленаго листа растенія. Всѣ органическія вещества, какъ бы ни были они разнообразны и гдѣ бы они ни встрѣчались,—въ растеніи ли, въ животномъ, или человѣкѣ,—*про-*

подъ которыми представляется энергія (механическая, химическая, тепловая, свѣтовая, электрическая), ихъ отношенія другъ къ другу, преобразованія другъ въ друга и пр.

*) Такъ, электричество сдѣлалось извѣстнымъ человѣку едва сто лѣтъ назадъ; раньше объ этой энергіи, имѣющей такое огромное значеніе, люди и не подозрѣвали.

шли черезъ листъ и произошли изъ веществъ, выработанныхъ листомъ.

Добытый растеніемъ крахмалъ въ другихъ живыхъ лабораторіяхъ подвергается дальнѣйшимъ превращеніямъ: въ сахаръ и (въ соединеніи съ амміакомъ) въ бѣлокъ. Этотъ послѣдній составляетъ основную питательную часть животной пищи, химическая потенціальная энергія которой имѣетъ своимъ источникомъ растительный міръ.

Другими словами, животное получаетъ сложную по своему составу пищу, а съ ней и химическую энергію отъ растеній,—единственно способныхъ производить такія сложныя соединенія изъ простыхъ.

Поступивъ въ организмъ животнаго, потенціальная энергія пищи претерпѣваетъ новый циклъ превращеній, который начинается съ химическаго ея разложенія.

Переваренная, измѣненная и включенная въ составъ той или другой ткани организма, пища хранится тамъ въ состояніи резерва, то-есть въ формѣ потенціальной энергіи, къ которой собственно и примѣняются принципы физіологической энергетики. Когда происходитъ движеніе, проявляется чувствительность, работаетъ мысль, железа производитъ свое выдѣленіе, то, какъ этому училъ еще Claude Bernard, вещество мускуловъ, нервовъ, мозга, ткани, железы разлагается, разрушается и расходуется.

Причину этого химическаго разрушенія, вслѣдствіе отправленія тканей, энергетика объясняетъ тѣмъ, что часть органической матеріи перечисленныхъ тканей разлагается, химически упрощается, нисходя на низшую ступень сложности, вслѣдствіе чего освобождаетъ нѣкоторую часть химической энергіи, которую ткани эти заключали въ скрытомъ потенціальномъ состояніи.

Освобожденная энергія возвращается въ окружающую организмъ среду въ формѣ теплоты, которая такимъ образомъ представляетъ такой же экскретъ въ области динамическихъ процессовъ организма, какой мочевина, углекислота и вода — представляютъ въ области вещественныхъ процессовъ.

Въ картинѣ, которую я набросалъ здѣсь въ самыхъ общихъ чертахъ, очень многое для ясности и простоты въ изложеніи отброшено. Въ ней на первомъ планѣ стоитъ живой міръ и связь энергіи, которой онъ обязанъ своимъ существованіемъ, съ космической энергіей. Связь эта устанавливается въ *одномъ* опредѣленномъ *пунктѣ*, тамъ, гдѣ жизненная энергія получаетъ свое начало,—то-есть въ *химической энергіи*, которая накопляется растеніемъ при содѣйствіи солнечнаго луча. Энергія эта, пройдя разные феноменальные признаки, возвращается въ міръ физическій подъ видомъ тепловой энергіи.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что мѣсто *жизни находится въ моментѣ преобразованія энергіи химической въ тепловую* *).

---

*) Не слѣдуетъ думать, конечно, что такое выдѣленіе жизненной

За этой картиной міра живой и мертвой природы, которую передъ нами открываетъ энергетика и которая, указывая намъ на единство всѣхъ явленій, ихъ неразрывную связь между собою, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ возможность установить связь между этой дѣйствительностью и той иллюзіей, какую намъ рисують наши невооруженные органы чувствъ,—за этой картиной стоитъ другая, построенная на болѣе глубокомъ анализѣ. Элементы этой, далѣе отодвинутой отъ нашихъ органовъ чувствъ, картины уже вовсе не стоятъ въ связи съ иллюзіями, о которыхъ шла рѣчь выше. Ее рисуетъ намъ такъ называемая кинетическая теорія Декарта-Лейбница. Согласно этой теоріи, объективный міръ представляетъ собою только *движеніе вѣсомыхъ атомовъ*. Всякое явленіе можетъ быть выражено атомистическимъ интеграломъ, при чемъ силы, приводящія въ дѣйствіе жизнь, ничѣмъ не отличаются отъ другихъ силъ природы; все смѣшивается въ молекулярной механикѣ.

Отличіе картины міра, съ точки зрѣнія этой гипотезы и той, которую намъ даетъ теорія энергетики, очевидно, почти таково же, какъ отличіе между картиной міра по даннымъ этой послѣдней и той, которую намъ даютъ наши животные, ничѣмъ не вооруженные органы чувствъ.

Съ точки зрѣнія этихъ гипотезъ вопросъ о томъ: что говоритъ или, вѣрнѣе, что долженъ говорить разумъ умирающему для истинной оцѣнки того, что онъ теряетъ,—получаетъ уже совершенно другой смыслъ.

Если мы знаемъ истину, если она такова, какой намъ ее предлагаютъ указанныя гипотезы, тогда не можетъ быть ни согласованія, ни дополненія представленій, изъ которыхъ одни направлены въ сторону истины, указываемой разумомъ, другія—въ сторону лжи, указываемой животными органами чувствъ; не можетъ быть такъ же точно, какъ не можетъ быть совмѣщенія представленій о звѣздѣ, какъ лампадѣ, зажженной чьей-то рукой, съ представленіемъ о звѣздѣ, какъ небесномъ тѣлѣ, равноцѣнномъ нашему солнцу: одно представленіе исключаетъ другое сполна и безъ остатка.

Такъ же точно исключаетъ собою представленіе *истины*, до-

энергіи изъ космической представляетъ нормальное положеніе дѣла: оно въ такой же степени не научно, какъ не научно изученіе явленій тепловыхъ, электрическихъ, магнетизма и пр. изолированными. Энергетика именно доказываетъ, что мы имѣемъ дѣло не съ разными явленіями, а лишь съ превращеніями однихъ въ другія. Новое явленіе это—новый костюмъ, въ которомъ является прежняя неизмѣнная энергія (та же сила по старой номенклатурѣ), которую мы видѣли подъ другой формой, другой оболочкой, въ другомъ костюмѣ. Отсюда и является удивительная стройность и гармонія цѣлаго, которое мы называемъ космосомъ и картина котораго, какъ это легко себѣ представить, вовсе не похожа на иллюзію, изображаемую намъ нашими животными, т. е. не вооруженными органами чувствъ.

бытой нашимъ разумомъ, свидѣтельства нашихъ органовъ чувствъ. Нельзя говорить о красотѣ иллюзій, о привязанности къ нимъ, о мучительности сознанія предстоящей съ ними разлуки, когда сдѣлается извѣстной истина.

Но, спросятъ меня,—развѣ можетъ разлука съ иллюзіей сдѣлаться менѣе чувствительной отъ знанія истины?

Отвѣчу вопросомъ: развѣ поэзія и красота неба утратили что-либо послѣ того, какъ люди узнали, что звѣзды—не лампадки, а подобныя солнцу свѣтила?

Рѣчь идетъ не о томъ, чтобы смягчить и ослабить чувства, обусловливаемыя иллюзіей,—чувствами, обусловливаемыми познаніемъ истины, а о томъ, что послѣднія неизбѣжно вытѣснятъ первыя, какъ стальной поршень вытѣсняетъ изъ цилиндра отработавшій паръ.

Заключеніе.

Логика смерти для людей есть логика безсмертія.

Какой же выводъ слѣдуетъ изъ тѣхъ соображеній, которыми освѣщается сущность смерти по даннымъ науки, и въ какомъ отношеніи измѣняетъ наука трагизмъ смерти?

Какая разница для мыслящаго субъекта между смертью, какъ роковымъ концомъ моей личности, составляющей для меня весь міръ, или, вѣрнѣе, представляющей центръ всего міра, съ гибелью котораго все кончается, все гибнетъ и превращается въ ничто,—какая разница, *въ субъективномъ отношеніи*, между такою смертью и той, какою она является на основаніи данныхъ науки?

Отвѣчу на эти вопросы слѣдующей аналогіей.

Какое значеніе имѣютъ слова: свобода, равенство и братство въ жизни людей до тѣхъ поръ, пока они составляютъ только достояніе мысли? Почти никакого, и значеніе ихъ для жизни людей равно почти нулю. Стоитъ, однако, этимъ понятіямъ изъ сферы мысли перейти въ область чувствъ, какъ они превращаются въ силу, передъ которой меркнетъ сила огня и прочность стали.

То же самое можно сказать и по отношенію къ даннымъ науки о существѣ смерти. Если процессы жизни и смерти съ точки зрѣнія космическихъ процессовъ будутъ представлять собою только случайное достояніе мысли, то научное міровоззрѣніе въ этихъ вопросахъ субъективнаго чувства безсильно.

Иное дѣло, когда оно превратится въ плоть и кровь человѣка и станетъ въ такой же мѣрѣ достояніемъ его чувства, какъ и разума. Возможно ли это?

Мнѣ такое положеніе представляется не только возможнымъ, но и неизбѣжнымъ. Въ самомъ дѣлѣ.

Представьте себѣ, что такъ называемая мертвая природа мановеніемъ руки изъ постигаемаго теперь только нашимъ умомъ, какъ нѣчто отъ насъ безконечно далекое, превратится въ нѣчто ощущаемое нами, какъ очевидность; представьте себѣ, далѣе, что человѣкъ съ юныхъ лѣтъ своей жизни привыкаетъ видѣть тѣ внутреннія сочетанія вещества и его трансформаціи во времени и пространствѣ, разнообразіе и красота которыхъ, разумѣется, неизмѣримо выше того, что намъ въ природѣ даютъ возможность видѣть наши органы чувствъ. Представьте себѣ это, и тогда не трудно будетъ понять, что природа можетъ быть источникомъ не только умственнаго интереса, холоднаго и безучастнаго, но и предметомъ истиннаго горячаго чувства привязанности и любви.

Для этого, прежде всего, надо расширить міръ явленій, способныхъ быть воспринимаемыми посредствомъ органовъ чувствъ, а вмѣстѣ съ этимъ само собою расширится и чувство привязанности.

Ближайшимъ послѣдствіемъ этого будетъ то, что цѣнность иллюзорнаго міра станетъ систематически понижаться до тѣхъ поръ, пока съ познаніемъ сущности вещей (не метафизической, о какой трактовали люди, полагавшіе, что органы чувствъ навсегда останутся тѣми наивными орудіями, которыя годны для доставленія удовольствія и назидательнаго развлеченія, а той сущности, къ какой насъ двигаютъ органы чувствъ, вооруженные дѣйствительными орудіями познанія)—привязанность къ міру иллюзіи будетъ равна нулю, а ея мѣсто займетъ та привязанность, та любовь къ истинѣ, примѣры которой мы можемъ въ исключительныхъ случаяхъ видѣть у людей науки, «покидающихъ міръ»—съ любовью не того, что видятъ въ немъ животные органы чувствъ, а того, о существованіи чего милліоны людей и не подозрѣваютъ и что стоитъ лишь на пути къ познанію истины.

Когда мы познаемъ эту истину, а съ этимъ вмѣстѣ проникнемъ въ душу тѣхъ явленій, которыя составляютъ жизнь такъ называемой мертвой природы, когда мы почувствуемъ себя ея частью, то это чувство будетъ неизмѣримо болѣе реальнымъ, болѣе сильнымъ, чѣмъ то, которое согрѣваетъ жизнь и примиряетъ со смертью великихъ ученыхъ прошлаго и настоящаго.

Если же теперь, въ наше время люди, которыхъ называютъ натуралистами потому, что имъ удалось кое-какъ разобрать первыя двѣ-три странички великой книги природы, испытываютъ чувство высокаго наслажденія отъ созерцанія предметовъ, которыхъ не только никто не видалъ, но самаго существованія которыхъ даже не подозрѣваетъ толпа, и въ этомъ чувствѣ находятъ примиреніе со смертью,—то мы не можемъ и приблизительно представить себѣ, чѣмъ можетъ располагать въ этомъ смыслѣ человѣкъ будущаго.

Взявши отъ жизни все, что она можетъ дать въ смыслѣ того сочетанія матеріи и силы, которое образуетъ интеллектуальный

индивидъ, человѣкъ тѣмъ съ большимъ вниманiемъ и съ большимъ *чувствомъ* будетъ останавливаться на созерцанiи величiя и красоты совершающихся въ мiрѣ процессовъ, чѣмъ меньше новаго и, вслѣдствiе этого, чѣмъ меньше интереснаго будетъ давать форма его бытiя на землѣ.

Высокая поэзiя переселенiя душъ получитъ тогда реальное осуществленiе, ничего не утрачивая ни въ своей красотѣ, ни въ своей содержательности.

Сказки прошлаго превратятся въ дѣйствительность. Та же волшебница-наука, которая изъ ковра-самолета сдѣлаетъ воздушный корабль,—заселитъ землю живыми существами, которыя заговорятъ съ человѣкомъ неслыханнымъ намъ языкомъ, увлекутъ его, заставятъ полюбить себя, и возможность слиться съ ними сдѣлается въ извѣстный перiодъ жизни неотразимо желательной.

Я не раздѣляю мысли И. И. Мечникова о существованiи инстинкта естественной смерти; такой инстинктъ не только рѣшительно ничѣмъ не доказанъ, но и не намѣченъ ни единымъ точно истолкованнымъ фактомъ. Указываемые г. Мечниковымъ факты, на мой взглядъ, только подтверждаютъ справедливость сказаннаго. О чемъ, въ самомъ дѣлѣ, могутъ свидѣтельствовать показанiя какихъ-то выжившихъ изъ ума старичковъ и старушекъ, заявлявшихъ о своемъ желанiи «лечь въ гробъ», и другiе аналогичные случаи? Рѣшительно ни о чемъ. И Ренанъ неизмѣримо ближе понималъ дѣйствительность, когда, опасаясь наступленiя перiода старческаго упадка силъ, завѣщалъ не считать принадлежащими ему идеи и пожеланiя, которыя имъ тогда могутъ быть высказаны, ибо тогда онъ будетъ «не Ренанъ, а существо иного порядка».

Но я совершенно присоединяюсь къ мнѣнiю нашего знаменитаго натуралиста о томъ, что изученiе явленiй, которыми обусловливаются старость и смерть, изученiе, какое составятъ двѣ новыя отрасли науки, называемыя г. Мечниковымъ *геронтологiей* и *танатологiей*, должно будетъ измѣнить ходъ послѣдняго перiода жизни людей. Я думаю даже, что науки эти, которыя не только получили крещенiе отъ И. И. Мечникова, но для которыхъ онъ заложилъ фундаментъ, что эти науки составляютъ для современнаго человѣчества того сфинкса, котораго надо разгадать во что бы то ни стало.

Когда будетъ рѣшена эта задача—вопросъ времени, но къ этому рѣшенiю надо идти и твердо знать:

1) что логика смерти, которую намъ навязываютъ въ качествѣ гарантiи къ совершенствованiю вида, есть логика животныхъ, а не человѣка;

2) что наши познанiя и теперь уже даютъ намъ возможность видѣть, съ одной стороны, иллюзорность того, что, по мнѣнiю массы, составляетъ трагедiю и ужасъ смерти, а съ другой, грядущую

истину, которая только въ глазахъ слѣпцовъ грозитъ умаленіемъ красоты и величія жизни, на дѣлѣ же удесятеряетъ красоту и величіе всего, чего коснется ея божественная десница;

3) что, слѣдуя этимъ указаніямъ науки, логика смерти человѣка заключается въ безсмертіи, не въ смыслѣ сліянія индивида съ человѣчествомъ, которое само смертно, а въ смыслѣ сліянія его съ космосомъ;

4) что осуществленіе этой огромной задачи требуетъ предварительнаго рѣшенія другихъ менѣе важныхъ, но все же громадныхъ по своему значенію: побѣды надъ старостью и удлиненія жизни.

Мы, погруженные въ невѣжество, воспитанные во лжи и окруженные ложью, которая, вслѣдствіе уродливаго образованія и воспитанія, окружаетъ насъ съ дѣтства, не можемъ себѣ и представить, чѣмъ будетъ представленіе человѣка о мірѣ, когда ложь смѣнится всѣмъ величіемъ, всей красотой правды, передъ которой жалкая изобрѣтательность современнаго человѣчества трагически ничтожна.

Въ древности міровую сцену занимали боги, природа была декораціей, люди—рабами и боговъ, и природы.

Въ борьбѣ на оба фронта человѣку удалось частью побѣдить, частью вступить съ природой въ союзъ... и боги были низвергнуты.

Сцена опустѣла!

Временно ее занимаютъ герои для того, чтобы навсегда заняли люди.

Когда же это будетъ, и скоро ли свѣтъ истины разсѣетъ вѣковой мракъ неправды и лжи? Не скоро, ибо несчастное, жалкое человѣчество такъ долго молилось богамъ и въ нихъ однихъ видѣло носителей правды, что, когда ему самому предстоитъ узнавать эту правду, оно боится превращенія въ боговъ и спѣшитъ въ старыя кумирни, бросая каменьями въ учителей истины...

Не скоро! Но заря истины уже загорается, и тотъ, кто способенъ понимать ея значеніе, можетъ быть покоенъ: за нею придетъ день, и нѣтъ силъ, которыя могли бы устранить его наступленіе..

Владиміръ Вагнеръ.

АНДРЕЙ ФЕСТЪ.

Романъ изъ крестьянской жизни.

Людвига Тома. Пер. съ нѣм. **З. А. Венгеровой.**

XVIII.

Въ четвергъ на страстной въ Эрльбахъ явились три разудалыхъ солдата: Якль Цвергеръ, работникъ Лохмана, и старшій сынъ Феста. Они шли по нусбахской дорогѣ, громко распѣвая пѣсни; встрѣчаясь съ дѣвушками, они останавливали ихъ и привѣтствовали веселыми шутками, какъ полагается бравымъ солдатамъ. Дойдя до дома Цвергера, они разстались и пошли въ разныя стороны. Зеппъ Фестъ направлялся домой быстрымъ шагомъ. Подойдя уже совсѣмъ близко, онъ рѣшилъ устроить сюрпризъ. Онъ тихонько обошелъ домъ и заглянулъ въ окно кухни.

Мать стояла у плиты и красила яйца красной и желтой краской. Она осторожно вынимала ихъ изъ кастрюли и клала на блюдо.

Зеппъ постучалъ въ окно, и она вздрогнула отъ неожиданности.

— Господи Іисусе, какъ ты меня напугалъ!

Онъ весело засмѣялся.

— Вотъ и я! — сказалъ онъ. — Какъ разъ поспѣлъ къ крашенымъ яйцамъ. Дай-ка мнѣ парочку, мама.

— Да ты хоть войди раньше и поздоровайся. Дай посмотрѣть на себя въ мундирѣ,—сказала она, оглядывая его, когда онъ, наконецъ, вошелъ въ кухню.—Ты точно въ плечахъ шире сталъ.

— Это отъ работы въ кузницѣ.

Мать оглядывала Зеппа съ видимымъ удовольствіемъ. Онъ былъ нѣсколько ниже ростомъ, чѣмъ отецъ, но плечи у него были шире, и въ своемъ солдатскомъ мундирѣ, ловко

сидѣвшемъ на немъ, онъ казался воплощеніемъ силы. Его юношескій задоръ былъ ему очень къ лицу.

— Ну, а теперь давай пасхальныхъ яицъ за то, что я попалъ какъ разъ минута въ минуту,—повторилъ онъ.

— А непремѣнно крашеныхъ? Ихъ сначала нужно святить.

— Больно долго ждать. Ужъ лучше поѣмъ неосвященныхъ.

— На, бери.

Она придвинула ему блюдо, и онъ взялъ нѣсколько яицъ.

— У тебя отпускъ надолго?

— На недѣлю. Въ среду я долженъ вернуться въ казармы,—отвѣтилъ онъ съ полнымъ ртомъ.—А гдѣ же отецъ?—спросилъ онъ.

— Его нѣтъ дома.

— Какъ такъ? Вѣдь не работаетъ же онъ на Страстной?

— Онъ пошелъ къ портному Габерлю. Сюда приходилъ господинъ Мангъ, и они вмѣстѣ ушли. У насъ вѣдь тутъ опять много горя было,—прибавила она, тяжело вздохнувъ.

Зеппъ не слышалъ ея вздоха. Онъ стукнулъ яйцомъ о край стола.

— Гдѣ Урсула?—спросилъ онъ.—Почему она не помогаетъ тебѣ въ кухнѣ?

— Она наверху, у ребенка.

Зеппъ обмокнулъ яйцо въ соль и всунулъ въ ротъ.

— Ахъ, да,—сказалъ онъ.—Я вѣдь и забылъ. Навѣрно, были непріятности?

— Не изъ-за этого одного, Зеппъ. Много тутъ кой-чего у насъ было съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ.

И она стала разсказывать сыну о томъ, какъ отца сначала выбрали въ старшины, потомъ не утвердили, какъ ребенка Урсулы чуть было не окрестили такимъ именемъ, что онъ сталъ бы посмѣшищемъ на всю жизнь, о томъ, что теперь у нихъ процессъ съ Ксаверіемъ Хиранглемъ. Зеппъ слушалъ и продолжалъ ѣсть съ озабоченнымъ видомъ. Когда мать упомянула про Ксаверія, онъ сказалъ, что Ксаверій всегда былъ негодяемъ, что его нужно проучить, и что онъ воспользуется своимъ отпускомъ, чтобы намять ему бока.

— Ужъ это ты оставь, пожалуйста,—сказала мать.—Пожалуйста, не ввязывайся и ты въ исторію.

— Ну, ужъ я не могу поручиться за себя,—сказалъ Зеппъ, принимая воинственный видъ.—Я вѣдь съ нимъ разъ было сцѣпился въ трактирѣ, и если бы Цвергеръ не удержалъ, ему бы плохо пришлось.

— Слава Богу, что обошлось. Обѣщай мнѣ, что не будешь лѣзть въ драку съ нимъ во время отпуска. И такъ у меня довольно горя.

Онъ обѣщалъ ей и сказалъ, что вовсе не собирается сейчасъ же идти къ Хиранглю и драться съ нимъ, онъ только хотѣлъ сказать, что былъ бы не прочь отколотить его.

— Нечего,—урезонивала его мать.—Оставь ты его, пожалуйста, въ покоѣ. Хочешь лапши? Отъ яицъ у тебя, вѣрно, давитъ въ желудкѣ.

— Поѣмъ лапши, лучше станетъ,—сказалъ онъ.—Свари мнѣ также кофе.

— Хорошо, сварю. А въ казармахъ вамъ кофею на даютъ?

— Даютъ какую-то темную бурду по утрамъ. Это они называютъ кофеемъ.

— Вѣрно, часто вспоминалъ, что дома лучше?

— Въ первое время часто. Потомъ привыкаешь, особенно какъ проголодаешься послѣ маршировки. Служба вѣдь у насъ не легкая. Днемъ ученіе, а ночью на караулъ часто посылаютъ.

— А какъ обращались съ тобой? Не обижаютъ?

— Нѣтъ, на это пожаловаться не могу. Конечно, если какой дуракъ попадется, такъ на него начальство кричитъ. Но въ моемъ полку всѣ молодцы.

Онъ сталъ разсказывать, какъ ихъ хвалилъ и фельдфебель, и капитанъ, говоря, что они хоть совсѣмъ еще молодые, но заткнутъ за поясъ старыхъ служакъ.

— И это правда,—доказывалъ Зеппъ.—Прежніе-то совсѣмъ не стараются. Исполняютъ кое-какъ, что велятъ, и имъ даже все равно, если ихъ въ карцеръ сажаютъ.

— А тебя не сажали, Зеппъ?

— Нѣтъ, я никогда не попадаюсь: нужно держать ухо востро, тогда все съ рукъ сходитъ. Въ нашемъ полку никогда никто не попадается.

Мать внимательно слушала разсказы сына, продолжая варить яйца въ кипяткѣ. Вдругъ раздались быстрые шаги въ сѣняхъ, и въ кухню вошелъ Фестъ. На лицѣ его отражалось сильное волненіе, глаза сверкали, губы улыбались радостной улыбкой; голосъ его звучалъ необыкновенно бодро, когда онъ поздоровался съ Зеппомъ.

— Это ты! Хорошо сдѣлалъ, что пріѣхалъ. Да у тебя ужъ усы пробиваются. Скоро закручивать сможешь.

— Что съ тобой?—спросила Феста жена.

— Ничего плохого. Наконецъ-то, мы выведемъ на чистую воду этого обманщика.—Фестъ хлопнулъ себя по колѣну и продолжалъ:—Да, Зеппъ, тяжелое я пережилъ время! Теперь, дастъ Богъ, все измѣнится.

— Да, мать мнѣ говорила.

— Они извели меня своими наговорами: я сталъ послѣд-

нимъ человѣкомъ въ деревнѣ. Но теперь, наконецъ, и на моей улицѣ будетъ праздникъ.

— Что же было? Разскажи, наконецъ,—настаивала жена Феста, и онъ сталъ разсказывать.

Зеппъ былъ пораженъ перемѣной въ отцѣ: онъ былъ всегда такой сдержанный, серьезный, а теперь заговорилъ торопливо, точно боясь, что не успѣетъ всего высказать, и стучалъ кулакомъ по столу или проводилъ рукавомъ по лбу, чувствуя испарину отъ возбужденія.

— Совсѣмъ онъ другой сталъ, чѣмъ прежде,—думалъ Зеппъ.

Произошло. дѣйствительно, нѣчто необычайное. Вотъ въ чемъ было дѣло! На третій или четвертый день послѣ своего пріѣзда, Сильвестръ пошелъ къ учителю Штегмюлеру и разсказалъ ему, какое рѣшеніе онъ принялъ съ согласія матери. Штегмюлеръ уже зналъ приблизительно все изъ пророчествъ Зицбергера и разсказовъ булочницы Маріи Ульрихъ. Онъ только удивился тому, что Сильвестръ не поступаетъ на сцену, какъ про него говорили. Учителю казалось, что, имѣя такой пріятный голосъ, трудно устоять противъ влеченія къ свободному искусству; онъ самъ въ молодости испыталъ этотъ соблазнъ. Но всетаки ему пріятно было узнать, что слухи оказались въ этомъ отношеніи преувеличенными. Онъ сказалъ это Сильвестру и похвалилъ его за то, что онъ съ такимъ мужествомъ и твердостью рѣшилъ жить самостоятельнымъ трудомъ.

Какъ бы священникъ Хельдъ былъ, вѣроятно, пораженъ рѣшеніемъ своего ученика. Но онъ, навѣрное, одобрилъ бы, ибо всякій долженъ дѣлать то, что признаетъ наилучшимъ. Конечно, теперешній священникъ будетъ разсуждать не такъ. Заговоривъ объ этомъ, Штегмюлеръ перешелъ на тему, о которой онъ очень любилъ въ послѣднее время распространяться, соблюдая, впрочемъ, крайнюю осторожность. Онъ далъ понять Сильвестру, что многое измѣнилось за послѣднее время и далеко не къ лучшему. Поэтому онъ заговорилъ и о Фестѣ. Онъ разсказалъ Сильвестру о всѣхъ злоключеніяхъ Феста и о томъ, что наиболѣе тяжкое обвиненіе противъ него исходило отъ священника Хельда. Весь ходъ событій онъ описалъ самымъ обстоятельнымъ и подробнымъ образомъ.

Сильвестръ замѣтилъ, что онъ этому не вѣритъ, что священникъ Хельдъ не могъ такъ поступить.

Штегмюлеръ пожалъ плечами, сказавъ, что и ему это казалось страннымъ, но что всетаки это такъ. Ему самому жаль Феста, прибавилъ онъ.

Сильвестръ возразилъ, что ему еще болѣе жаль Хельда,

на котораго возводятъ такую клевету. Какъ можно приписывать ему такую низость? Если бы онъ узналъ что-нибудь дурно про человѣка, онъ бы рѣзко высказалъ ему порицаніе въ лицо, но никогда не сталъ бы писать на него тайные доносы. Штегмюлеръ отвѣтилъ, что онъ прежде тоже такъ думалъ, но...

— Именно относительно Феста такой поступокъ Хельда совершенно невѣроятенъ, — продолжалъ Сильвестръ, прерывая его.—Хельдъ часто говорилъ о несправедливости обвиненій крестьянъ въ жестокосердіи и себялюбіи. Тѣ, которые это говорятъ, увѣрялъ онъ, не знаютъ, что мы обязаны твердостью національныхъ устоевъ именно стойкости крестьянъ. Они передаютъ духъ народа изъ поколѣнія въ поколѣніе и возсоздаютъ изъ развалинъ народныя традиціи. Доказывая это, Хельдъ всегда приводилъ въ примѣръ Феста, который работаетъ, не покладая рукъ, идеально управляя своимъ маленькимъ міркомъ. Какъ же согласовать эту похвалу съ тайнымъ обвиненіемъ? И какъ повѣрить, что Хельдъ сталъ бы врагомъ человѣка, усердіе и прилежаніе котораго онъ такъ высоко ставилъ.

— Все это, конечно, такъ,—отвѣтилъ Штегмюлеръ.—Но можетъ быть, Хельдъ впослѣдствіи измѣнилъ свое хорошее мнѣніе о Фестѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Сильвестръ.—Похвалы Фесту я слышалъ въ самое послѣднее время передъ моимъ отъѣздомъ. А вскорѣ послѣ того Хельдъ умеръ.

— Такъ, можетъ быть, эта запись относится къ болѣе раннему времени, и Хельдъ уже потомъ сталъ лучше относиться къ Фесту,--возразилъ упрямо стоявшій на своемъ Штегмюлеръ.—Во всякомъ случаѣ, фактъ тотъ, что запись эта существуетъ, и ужъ вы лучше не высказывайте сомнѣній относительно ея подлинности. Вообще, лучше, чтобы вся эта исторія мало по малу забылась. Это желательно и въ интересахъ Феста.

Сильвестръ, однако, не внялъ совѣтамъ учителя и не скрывалъ своихъ сомнѣній. Можетъ быть, объ этомъ провѣдала Веберша и разсказала булочницѣ Маріи Ульрихъ, но во всякомъ случаѣ это дошло до Зицбергера, а отъ него до священника Бауштетера, который послалъ господину Мангу приглашеніе пожаловать къ нему для бесѣды. Сильвестръ подумалъ, что онъ хочетъ поговорить съ нимъ объ его рѣшеніи оставить церковь, и пошелъ къ нему въ назначенный часъ. Ему это было скорѣе непріятно. Послѣ своего перваго визита къ Бауштетеру онъ избѣгалъ встрѣчъ съ нимъ. Но онъ признавалъ теперь за священникомъ право требовать отъ него объясненій и даже считалъ, что лучше пого-

ворить совершенно открыто и положить конецъ толкамъ. Бауштетеръ принялъ его очень любезно.

— А, господинъ Мангъ!—сказалъ онъ.—Садитесь, пожалуйста.

Сильвестръ быстро окинулъ взглядомъ комнату, которая была когда-то такой уютной; теперь въ ней чувствовалось оффиціальное внѣшнее благочестіе.

— Садитесь же,—повторилъ священникъ.

— Благодарю васъ. Если позволите, я лучше постою.

— Какъ желаете. Я просилъ васъ пожаловать ко мнѣ, господинъ Мангъ, потому что до меня дошли разные слухи относительно васъ. Я хотѣлъ узнать правду отъ васъ лично. Правда, что вы хотите отказаться отъ служенія церкви?

— Да, правда.

— Я, конечно, не имѣю права дѣлать вамъ упреки. Вы вѣроятно въ достаточной степени обсудили причины, побуждающія васъ отказаться отъ церкви.

— Я все взвѣсилъ прежде, чѣмъ принять окончательное рѣшеніе.

— Кто не хочетъ отказаться отъ всего мірского, не можетъ, конечно, стать служителемъ Христа. И если для васъ мірскіе интересы имѣютъ большую цѣну, то, дѣйствительно, лучше, что вы ушли изъ церкви.

— Я не чувствовалъ удовлетворенія въ служеніи церкви, а вѣдь это необходимо, не правда ли?

— Конечно. Нужно освободиться отъ мірской суеты. Но обдумали ли вы, чѣмъ вы поступились ради суетныхъ благъ жизни. Наступитъ день, быть можетъ, когда вы горько раскаетесь.

— Не думаю.

— Я тоже надѣюсь, что нѣтъ. Повторяю, я васъ ни въ чемъ не упрекаю. Когда я услышалъ о вашемъ рѣшеніи, я включилъ васъ въ свои молитвы. Я молилъ Бога, чтобы причиной вашего рѣшенія не оказалось какое-нибудь низкое побужденіе.

— Увѣряю васъ, что нѣтъ.

Сильвестръ почувствовалъ на себѣ пристальный взглядъ и, въ свою очередь, прямо взглянулъ ему въ лицо. Священникъ отвелъ глаза, опустилъ ихъ и сталъ глядѣть на свои мясистыя руки, сложенныя, какъ для молитвы.

— Я слышалъ, что вы отказались отъ служенія церкви изъ любви къ одной дѣвушкѣ,—сказалъ Бауштетеръ.

— Кто это говорилъ?

— Такъ говорятъ. Но я не повѣрилъ. Я не могъ подумать, чтобы честная дѣвушка могла питать земное чувство къ человѣку, который готовится стать священникомъ.

Сильвестръ почувствовалъ, что ему бросилась кровь въ лицо. Онъ снова встрѣтилъ обращенный на него злобный взглядъ Бауштетера. Въ глазахъ священника отражались мысли, не похожія на его елейныя рѣчи.

— И вы примирились съ тѣми, которые твердо надѣялись на то, что вы будете служить церкви?

— Никакого примиренія не было, потому что не было распри. Мать моя даже не хочетъ, чтобы я поступалъ противъ своего желанія.

— Это, конечно, очень благоразумно съ ея стороны. Но кромѣ нея есть еще одинъ человѣкъ, котораго ваше рѣшеніе касается очень близко—вашъ кузенъ.

— Я ему написалъ.

— И уже получили отвѣтъ?

— Нѣтъ. Едва ли онъ мнѣ и отвѣтитъ. Можетъ быть, онъ самъ пріѣдетъ сюда на праздники.

— Вы не знаете, что онъ думаетъ на этотъ счетъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Мой помощникъ былъ вчера случайно въ Пазенбахѣ и видѣлъ вашего кузена.

Бауштетеръ остановился, чтобы посмотрѣть, какое впечатлѣніе произвели его слова. Онъ увидѣлъ, что впечатлѣніе было не сильное. Сильвестръ хорошо зналъ Зицбергера и понялъ, какая „случайность“ побудила его поѣхать въ Пазенбахъ.

— Вотъ какъ, онъ „случайно“ встрѣтился тамъ съ моимъ кузеномъ?—спокойно спросилъ онъ.

— Да, и я долженъ сказать, къ крайнему своему сожалѣнію, что старикъ очень несчастенъ и глубоко возмущенъ вашимъ поведеніемъ.

— Это меня очень огорчаетъ. Но, можетъ быть, мнѣ удастся его успокоить, поговоривъ съ нимъ.

— Не думаю. Онъ говоритъ, что одиннадцать лѣтъ посылалъ вамъ деньги на ученіе только потому, что вы обѣщали ему вступить въ духовное званіе. И оказалось, что вы обманули его надежды. Онъ прямо говоритъ: вы его обманули. Онъ употреблялъ очень рѣзкія выраженія.

Сильвестръ, наконецъ, вскипѣлъ.

— Если это правда, то какъ ему не стыдно такъ говорить!

— Развѣ вы еще сомнѣваетесь? Мой помощникъ можетъ вамъ подтвердить.

— Благодарю васъ. Но все это, собственно говоря, касается только меня и моего родственника.

— Конечно; однако вы напрасно такъ разсердились на старика. Подумайте, вѣдь онъ давалъ деньги, надѣясь, что вы

выполните свое обѣщаніе, и вы поддерживали въ немъ эту надежду.

— Я бралъ отъ него деньги только, пока былъ твердъ въ рѣшеніи служить церкви.

— Не истолковывайте невѣрно моихъ словъ, господинъ Мангъ. Я вамъ только объясняю, какъ вашъ родственникъ отнесся къ вашему шагу. И въ концѣ концовъ понятно, что онъ теперь чувствуетъ себя обманутымъ.

— Никто его не обманывалъ. Впрочемъ, его теперь въ этомъ убѣдили, быть можетъ.

— Вы взводите тяжкое обвиненіе на моего помощника.

— Господинъ Зицбергеръ разсказывалъ про меня небылицы даже моей матери. А разсказывая обо мнѣ кузену, онъ, вѣроятно, еще болѣе сгущалъ краски. Я не упрекаю его, потому что мнѣ все это безразлично. Но я только утверждаю, что онъ вмѣшался не въ свое дѣло. Все это его не касается.

— Лично, конечно, нѣтъ. Но, какъ священникъ, онъ не можетъ не пожалѣть, что вы обнаружили такъ мало любви къ нашему призванію.

— Распространять ложь и клевету на этомъ основаніи всетаки не слѣдуетъ.

— Скажите это ему сами.

— Не стоитъ труда!

— Вы очень возгордились, господинъ Мангъ. Одно я вамъ всетаки долженъ сказать. Если вы осуждаете выдумки и сплетни, зачѣмъ же вы сами распространяете ихъ про другихъ

— Я?

— Да, вы, господинъ Мангъ. И объ этомъ-то я долженъ поговорить съ вами.

— Пожалуйста.

— Мнѣ передавали, что вы стали на сторону Феста и разсказываете всюду, что его оклеветали.

— Нѣтъ, я не то говорилъ.

— Такъ значитъ вы сознаетесь, что говорили объ этомъ. Что же вы собственно знаете обо всей этой исторіи?

— Я знаю то, что мнѣ разсказывали.

— И это вы считаете достаточнымъ для того, чтобы напасть на меня? На основаніи какихъ-то слуховъ вы считаете себя въ правѣ наговаривать на меня?

— Я не сказалъ ни слова лично противъ васъ.

— Противъ кого же все это направлялось? Вотъ удивителный способъ извращать истину. Да, вы, дѣйствительно не годитесь въ священники.

— Я не лгалъ: этого вы не можете утверждать ни въ какомъ случаѣ.

— Когда вы всюду разсказываете, что Феста оклеветали, то противъ кого все это направляется? На кого вы нападаете? А вы хотите еще выгородить себя, говоря, что не называли моего имени! Да развѣ вы имѣете понятіе обо всей этой исторіи?

Бауштетеръ стоялъ передъ Сильвестромъ съ горящими отъ злобы глазами и возвышалъ голосъ почти до крика.

— Явился человѣкъ, ничего не знаетъ и, здорово живешь, осмѣливается распространять про меня клеветы, натравливать на меня! Какая дерзость! Я вѣдь все знаю, какъ бы вы ни прятали концы въ воду.

— Вы ничего не знаете.

Сильвестръ сказалъ это такимъ рѣзкимъ тономъ, что Бауштетеръ на минуту смутился.

— Вы отрицаете? — спросилъ онъ.

— Я еще разъ повторяю вамъ, что мнѣ нечего отрицать. Совѣтую вамъ освѣдомиться точнѣе, прежде чѣмъ говорить мнѣ грубости.

— Я грубостей вамъ не говорю.

— Вы обвиняете меня въ дерзкой клеветѣ...

— Я только сказалъ, что было бы съ вашей стороны дерзостью утверждать, что я былъ несправедливъ къ Фесту. Я удивлялся, что на него взводятъ подобныя обвиненія и...

— Вы удивлялись и давали всѣмъ ясно понять, что считаете эти обвиненія ложными.

— Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ.

— Нѣтъ, помолчите, — крикнулъ Бауштетеръ. — Вы на меня нападаете безъ всякихъ доказательствъ! По вашему я виноватъ? По вашему я оклеветалъ Феста? Откуда вы знаете? Хотите знать, кто его обвинилъ? Вотъ его обвинитель!

Бауштетеръ рѣзкимъ движеніемъ открылъ ящикъ письменнаго стола, вынулъ оттуда бумагу и бросилъ ее на столъ передъ Сильвестромъ.

— Вотъ обвинитель — вашъ высокочтимый священникъ Хельдъ! Можетъ быть, вы и къ нему отнесетесь съ подозрѣніемъ?

Сильвестръ медленно взялъ бумагу въ руки и, нехотя, прочелъ первыя слова. Потомъ онъ вдругъ оживился и быстро перечиталъ бумагу нѣсколько разъ кряду.

— Ну что, будете вы еще говорить каждому встрѣчному, что бѣднаго Феста злостно оклеветали:

Сильвестръ ничего не отвѣтилъ священнику. Онъ спросилъ съ напускнымъ спокойствіемъ:

— Откуда у васъ эта бумага?

— Она лежала въ церковной книгѣ.

— Не кладите ее больше туда.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Эта бумага подложная. Почеркъ поддѣланъ.

— Вы смѣете обвинять меня въ подлогѣ?

— Это не почеркъ священника Хельда.

— Дайте бумагу! Дайте мнѣ ее скорѣй.

Сильвестръ положилъ бумагу на столъ, и Бауштетеръ быстро схватилъ ее. Онъ сталъ такъ кричать, что у него оборвался голосъ.

— Вотъ вы до какой наглости дошли! Ну, и достанется же вамъ за обвиненіе меня въ подлогѣ!

— Я васъ ни въ чемъ не обвиняю. Я только говорю, что почеркъ Хельда поддѣланъ, и могу это доказать.

— Вы опять хотите отвертѣться! Посмотримъ, удастся ли это вамъ.

Сильвестръ взялъ шляпу и вышелъ, не попрощавшись. Только на улицѣ онъ вполнѣ сообразилъ, что, собственно, произошло, и въ немъ закипѣлъ гнѣвъ. Онъ былъ сердитъ на себя за то, что не отвѣтилъ болѣе рѣзко на дерзости Бауштетера. Нужно было хоть сказать ему, что его безпричинный гнѣвъ очень подозрителенъ. Если онъ дѣйствительно нашелъ запись въ церковной книгѣ, то долженъ только радоваться доказательству ея подложности и постараться исправить совершенную несправедливость.

А подлогъ сдѣланъ былъ очень грубо. Въ текстѣ почеркъ даже не похожъ на почеркъ Хельда, только въ подписи есть нѣкоторое сходство. И внизу приложена печать, какъ бы для того, чтобы придать бумажкѣ значеніе оффиціальнаго документа. Сильвестръ остановился. Печать вѣдь доказательство того, что подлогъ совершенъ именно Бауштетеромъ. Какъ онъ этого сразу не сообразилъ? Никто другой не могъ достать оффиціальную печать. Что теперь дѣлать? думалъ Сильвестръ, продолжая идти. Необходимо выяснить правду, хотя бы для того, чтобы очистить отъ клеветы память старика Хельда.

Пойти спросить совѣта у учителя? Но Сильвестръ отлично зналъ, что тотъ будетъ отговаривать отъ всякаго активнаго вмѣшательства и попроситъ, чтобы во всякомъ случаѣ его не впутывали въ это дѣло. Разсказать матери? Но она испугается и тоже будетъ его удерживать.

Самое простое, сказать тому, кто имѣетъ наибольшее право знать правду. Такъ онъ и сдѣлаетъ.

Сильвестръ быстрыми шагами прошелъ черезъ всю деревню и пришелъ, запыхавшись, во дворъ къ Фесту.

— Гдѣ Фестъ?

— Дома. Что же вы даже не поздоровались со мной, господинъ Мангъ?

— Здравствуйте, здравствуйте. Я по очень спѣшному дѣлу.

— Что случилось? Гдѣ горитъ?

Никакого отвѣта не послѣдовало. Сильвестръ быстро вошелъ въ домъ. Фестъ взглянулъ на вошедшаго поверхъ газеты, которую держалъ въ рукахъ.

— Я долженъ сообщить вамъ нѣчто важное, — сказалъ Сильвестръ.

— Что такое? —довольно сухо произнесъ Фестъ.

— Я видѣлъ бумагу, изъ-за которой у васъ было столько непріятностей, Бауштетеръ мнѣ самъ ее показалъ.

— Что-жъ тутъ удивительнаго? онъ многимъ ее показывалъ. Только вотъ мнѣ не хочетъ показать.

— Бумага подложная, Фестъ.

— Ужъ кому, какъ не мнѣ, знать, что все это выдумки.

— Да вы поймите меня. Почеркъ Хельда въ ней поддѣланъ.

— Поддѣланъ?

— И то, что написано, и подпись,—все поддѣльное.

Фестъ крѣпко схватилъ Сильвестра за руку.

— Послушайте, господинъ Мангъ, я васъ хорошо знаю и не думаю, чтобы вы стали смѣяться надо мной. Что же вы говорите?

— Я вамъ говорю, что священникъ Хельдъ не написалъ про васъ ни единаго слова. Что бумага, будто бы имъ написанная, поддѣльная.

— Ну да, я знаю, что все это нарочно выдумали, чтобы оговорить меня.

— Да, выдумали. И воспользовались негодяи именемъ старика Хельда.

— Но какъ же доказать?

— Это не трудно. Для всякаго, кто знаетъ почеркъ Хельда, поддѣлка совершенно ясна.

— И вы увѣрены въ томъ, что вы говорите, Сильвестръ? Вы не ошиблись?

— Ошибиться невозможно. То, что я вамъ говорю, я повторю передъ судомъ.

— Господи Боже мой! —Фестъ всталъ, схватилъ Сильвестра за плечи и сталъ его трясти изо всѣхъ силъ.—Господи, да что ты говоришь? Скажи еще разъ, это правда? Ты не обманываешь меня?

Онъ снова сѣлъ и продолжалъ болѣе спокойнымъ тономъ:

— Скажите мнѣ, пожалуйста, все сначала еще разъ, самымъ точнымъ образомъ. Я не могу понять сразу.

Сильвестръ подробно разсказалъ, какъ онъ ходилъ къ

Бауштетеру, какъ тотъ сталъ его допрашивать и какъ все вышло одно за другимъ. Фестъ нѣсколько разъ перебивалъ его.

— Сначала онъ былъ очень любезенъ... такъ вѣдь?—допрашивалъ онъ.—И при всей любезности злой-презлой? А потомъ вдругъ разсвирѣпѣлъ, а? Да, ужъ я-то знаю господина Бауштетера!

И когда Сильвестръ разсказалъ, какъ священникъ бросилъ бумагу на столъ, Фестъ хлопнулъ себя по колѣну и расхохотался во все горло.

— Онъ думалъ, что вы ничего не поймете! А вы сейчасъ разглядѣли, въ чемъ дѣло?

— Сейчасъ же. Какъ только прочелъ первую строчку.

— Да, вотъ что значитъ, когда человѣкъ учился! Часто, глядя на васъ, я думалъ: жалко, что такой сильный человѣкъ, какъ вы, торчитъ въ комнатѣ за книгами. А вотъ оно и пригодилось.

Но Фестъ снова задумался.

— Я вамъ очень благодаренъ, Сильвестръ,—сказалъ онъ.— Но знаете, намъ еще нужно рѣшить главное. Вы должны мнѣ сказать по чести и совѣсти, будете ли вы твердо стоять на моей сторонѣ, когда я начну тяжбу.

— Я не отступлюсь, Фестъ. А то, чего бы я пришелъ теперь прямо къ вамъ.

— Ну, а если я попрошу васъ теперь пойти со мной къ портному Габерлю, вы пойдете?

— Конечно. Идемте.

— Ну вотъ послѣ того мы и пошли вдвоемъ къ Габерлю,— продолжалъ разсказывать Фестъ.—И Сильвестръ разсказалъ ему всю исторію такъ же точно, какъ и мнѣ. И Габерль сказалъ тогда, что теперь я, навѣрное, смогу одолѣть Бауштетера и вывести дѣло на чистоту.

— Какъ бы только опять не влопаться!—стала предостерегать его жена.—Тогда будетъ еще обиднѣе, чѣмъ въ первый разъ.

— Теперь ужъ не можетъ быть неудачи. За меня Сильвестръ, а онъ знаетъ, какъ взяться за дѣло. У него есть нѣсколько писемъ Хельда и книжечка, въ которую старикъ священникъ вписалъ что-то своей рукой?

— Почему же господинъ Мангъ не оставилъ у себя бумаги, когда Бауштетеръ далъ ее ему въ руки?

— Онъ хорошо сдѣлалъ, что не оставилъ — ты этого не понимаешь. Я доказываю, что меня оклеветали, незаконно со мной поступили, такъ и самъ я ужъ долженъ соблюдать законъ.

— Какъ бы только это опять не кончилось бѣдой!

— Нѣтъ, теперь нечего бояться, у меня въ рукахъ есть доказательства, и въ субботу всѣ узнаютъ, что я правъ, и что на меня взвели клевету. Въ субботу Сильвестръ ѣдетъ со мной въ окружное управленіе.

XIX.

— Поймите же меня, вѣдь это такъ просто, — сказалъ Отенедеръ, нетерпѣливо глядя то на Сильвестра, то на Феста.—Неужели это такъ трудно понять?—повторилъ онъ.

— Да, я этого никогда не пойму, - сказалъ Сильвестръ.

— Такъ я вамъ объясню еще разъ, хотя мнѣ и нѣкогда. Вы мнѣ говорите, что показанія священника Хельда подложныя, т. е., что они не имъ написаны. Что же изъ этого слѣдуетъ? Неужели вы думаете, что я теперь отмѣню свое рѣшеніе и соглашусь утвердить избраніе Феста въ старшины. Это совершенно немыслимо. Кромѣ того, откуда вы знаете, что я не утвердилъ его именно въ виду обвиненій, заключавшихся въ этой бумагѣ?

— Это сказано въ вашемъ заключеніи.

— Нѣтъ, перечтите его внимательно. Тамъ сказано: „Обвиненія эти относятся къ далекому прошлому и не доказаны“. Слѣдовательно, я не придавалъ имъ большого значенія. Но у меня сказано—обратите на это вниманіе,—что многіе повѣрили этимъ обвиненіямъ, а это доказываетъ, что избранный старшина не пользуется достаточнымъ уваженіемъ со стороны, если не всѣхъ, то, во всякомъ случаѣ, многихъ членовъ общины. Это же недопустимо, такъ какъ авторитетъ и почетъ должны идти рука объ руку.

— Но если теперь...

— Подождите минутку. Кромѣ того, я выставилъ на видъ, что вѣра въ справедливость этихъ обвиненій уже привела къ нежелательнымъ результатамъ, въ виду которыхъ нельзя утвердить кандидата въ должности старшины. Дѣло дошло даже до открытыхъ дракъ. Вотъ причины, по которымъ я отказалъ въ утвержденіи, и это сказано въ моемъ заключеніи.

— Можно мнѣ теперь сказать одно слово?—спросилъ Фестъ.

— Говорите. Я вѣдь всегда васъ выслушивалъ.

— Вы говорите, что не придавали значенія подложной бумагѣ. Ужъ позвольте вамъ сказать, что вы сегодня совершенно иное говорите, чѣмъ тогда. Когда я въ первый разъ пришелъ сюда и спросилъ, почему вы меня смѣстили, вы сказали тогда, что я самъ долженъ знать за что. Вы ска-

зали, что я дурной человѣкъ, что я съ отцомъ моимъ жестоко обращался, и поэтому не гожусь въ старшины. И вы ссылались на бумагу Хельда.

— Вы были тогда такъ взволнованы, что не поняли какъ слѣдуетъ моихъ словъ.

— Я отлично ихъ понялъ. Вы сказали, что отказываетесь утвердить меня изъ-за извѣстныхъ мнѣ обвиненій. И Флоріанъ Вейсъ тутъ былъ; онъ можетъ подтвердить.

— Вы такъ говорите, точно я отказываюсь отъ своихъ словъ. Не нужно мнѣ вашихъ свидѣтелей. За то, что я сказалъ, я отвѣчу.

— А теперь вы говорите, что бумага не имѣла значенія.

— Я говорю, что она не имѣла рѣшающаго значенія. Конечно, я, между прочимъ, упомянулъ и объ этомъ обвиненіи, потому что оно было приложено къ дѣлу.

— Нѣтъ, все дѣло было именно въ этой бумагѣ. Вы еще сказали мнѣ тогда, чтобы я не смѣлъ говорить, что въ бумагѣ написана неправда.

— Въ моемъ заключеніи совершенно ясно сказано, почему я не утвердилъ вашего избранія. Такъ что вы теперь не выдумывайте исторій.

— Опять вы не хотите выслушать правды. Вы сказали, что не утверждаете меня за дурное обращеніе съ отцомъ.

— Я дѣйствительно повѣрилъ этому обвиненію, и другіе тоже вѣрили. Вы же, вмѣсто того, чтобы представить спокойныя и обдуманныя возраженія, стали ругаться и даже драться. Кто такъ поступаетъ, не можетъ быть избранъ въ старшины. Вотъ и все.

— Да я и не хочу быть старшиной. Ни за что не хочу.

— Что же вы, собственнно, отъ меня хотите?

— Чтобы вы возстановили мое доброе имя.

— Да развѣ я его у васъ отнялъ?

— Да, отняли.

— Не выходите изъ себя, Фестъ,—сказалъ Сильвестръ.— Это лишнее, и ни къ чему не приведетъ. Но позвольте мнѣ сдѣлать вамъ еще одно замѣчаніе, господинъ окружной начальникъ. Вся исторія началась вѣдь съ того, что священникъ Бауштетеръ сталъ показывать всѣмъ эту бумагу.

— Ну да, что же отсюда слѣдуетъ?

— То, что если бумага оказалась подложной, и обвиненіе тѣмъ самымъ падаетъ, то и прежнее рѣшеніе должно быть отмѣнено?

— Что должно быть отмѣнено?

— Клевету нужно объявить недѣйствительной.

— Кто же долженъ взять обратно обвиненіе?

— Священникъ Бауштетеръ, который распространялъ клевету.

— Хорошо. Потребуйте это отъ него.

— Фестъ полагаетъ, что вы можете оффиціально приказать ему это.

— Какъ это сдѣлать?

— Вѣдь онъ сообщилъ вамъ невѣрное свѣдѣніе.

— Предположимъ даже, что онъ мнѣ сказалъ неправду; почему же всетаки я долженъ требовать, чтобы онъ взялъ свое обвиненіе обратно. Это всегда дѣло пострадавшаго.

— Но вѣдь онъ вамъ оффиціально сообщилъ поддѣльный документъ.

— Вы положительно невозможны,—сказалъ Отенедеръ.— Вы продолжаете разсуждать такъ, точно поддѣлка установлена судебнымъ порядкомъ. Вѣдь все это только ваше предположеніе. На основаніи его я не могу дѣйствовать. Священникъ могъ бы меня привлечь къ суду за клевету. Я не имѣю права выступить противъ него на основаніи вашихъ словъ.

— Не имѣете права? А противъ меня вы имѣли право выступать? Тогда вы не соблюдали такой осторожности...

— Не кричите на меня, пожалуйста.

— Тогда вамъ никакихъ доказательствъ не было нужно. Тогда вы имѣли право дѣйствовать. Теперь все по другому, потому что обманщикъ и поддѣлыватель не крестьянинъ, а священникъ.

— Что вы себѣ позволяете?

— Ахъ, да! Вы вѣдь начальство, и я долженъ уважать васъ. Нѣтъ я съ вами никакого дѣла имѣть не хочу. Идемте, господинъ Мангъ. Намъ тутъ нечего дѣлать.

— Фестъ, подождите же!

Но онъ уже захлопнулъ за собой дверь, и Сильвестръ стоялъ одинъ передъ взбѣшеннымъ Отенедеромъ.

— Да вы-то зачѣмъ впутываетесъ въ эту исторію?—крикнулъ онъ на Сильвестра.—Зачѣмъ вы потворствуете этому сумасшедшему?

— Я знаю, что его оклеветали.

— Очень ужъ вы быстро это рѣшили. Обвиненіе въ подлогѣ не шуточное дѣло. Берегитесь.

— Я не боюсь. У меня въ рукахъ всѣ доказательства.

— Не храбритесь, обожжете пальцы.

Сильвестръ вѣжливо поклонился и направился къ выходу.

— Передайте Фесту,—крикнулъ ему вслѣдъ Отенедеръ,— что я прощаю ему его рѣзкости. Я считаю, что онъ былъ не вмѣняемъ.

Фестъ ожидалъ Сильвестра на лѣстницѣ.

— Пойдемте теперь въ окружной судъ,—сказалъ Сильвестръ.

— Зачѣмъ?

— Чтобы настоять на своемъ правѣ.

— Нѣтъ, господинъ Мангъ, это не возможно Всѣ старанія напрасны. Правду упрятали такъ далеко, что ея не доискаться. И даже если бы она очутилась у меня въ рукахъ, у меня бы ее отняли. Я ѣду домой.

— Нельзя же сейчасъ терять надежду.

— Сейчасъ! Нѣтъ, вовсе не сейчасъ. Вы не знаете, что я пережилъ. Я руками и ногами упирался, думалъ, что долженъ во что бы то ни стало настоять на своемъ—ну, а потомъ... Теперь я махнулъ рукой.

Онъ снялъ шляпу и провелъ рукавомъ по лбу.

— Мы добьемся своего,—ободрялъ Сильвестръ.

— Вы еще молоды и не хотите вѣрить, что приходится уступать, хотя и сознаешь себя правымъ. Однако это такъ въ жизни. Поѣдемте домой, господинъ Мангъ.

Настало свѣтлое воскресенье. Звонили во всѣ колокола. Обѣдня кончилась. Молодые люди первыми вышли изъ церкви и стояли кучками. Дѣвушки несли домой въ корзинахъ пасхальныя явства, которыя носили святить въ церковь: сверху лежали раскрашенныя яйца, а рядомъ сочная ветчина, хлѣбъ, мясо и соль, у нѣкоторыхъ поверхъ всего поставленъ былъ бѣлый барашекъ изъ сладкаго тѣста. Молодые люди разглядывали корзины у дѣвушекъ и шутили съ ними. Люди постарше медленно проходили черезъ кладбище. Мужчины глядѣли поверхъ стѣнъ на поля, на тянущіяся вверхъ длинными рядами засѣянныя полосы. Позже всѣхъ вышли изъ церкви представители лучшаго эрльбахскаго общества: учитель и его помощникъ, начальникъ почты и гарнизонный командиръ съ женой. Они говорили о томъ, какъ прошла обѣдня, и Штегмюлеръ спросилъ, не было ли замѣтно, что Ценци Шальмейеръ слишкомъ поздно вступила при пѣніи Kyrie eleyson. Онъ не могъ отучить ее отъ этого, потому что у нея, въ сущности, нѣтъ музыкальнаго слуха. Жена командира сказала, что она замѣтила, и что, кажется, священникъ тоже обратилъ на это вниманіе: онъ обернулся и посмотрѣлъ на хоры.

Помощникъ учителя пожалѣлъ объ отсутствіи господина Манга, отказавшагося пѣть на этотъ разъ. Въ прошломъ году соло Манга при Agnus Dei звучало такъ дивно. Сегодня же ему, помощнику, пришлось пѣть это соло, и онъ знаетъ, что не хорошо пѣлъ.

Жена жандармскаго командира стала отрицать это, и мужъ ея тоже подтвердилъ слова жены, говоря, что у госпо-

дина помощника учителя прекрасный голосъ. Но почему все-таки господинъ Мангъ уклонился на этотъ разъ?

— Не знаю,—отвѣтилъ Штегмюлеръ.—Вчера вечеромъ онъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что не расположенъ пѣть.

— Развѣ его матери опять хуже?

— Нѣтъ, она поправляется.

— Можетъ быть, онъ не захотѣлъ пѣть, потому что у него нелады со священникомъ,—сказала жена командира.— Онъ вчера ѣздилъ съ Фестомъ въ Нусбахъ.

— Вчера?—Штегмюлеръ остановился...—Объ этомъ онъ мнѣ ничего не говорилъ.

— Мой мужъ знаетъ это отъ того, кто видѣлъ его въ судѣ.

— Вотъ какъ?

— Мнѣ не нравится, что онъ вмѣшался въ это дѣло,— сказалъ командиръ.—Какъ разъ теперь, когда онъ вышелъ изъ церкви, это имѣетъ не совсѣмъ красивый видъ.

Жена командира тронула его за рукавъ.—Смотри,—сказала она,—тебѣ отдаетъ честь солдатъ.

Зеппъ Фестъ, стоявшій вмѣстѣ съ другими молодыми людьми подлѣ церкви, сталъ на вытяжку передъ начальствомъ, отдалъ честь и круто повернулся, когда тотъ сдѣлалъ ему знакъ рукой. Все это онъ продѣлалъ очень молодцевато, какъ дѣлается въ ихъ образцовомъ полку.

— Славный юноша,—сказалъ командиръ.—Хорошимъ выйдетъ солдатомъ. Ну, что жъ, не пойти ли выпить по случаю праздника?

Штегмюлеръ и его помощникъ согласились, а жена командира сказала, что тоже пойдетъ, но только на минутку, такъ какъ спѣшитъ домой по хозяйственнымъ дѣламъ.

Въ пивной было не такъ полно, какъ въ другіе праздники, потому что всѣ хозяева и рабочіе спѣшили по домамъ къ освященному пасхальному столу. Два стола въ общей залѣ были заняты посѣтителями, которые вѣжливо поклонились, когда почетные гости прошли мимо нихъ въ сосѣднюю комнату.

У печки сидѣлъ еще одинъ человѣкъ, отдѣльно отъ другихъ, одинъ за своимъ столикомъ. Онъ положилъ на столъ скрещенныя руки и не поднялъ головы. Командиръ замѣтилъ его.

— Вѣдь это кажется Фестъ?—спросилъ онъ, и еще разъ выглянулъ изъ сосѣдней комнаты.

— Кажется, что онъ,—отвѣтилъ Штегмюлеръ.

Когда пришла кельнерша, командиръ опять спросилъ, не Фестъ ли это сидитъ тамъ одинъ у печки.

— Да, Фестъ. Онъ уже нѣсколько часовъ сидитъ тамъ и ни слова не говоритъ.

— Онъ вѣдь не часто приходитъ къ вамъ?

— Вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ совсѣмъ не былъ. А сегодня пришелъ и пьетъ кружку за кружкой.

— Вѣрно, съ нимъ что-нибудь особенное случилось,— сказалъ командиръ. — Ну, господинъ учитель, за ваше здоровье!

— Ты куда, Зеппъ?—спросила мать.

— Въ Веблингъ.

— Не ходи туда. Сходи лучше въ трактиръ.

— Зачѣмъ?

— Я тебя прошу. Отецъ тамъ съ утра сидитъ. Этого никогда не случалось.

— Хорошо, если хочешь, пойду. Но чего ты безпокоишься?

— Да ужъ пять часовъ, а онъ съ утра тамъ.

— Можетъ, ему тамъ весело.

— Нѣтъ, это онъ не ради веселья. Ты вѣдь видалъ, какой онъ вчера вернулся. Ни слова не сказалъ, а сегодня съ самаго утра ушелъ. Я думала, что онъ въ деревню пошелъ, и хотѣла пойти посмотрѣть, гдѣ онъ. Но пришла Марія Цвергеръ и сказала, что онъ въ трактирѣ... А теперь мнѣ такъ не спокойно на душѣ.

— Ну, чего ты плачешь! Нечего тревожиться.

— Да вѣдь этого съ нимъ никогда не бывало. Теперь онъ, навѣрное, будетъ пить, пока не придетъ въ ярость, и тогда, навѣрное, что нибудь случится. Онъ даже къ пасхальному столу не пришелъ.

— Я пойду. Только ужъ ты будь спокойна.

— Хорошо. Приведи его скорѣе домой.

Зеппъ направился въ трактиръ. Когда онъ вошелъ въ общую залу, его окуталъ густой табачный дымъ, и онъ сталъ оглядываться въ толпѣ, ища глазами отца. У каждаго стола его кто нибудь окликалъ.

— А, да это Зеппъ. Здравствуй! Ты въ отпуску? Иди-ка сюда. Выпей съ нами.

— Ты, вѣрно, за отцомъ пришелъ, — сказалъ старикъ Флоріанъ Вейсъ.—Вотъ онъ тамъ у печки сидитъ.

Зеппъ взглянулъ туда. Фестъ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, что и утромъ. Шапку онъ сдвинулъ на затылокъ и глядѣлъ въ пространство стеклянными глазами. У его стола сидѣло много народа. Клйберъ, Цвергеръ и другіе. Портной Габерль тоже сидѣлъ тамъ въ числѣ другихъ. Зеппъ протянулъ отцу руку черезъ столъ.

— Здравствуй, отецъ.

— Какъ, это ты! Тоже пришелъ выпить?

— Я пришелъ взглянуть, что ты тутъ подѣлываешь.

— Да мнѣ тутъ хорошо, весело. Выпей и ты. Выпей, чортъ возьми!

Онъ стукнулъ кулакомъ по столу и потребовалъ пива. Потомъ онъ широко разложилъ скрещенныя руки на столѣ и опустилъ на нихъ голову.

Портной Габерль сдѣлалъ знакъ Зеппу.

— Уведи ты его домой,—сказалъ онъ.

— Хорошо.

Фестъ смотрѣлъ туда, гдѣ только что стоялъ Зеппъ.

— Гдѣ же это Зеппъ?—спросилъ онъ.—Развѣ уже ушелъ?

— Я здѣсь, отецъ.

— Выпей еще кружку, чортъ тебя побери!

— Пойдемъ-ка лучше домой. Мать безпокоится: вѣдь ты даже обѣдать не пришелъ.

— Нечего обо мнѣ безпокоиться. Я не пропаду, хотя и считается, что я послѣдній человѣкъ въ Эрльбахѣ.

Онъ взлянулъ на Клойбера, сидѣвшаго противъ него, и опять громко крикнулъ:

— Обо мнѣ безпокоиться нечего. Я не пропащій.

— Да вѣдь никто этого про тебя и не говоритъ,—успокаивалъ его портной Габерль.

— Ты не говоришь. А есть такіе, что говорятъ. Я ихъ всѣхъ знаю, подлецевъ. Они бы другого своими наговорами въ конецъ затравили, ну а меня не затравятъ: не дамся я имъ.

— Идемъ же. Мать безпокоится, потому что ты не пришелъ къ пасхальному столу ѣсть освященное.

— Я не хочу ѣсть того, что святилъ Бауштетеръ. Да развѣ онъ можетъ святить послѣ того, какъ сталъ поддѣлывать чужія подписи?

— Вонъ его, пьяницу,—закричалъ грубый голосъ съ сосѣдняго стола.

Это былъ Хирангль. Онъ приподнялся съ мѣста и снова кринулъ:

— Вонъ пьяницу! Здѣсь пьянымъ не мѣсто.

Портной Габерль поднялся и сталъ передъ нимъ.

— Замолчи!—сказалъ онъ спокойнымъ тономъ.

— Ты мнѣ не указчикъ.

— Если начнешь ссору, я первый съ тобой расправлюсь.

Лохманъ оттащилъ Габерля на прежнее мѣсто.

— Не суйся, куда не слѣдуетъ,—сказалъ онъ.

— Это безобразіе! Другого бы ужъ давно выставили,—ворчалъ Хирангль, понизивъ голосъ, и совсѣмъ смолкъ.

— Что такое?—спросилъ Фестъ.—Кто это хочетъ меня выставить? Кому я здѣсь мѣшаю?

— Да нѣтъ, отецъ, никто ничего не говоритъ.

— Ну да, я послѣднiй человѣкъ въ Эрльбахѣ. Каждый можетъ помыкать мной.

— Ну Фестъ,—позвалъ его портной Габерль.—Я иду. Пойдемъ вмѣстѣ. Мнѣ нужно съ тобой еще поговорить дорогой кой о чемъ.

— Ты, навѣрное, опять будешь посылать меня въ окружной судъ подавать жалобу на Бауштетера. Нѣтъ, я не пойду. Пусть себѣ пишутъ, сколько угодно, подложныхъ бумагъ.

— Идемъ со мной.

— Нѣтъ, говорю тебѣ. И въ судъ я больше не пойду. Сначала пусть Бауштетера посадятъ въ тюрьму... и Хирангля тоже...

— Тебѣ тамъ мѣсто, а не мнѣ!—крикнулъ Хирангль, и Фестъ на этотъ разъ узналъ его голосъ. Онъ вскочилъ съ такой яростью, что чуть не опрокинулъ столъ.

— Ты здѣсь! Ты...

Онъ бросился къ нему, но Зеппъ его удержалъ.

— Пусти меня,—крикнулъ Фестъ, задыхаясь.—Пусти!

— Нѣтъ, отецъ. Не ходи.

— Пусти меня!

— Тресни его, чего церемонишься. Онъ вѣдь своего отца колотилъ—пусть и самъ потерпитъ! -кричалъ Хирангль.

— Да пусти ты меня,—неистово крикнулъ Фестъ, отбиваясь отъ сына. Столъ опрокинулся, всѣ повскакали съ мѣстъ. Сидѣвшiе за другими столами прибѣжали на скандалъ; начались крики, ругань, поднялся оглушительный шумъ. И, покрывая весь этотъ хаосъ звуковъ, раздавался отчаянный крикъ Феста:—Пусти меня! Зеппъ держалъ его за правую руку, а съ другой стороны его взялъ подъ руку портной Габерль. Хозяинъ протиснулся впередъ черезъ густую толпу и подошелъ къ Фесту.

— Такъ нельзя. Я его выведу,—сказалъ онъ.

— Прочь, не трогай его,—крикнулъ портной Габерль.—Онъ самъ пойдетъ. Ну, Фестъ, идемъ.—Фестъ сопротивлялся уже слабѣе и прошелъ нѣсколько шаговъ по направленiю къ выходу. Но Хирангль опять сталъ надсмѣхаться надъ нимъ.

— Ага! Теперь чувствуешь, каково было твоему отцу!

Зеппъ невольно обернулся къ Хиранглю, весь вскипѣвъ. Фестъ воспользовался этимъ, рванулся и схватилъ пивную кружку. Хирангль въ ужасѣ отступилъ, но было уже поздно.

— Собака!—крикнулъ Фестъ и такъ стукнулъ его по го-

ловѣ, что кружка разбилась въ дребезги. Хирангль зашатался и грохнулся объ полъ. Зеппъ оттащилъ отца. На минуту настала полная тишина, потомъ всѣ подняли крикъ.

— Онъ его убилъ! Господи, крови-то, крови сколько! Скорѣй воды! Позвать жандарма. Онъ убилъ его...

Портной Габерль сталъ распоряжаться.

— Принесите воды. Помогите Хирангль. За докторомъ. А ты уведи отца домой, Зеппъ.

— Послать за жандармомъ скорѣй! Не выпускать его!

Фестъ угрюмо глядѣлъ передъ собой, волосы нависли у него на лобъ, лицо у него было блѣдное, взглядъ совершенно дикій.

— Пустите меня,—пробормоталъ онъ.—Я не убѣгу.

Онъ сразу отрезвился. Выйдя на воздухъ, онъ остановился. Съ правой руки у него струилась кровь; онъ порѣзалъ ее стекломъ.

— Ты въ крови, отецъ. Развѣ онъ тебя тоже ударилъ?

— Нѣтъ. Не держи меня. Я могу идти самъ.

Онъ пошелъ, шатаясь. Зеппъ шелъ рядомъ. Нѣсколько мальчишекъ помчались впередъ и кричали всѣмъ проходящимъ мимо:

— Фестъ убилъ Хирангля!

И во всѣхъ домахъ, мимо которыхъ проходилъ Фестъ, женщины и дѣти попрятались за дверьми и испуганно глядѣли ему вслѣдъ.

— У него руки въ крови Хирангля,—сказала Весбруннерша.

Страшная вѣсть, какъ огонь, разнеслась по деревнѣ и дошла до дома Феста, гдѣ жена съ тревогой ждала его возвращенія. Услышавъ, что случилась несчастіе, она выбѣжала на улицу и, увидавъ издали мужа и сына, сразу поняла, что произошла бѣда.

— Господи Іисусе, что случилось?

Фестъ молча прошелъ мимо нея и вошелъ въ домъ.

Еще поздно ночью въ кабинетѣ командира Германа горѣла лампа. Передъ нимъ лежалъ большой исписанный листъ бумаги, и онъ старательно придавливалъ на него пропускную бумагу.

— Ну, вотъ донесеніе мое готово,—сказалъ онъ.

— Сколько вышло страницъ?—спросила жена, сидѣвшая противъ него съ вязаньемъ.

— Шесть съ половиной.

— Весь годъ у тебя нѣтъ отдыха,—вздохнула она.— Хороша Пасха вышла!

— Да, печально, что такъ случилось. Ничего не подѣлаешь.

Онъ поднесъ написанное къ свѣту и сталъ перелистывать страницы, видимо довольный своей работой. Страницы были записаны сверху до низу ровными, плотными строчками. Каждый абзацъ начинался красивымъ росчеркомъ, и имена свидѣтелей были аккуратно подчеркнуты красными чернилами.

— Я тебѣ еще разъ прочту,—сказалъ онъ женѣ.—Если что не такъ, скажи мнѣ.

Донесеніе начиналось съ описанія того, что командиръ видѣлъ собственными глазами:

„Когда я послѣ обѣдни отправился въ расположенную по близости отъ церкви пивную Іоанна Плекля, я тамъ замѣтилъ виновнаго Андрея Феста. Онъ сидѣлъ одинъ за столомъ и, видимо, предавался обильному питью пива, что мнѣ подтвердила и кельнерша,—говоря, что онъ уже сидитъ въ пивной нѣсколько часовъ и пьетъ кружку за кружкой. Когда я черезъ нѣсколько времени послѣ того, уходя, прошелъ опять черезъ общую залу, вышеназванный сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, не замѣчая меня и не кланяясь. Мнѣ это сейчасъ же бросилось въ глаза, и я подумалъ, что Фестъ въ очень тяжеломъ душевномъ состояніи“.

— Ты мнѣ этого тогда не сказалъ, Карлъ,—перебила его жена.

— Я подумалъ такъ, вскользь.

Онъ продолжалъ читать. Въ донесеніи дано было подробное описаніе всего дальнѣйшаго хода событій по показаніямъ сидѣвшихъ за однимъ столомъ съ Фестомъ Цвергера и Клойбера. Затѣмъ слѣдовало описаніе спора, въ теченіе котораго Фестъ продолжалъ пить, былъ, видимо, сильно возбужденъ и, вспоминая о прежней распрѣ, произносилъ оскорбительныя слова. Затѣмъ слѣдовало живое описаніе самой катастрофы, о которой свидѣтели разсказывали не вполнѣ согласно. Въ то время, какъ Іоаннъ Гейтнеръ не слышалъ никакихъ оскорбительныхъ словъ со стороны Хирангля, портной Габерль утверждалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что пострадавшій привелъ въ бѣшенство виновнаго своими насмѣшками и довелъ его до такого состоянія, что онъ бросился, не помня себя, на него и такъ ударилъ его глиняной пивной кружкой, что Хирангль упалъ, потерявъ сознаніе, и до сихъ поръ еще не пришелъ въ себя.

Командиръ прочелъ все это женѣ; когда онъ кончилъ, она сказала:

— Тутъ почти семь страницъ, и такъ аккуратно написано: вотъ работа!

— Мнѣ жаль Феста,—возразилъ онъ.—Онъ былъ такимъ порядочнымъ человѣкомъ, пока не начались всѣ эти исторіи.

— Думаешь, его надолго посадятъ?

— Это зависитъ отъ многаго,—сказалъ командиръ, тщательно складывая листы въ конвертъ.—Отъ того, найдутъ ли смягчающія обстоятельства, а также отъ состоянія Хирангля.

Онъ громко зѣвнулъ.

— Пора спать,—сказалъ онъ.—Уже пробило полночь.

Жена командира затушила лампу, и во всемъ Эрльбахѣ стало темно. Только въ комнатѣ, гдѣ лежалъ больной Хирангль, всю ночь не угасалъ свѣтъ.

На зарѣ раздался стукъ въ дверь къ командиру. Онъ услышалъ изъ спальни, открылъ окно и крикнулъ внизъ:

— Кто тамъ?

— Это я, жандармъ Бадеръ. Хирангль умеръ четверть часа тому назадъ.

— Вотъ тебѣ на!

— Онъ не приходилъ больше въ сознаніе. У него весь черепъ расшибло.

— Вотъ такъ бѣда!

— Я пришелъ сейчасъ доложить вамъ. Съ добрымъ утромъ, господинъ командиръ.

— Съ добрымъ утромъ.

Командиръ закрылъ окно и одѣлся. Когда онъ прошелъ по деревенской улицѣ черезъ полчаса, онъ услышалъ громкій колокольный звонъ. Это уже былъ похоронный колоколъ, возвѣщавшій о смерти Хирангля. Командиръ прошелъ во дворъ къ Фесту. Изъ дверей ему вышелъ навстрѣчу самъ хозяинъ.

— Я знаю, зачѣмъ вы пришли,—сказалъ онъ.—Я слышалъ колоколъ. Вы за мной?

— Это моя обязанность, Фестъ. Я долженъ васъ отвести въ Нусбахъ.

— Я сейчасъ иду. Только шляпу возьму.

Онъ вошелъ въ домъ, и командиръ услышалъ крикъ:

— Господи, Андрей! Неужели же его уведутъ? Господи Іисусе!

Жена Феста выбѣжала изъ дому и схватила командира за руку.

— Нѣтъ! Онъ вѣдь не виноватъ. Не уводите его!

— Послушайте, не дѣлайте мужу прощаніе еще болѣе тяжелымъ.

— Не уводите его. Онъ не виноватъ!

Фестъ мягко отвелъ ее.

— Ну, успокойся. Что же дѣлать? Голову мнѣ не снимутъ...

Онъ повернулся, быстро вышелъ изъ дверей и прошелъ черезъ дворъ. Но какъ онъ ни ускорялъ шаги, онъ долго

еще слышалъ за собой плачъ и стоны жены. И, дойдя до самаго конца улицы, онъ опять услышалъ ея голосъ:

— Андрей! Отвѣть мнѣ; Андрей!—кричала она.

XX.

Въ судебную залу врывались лучи солнца и широко ложились на строгія лица судей. Судьи всячески ограждали себя отъ назойливаго свѣта и, когда борьба съ солнцемъ стала невозможной, велѣли служителю спустить занавѣси. Такимъ образомъ, солнечнымъ лучамъ былъ прегражденъ доступъ въ залу суда.

Одинъ только лучъ всетаки пробрался черезъ щель и скользнулъ по скамейкамъ. Онъ встрѣтилъ на своемъ пути двѣ морщинистыя руки, и онѣ были ему такъ милы, что онъ ласково прильнулъ къ нимъ. Руки раскрылись и снова закрылись, точно хотѣли удержать дрожащій лучъ.

Человѣкъ, которому принадлежали эти руки, обрадовался лучу. Онъ подумалъ о томъ, что солнце теперь, вѣрно, озаряетъ поля въ Эрльбахѣ, и сегодня, навѣрное, косили весь день, и на всѣхъ лугахъ лежитъ душистое свѣжее сѣно. Въ такую теплую погоду можно будетъ днемъ переворошить сѣно для просушки, и къ вечеру уже свезти домой.

Широкая тѣнь упала на полъ и солнечный лучъ исчезъ. Фестъ поднялъ глаза. Въ залѣ засѣданія появился священникъ Бауштетеръ и поклонился судьямъ.

— Господинъ священникъ, вы знаете подсудимаго?

— Да, знаю.

— Утверждаютъ, что вы были его врагомъ.

Поднялся защитникъ:

— Вы вѣдь вели противъ него усиленную кампанію,— сказалъ онъ.—Вы съ нимъ были въ ссорѣ.

Бауштетеръ смиренно покачалъ головой, не понимая, почему защитникъ говоритъ такимъ рѣзкимъ тономъ.

— Я только высказалъ нѣкоторыя опасенія относительно него—это былъ мой долгъ.

Предсѣдатель одобрительно кивнулъ головой.

— Вы хотите сказать, — произнесъ онъ, — что вы, какъ духовный пастырь, многое въ немъ порицали, но не питали къ нему личной вражды.

— Да, я именно это хотѣлъ сказать.

— Такъ, пожалуйста, скажите намъ, что вы знаете объ обвиняемомъ.

Бауштетеръ сталъ говорить спокойно и безстрастно. Онъ сказалъ, что относился съ открытой душой ко всѣмъ своимъ

прихожанамъ одинаково и радъ былъ вѣрить всему хорошему про каждаго изъ нихъ. Относительно Андрея Феста точно также. Онъ былъ очень огорченъ, замѣчая въ немъ, однако, многое, чего онъ, какъ духовный пастырь, не могъ не порицать. Онъ огорчался его равнодушіемъ къ религіи, безнравственнымъ поведеніемъ его семьи и еще многимъ другимъ.

Бауштетеръ сказалъ, что ему хотѣлось исправить его, и что онъ пытался вліять на него кротостью, но встрѣтилъ грубый отпоръ. И онъ изобразилъ всѣ грубыя выходки Феста въ сношеніяхъ съ нимъ.

Фестъ слушалъ его. Все тѣ же пріемы, все то же умѣніе такъ вплетать ложь въ дѣйствительность, что невозможно разобраться. Онъ пытался разорвать искусную ткань, но чѣмъ больше онъ старался, тѣмъ больше его опутывала сѣть лжи. Теперь онъ, наконецъ, усталъ. Онъ слушалъ такъ, точно говорятъ не о немъ, а о комъ то другомъ. Тихій, спокойный голосъ священника возвысился только въ концѣ, когда онъ напомнилъ, что этотъ дикій, необузданный человѣкъ убилъ одного изъ самыхъ почтенныхъ людей въ Эрльбахѣ, отца четверыхъ дѣтей.

Въ залѣ засѣданія наступила глубокая тишина.

— Фестъ, можете вы что-нибудь возразить?

Фестъ посмотрѣлъ на предсѣдателя. Можетъ ли онъ возразить что-нибудь противъ этой сѣти лжи? Каждое слово было ложью, придуманной заранѣе, все было искажено съ цѣлью возстановить судъ противъ него. Какъ опровергнуть все это нѣсколькими фразами.? Съ чего начать и чѣмъ кончить? И онъ сказалъ только одно:

— Этотъ виноватъ во всемъ, что случилось.

Судьи очень неодобрительно посмотрѣли на обвиняемаго. Какъ безразсудно было съ его стороны говорить въ такомъ тонѣ.

Поднялся защитникъ.

— Нужно знать все предшествующее..

— Это къ дѣлу не относится, — прервалъ его предсѣдатель. — Выборы въ старшины ничего общаго не имѣютъ съ убійствомъ Хирангля.

Фестъ снова сѣлъ. Онъ вѣдь зналъ заранѣе. Сегодня все то же, что и вчера. Его не хотятъ выслушать...

На слѣдующій день погода тоже благопріятствовала сѣнокосу. Верхушки деревьевъ въ веблингскомъ лѣсу озарились утреннимъ свѣтомъ. Всѣ спѣшили на работу. Хорошо косить, пока еще роса лежитъ на травѣ. Сухая трава притупляетъ косы. Всѣ торопились, шире взмахивали косами, и, когда солнце поднялось высоко надъ холмами, работа была уже покончена.

Портной Габерль закинулъ косу за плечо и остановился, поджидая Цвергера, который шелъ къ нему навстрѣчу.

— Хорошій денекъ!

— Да, еще нѣсколько такихъ дней, и сѣна будетъ у всѣхъ вдоволь.—Они дошли вмѣстѣ до перепутья. Тамъ Цвергеръ остановился.

— Что ты скажешь? Къ четыремъ годамъ тюрьмы присудили.

— Я скажу, что никогда онъ изъ тюрьмы ужъ не выйдетъ. Погубилъ его священникъ.

Портной Габерль сѣлъ на траву. Онъ поджидалъ свою маленькую дочку, которая должна была принести ему завтракъ.

— Онъ его погубилъ,—повторилъ Габерль и взглянулъ внизъ, на разстилавшійся тамъ Эрльбахъ. Домики стояли, плотно прижавшись одинъ къ другому. Изъ трубъ поднимались тонкіе столбы дыма. Слышно было, какъ ревѣлъ скотъ.

Доносились также звуки мѣрныхъ ударовъ молотка. Около церкви плотники воздвигали лѣса. Тамъ готовились снести старую колокольню, чтобы построить новую. Желаніе священника Бауштетера исполнилось.

КОНЕЦЪ.

Бѣлая ночь.

Какъ странно: нѣтъ луны, но свѣтелъ воздухъ
сонный,
Таинственная ночь загадочно-свѣтла...
Прозраченъ небосклонъ,—беззвѣздный и бездонный,
И тамъ лишь, вдалекѣ, надъ лѣсомъ тѣнь легла.
Безмолвіе вокругъ... Порой, сквозь сонъ, залаетъ
Дворовый вѣрный песъ, и снова—тишина!..
Едва закатъ погасъ—и вновь востокъ пылаетъ,
Пурпурная заря, какъ кровь, свѣжа, красна!
И на стволахъ березъ играетъ отблескъ алый,
Тревожно шелеститъ пѣвучая листва,
И падаютъ росы волшебные опалы,
И жадно ловитъ ихъ душистая трава.

Въ душѣ моей больной забытыя картины,
Видѣнья прошлаго, блаженныхъ дѣтскихъ дней,
Плывутъ, какъ легкій сонъ,—родныхъ полей равнины,
Родной рѣки просторъ и островки на ней...
Какъ будто на яву, я вижу садъ тѣнистый,
Куда отъ скучныхъ книгъ любилъ я убѣгать,
Гдѣ въ сумракѣ журчалъ ручей хрустально-чистый
И пѣли иволги... Гдѣ я любилъ мечтать!..

Я мыслью весь ушелъ въ сіяющія дали!..
Но грезы чудныя, какъ птицы, пронеслись...
И дни жестокіе,—дни скорби и печали,—
Аккордомъ сумрачнымъ въ душѣ отозвались.
Такая-жъ свѣтлая, но только голубая,
На югѣ ночь плыла, облитая луной...
Вливаясь въ щель окна, ея волна живая
Подъ сводами тюрьмы струилась надо мной!
Я рвался на просторъ, меня давили своды!
И снились мнѣ тогда болѣзненные сны:
Я видѣлъ трупы, кровь, бушующія воды...
Мнѣ чудился во снѣ призывный звонъ волны!..

. . . .

Таинственная ночь, какъ призракъ молчаливый,
Бѣжитъ пугливо прочь... И все прозрачнѣй мгла,
Все пламеннѣй зари кровавые разливы...
И тамъ, надъ родиной, заря пожаръ зажгла!

Н. Шрейтеръ.

Грязовецъ,
1906.

неудачную тему. Въ его лицѣ и голосѣ появилось странное раздраженіе.

— Каролю лучше бы помолчать! Обыкновенно онъ не отличается такою болтливостью. Почему тебѣ понадобилось разсматривать это старье?

— Да потому, что меня интересуетъ все, что касается тебя, все, что тебѣ близко.

— Что мнѣ близко... Мои близкіе замѣчательные экземпляры, не правда ли?

— О твоихъ рисункахъ я не могу судить, не видавъ ихъ,— возразила она своимъ обычнымъ суховатымъ тономъ, — что касается людей, близкихъ тебѣ, мы пришли сюда въ дождь, чтобы не сидѣть съ ними ночь и не для того, чтобы разсуждать о нихъ.

— Совершенно вѣрно, гордая британка! Я сейчасъ покажу тебѣ рисунки, хотя ихъ не стоитъ смотрѣть. Ты, въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько похожа на Британію; весьма великолѣпна, но немножко...

— Суховата? Да, Дикъ Грей часто говорилъ мнѣ, что я суховата. Ну что же? Это имѣетъ свои хорошія стороны... А какъ ты думаешь, не лучше ли вытереть этотъ портфель, прежде чѣмъ тащить его? Постой, милый, дай я сдѣлаю, ты не такъ держишь метелку.

Рисунки были небрежно засунуты въ портфель, нѣкоторые были смяты, другіе запачканы, третьи съ обгорѣлыми углами. Большинство представляли простые этюды углемъ и карандашемъ: ноги, руки, стволы деревьевъ, спутанныя вѣтви, кромѣ того, было нѣсколько набросковъ деревенской жизни: дерущіяся собаки; дѣти, несущія тяжести; бесѣдующіе старики; женщины у колодца. Несмотря на простой, часто неправильный рисунокъ, всѣ эти изображенія дышали удивительною силою и жизненностью. Даже Оливія, ничего не понимавшая въ искусствѣ, видѣла, что мускулы ногъ имѣютъ иногда невѣрное направленіе; но оживленіе, чувство силы и движенія, гордая рѣшимость жить, одушевлявшая всѣ эти фигуры, должны бы заставить всякаго хорошаго критика забыть мелкіе техническіе недочеты.

— Неужели ты никогда и ничего не видѣлъ въ состояніи покоя?—сказала она, положивъ рисунки на столъ.—Всѣ твои люди живутъ какою-то бурною жизнью.

— Во всякомъ случаѣ теперь я вижу спокойное состояніе.

Она послѣдовала глазами за его взглядомъ и наткнулась на изображеніе мертваго сокола.

— Ты это называешь покоемъ?.. Нѣтъ, не жги ихъ.

Она взяла у него изъ рукъ большой свертокъ бумаги, перевязанный веревочкой, и начала развязывать его.

— Тамъ нѣтъ ничего,—торопливо замѣтилъ онъ.

— Ты не хочешь, чтобы я смотрѣла? Извини, пожалуйста.

Онъ съ минуту простоялъ, отвернувшись отъ нея, затѣмъ отдалъ ей свертокъ.

— Смотри, если хочешь. Это этюды для группы, которую я собирался писать. Въ то время меня арестовали, и я ее не кончилъ. Я былъ... немного влюбленъ въ нее въ то время. Если бы я былъ способенъ написать что-нибудь, то именно это. Да, посмотри.

Она развернула свертокъ съ необычнымъ для нея чувствомъ робости и разгладила листы. На первыхъ были только этюды разныхъ подробностей: руки, слегка очерченныя ноги, занавѣсы и историческія справки относительно костюмовъ, затѣмъ появились два лица, которыя повторялись множество разъ. Нѣкоторые наброски были полу-стерты или разорваны будто въ нетерпѣніи. Одно лицо принадлежало женщинѣ восточнаго типа, съ правильными чертами, съ массою украшеній въ волосахъ, и неизмѣнно съ одинаковымъ остановившимся взглядомъ, полнымъ дикаго ужаса. Другое лицо было лицо мужчины, и Оливія долго разсматривала его, напрасно стараясь понять его выраженіе. На послѣднихъ листахъ изображалась женщина, отчаянно вырывающаяся изъ рукъ мужчины, который приподнялъ ее съ земли и, повидимому, старался куда-то бросить.

— Разскажи мнѣ, Володя, что это значитъ?

— Это иллюстрація къ одному изъ сказаній о Стенькѣ Разинѣ. Онъ со своими товарищами ѣдетъ на лодкѣ по Волгѣ. Онъ влюбленъ въ персидскую княжну, которую они взяли въ плѣнъ, и одинъ изъ его соратниковъ упрекаетъ его, что онъ забылъ свое дѣло и думаетъ только о женщинѣ. Когда имъ подаютъ обѣдъ, всѣ начинаютъ по древнему обычаю бросать въ рѣку въ видѣ жертвы хлѣбъ и соль. Стенька останавливаетъ ихъ, говоря что такіе дары слишкомъ мелки, и самъ бросаетъ въ рѣку княжну...

— Володя,—прервала его Оливія, показывая ему одинъ изъ рисунковъ, — мнѣ кажется, это прямо геніальная вещь.

Онъ вдругъ разгорячился такъ, какъ еще ни разу не горячился при ней.

— Геніальная! Извѣстно, всякая ворона считаетъ своихъ дѣтей бѣлыми. Неужели ты не видишь, что я просто забавлялся, изводилъ хорошую бумагу, которую сдѣлалъ человѣкъ, болѣе меня стоющій, и все это потому, что я родился бариномъ, что я не знаю, какъ убить время, не умѣлъ заработать себѣ куска хлѣба и считалъ для себя всякій трудъ

унизительнымъ. Чѣмъ это лучше, чѣмъ пьянство Вани и карты Пети? Развѣ, можетъ быть, немного почище. Ты знаешь, что говорятъ крестьяне о моей скульптурѣ? „Барскія затѣи“. И они правы. И они будутъ совершенно правы, если перерѣжутъ всѣмъ намъ горло. Единственнымъ оправданіемъ нашего существованія было бы, если бы мы избавили ихъ отъ паразитовъ, еще болѣе вредныхъ, чѣмъ мы сами. Но этого мы до сихъ поръ не сумѣли сдѣлать. Мы всѣ испорчены, испорчены до мозга костей бездѣльемъ и чванствомъ. Ахъ, эти барскія затѣи!

Онъ сунулъ рисунки обратно въ портфель и отбросилъ его прочь.

Оливія встала и пристально поглядѣла на него.

— Когда ты говоришь такія вещи,—сказала она, наконецъ,—мнѣ начинаетъ казаться, что я никогда не пойму тебя. Я просто не знаю, что ты хочешь сказать.

— Я тоже думаю, что ты никогда не поймешь.

— Володя!

Онъ стоялъ съ минуту у окна, отвернувшись отъ нея и глядя на продолжавшій лить дождь. Затѣмъ онъ повернулся и проговорилъ, пожимая плечами:

— Видишь ли, милая, это не зависитъ ни отъ тебя, ни отъ меня. Мы оба не виноваты. Между нами коренная разница; мы видимъ во снѣ не однѣхъ и тѣхъ же свиней.

— Не однѣхъ и тѣхъ же?..

— Выдишь ли, въ книгѣ одного большого писателя нашего разсказывается объ одномъ русскомъ, который ночью разбудилъ весь домъ своимъ крикомъ во снѣ; ему снилась свинья. Квартирная хозяйка объяснила ему, что ея жильцы часто видятъ такіе сны; недалеко отъ дома находится бойня и свиньи хрюкаютъ по ночамъ.—Ахъ, сударыня,—отвѣчалъ онъ,—тутъ большая разница: когда французъ видитъ во снѣ свинью, это обыкновенная свинья, которую могутъ ѣсть люди; когда насъ, русскихъ, мучитъ кошмаръ, мы обыкновенно видимъ свиней, которыя ѣдятъ людей.

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать,—повторила она опять со вздохомъ.—Мнѣ это очень жаль, но я не понимаю.

Онъ отвернулся съ нетерпѣливымъ движеніемъ.

— Давай опять работать. Гдѣ тебѣ это понять?

Онъ положилъ ея руку, какъ она раньше лежала, и снова принялся лѣпить. Но черезъ нѣсколько минутъ бросилъ глину.

— Нѣтъ, не стоитъ, я не могу!

— Ты усталъ, оставь работу на сегодня.

— Ты думаешь, это только сегодня? Пойдемъ къ дѣтямъ.

Она надѣла на голову платокъ и взяла въ руки большой

зонтикъ, съ нѣкоторымъ чувствомъ облегченія. Присутствіе посторонних избавитъ ее отъ слишкомъ тяжелыхъ мыслей.

Сходя внизъ по лѣстницѣ подъ проливнымъ дождемъ, они замѣтили двѣ фигуры, которыя поднимались на пригорокъ по направленію къ нимъ. Передняя, въ одеждѣ кучера, обратилась къ Владиміру.

— Баринъ, будьте такъ добры, позвольте переночевать у васъ проѣзжему. Я—кучеръ князя Рѣпнина и везу къ намъ въ имѣніе гостя на охоту. Мы наѣхали на поваленное дерево, тарантасъ опрокинулся, и у насъ сломалась ось. Еще слава Богу, что не угодили головой въ озеро. А тутъ этакая погода: позвольте, ваша милость...

— Никто у васъ не ушибся?

— Нѣтъ, только баринъ больно вымокли да прозябли, а ѣхать намъ еще далеко.

— Конечно, вамъ нечего и думать ѣхать сегодня. Сколько васъ человѣкъ?

— Трое: баринъ, его лакей, да я. Они, кажись, французы, что ли, я ни слова не понимаю, что они говорятъ. Я оставилъ лакея внизу съ лошадьми. Вотъ баринъ: можетъ, ваша милость можете поговорить съ нимъ.

— Пожалуста, войдите, не стойте подъ дождемъ,—сказалъ Владиміръ по французски.—Мы сейчасъ велимъ внести ваши вещи... Нѣтъ, увѣряю васъ, тутъ нѣтъ ничего неловкаго; мы привыкли къ такимъ маленькимъ приключеніямъ въ нашей глуши. Входите, сдѣлайте милость.

Онъ побѣжалъ въ большой домъ вмѣстѣ съ кучеромъ, оставивъ Оливію принимать путешественника, который, продолжая извиняться, сбросилъ мокрое верхнее платье и грѣлъ руки у огня. У него была замѣчательная наружность. Это былъ парижанинъ до кончика ногтей, съ красивыми глазами и густыми, вьющимися сѣдыми волосами. Оливія подумала, что у него такая физіономія, точно онъ привыкъ, чтобы его называли cher maître. Наружность его была какъ то странно знакома ей: должно быть, это какая-нибудь знаменитость, портреты которой она видала.

— Позвольте мнѣ представиться,—сказалъ онъ,—моя фамилія Дюшанъ.

Она слегка вздрогнула. Не мудрено, что его лицо показалось ей знакомымъ.

— Леонъ Дюшанъ, живописецъ?

Онъ снова поклонился.

— Мой пріятель, князь Рѣпнинъ пригласилъ меня принять участіе въ его осенней охотѣ, и я соблазнился возможностью увидѣть настоящій дикій лѣсъ. Я никогда раньше не бывалъ въ Россіи и не говорю ни слова по-русски. Мо-

жете себѣ представить, что, когда экипажъ сломался въ этой глуши, я очень пожалѣлъ, что не сижу спокойно въ своей парижской квартирѣ. Я очень счастливъ, что нашелъ пріютъ у такихъ гостепріимныхъ хозяевъ.

— Вамъ готовятъ комнату,—сказалъ Владиміръ, входя. Онъ запыхался и держался рукой за бокъ,—пожалуста, садитесь, отдохните у камина, пока приготовляютъ ужинъ. Вашъ слуга вноситъ вещи.

Когда онъ узналъ имя своего гостя, горячая краска залила лицо его и смѣнилась блѣдностью. Леонъ Дюшанъ былъ мечтою его юныхъ лѣтъ. „Если мнѣ удастся добраться въ Парижѣ до Дюшана,—думалъ онъ много разъ,—онъ повѣритъ, что у меня есть талантъ и поможетъ мнѣ“.

Художникъ подвинулъ стулъ къ огню и не сводилъ съ хозяина своихъ темныхъ проницательныхъ глазъ. Онъ такъ же, какъ Берней, замѣтилъ мрачную красоту головы Владиміра. Несмотря на то, что онъ прозябъ и усталъ, пальцы его такъ и чесались набросать этюдъ этой головы.

— Но я, кажется, попалъ къ собратьямъ по искусству,—сказалъ онъ, замѣтивъ глину для лѣпки.—Вы скульпторъ?

Владиміръ сразу насторожился.

— Я только любитель.

Дюшанъ, видимо, удивился холодному тону отвѣта, но сказалъ любезно:

— Вы слишкомъ скромны. Этотъ слѣпокъ большой птицы... Онъ остановился и сталъ разглядывать работу Владиміра съ возраставшимъ интересомъ и удивленіемъ.

— Это ваше произведеніе? Но вѣдь это замѣчательная вещь, увѣряю васъ, замѣчательная. У васъ, несомнѣнно, крупный талантъ.

— Вы слишкомъ снисходительны!—замѣтилъ Владиміръ такимъ тономъ, въ которомъ слышалось нежеланіе продолжать разговоръ.

Французъ съ изумленіемъ взглянулъ на него.

— Извините мою искренность,—проговорилъ онъ.

Оливія съ какимъ-то отчаяніемъ вмѣшалась въ разговоръ. Все это было невыносимо мучительно: она схватилась за первую тему, какая пришла ей въ голову.

— Вы никакъ не могли доѣхать въ одинъ день до имѣнія князя Рѣпнина, даже если бы не случилась непогода и несчастіе съ экипажемъ: это очень далеко.

— Да, уѣзжая, я спрашивалъ, будетъ ли на дорогѣ какой-нибудь домъ, гдѣ мы могли бы найти пріютъ въ случаѣ надобности, и мнѣ сказали, что ничего подобнаго нѣтъ. Конечно, никто не предполагалъ, что можно такимъ образомъ ворваться незваннымъ гостемъ въ чужой домъ. Даже, когда

экипажъ сломался, кучеръ очень неохотно рѣшился безпокоить васъ.

— Тутъ дѣло не въ безпокойствѣ,—сказалъ Владиміръ все такъ же сухо,—но надо вамъ сказать, что нашъ домъ вообще обѣгаютъ. Такъ какъ вы иностранецъ и человѣкъ, пользующійся извѣстностью, то вамъ не грозитъ никакая серьезная непріятность за то, что вы переночуете у насъ, хотя, можетъ быть, вамъ придется дать кое-какія объясненія полиціи. Я нахожусь подъ надзоромъ, какъ политически неблагонадежный и привлекавшійся къ дѣлу.

Художникъ слушалъ сначала съ недоумѣніемъ, но при послѣднихъ словахъ лицо его просіяло.

— Я считаю за честь для себя знакомство съ вами,—сказалъ онъ, протягивая руку.—Мы, старое поколѣніе французовъ, тоже страдали въ свое время. Лучшій другъ моихъ молодыхъ лѣтъ умеръ въ Новой Каледоніи, а я, я... — онъ пожалъ плечами,—мнѣ удалось избѣгнуть преслѣдованія. Я остался жить, чтобы заниматься искусствомъ.

Раздался стукъ въ дверь Ѳеофилакты, и Владиміръ взялъ у нея изъ рукъ подносъ.

— Ваша комната готова,—сказалъ онъ,—тетушка слышала, что вы пріѣхали, и прислала вамъ горячаго вина, чтобы вы не простудились.

Онъ снялъ со стола портфель, очищая мѣсто для подноса; одинъ изъ рисунковъ выпалъ и подлетѣлъ къ ногамъ гостя, который нагнулся и поднялъ его. Это былъ одинъ изъ этюдовъ головы Стеньки Разина.

— Tiens!—воскричалъ Дюшанъ.

Онъ съ минуту смотрѣлъ на него и затѣмъ обратился къ Владиміру безъ малѣйшаго слѣда парижской любезности:

— Но вѣдь это не вы рисовали?—спросилъ онъ рѣзкимъ, сердитымъ голосомъ.

— Я, только давно, когда еще былъ молодъ.

— И у васъ много такихъ рисунковъ? Можно взглянуть?

Владиміръ поблѣднѣлъ, ноздри его судорожно подергивались.

— Если хотите,—проговорилъ онъ и положилъ портфель на столъ.—Я когда-то мечталъ показать вамъ ихъ въ Парижѣ.

— Ну, и отчего же?..

— Я былъ арестованъ.

— А! а послѣ того?

Владиміръ отвернулся отъ него, затѣмъ усмѣхнулся и пожалъ плечами.

— Ну, теперь мнѣ уже поздновато дѣлаться художникомъ. Мы живемъ не въ мірѣ волшебниковъ, мнѣ тридцать два года, и у меня чахотка.

Художникъ сѣлъ и открылъ портфель. Онъ нѣсколько минутъ разсматривалъ рисунки, не говоря ни слова, а Оливія и Владиміръ стояли у камина, опустивъ глаза. Позднѣе дѣвушкѣ казалось, что она пережила цѣлые годы за эти нѣсколько минутъ молчанія. Наконецъ, Дюшанъ всталъ и, перейдя къ другому столу, внимательно осмотрѣлъ слѣпокъ убитаго сокола.

— Но вѣдь это преступленіе!—вдругъ вскричалъ онъ.— Слышите?.. настоящее преступленіе! Арестованъ! И все это пропало... Ахъ, что это за страна! Господи, что за страна! — Онъ всплеснулъ руками. — А вы, вы тоже виноваты! Можно ли тратить жизнь на заговоры, на политику, когда Господь Богъ создалъ васъ скульпторомъ? Скажите, пожалуйста, неужели не нашлось другихъ рукъ, кромѣ вашихъ? Вѣдь вы могли бы быть...

— Тише, не говорите этого, — остановила его Оливія,— не говорите намъ о томъ, что могло бы быть; мы должны жить тѣмъ, что есть.

Дюшанъ остановился. Слѣдуя за ея глазами, онъ взглянулъ на Владиміра.

— Modemoiselle совершенно права, — сказалъ онъ и закрылъ портфель.—Я злоупотребляю вашимъ терпѣніемъ, занимая васъ своими разговорами. Если позволите, я пойду и переодѣнусь.

Оливія проводила его въ большой домъ, и тамъ тетя Соня тотчасъ же задержала ее: она боялась, сумѣла ли она приготовить салатъ по вкусу парижанина. Когда ужинъ былъ готовъ, Оливія побѣжала въ павильонъ подъ предлогомъ позвать Владиміра, а на самомъ дѣлѣ, чтобы помѣшать старушкѣ идти туда.

Было уже почти темно, но при свѣтѣ сумерокъ и тлѣвшихъ угольевъ она увидѣла, что комната пуста, портфель открытъ, и въ каминѣ лежитъ куча полусожженной бумаги. Она тихонько наклонилась и достала смятый, обгорѣлый листъ, на которомъ можно было различить фигуры Стеньки Разина и отбивавшейся отъ него княжны.

VII.

Рождество прошло, а Оливія все еще была со своимъ женихомъ. Они вернулись въ Петербургъ черезъ нѣсколько дней послѣ визита Дюшана, и Владиміръ нанялъ для нея комнату, недалеко отъ своей квартиры, въ спокойномъ, добродушномъ семействѣ. Такъ какъ ей не приходилось ухаживать за больными, то она пыталась усердно заниматься рус-

ской грамматикой, исторіей и литературой. Недѣля проходила за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ.

Первый разъ въ жизни Оливія находила, что дни тянутся слишкомъ долго. Для ея дѣятельной, положительной, практической натуры казалось, что самый тяжелый ударъ судьбы легче перенести, чѣмъ эту жизнь, полную загадокъ и отсрочекъ, безпомощнаго ожиданія чего-то темнаго и ужаснаго, что, быть можетъ, никогда не случится. Владиміръ, занятый то работой, которая давала ему средства къ жизни, то „дѣлами", о которыхъ они по молчаливому соглашенію рѣшили не разговаривать, могъ отдавать ей слишкомъ мало времени; и это немногое постепенно становилось для нихъ не утѣшеніемъ, а непріятностью. При напряженномъ состояніи и его, и ея нервовъ, они не могли, какъ прежде, находить удовольствіе въ разговорахъ о постороннихъ предметахъ; но какъ только они заговаривали о томъ, что близко касалось ихъ, какая-то невидимая преграда мѣшала имъ высказываться свободно и непринужденно.

Оливія, сдержанная по натурѣ, становилась еще болѣе сдержанной подъ леденящимъ вліяніемъ тайны и смутнаго, холоднаго разочарованія. Она отличалась умѣреннымъ и постояннымъ характеромъ. Отбросить всѣ навыки, всѣ стремленія и цѣли, наполнявшія ея молодые годы, и слѣдовать за любимымъ человѣкомъ въ неизвѣстный ей міръ, полный опасностей, было для нея тяжелѣе, чѣмъ могло бы быть для большинства женщинъ; ей не хватало того увлеченія романичностью положенія, которое скрасило бы его для другой. Она вслѣпую сдѣлала рѣшающій въ жизни шагъ и находила, что онъ никуда не привелъ ее. Несмотря на ихъ взаимную любовь, затемняемую лишь иногда мимолетнымъ сомнѣніемъ съ той или другой стороны, они какъ-будто нарочно чуждались другъ друга. Какъ ни радостно представлялось ей ея собственное будущее, она всетаки была бы довольна, если бы чувствовала, что ея присутствіе приноситъ ему дѣйствительное утѣшеніе. Но эти постоянныя горькія сѣтованья: „Ты не понимаешь! Ты не можешь понимать", — заставляли ее замыкаться въ себѣ, лишали ее всякой бодрости. Онъ былъ правъ: она не понимала его дѣлъ, она понимала только одно: онъ страдаетъ, а она ничѣмъ не можетъ помочь ему.

И онъ дѣйствительно страдалъ, страдалъ такъ, что всѣ остальныя чувства какъ бы замерли въ немъ. Съ ея пріѣздомъ въ немъ проснулась застывшая, было, жизнь, а между тѣмъ она не помогала ему жить. Дни его проходили въ механическомъ исполненіи обязанностей, ночи въ мучительной тоскѣ. Иногда ему хотѣлось, чтобы ударъ разразился ско-

рѣе, и все бы кончилось. Онъ оглядывался на свою прошлую жизнь и видѣлъ лишь призраки не исполненныхъ мечтаній, невылѣпленныхъ статуй, не испытанныхъ наслажденій. Въ будущемъ его ждала непріятная работа, утомленіе, старыя, тяжелыя обязанности, старыя тяжелыя цѣпи; а въ концѣ,— темное, безполезное мученичество за вѣру, которой онъ не имѣлъ, и—мрачное неизвѣстное.

Теперь, когда опасность была близка, имъ овладѣла страстное желаніе жить, пока можно. Чего ему стоило отказаться отъ предложенія дѣвушки стать теперь же его женой, она не узнаетъ до конца своей жизни. Она не въ состояніи понимать такого рода вещи; страстнымъ порывамъ не было мѣста въ ея размѣренной жизни. Было бы преступленіемъ заставить ее раздѣлять его эгоистичное стремленіе къ наслажденію. Все, что она дѣлала ради него, было и безъ того слишкомъ тяжело для нея, какъ же требовать еще новой жертвы.

Онъ не дѣлалъ себѣ иллюзій относительно ея чувствъ. Онъ зналъ, что она любитъ его настолько, чтобы отдаться ему во всякую минуту и при всякихъ условіяхъ, когда онъ только попроситъ у нея; но онъ зналъ точно также, что она сдѣлаетъ это по тому же побужденію, по которому отдастъ свою правую руку или свою жизнь, чтобы доставить ему удовольствіе. Онъ внушилъ ей самую нѣжную преданность, но не разбудилъ въ ней женщины. Хотя ей уже было двадцать седьмой годъ, и она нѣсколько лѣтъ жила одна, не закрывая глазъ на человѣческую жизнь съ ея трагедіями и страстями, но она вполнѣ сохранила дѣвственную чистоту ребенка; а онъ, такъ долго боровшійся и отказывавшій себѣ въ наслажденіи, будетъ продолжать до конца бороться, но не нарушитъ ея покоя. Нечестно было бы взять у нея такъ много, если ему суждено умереть, а ей оплакивать его. Но по временамъ самая мысль, что онъ, можетъ быть, скоро умретъ, наводила на него ужасъ пустоты. безумное желаніе овладѣть наслажденіемъ, упиться имъ тайкомъ и, прежде чѣмъ настанетъ тьма, пожить пылкою жизнью, хотя бы одинъ часъ.

Но, повидимому, эта тьма не должна была настать такъ скоро. Съ самаго августа онъ ждалъ событій съ нервнымъ напряженіемъ, онъ говорилъ себѣ, что, какъ онъ жилъ всю жизнь, не теряя самоуваженія, такъ надѣется и уйти изъ нея прилично, не дрогнувъ, когда настанетъ его время, что только это одно и важно въ данное время. Но вотъ насталъ январь, а онъ все еще ждалъ.

— Должно быть, бѣда миновала,—сказалъ онъ однажды

Оливіи, которая сидѣла въ его комнатѣ, пока онъ работалъ,— если бы чему случиться, такъ случилось бы раньше.

Она слабо улыбнулась на его успокоительныя слова. Долгіе мѣсяцы томительнаго страха подавили ея жизнерадостность.

— Если ты въ этомъ увѣренъ,—сказала она,—я съѣзжу домой, повидать своихъ; они безпокоятся и соскучились обо мнѣ. Но увѣренъ ли ты?

— Какъ я могу быть увѣреннымъ? Ты видишь, до сихъ поръ ничего не случилось. Конечно, тебѣ надо съѣздить домой, милая, это жестоко такъ мучить твоихъ родныхъ.

Она покачала головой.

— Я тебѣ говорила, что не уѣду, пока есть какая-нибудь опасность. Можетъ быть, ты самъ или кто-нибудь изъ твоихъ друзей можетъ узнать, какъ стоитъ дѣло.

— Можетъ быть, Кароль узнаетъ. Онъ часто получаетъ свѣдѣнія о нашихъ дѣлахъ, какія намъ не удается достать; у него всюду есть друзья, знакомые.

— А ты какъ думаешь, пріѣдетъ онъ на будущей недѣлѣ?

— Очень можетъ быть. Теперь, когда царь уѣхалъ изъ Петербурга, ему, вѣроятно, разрѣшатъ пріѣхать.

Владиміръ и самъ только что былъ высланъ на нѣсколько дней изъ города. Это случалось съ нимъ, такъ же, какъ съ другими подозрительными личностями, обыкновенно передъ крещенскимъ парадомъ и по случаю разныхъ торжественныхъ церемоній, на которыхъ присутствовалъ императоръ. Онъ спокойно прожилъ нѣсколько дней на берегу Ладожскаго озера и вернулся въ Петербургъ, когда праздники кончились.

— Я во всякомъ случаѣ подожду, пока онъ пріѣдетъ,— сказала она уныло и отвернулась къ окну. Сердце ея сильно билось.

— Володя,—проговорила она, наконецъ, — если я уѣду домой...

Онъ сидѣлъ за столомъ и вырисовывалъ зубчатое колесо на рисункѣ машины.

— Ну?—спросилъ онъ.

Она повернула голову и смотрѣла, какъ онъ работаетъ. Хотя вообще она не отличалась чувствительностью, но видъ этихъ изящныхъ, красивыхъ рукъ, которыя не нашли себѣ иного примѣненія, какъ изображать разные насосики, ножики и рычажки за двадцать рублей въ недѣлю, вызвалъ слезы на ея глаза. Онъ этого не видѣлъ; онъ занимался своимъ рисункомъ.

— Ну?—снова повторилъ онъ.

Она все еще колебалась; ей казалось такъ страшно произнести эти слова. Когда она, наконецъ, выговорила ихъ, голосъ ея звучалъ спокойно.

— Принесетъ ли тебѣ какую-нибудь дѣйствительную пользу мое возвращеніе сюда?

Рука, державшая карандашъ, остановилась; онъ сидѣлъ неподвижно, какъ статуя, и не проронилъ ни звука.

— Володя,—снова начала она съ отчаяньемъ.

— Никто не можетъ рѣшить этого, кромѣ тебя самой,— проговорилъ онъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ.—Я могу сказать одно: наши отношенія сложились такъ, что ты всегда давала, а я только принималъ. Ясно, что не мнѣ быть судьей въ этомъ дѣлѣ. Если ты чувствуешь, что сдѣлала ошибку...

Она вдругъ вспомнила, какъ говорила ему лѣтомъ, что онъ для нея—весь міръ. Теперь это было еще болѣе вѣрно, чѣмъ тогда, но теперь она не могла сказать этого. Вмѣсто того она спросила.

— Можетъ быть, напротивъ, *ты* сдѣлалъ ошибку?

Онъ молчалъ.

— Видишь ли,—мрачно прибавила она,—ты самъ такъ часто говорилъ мнѣ, что я не могу понять.

— Да, ты не можешь понять. И это большое счастіе для тебя.

Онъ всталъ и хотѣлъ выйти изъ комнаты. Въ его лицѣ и движеніяхъ было что-то натянутое, что то, что испугало ее. Она схватила его руку, когда онъ проходилъ мимо нея.

— Ахъ, это ты не понимаешь!

Онъ какъ будто окаменѣлъ отъ ея прикосновенія.

— Очень возможно,—сказалъ онъ,—но, въ сущности, не все ли равно, кто изъ насъ не понимаетъ.

— Володя! почему ты не хочешь помочь мнѣ? Развѣ ты не видишь, что я всячески стараюсь поступать, какъ слѣдуетъ.

Онъ засмѣялся короткимъ смѣхомъ и освободилъ отъ нея руку.

— Извѣстно, что ты всегда думаешь о томъ, что слѣдуетъ дѣлать, моя дорогая; но не всегда о томъ, что можетъ вынести человѣкъ.

Онъ ушелъ въ свою спальню и заперъ за собою дверь.

Она почувствовала, что задыхается, точно послѣ скорой ходьбы, и безпомощно опустилась на стулъ у стола.

Кто-то вошелъ въ комнату неторопливыми тяжелыми шагами. „Навѣрно, дѣвушка принесла самоваръ“, подумала она и еще ниже опустила голову надъ неоконченнымъ рисункомъ.

Шаги остановились сзади стула, и она посмотрѣла, кто это. Кароль, высокій, спокойный Кароль стоялъ подлѣ нея и смотрѣлъ на нее сверху внизъ.

— Ахъ,—вскричала она,—вы?

Глаза, которые умѣли все подмѣчать,—скользнули по ея лицу и увидѣли, какъ она похудѣла, какъ покраснѣли ея вѣки отъ безсонныхъ ночей, какъ измѣнилось очертаніе ея губъ.

— Да, я боялся, что вамъ будетъ тяжело,—сказалъ онъ, и при звукѣ его медленной тягучей рѣчи она сразу почувствовала успокоеніе, сама не зная, почему.—Что, развѣ Володѣ хуже?

— Нѣтъ здоровье его не хуже. Дѣло не въ томъ.

Онъ ждалъ, терпѣливо наблюдая ее и стараясь угадать, прежде чѣмъ она скажетъ, что именно огорчаетъ ее. Она съ трудомъ перевела духъ.

— Просто ужасно, — проговорила она, — жить съ нимъ и видѣть его въ такомъ положеніи. Это убиваетъ его, а я ничѣмъ рѣшительно не могу помочь. Я для него хуже, чѣмъ безполезна.

Она снова опустила голову надъ планомъ.

— Если бы я могла хоть что нибудь сдѣлать, чтобы помочь ему! Но я даже не могу понять его, я много разъ пробовала, и все ни къ чему.

— А не кажется ли вамъ,—сказалъ Кароль,—что было бы лучше признать это, какъ фактъ, и вовсе не стараться? Человѣкъ часто оказываетъ громадную пользу другимъ, вовсе не понимая всѣхъ этихъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ.

— Нѣтъ, я такъ не могу. Я только сдѣлала его еще болѣе несчастнымъ, чѣмъ онъ былъ раньше. Можетъ быть, онъ будетъ это меньше чувствовать теперь, когда вы пріѣхали: вы всегда все понимаете.

Онъ улыбнулся; и она въ первый разъ замѣтила, какое у него было суровое лицо, когда онъ не улыбается.

— Я-то? Ну да, конечно, вѣдь моя спеціальность—понимать. Къ тому же у меня было много практики.

Владиміръ вошелъ съ протянутой рукой и мужественно старался казаться веселымъ.

— Ага! Кароль; мы тебя ждали не раньше будущей недѣли.

— Мнѣ дали разрѣшеніе на эту недѣлю, и если бы я сталъ просить перемѣнить время, мнѣ, пожалуй, и совсѣмъ бы не дали. Ну, что новенькаго?

— Ничего особеннаго; обыкновенное ни то, ни се. А ты что то похудѣлъ, старичина. Заработался, должно быть?

Оливія не замѣтила этого раньше. Но теперь, обративъ

вниманіе на лицо Кароля, она нашла, что онъ самъ на себя не похожъ.

Онъ посидѣлъ съ ними нѣсколько минутъ и затѣмъ ушелъ, говоря, что у него масса „глупыхъ дѣлъ", и что онъ придетъ къ нимъ завтра на цѣлый день. Остановился онъ тамъ же, гдѣ прежде. Когда дверь за нимъ закрылась, влюбленные съ минуту простояли молча.

— Оливія,—торопливо заговорилъ Владиміръ, не глядя на нее.—Прости меня, что я былъ такъ не ласковъ тобой сейчасъ. Но ты должна сама рѣшить, что тебѣ дѣлать. Я знаю, что наши отношенія... очень тяжелы для тебя...

Она обернулась къ нему и прижалась лицомъ къ его плечу.

— Мнѣ тяжело только одно: сознавать, что я, вмѣсто пользы, приношу тебѣ вредъ. Но тутъ весь вопросъ въ томъ, что правильно и что неправильно.

Онъ стоялъ, крѣпко прижимая ее къ себѣ.

— Пожалуйста, постарайся хоть немного объясниться,— сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Мы, кажется, бродимъ въ темнотѣ и мучаемъ другъ друга, сами не зная изъ за чего.

— Видишь ли, мнѣ все твое дѣло представляется неправильнымъ, съ начала до конца. Я не могу повѣрить, чтобы когда нибудь было полезно на насиліе отвѣчать насиліемъ. Если правительство поступаетъ грубо и безчеловѣчно, тѣмъ болѣе слѣдуетъ вамъ руководстоваться въ вашихъ поступкахъ чѣмъ нибудь инымъ, а не раздраженіемъ. Мнѣ кажется, у васъ все идетъ заколдованнымъ кругомъ: они причинили вамъ громадное зло, вы стараетесь отомстить имъ; они бьютъ васъ, вы въ отвѣтъ бьете ихъ. А какимъ же образомъ можетъ это принести пользу народу?

— Тутъ вопросъ вовсе не въ мести, а въ вѣрности долгу.

— Лучше сказать, въ вѣрности вашей партіи; а свѣтъ вовсе не становится лучше оттого, что вы такъ горячо стоите за свою партію. Я не могу...

Ея губы задрожали.

— Я не думаю, что мы поступимъ правильно, если станемъ мужемъ и женой, когда мы смотримъ столь различно на такое важное дѣло. Я тебя люблю очень сильно, и все таки буду тебѣ помѣхой, разъ я не могу вѣрить въ твое дѣло.

Онъ наклонился и поцѣловалъ ее въ голову.

— Не говори, что ты не можешь вѣрить, моя дорогая, ты только не можешь понять... Что вы сказали, мама? Меня кто-то спрашиваетъ?

Горничная стучала въ дверь. Онъ вышелъ въ коридоръ и черезъ минуту вернулся встревоженный.

— Мнѣ сейчасъ надо выйти по дѣлу. Я зайду къ тебѣ, когда вернусь.

— Ты надолго уходишь?

— Надѣюсь нѣтъ, но меня могутъ задержать.

— Какъ бы ты не простудился. Эта сырая погода самая вредная.

— Она скоро перемѣнится, къ ночи, навѣрно, будетъ морозъ. Прощай, дорогая.

Она подала ему руку, но онъ притянулъ ее къ себѣ, поцѣловалъ крѣпко, горячо и быстро вышелъ.

Она пошла къ себѣ на квартиру подъ мокрымъ снѣгомъ, взяла русскую граматику, словарь, книгу, которую уже перевела до половины, и занималась цѣлыхъ три часа. Тутъ она замѣтила, что въ комнатѣ стало холодно, и что на ея окнахъ появились морозные узоры. Она ждала Владиміра до вечера. Почти каждый день приходилось ей такимъ образомъ ждать и безпокоиться, и обыкновенно она ждала давольно терпѣливо, но, когда пробило восемь, а его все еще не было, она пошла къ нему на квартиру, чтобы узнать, не извѣстно ли тамъ чего нибудь.

Тротуары, которые за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ были покрыты слякотью, теперь подмерзли, были скользки и гладки, какъ стекла. Вѣтеръ дулъ съ сѣвера-востока, и температура быстро падала.

Владиміръ еще не вернулся; она приготовила все, что могло понадобиться въ случаѣ, если онъ придетъ перезябшій, и усѣлась ожидать его. Въ половинѣ десятаго послышались его шаги на лѣстницѣ, и онъ вошелъ въ комнату страшно блѣдный, задыхаясь; руки у него были холодныя, какъ у мертвеца, борода и все платье обледенѣли.

— Ахъ, слава Богу! — проговорилъ онъ, когда она выбѣжала къ нему на встрѣчу.

Онъ былъ такъ утомленъ, что не могъ самъ ничего дѣлать, и пассивно подчинился ея ухаживанью. Ей казалось сначала, что она совсѣмъ не въ состояніи согрѣть его. Въ теченіе цѣлаго часа она была настолько занята, что не могла спросить у него, что случилось, а онъ на столько слабъ, что не могъ говорить.

— Ну, а теперь,—сказала она, усаживаясь около его постели,—разскажи мнѣ, не случилось ли чего нибудь дурного?

— Теперь, кажется, все уладилось; но нѣкоторые изъ нашихъ были очень встревожены. Они думали, что можетъ выйти худо, и въ торопяхъ послали за мной. Мнѣ надобно было сходить въ одинъ домъ, и тутъ я замѣтилъ, что за

мной слѣдитъ шпіонъ. Я больше часа потратилъ на то, чтобы избавиться отъ него.

— Какъ же вы отъ нихъ избавляетесь?

— Загоняемъ ихъ до изнеможенія. Ходимъ изъ одной улицы въ другую то впередъ, то назадъ, сдваиваемъ слѣдъ, знаешь, какъ зайцы, а то завернемъ въ проходной дворъ да и выйдемъ на другую улицу. Что дѣлать? вѣдь нельзя же зайти къ кому нибудь на квартиру и привести за собой шпіона.

— Это можетъ надѣлать непріятностей тому, къ кому приведешь?

— Ну, конечно. Я долго не могъ отдѣлаться отъ этого шпіона. Мы ходили до тѣхъ поръ, пока не вымокли до нитки. А тутъ погода вдругъ перемѣнилась.

— Но ты всетаки избавился отъ него въ концѣ концовъ?

— О да; и сдѣлалъ все, что нужно было. Теперь, кажется, никому не грозитъ опасность.

— Ну, такъ спи спокойно. Я буду сидѣть въ комнатѣ рядомъ, на случай, если тебѣ что-нибудь понадобится.

— Нѣтъ, милая, иди домой и ложись. Какая ты трусиха! Со мной же ничего не случилось, я только озябъ и усталъ.

Онъ не хуже ея зналъ, какъ опасно человѣку съ его здоровьемъ прозябнуть такъ сильно. Но такъ какъ онъ относился къ этому легко, то она поддержала его и сказала весело:

— Ну, да, я и сама вижу, что ничего, и всетаки я лучше останусь, чтобы быть совсѣмъ спокойной. Я, правда, трусиха да ужъ съ этимъ ничего не подѣлаешь, такая родилась.

Она не сказала ему ни слова больше, но послала записочку къ Каролю, прося его придти какъ можно скорѣе. Посланный вернулся и объявилъ, что его нѣтъ дома, и что онъ вернется очень поздно. Она сидѣла въ комнатѣ рядомъ съ его спальной и время отъ времени подходила къ дверямъ послушать, хорошо ли онъ дышитъ. Въ первомъ часу онъ позвалъ ее сдавленнымъ голосомъ, и она поспѣшила къ нему. Онъ сидѣлъ на кровати, съ блестящими глазами, съ горящими щеками.

— Мнѣ очень непріятно... что я тебя безпокою... но я... мнѣ что то очень плохо...

Еще черезъ часъ онъ бредилъ, и температура была страшно высокая. Въ то время, когда она всячески старалась успокоить его, раздался звонокъ у входный двери; она вышла въ коридоръ и встрѣтила Кароля. Онъ былъ весь въ снѣгу, начиная съ верхушки мѣховой шапки до подошвъ галошъ, и казался сердитымъ, мохнатымъ полярнымъ медвѣдемъ.

— Что, опять плевритъ?—спросилъ онъ, снимая шубу и стряхивая снѣгъ съ бороды.

— Кажется, хуже того. Я боюсь, что это воспаленіе легкихъ.

Онъ послѣдовалъ за ней въ комнату больного. Когда они вышли оттуда, онъ, не колеблясь, сказалъ ей всю правду, глядя ей прямо въ лицо.

— Да, воспаленіе обоихъ легкихъ, и очень сильное.

Она была блѣдна, какъ ея воротничекъ, но совершенно тверда.

— Вы считаете, что нѣтъ никакой надежды?

— Есть, но мало. При другой сидѣлкѣ я сказалъ бы: почти нѣтъ. Вы знаете, что въ такихъ случаяхъ хорошій исходъ зависитъ отъ сидѣлки столько же, какъ отъ доктора. Если кто нибудь можетъ спасти его, то развѣ вы однѣ. Во всякимъ случаѣ, попробуйте.

VIII.

— Мнѣ кажется,—проговорилъ Кароль, выходя изъ комнаты больного,—можно, наконецъ, сказать, что непосредственная опасность миновала.

Оливія вздрогнула и подняла голову. Она до того утомилась отъ постояннаго напряженія и нравственныхъ и физическихъ силъ въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль, что не могла спокойно просидѣть на мѣстѣ пяти минутъ, не впадая въ дремоту. При началѣ болѣзни она упросила Кароля не приглашать вторую сидѣлку.

— Вдругъ вамъ попадется какая-нибудь неаккуратная женщина, которая что-нибудь позабудетъ, а вѣдь всякое упущеніе можетъ быть смертельно. Лучше ужъ мы все сами будемъ дѣлать. Я сильна, гораздо сильнѣе, чѣмъ вы думаете.

Онъ согласился; и она, дѣйствительно, замѣчательно хорошо ухаживала за больнымъ; болѣе заботливую и внимательную сидѣлку невозможно было себѣ представить. Но имъ обоимъ пришлось очень тяжело въ эти двѣ недѣли, они за все время спали лишь изрѣдка, урывками, даже Кароль, необыкновенно здоровый мужчина, начиналъ чувствовать головокруженіе, а молодая дѣвушка стала, по его словамъ, похожа на какое то мрачное привидѣніе. Онъ стоялъ и серьезно глядѣлъ на блѣдное лицо, которое она поднимала къ нему.

— Да, вы его спасли; я, по правдѣ сказать, и не на-

дѣялся на это. На этотъ разъ онъ останется живъ, если не случится чего-нибудь новаго.

Она продолжала смотрѣть на него съ полуоткрытыми губами и съ самымъ безпомощнымъ видомъ; ему казалось, что она сейчасъ или расплачется, или упадетъ безъ чувствъ отъ усталости. Но она не сдѣлала ни того, ни другого. Она опустила голову на столъ и въ ту же секунду заснула.

Въ концѣ слѣдующей недѣли больной могъ посидѣть въ кровати нѣсколько минутъ. Это было большимъ праздникомъ для нихъ, хотя онъ скоро принужденъ былъ лечь и говорилъ очень слабымъ, прерывающимся голосомъ. Онъ лежалъ молча, держа руку Оливіи въ своихъ исхудалыхъ пальцахъ и устремивъ блестящіе, впалые глаза на ея лицо.

Это былъ самый счастливый день въ ея жизни. Хотя она еще не вполнѣ отдохнула, но утомленіе не удручало ее такъ сильно, какъ въ первые дни, и она поняла, наконецъ, что жизнь любимаго человѣка спасена. Но этого мало. Знать, что онъ не страдаетъ физически, было пріятно; еще пріятнѣе было видѣть, что онъ нравственно спокоенъ; но всего пріятнѣе было ей сознавать перемѣну въ себѣ самой. Пока опасность продолжалась, она была слишкомъ занята, а когда опасность миновала, слишкомъ утомлена, чтобы заботиться о чемъ-нибудь, кромѣ мелкихъ, непосредственныхъ потребностей; теперь ей казалось, что она проснулась, что мучившій ее ночной кошмаръ исчезъ и смѣнился дневнымъ свѣтомъ. Ей, по ея характеру, ничто не было такъ страшно, какъ неизвѣстность. У нея было достаточно, даже съ избыткомъ, достаточно мужества для перенесенія всякихъ дѣйствительныхъ непріятностей; но ей было нестерпимо, когда она не находила отвѣта на свои вопросы. Ея путь могъ быть тяжелъ и каменистъ, но если онъ былъ ясно видѣнъ, она вступала на него бодрымъ шагомъ; пустыня безъ всякой опредѣленной дороги казалась ей ужаснѣе всего на свѣтѣ. Жить съ любимымъ человѣкомъ и не понимать его внутренней жизни, не смотрѣть на вещи съ его точки зрѣнія—это было выше ея силъ. Теперь, послѣ того, какъ ей грозила опасность лишиться его, это стало казаться ей сравнительно мелкою непріятностью: она будетъ терпѣливо ждать, пока научится понимать его, а теперь она чувствуетъ себя счастливой, уже потому, что онъ возвращенъ ей.

Черезъ два дня силы его настолько увеличились, что Кароль, съ веселымъ блескомъ въ усталыхъ глазахъ, вошелъ въ кухню, гдѣ Оливія приготовляла кушанье для больного.

— Ну, Володя выздоравливаетъ, это несомнѣнно; онъ сейчасъ разбранилъ меня, когда я хотѣлъ измѣрить ему температуру.

Она взглянула на него и улыбнулась.

— Это всегда хорошій знакъ. Отецъ увѣряетъ, будто онъ предвидѣлъ, что я сдѣлаюсь сидѣлкой, когда я была еще совсѣмъ маленькой, и вотъ почему. У моей младшей сестры былъ сильный крупъ, а я выбѣжала на дорогу встрѣтить его и кричала ему, радостно махая шляпой: папа, папа! она капризничаетъ!

Оливія засмѣялась, потомъ вдругъ остановилась и проговорила со вздохомъ:

— Мой бѣдный папа!

— Я думаю, ваши родители очень любили васъ, когда вы были ребенкомъ?—спросилъ Кароль, устремивъ глаза на огонь.

Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ:

— Любили меня? папа и мама? Господи, да они готовы были ради меня дать изрѣзать себя въ куски.

Она молча глядѣла на него съ минуту и затѣмъ спросила мягкимъ голосомъ:

— А развѣ... развѣ ваши родители не любили васъ?

— Они сдѣлали для меня одно, что могли: оставили мнѣ память о себѣ. Отецъ былъ убитъ, когда я былъ еще крошкой, а мать умерла въ тюрьмѣ. Я помню, какъ пришло извѣстіе о ея смерти: дѣдушка заставилъ меня стать на колѣни передъ распятіемъ и обѣщать...

Но вмѣсто того, чтобы разсказать ей, что онъ обѣщалъ, Кароль замѣтилъ небрежно:

— Должно быть, очень пріятно имѣть родителей, когда они порядочные люди, - и вернулся въ комнату больного.

Когда она пришла туда же съ готовымъ кушаньемъ, сынъ дворника, маленькій Костя, любимецъ Владиміра, сидѣлъ на краю кровати, весело болталъ и смѣялся. Онъ цѣлыхъ три недѣли все добивался повидать своего друга, котораго, несмотря на ворчанье матери, называлъ не Владиміромъ Ивановичемъ, а просто Володей.

— Володя подаритъ мнѣ завтра коня, завтра вѣдь масляная; а ты его купишь, докторъ, онъ такъ сказалъ, вѣдь правда, ты сказалъ, Володя? Чернаго коня съ бѣлыми ногами.

— Хорошо, я куплю; а теперь иди домой! Володя усталъ.

— Прощай, Костя!—крикнулъ Владиміръ, когда Оливія уводила ребенка изъ комнаты.

— Прощай, Володя, — пропищалъ въ отвѣтъ дѣтскій голосокъ.

— У меня сегодня ужасно много дѣла,—сказалъ Кароль, когда Оливія вернулась.—Я буду ночевать у себя на квартирѣ и приду къ вамъ утромъ. Не сидите всю ночь. Володѣ

теперь совсѣмъ хорошо, только бы онъ не простудился. Велите протопить комнату; судя по метеорологическимъ бюллетенямъ, сегодня ночью опять будетъ мятель. Да, постойте, я хочу нѣсколько измѣнить листокъ со своими предписаніями. Въ 12 часовъ ночи и въ два часа...

— Оставь ты это, Кароль!—съ раздраженіемъ сказалъ Владиміръ.—Ты, точно старая баба, суетишься, самъ не знаешь, чего.

Слово „суетишься" въ примѣненіи къ Каролю заставило Оливію опять засмѣяться. Сегодня она готова была всему смѣяться.

— Нечего тебѣ смѣяться,—сказалъ Владиміръ,—довела себя до того, что стала кожа да кости. Брось листокъ съ его предписаніями и всю эту ерунду сюда на столъ и иди, ложись въ постель, какъ слѣдуетъ разумной женщинѣ. Если мнѣ что-нибудь понадобится ночью, я и самъ достану.

— И опять простудишься? И опять мнѣ придется двѣ недѣли возиться съ тобой? Нѣтъ, благодарю, голубчикъ, съ меня и одного раза довольно.

— Да и самъ ты не отдѣлаешься такъ легко,—замѣтилъ Кароль. — Если ты теперь простудишься, тебѣ будетъ совсѣмъ плохо. Лежи спокойно и не раскрывайся. До свиданья, до завтра.

Вечеромъ термометръ сильно упалъ, и небо покрылось тучами, предвѣщавшими снѣгъ. Оливія рано уложила своего больного, сама прилегла на кушеткѣ въ гостиной и крѣпко проспала почти до двѣнадцати часовъ. Она развила въ себѣ способность, необходимую для всякой порядочной сидѣлки, просыпаться въ тотъ часъ, какой сама себѣ назначила. Первое, что она увидѣла, открывъ глаза, была масса снѣжинокъ, быстро пролетавшихъ мимо окна: мятель началась. Она вошла въ комнату больного въ ту минуту, когда на часахъ было двѣнадцать, и увидѣла, что Владиміръ не спитъ, а лежитъ съ широко открытыми глазами, съ выраженіемъ страданія на лицѣ. Она исполнила все, что слѣдовало по предписанію доктора, и собиралась выйти, но онъ схватилъ ея руку и крѣпко сжалъ.

— Оливія...

— Что тебѣ, мой дорогой?

Она сѣла подлѣ него.

— Помнишь, что ты говорила въ тотъ день, когда я заболѣлъ?

— Помню.

— Это было совершенно вѣрно. Съ моей стороны страшно эгоистично удерживать тебя здѣсь; я все время поступалъ

съ тобой, какъ эгоистъ. Я не имѣлъ права застявлять тебя вести ту жизнь, какую я веду.

— Но вѣдь ты же не заставлялъ меня, я сама этого захотѣла.

— Ну, хорошо, хорошо, пусть ты сама. Во всякомъ случаѣ, ты здѣсь, ты губишь свои молодые годы на жизнь съ никуда негодной развалиной, которой остается только умереть, какъ жалкой крысѣ въ ея норѣ.

— Послушай, мой милый, пожалуйста, не забывай, что очень невѣжливо бранить при мнѣ моего жениха. И потомъ я просила бы тебя не разговаривать ночью, когда у тебя жаръ.

Онъ отбросилъ ея руку нетерпѣливымъ движеніемъ.

— Ахъ, ты обращаешься со мной, какъ съ ребенкомъ! Неужели ты думаешь, я не вижу, какова твоя любовь: это просто какое-то величавое состраданіе. Ты подходишь ко мнѣ, какъ ангелъ милосердія, и держишь меня за руки, чтобы я забылъ, что онѣ могли...

Онъ остановился и закусилъ губу; молодая дѣвушка закрыла глаза, вспоминая, какъ во время бреда пальцы его безостановочно шевелились на одѣялѣ, формуя воображаемую глину.

— Володя,—заговорила она серьезно,— мнѣ не хотѣлось заводить объ этомъ разговоръ, но разъ ты этого требуешь, я скажу тебѣ все. Съ тѣхъ поръ, какъ ты заболѣлъ, мнѣ все представляется совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, я, конечно, многаго не понимаю, я могу быть довольна, я могу жить счастливо, и не понимая. Мнѣ все равно, повѣнчаемся мы, или нѣтъ; по моему это мелочь въ сравненіи съ другимъ, болѣе важнымъ. Видишь-ли: я, можно сказать, на своихъ рукахъ отнесла тебя отъ самаго края могилы; ты теперь мой, все равно какъ если бы я была твоею матерью. Мнѣ ничего не нужно, только бы знать, что ты живъ, что никакая опасность не грозитъ тебѣ. Ну, вотъ, а теперь спи! Что съ тобой, милый, опять заболѣло?

Онъ рѣзко расхохотался.

— Я и не подозрѣвалъ, что ты умѣешь прикрывать сладкими рѣчами непріятныя вещи. Опять идетъ у насъ та же исторія: ты даешь и даешь, а я ничего не могу дать тебѣ взамѣнъ. Даже Король видитъ это, хоть не хочетъ сознаться. Онъ сказалъ мнѣ сегодня, что у тебя сильно развитъ „материнскій инстинктъ“, и что я не долженъ мѣшать тебѣ удовлетворять его... Но Король всегда можетъ... переспорить меня... ему, небось, легко разсуждать...

Онъ отвернулъ голову съ короткимъ, нетерпѣливымъ вздохомъ; а она, откинувшись на спинку стула, смотрѣла

пристально въ окно. За темнымъ квадратомъ его рамы, летѣли и кружились безконечныя вереницы снѣжинокъ, подгоняемыхъ безжалостнымъ вѣтромъ. Сердце ея упало при звукѣ нервнаго, тяжелаго дыханія Владиміра. Она взглянула на него; онъ лежалъ съ закрытыми глазами; при всякомъ вздохѣ лобъ его морщился, и она почувствовала, какъ спазмы сжимаютъ ея собственную грудь.

Раздался звонокъ въ дверяхъ.

— Телеграмма!—проговорилъ мужской голосъ—Срочная!

— Что-нибудь случилось съ папой!—мелькнуло въ головѣ дѣвушки. Она быстро вскочила.

— Сейчасъ...

Владиміръ схватилъ ее за руку, и сердце ея замерло.

— Это не телеграмма,—сказалъ онъ.

Когда туманъ, на секунду окутавшій ея сознаніе, разсѣялся, она обернулась и посмотрѣла на него. Онъ протягивалъ руки, чтобы обнять ее, лицо его просвѣтлѣло.

— Голубка моя, довольно мы ссорились въ нашу короткую жизнь. Поцѣлуй меня и отвори; это смерть стучитъ въ дверь.

— Телеграмма!—повторилъ голосъ; но они ничего не слышали. Она нагнулась къ нему, и они поцѣловали другъ друга въ губы. Послѣ этого она открыла дверь. Нѣсколько фигуръ въ синихъ мундирахъ ворвались въ комнату; что то разбилось и исчезло; что-то золотое разлетѣлось въ прахъ у ея ногъ.

Она стояла около кровати, совершенно спокойно, безучастно глядя на опущенныя лица солдатъ, безсознательно слыша вѣжливое обращеніе офицера: „Вы, говорятъ, серьезно больны... намъ приходится исполнить тяжелую обязанность..." Все это проходило мимо нея, не затрагивая ее... Все казалось ей чѣмъ то скучнымъ и пошлымъ, какою-то обыденною непріятностью, которую она знала съ поконъ вѣка, которую она несомнѣнно уже переживала тысячу разъ.

Вотъ теперь заговорилъ Владиміръ. Въ его голосѣ не слышалось негодованія, а только полное равнодушіе: «Какъ они ему, должно быть, надоѣли!»—подумала она и удивлялась, для чего онъ трудится говорить.

— Какъ вамъ угодно, господа. Конечно, это ваше ремесло. Я долженъ одѣться?

Офицеръ опустилъ глаза. Онъ взглянулъ въ окно на кружившіяся снѣжинки, затѣмъ на лицо Оливіи и обратился къ товарищу прокурора, который стоялъ рядомъ съ нимъ, черная, сухая фигура съ тонкими губами и бѣгающими глазами.

— Какъ непріятно,—въ полголоса проговорилъ онъ,—въ такую ночь.

— Да, — отвѣчалъ тотъ сладкимъ голосомъ, — сильный морозъ.

Онъ съ улыбкой обратился къ Владиміру:

— Въ этой комнатѣ очень жарко; можетъ быть, на воздухѣ вамъ будетъ лучше. Вы говорите, болѣзнь легкихъ? Очень непріятная вещь; но нынче всѣ доктора прописываютъ при этомъ пребываніе на открытомъ воздухѣ.

— Я думаю, намъ не стоитъ разсуждать объ этомъ, — отвѣчалъ Владиміръ прежнимъ тономъ, — разъ у васъ есть предписаніе, которое вы должны исполнить.

Тутъ въ первый разъ заговорила Оливія; она спросила спокойно, точно желая просто получить нѣкоторыя свѣдѣнія.

— Вы имѣете предписаніе исполнить смертный приговоръ?

Товарищъ прокурора устремилъ на нее свои голубые глаза. Скрытая усмѣшка сверкнула подъ его полузакрытыми вѣками и исчезла.

— А вы кто такая?—спросилъ онъ.

— Оливія!—закричалъ больной такимъ повелительнымъ и умоляющимъ голосомъ, что она въ ужасѣ бросилась къ нему. Онъ схватилъ ея руку своею горячею рукою.

— Дорогая, это безполезно; всякій протестъ безполезенъ! Ты не понимаешь... мнѣ невыносимо видѣть тебя рядомъ съ этой гадиной и не имѣть силъ встать и задушить ее. Онъ оскорбитъ тебя, онъ насмѣется надъ тобой. Вѣдь это Мадейскій.

Она молча смотрѣла на него. Ей вспомнилось, что Кароль говорилъ объ одномъ полякѣ Мадейскомъ, который сдѣлалъ хорошую карьеру, поступивъ на службу русскому правительству; но она еще слишкомъ мало знала тотъ новый міръ, въ который вступила, и не понимала, что польскій ренегатъ хуже всякаго другого русскаго чиновника.

Онъ подошелъ совсѣмъ близко къ ней и обратился къ Владиміру съ улыбкой и вопросительно поднятыми бровями.

— Вы что-то сказали?

Лицо Владиміра снова застыло.

— Я сказалъ, что всѣ мои ключи висятъ на гвоздѣ около камина. Эта дѣвушка, миссъ Латамъ, англійская подданная, имѣющая дипломъ фельдшерицы. Она настолько добра, что согласилась ходить за мной, пока я боленъ. Но мы не будемъ задерживать васъ, господа.

Голосъ его становился слабымъ и прерывистымъ. Оливія сѣла подлѣ его постели и заявила авторитетнымъ тономъ:

— Больной не долженъ теперь разговаривать.

Мадейскій пристально посмотрѣлъ на нее, затѣмъ поклонился, улыбнулся и отвернулся.

Обыскъ квартиры занялъ около двухъ часовъ; все это время Оливія сидѣла, держа за руку Владиміра. Когда съ нимъ дѣлался припадокъ кашля, она приподнимала его своими руками и прислоняла его голову къ своей груди; ни одинъ изъ нихъ не говорилъ ни слова. Ихъ не стѣсняло присутствіе постороннихъ, но у нихъ не было охоты говорить. Вокругъ нихъ раздавались шаги и голоса, двигались фигуры людей, снѣгъ кружился за окномъ, часы били и разъ, и два; они все молчали, и руки ихъ крѣпко сжимали одна другую.

За нѣсколько минутъ до двухъ часовъ она встала, зажгла спиртовую лампу и начала подогрѣвать отмѣренное количество мясного сока. Она все дѣлала аккуратно, какъ всегда. Мадейскій подошелъ къ ней.

— Что это у васъ?

Она показала ему листокъ съ предписаніями доктора. Когда она вылила жидкость въ чашку, онъ взялъ эту чашку изъ ея рукъ, зачерпнулъ немножко на ложку, понюхалъ, поднесъ къ губамъ и затѣмъ возвратилъ ей чашку.

— Да, это можно ему дать.

Она отложила ложку, поднесла подносъ съ чашкой больному и снова сѣла у его кровати. Въ глазахъ ея появилась тревога. Какъ это она не подумала о такой простой вещи? Нѣсколько капель синильной кислоты, - ихъ легко было бы влить незамѣтно,—и это спасло бы его отъ холода. Но въ домѣ не было никакого яда; такія мысли всегда слишкомъ поздно приходятъ въ голову.

Въ третьемъ часу обыскъ былъ конченъ и, само собой разумѣется, не найдено ничего подозрительнаго. Составили протоколъ, прочли его громко, и понятые подписали его. Офицеръ посмотрѣлъ на Мадейскаго и съ недовольнымъ видомъ подошелъ къ кровати.

— Извозчикъ стоитъ у подъѣзда. Пусть барышня выйдетъ въ другую комнату, солдаты помогутъ вамъ одѣться.

Ничто не шевельнулось въ лицѣ Оливіи. Владиміръ нѣжно дотронулся да ея руки.

— Уйди, дорогая, все кончено.

Она вскочила съ внезапнымъ гнѣвомъ.

— Лежи спокойно! Ты мой паціентъ, ты не можешь вставать безъ моего разрѣшенія.

Она стала въ дверяхъ, загораживая ихъ, обратилась лицомъ къ жандармамъ и проговорила тономъ, не допускавшимъ возраженій:

— Пошлите за докторомъ, который лѣчитъ больного. Въ его отсутствіе я отвѣчаю за жизнь паціента, я не могу отпустить его до прихода врача.

Мадейскій тихонько подошелъ и поглядѣлъ на нее своими непріятными глазами. Онъ до сихъ поръ еще не встрѣчалъ такого рода женщинъ, и она заинтересовала его. Онъ сначала приблизился почти вплотную къ ней, но, увидя зловѣщіе огоньки въ ея глазахъ, отодвинулся назадъ. Всѣ присутствовавшіе молчали, они ждали чего-то, затаивъ дыханіе.

У нея нѣтъ ни ножа, ни склянки съ купоросомъ,—пустыя руки... На столѣ стоитъ спиртовая лампа, но далеко отъ нея, и она сама тщательно завернула свѣтильню... ничего, пустыя руки.

Глаза ея были устремлены на его шею, выступавшую изъ-за низкаго твердаго воротника. Но на лицѣ ея выразилось колебаніе, и губы Мадейскаго раздвинулись въ улыбку. Онъ обратился къ офицеру.

— Извините, пожалуйста, обыскъ не конченъ; мы забыли обыскать эту женщину.

Рѣзкій, нетерпѣливый крикъ Владиміра: „Она англійская подданная, это не законно!“ поразилъ ея слухъ, но не дошелъ до ея сознанія. Даже когда она увидѣла, что Мадейскій отвернулся, усмѣхаясь про себя, она только повторила машинально: „эту женщину“.

Что-то накинулось на нее, что-то угрожающее, черное, безформенное... Нѣтъ, это ничего; она жива, она не спитъ, это руки мужчинъ трогаютъ ее. На одной, на той, которая придерживала ея руки, былъ рубецъ отъ старой раны на волосатомъ пальцѣ.

Но что это? раздался громкій, страшный крикъ; привидѣніе въ бѣломъ, точно въ саванѣ, поднялось, приблизилось къ ней и вдругъ упало подлѣ нея. Всѣ мужчины разступились, и она одна стояла на колѣняхъ около безчувственнаго тѣла, лежавшаго на полу.

— О, онъ умеръ!—вскричала она.

Владиміръ пришелъ въ сознаніе черезъ нѣсколько минутъ; онъ оглядѣлся кругомъ и тяжело вздохнулъ. Оливія стояла подлѣ него и поддерживала рукою его голову. Она замѣтила, что онъ хочетъ говорить, наклонилась и приложила ухо къ его губамъ.

— Оставь... уйди... чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше...

Она встала и молча отошла. Ей казалось, что она одно только можетъ сдѣлать для него, дать ему умереть спокойно. Одѣванье Владиміра шло медленно; онъ безпрестанно долженъ былъ останавливаться и отдыхать; два раза ему опять дѣлалось дурно. Когда онъ былъ одѣтъ, солдаты полусвели, полуснесли его съ лѣстницы, и онъ очутился въ хаосѣ кружащихся снѣжинокъ, блестѣвшихъ при свѣтѣ газоваго

фонаря. Карета стояла во дворѣ у подъѣзда, выдѣляясь смутной бѣлой массой; лошади заиндевѣли отъ мороза, и паръ отъ ихъ дыханья окружалъ ихъ сѣрымъ облакомъ.

При первомъ порывѣ вѣтра Владиміръ зашатался и схватился за металлическую ручку дверцы, чтобы удержаться. Рука у него была безъ перчатки, и онъ быстро отдернулъ ее, такъ какъ морозомъ обожгло кожу. Одинъ изъ жандармовъ, забывая и свой мундиръ, и присутствіе начальства, обхватилъ его рукой.

У него были на глазахъ слезы. Владиміръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Ничего,—сказалъ онъ,—это не больно.

На подъѣздѣ стояла жена дворника, крестясь и громко читая молитву. Костя, соскочившій съ кровати и накинувшій на себя шубку, держался за юбку матери и плакалъ отъ страха.

— Анна Ивановна,—замѣтилъ Владиміръ дворничихѣ,—уведите Костю, онъ простудится.

Услыша свое имя, мальчикъ вырвался отъ матери и бросился на шею къ Владиміру.

— Володя, Володя, зачѣмъ они тебя увозятъ?

— Костя!—закричала мать.—Иди сюда, негодный мальчишка! иди сюда!

— Зачѣмъ ты съ ними ѣдешь?—настаивалъ тонкій жалобный голосокъ,—такъ холодно!

Мадейскій подошелъ къ каретѣ.

— Уберите мальчика!—приказалъ онъ жандармамъ.

Костя оглянулся, увидѣлъ около себя хитрое лицо со слащавой улыбкой и прижался къ Владиміру съ крикомъ ужаса:

— Это чортъ! Володя, онъ тебя броситъ въ прорубь.

Губы Владиміра дрогнули; онъ поднялъ руку и закрылъ лицо ребенка.

— Пошелъ прочь, чертенокъ!—закричалъ офицеръ и прибавилъ, обращаясь къ Мадейскому:—Сію минуту все будетъ кончено.

Владиміръ приподнялъ жавшуюся къ нему головку и поцѣловалъ ее.

— Полно, милый, перестань. Мнѣ не долго будетъ холодно! Ты знаешь, завтра масляная, всѣ сломаныя вещи надо выбрасывать вонъ. Ну иди, ложись въ постельку. Ты все это поймешь, когда выростешь.

Костя пересталъ отбиваться и кричать; онъ слушалъ съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами.

Пока мать уносила его, онъ повернулъ свое серьезное дѣтское личико, на которомъ застыли слезинки, и гля-

дѣлъ въ этотъ таинственный молчаливый полуночный міръ, гдѣ плачутъ большіе люди.

Оливія стояла подлѣ кареты съ открытой головой подъ бушевавшей мятелью, рѣсницы и брови ея заиндевѣли, бѣлые хлопья снѣга кружились около нея. Ея лицо окаменѣло, на немъ нельзя было прочесть ни мысли, ни чувства.

— Прощай.

Она отвѣтила ему точно во снѣ:

— Ты можешь быть доволенъ, я не забуду.

— Что такое?—спросилъ Мадейскій, приближая къ нимъ свое привѣтливое лицо.

Она повернула въ его сторону ничего не выражавшіе глаза. До ея сознанія доходилъ одинъ только голосъ, голосъ Владиміра; и на вопросъ товарища прокурора отвѣтилъ Владиміръ:

— Ничего, просто, что завтра масляница, что и „на нашей улицѣ будетъ праздникъ".

— Все въ свое время,—любезно улыбаясь, проговорилъ Мадейскій.—А пока садитесь, пожалуйста.

Владиміръ сѣлъ въ карету вмѣстѣ съ жандармскимъ офицеромъ и двумя солдатами; дверца кареты захлопнулась; у больного опять начался припадокъ кашля, и раздирающій душу звукъ его слышался Оливіи сквозь топотъ лошадей и шумъ отъѣзжавшаго экипажа.

На слѣдующее утро въ девять часовъ Кароль быстрыми шагами шелъ по улицѣ. Одинъ изъ его пріятелей, имѣвшій связи въ департаментѣ полиціи, приходилъ къ нему поздно вечеромъ и предупредилъ его, что тамъ были разговоры о дѣлѣ Владиміра, что, вѣроятно, черезъ нѣсколько дней ему грозитъ обыскъ, или какая-нибудь другая непріятность. „Сегодня ночью еще ничего не будетъ"—сказалъ онъ, и Кароль счелъ за лучшее не приходить до утра. —Если никто изъ друзей Владиміра не проговорился, — думалъ онъ, вѣроятно, все дѣло ограничится простымъ обыскомъ, а это пустяки для такого осторожнаго человѣка, который не оставляетъ у себя ни клочка бумаги. Но всетаки, чѣмъ раньше предупредить, тѣмъ лучше.

Когда Кароль подходилъ къ дому, дворникъ, скалывавшій ледъ съ тротуара, взглянулъ на него и рѣзко спросилъ:

— Вы къ кому?

Первый разъ слышалъ Кароль подобный вопросъ; онъ внимательно посмотрѣлъ во всѣ стороны. Во дворѣ слѣды экипажа исчезли подъ вновь напавшимъ снѣгомъ, но на подъѣздѣ виднѣлись отпечатки многихъ ногъ. Проходя мимо одного окна подвальнаго этажа, онъ увидѣлъ, что стора слегка приподнялась, изъ него выглянуло испуганное лицо

и быстро скрылось. Около лѣстницы лежала какая-то смятая бѣлая вещь. Это былъ носовой платокъ, и по мѣткѣ въ углу его онъ догадался, кому онъ принадлежалъ. Онъ поднялъ его, развернулъ и разглядѣлъ вышитыя буквы.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ неожиданнаго удара, Кароль безсознательно вернулся къ привычкамъ, привитымъ ему католическимъ воспитаніемъ: онъ машинально перекрестился и прошепталъ по-польски: „Іезусъ! Марія!"

Затѣмъ онъ быстро вернулся къ воротамъ и, какъ обыкновенно дѣлалъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, остановился на минуту, чтобы обдумать положеніе дѣла. Подниматься наверхъ было совершенно безполезно, даже хуже, чѣмъ безполезно. Навѣрно, полиція устроила засаду въ квартирѣ, и его, какъ неблагонадежнаго, тотчасъ же арестуютъ. Такъ какъ онъ нисколько не причастенъ къ дѣлу Владиміра, то его выпустятъ черезъ нѣсколько недѣль, но онъ потеряетъ возможность помочь Оливіи. Прежде всего ему надобно узнать, гдѣ она.

Онъ хотѣлъ выйти на улицу, но стора на томъ же самомъ окнѣ снова приподнялась. На этотъ разъ чья-то рука сдѣлала ему знакъ, и дворничиха вышла къ нему съ заплаканными глазами.

— Баринъ, пожалуйста, зайдите къ намъ на минутку,— сказала она, отворяя дверь въ дворницкую.—Вы знаете, что у насъ случилось?

— Да, я догадался.

— Они въ квартирѣ. Они позволили мнѣ взять барышню къ себѣ въ комнату. Я не знаю, что мнѣ съ ней дѣлать. Она не шевелится, сидитъ, точно истуканъ.

Онъ нашелъ Оливію въ маленькой душной, темной комнатѣ; она, дѣйствительно, походила на каменное изваяніе, съ открытыми глазами. Онъ заговорилъ съ ней по-англійски, мягкимъ голосомъ называлъ ее по имени, но отвѣта не получилъ. Ея рѣсницы слегка дрогнули, затѣмъ лицо снова окаменѣло.

— Очнитесь!—сказалъ онъ и потрясъ ее за руку.—Очнитесь, вамъ надо дѣйствовать!

IX.

— Я подожду васъ здѣсь, — сказалъ Кароль, останавливаясь на мосту черезъ Фонтанку. — Войдите вонъ въ ту дверь, гдѣ стоитъ часовой.

Оливія взглянула на него. Прошло всего нѣсколько ча-

совъ послѣ ареста Владиміра, и взглядъ ея былъ все еще испуганный и растерянный.

— Развѣ вы не войдете вмѣстѣ со мной? Развѣ я должна идти одна?

Она задрожала, и руки Кароля, лежавшія въ карманахъ его мѣхового пальто, сжались въ кулаки. Ему было невыносимо тяжело посылать ее туда одну. Онъ очень хорошо зналъ, что ее ожидаетъ.

— Мнѣ лучше не ходить, — мягкимъ голосомъ проговорилъ онъ,—со мной вы лишитесь послѣдняго шанса успѣха. Видите ли, дѣло въ томъ, что меня тамъ знаютъ.

— А есть у меня хоть какой-нибудь шансъ?

— Вы иностранка, это послужитъ вамъ въ пользу. Свиданія съ нимъ вамъ не дадутъ, но, можетъ быть, скажутъ, гдѣ онъ, и позволятъ послать ему письмо. Просите, чтобы васъ принялъ самъ директоръ департамента, и по возможности не разговаривайте ни съ кѣмъ другимъ. Вы помните, что я вамъ говорилъ?

Она отвѣтила, точно ученица, повторяющая урокъ:

— Помню. Если кто-нибудь скажетъ мнѣ что-нибудь оскорбительное, не обращать на это вниманія.

Она оставила его на мосту и пошла по набережной къ дому, у дверей котораго виднѣлась надпись:

„Департаментъ государственчой полиціи“.

— Могу я видѣть его превосходительство, г. директора?

Чиновникъ записалъ ея имя и то, по какому дѣлу она пришла, и указалъ ей на широкій корридоръ, по стѣнамъ котораго стояли скамьи.

— Подождите здѣсь; васъ вызовутъ, когда придетъ ваша очередь.

Она ждала больше часу. Двери нѣсколькихъ комнатъ открывались прямо въ корридоръ; черезъ него же былъ ходъ въ другія части зданія. Мимо нея безпрестанно проходили чиновники въ вицъ-мундирахъ одни спѣшно, другіе медленно, останавливаясь поговорить другъ съ другомъ, шурша бумагами, хлопая дверьми.

Просители ждали своей очереди, сидя на скамьяхъ, нѣкоторые шепотомъ переговаривались, другіе говорили что-то громкимъ, возбужденнымъ голосомъ, большинство молчало. Подлѣ Оливіи сидѣла бѣдно одѣтая женщина съ ребенкомъ, прижимавшимся къ ея колѣнямъ. Временами нѣсколько слезинокъ скатывалось по ея щекамъ, и она машинально вытирала ихъ рукавомъ своей поношенной черной кофты. Черезъ каждыя пять - десять минутъ открывалась дверь въ комнату директора на противоположномъ концѣ корридора, оттуда выходилъ одинъ изъ просителей и вызы-

вали другого. Большинство шло туда спѣшными шагами, робко, съ тревогой въ лицѣ; очень немногіе сохраняли видъ равнодушія.

Дверь около того мѣста, гдѣ сидѣла Оливія, пріоткрылась, и чей-то голосъ позвалъ по-французски: „Алексѣй, войди на минутку, покуримъ, я до смерти усталъ".

Двое молодыхъ жандармскихъ офицеровъ вышли въ корридоръ. Одинъ, тотъ, кого называли Алексѣемъ, былъ толстякъ, неуклюжая фигура котораго мало гармонировала съ его нряднымъ синимъ мундиромъ и серебряными аксельбантами. Другой былъ строенъ и изященъ; но его красивое польское лицо казалось помятымъ, около губъ и глазъ появились предательскія морщинки, а темные волнистые волосы уже порѣдѣли. Офицеры стали прохаживаться по корридору, распространяя вокругъ себя запахъ духовъ, и вели свои разговоры, ни мало не заботясь о невольныхъ слушателяхъ.

— Ну, ужъ ваша Маша!—сказалъ красивый полякъ, закуривая папироску и бросая спичку къ ногамъ одного изъ просителей: — Всякая толстая рыночная торговка кажется вамъ красавицей!

Они прошли дальше, продолжая курить. Маленькій, сухенькій старичекъ съ серебряными погонами вышелъ изъ комнаты и пошелъ, прихрамывая, по корридору.

Офицеры отступили назадъ, давая ему дорогу. Красивый остановился прямо противъ Оливіи.

— Не дурненькая, только одѣваться не умѣетъ. У вашихъ московскихъ красавицъ никогда не бываетъ такой посадки головы. Генералъ, пожалуйте сюда, посмотрите на волосы этой дѣвушки.

Старичекъ приковылялъ къ нимъ, заглянулъ подъ шляпку Оливіи и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея. Она сидѣла все также спокойно, крѣпко стиснувъ руки.

— Хорошо, если бы они были болѣе рыжеватаго оттѣнка,—сказалъ онъ,—а глаза по моему всего красивѣе каріе. Сѣроглазыя женщины обыкновенно холодны, какъ рыбы; у нихъ совсѣмъ нѣтъ темперамента.

Разговоръ перешелъ на разныя подробности и на поясняющіе ихъ анекдоты. Къ счастью, Оливія плохо знала тотъ полу-французскій, полу-русскій жаргонъ, на которомъ они говорили, и не все понимала. Наконецъ, они отошли отъ нея.

— Васъ вызываютъ,—сказала женщина въ черной кофтѣ, взглянувъ на нее своими заплаканными глазами. —Идите скорѣе, а то пропустите очередь.

Она встала и только тогда почувствовала, какъ ей холодно, какъ одеревенѣли ея ноги. Она разняла руки, онѣ

были въ поту, и вытерла ихъ носовымъ платкомъ. Тяжело достался ей этотъ часъ ожиданія. Она послѣдовала за чиновникомъ въ пріемную комнату директора.

„Оливія Латамъ, англійская подданная. Пришла навести справки относительно Владиміра Ивановича Дамарова, арестованнаго по обвиненію въ государственномъ преступленіи"...

Его превосходительство поднялъ руку, и монотонный голосъ умолкъ.

— Въ какихъ вы отношеніяхъ съ арестованнымъ?

— Я его невѣста, ваше превосходительство.

— Чего же вы желаете?

— Узнать, гдѣ онъ, и, если можно, получить съ нимъ свиданіе.

— Первое время послѣ ареста заключеннымъ свиданія не разрѣшаются. Недѣли черезъ четыре...

Директоръ обратился къ своему секретарю:

— Есть донесеніе объ этомъ дѣлѣ?

Секретарь передалъ ему бумагу. Онъ пробѣжалъ ее и сказалъ, не поднимая глазъ:

— Приходите завтра.

— Ваше превосходительство, онъ можетъ умереть до завтра! Если я не могу видѣть его, не могу ли я хоть написать ему? Если онъ увидитъ хоть строчку...

— Приходите завтра, — повторилъ директоръ и прибавилъ черезъ плечо:—Слѣдующее прошеніе.

Передъ глазами Оливіи забѣгали красные круги.

— Позвольте мнѣ послать письмо! Хоть скажите мнѣ, гдѣ онъ... Ваше превосходительство... поймите, онъ умираетъ!

Кто-то тронулъ ее за плечо.

— Его превосходительство заняты.

Она снова очутилась въ корридорѣ, и дверь пріемной комнаты закрылась за ней.

Она вышла на улицу. Часовой посмотрѣлъ на нее съ равнодушнымъ любопытствомъ; онъ видалъ много лицъ съ такимъ же выраженіемъ. Когда она шла по набережной своею ровной походкой, праздничная толпа, занимавшая тротуаръ, разступилась и дала ей дорогу. На мосту Кароль встрѣтилъ ее и взялъ подъ руку. Она не говорила ни слова и не поднимала глазъ.

Нѣсколько минутъ они шли молча; затѣмъ она повернула голову и посмотрѣла на него. Ничье сочувствіе не могло, конечно, смягчить ея горе. Но въ глазахъ Кароля, устремленныхъ на нее, было болѣе, чѣмъ сочувствіе, и напряженное выраженіе лица ея слегка смягчилось. Она осмотрѣ-

лась кругомъ, посмотрѣла на набережную, на рѣку, на прохожихъ и затѣмъ снова на Кароля.

— Ничего не вышло.

— Я знаю,—мягкимъ голосомъ отвѣтилъ онъ,—это обыкновенная исторія.

Они снова замолчали.

— Въ сущности,—сказала она, наконецъ,—это почти все равно.

Жизнь снова погасла въ ея лицѣ, и оно превратилось въ неподвижную маску.

— Все кончится черезъ два-три дня, не больше?

— Да, я думаю.

Они шли дальше, переходя изъ одной улицы въ другую. Масляничная толпа шумѣла вокругъ нихъ; слышался смѣхъ, крики, брань, поцѣлуи и пьяные возгласы.

— Бѣда въ томъ, — проговорилъ онъ, когда они повернули въ болѣе широкую улицу,—что вамъ съ перваго раза пришлось пережить самое худшее. Наши говорятъ, что надобно привыкнуть къ такого рода вещамъ, и тогда онѣ легко переносятся; вся штука въ томъ, чтобы привыкнуть.

Она вдругъ засмѣялась, и сама испугалась звука этого смѣха: такой онъ былъ слабый и дребезжащій.

— А вы когда-нибудь испытали... были вы когда-нибудь хоть бы въ положеніи женщины?

— У меня была сестра,—отвѣтилъ онъ кротко,—это подчасъ не легче.

До сихъ поръ онъ никогда не упоминалъ при ней о своей сестрѣ. Теперь ея исторія, которую разсказалъ ей Владиміръ, воскресла въ умѣ ея, какъ страшный призракъ. Въ самомъ дѣлѣ, что она такое, какое право имѣетъ она придавать значеніе гибели своей личной жизни. Она лишь лишняя единица въ длинномъ спискѣ другихъ единицъ.

— Насъ такъ много, - мелькало у нея въ головѣ, — такъ страшно много...

Рука ея, лежавшая на рукѣ Кароля, задрожала.

— Я забыла,—сказала она,—мнѣ не слѣдовало напоминать вамъ.

Онъ взялъ ея руку и сжалъ своими сильными пальцами.

— Не безпокойтесь; я никогда не забываю. Вы тоже не забудете, но привыкнете, какъ всѣ мы, привыкнете и къ большимъ несчастіямъ, и къ мелкимъ непріятностямъ. Возьмите, напримѣръ, грязь. Когда какого-нибудь новичка приведутъ въ провинціальную тюрьму, и онъ увидитъ стѣны, покрытыя тараканами и клопами, увидитъ вшей на своихъ нарахъ, ему кажется, что онъ съ ума сойдетъ, а потомъ онъ понемногу привыкаетъ. То же относится и къ тѣмъ живот-

нымъ въ образѣ мужчинъ, которыхъ вы здѣсь встрѣтили; черезъ нѣсколько времени женщины перестаютъ замѣчать ихъ присутствіе.

Оливія невольно остановилась. Кажется, всѣ чужія тайны были открыты для него; но что онъ угадалъ существованіе маленькой раны, только что полученной ею, это ошеломило ее. Ей казалось, что она скорѣй умретъ, чѣмъ заговоритъ о ней; а онъ все зналъ и безъ словъ.

— Кароль...—въ первый разъ назвала она его по имени.

— Кароль, почему вы узнали...

— Дорогая моя, вы не первая. Нашимъ женщинамъ части приходится выносить это, если онѣ молоды и хороши собой. Я думаю, это должно быть еще тяжелѣе для мужчинъ, которые ихъ любятъ и должны при этомъ присутствовать. Но постарайтесь помнить, что это мало развитые люди, которые плохо понимаютъ, что дѣлаютъ.

Она опустила голову, смущенная его широкою, всепрощающею снисходительностью.

— Кароль,—робко спросила она черезъ нѣсколько минутъ,—сколько времени понадобилось вамъ, чтобы... привыкнуть?

— Не особенно долго, дорогая моя: года черезъ два-три ужъ я относился ко всему иначе, чѣмъ сначала.

— Два, три... года...—Голосъ ея ослабѣлъ, и пальцы Кароля крѣпче сжали ея руку.

— А теперь,—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія,— мы попробуемъ, нельзя ли чего-нибудь добиться въ жандармскомъ управленіи. Только вамъ нужно сперва успокоить свои нервы.

— Подождите минутку, дайте мнѣ подумать.

Онъ шелъ рядомъ съ ней и не говорилъ ни слова, пока она не подняла головы.

— Теперь я готова.

— Протяните-ка руку. Да, она почти совсѣмъ не дрожитъ.

Онъ долго ждалъ ее около жандармскаго управленія.

Когда она вышла оттуда, лицо ея было печально.

— Мнѣ велѣли придти черезъ часъ, на этотъ разъ я сама виновата, я что-то перепутала. Я думала, мнѣ надо ждать въ корридорѣ, а оказалось, мнѣ сказали, чтобы я прошла во внутреннюю комнату. Я пропустила свою очередь.

— Ахъ, Господи!—вскричалъ Кароль.

Она посмотрѣла на него широко раскрытыми глазами.

— Развѣ это... развѣ я... потеряла возможность что-нибудь узнать?

— Нѣтъ, не то; но они, кажется, намѣрены проводить васъ.—Онъ колебался нѣсколько секундъ.—Лучше вамъ сразу

узнать всю правду. Это штука, которую они продѣлываютъ иногда съ тѣмъ, кто особенно беззащитенъ. Можетъ быть, вы оскорбили кого-нибудь изъ нихъ сегодня ночью? Или они знаютъ, что вы иностранка и у васъ нѣтъ здѣсь друзей, кромѣ насъ.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать,—прошептала она сдавленнымъ голосомъ.

Она это поняла прежде, чѣмъ насталъ вечеръ.

Комедія продолжалась цѣлый день. Ее посылали изъ одного мѣста въ другое: изъ жандармскаго управленія къ градоначальнику, оттуда въ тюрьму, потомъ опять въ жандармское. Въ одномъ мѣстѣ было слишкомъ рано, въ другомъ слишкомъ поздно. Нѣкоторые чиновники давали ей какія-то ненужныя объясненія, другіе рѣзко выпроваживали ее; третьи смѣялись ей прямо въ лицо, остальные что-то бормотали себѣ подъ носъ и уходили отъ нея. Когда все это кончилось заявленіемъ: „Сегодня уже слишкомъ поздно, приходите завтра въ десять часовъ утра,“ она, еле держась на ногахъ, дотащилась до того мѣста, гдѣ Кароль ждалъ ее на углу улицы, и ухватилась за его руку, утомленная, обезсиленная.

Онъ провелъ ее на ея квартиру, заставилъ немного поѣсть, уложилъ въ постель, и обѣщалъ придти къ ней на слѣдующій день рано утромъ. У него была нѣкоторая надежда получить свѣдѣнія о судьбѣ Владиміра не оффиціальнымъ путемъ, черезъ посредство своихъ знакомыхъ. Онъ предлагалъ Оливіи прислать къ ней на ночь какую нибудь женщину, но она отказалась.

— Мнѣ пріятнѣе быть одной,-сказала она и отвернулась къ стѣнѣ.

Когда онъ пришелъ къ ней на слѣдующее утро, онъ сразу замѣтилъ, какъ она провела ночь. Въ глазахъ ея было опять то же растерянное выраженіе, которое онъ съ такимъ страхомъ подмѣчалъ наканунѣ.

— Мнѣ мало что удалось узнать,—сказалъ онъ:—я только разузналъ, гдѣ онъ. Его отвезли въ крѣпость.

— Ахъ!—она закрыла глаза рукою.

— Это ничего не значитъ, моя дорогая. Каковы бы ни были условія его содержанія, онъ ихъ не чувствуетъ.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Я думаю, что если онъ еще живъ, онъ не можетъ быть въ сознаніи.

Она усмѣхнулась.

— Вы забываете, что я фельдшерица, и что меня нельзя обманывать. Я знаю, что онъ можетъ прожить цѣлую недѣлю и не терять сознанія.

— Только не въ тюрьмѣ,—кротко замѣтилъ онъ.

Вечеромъ, когда онъ привезъ ее домой, оба они молчали; онъ видѣлъ, что она окончательно падаетъ духомъ: руки ея дрожали, глаза потускнѣли; а, между тѣмъ, это былъ всего второй день. Онъ сидѣлъ въ саняхъ рядомъ съ ней и крѣпко сжималъ зубы. Онъ зналъ случаи, когда человѣка водили такимъ образомъ недѣлю и больше. А она? Ей до конца жизни адъ будетъ представляться не иначе, какъ лабиринтомъ бѣлыхъ корридоровъ, невѣрныхъ свѣдѣній, улыбающихся лицъ.

— Завтра утромъ,—сказалъ ей чиновникъ сладкимъ голосомъ, когда она подошла къ нему съ широко открытыми, пустыми глазами.

Кароль оставилъ ее у подъѣзда того дома, гдѣ она жила.

— Идите и лягте,—сказалъ онъ ей,—можетъ быть, мнѣ удастся что-нибудь узнать сегодня вечеромъ. Я зайду къ вамъ попозже.

Онъ проходилъ нѣсколько часовъ и не могъ ничего узнать. Поздно вечеромъ вернулся онъ къ ея дому, до того усталый и измученный, что принужденъ былъ остановиться на лѣстницѣ и постоять нѣсколько минутъ, прислонившись къ стѣнѣ. Ему казалось, что у него не хватитъ силъ придти къ ней ни съ чѣмъ. А, между тѣмъ, идти было необходимо, она, навѣрно, сидитъ и ждетъ его. Онъ два или три раза оступился на лѣстницѣ, зацѣпившись ногой за ступеньки, и, подойдя къ двери, снова остановился, чтобы собраться съ духомъ.

— Барышни нѣтъ дома, — объявила ему заспанная служанка, отворившая дверь: — она не приходила послѣ того, какъ ушла съ вами утромъ.

Кароль спустился съ лѣстницы и остановился на подъѣздѣ, чтобы сообразить, что это значитъ. Уже не арестовали ли ее въ ту минуту, когда она входила въ домъ? Нѣтъ, это было невѣроятно, онъ отогналъ эту мысль. Она, должно быть, просто бродитъ по улицамъ. Въ такомъ случаѣ она непремѣнно рано или поздно повернетъ къ крѣпости. Неужели она зашла въ паркъ?

Эта мысль такъ испугала его, что у него даже потъ выступилъ на ладоняхъ. Тамъ вообще вечеромъ опасно ходить женщинѣ одной, а теперь еще масляная... Онъ подозвалъ проѣзжавшаго мимо извозчика, велѣлъ ему какъ можно скорѣй ѣхать на Петербургскую сторону, осмотрѣлъ дорожки парка и взглядомъ окинулъ темныя линіи стѣнъ и запертыя ворота крѣпости. Онъ слышалъ, какъ часы на башнѣ проиграли: „Коль славенъ нашъ Господь!“

Онъ отказался отъ дальнѣйшихъ поисковъ въ паркѣ,

вернулся назадъ черезъ мостъ на Дворцовую набережную. На набережной дулъ сильный вѣтеръ, и снѣгъ слѣпилъ ему глаза. За гранитной оградой замерзшая рѣка лежала, словно мертвая, подъ сѣнью темнаго неба. Оливія стояла въ нишѣ, защищавшей ее отъ вѣтра, и смотрѣла на широкое, ледяное пространство, разстилавшееся передъ нею. Съ другого берега, отъ воротъ крѣпости на нее смотрѣли, не колеблясь и не мигая, два огонька, словно два волчьихъ глаза.

Онъ соскочилъ съ саней и велѣлъ извозчику подождать. Она вздрогнула при звукѣ его шаговъ, и это показало ему, что онъ не первый мужчина, подошедшій къ ней въ этотъ вечеръ.

— Оливія, поѣдемъ домой.

Она повернулась съ крикомъ и ухватилась за него въ паническомъ ужасѣ, въ отчаяньи, еле переводя духъ.

— Кароль, Кароль... ахъ, Кароль!

— Поѣдемъ домой, — повторилъ онъ и обнялъ ее одной рукой. — Бѣдное дитя! поѣдемъ домой!

Но она отскочила назадъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу, я боюсь!

Она совсѣмъ застыла отъ холода, онъ съ трудомъ могъ разобрать, что она говоритъ.

— Я пробовала... нѣсколько разъ... лѣстница... темная... я не могу... Кароль... я увижу привидѣніе... я увижу привидѣніе!

„Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“, — повторили часы на крѣпости.

Кароль подозвалъ извозчика.

— Я васъ отвезу къ себѣ, у меня нѣтъ привидѣній. Садитесь.

Оливія машинально повиновалась, повернувъ голову, чтобы еще разъ посмотрѣть на огни въ крѣпости. Она была въ полусознательномъ состояніи и почти всю дорогу сидѣла, положивъ голову ему на плечо. Пріѣхавъ къ себѣ на квартиру, онъ разбудилъ прислугу, велѣлъ заварить чай и дать чего-нибудь поѣсть. Потомъ онъ снялъ съ нея пальто, уложилъ ее къ себѣ на кровать и принялся отогрѣвать ея руки и ноги. Вскорѣ ея оцѣпенѣніе перешло въ сонъ. Онъ сидѣлъ около ея кровати, чувствуя такую усталость, что не могъ шевельнуться.

Вдругъ она вскочила и обѣими руками закрыла себѣ глаза.

— Ахъ, снѣгъ, этотъ снѣгъ!

Онъ обнялъ ее и прижалъ къ себѣ.

— Кароль, онъ зоветъ меня! Я слышала, какъ онъ меня звалъ! Они зарываютъ его въ снѣгъ.

— Полно, полно, лягте! ничего этого нѣтъ!

Невозможно было успокоить ее. Она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, точно звѣрь, засаженный въ клѣтку, и вдругъ начала смѣяться:

— Они мнѣ сказали, что противъ него нѣтъ никакихъ серьезныхъ обвиненій, что его, вѣроятно, скоро освободятъ... что его...

— Сядьте!—перебилъ ее Кароль. Онъ прошелъ въ противоположный уголъ комнаты и открылъ шкафъ. Она повиновалась и робко прошептала:

— Вы не... вы не уходите?

— Конечно нѣтъ, я вѣдь обѣщалъ, что не оставлю васъ одну.

Онъ подошелъ къ ней съ иглой для подкожнаго вспрыскиванья, поднялъ ея лѣвую руку и сдѣлалъ ей вспрыскиванье морфія. Когда она заснула, опустивъ голову на столъ, онъ поднялъ ее и положилъ на кровать, а самъ сѣлъ у ея изголовья и смотрѣлъ на нее.

Обстоятельства сложились такъ, что эта ночь будетъ единственною свѣтлою точкою въ его жизни. Въ ея памяти она оставитъ слѣдъ чего-то смутно ужаснаго; для него съ нею кончится вся его личная жизнь. На этотъ разъ онъ, вѣроятно, спасъ ее отъ помѣщенія въ какую-нибудь петербургскую больницу или сумасшедшій домъ, ему предстоитъ и дальше заботиться о ней. Это было его единственнымъ утѣшеніемъ; онъ не оставитъ ее, пока можетъ быть ей полезенъ.

Онъ опустилъ голову на подушку рядомъ съ головой крѣпко спавшей дѣвушки; плечи его слегка вздрагивали.

Когда она проснулась утромъ, онъ заваривалъ кофе. Она посмотрѣла на него растеряннымъ взглядомъ; потомъ вдругъ все вспомнила и попыталась вскочить, но снова упала на подушку, схватившись руками за голову.

— Не торопитесь, еще рано,—сказалъ онъ, кивая ей и улыбаясь.—Вамъ будетъ лучше, когда вы выпьете чашку кофе.

Она медленно поднялась и сѣла.

— Ахъ, вы изъ-за меня не ложились всю ночь. Зачѣмъ вы такъ устроили? Вѣдь вы совсѣмъ не спали?

— Я то? Что вы, дорогая! Я спалъ, какъ сурокъ, въ этомъ креслѣ. Вы хотите встать? Чистыя полотенца лежатъ здѣсь, а вотъ вамъ теплая вода. Я выйду немножко покурить.

Когда она позвала его черезъ нѣсколько минутъ, онъ вошелъ съ бумагой, имѣвшей видъ казенной, и, прочитавъ ее, нахмурился. Нѣсколько минутъ сидѣлъ онъ молча, помѣшивая свой кофе.

— Какъ вы думаете, пріѣдетъ вашъ отецъ, если вы ему телеграфируете?

— Отецъ? Я ни за что въ свѣтѣ не допущу, чтобы онъ пріѣхалъ сюда.

— Ну, можетъ быть, можно выписать кого-нибудь другого? Я не могу оставить васъ здѣсь одну, а я долженъ уѣхать завтра.

У нея опустились руки.

— Вы уѣзжаете?

— Я не могу остаться, меня выселятъ насильно. Срокъ моего разрѣшенія кончился, я просилъ у полиціи отсрочки, и вотъ сейчасъ получилъ отказъ. Я долженъ уѣхать завтра съ утреннимъ поѣздомъ.

Она встала и взялась за пальто.

— Мнѣ пора уходить, а завтра, если вамъ нужно ѣхать, уѣзжайте, но я никого не стану къ себѣ звать.

— Мы поговоримъ объ этомъ послѣ... Между прочимъ, вашъ заграничный паспортъ взятъ и лежитъ у дворника. Вамъ надобно только подписать его.

— Но они обмѣнили мой паспортъ на какую-то другую бумагу, когда я сюда пріѣхала.

— Да, но эта бумага имѣетъ силу, только пока вы живете здѣсь. Вы не можете переѣхать границу безъ вашего англійскаго паспорта и безъ разрѣшенія отъ русской полиціи. Для полученія этого разрѣшенія я подалъ третьяго дня прошеніе отъ вашего имени.

— Но я не могу теперь уѣхать. Я не могу выѣхать отсюда, пока...

Голосъ ея задрожалъ и оборвался.

— Я знаю; но когда вы захотите уѣхать, вамъ придется долго ждать разрѣшенія, вотъ почему я и выхлопоталъ вамъ его черезъ пріятелей. Если вы не воспользуетесь имъ въ теченіе недѣли, вамъ надо будетъ подавать новое прошеніе. А вотъ вамъ деньги на дорогу и нѣсколько англійскихъ золотыхъ; если вы захотите уѣхать поскорѣй, вамъ некогда будетъ ходить въ банкъ мѣнять.

— Кароль, неужели вы всегда обо всемъ заботитесь и для всякаго?

Она подняла на него глаза и увидѣла, что губы его слегка задрожали, прежде чѣмъ онъ, взявшись за шляпу, отвѣтилъ своимъ обыкновеннымъ спокойнымъ тономъ:

— Нѣтъ, не для всякаго.

— Его превосходительство заняты и не принимаютъ,— сказали ей, когда она выразила желаніе видѣть директора департамента полиціи. Но тотъ секретарь, который говорилъ съ ней наканунѣ, согласился принять ее.

Онъ съ улыбкой посмотрѣлъ на нее, когда она входила въ комнату, и сердце ея замерло отъ страха. Она отлично помнила его, но въ первый разъ видѣла улыбку на его лицѣ.

— Позвольте справиться: вы пришли узнать о..?

— Владимірѣ Дамаровѣ.

— Ахъ, да, помню. Вы не родственница ему, такъ кажется? Вы его невѣста, если не ошибаюсь?

— Да.

Онъ съ видомъ состраданія покачалъ головой.

— Ай, ай, ай! Такая красивая особа и не могла найти себѣ жениха получше!

Кароль былъ, кажется, правъ: ко всему можно привыкнуть. На этотъ разъ она даже бровью не повела.

— Во всякомъ случаѣ, онъ не очень-то о васъ думаетъ,— продолжалъ секретарь.—Я видѣлъ его вчера вечеромъ, онъ совершенно равнодушенъ.

Она стояла, не шевелясь, и смотрѣла на него. Онъ откинулся на спинку стула и самодовольно покручивалъ усы.

— Увѣряю васъ, совершенно равнодушенъ. Право, лучше бы вамъ поискать другого жениха.

Въ корридорѣ стояли и разговаривали два офицера въ синихъ мундирахъ и серебряныхъ аксельбантахъ. Одинъ изъ нихъ обернулся, когда она проходила мимо, и пошелъ за ней.

— Это вы справляетесь насчетъ Дамарова?

— Да.

— А эти...—онъ показалъ головой на комнату секретаря,—разсказываютъ вамъ разныя небылицы. Не правда ли?

Она молчала, онъ понизилъ голосъ.

— Не вѣрьте имъ. Онъ умеръ вчера. Мнѣ очень жаль васъ.

Онъ вернулся къ своему товарищу.

— Можетъ быть, онъ и правду сказалъ,—говорила она Каролю, пока онъ помогалъ ей снять пальто. Но какую я могу имѣть увѣренность?

Они молча дошли до ея квартиры. Онъ сталъ на колѣни и помогъ ей снять теплые сапожки, прежде чѣмъ отвѣтить.

— Какой былъ наружности тотъ жандармъ, который заговорилъ съ вами въ корридорѣ?

— Я еле взглянула на него. Высокаго роста, съ рыжеватыми усами съ просѣдью.

— Съ крючковатымъ носомъ, въ полковничьемъ мундирѣ?

— Кажется.

— Это Петровъ. Онъ порядочный человѣкъ, самый приличный изъ всѣхъ ихъ. Онъ сказалъ правду.

— Можетъ быть, а можетъ быть, просто пошутилъ. Они всѣ любятъ шутить.

Онъ ничѣмъ не могъ поколебать ея пассивнаго, упрямаго, безнадежнаго недовѣрія. На всѣ его убѣжденія она отвѣчала одно: Почему я могу знать, что это не такой же обманъ, какъ другіе?

— Вамъ будетъ легче, если я добуду доказательства?— спросилъ онъ, наконецъ.

— Доказательства? Какія доказательства?

— Я не говорю навѣрно, замѣтьте. У меня очень мало времени. Но если я найду человѣка, честнаго человѣка, который своими глазами видѣлъ его мертвымъ...

Она зашептала сама про себя сжимая руки: „Если бы я знала, что онъ умеръ... если бы я знала, что онъ умеръ...

— Я попытаюсь, — сказалъ Кароль. — Подождите меня здѣсь; я, можетъ быть, не скоро вернусь.

Онъ вернулся подъ вечеръ. Она сидѣла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ ее оставилъ, и смотрѣла на свои руки, сложенныя на колѣняхъ. При входѣ его она подняла глаза и затѣмъ снова опустила ихъ.

— Одѣньтесь какъ можно теплѣе, поѣдемъ.

Она повиновалась, не дѣлая никакихъ вопросовъ.

Они долго ѣхали въ конкѣ, наполненной рабочими въ праздничныхъ нарядахъ, и вышли въ рабочемъ кварталѣ недалеко отъ рѣки. На площади толпился народъ, продавали разныя дешевыя лакомства и игрушки. Мимо нихъ быстро мчались, перегоняя другъ друга, сани, въ которыхъ сидѣли мужчины, женщины, дѣти, кричавшіе, распѣвавшіе пѣсни. Здѣсь масляница принимала видъ пьяной оргіи. Дальше, гдѣ кончались дома, улица была тиха. Съ одной стороны шелъ низкій, неровный берегъ съ ивами, склонявшимися надъ замерзшей водой; съ другой стѣна кладбища, а дальше большой болотистый пустырь, на которомъ тамъ и сямъ виднѣлись мелкіе кусты, протягивавшіе къ небу свои голые сучья. Блѣдный серпъ луны поднимался прямо передъ ними; сзади нихъ виднѣлся городъ, озаренный краснымъ отблескомъ вечерней зари.

Влѣво отъ дороги тропинка, протоптанная въ снѣгу, вела къ кустарнику. Кароль молча шелъ по ней, дѣвушка слѣдовала за нимъ, какъ лунатикъ.

Они описали большой полукругъ по пустырю и подо-

шли къ кладбищу со стороны противоположной дороги. Глубокая канава съ землянымъ валомъ, набросаннымъ позади нея, указывала границу освященной земли. За оградой виднѣлся рядъ открытыхъ пустыхъ могилъ; длинныя, полузанесенныя снѣгомъ ямы, заранѣе вырытыя для будущихъ покойниковъ, а между ними кучи замерзшей земли, приготовленной, чтобы зарыть ихъ. Въ концѣ рядовъ могилы уже были заняты, и на нихъ возвышались небольшіе деревянные кресты, всѣ одинаковой формы. Это было военное кладбище, и каждый рядъ предназначался отдѣльной ротѣ. Тамъ и сямъ болѣе высокій крестъ отмѣчалъ могилу унтеръ-офицера или фельдфебеля. Дальше шло кладбище бѣдняковъ: безпорядочное скопленіе маленькихъ могилъ съ крестами, сколоченными изъ еловыхъ досокъ, полусгнившихъ и покрившихся. На нѣкоторомъ разстояніи надгробные памятники и часовни на могилахъ богачей бѣлѣли въ надвигавшихся сумеркахъ.

Какой-то человѣкъ вышелъ изъ-за кустовъ навстрѣчу имъ. Молодая дѣвушка слегка содрогнулась при видѣ жандармской формы. Кароль подошелъ къ нему.

— Очень вамъ благодаренъ, что вы согласились придти. Здѣсь нѣтъ никого, мы въ полной безопасности. Эта барышня была его невѣстой. Разскажите ей все, что вы знаете.

Жандармъ окинулъ ее быстрымъ взглядомъ и снова опустилъ голову, раздавивъ ногой комокъ снѣга. Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, съ широкимъ добродушнымъ лицомъ и свѣтлоголубыми, круглыми, точно испуганными глазами.

— Я былъ дежурнымъ въ корридорѣ, барышня,—началъ онъ и остановился.

— Въ крѣпости, когда его привезли?—спросилъ Кароль.

— Точно такъ, ваше благородіе, это было ужъ подъ утро. Я видѣлъ, какъ его вели по корридору. Онъ повернулъ голову и посмотрѣлъ на меня. Онъ не говорилъ ни слова. Его помѣстили въ третью камеру.

— Одного?

— Одного, барышня. Онъ былъ совсѣмъ покоенъ. Я во все утро ничего не слышалъ въ его камерѣ, только развѣ онъ кашлялъ иногда. Когда Васильичъ принесъ ему обѣдъ, онъ что-то проговорилъ тихимъ голосомъ.

— Васильичъ, это—крѣпостной унтеръ-офицеръ?

— Онъ былъ дежурный, долженъ былъ разносить обѣдъ. Онъ вышелъ изъ камеры и ворчитъ: „Грѣхъ да и только, говоритъ, пропадутъ хорошія щи. Совсѣмъ, говоритъ, умираетъ, лучше бы мнѣ достались“.

— А кромѣ Васильича входилъ кто-нибудь къ нему въ камеру?

— Третьяго дня ночью входилъ смотритель съ докторомъ, ваше благородіе; ну, они не долго тамъ пробыли. Я слышалъ, какъ докторъ сказалъ: „Не стоитъ, онъ не проживетъ до утра“. А онъ таки прожилъ.

— Когда онъ скончался?

— Вчера около полудня. Я опять дежурилъ ночью. Послѣ обѣда у меня было восемь часовъ свободныхъ, а когда я пришелъ вечеромъ, я слышалъ, какъ онъ стоналъ и что-то говорилъ самъ съ собой, что такое, я разобрать не могъ. У него въ горлѣ какъ-то скрипѣло всю ночь и разъ онъ какъ будто сказалъ: „воды“. Въ шесть часовъ пришелъ Осипъ и смѣнилъ меня.

— А вчера днемъ Осипъ былъ дежурнымъ?

— Точно такъ, ваше благородіе. Теперь онъ здѣсь, въ деревнѣ. Намъ обоимъ дали отпускъ на одинъ день, потому какъ нынче масляная. А онъ какъ вышелъ, такъ первымъ дѣломъ напился пьянъ. „Въ нашемъ дѣлѣ, говоритъ, безъ этого нельзя, не выдержишь! Мнѣ, говоритъ, все слышится, какъ онъ стоналъ и просилъ: „воды, воды, ради Бога!“ Осипъ и всегда такой былъ: мягкосердый.

— Онъ далъ ему воды?

— Какъ не дать! Раза два входилъ, давалъ.

— Ну, вотъ, кажется, и все,—сказалъ Кароль и положилъ руку на плечо Оливіи.—Вы теперь узнали все, что хотѣли, моя дорогая, довольно.

— Оставьте меня. Я должна все разузнать. Значитъ, онъ умеръ вчера днемъ, когда вы не были дежурнымъ?

— Точно такъ, барышня. Осипъ говорилъ такъ: онъ все затихалъ, затихалъ; потомъ послышалось точно будто пилятъ дерево, это, значитъ, у него въ груди, а потомъ и совсѣмъ стихъ. Вечеромъ насъ позвали положить тѣло въ гробъ. Не то что въ настоящій гробъ, а такъ—въ большой ящикъ изъ еловыхъ досокъ. Часа въ два ночи мы его вывезли изъ крѣпости и привезли сюда.

— Онъ здѣсь погребенъ? Покажите мнѣ его могилу.

Онъ посмотрѣлъ на нее искоса, нерѣшительно.

— Могила-то, барышня, надо сказать, не настоящая, не христіанская. Пожалуй, я вамъ покажу.

Около ограды кладбища была небольшая кучка взрытой земли, слегка запорошенной снѣгомъ. Солдатъ остановился и, видя, что Кароль обнажилъ голову, также снялъ фуражку.

— Вотъ это здѣсь будетъ,—сказалъ онъ.

Оливія обошла могилу и пристально посмотрѣла на солдата.

— А увѣрены ли вы, что онъ былъ мертвый, когда вы зарыли его въ яму?

Онъ слегка вскрикнулъ, перевелъ глаза съ нее на Кароля и затѣмъ опять на нее. Потомъ перекрестился и проговорилъ:

— Христосъ съ вами, барышня! Да неужели же вы думаете, что мы зарыли живого человѣка!

— Почемъ я знаю!—отвѣчала она беззвучнымъ, ровнымъ голосомъ.

Кароль дотронулся до рукава солдата.

— Вы видѣли его лицо! Разскажите ей.

— Да, я видалъ...—онъ слегка содрогнулся.—Мучился онъ, должно быть, сильно и на рубашкѣ была кровь. Онъ былъ совсѣмъ застывши.

— Хорошо, теперь довольно,—сказалъ Кароль.—Уходите по тропинкѣ, а мы пойдемъ въ другую сторону, по дорогѣ; такъ будетъ безопаснѣе. Прощайте, благодарю васъ.

Солдатъ еще разъ перекрестился и ушелъ, оставивъ ихъ около могилы. Становилось темно. Черезъ нѣсколько времени Кароль дотронулся до ея руки.

— Пойдемъ.

Они пошли назадъ мимо ивовыхъ кустовъ.

— Помните одно,—сказалъ онъ ей,—какъ онъ ни страдалъ, теперь все кончено, онъ умеръ, и никто больше не можетъ сдѣлать ему никакого зла. Это, конечно, слабое утѣшеніе, но эта мысль очень успокаивала меня послѣ смерти сестры.

Она медленно повернула голову и посмотрѣла прямо въ глаза ему.

— Я тоже спокойна. Но вполнѣ ли вы увѣрены, что онъ умеръ прежде, чѣмъ они его похоронили.

— Вполнѣ увѣренъ, дорогая моя.

Она выѣхала за границу съ ночнымъ поѣздомъ. Только отправивъ ее, Кароль могъ спокойно оставить столицу. Онъ уложилъ ея вещи, расплатился по ея счетамъ и взялъ ей билетъ. Она оставалась совершенно пассивной, ѣла, одѣвалась, двигалась, когда онъ ей приказывалъ, и прерывала молчаніе все тѣмъ повторявшимся отъ времени до времени вопросомъ:—Увѣрены ли вы, что онъ умеръ, прежде...

— Совершенно увѣренъ,—неизмѣнно отвѣчалъ онъ ей.

Она повторила тотъ же вопросъ, когда онъ вошелъ за ней въ вагонъ и покрывалъ ей ноги пледомъ.

— Совершенно увѣренъ,—сказалъ онъ еще разъ.

Прозвонилъ звонокъ; онъ соскочилъ на платформу, и дверцы вагона захлопнулись.

— Это былъ еще только второй звонокъ, сію минуту двинется. Я телеграфировалъ вашимъ роднымъ, чтобы васъ встрѣтили въ Дуврѣ.

— Кароль...

Она приложила руку ко лбу, какъ будто стараясь что-то вспомнить.

Онъ вскочилъ на подножку и прижался къ окну.

— Что вы хотите сказать?

Она повторила свой вопросъ: кромѣ него ничто на свѣтѣ не интересовало ее.

— Вы увѣрены, что онъ умеръ, прежде чѣмъ они зарыли его въ яму?

Онъ отвѣтилъ съ тѣмъ же неутомимымъ терпѣніемъ:

— Совершенно увѣренъ, моя дорогая.

Прозвонилъ третій звонокъ. Онъ сдѣлалъ ей прощальный знакъ рукой и прокричалъ:

— До свиданія! Я пріѣду къ вамъ въ Англію, какъ только будетъ можно.

Ея глаза смотрѣли мимо него какимъ-то остановившимся, неподвижнымъ взглядомъ. Поѣздъ двинулся. Когда онъ скрылся изъ вида, Кароль пошелъ, было, по платформѣ, но вдругъ остановился и схватился обѣими руками за грудь. Къ нему подошелъ носильщикъ:

— Вамъ дурно, баринъ? Не надо ли...

— Принесите мнѣ водки,--прошепталъ Кароль.

Его всего трясло, точно истеричную дѣвушку. Носильщикъ побѣжалъ въ буфетъ. Онъ послѣдовалъ за нимъ, не замѣчая ничего окружающаго, и наткнулся на прохожаго, который сначала сердито оглянулся, а затѣмъ съ удивленіемъ протянулъ руку.

— Докторъ Славинскій! Вотъ-то не ожидалъ...

Кароль оттолкнулъ его.

— Къ чорту!—закричалъ онъ,—я иду напиться!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

На пристани въ Дуврѣ Оливію встрѣтилъ Дикъ Грей. У отца ея было спѣшное дѣло, и онъ самъ не могъ выѣхать, а Дикъ, ставшій за это время другомъ дома, предложилъ свои услуги. Когда она сходила съ парохода, онъ растолкалъ толпу и бросился ей навстрѣчу. Но среди первыхъ веселыхъ привѣтствій, онъ вдругъ остановился и съ

удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Она, повидимому, не замѣтила этого, машинально передала ему свой саквояжъ и позволила вести себя на поѣздъ.

Онъ долго не рѣшался заговаривать съ ней ни о чемъ, кромѣ необходимыхъ мелочей, наконецъ, отложилъ газету и нагнулся къ ней. Поѣздъ мчался мимо пустыхъ полей хмѣля; она сидѣла неподвижно и смотрѣла, не замѣчая ихъ.

— Оливія, развѣ онъ...

— Умеръ,—отвѣтила она, не шевелясь. У него хватило такта не предлагать больше вопросовъ.

Ея родные были менѣе деликатны. Правда, они ничѣмъ не разстраивали ее; но никакіе вопросы не могли быть хуже того изумленія, которое выразилось на лицѣ отца при ея видѣ, изумленія, перешедшаго въ ужасъ, когда она подошла къ нему; „Господи Боже мой! Это Оливія!“ рѣзкимъ голосомъ вскричала мать. А затѣмъ они постарались скрыть свои чувства. „Ты насъ испугала, дорогая, мы тебя ждали со слѣдующимъ поѣздомъ“. Джени съ своей стороны пристально посмотрѣла на сестру, затѣмъ расплакалась и выбѣжала изъ комнаты; но хуже всего было лицо матери.

Въ первую минуту имъ показалось, что она умираетъ отъ какой-нибудь изнурительной болѣзни; или что она заразилась злокачественной формой маляріи. Они стали убѣждать ее посовѣтоваться съ докторомъ. Она сначала отказывалась и увѣряла утомленнымъ голосомъ, что вовсе не больна; но когда они продолжали настаивать, она уступила, чтобы избавить себя отъ напрасныхъ споровъ, и согласилась поѣхать съ отцомъ въ Лондонъ посовѣтоваться съ однимъ извѣстнымъ врачомъ.

— Острое малокровіе и нервное истощеніе,—опредѣлилъ врачъ.—Кромѣ этого я не нахожу у нея никакой болѣзни. Вѣроятно, она перенесла какое-нибудь потрясеніе, или у нея на душѣ какое-нибудь горе.

— Господа!—вскричала миссисъ Латамъ, когда ей передали опредѣленіе врача,—да вы посмотрите на нее. Она худа, какъ скелетъ, губы у нея бѣлыя, какъ бумага, и даже волосы ея потеряли свой прежній цвѣтъ. Какъ онъ можетъ говорить, что не находитъ у нея никакой другой болѣзни.

Къ несчастію, дѣйствительно, никакой другой болѣзни не было. Если бы молодая дѣвушка обладала менѣе крѣпкимъ и здоровымъ организмомъ, она, можетъ быть, заболѣла бы острою болѣзнью, которая принесла бы ей единственное возможное облегченіе: временный перерывъ ея обычной жизни. Но физически она была слишкомъ крѣпка для этого, и не подверглась никакой болѣзни, кромѣ постепеннаго

упадка силъ. Она была, какъ сказала мать, худа, какъ скелетъ, и, несмотря на весь ихъ уходъ, худѣла все больше и больше. Въ три мѣсяца она до того ослабѣла, что не могла безъ отдышки пройти по саду и, поднявшись до половины лѣстницы, должна была останавливаться: такое у нея дѣлалось сильное сердцебіеніе. Ее мучила безсонница, страшныя головныя боли, кошмары и припадки озноба; кромѣ этого, у нея не было никакихъ болѣзненныхъ признаковъ.

Въ первые мѣсяцы никто въ семьѣ не поднималъ вопроса о томъ, какъ она думаетъ устроить свою жизнь, и молодая дѣвушка, повидимому, сама не думала объ этомъ. Она вернулась домой, повинуясь, во-первыхъ, какому-то слѣпому инстинкту; во-вторыхъ, потому, что Кароль сказалъ ей, чтобы она ѣхала, а она слишкомъ безучастно относилась къ жизни, чтобы ослушаться его. Очутившись дома, она оставалась тамъ совершенно пассивно, и пассивно же принимала или переносила тысячу мелочей, которыми мать старалась доказать ей свою любовь: и мальцъ-экстрактъ, и мясной чай, и робкія ласки.

Въ сущности, она сдѣлалась равнодушной ко всему на свѣтѣ, даже къ памяти своего покойнаго жениха. Можетъ быть, когда-нибудь она почувствуетъ свою утрату; теперь же она ничего не чувствовала, кромѣ страшной боли въ головѣ и какихъ-то колесъ, которые вертѣлись и вертѣлись безостановочно часъ за часомъ въ теченіе длинныхъ безсонныхъ ночей.

Первое время ей казалось, что если бы она только могла уснуть, все было бы хорошо. Изъ-за этого противнаго лежанья въ постели безъ сна она такъ боится надвигающихся сумерокъ, она цѣлый день чувствуетъ такую тяжесть, такой холодъ. Если бы она могла спать, она опять сдѣлалась бы похожей сама на себя. Но, прежде чѣмъ миновала весна, она стала говорить себѣ, что все было бы хорошо, если бы она могла не засыпать.

Когда человѣкъ не спитъ, его умъ можетъ бороться за существованіе, можетъ призывать на помощь силу воли, данную ему природой. Но когда онъ спитъ, что ему дѣлать? Ее возмущала несправедливость, коварство, лежащее въ основѣ этой всеобщей потребности спать; теперь она въ первый разъ поняла, что сонъ это—ловушка, отъ которой не можетъ спасти никакая предусмотрительность. Расположите, какъ хотите, свою жизнь, свои мысли и дѣйствія, пріучите свою натуру безусловно повиноваться голосу разума; но вы во всякомъ случаѣ должны заснуть, и это отдастъ васъ вполнѣ во власть той машины, которая дѣй-

ствуетъ въ вашей головѣ и создаетъ призраки по своему произволу.

Если бы только она могла избавиться отъ этихъ кошмарныхъ призраковъ, ей, навѣрно, удалось бы забыть. Эти призраки толпились вокругъ нея непрерывными рядами. Ей представлялся ледъ, пустырь, снѣгъ, засыпающій глаза, представлялось, что она роетъ замерзшую землю, чтобы узнать, страдалъ ли онъ передъ смертью, чтобы убѣдиться, что онъ дѣйствительно умеръ, прежде чѣмъ его зарыли въ яму; ей представлялись усмѣхающіяся лица, самодовольныя красныя губы, произносящія неприличныя рѣчи; представлялись корридоры и корридоры, безконечные бѣлые корридоры. Иногда, заблудившись въ этихъ корридорахъ, она ходила по нимъ цѣлую ночь, а вдали знакомый слабый голосъ просилъ: „Воды, воды, воды!“ Иногда тотъ же голосъ слышался ей изъ-подъ кучи мерзлой земли, она шла на него, пробираясь между могилами, скользя, падая и натыкаясь руками на острыя колья, вбитые въ землю.

Часто мать или сестра, проснувшись ночью отъ ея крика, вбѣгали къ ней въ комнату и видѣли, что она спитъ съ широко открытыми глазами и быстро шепчетъ что-то, чего онѣ не могли понять. Если онѣ ее будили, она говорила: „кошмаръ“, и укладывалась, какъ будто собиралась опять заснуть, но въ глазахъ ея было выраженіе дикаго ужаса. Днемъ она была по большей части молчалива, хотя иногда на нее находили припадки необыкновенной говорливости, она безостановочно болтала о разныхъ пустякахъ, смѣялась надъ всякой пустой шуткой; но въ какомъ бы она ни была настроеніи, она всетаки ни однимъ словомъ не выдавала своей тайны. Ея родные по прежнему ничего не понимали; впрочемъ, если бы она имъ и все разсказала, они, вѣроятно, тоже не поняли бы.

Для Дженни, для этого баловня семьи, перемѣна въ сестрѣ была первымъ ударомъ, первымъ дѣйствительнымъ и горестнымъ разочарованіемъ, какое она испытала въ жизни. За послѣдніе полгода она дошла до той степени развитія, когда дѣтски тщеславная и лекомысленная дѣвушка вдругъ приходитъ къ сознанію того, что на ней лежатъ извѣстныя обязанности; по природѣ мягкая и склонная къ подражанію, она взяла себѣ за образецъ старшую сестру и всѣми силами старалась вести себя такъ, какъ она. „Я никогда не буду такой умной, какъ Оливія, говорила она матери, но я постараюсь быть такой же доброй“. Это рѣшеніе было отчасти внушено ей новымъ викаріемъ, вліяніе котораго на нее постоянно усиливалось; но тѣмъ не менѣе это было искреннее рѣшеніе; молодая дѣвушка твердо держалась

его и мужественно отказывалась отъ разныхъ удовольствій, чтобы оставаться съ матерью. При этомъ она утѣшала себя мыслью, что, когда Оливія вернется домой, ей будетъ пріятно, что она стала „такою доброю“. А вотъ теперь Оливія вернулась, но это была не Оливія, а какое-то привидѣніе съ провалившимися щеками и жесткимъ взглядомъ. Съ грустью замѣчая, что, повидимому, никому нѣтъ дѣла до ея доброты, маленькая Дженни съ ужасомъ и недоумѣніемъ глядѣла на эту первую жизненную трагедію, разыгрывавшуюся на ея глазахъ.

Разочарованіе и безпокойство сблизили ее съ матерью сильнѣе прежняго и оттолкнули отъ Оливіи. Вся жизнь миссисъ Латамъ прошла спокойно, безъ всякихъ злоключеній. Домашнія заботы и непріятности были ей хорошо знакомы; она терпѣливо, въ теченіе восемнадцати лѣтъ, переносила свои болѣзни и легкія религіозныя сомнѣнія, но вотъ и все. Послѣ того единственнаго серьезнаго горя, которое она испытала,—смерти сына,—ея жизнь текла среди ровныхъ береговъ, словно тихій, унылый ручеекъ, и вся состояла изъ мелкихъ обязанностей и мелкихъ непріятностей, неизбѣжныхъ, правильно чередовавшихся, какъ времена года. Сначала она только покорялась, а въ концѣ концовъ вполнѣ втянулась въ эту узкую жизнь. И вдругъ въ этотъ сѣренькій міръ полутѣней откуда-то, изъ внѣшняго міра ворвалась тьма, настоящая тьма, которая давала себя постоянно чувствовать. Черезъ мѣсяцъ послѣ возвращенія Оливіи мать стала слѣдить за ней тайкомъ, сторониться ее и безсознательно все больше и больше привязываться къ своей младшей дочери, какъ будто только она одна была ея кровь и плоть, а та, другая, была ей чужая.

Между тѣмъ, и она, и Джени очень нѣжно относились къ больной. Если бы молодая дѣвушка вернулась къ нимъ съ какимъ-нибудь менѣе тяжелымъ горемъ, съ такимъ горемъ, о которомъ можно было бы разговаривать, которое можно было бы оплакивать, онѣ чувствовали бы ея печаль, какъ свою собственную, и полюбили бы ее еще больше за эту печаль. Но Оливія вернулась съ крѣпко сжатыми губами и упорно хранила молчаніе.

Отецъ ея тоже молчалъ. Изъ всей семьи онъ одинъ хоть смутно, но понималъ ея состояніе. Какое происшествіе превратило дочь, которою онъ такъ гордился, въ эту угрюмую, чуждую ему женщину, онъ даже приблизительно не могъ угадать. Но растерянный взглядъ ея глазъ предупреждалъ его, что ее слѣдуетъ предоставить самой себѣ, не надо предлагать ей вопросовъ, не надо навязывать ей своего сочувствія; и его сдержаность была до нѣкоторой степени воз-

награждена. Правда, онъ мало-по-малу потерялъ надежду, что она когда-нибудь по собственному побужденію разскажетъ ему все, но онъ пріобрѣлъ одно: она избѣгала его меньше, чѣмъ другихъ. „Она, кажется, не сторонится меня такъ, какъ матери и сестры,—говорилъ онъ своему домашнему доктору, не рѣшаясь положительно утверждать даже этого факта, — но это, можетъ быть, просто потому, что я не надоѣдалъ ей, и она забываетъ о моемъ существованіи".

Можетъ быть, если бы всѣ окружающіе ее люди дали ей забыть о ихъ существованіи, она не имѣла бы такого запуганнаго и смущеннаго вида. Полуупрекающее, полуогорченное выраженіе хорошенькихъ глазокъ Дженни; встревоженное лицо матери, ея торопливыя робкія ласки; молчаливое сочувствіе, съ какимъ Дикъ подходилъ къ ней; сострадательные взгляды деревенскихъ жителей,—все это вмѣстѣ казалось ей жестокою, невыносимою докучливостью. „Отчего это они не могутъ оставить меня въ покоѣ? — шептала она иногда сама про себя, страдая и возмущаясь отъ какого-нибудь вполнѣ доброжелательнаго выраженія участія.—Ахъ, отчего они не могутъ оставить меня въ покоѣ!"

Ея чувствительность, повидимому, сосредоточилась исключительно на поверхности тѣла. Ея осязательные нервы болѣзненно реагировали на всякое внѣшнее прикосновеніе, но внутреннія чувства ея совершено замерли. Смерть кого-нибудь изъ близкихъ, вѣроятно, ни произвела бы на нее впечатлѣнія; въ то же время какое-нибудь безтактное слово могло привести ее въ отчаяніе. Та же несоразмѣрность ощущеній съ вызывающими ихъ причинами мучила ее и физически. Одинъ разъ мать, проходя мимо софы, на которой дѣвушка лежала почти цѣлыми днями, остановилась и накрыла ее плэдомъ. Она вдругъ рѣзко вскрикнула, точно будто ее ударили, и, поднявъ руку, показала на то мѣсто, до котораго слегка коснулись пальцы матери: красное пятно, точно отъ обжога.

Въ одинъ майскій вечеръ мистеръ Латамъ, возвращаясь домой изъ банка, встрѣтилъ жену, которая ожидала его на подъѣздѣ.

— Входи потихоньку, Альфредъ,—сказала она.—Оливія лежитъ въ гостиной на софѣ. Она сейчасъ только уснула. Мы цѣлый день мучились съ ней.

— Опять головная боль?

Оливія теперь обыкновенно вставала по утрамъ поздно, и онъ не видалъ ее до отъѣзда изъ дома.

— Да, страшнѣйшая. Сегодня утромъ она ходила взадъ и впередъ по своей комнатѣ, съ ума сходя отъ боли. Я посылала за мистеромъ Мортономъ.

— Онъ былъ?

— Да, онъ далъ ей что-то, чтобы облегчить страданіе, но говоритъ, что вылѣчить ее не можетъ. Онъ повторяетъ то же, что говорилъ лондонскій докторъ: у нея что-то есть на душѣ, и ей было бы легче, если бы она не скрывала этого. Альфредъ, не можешь ли ты заставить ее разсказать тебѣ? Если бы мы только знали...

— Не стоитъ намъ опять говорить объ этомъ, Мэри. Теперь совсѣмъ невозможно приставать къ ней съ допросами. Можетъ быть, впослѣдствіи она сама намъ скажетъ.

— Нѣтъ, не скажетъ, и она умретъ. Войди, посмотри на нее, она крѣпко спитъ. Я до сихъ поръ не замѣчала, до чего она изверелась.

Онъ вошелъ въ комнату въ мягкихъ туфляхъ и остановился около спящей, удерживая дыханіе. Ея платье разстегнулось и открыло исхудалую шею и руки. Лицо ея, когда она спала, казалось лицомъ мертвеца.

Онъ тихонько отошелъ отъ нея и сталъ около окна.

— Господи Боже!—прошепталъ онъ.

Жена подошла, стала подлѣ него и взяла его подъ руку.

— Альфредъ, она умретъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ.

— Посмотри,—прошептала она,—идетъ телеграфистъ, онъ ее разбудитъ!

Мистеръ Латамъ открылъ окно:

— Не звоните, телеграфистъ...

Но телеграфистъ не слышалъ его и сильно дернулъ звонокъ у входной двери. Оливія вскочила съ дивана съ дикимъ крикомъ, раздавшимся по всему дому.

— А! жандармы!..

Послѣ этого она вполнѣ проснулась и увидѣла отца съ матерью. Они ни о чемъ не спросили у нея, и она не дала имъ никакихъ объясненій; не говоря ни слова, ушла она въ свою комнату, а они остались на прежнемъ мѣстѣ, избѣгая глядѣть другъ на друга.

На слѣдующій день миссисъ Латамъ увидѣла, что Оливія одна въ саду, лежитъ на своемъ складномъ креслѣ. Она тихонько подошла къ ней сзади и обняла ее за шею.

— Не надо, мама,—сказала молодая дѣвушка, отстраняясь отъ нея,—вы мнѣ дѣлаете больно.

Миссисъ Латамъ сняла свои руки; она привыкла принимать, какъ необъяснимый фактъ, эту неестественную чувствительность къ прикосновенію.

Руки Оливіи лежали на ручкахъ кресла; мать стояла и наблюдала, какъ тонкіе волосики на этихъ рукахъ вдругъ

выпрямлялись, точно подъ вліяніемъ страха или холода, потомъ ложились и затѣмъ снова выпрямлялись.

— Оливія, дитя мое,—проговорила она, наконецъ,—скажи мнѣ, что такое съ тобой?

— Я вамъ ужъ говорила, мама, рѣшительно ничего. Я просто устала и не совсѣмъ здорова, больше ничего.

Миссисъ Латамъ опустила глаза и глядѣла на маргаритки.

— Видишь ли, моя милая, мы не могли не слышать, что ты сказала вчера, когда телеграфистъ разбудилъ тебя...

— Я ничего не говорила.

— Дорогая моя, я не требую у тебя откровенности. Но подумай, что мы должны были чувствовать, и твой отецъ, и я, когда мы услышали такое слово... Если бы ты только могла сказать намъ...

Она остановилась. Оливія поднялась съ кресла и стояла передъ ней молча, сжавъ губы.

— Отлично: вы подслушиваете, что я говорю во снѣ? Я очень рада, что вы мнѣ это сказали. Я, значитъ, живу среди шпіоновъ, это надо принять къ свѣдѣнію.

— Оливія!—съ трудомъ проговорила миссисъ Латамъ.

Во всю свою жизнь она ни отъ кого не слышала подобныхъ словъ, а теперь ея родная дочь бросила ихъ въ лицо ей. Оливія простояла съ минуту, глядя на нее странно блестящими глазами, и затѣмъ медленно пошла домой. Когда мистеръ Латамъ вернулся, онъ нашелъ жену безутѣшно рыдавшею и слово за слово разузналъ отъ нея, что случилось. Онъ поблѣднѣлъ, слушая ея разсказъ; такого рода грубость была настолько не въ характерѣ Оливіи, что онъ увидѣлъ въ ней подтвержденіе мучившихъ его опасеній.

— Гдѣ она?—спросилъ онъ.

— Въ своей комнатѣ. Альфредъ, не говори съ ней объ этомъ. Это я виновата; ты меня предупреждалъ, что ее не надо разспрашивать.

Не отвѣчая ей, онъ поднялся наверхъ и постучалъ въ комнату Оливіи. Она сидѣла у окна, по обыкновенію одна, и даже не повернула головы, чтобы посмотрѣть, кто вошелъ.

— Что, у тебя опять болитъ голова, дорогая?

— Нѣтъ.

— Хорошо ли ты спала сегодня ночью?

— Не хуже, чѣмъ обыкновенно.

— Мнѣ бы хотѣлось немножко поговорить съ тобой, если ты не чувствуешь себя дурно.

— Что такое?

Она продолжала сидѣть, не шевелясь. Онъ сталъ рядомъ

съ ней и взялъ ее за руку; но она отняла руку. Ея пальцы скользнули по его пальцамъ, точно ледяшки.

— Я засталъ твою мать въ слезахъ,—началъ онъ.—Ее очень разстроилъ разговоръ съ тобой въ саду. Она упрекаетъ себя за то, что раздражила тебя; но... она вѣдь твоя мать, Оливія, и ты знаешь, какъ она слаба здоровьемъ.

Оливія смотрѣла на свои холодныя, крѣпко сжатыя руки и ни однимъ знакомъ не обнаружила, что слышала его слова.

— Не думаешь ли ты, — рѣшился онъ, наконецъ, произнести,—что это нѣсколько... жестоко съ твоей стороны? Богъ свидѣтель, что я не хочу допытываться твоихъ тайнъ, но...

— Но вы не понимаете, какъ я могу быть настолько грубой, чтобы заставлять маму плакать? Я и сама этого не понимаю. Должно быть, у меня высохли тѣ железы, которыя выдѣляютъ дочернюю любовь, или какія-нибудь ткани переродились, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Къ чему мнѣ обманывать и притворяться, будто я люблю всѣхъ васъ, когда я васъ нисколько не люблю? Я, конечно, вела себя отвратительно относительно матери, но я бы ничего не говорила ей, если бы она оставила меня въ покоѣ.

— Не жестоко ли требовать этого отъ людей, которые любятъ тебя, хотя ты ихъ и не любишь? Развѣ могутъ они молчать, когда видятъ, что тебя мучатъ какіе-то страшные кошмары? Не могу ли я помочь тебѣ избавиться отъ этихъ страшныхъ видѣній? Я постараюсь понять тебя съ полуслова.

Оливія встала и прислонилось къ стѣнѣ; она посмотрѣла на отца; это былъ взглядъ безпомощнаго затравленнаго животнаго, выгнаннаго изъ его послѣдняго убѣжища, и сердце мистера Латама сжалось отъ раскаянія и жалости.

— Отецъ,—сказалъ она,—я пріѣхала домой, потому что мнѣ некуда было больше ѣхать. Неужели вы не дадите мнѣ пожить здѣсь немного, пока я отдохну? Я не долго буду безпокоить васъ. Развѣ я когда-нибудь требовала чего-нибудь лишняго отъ васъ или отъ мамы? Но если вы будете разспрашивать меня, мнѣ придется уйти.

— Уйти? куда? неужели опять туда?

— Все равно, куда-нибудь, хоть въ лѣсъ если у меня не хватитъ силъ идти дальше. Пусть я лучше умру съ голоду въ лѣсу, чѣмъ сойду съ ума отъ всѣхъ этихъ разспросовъ. Ахъ, отчего вы всѣ не можете оставить меня въ покоѣ! Куда я ни повернусь, вездѣ кто-нибудь да задастъ мнѣ вопросъ, вѣчно, вѣчно вопросы... Развѣ вы не видите, что это душитъ меня? Я не могу... дышать...

Ея голосъ превратился въ хриплый, сдавленный крикъ.

Она подняла руки и рвала на себѣ воротъ платья. Когда на испуганный зовъ отца сбѣжались служанки, она лежала, съ трудомъ переводя духъ, какъ человѣкъ, который совершенно задыхается. Никто не зналъ, что дѣлать при такомъ ужасномъ припадкѣ; но мало по малу судорожное сжатіе горла прошло и припадокъ кончился, оставивъ ее обезсильной. Отъ слабости она начала рыдать и, прижимаясь къ рукѣ отца, повторяла:

— Обѣщайте мнѣ не задавать вопросовъ! Скажите имъ, чтобы они меня не разспрашивали!

Онъ поцѣловалъ ее, вздохнулъ и ушелъ. Онъ далъ ей обѣщаніе, о которомъ она просила, потому что не могъ не дать; но онъ чувствовалъ, что дочь, которую никогда нельзя разспрашивать о томъ, что близко касается ея, стала плохимъ утѣшеніемъ для отца на старости лѣтъ.

II.

Съ половины лѣта Оливія начала сознавать, какое несчастіе грозитъ ей. Смутные страхи, преслѣдовавшіе ее весною, стали болѣе опредѣленными, тѣни болѣе темными, кошмары болѣе упорными; призраки, являвшіеся сначала мимолетно и поодиночкѣ, проходили теперь передъ ея закрытыми въ полуснѣ глазами длинными процессіями попеременно, то свѣтлѣя, то темнѣя, словно двигающаяся картинка волшебнаго фонаря; но пока ничего, кромѣ этого, еще не было.

Первый разъ она увидѣла галлюцинацію на яву въ одинъ жаркій іюньскій день. Она была одна и лежала въ саду подъ тѣнью большого орѣховаго дерева. Солнечныя пятна скользили по ея лицу и платью; за два шага отъ нея цвѣтущій кустъ лаванды купался въ солнечныхъ лучахъ. Она лежала нѣсколько времени съ закрытыми глазами, прислушиваясь къ жужжанію пчелъ; потомъ, приподнявшись на локтѣ, она окинула взглядомъ садъ. Онъ блисталъ самыми разнообразными красками. Около подъѣзда дома желтыя и пунцовыя розы выдѣлялись на фонѣ кустовъ жасмина; синія королевскія шпоры, красныя гвоздики, ноготки и золотоцвѣтники пестрѣли на клумбахъ; съ рѣшетокъ перекидывались надъ дорожками длинные стебли красныхъ клематисовъ. Подлѣ нея ярко зеленѣла живая изгородь, оттѣняя сѣроватые листья лавенды.

Вдругъ всѣ краски исчезли, свѣтъ померкъ. Какая-то дѣвушка,—какъ будто она и не вполнѣ она—двигалась въ полутемной комнатѣ, не круглой, но многосторонней; всѣ

обои на стѣнахъ этой комнаты были картинами. Другая дѣвушка, тоже она, враждебно относившаяся къ первой, наблюдала за ней. Она видѣла, какъ первая, настоящая она, обратилась къ одной изъ разрисованныхъ стѣнъ, и вдругъ картина исчезла, и вмѣсто нея появился черный квадратъ, точно кто-то закрылъ стѣну занавѣской. Черезъ минуту такимъ же образомъ исчезла вторая картина, за ней третья, всюду появлялись черные квадраты. Страхъ охватилъ безпомощную дѣвушку, она кинулась съ протянутыми руками къ ближайшему черному квадрату, но руки ея прошли насквозь въ пустое пространство, ничего не коснувшись.

Тогда она устремила глаза на одну изъ стѣнъ: на ней изображенъ былъ ландшафтъ съ травой, деревьями и вьющейся рѣчкой; она внимательно смотрѣла на картину, стараясь не замѣчать, какъ исчезаютъ стѣны, какъ темнота охватываетъ все вокругъ; но вотъ, въ одномъ углу картины появилось темное пятно, потомъ протянулась длинная темная полоса, и черезъ минуту деревья, трава и вода, все исчезло, и внѣшняя тьма смотрѣла на нее жадными глазами, словно волкъ. Тогда и только тогда несчастная поняла, что вся окружающая ее обстановка, всѣ ея радости, вся ея любовь, всѣ ея боги, все это—только миражи, скрывающіе отъ нея тьму.

Между тѣмъ, вторая она продолжала спокойно и равнодушно наблюдать. Она видѣла, что первая стоитъ на небольшомъ кусочкѣ пола, уцѣлѣвшемъ, точно островъ, среди безграничнаго чернаго моря. Она видѣла, что этотъ послѣдній кусочекъ качнулся и исчезъ, что несчастная погрузилась въ темныя волны, которыя сомкнулись надъ ея головой и заглушили ея отчаянные крики. Она видѣла и смѣялась, и не хотѣла протянуть руку помощи, такъ какъ не было жалости въ ея опустошенномъ сердцѣ.

Несчастная боролась, старалась спастись, напрасно звала на помощь, она металась, опускалась внизъ, всплывала и падала, а черныя волны двигались вокругъ нея, скользили между ея пальцевъ, слѣпили ей глаза; какія-то свѣтлыя, блестящія фигуры пролетали въ пустомъ пространствѣ то близко, то далеко отъ нея; она протягивала къ нимъ руки, она молила ихъ, она стонала, припадая къ ихъ ногамъ; но ни одна изъ нихъ не хотѣла помочь ей. Безумно стремясь къ свѣту, который исходилъ отъ нихъ, она схватывала и старалась удержать ихъ, но нѣкоторыя изъ нихъ были холодны и скользки, онѣ уходили изъ-подъ ея слабыхъ пальцевъ, другія оказывались просто миражемъ, который исчезалъ при ея прикосновеніи. И она снова падала все ниже и ниже, и темныя волны снова смыкались надъ ея головой.

Но вотъ внутри ея самой появилось черное пятно, не-

замѣтная точка пустоты, которая все росла и росла. Это была внутренняя пустота; она стремилась соединиться съ внѣшней и слиться съ нею; стремилась окончательно уничтожить то существо, которое воображало, будто живетъ, между тѣмъ какъ было простымъ миражемъ, подобно всему, что есть на небѣ и на землѣ.

Первый реальный предметъ, который вернулся къ ней, были ярко зеленые подстриженные кусты живой изгороди; затѣмъ въ глаза ей бросилась вся радуга красокъ цвѣтника, и пчелы зажужжали въ лавандѣ. Она лежала тихо, не смѣя шевельнуться.

Мимо сада проѣхалъ кабріолетъ отца ея. Поровнявшись съ орѣховымъ деревомъ, мистеръ Латамъ наклонился и бросилъ ей пучекъ жимолости.

— Вотъ тебѣ твои любимцы!

Она протянула руку, чтобы взять розоватые цвѣтки, упавшіе къ ней на колѣни, и вдругъ отдернула ее, не рѣшаясь дотронуться до нихъ: можетъ быть, это не настоящіе цвѣты, можетъ быть, это тоже миражъ...

Она прижала холодныя руки къ глазамъ, чтобы не смотрѣть на жимолость. Какъ знать, не исчезнетъ ли она отъ ея взгляда?

Она, должно быть, долго пролежала такимъ образомъ; когда она услышала голосъ матери, тѣнь дерева передвинулась, и солнце свѣтило прямо на ея ничѣмъ не защищенную голову.

— Дорогая моя, у тебя опять разболится голова, напрасно, ты лежишь на солнцѣ. Что это, ты дрожишь?

— Холодно!—слабымъ голосомъ проговорила она, вздрагивая.

— Холодно!—въ такую погоду? Господи, у тебя руки холодныя, какъ ледъ, и влажныя! Лучше бы ты пошла въ комнаты.

Молодая дѣвушка молча повиновалась. Она опять вздрогнула, когда мать поцѣловала ее въ лобъ. Съ какой стати миражъ и вдругъ цѣлуетъ?

Страхъ сойти съ ума въ первый разъ напалъ на нее въ эту ночь, во время безсонницы. Она заснула, какъ только легла въ постель, и проснулась отъ крика: „Воды! воды! воды!“ который она столько разъ слыхала. На этотъ разъ сонъ былъ такой живой, что, когда она проснулась, ей казалось, будто звукъ раздается у самаго ея уха.

Она сдвинула со лба волосы, они были мокры и спутаны, а руки ея дрожали. Нѣтъ, къ этому никогда нельзя привыкнуть; послѣ всякаго кошмара пробужденіе было такъ же ужасно теперь, какъ и въ первое время.

Она вспомнила сегодняшнее видѣніе. Оно явилось при яркомъ дневномъ свѣтѣ, когда она не спала и вполнѣ владѣла своими чувствами. Крикъ „воды!“ она слышала во снѣ. Если онъ повторится на яву... Она сразу поняла. Если это случится, это будетъ признакомъ, что сумасшествіе надвигается.

День за днемъ, ночь за ночью она ждала и прислушивалась. Иногда, когда она лежала безъ сна, біеніе ея пульса, казалось, повторяло: воды, воды!—но, какъ звукъ, она слышала этотъ крикъ только во снѣ. За то другого рода ужасъ не оставлялъ ея. Къ сентябрю она стала такъ часто видѣть призраки, что не рѣшалась прикасаться къ окружающимъ предметамъ, опасаясь, что все это—миражи. Садъ особенно страшилъ ее; его пестрыя краски, его яркое освѣщеніе все это былъ обманъ. Внутри дома ее пугала лѣстница. Что, какъ она вдругъ разлетится въ прахъ отъ прикосновенія ея ноги? Хуже всего были пустыя фигуры, называемыя отецъ, мать, сестра, онѣ двигались и разговаривали, точно живыя существа, онѣ цѣловали ее губами, которыя уже начинали исчезать.

Осенью она стала немного менѣе слаба и худа; а въ началѣ зимы одно чисто случайное обстоятельство на время отвлекло ея умъ отъ его долгаго кошмара. Въ деревнѣ умерла маленькая дѣвочка; ея мать, жившая раньше служанкой у Латамовъ, сказала Дику Грею, что ей очень хотѣлось бы, чтобы барышни пришли посмотрѣть покойницу.

Когда онъ спросилъ Джени, пойдетъ ли она съ нимъ къ несчастной женщинѣ, Джени сразу согласилась, хотя съ маленькой гримасой. Она терпѣть не могла покойниковъ и еще не научилась любить обитателей котеджей; но она искренно хотѣла сдѣлать все, что могла, для утѣшенія бѣдной матери, особенно, если Дикъ одобритъ это.

— А вы?—спросилъ онъ, обращаясь къ Оливіи.

— Пожалуй, если хотите,—отвѣчала она, не поднимая головы,—мнѣ все равно.

Онъ опустилъ глаза. Ему вспомнилась прежняя Оливія, которую не нужно было бы приглашать; матери прибѣгали къ ея помощи, она сама своими сильными и нѣжными руками убирала маленькихъ покойниковъ.

Когда они подошли къ кроваткѣ умершей дѣвочки, мать сняла покрывало, накинутое на ея личико. Со слезами показала она имъ, какъ тщательно разглажено платьице, надѣтое на ней; не малымъ утѣшеніемъ въ горѣ служило ей то, что у ея дочурки будетъ все, какъ слѣдуетъ, „не хуже, чѣмъ у господскихъ дѣтей“.—Намъ придется взять лишнюю работу, чтобы заплатить за него,—сказала она, указывая на

гробикъ съ блестящими ручками и атласной обивкой,—но мы ни за что не хотѣли положить ее въ простой, дешевый гробъ.

Дикъ привѣтливо похвалилъ гробикъ и чистую одежду ребенка. Джени, побѣдивъ свое отвращеніе, положила нѣсколько бѣлыхъ хризантемъ на грудь покойницы и пробормотала двѣ-три банальныя фразы утѣшенія. Огорченная женщина, рыдая, произнесла:

— Да, конечно, миссъ Джени... Благодарю васъ сэръ,— но глаза ея искали Оливію.—Миссъ Оливія, дорогая моя,— обратилась она къ ней,—вы тоже испытали горе, это видно по вашему лицу, вы понимаете, что я чувствую. О!—она залилась слезами,—никогда я не думала, что мнѣ придется хоронить ее.

Оливія посмотрѣла на нее и сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы понять, что происходитъ.

— Въ сущности,—сказала она,—вѣдь это все не важно. Она умерла, это несомнѣнно. Главное, чтобы человѣка не зарыли въ землю живымъ...

Она остановилась, сразу сообразивъ, что сказала что-то невозможное, чудовищное: женщина отняла отъ глазъ передникъ и глядѣла на нее съ ужасомъ и изумленіемъ.

— Оливія!—вскричала Джени, когда онѣ вышли на улицу,—какъ ты можешь быть такой жестокой!

— Что же дѣлать, если я такой родилась,—отвѣчала она.— Это все до того нелѣпо!

— Что нелѣпо?

— Не знаю: покойники, утѣшенія, разглаженныя платья. Человѣкъ плачетъ, потому что умеръ тотъ, кого онъ любилъ, а мы должны ему сочувствовать. Къ чему это все? Дѣвочка умерла такъ же, какъ другіе. Многіе изъ насъ умерли, только этого никто не замѣчаетъ.

Джени открыла ротъ, чтобы возразить, но Дикъ, оставшійся послѣ нихъ въ котеджѣ, догналъ ихъ въ эту минуту и сдѣлалъ ей знакъ молчать.

— Возьмите меня подъ руку, Оливія,—сказалъ онъ.

Идти имъ было недалеко; но когда они вошли въ садъ, онъ почувствовалъ, что Оливія тяжело опирается на его руку. Лицо ея было мертвенно блѣдно.

— Оливія!—вскричала Джени,—милая, что съ тобой?

— Ничего!—У входа на лѣстницу Оливія отняла руку отъ Дика. Джени подбѣжала къ ней съ тревогой.

— Тебѣ дурно, у тебя ужасный видъ! Мистеръ Грей...

Оливія медленно обернулась и посмотрѣла на нихъ, держась за перила лѣстницы въ напряженной позѣ человѣка, на котораго нападаютъ.

— Оставьте меня въ покоѣ. Мнѣ совсѣмъ не дурно; мнѣ никогда не бываетъ дурно; я просто устала. Понимаете: я устала.

Она отвернулась отъ нихъ и пошла наверхъ.

Въ эту ночь она ходила взадъ и впередъ по своей комнатѣ и роптала на Бога и людей. Видъ умершаго ребенка пробудилъ въ ней сознаніе, что она живетъ и обречена жить, что ея желѣзные нервы не сломятся ни при какомъ несчастіи. Отчего же другіе люди умѣютъ и умирать безъ труда, и забывать. Все дается имъ легко: жизнь и смерть, слезы и забвеніе; все, даже сонъ; навѣрно, мать умершей дѣвочки спитъ теперь крѣпкимъ сномъ, хоть у нея глаза и опухли отъ слезъ. На будущую весну у нея родится другой ребенокъ, она будетъ шить ему платьица со складочками да съ оборочками и забудетъ свою утерянную дѣвочку.

И вотъ неожиданно появилась въ душѣ ея какая-то давно исчезнувшая тѣнь той Оливіи, которую любилъ Владиміръ, той Оливіи, которая такъ нѣжно сострадала всякому чужому горю, и глаза ея наполнились слезами при воспоминаніи о заплаканномъ лицѣ несчастной матери. Но эта тѣнь быстро исчезла и смѣнилась другой Оливіей, которая тряхнула головой и засмѣялась. Ахъ! эти огорченныя лица счастливыхъ людей, которые оплакиваютъ своихъ покойниковъ, умершихъ такъ спокойно, среди такихъ нѣжныхъ заботъ! Они, конечно, горько поплачутъ день или два, самое большее недѣлю; потомъ пойдутъ въ церковь въ нарядныхъ траурныхъ платьяхъ, помолятся тамъ и осушатъ свои слезы. И эти люди воображаютъ, будто знаютъ, что такое адкія муки.

О! какъ ужасно сознавать это раздвоеніе своей личности: одно *я* чувствуетъ, другое *я* видитъ это и насмѣхается.

Она подняла руки и заломила ихъ надъ головой.

— Я схожу съ ума!—громко прокричала она.—Кароль, я схожу съ ума!

Кароль... да, Кароль не принадлежитъ къ тѣмъ наряднымъ, довольнымъ людямъ, которые оплакиваютъ своихъ покойниковъ. Но, можетъ быть, и Кароль тоже миражъ.

Руки ея медленно опустились. Она легла въ свою холодную постель и лежала безъ сна въ темнотѣ.

Передъ Рождествомъ выпалъ первый снѣгъ; поздно вечеромъ отецъ нашелъ ее въ саду босою, она ходила въ припадкѣ лунатизма, и бѣлые хлопья падали на ея распущенные, ничѣмъ не покрытые волосы. Онъ попробовалъ, нельзя ли, не разбудивши, отвести ее въ ея комнату; но, при

первомъ прикосновеніи его, она подняла руки со страшнымъ крикомъ:

— Ай, ай, я въ снѣгу, въ снѣгу!

Она стала обѣими руками неистово сбрасывать снѣгъ у себя съ лица и съ шеи.

— Оливія!—позвала ее миссисъ Латамъ, выбѣжавъ на шумъ голосовъ; и молодая дѣвушка, вся дрожа, прижалась къ груди ея. Въ первый разъ послѣ своего возвращенія она отвѣтила на ласку матери, и то только на минуту. Все еще дрожа, она отшатнулась онъ нея и посмотрѣла на нихъ жесткимъ взглядомъ, который такъ тревожилъ ихъ.

— Ничего, благодарю васъ. У меня былъ кошмаръ: это отъ... снѣга.

Не смотря на ночные кошмары, физическія силы возвращались къ ней. Въ февралѣ она уже могла, не уставая, дѣлать большія прогулки и проявляла безпокойную энергію взамѣнъ мертвенной пассивности прошлаго года. Большую часть времени она проводила теперь, бродя по обнаженнымъ лѣсамъ. Бездѣятельность была настолько противна ея природѣ, что при первомъ поворотѣ ея здоровья къ лучшему у нея явилось желаніе уѣхать изъ этого соннаго мѣстечка, отъ этихъ праздныхъ людей. А между тѣмъ, когда у нея мелькала мысль вернуться въ Лондонъ и приняться за прежнюю работу, она съ ужасомъ отгоняла ее.

— Я не могу быть больше сидѣлкой,—повторяла она себѣ каждый день, шагая по холоднымъ, мокрымъ лѣснымъ дорожкамъ. Она покончила со своей профессіей въ ту минуту, когда сошла съ лѣстницы вслѣдъ за синими мундирами. Это была не ея вина, но это случилось, измѣнить этого никакъ нельзя. Она, сидѣлка, не сумѣла защитить отъ физическаго насилія паціента, порученнаго ей; не сумѣла умереть, защищая его. Это еще хуже, чѣмъ если бы она подверглась оскорбленію ея женской чести и пережила это оскорбленіе. Сотни разъ повторяла она себѣ мысленно всѣ подробности той сцены и мучила себя напрасными предположеніими. Могла ли она что-нибудь сдѣлать? Что случилось бы, если бы она не покорилась, если бы она бросила зажженную лампу въ лицо офицера? Она понимала, что въ результатѣ явилось бы еще болѣе грубое обращеніе съ умирающимъ. Но, можетъ быть, это было бы лучше? Можетъ быть, онъ умеръ бы быстрѣе и не страдалъ бы такъ долго?

Когда зима уступила мѣсто веснѣ, и съ возрастаніемъ физическихъ силъ явилось постепенно пробужденіе ея замершей души, она стала, наконецъ, сознавать, насколько испорчена вся ея жизнь. Ей ничего не оставалось, какъ про-

зябать въ этой болотистой дырѣ и постоянно дрожать передъ не покидавшими ее призраками.

Какъ-то разъ, въ началѣ апрѣля, рано утромъ, послѣ ночи страшныхъ видѣній, заставившихъ ее убѣжать изъ своей комнаты и безцѣльно бродить по полямъ, она замѣтила Дика Грея, который шелъ, весело посвистывая, по тропинкѣ, поднимавшейся съ низкихъ болотистыхъ участковъ земли.

Она повернула, чтобы не встрѣтиться съ нимъ; но онъ увидалъ ее, ускорилъ шагъ и нагналъ ее около вишневаго дерева, покрытаго цвѣтами. Его хорошо сложенное, здоровое тѣло и его поношенное платье говорили какъ будто о холодныхъ ваннахъ, о физическихъ упражненіяхъ на открытомъ воздухѣ и о дѣятельной любви къ человѣчеству.

Сапоги его были покрыты грязью болотъ; и когда онъ подбѣжалъ къ ней, съ глазами, блестѣвшими изъ-подъ старой шляпы, пустой кофейникъ звенѣлъ въ рукѣ его.

— Оливія! Какъ пріятно встрѣтить васъ такъ рано, точно въ былыя времена. Не правда ли, какое чудное утро?

— Да, кажется,—отвѣчала она, окинувъ взглядомъ покрытые росой луга.

Лицо его сразу затуманилось.

— Опять плохо спали? Ахъ, моя бѣдная, какъ мнѣ васъ жаль!

Губы ея сжались. Она какъ-то нервно боялась всѣхъ выраженій сочувствія со стороны близкихъ людей; ей казалось, что вслѣдъ затѣмъ непремѣнно явятся ненавистные ей вопросы. Поэтому она поспѣшила перемѣнить разговоръ.

— Вы, должно быть, были въ Нижнемъ Гилофордѣ? Это замѣтно по вашимъ сапогамъ.

— Да, я носилъ старой Сусаннѣ Мэдъ ея завтракъ. Она лежитъ въ ревматизмѣ, и никто не хочетъ ничего для нея дѣлать изъ-за ея дурнаго характера. Бѣдняга каждое утро повторяетъ мнѣ, что „не вѣритъ въ священниковъ и не нуждается ни въ какихъ благодѣяніяхъ“. Очень любезно, не правда ли? Я увѣрялъ ее сегодня, что и самъ не особенно долюбливаю пасторовъ, а что касается благодѣяній, то—ей нравится горячій кофе, а мнѣ нравятся раннія прогулки. Какой сегодня удивительный солнечный восходъ, не правда ли?

Легкая улыбка скользнула по лицу Оливіи.

— Почему вы смѣетесь?—тотчасъ же спросилъ онъ.

— Я подумала, что сказалъ бы ректоръ, если бы слышалъ вашъ разговоръ съ Сусанной.

Дикъ громко расхохотался.

— Добрый старикашка Викгамъ! Я думаю, онъ каждый вечеръ въ своихъ молитвахъ спрашиваетъ, за что Богъ наказалъ его, пославъ ему соціалиста въ викаріи. По правдѣ сказать, не посчастливилось старому толстяку!

Онъ замолчалъ и сталъ топтать ногой кустъ травы.

— Вотъ что, Оливія: я давно хотѣлъ поговорить съ вами, да все какъ-то не выходитъ. Я...

Онъ опять остановился. Оливія стояла неподвижно и смотрѣла на него, сурово сжавъ губы.

— Вы знаете, я никогда не дѣлалъ вамъ никакихъ вопросовъ, послѣ того, что вы мнѣ тогда сказали въ вагонѣ,— продолжалъ онъ, торопясь,—и теперь я не стану говорить, какъ я вамъ сочувствую и все такое. Но вѣдь это... это ужасно видѣть, какъ человѣкъ можетъ сгорѣть въ одинъ годъ! Можетъ быть, вы скажете, что мнѣ за дѣло?

Ея глаза сверкнули.

— Да, я скажу, что вамъ за дѣло.

— Вотъ что мнѣ за дѣло: я васъ любилъ, любилъ преданно нѣсколько лѣтъ и... не особенно надоѣдалъ вамъ своею любовью. Теперь я хотѣлъ бы одного, чтобы вы не сторонились отъ всѣхъ людей, для которыхъ вы дороги, даже если мы и не можемъ помочь вамъ. Видите ли, обо мнѣ говорить не стоитъ: я, въ сущности, оселъ, на меня можно не обращать вниманія,—но изъ-за этого вашъ отецъ состарился раньше времени...

Она, не говоря ни слова, повернулась къ нему спиной и притянула вѣтку цвѣтущей вишни къ своему лицу. Вся фигура ея выражала такое горе, что онъ не смѣлъ продолжать. Наконецъ, онъ приблизился къ ней на шагъ.

— Оливія, я... я васъ разсердилъ?

— Ахъ нѣтъ, не сержусь; только я нахожу, что не стоитъ объ этомъ говорить. Я знаю, вы всѣ очень добры, но лучше, если бы вы меня оставили въ покоѣ.

Она замолчала, потомъ подняла голову, продолжая нагибать вѣтку.

— Вы говорите объ отцѣ... Я думаю, мнѣ, дѣйствительно, слѣдовало держаться подальше отъ родныхъ, да и отъ всѣхъ вообще. Это было бы лучше для всѣхъ васъ и... менѣе тяжело для меня.

Вѣтка задрожала подъ ея рукой.

— Отецъ былъ очень добръ, очень терпѣливъ... да и всѣ также. Я... я скоро уѣду.

Ея голосъ замеръ; она смотрѣла прямо передъ собою расширенными глазами.

— Я совершенно не понимаю, что вы хотите сказать,— проговорилъ Динъ.—Я говорю съ вами наугадъ; но я знаю,

что самое лучшее средство противъ личнаго горя это имѣть что-либо постороннее ему, во что вѣришь. Я страшно жалѣю теперь, что мнѣ не удалось въ прежнее время обратить васъ въ соціализмъ. Если бы я не былъ тогда такимъ глупымъ осломъ...

— Соціализмъ? — Вишневая вѣтка вернулась на свое мѣсто.

Оливія повернулась къ нему и засмѣялась подъ дождикъ бѣлыхъ лепестковъ, осыпавшихъ ее.

— Пилюли Моррисона для всеобщаго благополучія? На выборъ, какія желаете, Гампстонскія съ экономической статистикой и послѣобѣденнымъ чаемъ, или Бермандсейскія, которыя вы такъ любили, съ пивомъ и флагами. Я думаю, что если бы я къ чему-нибудь пристала, то скорѣй всего къ анархизму; къ той его разновидности, которая процвѣтаетъ въ глухихъ улицахъ Сохо, съ накрашенными усами и коробочками изъ подъ сардинокъ, наполненными взрывчатыми веществами. У нихъ, по крайней мѣрѣ, интересно.

Онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и пристально глядѣлъ на нее; его загорѣлое лицо поблѣднѣло.

— Простите меня, дорогая,—проговорилъ онъ сухо. — Я былъ виноватъ, что позволилъ себѣ вмѣшаться въ ваши дѣла. Въ другой разъ я этого не сдѣлаю.

Глаза дѣвушки смягчились.

— Мнѣ жаль, что я васъ огорчила, Дикъ; мнѣ не хочется быть грубой ни съ вами и ни съ кѣмъ, если только вы меня оставите въ покоѣ. Но поймите, пожалуйста, что вы не можете помочь мнѣ, никто на свѣтѣ не можетъ. Я должна сама выбраться на дорогу.

На лицѣ ея снова появилось выраженіе страха. Она отвернулась отъ него и медленно направилась къ дому. Онъ смотрѣлъ, какъ она шла по тропинкѣ и остановилась около куста маргаритокъ, которыя выглядывали изъ-подъ влажной травы своими широко раскрытыми чашечками. Его охватилъ ужасъ, когда онъ увидѣлъ, какъ спокойно раздавила она своимъ каблукомъ невинный бѣлый цвѣточекъ. Она пошла дальше, а онъ глядѣлъ ей вслѣдъ съ печальнымъ недоумѣніемъ.

Неужели это Оливія, и неужели она считаетъ, что ничто живое не должно жить и наслаждаться солнечнымъ свѣтомъ, потому что ея Владиміръ умеръ?

III.

Ясное майское солнце освѣщало поля клевера, кусты боярышника около рощи и бѣлыя ступеньки около поворота дороги.

Кароль шелъ со станціи Гетбриджъ и остановился полюбоваться зелеными холмами и золотистыми лютиками на лугахъ.

У него былъ цѣлый свободный день, и ему некуда было торопиться. При данныхъ обстоятельствахъ это было очень пріятно; ему надобно имѣть крѣпкіе нервы для свиданія съ Оливіей; а въ послѣднее время ему становилось трудновато справляться съ ними. Правда, до сихъ поръ это еще удавалось ему, никто не догадывался, что съ нимъ творится что-то неладное, но самъ онъ это давно замѣтилъ и теперь зналъ, въ чемъ дѣло. Къ счастью, такого рода болѣзни развиваются медленно; теперь ему не время сдаваться, онъ успѣетъ раньше много наработать.

Онъ сѣлъ на лѣсенку, поставивъ одну ногу на нижнюю ступеньку какимъ-то странно неловкимъ движеніемъ, и глядѣлъ на переливы свѣта и тѣни по откосамъ полей. Нѣсколько цвѣтковъ рѣпы, случайно выросшихъ на клеверномъ полѣ, гордо поднимали свои желтыя головки надъ красными цвѣтками клевера. Съ другой стороны дороги тянулось поле пшеницы, среди которой виднѣлся то ранній василекъ, то цвѣтокъ мака, а за нимъ шелъ участокъ, засѣянный бобами, распространявшими медовый запахъ. Въ ближнихъ кустахъ чирикала семья маленькихъ малиновокъ, еще не вылетѣвшихъ изъ гнѣзда.

Кароль вынулъ изъ кармана записную книжку и началъ просматривать, что ему предстоитъ дѣлать на будущей недѣлѣ. Ему надобно съѣздить въ Эссексъ повидаться по дѣлу съ однимъ человѣкомъ; потомъ необходимо побывать въ Шотландіи, гдѣ у поляковъ углекоповъ вышла ссора съ рабочимъ союзомъ. Впрочемъ, это можно отложить на время, прежде надо съѣздить въ Ливерпуль къ эмигрантамъ, которые тамъ буквально умираютъ съ голода. Въ Лондонѣ у него тоже назначено нѣсколько свиданій въ Эстъ-Эндѣ, одно въ кулуарахъ палаты общинъ, два въ Байсуатеръ... Онъ развернулъ планъ города.

— Эстъ Гамъ... нѣтъ, онъ самъ долженъ пріѣхать ко мнѣ, мнѣ некогда. Финсбюрипаркъ; гдѣ же это? Баттерси...

Ему сразу вспомнилась пріемная комната врача, въ которой онъ сидѣлъ нѣсколько часовъ тому назадъ.

— Вы сами знаете,—говорилъ ему серьезный голосъ спеціалиста,—что эта болѣзнь неизлѣчима; но вы можете на нѣсколько лѣтъ задержать развитіе ея, если будете нѣкоторое время двигаться медленно, или если дадите себѣ полный отдыхъ.

— Я одинъ изъ организаторовъ дѣятельной и развивающейся политической партіи,—отвѣчалъ онъ: При той жизни, какую мнѣ приходится вести, я не могу двигаться медленно; что касается отдыха, то я успѣю отдохнуть, когда не въ состояніи буду работать.

— Не можетъ ли ваша партія обойтись безъ васъ хоть нѣсколько мѣсяцевъ? Вѣдь вы сами докторъ, вы не хуже меня знаете, что это значитъ.

Да, конечно, онъ зналъ. Но все равно, онъ долженъ устроить нѣсколько дѣлъ, прежде чѣмъ устраниться отъ всякой дѣятельности. И, конечно, прежде всего онъ долженъ повидаться съ Оливіей.

— Неужели всѣ ваши соотечественники такіе упрямые?— спросилъ спеціалистъ, когда они на прощанье жали другъ другу руку. Въ отвѣтъ онъ только пожалъ плечами; объяснять не стоило: съ его стороны это было вовсе не упрямство, а просто смерть мало пугала его. Онъ самъ рѣшитъ, когда долженъ прекратить свою жизнь, если болѣзнь не убьетъ его во время. Во всякомъ случаѣ, умъ его не утратитъ свою ясность, слѣдовательно, онъ по своей волѣ будетъ располагать обстоятельствами. Если человѣку не грозитъ ничего хуже этого... не грозитъ ничего хуже... Онъ уронилъ карту, нагнулся поднять ее, потомъ опустилъ руки и сидѣлъ неподвижно.

Вотъ гдѣ таился врагъ, вотъ тотъ скрытый страхъ, который преслѣдовалъ его. Было одно воспоминаніе, которое время отъ времени возвращалось къ нему и душило его. Къ счастью, оно возвращалось рѣдко; но возвращалось всегда внезапно, какъ звѣрь, который набрасывается на свою добычу безъ всякаго предупрежденія. Это было воспоминаніе объ одной ночи въ Акатуѣ.

Въ сущности, въ ней не было ничего замѣчательнаго, ничего страшнаго, кромѣ самаго страха. Когда дѣла шли дѣйствительно дурно, онъ не терялъ головы. Можетъ быть, онъ былъ отъ природы безчувственъ, можетъ быть, онъ былъ физически крѣпокъ и силенъ; во всякомъ случаѣ, ему удавалось устоять тамъ, гдѣ другіе или спивались, или сходили съ ума, или доходили до самоубійства. Онъ спокойно просидѣлъ три послѣднія ночи съ умиравшимъ Векшей, своимъ лучшимъ другомъ; темныя безконечныя ночи, когда больной задыхался, а онъ ничѣмъ не могъ облегчить его страданій.

Потомъ была голодовка; общая просьба всѣхъ заключенныхъ объ удаленіи грубаго надзирателя была оставлена безъ вниманія, и они рѣшили бороться съ начальствомъ. Въ концѣ концовъ они одержали верхъ; общее медленное самоубійство всѣхъ заключенныхъ произвело бы слишкомъ большой скандалъ и могло даже попасть въ иностранныя газеты; но побѣда была куплена дорогою цѣною. Въ послѣдній день, когда большая часть голодающихъвпала въ безпамятство отъ жажды, онъ оставался совершенно здоровымъ. Потомъ, когда припадки эпилепсіи приняли эпидемическій характеръ, и безпрестанно то тотъ, то другой заключенный съ крикомъ падалъ на полъ, онъ былъ въ числѣ не многихъ, устоявшихъ противъ болѣзни. Онъ оставался твердымъ и въ то время, когда младшій изъ товарищей спряталъ и тайкомъ выпилъ склянку купороса, предназначеннаго для работъ въ мастерской. Мальчикъ (ему было всего двадцать три года и они всѣ называли его „мальчикомъ") страдалъ тридцать часовъ, до конца не терялъ сознанія и умеръ на рукахъ **Кароля**.

Все это онъ видѣлъ, все осилилъ своею твердою волею, изъ всѣхъ этихъ ужасовъ не было ни одного, котораго бы онъ не могъ забыть, или не смѣлъ вспомнить. Но одна ночь въ его жизни была ужаснѣе всего остального.

Что именно тогда случилось, онъ не помнилъ, какая-то мелочь, какой-то пустякъ; какая-то случайная прибавка къ тысячи мелкихъ непріятностей, изъ которыхъ слагалась вся жизнь. И вдругъ онъ ясно сознаоъ, что дошелъ до предѣла, что не можетъ снести ничего больше, что при слѣдующемъ испытаніи онъ сойдетъ съ ума. Ночью онъ сидѣлъ на краю наръ и боролся самъ съ собой, боролся не за то, чтобы сохранить бодрость, или покорность судьбѣ, или вѣрность тѣмъ высокимъ принципамъ, которые помогаютъ человѣку переносить черные дни, онъ боролся просто за жизнь. И даже теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, воспоминаніе объ этой ночи жгло его, какъ раскаленное желѣзо.

Нѣтъ, онъ можетъ быть глупцомъ, но во всякомъ случаѣ не надолго. Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и стряхнулъ тяжелыя мысли.

Въ сущности, вѣдь это нелѣпо. Если онъ не сошелъ съ ума тогда, онъ не сойдетъ и теперь; что касается смерти, которая зависитъ отъ самого человѣка и для которой достаточно пріема морфія, то при нѣкоторой привычкѣ можно спокойно смотрѣть ей въ глаза.

Онъ сошелъ съ лѣсенки, поднялъ планъ, сунулъ его въ карманъ и, оперішись руками на рѣшетку, окинулъ взглядомъ золотистые луга. Молодая дѣвушка въ голубомъ платьи шла среди лютиковъ. Когда она подошла ближе, небольшая

Жизнь Штирнера.

Въ половинѣ іюня минуло полъ вѣка со смерти Макса Штирнера, автора книги «Der Einzige und sein Eigenthum», которая лишь теперь становится доступной русскому читателю. Уже объявлено о предстоящемъ изданіи нѣсколькихъ переводовъ извѣстной книги. Пора знать что-нибудь и объ ея авторѣ. Для этого есть одинъ источникъ—книга Д. Г. Макая, которую русская цензура до сихъ поръ не рѣшается пропустить черезъ границу. Остается—вмѣсто недоступнаго нѣмецкаго оригинала—дать читателямъ его русское изложеніе. Жизнь Штирнера этого стоитъ: какъ она ни сложилась, она—жизнь человѣка, носившаго великія мысли.

«Мы не имѣемъ свѣдѣній о Штирнерѣ, о его личности и жизни. Знаемъ только, что онъ былъ неудачникъ и умеръ въ неизвѣстности и нищетѣ». Такъ писалъ Н. К. Михайловскій въ 1894 году, излагая ученіе не то знаменитаго, не то забытаго нѣмецкаго философа и сопоставляя его ученіе съ воззрѣніями Ничше. Не простое любопытство и не условности литературныхъ формъ вызывали въ Н. К. Михайловскомъ желаніе знать конкретныя подробности жизни создателя «эгоистической» философіи, которою онъ такъ интересовался и съ которою первый познакомилъ русскихъ читателей *). Жизнь и личность моралиста всегда представляетъ особый интересъ для освѣщенія его ученія, а тѣмъ болѣе жизнь теоретика эгоизма. Даже въ жадности толпы къ знакомству съ подробностями поведенія проповѣдника альтруистической нравственности есть нѣчто, кромѣ простаго любопытства, ищущаго разоблаченій: люди хотятъ, чтобы мораль была не только теоретической, но и практической истиной, чтобы она была оправ-

*) Собственно, упоминанія о Максѣ Штирнерѣ и его книгѣ мы встрѣчаемъ въ русской литературѣ задолго до Н. К. Михайловскаго: Анненковъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (III, 198—201) сохранилъ намъ отзывъ о ней Бѣлинскаго; о ней же есть упоминаніе и въ статьѣ Хомякова: „По поводу Гумбольдта“ (Сочиненія, т. I, изд. 1900 г., стр. 150—151). Беремъ эти указанія изъ брошюры г. Саводника, „Ничшеанецъ 40-хъ годовъ“ (Москва, 1902), который, какъ видно, не знакомъ со статьей Н. К. Михайловскаго о Штирнерѣ: иначе онъ, конечно, не обошелъ бы ее молчаніемъ.

дана не только ихъ внутреннимъ чувствомъ, но и всею жизнью проповѣдника. Есть глубокій смыслъ въ извѣстномъ анекдотѣ о томъ, какъ создатель одной изъ многихъ новыхъ религій выставлялъ на видъ ея преимущества предъ христіанствомъ, а остроумный государственный человѣкъ отвѣтилъ ему: «Ваша религія превосходна; вамъ остается только быть распятымъ за нее». Казалось бы, истина есть истина, и намъ нѣтъ дѣла до того, воплотилъ ли ее въ себѣ тотъ, кто ее вѣщаетъ. Но есть нѣчто отчуждающее въ нравственномъ ученіи, проповѣдникъ котораго, бія себя по персямъ, возглашаетъ: «Вотъ какъ надо жить свято. Мнѣ это не удалось».

Можетъ показаться, что съ проповѣдникомъ эгоизма этого не будетъ, такъ какъ ему легче быть на высотѣ своей философіи. Это, конечно, грубая ошибка. Одно требованіе лежитъ въ основѣ всякой морали эгоизма, какъ бы она отъ этого ни отрекалась: требованіе быть самимъ собой. Для того, кому это требованіе не лазейка отъ обязанностей, а неустрашимый, непобѣдимый законъ его жизни, оно серьезно, и исполненіе его равно тому, что называется самопожертвованіемъ. Да оно и включаетъ въ себя самопожертвованіе. И жизнь Штирнера—простая, незамѣтная, ровная, отвѣчала его требованіямъ. Не съ высоты его ученія, которое вѣдь подлежитъ разнымъ толкованіямъ, надо судить его жизнь; но съ точки зрѣнія прожитой имъ жизни взглянуть на его ученіе; она его можетъ и должна пояснять.

Біографъ Штирнера, нѣмецкій писатель Д. Г. Макай, въ началѣ работы надъ исторіей его жизни, подходилъ къ ней съ своими требованіями, и ему казалось, что это требованія ученія Штирнера. Но, продѣлавъ невѣроятно трудную работу собиранія свѣдѣній о забытомъ человѣкѣ и получивъ впервые возможность бросить общій взглядъ на жизнь философа, онъ понялъ свою ошибку. «Не только глубокое отчаяніе, но великое разочарованіе охватывало меня по мѣрѣ того, какъ, подвигаясь все далѣе и далѣе впередъ, я яснѣе и яснѣе видѣлъ, какъ несложна, какъ чужда событій была эта жизнь. Я ждалъ чего-нибудь необычайнаго, но не нашелъ ничего подобнаго. Неужто жизнь такого человѣка можетъ быть бѣдна внѣшними большими событіями? Этого я не могъ понять. Но лишь постепенно, по мѣрѣ того, какъ я съ каждымъ годомъ все глубже и глубже входилъ въ духъ творенія и исторію жизни его создателя, меня охватывалъ стыдъ: я понялъ мою ошибку, я понялъ, что эта жизнь могла быть только такою, какой она была, и не могла быть иною. И я ужъ не искалъ въ ней великихъ событій, но въ тихой работѣ старался только заполнить ея пробѣлы. Теперь, наконецъ, я знаю, что жизнь Штирнера совсѣмъ не была противоположностью его великому созданію: наоборотъ, она была яснымъ и простымъ выраженіемъ его послѣднихъ выводовъ, ихъ необходимымъ слѣдствіемъ, безъ всякаго,

внѣшняго или внутренняго, противорѣчія». Она была, конечно, не тѣмъ, что мы называемъ красивой, яркой, сильной жизнью. Но Штирнеръ никому и не обѣщалъ прожить такую жизнь: жилъ, какъ жилось—и чувствовалъ на это право. Недаромъ всетаки его сѣрая жизнь увѣнчана безсмертіемъ.

Іоганнъ Каспаръ Шмидтъ родился 25 октября 1806 года въ Байретѣ; родители его были протестанты. Отецъ, «мастеръ духовыхъ инструментовъ» — онъ дѣлалъ флейты—умеръ отъ чахотки черезъ полъ года послѣ рожденія сына. Мальчику было около трехъ лѣтъ, когда мать его вступила во второй бракъ и уѣхала съ мужемъ въ Кульмъ, въ Пруссіи; сынъ жилъ при ней до гимназіи. Быть можетъ, извѣстность, которою уже тогда пользовалась байретская гимназія, была причиной того, что Іоганнъ Каспаръ, для прохожденія гимназическаго курса, переселился обратно въ свой родной городъ. Онъ жилъ здѣсь у своего крестнаго отца, въ честь котораго получилъ имя, чулочника Штихта, и учился хорошо; если прибавить къ этому то, что его директоръ былъ восторженный ученикъ Гегеля, «обрѣтшій въ его ученіи абсолютную свободу своего духа и ученія», и что онъ бралъ частные уроки французскаго языка и игры на фортепьяно, то этимъ всѣ маломальски существенныя данныя о первыхъ двадцати годахъ жизни Штирнера будутъ исчерпаны. Если въ жизни мыслителя насъ интересуетъ только то, что даетъ возможность заглянуть въ ходъ его духовнаго развитія, то можно сказать, что о дѣтствѣ и юности Штирнера мы не знаемъ ничего. Къ этому можно прибавить нѣкоторыя общія данныя; онѣ не имѣютъ большого значенія, когда ихъ нельзя конкретизировать, когда между ними и даннымъ случаемъ нѣтъ мостика. Мы знаемъ, что Штирнеръ сынъ простыхъ горожанъ, что онъ представитель чистой верхне-франконской расы— «породы трезвой, сосредоточенной, разумной, нѣсколько мрачной». Его рожденіе совпадаетъ съ эпохой тяжелыхъ испытаній для его родного города, истерзаннаго сумятицей и тревогами, связанными съ наполеоновскимъ нашествіемъ. Начало его сознательной жизни совпадаетъ съ пребываніемъ въ Кульмѣ, тихомъ городкѣ на Вислѣ; затѣмъ классическая школа взваливаетъ на юныя плечи тяжелую ношу гуманитарнаго образованія; кажется, она не была для него непосильной.

Но что представлялъ изъ себя мальчикъ? Каковы его первые склонности и запросы? Въ какомъ настроеніи прошла его юность: проникали его настроеніе сознаніе растущей силы и жажда дѣятельности или и она уже была омрачена раздвоеніемъ? Нѣтъ отвѣта на эти вопросы въ тѣхъ скудныхъ датахъ, которыми мы обладаемъ,—и въ этомъ невѣдѣніи мы слѣдуемъ за юношей въ университетъ— въ городъ, гдѣ ему суждено было жить, дѣйствовать и умереть.

Онъ поступилъ на философскій факультетъ берлинскаго университета осенью 1826 года. Около того же времени другой молодой берлинскій студентъ, его будущій противникъ Людвигъ Фейербахъ писалъ своему отцу: «Ни въ одномъ университетѣ нѣтъ такого всеобщаго прилежанія, такого стремленія къ чему-либо повыше, чѣмъ обыкновенные студенческіе интересы, такой жадности къ наукѣ, такого покоя и тишины, какъ здѣсь. Другіе университеты— поистинѣ кабачки въ сравненіи съ этимъ домомъ труда». Дошедшее до насъ студенческое свидѣтельство Штирнера показываетъ, что онъ сдѣлалъ надлежащій выборъ въ той плеядѣ блестящихъ именъ, которыми гордился берлинскій университетъ. Онъ слушалъ въ первомъ семестрѣ всеобщую географію у ея создателя, Карла Риттера, этику у Шлейермахера, философію религіи у Гегеля, громадное вліяніе котораго было нераздѣльно; въ дальнѣйшемъ къ его лекціямъ по исторіи философіи, психологіи и антропологіи присоединилась исторія церкви у Неандера, извѣстнаго противника Штрауса, и другія богословскія дисциплины у Маргейнеке, ортодокса гегеліанской «правой». Послѣ перваго курса онъ уѣхалъ изъ Берлина, провелъ одинъ семестръ въ Эрлангенѣ, потомъ три съ половиною года былъ внѣ университета; въ краткой латинской автобіографіи, поданной имъ при прошеніи объ испытаніи, онъ говоритъ, что въ это время совершилъ большое путешествіе по Германіи. Въ 1829 году онъ поступилъ въ кенигсбергскій университетъ, но семейныя обстоятельства, — они остались для насъ неизвѣстными — опять прервали его университетскую жизнь. Та же автобіографія сообщаетъ, что онъ и въ это время «не оставилъ своихъ философскихъ и филологическихъ работъ». На филологію, особенно классическую, онъ обратилъ главное вниманіе и въ берлинскомъ университетѣ, студентомъ котораго онъ снова сдѣлался осенью 1832 года; теперь онъ слушалъ здѣсь курсъ о Проперціѣ у знаменитаго Лахмана, о республикѣ Платона у Бека, объ Аристотелѣ у гегеліанца Михелета; онъ собирался слушать еще Раумера и Тренделенбурга, но такъ какъ онъ рѣшилъ держать не докторскій экзаменъ при университетѣ, а государственное испытаніе на званіе учителя, то онъ покончилъ съ своей университетской жизнью.

Учительскій экзаменъ включалъ также письменныя работы, изъ коихъ одна, «О школьныхъ законахъ», достойна вниманія біографа. Здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ самостоятельными взглядами мыслителя, въ которыхъ кой-что уже знаменательно для его будущаго міровоззрѣнія.

Исходя изъ общаго представленія о законѣ, молодой кандидатъ говоритъ: «Въ законѣ нѣтъ случайности, нѣтъ произвола: онъ основанъ на природѣ предмета, для котораго предназначенъ, и въ ней воплощенъ. Ибо все сущее—въ мірѣ явленій или мірѣ духа,—представляясь въ томъ или иномъ видѣ простымъ, есть въ

то же время нѣчто, полное содержанія и—благодаря элементамъ, на которые оно распадается—также нѣчто многообразно сложное». Сведеніе этого многообразія къ единству есть законъ. Нѣтъ закона, даннаго предмету извнѣ: «И законы тяжести суть раскрытіе содержанія понятія тяжести». И законы школы суть лишь раскрытіе содержанія понятія ученика. Анализъ этого понятія и составляетъ содержаніе работы: формулировать самые законы авторъ не берется. Понятіе ученика изслѣдуется строго индуктивно; за періодомъ дѣтства—стадіи обособленности чистаго «бытія для себя» слѣдуетъ возникновеніе Я, самосознанія и отличенія отъ другихъ Я, общенія съ ними и развитія своего Я посредствомъ этого общенія и ученія; дитя становится ученикомъ: періодъ разсудка, когда учитель представляется ему образцомъ совершенства. Въ университетской жизни стадія разсудка смѣняется стадіей разума. «Вмѣсто учителя предъ Я предстаетъ сама наука въ ея чистомъ видѣ, и область ея—свобода». Мыслью о самоцѣльной личности проникнута вся работа; искорками сверкаютъ въ ней тѣ мысли, которыя разрослись впослѣдствіи въ яркое пламя новаго міровоззрѣнія.

Учительскій экзаменъ сошелъ не важно. Свѣдѣнія кандидата по исторіи, богословіи, географіи были хороши, пробные уроки—они свелись къ лекціямъ—удались вполнѣ, но въ математикѣ и исторіи философіи онъ оказался слабъ; древніе языки удовлетворили экзаменаторовъ посредственно. За Штирнеромъ признали условное право преподаванія. Онъ занимался полтора года безплатно въ среднихъ классахъ реальнаго училища, пытался получить казенное мѣсто, но ему отвѣтили отказомъ. Трудно сказать, чѣмъ онъ жилъ въ это время. Его отчимъ умеръ, мать уже нѣсколько лѣтъ страдала душевной болѣзнью. Очевидно, однако, обстоятельства его позволили ему сдѣлать рѣшительный шагъ, достойный вниманія его біографа: въ концѣ 1837 года онъ женился на молодой дѣвушкѣ—и, кажется, былъ счастливъ; но не прошло и года, какъ его жена умерла отъ родовъ; ребенокъ скоро умеръ. Еще нѣсколько лѣтъ—почти вплоть до своего второго брака—Штирнеръ жилъ у родныхъ своей первой жены. Съ конца тридцатыхъ годовъ онъ имѣлъ постоянное занятіе: онъ былъ учителемъ нѣмецкаго языка и словесности въ частной женской гимназіи вплоть до 1844 года и былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ какъ съ начальницами этого учебнаго заведенія, дѣвицами Цеппъ, такъ и съ своими ученицами. Его неожиданная отставка поразила всѣхъ: съ ея причинами и обстоятельствами, ее сопровождавшими, мы познакомимся ниже.

Здѣсь мы разстаемся съ учителемъ Іоганомъ Каспаромъ Шмидтомъ, чтобы обратиться къ Максу Штирнеру. Мы не много узнали о его внутренней жизни за годы ученія и первыхъ попыткахъ самостоятельной жизни; ни одного живого голоса изъ этой эпохи не

дошло до насъ; до сихъ поръ говорили не люди, а сухіе факты. Лишь въ началѣ сороковыхъ годовъ мы встрѣчаемъ Штирнера въ кругу людей, донесшихъ до насъ живыя воспоминанія о немъ и сообщающихъ теплоту и нѣкоторую опредѣленность его безгласной фигурѣ. И кружокъ этихъ людей заслуживаетъ вниманія не только потому, что они были въ теченіе ряда лѣтъ пріятелями Штирнера, не только потому, что въ этой обстановкѣ окрѣпла его завѣтная творческая мысль, но и самъ по себѣ.

Это не былъ обычный нѣмецкій ферейнъ съ уставомъ, предсѣдателемъ и правленіемъ, а просто компанія свободныхъ людей, сходившаяся по вечерамъ въ одномъ трактирчикѣ и обсуждавшая на досугѣ всевозможные вопросы, теоретическіе и политическіе. Взгляды ихъ были довольно разнообразны, общаго у нихъ было одно: недовольство общественнымъ строемъ и желаніе такъ или иначе попытать свои силы въ борьбѣ съ нимъ. Эта—очевидно, самая крайняя—лѣвая тогдашняго духовнаго движенія носила названіе «вольницы» (die Freien)—и подъ этой кличкой получила нѣкоторую извѣстность въ смутной исторіи до-мартовскаго времени въ Германіи. Съ внѣшней стороны составъ кружка трудно назвать разнообразнымъ; это была богема—по преимуществу литераторы, студенты, все люди молодые, лѣтъ отъ двадцати до тридцати. Центромъ кружка, собиравшагося неизмѣнно въ трактирчикѣ Гиппеля, былъ Бруно Бауэръ, только что лишенный за вольнодумство званія привать-доцента въ боннскомъ университетѣ. Блестящая самозащита знаменитаго критика Библіи и представителя гегеліанской лѣвой надѣлала много шума, но не возвратила ему покровительства министра Альтенштейна и права преподаванія. Онъ жилъ въ Берлинѣ и готовился къ дальнѣйшей борьбѣ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Эдгаромъ, также принадлежавшимъ къ кружку и выступившимъ въ литературѣ съ защитой брата. Раньше братья работали въ «Hallische Jahrbücher» Арнольда Руге, затѣмъ выступили съ своей «Litteratur-Zeitung». Съ несравнимымъ пыломъ и блескомъ велась здѣсь борьба за «абсолютную эмансипацію» личности, не покидающей, однако, предѣловъ «чистой человѣчности». Врагомъ признавалась «масса»; въ этой неопредѣленной величинѣ совмѣщались для «критической критики» всѣ стремленія, враждебныя духу, всѣ «отдѣльныя формы тупости и зависимости». Въ понятіе «массы» входили для «критической критики» не только радикальные политическіе запросы либерализма начала сороковыхъ годовъ, но также недавно зародившееся соціальное движеніе, въ коммунистическихъ требованіяхъ котораго она усматривала величайшую опасность для «самосознанія» и свободы личности. Отвѣтъ не заставилъ ждать: въ 1845 г. появился памфлетъ Маркса и Энгельса «Die heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik, gegen Bruno Bauer und Consorten». Ниже мы увидимъ, что эта полемика вышла изъ нѣдръ «вольницы», частными гостями которой были авторъ «Капитала» и его другъ.

Эдгаръ Бауэръ былъ менѣе извѣстенъ и менѣе даровитъ, чѣмъ его старшій братъ, но такъ же продуктивенъ и дѣятеленъ. Послѣ брошюры въ защиту брата онъ издалъ брошюру «Der Streit der Kritik mit der Kirche und dem Staate», за которую былъ присужденъ къ трехлѣтнему заключенію въ крѣпости. Впослѣдствіи его взгляды измѣнились еще болѣе круто, чѣмъ воззрѣнія Бруно.

Третьимъ виднымъ членомъ кружка былъ Людвигъ Буль, плодовитый писатель, теперь забытый, но по силѣ мысли и последовательности, быть можетъ, мало уступавшій старшему Бауэру. Дѣятельный и убѣжденный противникъ не какой-нибудь формы государства, но самаго существа государственнаго общежитія, онъ проводилъ свои взгляды въ своей «Berliner Monatscrift» послѣ того, какъ былъ запрещенъ его «Patriot». Превосходный стилистъ, онъ извѣстенъ своими переводами, особенно переводомъ «Десятилѣтія» Луи Блана, гдѣ онъ вездѣ «слово Dieu замѣнялъ словомъ Vernunft». Когда онъ былъ на свободѣ—ему чаще приходилось сидѣть въ тюрьмѣ за свои произведенія,—онъ являлся къ Гиппелю, гдѣ былъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ и самыхъ шумныхъ гостей.

Нѣтъ нужды называть прочихъ членовъ «ядра» кружка,—по преимуществу журналистовъ, равно какъ тѣхъ многочисленныхъ гостей, которые бывали здѣсь не систематически. Среди нихъ есть имена извѣстныя, оставшіяся въ исторіи нѣмецкой литературы и общественной жизни; но мы ихъ оставляемъ въ сторонѣ, потому что ихъ разрозненныя воззрѣнія и далеко разошедшіяся судьбы не даютъ представленія объ общемъ настроеніи и взглядахъ кружка. Любопытнѣе три гостя, которые остались недовольны кружкомъ и сохранили для насъ свои впечатлѣнія, быть можетъ, и преувеличенныя, но и въ этомъ видѣ характерныя.

О «вольницѣ» ходили всякіе разговоры, и къ Гиппелю приходили посмотрѣть на нее. Однимъ изъ такихъ любопытныхъ былъ Арнольдъ Руге, извѣстный редакторъ радикальныхъ «Hallische Zahrbücher», пожелавшій здѣсь познакомиться съ своими дѣятельными постоянными сотрудниками. Объ этомъ посѣщеніи сохранился разсказъ младшаго Руге, Людвига. Сначала было тихо, и Арнольдъ Руге обсуждалъ съ присутствующими проектъ «вольнаго университета»—при тогдашнихъ условіяхъ предпріятія немыслимаго. Кой-кому эта тема показалась недостаточно интересной; завязался споръ. «Младшіе приняли обычный тонъ. Свобода настроенія дошла до разнузданности. Арнольдъ сидѣлъ мрачно, точно окаменѣвшій, но буря была неизбѣжна, видно было, какъ все въ немъ кипитъ. Вдругъ онъ вскочилъ и вскричалъ: «Хотите быть свободными, а сами не замѣчаете, что по уши завязли въ смрадной лужѣ! Свинствомъ не освобождаютъ людей и народовъ! Сперва сами очиститесь,—а потомъ толкуйте о великихъ задачахъ!»

Вспышка Руге могла вызвать только насмѣшки, хотя самъ онъ воображалъ, что его слова были смертнымъ приговоромъ кружку.

Другой гость, не дошедшій до скандала, но молча унесшій изъ кружка непріятное впечатлѣніе, былъ поэтъ Георгъ Гервегъ, посѣтившій въ 1842 г. при своей тріумфальной поѣздкѣ по Германіи также Берлинъ и принятый здѣсь королемъ, хотя его «Gedichte eines Lebendigen» были только что запрещены прусской цензурой. Онъ былъ у Гиппеля и декламировалъ здѣсь съ обычнымъ паѳосомъ свои стихотворенія; можно думать, что его неблагопріятное сужденіе о «вольницѣ»—онъ говоритъ о polissonerie кружка—сложилось подъ вліяніемъ Руге.

Былъ однажды въ кружкѣ также другой представитель нѣмецкой политической поэзіи Гоффманъ-фонъ Фаллерслебенъ, тогда только что смѣщенный профессоръ бреславльскаго университета. Онъ разсказывалъ впослѣдствіи, что грубость всей компаніи оттолкнула его, а братья Бауэры были въ состояніи невмѣняемости. Послѣдній упрекъ звучитъ довольно своеобразно въ устахъ автора «Неполитическихъ пѣсенъ».

Эти неблагопріятные отзывы должны быть отмѣчены потому, что въ нихъ можно видѣть зародыши тѣхъ превратныхъ толковъ о «вольницѣ», которые ходили изъ устъ въ уста, перешли на газетные столбцы и грозили сложиться уже въ цѣлую легенду, устойчивую и нелѣпую.

Въ іюнѣ 1842 года берлинскій корреспондентъ «Königsberger Zeitung» сообщалъ объ образованіи нѣкоего страшнаго кружка, который не только отрицаетъ библію, но даже не ставитъ на мѣсто традиціи никакого опредѣленнаго символа вѣры, провозглашая лишь безусловную автономію личности; члены его собираются вскорѣ открыто заявить о своемъ разрывѣ съ церковью, чтобы не навлечь на себя упрека въ лицемѣріи.

Все это отдаетъ не простой выдумкой, а скорѣе мистификаціей, до которыхъ «гиппеліанцы» были большіе охотники. «Frankfurter Journal» напечаталъ даже символъ вѣры кружка; очевидно, легковѣрному газетчику кто-то подсунулъ подъ видомъ этого любопытнаго акта вѣроученіе какой-то секты, ибо этотъ оригинальный или, вѣрнѣе, совсѣмъ не оригинальный манифестъ заканчивается словами: «Съ дѣтской благодарностью празднуемъ торжество въ честь единаго Господа, да пребудетъ надъ нами Его милость и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ». Таковы были превратные толки о «вольницѣ», а преимущественно о внѣшнихъ особенностяхъ ея поведенія.

На самомъ дѣлѣ безпристрастный гость по первому впечатлѣнію скорѣе подумалъ бы, что видитъ предъ собой заурядную бюргерскую молодежь—чуть не филистеровъ. Даже бесѣда велась не всегда; иногда Бруно Бауэръ горячился безъ всякой связи съ вѣчными вопросами, а просто въ увлеченіи карточной игрой, ко-

торую онъ любилъ. Но когда бесѣдовали, то длинныхъ рѣчей не держали; замѣчанія были сжаты и категоричны, выраженія рѣзки, тонъ повышался. Такая бесѣда—да еще пересыпанная непонятными для непосвященнаго гегеліанскими терминами—могла, пожалуй, показаться странной нѣмецкимъ мѣщанамъ, но по существу никакихъ ужасовъ здѣсь не было; пили мало, пьяныхъ почти не было. Говорили обо всемъ; живое и возбужденное время давало достаточно матеріала. Говорили о цензурѣ, о развитіи соціализма, о ростѣ антисемитскихъ тенденцій, о религіозномъ движеніи, о волненіи въ молодежи: таковы нѣкоторыя изъ многихъ темъ, отмѣченныя впослѣдствіи участниками.

Были, однако, и нелѣпыя выходки; сохранился разсказъ о томъ, что, когда Гиппель уставалъ давать въ долгъ, компанія разсыпалась по городу, и члены ея, намѣтивъ подходящаго прохожаго, обращались къ нему съ откровенной просьбой: «Гиппель не даетъ больше въ долгъ; не пожалуете ли хоть талеръ»; и такія экспедиціи бывали удачны... Такіе анекдоты о поведеніи кружка оказались, конечно, устойчивѣе и многочисленнѣе разсказовъ о его духовной жизни, въ которой было много серьезнаго своеобразія.

Въ этомъ кружкѣ въ теченіе десятилѣтія вращался Штирнеръ: такъ называли еще университетскіе товарищи Каспара Шмидта за его необыкновенно высокій лобъ. Онъ былъ мало замѣтенъ. «Вольница» шумѣла, спорила, доходила до вольностей: онъ былъ спокоенъ, открыто благодушенъ и предпочиталъ тихую бесѣду съ ближайшимъ сосѣдомъ участію въ общихъ дебатахъ; никогда никто не слышалъ отъ него грубаго или горячаго слова. О себѣ онъ не говорилъ, въ философскіе разговоры вступалъ неохотно, но въ бесѣдѣ легко выказывалъ тѣ обширныя познанія, благодаря которымъ знакомые считали его первокласснымъ ученымъ. Неизмѣнно, даже при дурныхъ обстоятельствахъ, онъ былъ одѣтъ просто, но съ изысканной аккуратностью; растрепанная «вольница» иногда называла его даже франтомъ. Портрета его не сохранилось; описывавшіе его наружность современники отмѣчаютъ его голубые глаза, спокойные и вдумчивые, и его улыбку, сперва благодушную, затѣмъ ироническую и гармонирующую съ «тихой склонностью къ насмѣшкѣ», которую замѣчали въ немъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ выступилъ въ литературѣ— въ двухъ газетахъ, игравшихъ выдающуюся роль въ исторіи этого любопытнаго времени. Весною 1842 года въ «Rheinische Zeitung» Карла Маркса появилась его статья «Ошибочный принципъ нашего воспитанія или гуманизмъ и реализмъ», которую біографъ Штирнера ставитъ наравнѣ съ его главнымъ трудомъ. Смѣло и опредѣленно выставленъ уже здѣсь основной принципъ: не образованность—формальная у классиковъ, узко практическая у реалистовъ—должна быть цѣлью воспитанія, но воля. «Лишь въ этомъ образованіи — всеобщемъ, ибо въ немъ объединяется высшій съ

низшимъ — мы впервые обрѣтаемъ всеобщее равенство, равенство свободныхъ людей: лишь свобода есть равенство». Вторая статья была посвящена «Искусству и религіи». Было еще нѣсколько менѣе значительныхъ статей и корреспонденцій изъ Берлина. Болѣе живое участіе собирался Штирнеръ принять въ «Berliner Monatschrift», которую съ 1844 года предполагалъ издавать его пріятель и товарищъ по «вольницѣ» Людвигъ Буль. Однако, прусская предварительная цензура такъ настойчиво отказывалась разрѣшить къ печати статьи, предназначенныя для журнала, что Буль отказался отъ своего замысла, — но выпустилъ эти статьи въ видѣ сборника въ Маннгеймѣ, гдѣ эта книга, размѣрами больше двадцати печатныхъ листовъ, не подлежала цензурѣ. Въ этомъ «первомъ и единственномъ» выпускѣ «Берлинскаго Ежемѣсячника» мы находимъ двѣ статьи Штирнера. Первая — «Einiges Vorläufige vom Liebesstaat» — обратила на себя особое вниманіе цензуры; вторая посвящена «Парижскимъ тайнамъ» Евгенія Сю, въ которыхъ въ эту эпоху многіе видѣли не грубый уголовный, но идейно-соціальный романъ. Съ ядовитымъ презрѣніемъ бичуетъ здѣсь Штирнеръ фальшивую сентиментальность буржуазіи, которая столь охотно — съ слезинкой состраданія на глазахъ—берется за обращеніе грѣшниковъ, возвращеніе порока на путь добродѣтели и такъ далѣе. «Думали ли вы когда-либо, любезные, о томъ, стоитъ ли въ самомъ дѣлѣ добро того, чтобы такъ стремиться къ нему?— спрашиваетъ авторъ: — не призракъ ли оно, живущій только въ вашемъ воображеніи?» И на отдѣльныхъ фигурахъ романа Штирнеръ попоказываетъ, какъ ничтожна наблюдательность автора, какъ однообразно безсодержателенъ нравственный масштабъ, прилагаемый имъ ко всѣмъ явленіямъ. Вся эта филантропическая возня — тщетныя попытки лѣчить организмъ, умирающій не отъ болѣзни, но отъ старости; «дряхло и истощено наше время, а не больно — говоритъ онъ:—и потому не хлопочите и дайте ему умереть».

Этими статьями исчерпывается журнальная дѣятельность Штирнера; лишь позже—когда дѣло шло объ отраженіи ударовъ, падавшихъ на его главную работу—онъ обратился вновь къ страницамъ журнала.

Около той же эпохи произошло одно изъ важнѣйшихъ событій во внѣшней, а отчасти и во внутренней жизни Штирнера: онъ вступилъ во второй бракъ съ Маріей Денгардтъ—той героиней его мечтаній, которой онъ посвятилъ трудъ своей жизни. И не только поэтому заслуживаетъ вниманія любопытная фигура этой «эмансипированной» нѣмецкой дѣвушки, столь характерной для своего времени. Хорошо образованная и выросшая на освободительной литературѣ въ родѣ знаменитаго эмансипаціоннаго романа Гуцкова «Wally die Zweiflerin», она рано покинула маленькій городокъ, гдѣ выросла, и явилась въ Берлинъ, чтобы съ головой ринуться въ потокъ лихорадочнаго общественнаго движенія и личныхъ впе

натлѣній. Неизвѣстно, кто ввелъ ее въ кружокъ «вольницы», — но здѣсь сблизился съ нею Штирнеръ. Она была очень привлекательна, не глупа и держалась умѣло, хотя въ дикостяхъ «вольницы» принимала замѣтное участіе, доходившее до участія въ путешествіяхъ, въ мужскомъ платьи, по публичнымъ домамъ. Объ интересѣ, которой она умѣла внушить даже недюжиннымъ людямъ, можно судить по тому, что значительно позже, когда она, разставшись съ мужемъ, жила въ Лондонѣ простой учительницей нѣмецкаго языка, у ея маленькаго камина можно было встрѣтить такихъ людей, какъ Луи Бланъ, Фрейлигратъ, Герценъ; и если рядъ ея корреспонденцій изъ Лондона, написанныхъ въ это время, не обличаетъ особеннаго литературнаго дарованія, то показываетъ незаурядную наблюдательность, природный умъ и свободныя воззрѣнія. Впослѣдствіи она далеко ушла отъ нихъ. Несомнѣнно, до пониманія Штирнера она не доросла—и, быть можетъ, онъ казался ей просто самымъ «ручнымъ» въ этой компаніи «хищныхъ». О бракосочетаніи Штирнера ходило въ свое время много росказней, характерныхъ для той легенды, которая естественно слагалась вокругъ него. Прибывъ на квартиру жениха, пасторъ будто бы засталъ компанію за картами, невѣста была въ будничномъ платьи, въ домѣ не было библіи, во время рѣчи пастора гости смотрѣли въ окно на улицу и, наконецъ, когда понадобились обручальныя кольца, ихъ не оказалось. Тогда Бруно Бауэръ, вытащивъ свой длинный вязаный кошелекъ, высыпалъ на ладонь нѣсколько монетъ, среди которыхъ оказалось также два мѣдныхъ кольца; онъ подалъ ихъ пастору, замѣтивъ при этомъ, что мѣдныя кольца такъ же хорошо, а то и лучше, скрѣпятъ бракъ, какъ и золотыя. Все это правда, но это не было той «преднамѣренной демонстраціей», въ которую раздула легенда поведеніе, вполнѣ спокойное и соотвѣтствующее взглядамъ участниковъ; не было ни кощунства, ни гардинныхъ колецъ, которыя будто бы пришлось употребить пастору. Было лишь равнодушіе къ обряду, не освященному вѣрой.

Первый годъ послѣ брака былъ, несомнѣнно, счастливѣйшимъ моментомъ въ жизни Штирнера: ему нравилась его молодая жена, онъ былъ окруженъ нѣсколькими людьми, начинавшими понимать его значеніе; онъ былъ обезпеченъ, такъ какъ жена его имѣла нѣкоторое состояніе. Наконецъ, самое важное, онъ заканчивалъ свой главный трудъ, дѣло своей жизни; всякій, причастный духовной работѣ, знаетъ, какъ много радости доставляютъ мгновенія окончательной обработки, когда мысль выяснилась во всей полнотѣ для самого творящаго — и послѣдніе штрихи и оттѣнки сами просятся подъ перо, чтобы сообщить цѣлому полную отчетливость и стройность.

«Вольница» давно знала, что Штирнеръ работаетъ надъ какимъ-то обширнымъ произведеніемъ, но въ чемъ его содержаніе, не зналъ никто: Штирнеръ не отвѣчалъ на разспросы, никому ни-

чего не показывалъ,— кромѣ конторки, въ которой, говорилъ онъ, лежитъ его «Я». И многіе склонны были уже считать это сочиненіе миѳомъ, когда, въ началѣ ноября 1844 года, оно вышло въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Der Einzige und sein Eigenthum», — «Я и моя собственность» *). Издателемъ книги былъ Отто Вигандъ, пріятель «вольницы», издавшій большинство радикальныхъ сочиненій этой эпохи. Посвященіе гласило «Моей милой Маріи Дэнгардтъ», хотя она уже съ годъ носила фамилію своего мужа Шмидтъ.

Свобода печати была не велика въ эту пору въ Германіи, и цензура конфисковала выпущенную книгу. Правда, много экземпляровъ въ это время ходило уже по рукамъ; но и запрещеніе длилось не долго: черезъ нѣсколько дней министерство рѣшило, что книга Штирнера слишкомъ нелѣпа, чтобы быть опасной.

Шумъ, произведенный книгой, можно безъ преувеличенія назвать громаднымъ. Особенно набросилась на книгу молодежь. Но отношеніе читателей, какъ и слѣдовало ожидать, было весьма разнообразно, хотя всѣ сходились въ одномъ: считали они произведеніе геніальнымъ или безсмысленнымъ, — всѣ чувствовали въ авторѣ нѣчто значительное. Проще всего было, конечно, отношеніе тѣхъ, кто привыкъ видѣть въ понятіяхъ права, долга, морали нѣчто незыблемое, неподлежащее человѣческой критикѣ; для нихъ авторъ просто былъ advocatus diaboli. Другіе, для которыхъ въ этихъ понятіяхъ не было ничего извѣчнаго, но всетаки коренились основы человѣческой дѣятельности, пытались видѣть въ книгѣ Штирнера насмѣшку надъ другими и надъ собой. Свободомыслящіе были смущены: книга нападала на ихъ воззрѣнія съ такою же силой, съ какой отрицала традиціонную систему ихъ враговъ. Ближайшій кружокъ автора былъ затронутъ наиболѣе чувствительнымъ образомъ: у «критической критики» было достаточно дерзновенія, чтобы признать себя чѣмъ угодно,—но не отсталой. Бруно Бауэръ былъ раздраженъ, но никогда не отвѣчалъ Штирнеру; извнѣ ихъ отношенія не измѣнились.

Газетныхъ отзывовъ почти не было. Журналы не знали, что сказать о книгѣ; одинъ журналъ видѣлъ въ ней то выраженіе «безсмысленнаго разочарованія, какое мы видимъ также въ современномъ балетѣ», то «диѳирамбическій вздохъ прекрасной души, утомленной однообразіемъ филистерскаго существованія, исторіи и общеполезной работы».

Незначительна была замѣтка знаменитой Беттины фонъ-Арнимъ, любопытный отзывъ далъ въ «Revue des deux Mondes» 1847 года Сенъ-Рене-Тайландье; это горячій панегирикъ, не во всемъ обличающій глубокое пониманіе книги, но показывающій полное сознаніе ея рѣшающаго философскаго значенія. Цеховая философія,

---

*) Такъ предлагалъ перевести это заглавіе Н. К. Михайловскій. Такъ передаетъ его одинъ изъ англійскихъ переводовъ «The Ego and his Own».

конечно, не обратила на книгу Штирнера вниманія; тѣмъ живѣе интересовалась ею «критическая» философія. «Оффиціально» отъ ея имени возражалъ Шелига. Бруно Бауэръ никогда въ своихъ произведеніяхъ даже не упоминалъ имени Штирнера; къ тому же въ эти годы онъ уже обратился отъ «суверенной, абсолютной критики» къ историческимъ работамъ. Наоборотъ, Фейербахъ вступилъ со Штирнеромъ въ полемику, о которой идетъ рѣчь ниже.

Соціалисты выставили неудачнаго полемиста для отвѣта Штирнеру. Съ ихъ точки зрѣнія ему отвѣчалъ Моисей Гессъ, дѣятельный поборникъ коммунизма, подобно Штирнеру бывшій сотрудникъ «Rheinische Zeitung» молодого К. Маркса, участникъ знаменитыхъ «Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz» Гервега. Его брошюра «Die letzten Philosophen» направлена противъ Бруно Бауэра и Штирнера.

Страннымъ могло бы казаться молчаніе болѣе крупныхъ представителей соціализма, ученіе которыхъ получало въ лицѣ Штирнера такого серьезнаго «ревизіониста», и которые какъ разъ въ это время располагали столь выдающимися полемическими силами. Оказывается, однако, что Марксъ и Энгельсъ вскорѣ по выходѣ книги Штирнера отозвались на нее обширной работой «О послѣдышахъ гегеліанства»; но самъ Энгельсъ не могъ сказать біографу Штирнера, почему эта работа не появилась до сихъ поръ. Арнольдъ Руге, прочитавъ «Der Einzige und sein Eigenthum» пришелъ въ восторгъ, называлъ трудъ Штирнера «единственной нѣмецкой философской книгой, которую можно читать»; но затѣмъ такъ же восторгался критической статьей молодого Куно-Фишера, направленной противъ Штирнера, и, наконецъ, опять возвратился къ признанію этого «смѣлаго утренняго призыва въ лагерѣ сонныхъ теоретиковъ».

На критическія статьи, вызванныя его книгой, Штирнеръ отвѣчалъ дважды. Первое возраженіе—статья «Recensenten Stirner's» въ «Wigand's Vierteljahresschrift» за 1845 г.—направлено противъ критическихъ замѣчаній Шелиги, Гесса и Фейербаха.

Отношеніе Людвига Фейербаха къ книгѣ, наносившей ему жесточайшіе удары, можно назвать двойственнымъ. Онъ не хотѣлъ признать себя побѣжденнымъ, но онъ понялъ, съ какой умственной силой имѣетъ дѣло. «Это въ высшей степени остроумное и геніальное произведеніе — писалъ онъ брату въ концѣ 1844 года: истина эгоизма,—но эксцентрически, односторонне, неправильно формулированная—за него. Его полемика противъ антропологіи—главнымъ образомъ, противъ меня—покоится на сплошномъ непониманіи или легкомысліи. Онъ правъ во всемъ, кромѣ одного: по существу его возраженія меня не касаются. Во всякомъ случаѣ, это самый геніальный и самый свободный писатель, какого я только зналъ». Фейербахъ предполагалъ даже обратиться къ своему противнику съ открытымъ письмомъ; отъ черновой этого не напеча-

таннаго обращенія сохранилось только ядовитое начало, не лишенное своеобразнаго интереса: «Невыразимо» и «несравненно», любезнѣйшій эгоистъ! Какъ все ваше произведеніе, такъ въ особенности сужденія обо мнѣ поистинѣ «невыразимы» и въ своемъ родѣ «единственны». Правда, при всемъ своеобразіи этихъ сужденій, я давно ихъ предвидѣлъ и говорилъ своимъ друзьямъ: будетъ время—и меня до такой степени не будутъ понимать, что меня, былого «страстнаго и фанатическаго» врага христіанства, назовутъ еще его апологетомъ. Но то, что это произошло такъ скоро,—долженъ сознаться, всетаки изумило меня. Это дѣйствительно такъ же «единственно» и «несравненно», какъ вы сами. Какъ ни мало у меня времени и охоты опровергать сужденія, имѣющія отношеніе не ко мнѣ, а развѣ къ моей тѣни, я, однако, сдѣлаю исключеніе для «Единственнаго». Однако, кромѣ мало значительныхъ замѣчаній въ «Объясненіяхъ и добавленіяхъ» къ своей «Сущности христіанства», Фейербахъ ничѣмъ не отвѣтилъ Штирнеру. Къ этимъ «Объясненіямъ» и обращался въ своей отвѣтной статьѣ Штирнеръ. Вторая его статья была обращена противъ «Moderne Sophisten»—статьи въ «Leipziger Revue», подписанной Куно-Фишеромъ. Извѣстный нынѣ гейдельбергскій профессоръ былъ тогда двадцатилѣтнимъ студентомъ и, какъ подобаетъ литературному дебютанту, былъ очень задоренъ въ своихъ полемическихъ пріемахъ. Онъ называлъ Штирнера «піэтистомъ эгоизма», а его ученіе—«догматическимъ самодурствомъ». Отвѣтъ Штирнера написанъ также съ задоромъ, что вызываетъ даже подозрѣніе, что отвѣтъ этотъ—онъ подписанъ псевдонимомъ—написанъ не имъ.

Годы появленія книги были апогеемъ въ жизни Штирнера. Одни удивлялись ему, другіе его поносили, но онъ былъ на высотѣ, съ которой отнынѣ начинаетъ падать все неудержимѣе. Десять лѣтъ оставшейся ему жизни наполнены горестными испытаніями, ожесточеніемъ, оброшенностью и тяжкой нуждой.

Его бракъ, заключенный безъ глубокой привязанности, оказался непрочнымъ: по словамъ жены, это былъ не столько бракъ, сколько житье въ одномъ домѣ. Дѣтей у нихъ не было,—кажется, именно потому, что, въ сущности, не было брака. Жена обвиняла Штирнера въ этомъ, и еще болѣе въ томъ, что состояніе ея быстро растаяло. Однако Штирнеръ работалъ; онъ оставался еще цѣлый годъ, до выхода книги, учителемъ въ женской гимназіи; онъ не потерялъ этаго мѣсто изъ-за своей книги, какъ утверждали нѣкоторые біографы, но отказался самъ, быть можетъ, предвидя, что появленіе его книги поставитъ его въ неудобное положеніе въ мирной женской школѣ. Жена просила его остаться для заработковъ,—но онъ рѣшилъ искать другой работы. И, едва закончивъ изданіе своей книги, онъ «съ поражающимъ прилежаніемъ», какъ говоритъ одинъ изъ его знакомыхъ, принялся за новый трудъ: онъ предложилъ своему издателю выпустить въ свѣтъ обширную коллекцію

«Die Nationaloekonomen der Franzosen und Engländer»: онъ долженъ былъ руководить изданіемъ, переводить, дѣлать примѣчанія. Отъ послѣдняго онъ вскорѣ отказался: въ концѣ переведеннаго имъ четырехтомнаго «Руководства къ практической политической экономіи» Ж.-Б. Сэя онъ заявилъ, что примѣчанія, уже готовыя, онъ напечатаетъ послѣ того, какъ выйдетъ въ свѣтъ въ его переводѣ также трудъ Адама Смита; послѣдній переводъ появился также быстро, но примѣчаній переводчика въ немъ также нѣтъ. Эти переводы считаются до сихъ поръ образцовыми; въ коллекціи вышла еще «Philosophie de la misère» Прудона, но уже безъ участія Штирнера.

Успѣхъ этого обширнаго литературнаго предпріятія не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ труженника; наоборотъ, онъ увидѣлъ, что ему едва ли удастся добывать средства къ жизни перомъ. Вѣроятно, поэтому у него или у его жены, явилась своеобразная и во всякомъ случаѣ мало вяжущаяся съ нашимъ представленіемъ о Штирнерѣ мысль устроить въ Берлинѣ большую молочную торговлю. Остатокъ средствъ былъ затраченъ на это коммерческое предпріятіе, которое, какъ и слѣдовало ожидать, по неопытности руководителя, быстро закончило свое существованіе. Нужда уже не грозила издали, но, очевидно, уже тѣснила Штирнера — и довела его до своеобразнаго пріема. Лѣтомъ 1846 года на страницахъ «Vossische Zeitung» появилось объявленіе: «Я доведенъ до необходимости прибѣгнуть къ займу въ 600 талеровъ и потому прошу одно или нѣсколько лицъ, которыя, быть можетъ, пожелаютъ устроить складчину, ссудить мнѣ таковую сумму на пять лѣтъ въ томъ случаѣ, если они склонны оказать мнѣ личный кредитъ». Слѣдуетъ адресъ бюро и подпись: М. Штирнеръ. Неизвѣстно, отозвался ли кто-нибудь на это предложеніе; насмѣшекъ оно вызвало довольно. Есть предположеніе, что послѣ этого Штирнеръ хотѣлъ попытать счастья на биржѣ; онъ совѣтовался объ этомъ съ однимъ свѣдущимъ знакомымъ, который предостерегалъ его отъ этихъ опасныхъ опытовъ.

Отношенія супруговъ становились все хуже; было очевидно, что для этихъ людей, самостоятельныхъ по натурѣ, нѣтъ смысла въ ненужномъ сожительствѣ. Въ концѣ 1848 года—послѣ трехлѣтней совмѣстной жизни—они развелись. Штирнеръ остался въ Берлинѣ; Марія Дэнгардтъ уѣхала въ Лондонъ. Судьба ея любопытна. Она явилась сюда съ хорошими рекомендаціями, при помощи которыхъ получила занятія, обезпечившія ей безбѣдную жизнь. Она давала уроки нѣмецкаго языка и была любимицей колоніи эмигрантовъ; мы упоминали уже о томъ, что такіе люди, какъ Луи Бланъ, Фрейлигратъ, Герценъ часто и охотно бывали у нея. Самостоятельная и интеллигентная, она привлекала этихъ выдающихся людей. Въ Лондонѣ она попыталась, вѣроятно въ первый и послѣдній разъ, выступить въ литературѣ: въ берлинской «Zeitungshalle»

въ 1847 году появился рядъ ея писемъ изъ Англіи, о которыхъ мы уже упоминали. Въ 1852 году она присоединилась къ небольшой группѣ эмигрантовъ, отправлявшихся въ погоню за счастьемъ въ Австралію. Здѣсь въ Мельбурнѣ она прожила около двадцати лѣтъ; какъ ни мало извѣстно объ этомъ періодѣ ея жизни, несомнѣнно, что здѣсь она испила чашу бѣдствій до дна. Она нищенствовала, была прачкой, вышла замужъ за рабочаго и, наконецъ, попала въ руки къ католическимъ миссіонерамъ. Получивъ по смерти своей сестры наслѣдство, она въ 1870 или 1871 году возвратилась въ Лондонъ набожной католичкой. «Здѣсь — говоритъ біографъ Штирнера — неподалеку отъ громаднаго города живетъ она и теперь: восьмидесятилѣтняя суевѣрная старуха, спасающая душу религіозными брошюрками, она думаетъ только объ искупленіи и раскаивается въ грѣхахъ, существующихъ лишь въ воображеніи ея фанатизма, но никогда ею не совершенныхъ. Въ общемъ, однако, ея мысль здорова и свѣжа, и она въ силахъ еще отъ времени до времени совершать поѣздки въ городъ по своимъ несложнымъ дѣламъ: поразительный примѣръ, какъ мало значитъ любовь къ свободѣ, подсказанная преходящимъ увлеченіемъ и не питаемая ежечасно внутренней необходимостью «глубочайшей душевной потребностью».

Лишь тотъ, кто пытался по немногимъ литературнымъ даннымъ и скуднымъ воспоминаніямъ современниковъ возсоздать неуловимый образъ и прослѣдить судьбу историческаго дѣятеля, и унывалъ и доходилъ до отчаянія въ этой трудной работѣ, можетъ понять чувства, охватившія біографа Штирнера, когда уже по окончаніи своихъ многолѣтнихъ, самоотверженныхъ и сравнительно очень мало успѣшныхъ поисковъ онъ вдругъ въ началѣ 1897 года узналъ, что Марія Дэнгардтъ жива и живетъ въ Лондонѣ. «Такъ чувствуетъ себя золотоискатель, до сихъ поръ находившій лишь зернышки и вдругъ наткнувшійся на богатѣйшую жилу»,—говоритъ онъ. Не теряя времени, онъ бросился въ Лондонъ. Онъ не обманывалъ себя: онъ зналъ, что наткнется на серьезныя трудности; но, конечно, онъ не думалъ, что возвратится изъ своей поѣздки почти безъ всякихъ результатовъ. Однако неожиданное случилось: вдова Макса Штирнера хотѣла одного: забыть о его существованіи,—и наотрѣзъ отказалась видѣть его біографа. Она выразила только удивленіе, что ее призываютъ въ свидѣтельницы о жизни человѣка, котораго она никогда не любила и не уважала. Всѣ настоянія были тщетны. Тогда Макай еще разъ обратился къ ней съ письмомъ. Онъ изложилъ, какъ много работалъ и какъ мало успѣлъ; онъ увѣрялъ, что при всей любви и преклоненіи предъ Штирнеромъ, онъ совсѣмъ не намѣренъ прикрашивать его личность во что бы то ни стало, что главное для него—истина; онъ указывалъ, какъ она много могла бы принести пользы, не вредя рѣшительно никому. Наконецъ, онъ просилъ въ крайнемъ случаѣ

дать хоть письменный отвѣтъ на рядъ вопросовъ. На это она согласилась и на нѣкоторые вопросы дала краткіе отвѣты, поражающіе въ общемъ недоброжелательствомъ къ покойному мужу. Ея сообщеніе заканчивалось слѣдующими словами: «Марія Шмидтъ торжественно заявляетъ, что рѣшительно прекращаетъ всякую переписку по этому предмету и поручила возвращать обратно всѣ соотвѣтственныя письма. Она больна и готовится къ смерти». Съ тѣхъ прошло около десяти лѣтъ: ея ужъ, вѣрно, нѣтъ въ живыхъ. Біографъ Штирнера находитъ, что изъ новыхъ изданій книги Штирнера должно быть по справедливости навсегда устранено знаменитое посвященіе: Meinem Liebchen Marie Dähnhardt. Любила и уважала она Штирнера или нѣтъ, одно для Макая во всякомъ случаѣ несомнѣнно: она его никогда не понимала.

Нѣтъ нужды изображать тяжелое настроеніе Штирнера послѣ отъѣзда жены; о немъ можетъ дать надлежащее представленіе та тьма неизвѣстности, которая отнынѣ окутываетъ его существованіе; лишь изрѣдка мы узнаемъ какія-либо мелочи—и въ нихъ нѣтъ ничего утѣшительнаго. Онъ почти не видится съ знакомыми, рѣдко выходитъ; никто не знаетъ, чѣмъ онъ живетъ. Мы можемъ только прослѣдить рядъ его квартиръ, которыя онъ мѣняетъ въ отдаленныхъ кварталахъ Берлина. Ему еще нѣтъ сорока лѣтъ, но жизнь его похожа на агонію.

Бури революціи 1848 года застали «вольницу» у Гиппеля въ возбужденіи, соотвѣтствующемъ этому рѣшающему моменту. Многіе вмѣшались въ движеніе: нѣкоторые были ранены, другіе только что вышли изъ тюрьмы. Было шумно, но чувствовалось, что время «вольницы» прошло. Наступала новая эпоха, эпоха суровой реакціи, низвергнувшая все, къ чему стремились эти свободные умы, или, вѣрнѣе, возстановившая тѣ средневѣковыя темницы духа, которыя, казалось, были окончательно разрушены силой ихъ мысли, натискомъ ихъ критики.

Едва ли надо указывать, что Штирнеръ не принялъ никакого участія въ мартовскихъ событіяхъ этого бурнаго года. Онъ слишкомъ глубоко постигъ значеніе грубой силы, чтобы сомнѣваться въ ея торжествѣ. Онъ часто появлялся у Гиппеля, велъ себя по прежнему, но отдалялся отъ людей.

Въ 1852 году, послѣ долгаго промежутка, появился второй и послѣдній большой трудъ Штирнера: «Geschichte der Reaction». Изъ обширнаго плана, задуманнаго авторомъ, была выполнена лишь часть. Первоначальное заглавіе гласило «Reactions-Bibliothek», и весь трудъ распадался на двѣ части; первая была посвящена «предвѣстникамъ реакціи», вторая «современной реакціи». Но изъ обѣихъ частей появились только первыя половины. Изданное начало первой части обнимаетъ конститюанту и реакцію. Но, вмѣсто того, чтобы здѣсь перейти къ «изображенію реакціи въ законодательномъ собраніи, конвентѣ и дальнѣйшихъ народ-

ныхъ представительствахъ, вплоть до наполеоновской реакціи», Штирнеръ неожиданно обращается къ реакціи въ другихъ странахъ, «слѣдуя—по его выраженію—закону единообразія». Такимъ образомъ, начало второй части посвящено реакціи въ Пруссіи, вѣрнѣе, ея первому году: 1848; это—«годъ хаоса, годъ реакціоннаго инстинкта», когда «реакція организуется въ силу». «Исторію реакціи» нельзя назвать сочиненіемъ Штирнера: это собраніе чужихъ работъ, лишь соединенныхъ предисловіями и промежуточными замѣчаніями автора. Въ первой части онъ объединилъ выдержки изъ «Размышленій о французской революціи» Бэрка и «Курса позитивной философіи» Ог. Конта; вторая составлена изъ реакціонныхъ статей послѣреволюціонной нѣмецкой литературы, за которой Штирнеръ, очевидно, слѣдилъ очень внимательно.

«Исторіей реакціи» заканчивается литературная дѣятельность Штирнера; до какой степени онъ исчезъ съ литературнаго горизонта, показываетъ одна характерная мелочь: энциклопедическій словарь Брокгауза, изд. 1854 года, уже не имѣетъ никакихъ свѣдѣній о немъ и только, подъ сомнѣніемъ, сообщаетъ, что автора книги «Der Einzige und sein Eigenthum» звали «кажется, Максъ Шмидтъ». Очевидно, Максъ Штирнеръ уже умеръ: въ живыхъ остался лишь Каспаръ Шмидтъ; дальнѣйшее судорожное его существованіе скоро привело его къ исходу, который можетъ казаться случайнымъ, но по существу не могъ быть инымъ.

По скуднымъ свѣдѣніямъ, добытымъ въ полицейскихъ архивахъ, автору біографіи удалось до извѣстной степени возстановить эту борьбу за жизнь. Бѣгство отъ кредиторовъ, какъ видно, наполняло теперь существованіе Штирнера. Онъ мѣнялъ квартиру за квартирой, и въ 1853 году дошелъ до того, что два раза сидѣлъ въ долговой тюрьмѣ. Онъ именовалъ себя учителемъ гимназіи, писателемъ, докторомъ философіи и даже рантье; но на самомъ дѣлѣ онъ занимался мелкимъ коммиссіонерствомъ; достаточныхъ средствъ къ существованію оно ему не давало. Быть можетъ, несмотря на эти ужасающія условія, онъ жилъ бы еще долго; отъ природы онъ былъ здоровъ и питалъ твердую увѣренность, что доживетъ до глубокой старости. Но лѣтомъ 1856 года его укусила ядовитая муха, и черезъ нѣсколько дней—25 іюня н. ст.—онъ умеръ отъ зараженія крови. За гробомъ его черезъ три дня шли очень немногіе изъ его старыхъ друзей; среди нихъ—Людвигъ Буль и Бруно Бауэръ. Первому достались его бумаги, нынѣ безвозвратно погибшія. Лишь немногія газеты упомянули о смерти забытаго писателя; некрологи состояли изъ неопредѣленныхъ указаній на былой успѣхъ книги Штирнера или изъ старыхъ росказней о его женитьбѣ. Родственники его вымерли.

Тотъ, кто вкладываетъ моральный смыслъ въ исторію и ищетъ поученія у законченной жизни человѣка, найдетъ его и въ біографіи Штирнера. Это не трудно: надо только предположить

что-нибудь—доводы найдутся. Легче всего, конечно, увидѣть въ жизни Штирнера отрицательную иллюстрацію къ его ученію: онъ создалъ себѣ право быть эгоистомъ, но не сумѣлъ воспользоваться этимъ правомъ; не знаменательна ли судьба этого покорителя міра, объявившаго все своей собственностью—и такъ далѣе... Нѣтъ нужды указывать на безнадежную безпочвенность такихъ выводовъ: надо вѣдь знать, чего требовалъ самъ Штирнеръ отъ жизни, чего онъ могъ ждать отъ нея. Его біографъ не находитъ его смерть преждевременной. Это ранняя смерть, но мы не найдемъ въ ней ничего потрясающаго, если вспомнимъ, что уже сдѣлалъ Штирнеръ въ прошломъ и что ожидало его въ будущемъ. Это будущее теперь наступаетъ. Имя Штирнера воскресло, чтобы не умирать. И, несомнѣнно, вѣнцомъ его славы будетъ тотъ моментъ, когда творческій синтезъ примиритъ основы его ученія съ той философіей общественности, которую онъ отрицалъ въ своей безсмертной книгѣ.

А. Г.

Дебри *).

I.

Давно уже новый романъ начинающаго автора не производилъ такого сильнаго впечатлѣнія на весь англо-саксонскій міръ, какъ «Дебри» (The jungle) Айтона Синклэра. Объ успѣхѣ романа говорятъ, между прочимъ, слѣдующія цифры. Первое изданіе въ 10-ти тысячахъ экземпляровъ вышло въ мартѣ 1906 г., а въ іюнѣ вышло уже четвертое изданіе въ 100 тысячъ экземпляровъ. Въ Америкѣ, гдѣ романъ появился впервые, успѣхъ его еще больше. Тамъ онъ вызвалъ бурю, послѣдствіемъ которой явилось обращеніе президента къ конгрессу. Только въ странахъ, гдѣ общественное мнѣніе—громадная сила, возможно, что появленіе романа превращается въ крупное политическое событіе. О романѣ молодого и до сихъ поръ совершенно неизвѣстнаго американскаго автора говорятъ всѣ англійскія и американскія газеты, отдѣльныя мѣста цитируются на митингахъ и въ парламентѣ. Если судить только по этимъ выдержкамъ, то можно подумать, что романъ «Дебри» относится къ категоріи, такъ называемыхъ, обличительныхъ произведеній. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ цитируемыя выдержки направлены противъ одного изъ самыхъ гигантскихъ и самыхъ сильныхъ трестовъ въ Америкѣ — мясного

---

*) „The jungle“, by *Upton Sinclair*. London, 1906.

треста, который является мощнымъ факторомъ не только въ экономической, но и политической жизни Соединенныхъ Штатовъ. Трестъ этотъ контролируетъ, въ значительной степени, жизнь центральныхъ штатовъ. По вліянію и по капиталу, сконцентрированному въ рукахъ его, съ нимъ можетъ сравниться только «керосиновый» трестъ. «Мясной трестъ», столица котораго Чикаго, располагаетъ десятками заводовъ, откуда фабрикаты разсылаются по всему міру: мясные консервы всякаго рода, окорока, желатинъ, альбуминъ, пепсинъ, подѣлки изъ рога и кости, шерстяныя и кожаныя издѣлія, удобрительные туки и пр. Арміи всѣхъ странъ, флотъ — всѣ являются потребителями американскихъ консервовъ. Въ романѣ Синклэра, дѣйствительно, мы находимъ страшныя обвиненія противъ треста. Мы увидимъ дальше, что консервы, фабрикуемые на заводахъ, являются зачастую отравой, систематически подтачивающей жизнь тридцати милліоновъ потребителей. Въ этомъ отношеніи романъ Синклэра сослужилъ свою общественную службу. Говорятъ, мясной трестъ со времени появленія «Дебри» потерялъ около сорока милліоновъ рублей.

Но «Дебри» не только «обличительный» романъ. Въ сущности, заводы треста, такъ подробно описанные въ первой половинѣ романа, только символъ, показывающій безвыходное положеніе труда. Тысячи работниковъ всѣхъ странъ, захваченные заводами, куда ихъ гонитъ голодъ, обезличиваются, становятся автоматами, наконецъ, выбрасываются искалѣченными, больными. Мясной трестъ это—символъ капитала. «Дебри» поэтому романъ соціальный, хотя въ художественномъ отношеніи онъ слабъ. Въ романѣ есть характеры, есть сильныя, драматическія положенія, захватывающія читателя; но все же главное впечатлѣніе остается отъ *всей* картины. Въ извѣстномъ отношеніи, романъ Синклэра — тенденціозное произведеніе: авторъ—соціалистъ, желающій и умѣющій доказать, что только при другихъ, высшихъ формахъ производства, основанныхъ на справедливости, исчезнутъ тѣ ужасы и то обезличеніе людей, которыя описываются въ «Дебряхъ». Романъ, написанный во многихъ мѣстахъ неуклюже, производитъ крайне сильное впечатлѣніе мрачностью картины и глубокой искренностью автора. Въ этомъ отношеніи «Дебри» рѣзко отличаются отъ той беллетристики, которой заполняется обыкновенно англійскій, а, въ особенности, американскій книжный рынокъ. Есть еще одна черта, отличающая «Дебри» отъ обычныхъ американскихъ романовъ — реализмъ. Читатели знаютъ, вѣроятно, что въ Англіи, на родинѣ Фильдинга, Смоллета и Диккенса, т. е. отцовъ реалистическаго романа, въ послѣдніе годы реализмъ вытѣсненъ условностью всякаго рода. Установился извѣстный шаблонъ для характеровъ, хотя общій фонъ, повидимому, остается реалистическимъ. Еще въ большей степени относится это къ Америкѣ. Наиболѣе популярнымъ романомъ тамъ, послѣ «Хижины дяди Тома», является «The Wide, Wide World», Елизаветы

Уэтерель*). Это произведеніе можетъ служить также классическимъ примѣромъ условнаго и шаблоннаго изображенія героевъ и героинь въ американской литературѣ. Бретъ Гартъ былъ реалистомъ, покуда изображалъ жизнь далекаго запада въ маленькихъ очеркахъ. Какъ только этотъ замѣчательный писатель брался за крупное произведеніе, общее проклятіе, тяготѣющее надъ американскими беллетристами,—шаблонъ—проявлялось тотчасъ же. Вильямъ Дикъ Хауэльсъ (Howelles) написалъ нѣсколько хорошихъ романовъ, но и этотъ авторъ не рѣшается касаться многихъ вопросовъ жизни. Генри Джемсъ—скорѣе англійскій, чѣмъ американскій писатель. По манерѣ своей онъ напоминаетъ Флобера. Онъ написалъ очень хорошій психологическій романъ *What Maisie Knew*; но и Джемсъ отступаетъ передъ соціальными вопросами, которые непріятны среднимъ классамъ. Айтонъ Синклэръ — реалистъ. Для него шаблона не существуетъ. Авторъ не считается съ гипереміей щепетильности американцевъ и смѣло трактуетъ въ своемъ романѣ такіе вопросы, предъ которыми другіе американскіе беллетристы отступаютъ. Синклэръ, напр., срываетъ маску респектабельности съ чикагскихъ капиталистовъ. Господство капитала превращаетъ, съ одной стороны, работниковъ въ автоматовъ, калѣкъ и бродягъ, а съ другой—гонитъ молодыхъ работницъ въ золоченые вертепы.

Романъ Синклэра изображаетъ странствованія и испытанія на берегахъ Мичигана семьи подлиповцевъ, своего рода. Группа литовцевъ эмигрируетъ изъ глуши Бѣловежской пущи въ Чикаго. На родинѣ жизнь стала невыносима; между тѣмъ, до ихъ деревни дошло смутное извѣстіе про то, что ихъ землякъ литовецъ, переселившійся лѣтъ десять тому назадъ въ Америку, разбогатѣлъ въ Чикаго. И вотъ двѣ семьи продали свои хаты и землю и послѣ многихъ скитаній очутились въ Чикаго. Группа переселенцевъ состоитъ изъ старика Анталаса Рудкуса, изъ сына его, молодого геркулеса Юргыса, двухъ дѣвушекъ Маріи и Оны, невѣсты Юргыса, старухи Елизаветы да изъ нѣсколькихъ дѣтей.

Изъ глубины своихъ лѣсовъ литовцы принесли смиреніе, преклоненіе предъ «господами» и готовились работать. Они разыскали въ Чикаго своего земляка, про богатство и удачливость котораго въ деревнѣ разсказывали чудеса. Землякъ оказался владѣльцемъ скромной колбасной лавочки. Онъ оказалъ подлиповцамъ ту услугу, что научилъ ихъ, какъ слѣдуетъ, найти ворота заводовъ. У этихъ воротъ нужно было стоять съ ранняго утра въ толпѣ другихъ переселенцевъ, покуда выйдетъ надсмотрщикъ (boss) и выберетъ необходимое количество «рукъ». Легче всего было найти работу Юргысу, потому что надсмотрщикъ сейчасъ же замѣтилъ его въ толпѣ и оцѣнилъ его широкія плечи, громадный ростъ и простова-

---

*) Литературный псевдонимъ писательницы Сюзэнъ Уорнеръ, скончавшейся лѣтъ двадцать тому назадъ.

тое лицо. Труднѣе было найти работу женщинамъ. Онѣ долго ходили по разнымъ отдѣленіямъ заводовъ съ единственнымъ англійскимъ словомъ, которому научились,—«Job» (т. е. работа), покуда ихъ взяли.

Синклэръ хорошо изучилъ нравы литовцевъ-переселенцевъ. Онъ даже нѣсколько злоупотребляетъ «мѣстнымъ колоритомъ»: въ романѣ постоянно пестрѣютъ литовскія слова и выраженія въ родѣ: «Eik! Uzdaryk-duris», «Pasilinksminimams darzas», перевода которыхъ авторъ не даетъ.

Вскорѣ вся компанія подлиповцевъ находитъ работу на заводахъ. Въ сравненіи съ русскими заработками, литовцы получаютъ, какъ имъ кажется, очень много. Они не подозрѣваютъ, что имъ даютъ третью часть того, что получаютъ американцы за несравненно болѣе легкую работу. Подлиповцы селятся вмѣстѣ въ одномъ домикѣ, который покупаютъ на выплату у агента. Условія контракта таковы, что домикъ переходитъ обратно къ компаніи, если покупатели хоть разъ не внесутъ аккуратно деньги. Въ такомъ случаѣ все уплаченное пропадаетъ. На эту удочку попадаются работники въ Англіи, но въ особенности переселенцы въ Америкѣ, не понимающіе языка.

Когда литовцы нашли работу и помѣщеніе, Юргысъ рѣшилъ жениться на Онѣ. Женихомъ ея онъ былъ еще въ Россіи, но тамъ о свадьбѣ нельзя было даже и думать. И яркимъ описаніемъ свадьбы начинается романъ Синклэра.

Свадьба это—раззореніе. Она ознаменована такимъ же актомъ, какъ и выступленіемъ третьестепенной жертвы на арену международной политики: пріобрѣтеніемъ громаднаго долга, который подавляетъ все. «Безъ сомнѣнія, литовцы съ ужасомъ останавливались предъ страшными издержками, которыя должны были достигать до двухсотъ, а то и до трехсотъ долларовъ. Триста долларовъ—сумма, превышающая годовой доходъ большинства семей. Тамъ были взрослые крѣпкіе люди, работавшіе отъ ранняго утра до ночи на ледникахъ, гдѣ на полу всегда стояла вода на четверть дюйма; въ теченіе семи мѣсяцевъ въ году, еженедѣльно отъ воскресенія въ полдень до слѣдующаго воскресенія утромъ—они никогда не видали дневного свѣта. И эти люди не зарабатывали трехсотъ долларовъ въ годъ. Тамъ были маленькія дѣти, голова которыхъ едва превышала рабочія скамьи; родители, чтобы опредѣлить этихъ дѣтей на фабрику, должны были лгать; эти дѣти не зарабатывали не то, что трехсотъ, но даже ста долларовъ въ годъ. И такую колоссальную сумму истратить въ одинъ день на свадебный пиръ!»

«Все это, быть можетъ, необдуманно, трагично, но ахъ! это такъ прекрасно! Мало по малу эти бѣдные люди отдали молоху принудительнаго труда все, что имѣли въ жизни. Но они всей силой своей души крѣпко держались за свадьбу, за «веселье», которое не хотѣли отдать. Отказаться отъ него значило бы не только *быть*

пораженнымъ, но и *признаться* въ своемъ пораженіи. А между тѣмъ, міръ держится на разницѣ между этими двумя понятіями. «Веселье», свадебный обрядъ, дошло до этихъ людей съ незапамятныхъ временъ. Означало оно, что человѣкъ можетъ жить въ пещерѣ и созерцать тѣни на стѣнѣ, если только хоть разъ въ жизни онъ имѣетъ возможность разбить свои цѣпи, расправить крылья и взглянуть на солнце; если только хоть разъ онъ почувствуетъ, что жизнь со всѣми ея заботами и тревогами — только пузырь на водѣ, вещь, которой можно или жонглировать, какъ фокусникъ—золотымъ шарикомъ, или выпить разомъ съ наслажденіемъ, какъ кубокъ дорогого вина. И, почувствовавъ себя хоть разъ властелиномъ своей собственной судьбы, человѣкъ снова пойдетъ работать и до смерти будетъ жить воспоминаніями».

Литовцы, повеселившись до утра и навязавъ себѣ долгъ до самой смерти, отправляются снова на работу.

Юргысъ Рудкусъ сперва гордился, что хозяинъ сразу нанялъ его и отдалъ предпочтеніе передъ сотнями других переселенцевъ, сложенныхъ не такъ атлетически. Молодой литовецъ усердствовалъ въ первое время и работалъ не за страхъ, а на совѣсть.

«Юргысъ легко говорилъ о работѣ, потому что былъ молодъ. Товарищи разсказывали ему страшныя вещи, отъ которыхъ морозъ пробѣгалъ по тѣлу, про людей, потерявшихъ силы на заводахъ, и что съ ними стало. Юргысъ только смѣялся. Онъ служилъ на заводахъ только четыре мѣсяца, былъ молодъ и имѣлъ силы геркулеса на придачу. Молодой литовецъ былъ слишкомъ здоровъ и не могъ себѣ даже представить, что значитъ чувствовать себя сраженнымъ. «Надорваться могутъ такіе заморыши, такіе «silpnas», какъ вы,—говорилъ онъ,—мои плечи широки».

«Юргысъ былъ простой деревенскій парень, которыхъ такъ любитъ нанимать надсмотрщикъ, потому что они «злы на работу». Когда Юргысу приказывали пойти куда-нибудь,—онъ мчался стрѣлой. Жизнь и сила кипѣли въ немъ. Если онъ работалъ въ ряду съ другими работниками, ему всегда казалось, что они подвигаются слишкомъ медленно».

II.

Заводы «мясного треста», на которыхъ работали литвины, представляютъ громадный, отдѣльный міръ, который впервые только описанъ Синклэромъ. Когда поѣздъ находится еще въ часѣ ѣзды отъ заводовъ, присутствіе ихъ чувствуется сильнымъ, характернымъ запахомъ. По мѣрѣ приближенія, трава всюду блѣднѣетъ. Весь горизонтъ закрытъ дымомъ, поднимающимся изъ фабричныхъ трубъ. Кругомъ заводовъ почва была изрыта. «Тутъ были холмы, долины, рѣчки, овраги, рвы и лужи съ зеленой вонючей водой. Въ лужахъ

и въ грязи валялись дѣти. Тамъ и сямъ гомозились они въ навозныхъ кучахъ, выискивая добычу всякаго рода. Въ воздухѣ черной тучей носилось невѣроятное множество мухъ. Пріѣзжаго, прежде всего, поражала сильная удушливая вонь, какъ будто здѣсь гнило все, что околѣло подъ солнцемъ, и къ заводамъ примыкалъ громадный дворъ въ квадратную милю, большую часть котораго представляли загоны для скота. Люди, осматривавшіе дворъ впервые, не подозрѣвали, что такая масса скота можетъ существовать въ одномъ мѣстѣ. Въ загонахъ былъ скотъ всякаго рода: красный, черный, бѣлый, муругій; скотъ старый и молодой; громадные, глухо мычавшіе волы и телята, родившіеся всего только часъ тому назадъ; дойныя коровы съ кроткими глазами и свирѣпые, круторогіе техасскіе быки. Шумъ стоялъ такой, какъ будто здѣсь былъ согнанъ скотъ со всего міра. Понадобился бы цѣлый день, чтобы только сосчитать загоны. Тамъ и сямъ тянулись длинные проходы, перегороженные въ нѣкоторыхъ мѣстахъ калитками. Такихъ калитокъ во дворѣ было двадцать пять тысячъ.

По проходамъ взадъ и впередъ разъѣзжали верховые, въ высокихъ сапогахъ, съ длинными бичами въ рукахъ. То были скотопромышленники, пригнавшіе гурты изъ западныхъ и южныхъ Штатовъ, маклеры и коммиссіонеры, закупавшіе здѣсь скотъ для заводовъ, изготовляющихъ мясные консервы. Коммиссіонеры останавливались то тамъ, то сямъ предъ гуртомъ, завязывался короткій дѣловой разговоръ съ скотопромышленникомъ. Покупатель кивалъ головой или опускалъ арапникъ, что означало заключеніе сдѣлки. Затѣмъ коммиссіонеръ отмѣчалъ покупку у себя въ книжкѣ, гдѣ значилась уже сотня подобныхъ сдѣлокъ. Затѣмъ скотъ гнали на гигантскіе вѣсы, которые могли автоматически отмѣтить сотни тысячъ фунтовъ живого вѣса. Отъ вѣсовъ шла желѣзная дорога, перевозившая скотъ. Ночью загоны наполнялись, а къ вечеру пустѣли. И такъ продолжалось изо дня въ день. Въ разныя стороны двора были проложены 250 миль рельсовъ, по которымъ ежедневно провозили до десяти тысячъ головъ крупнаго скота, столько же свиней и около пяти тысячъ овецъ. Другими словами, заводъ превращалъ въ годъ въ консервы отъ восьми до десяти милліоновъ головъ скота. Во дворѣ наблюдалось живое теченіе, направлявшееся въ одну сторону къ «желобамъ». Сюда гнали безпрерывно гурты скота. «Желоба» представляли собою родъ корридора, въ пятнадцать футовъ въ ширину, поднимавшагося надъ загонами. По желобамъ, не подозрѣвая своей участи, двигался безпрерывный живой потокъ скота. Свиньи поднимались по откосу до самой вершины желоба, гдѣ ихъ ждала смерть, а затѣмъ туши скользили по откосу въ другую сторону, подвергаясь цѣлому ряду операцій.

По мѣстной остротѣ, отъ свиньи все шло въ прокъ, кромѣ ея визга. Заводы, въ которыхъ производились эти операціи, представляли собой закопченныя, кирпичныя зданія, густо облѣпленныя

вывѣсками и рекламами. Здѣсь производились тѣ консервы, объявленія о которыхъ преслѣдуютъ человѣка всюду. Они красуются на домахъ, въ газетахъ, иллюстраціяхъ, въ поляхъ, мимо которыхъ мчатся поѣзда. Здѣсь изготовлялись «Брауновская имперская ветчина», «Брауновскіе мясные консервы», «Брауновскія колбасы Экселзіоръ». Отсюда шло «Дархэмское чистое сало», «Дархэмскіе несравненные окорока», «Дархэмское консервированное мясо», «Перетертые цыплята», «Паштеты изъ ветчины» и «Удобрительные туки высшей марки».

Къ этимъ зданіямъ поднимались изъ скотнаго двора желоба. Когда свиньи добирались до вершины желобовъ,—онѣ входили въ помѣщеніе, гдѣ онѣ остывали и отдыхали. Изъ этого помѣщенія для свиньи нѣтъ возврата. Помѣщеніе это представляетъ собою длинный, узкій корридоръ, въ концѣ котораго находится большое желѣзное колесо, футовъ двадцать діаметромъ, съ кольцами по окружности. По обѣимъ сторонамъ колеса—узкіе проходы. Сюда попадаютъ свиньи послѣ долгаго странствованія по желобамъ. Работники, стоящіе у колеса, хватаютъ свиней, накидываютъ имъ на ноги короткую цѣпь, которую закрѣпляютъ въ кольца вертящагося колеса. Раздается отчаянный визгъ, когда животное поднимается вверхъ. Визгъ и хрюканье наполняютъ помѣщеніе. Казалось, оно лопнетъ отъ звуковъ отчаянья. Какъ только колесо поднималось, работникъ, вооруженный длиннымъ ножомъ, перерѣзывалъ свиньѣ горло. Наверху зарѣзанное животное попадало въ телѣжку, которая скользила внизъ и сбрасывала тушу въ чанъ съ кипящей водой... Наблюдая этотъ процессъ машинной обработки буженины, нельзя было не думать объ аналогіяхъ. Всѣ эти вопли и смерть казались только символомъ. Каждое изъ животныхъ представляло отдѣльную индивидуальность. Тутъ были свиньи бѣлыя и черныя, бурыя и пятнистыя, старыя и молодыя, толстыя и тощія. Каждая, вѣроятно, имѣла свои вкусы и свой темпераментъ. Каждая была увѣрена въ своихъ силахъ. Каждая безмятежно занималась своимъ собственнымъ дѣломъ, въ то время, какъ черная тѣнь висѣла уже надъ нею, и страшная судьба подстерегала уже животное. И вотъ судьба, безжалостная, неумолимая сразу обрушилась на свинью и схватила ее за ноги. Всѣ протесты и вопли были напрасны. Животному перерѣзали глотку и спокойно созерцали, какъ его жизнь уходитъ. Можно ли было повѣрить въ существованіе какого-то высшаго существа, для котораго жизнь животныхъ, ихъ индивидуальность и страданіе имѣютъ какое-нибудь значеніе? Кто возьметъ живое существо въ объятія, утѣшитъ его и вознаградитъ за понесенныя страданія?

Спеціальная машина вылавливала обваренныя туши изъ котла и бросала въ слѣдующій этажъ, при чемъ туша проходила черезъ скребни, которые автоматически приспособлялись къ формѣ ея и снимали почти всю щетину. Машина клала тушу на другую те-

лѣжку, катившуюся по наклонной плоскости, по обѣимъ сторонамъ которой въ разстояніи другъ отъ друта, на возвышеніяхъ, стояли работники. Каждый изъ нихъ, когда телѣжка катилась мимо, продѣлывалъ надъ тушей одну опредѣленную манипуляцію. Одинъ скребъ наружную сторону ноги. Другой—внутреннюю сторону той же ноги. Дальше стоялъ работникъ, который быстрымъ ударомъ ножа надрѣзывалъ шею. Слѣдующій работникъ однимъ движеніемъ ножа отдѣлялъ голову отъ туловища, которая падала на полъ и проваливалась въ спеціальный люкъ. Телѣжка катилась дальше. Работникъ надрѣзывалъ тушу. Слѣдующій—дѣлалъ надрѣзъ глубже. Дальше работникъ перерубалъ только грудную кость. Ниже стоявшій работникъ вскрывалъ внутренности, которыя вырывалъ слѣдующій работникъ и бросалъ въ спеціальный люкъ. Были спеціальные работники, которые скребли только спину туши, другіе—вымывали ее. Глядя сверху, можно было видѣть рядъ тушъ, въ сто ярдовъ въ длину, ползущихъ внизъ по наклонной плоскости, и людей, стоявшихъ на разстояніи ярда другъ отъ друга, продѣлывавшихъ опредѣленную манипуляцію съ такою лихорадочною быстротою, какъ будто за ними гнались демоны. Когда туша доползала до конца по наклону, каждый дюймъ ея былъ тщательно обработанъ. Затѣмъ тушу вкатывали въ рефригераторъ, гдѣ она стыла сутки. Ледникъ представлялъ собой цѣлый лѣсъ замороженныхъ тушъ, въ которомъ посторонній легко могъ заблудиться.

У входа въ ледникъ сидитъ правительственный инспекторъ, обязанность котораго изслѣдовать шейныя железы туши съ цѣлью опредѣлить, не болѣло ли животное туберкулезомъ. Осмотръ крайне небрежный. Десятки тушъ проходятъ мимо неосмотрѣнными.

Всѣ эти операціи—показная сторона дѣла. Владѣльцы заводовъ охотно пускаютъ въ описанныя помѣщенія постороннихъ, чтобы показать имъ машинную обработку мяса. Но кромѣ казоваго конца, есть еще безчисленныя секретныя помѣщенія, тщательно оберегаемыя отъ посторонней публики. Изъ верхняго этажа, гдѣ обрабатываются туши, мы попадаемъ въ слѣдующій. Здѣсь чистятся и промываются кишки для колбасъ и сосисокъ. Сотни мужчинъ и женщинъ работаютъ въ атмосферѣ, насыщенной удушливой вонью. Въ слѣдующую комнату попадаютъ всѣ обрѣзки, изъ которыхъ путемъ кипяченія извлекается весь жиръ для приготовленія мыла и перетопленнаго сала. Обрѣзки, изъ которыхъ извлечено сало, тоже утилизируются. Дальше слѣдуютъ помѣщенія, въ которыхъ разрѣзываются туши, доставленныя изъ рефригераторовъ. Прежде всего мы видимъ здѣсь опытныхъ разрубальщиковъ (splitters), получающихъ до пятидесяти центовъ въ часъ. Съ утра до вечера *splitters* разрубаютъ туши на двѣ части. Для этой работы требуются очень сильные люди съ желѣзными мускулами. У каждаго разрубальщика два подручныхъ, которые кладутъ тушу на плаху и переворачиваютъ ее. *Splitter* вооруженъ сѣчкой съ лез-

віемъ въ два фута. Онъ работаетъ такъ чисто, что однимъ ударомъ раздѣляетъ тушу, при чемъ сѣчка никогда не ударяется о плаху. Различныя части животнаго чрезъ спеціальные люки падаютъ въ нижній этажъ, гдѣ окорока кладутся въ разсолъ и коптятся въ громадныхъ коптильняхъ, запирающихся непроницаемыми желѣзными дверьми.

Въ другомъ зданіи убиваютъ рогатый скотъ. Туши обрабатываются такимъ же машиннымъ путемъ, при чемъ трудъ человѣка сводится тоже къ одной какой-нибудь опредѣленной манипуляціи.

Заводчики утилизируютъ въ убитыхъ животныхъ рѣшительно все. Вотъ почему заводы для изготовленія мясныхъ консервовъ представляютъ своего рода промышленный микрокосмъ. Мало того, трестъ изготовляетъ самъ все необходимое при обработкѣ мяса. Трестъ располагаетъ литейнымъ и электрическимъ заводами. Онъ самъ обрабатываетъ сало въ мыло, изготовляетъ щетки, дубитъ кожи и пр. Ничто не пропадаетъ даромъ. Изъ роговъ выпиливаются гребни и пуговицы. Кости животныхъ тутъ же перерабатывались въ «слоновую кость» и шли на разныя подѣлки. Изъ копытъ вываривается клей. Бабки, обрѣзки шкуръ и сухожилья превращаются въ желатинъ, рыбій клей, фосфоръ, ваксу и костное масло. Изъ свиныхъ желудковъ добывается пепсинъ, изъ крови—альбуминъ, изъ вонючихъ кишекъ—скрипичныя струны. Когда обрѣзки никуда не годятся, они идутъ въ паровой котелъ для извлеченія жира, а потомъ превращаются въ удобрительный тукъ. Компанія нанимаетъ тридцать тысячъ работниковъ. Непосредственно отъ треста зависятъ 250 тысячъ человѣкъ, а косвенно — около полумилліона. Компанія посылаетъ свои продукты во всѣ концы міра и снабжаетъ пищей тридцать милліоновъ людей.

III.

Юргысъ привезъ съ собою въ Чикаго изъ Литвы любовь къ работѣ и преданность хозяйскимъ интересамъ. Прослуживъ нѣкоторое время на заводѣ, онъ начинаетъ замѣчать, что всѣ товарищи его ненавидятъ свою работу. «Они ненавидѣли надсмотрщиковъ, ненавидѣли владѣльцевъ. Работники питали глубокое отвращеніе ко всему окружающему и даже ко всему городу. Мужчины, женщины, дѣти, всѣ проклинали заводъ, сравнивали его съ адомъ и говорили, что здѣсь все гиблое. Когда же Юргысъ допытывался, что это означаетъ, работники глядѣли на него подозрительно и замѣчали: «поработай больше, самъ увидишь». Юргысъ не понималъ также, зачѣмъ рабочіе группируются въ союзы? Ему объяснили, что люди должны соединяться вмѣстѣ для отстаиванія своихъ правъ. Тогда литвинъ спросилъ: а что такое значитъ *права?* Юргысъ спросилъ это совершенно искренно. До тѣхъ поръ

онъ и не слыхалъ, что у человѣка есть другія права, кромѣ права искать работу и дѣлать, что прикажутъ. На вопросъ Юргыса товарищи его отвѣчали ругательствами. Наконецъ, работникъ, убѣждавшій литовца поступить въ союзъ, пустился въ объясненія, изъ которыхъ Юргысъ понялъ, что ему придется платить что-то. На это литовецъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Депутатъ ирландецъ потерялъ терпѣніе и сталъ ругаться, а потомъ грозить кулаками. Такъ Юргысъ и не поступилъ въ союзъ. Вотъ почему трестъ и предпочитаетъ имѣть работниками литовцевъ или словаковъ: они совершенно забиты и не въ силахъ объединиться для отстаиванія собственныхъ интересовъ.

Съ теченіемъ времени Юргысъ начинаетъ замѣчать, что и отецъ его Анталасъ, проповѣдывавшій всегда преданность хозяйскимъ интересамъ, тоже ненавидитъ свою работу, которую досталъ съ великимъ трудомъ: трестъ беретъ только молодыхъ, сильныхъ работниковъ и выбрасываетъ ихъ за бортъ, когда они начинаютъ слабѣть. «Отецъ съ отвращеніемъ и ужасомъ разсказывалъ дома про то, что творится на заводѣ. Старикъ чистилъ тамъ люки и работалъ въ томъ помѣщеніи, гдѣ приготовлялась говядина для консервированія въ жестянкахъ. Съ этой цѣлью говядина «бальзамировалась» предварительно, т. е. вымачивалась въ чанахъ въ различныхъ химическихъ веществахъ. Работники вылавливали потомъ изъ чановъ говядину громадными вилками и складывали въ телѣжки, которыя отвозились въ помѣщеніе, гдѣ мясо варили. Когда изъ чановъ вылавливали все, послѣдніе опрокидывались на полъ. Работники сгребали остатки лопатами и тоже валили въ телѣжки. Полъ былъ невѣроятно грязный. Одинъ изъ работниковъ шваброй отводилъ разлитый растворъ, въ которомъ мокло мясо, въ особое корыто. Отсюда растворъ вычерпывался для новаго употребленія. Разъ въ недѣлю чистился люкъ, къ стѣнамъ котораго прилипали куски полуразложившагося мяса. Все это собиралось и шло въ консервы».

«Кто имѣетъ какое-нибудь представленіе о бойняхъ, знаетъ, что мясо тельной коровы или только что отелившейся не годится для употребленія. Между тѣмъ, ежедневно на заводы пригоняли не мало тельныхъ коровъ и ихъ убивали вмѣстѣ съ остальными. Вырѣзанныя изъ убитыхъ животныхъ телята тоже шли въ консервы». На заводъ пригоняли больной скотъ; нѣкоторые волы прибывали съ переломленными ногами; были животныя, околѣвшія въ загонахъ; но ничто не терялось. Туши такихъ животныхъ попадали въ котлы, а оттуда шли въ консервы.

Тресту нужны тупые, неразвитые работники. Съ этой цѣлью сдѣлано все, чтобы привлечь изъ Европы въ Чикаго національности, самосознаніе которыхъ стоитъ очень низко. На заводахъ одна національность смѣняется другой. Когда-то въ Чикаго работали только нѣмцы. Затѣмъ хозяева выписали болѣе дешевыхъ ирландцевъ. Въ теченіе семи или восьми лѣтъ Чикаго былъ ирланд-

скимъ городомъ. Потомъ они устроили большую стачку, проиграли ее, и заработная плата была понижена. Ирландцы оставили городъ. На смѣну явились чехи, а затѣмъ—поляки. Организаторъ треста поклялся, что подберетъ такихъ работниковъ, которые никогда не устроятъ стачки. И съ этой цѣлью онъ разослалъ своихъ агентовъ въ глухія мѣстечки и деревни Польши и Литвы, которые распространяли всюду слухи про высокую заработную плату. Поляки явились тысячами. Ихъ вскорѣ вытѣснили менѣе требовательные литовцы. Теперь трестъ вводитъ, вмѣсто литовцевъ, еще болѣе забитыхъ словаковъ.

Съ теченіемъ времени, освоившись немного съ языкомъ, Юргысъ сталъ понимать значеніе трэдъ-юніоновъ. Когда делегатъ-ирландецъ явился снова, литовецъ принялъ его болѣе радушно. Голова Юргыса стала усваивать мысль, что работники, если соединяться вмѣстѣ, могутъ вступить въ бой съ трестомъ. Теперь литовецъ не пропускалъ ни одного митинга. Онъ усвоилъ нѣсколько англійскихъ словъ и при томъ всегда находилъ пріятелей, которые переводили ему сущность рѣчей. Митинги были очень шумны. Ораторы говорили о необходимости борьбы. Съ перваго дня въ Америкѣ Юргыса всѣ нагло обманывали, пользуясь его неразвитостью и незнаніемъ языка. Литовецъ пришелъ къ заключенію, что въ Чикаго нельзя довѣрять никому, кромѣ членовъ собственной семьи. И вотъ теперь на митингахъ литовецъ открылъ, что у него есть союзники и братья по несчастью. Единственная надежда на лучшее будущее была въ союзѣ. И для литовца онъ принялъ почти религіозный характеръ. Юргысъ всегда аккуратно посѣщалъ церковь, потому что всѣ такъ дѣлали, но служба никогда не трогала его. Литовецъ рѣшилъ, что плакать въ церкви и умиляться, это—женское дѣло. Теперь предъ Юргысомъ была новая вѣра, которая глубоко потрясла всѣ фибры его души. И онъ сталъ апостоломъ новой религіи съ жаромъ и яростью новообращеннаго. На заводѣ было не мало литовцевъ, которые не принадлежали къ союзу. Юргысъ рѣшилъ обратить ихъ въ свою вѣру во что бы то ни стало. Если убѣжденія не дѣйствовали, литовецъ пускалъ въ ходъ кулаки.

Однимъ изъ послѣдствій присоединенія Юргыса къ рабочему союзу было рѣшеніе выучиться по-англійски. Литовецъ хотѣлъ знать, что говорится на митингахъ; онъ самъ желалъ выступить ораторомъ. И вотъ Юргысъ сталъ посѣщать вечернюю школу, гдѣ его выучили читать и писать. Школа сдѣлала то, что Юргысъ сталъ интересоваться политикой. На первыхъ порахъ отецъ, помнившій хорошо Россію, все умолялъ Юргыса: «Берегись, сынокъ! Говори тише, съ оглядкой». Онъ слыхалъ, конечно, что Америка свободная страна, но значенія этихъ словъ не могъ понять, такъ какъ видѣлъ, что рабочему человѣку всюду плохо. «Когда у человѣка нѣтъ работы,— говорилъ старикъ,—то онъ голодаетъ. А голодъ въ Америкѣ и въ Россіи—совершенно одинаковый».

IV.

Послѣдняя тѣнь преданности хозяйскимъ интересамъ разсѣялась у Юргыса окончательно, когда онъ присмотрѣлся къ тому, что дѣлается на заводахъ. Онъ увидѣлъ гигантскія мастерскія, въ которыхъ готовится отрава для бѣднаго населенія всего міра. Повидимому, трестъ имѣлъ во всѣхъ Штатахъ агентовъ для скупки всего стараго, больного и искалѣченнаго скота на консервы. Тутъ былъ скотъ, который кормился скверной брагой. Отъ этого животныя покрылись болячками. Свѣжевать такія туши было противно, потому что, когда ножъ попадалъ въ болячку, въ лицо брызгала вонючая жидкость. Мясо больныхъ животныхъ издавало тяжелый запахъ, поэтому для консервовъ оно предварительно «бальзамировалось». Отъ такихъ «бальзамированныхъ» мясныхъ консервовъ американскіе солдаты во время испанской войны умирали больше, чѣмъ отъ непріятельскихъ пуль. На придачу, консервы иногда лежатъ по нѣсколько лѣтъ въ подвалахъ... Заводы были настоящими лабораторіями алхимиковъ. Тутъ изготовлялся «грибной соусъ», въ которомъ не было ни одного гриба. Рекламы треста, распространенныя по всему свѣту, восхваляли «паштеты изъ цыплятъ». Въ дѣйствительности, эти паштеты готовились не изъ цыплятъ, а изъ смѣси, въ которую входили требуха, свиное сало, говяжій жиръ, бычачье сердце и негодные обрѣзки всякаго рода. Смѣсь шла въ различныя банки, на которыхъ отмѣчалось: «паштетъ изъ дичи», «паштетъ изъ куропатокъ». «Паштеты изъ ветчины» готовились изъ клочковъ мяса, счищенныхъ со стѣнокъ люка. Сюда прибавлялась требуха, подкрашенная такъ, чтобы скрыть бѣлый цвѣтъ, обрѣзки кожи, картофельная шелуха и шейные бычачьи хрящи, остающіеся, когда вырѣзанъ языкъ. Всѣ эти обрѣзки растирались въ тѣсто, подкрашивались, сдабривались различными химическими специями, чтобы придать продукту какой-нибудь вкусъ. Придумавшій какую-нибудь новую поддѣлку или имитацію получалъ громадныя деньги отъ треста. Скотъ, больной туберкулезомъ, покупался охотнѣе на заводахъ, потому что такихъ животныхъ можно быстрѣе откормить... Заводы скупали въ магазинахъ и въ молочныхъ все старое, прогорклое, никуда не годное масло, «оксидировали» его путемъ особаго химическаго процесса, сбивали его со снятымъ молокомъ и потомъ пускали въ продажу, какъ «первоклассное сливочное масло».

Работники въ различныхъ отдѣленіяхъ заводовъ были больны специфическими болѣзнями. Если работникъ, складывавшій окорока въ разсолъ, оцарапывалъ себѣ палецъ,—онъ скоро наживалъ раны, которыя отправляли его на тотъ свѣтъ. Суставы пальцевъ сгнивали одинъ за другимъ и отваливались. У работниковъ, срѣзывавшихъ

мясо съ костей, обыкновенно не было большого пальца. У обдиравшихъ туши не было ногтей, а суставы такъ распухали, что пальцы напоминали раскрытый вѣеръ. Въ помѣщеніяхъ, гдѣ варилось мясо, люди работали при искусственномъ освѣщеніи въ тошнотворной атмосферѣ, насыщенной парами. Въ этой атмосферѣ чахоточныя бациллы могли бы жить два года; но онѣ возобновлялись каждый часъ. Въ другомъ отдѣленіи работники съ утра до вечера, изо дня въ день таскали на плечахъ шестипудовыя туши въ холодильню. Эта работа въ нѣсколько лѣтъ надламывала силы даже геркулесовъ. Специфической болѣзнью людей, работавшихъ въ холодильняхъ,—былъ ревматизмъ. Больше пяти лѣтъ никто не выдерживалъ. Послѣ этого самый здоровый становился калѣкой. Руки у работниковъ, снимавшихъ шерсть съ овечьихъ шкуръ, пропадали еще скорѣе, чѣмъ у работавшихъ возлѣ чановъ съ разсоломъ. Дѣло въ томъ, что мездру, чтобы шерсть отдѣлялась, вымачиваютъ въ кислотѣ. «Штамповальщики», готовившіе жестяные коробки для консервовъ, при малѣйшей неосторожности, теряли пальцы, отхваченные машиной.

Работники, поднимавшіе при помощи рычаговъ убитый скотъ, должны были взбѣгать каждый разъ на особый помостъ. Имъ приходилось внимательно смотрѣть каждый разъ внизъ и проникать сквозь пары, застилавшіе все. Такъ какъ основатель фирмы старый Дархэмъ строилъ бойню не для удобства «поднимальщиковъ» (hoisters), то, взбѣгая на помостъ, имъ приходилось каждый разъ наклоняться, чтобы не удариться головой о балки, лежавшія на высотѣ четырехъ футовъ. Отъ безпрерывнаго нагибанія «поднимальщики» черезъ нѣсколько лѣтъ ходили, согнувшись, какъ шимпанзе. Хуже всего было положеніе людей, работавшихъ въ кухняхъ, гдѣ варилось мясо, и въ подвалахъ, гдѣ приготовлялись удобрительные туки. Послѣдніе пропитывались такимъ сильнымъ запахомъ, что онъ давалъ себя чувствовать на разстояніи ста ярдовъ. Несчастье работниковъ, находившихся въ помѣщеніяхъ, наполненныхъ парами у гигантскихъ кипящихъ котловъ, было то, что они иногда падали въ чаны. Работниковъ вылавливали тогда уже мертвыми. Иногда въ полумракѣ никто не замѣчалъ, что человѣкъ упалъ въ кипящій чанъ. Въ такомъ случаѣ, изъ котла черезъ нѣсколько дней вылавливались только кости. Все же остальное превращалось въ ту смѣсь, которую заводы разсылали по всему міру подъ названіемъ «лучшаго топленаго сала».

Часть «подлиповцевъ» работала въ консервномъ отдѣленіи, а другая—въ помѣщеніи, гдѣ изготовляются колбасы. Такимъ образомъ, переселенцы знали всѣ тайны производства. Когда мясо на столько испорчено, что совершенно не годится, изъ него приготовляютъ или консервы, или колбасы. Когда мясо, вынутое изъ разсола, воняло, его натирали содой. Затѣмъ производился цѣлый рядъ удивительныхъ химическихъ опытовъ. Въ результатѣ получа-

лось то, что полуразложившемуся мясу придавался любой цвѣтъ и вкусъ. Если окорокъ издавалъ тяжелый трупный запахъ, то при помощи спеціальной машины и шприца взбрызгивали специи, уничтожавшія вонь. Операція производилась въ нѣсколько секундъ. Бывали окорока, разложившіеся настолько, что отъ нихъ тошнило. Даже специи не помогали. Прежде ихъ коптили и пускали въ продажу подъ названіемъ «третій сортъ». Теперь придумали остроумную машину, при помощи которой изъ вонючаго окорока извлекается кость. Затѣмъ въ отверстіе вводится раскаленное до бѣла желѣзо. Послѣ этой операціи «третій сортъ» превращается въ первый.

Если окорокъ былъ совершенно испорченъ, онъ поступалъ въ колбасное отдѣленіе. Тамъ онъ изрѣзывался машиной, дѣлающей двѣ тысячи оборотовъ въ минуту, и смѣшивался съ тонной другого мяса безъ запаха. Въ колбасы крошилось рѣшительно все. Часто изъ Европы прибывалъ обратно грузъ забракованныхъ колбасъ, покрытыхъ плѣсенью. Товаръ этотъ вымачивался въ глицеринѣ и въ растворѣ борной кислоты, затѣмъ измельчался и снова перерабатывался въ колбасы. Въ машину шло мясо, поднятое съ пола, покрытое грязью, заплеванное работниками. Мясо было сложено громадными кучами въ углу. Дождевая вода капала съ крыши. Тысячи крысъ бѣгали по кучѣ, оставляя на мясѣ свой пометъ. Крысы эти были большой помѣхой, и работники раскладывали всюду отравленный хлѣбъ. Крысы околѣвали и вмѣстѣ съ хлѣбомъ, мясомъ и пометомъ попадали въ колбасы... Все это не волшебная сказка,—прибавляетъ Синклэръ. Работники, наваливавшіе мясо въ телѣжки лопатами, не останавливались, если даже замѣчали дохлую крысу. Въ колбасы попадаютъ такія вещи, въ сравненіи съ которыми даже отравленная крыса—лакомый кусокъ. Въ различныхъ отдѣленіяхъ заводовъ оставались негодные куски копченаго мяса и различные обрѣзки. Все это сваливалось въ старыя бочки, стоявшія въ погребѣ. Разъ въ годъ, весною, бочки эти чистились. Вонючій соръ, смѣшанный съ тряпками всякаго рода, кусками дерева, дохлыми крысами, выгребался лопатами, измельчался при помощи машины, обрабатывался различными специями, затѣмъ прибавлялся къ свѣжему мясу и употреблялся на колбасы. Такъ какъ процессъ копченія колбасъ продолжается долго и стоитъ дорого, то въ химическомъ отдѣленіи завода продуктъ подкрашивался и сдабривался такъ, что покупатель бывалъ обманутъ. Колбасы всякаго рода начинялись однимъ и тѣмъ же мясомъ, но отъ сдабриванія специями зависѣло, что нѣкоторые сорта назывались «спеціальными» и продавались дороже.

V.

Работники на заводахъ становились объектомъ грубой и наглой эксплуатаціи со всѣхъ сторонъ. Ихъ грабилъ не только трестъ, но лавочники, продавцы платья, синдикатъ, соорудившій дешевые дома, адвокаты,—словомъ, всѣ. Покуда мускулы крѣпки и здоровье не измѣняетъ; покуда на рынкѣ нѣтъ заминки,—сегодняшній день работникъ обезпеченъ; но голодъ и нищета постоянно подкарауливаютъ переселенцевъ.

Случайность ввергаетъ нашихъ подлиповцевъ въ бездну. На бойняхъ бываютъ опасные моменты, когда вырывается недостаточно оглушенный быкъ. Животное тогда разъярено и слѣпо мчится впередъ. На бойнѣ раздается условленный сигналъ, предупреждающій рабочихъ. Всѣ бросаются тогда въ разсыпную, къ ближайшему столбу. Такъ какъ полъ скользкій, то люди спотыкаются и падаютъ другъ черезъ друга. Нужно прибавить еще, что на бойнѣ, а въ особенности зимой, совершенно темно отъ пара. Во время такой суматохи Юргысъ, спасаясь отъ быка, поскользнулся и вывихнулъ себѣ ступню. Сперва литовецъ почти не замѣтилъ вывиха. Вечеромъ онъ съ трудомъ добрался домой. На другой день вспухла вся нога до колѣна. Ступню раздуло такъ, что невозможно было натянуть сапогъ; но, боясь потерять работу, Юргысъ обмоталъ ногу тряпками и добрался кое-какъ до завода. Цѣлое утро нужно было усиленно работать, но потомъ боль стала до такой степени мучительна, что Юргысъ возвратился домой. Предстояло пролежать въ постели много недѣль. Юргысъ зналъ, что это означаетъ голодную смерть для всей семьи. Въ постели литовецъ могъ думать только объ этомъ. И мысль эта сводила его съ ума и приводила въ ярость. Юргысъ чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ семья вмѣстѣ съ нимъ проваливается все глубже и глубже въ пропасть. Совершенно напрасно трудиться и бороться, если слѣпая случайность можетъ разрушить все. Когда Юргысъ думалъ объ этомъ, ему казалось, что какая-то ледяная рука сжимаетъ ему сердце. Нѣтъ никого, кто сочувствовалъ и помогъ бы ему. Въ громадномъ, богатомъ городѣ слѣпой случай давилъ человѣческое существованіе такъ же безпощадно, какъ и въ вѣкъ каменныхъ орудій.

Три недѣли пролежалъ Юргысъ въ постели. Вывихъ былъ упорный, и хотя опухоль прошла, но боль осталась. Наконецъ, не смотря на боль, литовецъ поднялся съ постели и отправился на работу. Мѣсто за нимъ осталось. Цѣлый день Юргысъ крѣпился и работалъ, но къ вечеру боль стала до того невыносима, что пришлось возвратиться домой. Понявъ, что его дѣло плохо, Юргысъ заплакалъ, какъ ребенокъ. Дома позвали доктора, который

велѣлъ лежать въ постели два мѣсяца. За это время всѣ сбереженія были израсходованы. Заработка женщинъ не хватало на ѣду и на уплату за домъ. Наконецъ, наступило выздоровленіе, но оно не принесло съ собою радости. Мѣсто на заводѣ было занято, и приходилось искать новое. Но у воротъ заводовъ каждый день стояли сотни другихъ переселенцевъ, готовыхъ взяться за что угодно и довольствоваться платой, какую дадутъ. Теперь надсмотрщикъ, нанимая работниковъ, обходилъ Юргыса. И литовецъ понялъ всю горечь значенія этого факта: когда Юргысъ только что пріѣхалъ, онъ представлялъ собою первоклассный товаръ; но теперь мускулы его ослабѣли. Онъ былъ уже нѣсколько попорченный товаръ, и хозяева, выжавъ изъ него всю свѣжесть, забраковали его.

Въ отчаяніи, прижатый къ стѣнѣ нуждой, Юргысъ берется, наконецъ, за новую работу, на которую рѣшаются только самые забитые переселенцы и то только тогда, когда положеніе ихъ совершенно безвыходно. «Въ Чикаго наблюдаются различныя степени безработицы. Есть страшная участь, ждущая переселенцевъ, положеніе которыхъ совершенно безвыходно: работа въ отдѣленіи, гдѣ приготовляются удобрительные туки. Объ этомъ отдѣленіи на заводахъ говорятъ не иначе, какъ шепотомъ. Изъ десяти работниковъ развѣ только одинъ работалъ тамъ. Остальные ограничивались тѣмъ, что подходили къ дверямъ. Изготовленіе удобрительныхъ туковъ пугало многихъ переселенцевъ даже больше, чѣмъ голодная смерть...

Помѣщеніе находилось въ сторонѣ отъ остальныхъ заводовъ. Немногіе посторонніе заглядывали туда. И эти были похожи потомъ на Данте, о которомъ флорентинцы говорили, что онъ видѣлъ адъ. Къ этому помѣщенію подвозили всѣ абсолютно негодные остатки и кости. Въ душныхъ, вонючихъ подвалахъ, куда солнечный свѣтъ никогда не заглядывалъ, мужчины, женщины и дѣти гомозились у машинъ, распиливавшихъ кости на куски различной формы. Воздухъ былъ наполненъ тонкой костяной пылью, которая попадала въ легкія и рано или поздно неминуемо приносила смерть. Здѣсь превращали кровь въ альбуминъ, а разныя вонючія вещества—въ фабрикаты, пахнувшіе еще хуже. Заводъ для приготовленія туковъ представлялъ собою сѣть корридоровъ и подваловъ, въ которыхъ можно было заблудиться, какъ въ Мамонтовой пещерѣ. Электрическіе фонари мерцали въ этихъ корридорахъ подобно краснымъ, голубымъ или зеленымъ лампамъ въ зависимости отъ рода пыли, носившейся въ воздухѣ. Для опредѣленія запаха, стоявшаго въ подвалахъ и корридорахъ нѣтъ, достаточно сильнаго слова въ человѣческомъ языкѣ. Свѣжій человѣкъ, войдя въ корридоры, чувствовалъ, что задыхается, какъ будто его окунули съ головой въ помойную яму. Онъ закрывалъ носъ платкомъ и начиналъ кашлять и чихать. Если посѣтитель не уходилъ

тотчасъ же, то начиналъ чувствовать сильное головокруженіе и боль въ вискахъ. Въ верхнемъ этажѣ были амбары, гдѣ сушили остатки и выварки, оставшіеся послѣ извлеченія жира. Высохшую массу перемалывали въ мелкій порошокъ, смѣшивали, для вѣса, съ измолотымъ бурымъ камнемъ, насыпали въ мѣшки и разсылали по всему міру подъ названіемъ: «лучшая костяная фосфорнокислая соль». Фермеры въ Калифорніи или Техасѣ покупали эту смѣсь по двадцати пяти долларовъ за тонну и удобряютъ ею свои нивы. И нѣсколько дней потомъ поля, фермеръ, фургоны и лошади издаютъ тяжелый запахъ. На заводѣ тукъ еще не смѣшанъ съ пескомъ. Вмѣсто того, чтобы лежать подъ открытымъ небомъ на площади поля въ нѣсколько акровъ, — здѣсь сотни тысячъ тоннъ лежатъ въ закрытомъ помѣщеніи. Пыль эта носится въ воздухѣ. Когда же черезъ открытые люки дуетъ вѣтеръ, то въ помѣщеніи образуется настоящій самумъ, но только, вмѣсто песка, кружится вонючій порошокъ. И сюда голодъ загналъ Юргыса. Понадобилась только минута, чтобы выучиться дѣлу. Литовца поставили у ковша мельницы, изъ котораго широкимъ потокомъ била струя бураго порошка, дали въ руки лопату и велѣли сгребать помолъ въ кучу. Литовецъ только по звуку да потому, что сталкивался съ товарищами, зналъ, что въ мельницѣ работаютъ еще другіе. Носившійся въ воздухѣ порошокъ образовалъ такую густую тучу, что въ трехъ шагахъ ничего не было видно. Черезъ пять минутъ Юргысъ съ головы до ногъ былъ покрытъ удобрительнымъ порошкомъ. Литовцу дали губку и посовѣтовали привязать ее ко рту, чтобы предохранить легкія; но порошокъ набился въ ротъ, глаза и уши. При температурѣ въ 40°, фосфорно-кислая соль проникала сквозь всѣ поры кожи. Черезъ нѣсколько минутъ Юргысъ почувствовалъ головокруженіе, а черезъ четверть часа онъ былъ, какъ во снѣ. Въ вискахъ стучало; голова сильно болѣла; руки едва шевелились. Но Юргысъ помнилъ ту нужду, которую они испытывали въ тѣ четыре мѣсяца, когда онъ былъ боленъ, и крѣпился. Черезъ полчаса у него началась такая сильная рвота, какъ будто внутренности выворачивались. Кое-какъ литовецъ дотянулъ до вечера. Когда онъ возвращался домой, то вонь отъ платья выгнала мало по малу изъ вагона всѣхъ пассажировъ. Квартира Юргыса превратилась въ маленькій заводъ для приготовленія удобрительныхъ туковъ. Соль до такой степени глубоко проникла въ тѣло, что только въ недѣлю можно было бы вывѣтрить запахъ. Вонью пропиталась пища на столѣ. Жену и родныхъ Юргыса стало мутить отъ этого запаха. Прошло нѣсколько дней, покуда Юргысъ могъ съѣсть что-нибудь чтобы его не вырвало тотчасъ же. Никакое умываніе не помогало. Вилка или ложка, до которыхъ дотрагивался литовецъ, тотчасъ же пропитывались запахомъ удобрительнаго порошка. Черезъ недѣлю Юргысъ привыкъ. Онъ могъ ѣсть, и хотя головная боль не прекращалась, онъ былъ въ состояніи работать.

Теперь литовецъ сталъ, какъ говорили, «на всю жизнь» человѣкомъ, работающимъ на заводѣ, гдѣ приготовляется тукъ. Такихъ людей въ Чикаго узнаютъ по запаху. Онъ такъ силенъ, что ихъ никуда нельзя принять. «Фертилайзеръ», т. е. человѣкъ съ завода, обреченъ работать тамъ, покуда не придетъ старость или драма въ родѣ той, которая произошла въ семьѣ Юргыса.

VI.

Переселенцевъ, желающихъ получить работу на заводахъ, — много, въ особенности женщинъ. И вотъ молодыя женщины должны покупать себѣ право на трудъ цѣною своего тѣла. Надсмотрщики (bosses) ставятъ ультиматумы эмигранткамъ. И, страшась потерять работу, иностранки подчиняются. Женщины, прибывшія изъ глуши Литвы и Польши, не имѣютъ представленія о законахъ, охраняющихъ въ Соединенныхъ Штатахъ американокъ, а если бы даже и знали, то слишкомъ безпомощны, чтобы прибѣгать къ этой защитѣ. Юргысъ узнаетъ, что жена его въ связи съ надсмотрщикомъ.

— Скажи мнѣ все,—прошепталъ Юргысъ.

Молодая женщина лежала на полу, закрывъ лицо руками. Губы ея зашевелились, но такъ неслышно, что Юргысу пришлось наклониться.

— Я не хотѣла этого... Я старалась, чтобы этого не было.... Я поступила такъ, чтобы спасти насъ всѣхъ. Иначе boss (надсмотрщикъ) всѣхъ насъ погубилъ бы. — Молодая женщина замолчала, и слышно было только ея тяжелое дыханіе. Но вотъ опять послышался шепотъ.

— Онъ сказалъ, что всѣхъ насъ прогонятъ съ завода, и что мы нигдѣ не найдемъ работы. Boss хотѣлъ погубить насъ всѣхъ.

Ноги у Юргыса дрожали такъ, что онъ едва стоялъ.

— Boss давно ухаживалъ за мной. Онъ предлагалъ мнѣ деньги, умолялъ... Затѣмъ сталъ грозить. Онъ говорилъ, что скажетъ твоему надсмотрщику и тому, въ отдѣленіи котораго работаетъ Марья. Насъ,—говорилъ онъ,—затравятъ до смерти. Потомъ онъ сказалъ, что если я соглашусь, то мы всегда будемъ имѣть работу.

Литовецъ нападаетъ на надсмотрщика и избиваетъ его. Юргыса арестовали и привлекаютъ къ суду. Полиція въ Чикаго находится въ рукахъ треста и даетъ всегда показанія въ пользу заводовъ, а не работниковъ.

— Сознаетесь ли вы въ томъ, что избили надсмотрщика?—спросилъ судья.

— Его?—переспросилъ Юргысъ, указавъ на boss'a.

— Да.

— Я ударилъ его, сэръ.

— Надо сказать: «ваша милость»,—поправилъ стоявшій рядомъ полицейскій, дернувъ Юргыса за рукавъ.

— Ваша милость,—покорно повторилъ литовецъ.

— Вы хотѣли задушить его?

— Да, сэръ, т. е. ваша милость.

— Подъ судомъ были?

— Нѣтъ, ваша милость.

— Что вы можете сказать въ оправданіе?

Юргысъ стоялъ въ нерѣшительности. Что нужно сказать? За два съ половиной года въ Чикаго литовецъ научился по-англійски настолько, чтобы составить, въ случаѣ необходимости, обыкновенныя фразы. Но гдѣ взять слова для показанія, что свидѣтель путемъ устрашенія и угрозъ соблазнилъ его жену? Онъ пытался начинать и тянулъ время, къ великому неудовольствію судьи, который задыхался отъ запаха удобрительнаго тука. Наконецъ, подсудимый объяснилъ, что у него не хватаетъ словъ. Выступилъ, по приглашенію судьи, молодой человѣкъ съ русыми усиками и сказалъ, что Юргысъ можетъ давать показанія на какомъ желаетъ языкѣ. Литовецъ разсказалъ, какъ надсмотрщикъ грозилъ его женѣ. Молодой человѣкъ перевелъ.

— Если boss ухаживалъ за вашей женой, то почему же вы не пожаловались на него? Почему она не оставила мѣсто?—спросилъ судья.

Юргысъ началъ объяснять, что они очень бѣдны.

— Вотъ какъ? И вы предпочли, вмѣсто того, чтобы жаловаться, лучше избить надсмотрщика?—Правда ли то, что говоритъ подсудимый?—обратился судья къ надсмотрщику.

— Все это наглая ложь, ваша милость,—сказалъ тотъ.—Они всегда врутъ такъ, когда намъ приходится разсчитать какую-нибудь женщину.

— Да, да! Я знаю! Мнѣ часто приходилось слышать. Подсудимый избилъ васъ сильно. Мѣсяцъ ареста и судебныя издержки,— постановилъ свой приговоръ судья.

Юргысъ стоялъ неподвижно и понялъ приговоръ только тогда, когда полисмэнъ взялъ его за руку. Литовецъ дико оглянулся.

— Мѣсяцъ!—крикнулъ онъ.—Что будетъ дѣлать моя семья?— У меня жена и ребенокъ. Въ домѣ ни гроша. Они умрутъ съ голода, покуда я буду сидѣть?

— Объ этомъ вамъ лучше было подумать раньше,—сухо замѣтилъ судья.

Тюрьма добила подлиповцевъ. Женщинамъ отказали отъ работы. Компанія, продавшая домъ, взяла его обратно за неуплату въ срокъ денегъ. Жена Юргыса умерла. Вся семья очутилась на улицѣ. Когда литовецъ выходитъ на свободу, онъ находитъ пол-

ное раззореніе. Напрасно Юргысъ пытается искать работу на заводахъ: ему всюду отказываютъ, какъ только онъ называетъ себя. «Въ кабакѣ литовцу объяснили все: теперь его хозяева внесли въ «черный списокъ». У записанныхъ тамъ столько же шансовъ получить работу на заводахъ, какъ быть выбраннымъ на постъ мэра Чикаго. Имя Юргыса теперь сообщено на заводы С.-Луи, Нью-Іорка, Омахи, Бостона, Канзасъ-сити и С.-Джозефа. Куда литовецъ ни явится, онъ всюду получитъ отказъ.

Юргысъ понимаетъ теперь значеніе страшной силы, которая выжимаетъ у работника всѣ соки и безжалостно выбрасываетъ его на голодную смерть. Въ отчаяніи литовецъ становится «трэмпомъ», т. е. бродягой. Тысячи ихъ кочуютъ въ Соединенныхъ Штатахъ по большимъ дорогамъ, промышляя то случайной работой, то мелкимъ воровствомъ. Какъ и они, Юргысъ то помогалъ фермерамъ убирать поля, то воровалъ куръ и гусей. Юргысъ былъ теперь свободный человѣкъ и буканиръ. Жажда перемѣны, Wanderlust, проникла въ его кровь. Нѣсколько лѣтъ литовецъ съ утра до вечера дѣлалъ одну опредѣленную работу и ложился спать, чтобы на другой день снова начать то же самое. Теперь онъ снова былъ собственнымъ хозяиномъ. Онъ могъ пойти, куда хочетъ, работать, когда пожелаетъ, любоваться природой. Вмѣстѣ съ свободой возвратилось и прежнее здоровье. Всѣ заботы были забыты. Значительная часть профессіональныхъ трэмповъ—хроническіе лѣнтяи, калѣки и слабоумные, осужденные отъ рожденія на нищету. Но среди нихъ немало также работниковъ, какъ Юргысъ, которые отчаянно боролись и бросили борьбу, признавъ себя побѣжденными. Къ трэмпамъ нужно присоединить также кочующихъ рабочихъ, живущихъ временными и очень неправильными заработками, какъ уборка хлѣба. Ранней весной они въ Техасѣ, гдѣ въ то время поспѣваетъ жатва, а затѣмъ они перебираются на сѣверъ. Послѣднюю жатву они убираютъ осенью въ Манитобѣ. Зимой они идутъ въ лѣса, чтобы вывозить сваленныя деревья. Въ капиталистическомъ государствѣ необходимы такіе странствующіе работники. Если зима выпадала суровая, а работы было мало, то наиболѣе слабые и наименѣе приспособленные погибали отъ голода и холода.

До глубокой осени Юргысъ бродяжилъ. Суровая зима снова загнала его въ Чикаго, и здѣсь опять началась погоня за какимъ-нибудь мѣстомъ. Случайно литовецъ встрѣчается съ своей родственницей Маріей, которую нужда загнала въ публичный домъ. Отъ нея литовецъ узнаетъ только печальныя вѣсти про своихъ. Ребенокъ умеръ. Дѣти продаютъ газеты на улицахъ и превратились въ маленькихъ бродягъ.

Старое міровоззрѣніе литовца, вывезенное изъ глубины лѣсовъ, погибло. Взгляды на совѣсть, честь, правду, сложившіеся у

предковъ Юргыса въ теченіе многихъ вѣковъ, разсѣялись подъ вліяніемъ всего того, что переселенецъ видѣлъ въ Чикаго. Люди—волки, грызущіеся за добычу. Побѣждаетъ тотъ, кто смѣлѣе, у кого зубы острѣе и силъ больше. И Юргысъ, подъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ, становится самъ волкомъ. Онъ присоединяется къ группѣ ночныхъ грабителей, съ которыми свелъ знакомство въ тюрьмѣ. Шайка оперируетъ очень удачно, и Юргысъ имѣетъ хорошее платье, теплое жилище и много денегъ. Чтобы имѣть положеніе, Юргысъ, черезъ своихъ новыхъ друзей, попадаетъ снова на заводъ надсмотрщикомъ. Вліяніе друзей таково, что запись въ «черномъ кондуитѣ» идетъ на смарку. Юргысъ теперь самъ волкъ и ведетъ себя по волчьи по отношенію къ другимъ работникамъ. Когда на заводѣ начинается стачка, Юргысъ поддерживаетъ хозяевъ, которые ему хорошо платятъ. Но въ пьяномъ видѣ, поссорившись изъ-за женщины, Юргысъ избилъ до полусмерти полицейскаго агента. Литовцу удается уйти отъ наказанія, но онъ долженъ откупиться всѣми своими сбереженіями, и мѣсто на заводѣ потеряно. Снова начинаются странствованія по городу и поиски за случайной работой. Нищета теперь особенно чувствительна послѣ сытой и довольной жизни. Юргысъ достигаетъ послѣдней степени нищеты. Чтобы согрѣться, онъ заходитъ въ помѣщенія, гдѣ происходятъ митинги. Такъ какъ въ теплотѣ литовецъ обыкновенно засыпаетъ и начинаетъ храпѣть, то его немедленно выгоняютъ опять на холодъ.

Разъ, зимой, Юргысъ попалъ на митингъ и заснулъ сейчасъ же. Кто-то осторожно разбудилъ его. Литовецъ ожидалъ, что его немедленно вышвырнутъ, но, вмѣсто грознаго и грубаго оклика, услыхалъ:

— Товарищъ! Вы бы послушали. То, что ораторъ говоритъ, васъ заинтересуетъ.

Юргысъ вздрогнулъ. Въ первый разъ неизвѣстные люди называли его «товарищемъ». Юргысъ сталъ прислушиваться къ словамъ оратора. Все то, что литовецъ перечувствовалъ, когда искалъ работы у дверей заводовъ, когда терялъ работу, когда зябъ на улицахъ громаднаго города,—было сформулировано здѣсь такъ ясно и такъ просто. Ораторъ говорилъ не только о страданіяхъ рабочаго класса, но училъ также, какъ выбиться изъ дебрей на просторъ. Передъ Юргысомъ внезапно засіялъ ослѣпительный свѣтъ. Литовцу непремѣнно хотѣлось узнать про ту новую правду, про то новое міровоззрѣніе, о которыхъ говорилъ ораторъ. И послѣ митинга Юргысъ подошелъ къ лектору, который оказался полякомъ. Началось возрожденіе литовца. Ему помогли найти работу. Проспектами новой жизни, послѣ того, какъ Юргысъ выбрался изъ «дебрей», заканчивается романъ.

Sh.

Литературные наброски

Л. Андреевъ. Разсказы. Томъ второй. Мелкіе разсказы. Томъ третій. «Такъ было».

Стоитъ ли «Такъ было» въ логической связи съ предшествовавшими произведеніями г. Л. Андреева? Представляетъ ли «Такъ было» жизненный *выводъ*, сдѣланный художникомъ на основаніи пережитаго и передуманнаго имъ, или, наоборотъ, внутренней связи здѣсь нѣтъ, и художника по-просту привлекла красивая перспектива безграничной человѣческой свободы, ничѣмъ не опредѣленной, ни съ чѣмъ органически не связанной,—свободы, безъ которой все не только «такъ было», но и «такъ будетъ», какъ разсказано въ «Такъ было»? Этотъ вопросъ естественно представляется уму читателя при чтеніи «Такъ было» на ряду съ двумя недавно выпущенными томиками разсказовъ г. Андреева.

Мы не будемъ останавливаться на произведеніяхъ, вошедшихъ въ составъ «второго тома»: почти обо всѣхъ (кромѣ «Мысли») разсказахъ, сюда относящихся, мы имѣли случай говорить при ихъ первоначальномъ появленіи въ печати. Напомнимъ только сцену изъ «Жизни Василія Ѳивейскаго», когда—въ зимній вечеръ съ воющей на дворѣ мятелью, въ обществѣ одного только сына идіота—несчастный Василій Ѳивейскій, уже пораженный всевозможными бѣдами, читаетъ евангеліе, пробуетъ найти человѣческій смыслъ въ обрушившихся на него несчастіяхъ, и ему начинаетъ мелькать счастливая догадка, что эти несчастія на самомъ дѣлѣ имѣютъ внутренній смыслъ, разрѣшающій ему, Василію Ѳивейскому, примириться съ ними. Разсказъ объ этомъ прерывается словами, которыя чудятся въ воѣ мятели: «ихъ двое, двое, двое... Ихъ двое... ихъ двое, ихъ двое»... Художникъ не подчеркиваетъ этого соединенія въ одно цѣлое несчастнаго отца и безумнаго сына, но для читателя ясно, что для автора существенной разницы между людьми, находящимися въ комнатѣ, въ степени ихъ приближенія къ пониманію жизни,—нѣтъ. «Ихъ было двое,—*одинаково* разумѣющихъ жизнь, ихъ было двое»—одинаково близкихъ къ пониманію ея смысла, ихъ было *двое* одинаковыхъ—въ тотъ моментъ, когда преслѣдуемый судьбою священникъ пытался освѣтить смысломъ божественной воли и разума свою оскорбленную и придавленную душу.

Все, что собрано въ томикѣ «мелкихъ разсказовъ» (томъ третій), только иллюстраціи къ этой сценѣ изъ «Жизни Василія Ѳи-

вейскаго»... Жизнь нелѣпа, люди одиноки, непонятны другъ другу и, что еще страшнѣе для художника, не нужны другъ другу... Даже юные герои г. Андреева, полу-дѣти, не свободны отъ этой тоски. Каверина, о которомъ разсказывается въ «Праздникѣ», — «въ гимназіи, дома и у знакомыхъ всѣ считали его очень счастливымъ юношей, но самъ онъ находилъ себя глубоко несчастнымъ. И причиной несчастія было то, что онъ сознавалъ себя порочнымъ и лживымъ, а жизнь свою никому и ни на что не нужной»...

И логическій выходъ отсюда—мысль, которая выталкивала изъ головы Каверина латынь и математику: «нужно ли ему жить и зачѣмъ?»—У другого юноши, въ изображеніи г. Андреева, мысль о самоубійствѣ готова перейти въ дѣло («Весной»).

Каждую весну, вотъ уже три года, онъ думалъ о смерти, а въ эту весну рѣшилъ, что умереть пора. Онъ ни въ кого не былъ влюбленъ, у него не было никакого горя, и ему очень хотѣлось жить, но все въ мірѣ казалось ему ненужнымъ, безсмысленнымъ и оттого противнымъ до отвращенія, до брезгливыхъ судорогъ въ лицѣ.

И бывало это весной. Зимой онъ не замѣчалъ жизни, и жилъ просто, какъ и всѣ, но когда сходилъ снѣгъ и земля становилась прекрасной, и обнажалось во всей загадочной красотѣ сіяющее небо, онъ чувствовалъ себя, какъ птица, у которой обрубили крылья и которую сдѣлали неуклюжимъ, медленно ползающимъ человѣкомъ. И крылатая душа трепетала и билась, какъ въ клѣткѣ, и непонятна и враждебна была вся эта красота міра, которая зоветъ куда-то, но не говоритъ куда. Потерявшійся, онъ шелъ къ людямъ съ безмолвнымъ вопросомъ—и всѣ людскія лица казались ему плоскими и тупыми, какъ у звѣрей, а рѣчи ихъ ненужными, вздорными и лишенными смысла, какъ бредъ или мычаніе животнаго.

Короткій праздникъ въ жизни героевъ Л. Андреева—это, когда они оказываются для чего-то или кому-то нужными и не чувствуютъ себя отдѣленными отъ всего остального міра стѣной, «за которой, чуждая міру и людямъ, мучительно содрогалась одинокая душа».—Такой случайный праздникъ объ Рождество оказался для штабсъ-капитана Каблукова («Изъ жизни шт.-кап. Каблукова»), у котораго нѣтъ ничего въ жизни сейчасъ и ничего не предвидѣлось и въ будущемъ. «Послѣдніе годы Николаю Ивановичу усиленно приходилось доказывать, что ему живется хорошо, такъ, какъ и нужно жить. Но доказательства принимались туго, пока капитанъ не обзавелся могучимъ союзникомъ—графиномъ. Когда съ утра онъ выпивалъ двѣ-три рюмки водки, все становилось яснымъ, понятнымъ и простымъ. Не поражала своимъ убожествомъ грязная, пустая комната; не замѣчалось и того, что самъ онъ сталъ нечистоплотенъ и лѣнивъ: по недѣлямъ не мѣняетъ бѣлья, лѣнится чистить ногти, и когда замѣчалось, то тутъ же опровергалось резоннымъ соображеніемъ: «вѣдь мнѣ за барышнями не ухаживать?». Легче было и дѣло дѣлать, спустя рукава.

Съ тоскливой увѣренностью ждетъ наступленія запоя Каблуковъ и въ моментъ разсказа. Но запой на этотъ разъ не пришелъ, по-

тому что денщикъ Каблукова, отуманенный, съ одной стороны, огромностью суммы, полученной имъ для оплаты расходовъ по предстоявшей у Каблукова попойкѣ, а съ другой стороны, недавно полученными деревенскими вѣстями о томъ, что у него родилась дочь, а жена слегла, и не на что нанять работника и хлѣба недохватъ: «къ Рождеству придется занимать у Ильи Иваныча, ежели Илья Иванычъ дастъ»,—не выдерживаетъ тяжелаго соблазна и полученныя деньги отсылаетъ въ деревню, попытавшись солгать, что 25-рублевую бумажку онъ потерялъ. Но онъ слишкомъ глупъ, чтобы умѣть соврать, и штабсъ-капитанъ узнаетъ, куда и зачѣмъ пошли его деньги. Пирушку съ г.г. офицерами пришлось упразднить, но пострадавшихъ отъ этого, въ разсказѣ г. Андреева, не было. Пьяная, безпросвѣтная жизнь освѣтилась мягкимъ и радостнымъ сознаніемъ, что какіе-то люди изъ-за какихъ-то 25 рублей, принадлежавшихъ ему, Каблукову, будутъ по-мужицки безмѣрно счастливы.

— Такъ ты думаешь, они рады?
— Помилуйте, вашбродь, да это я, ужъ это...
— Да,—да.
... Длинна и темна зимняя ночь, но и она уступаетъ передъ силою всепобѣждающаго свѣта... Бѣлѣетъ востокъ...

. . . .

Удивительно, что горькія мысли, предзнаменовавшія начало запоя, на этотъ разъ солгали; ни на слѣдующій, ни на другіе дни запой не являлся.

Внезапное сознаніе своей не только нужности, а и необходимости другимъ—еще значительнѣе отразилось на юношѣ, героѣ уже упомянутаго выше разсказа «Весной».—Отложивъ на день свое рѣшеніе покончить съ собой, юноша возвращается домой и узнаетъ, что въ его короткую отлучку отецъ скончался отъ апоплексическаго удара, оставивъ на его рукахъ мать и маленькаго брата. И это сразу измѣняетъ для Павла полу-рѣшенный вопросъ о самоубійствѣ, когда мать, уже ранѣе подозрѣвавшая мрачные замыслы сына, рѣшается навсегда покончить съ ними: «...плача тихими слезами горя, прижимаясь лицомъ къ рукѣ сына, проговорила:

— Павля! милый... Ты одинъ теперь у насъ... Ты одинъ наша защита.

Павелъ гладилъ рукой сѣдую, вздрагивающую голову, и далекимъ чернымъ сномъ пробѣжала передъ нимъ мрачная желѣзнодорожная вѣтка и одинокій зловѣщій глазъ. Онъ гладилъ вздрагивающую голову, смотрѣлъ на сморщившагося Шурку, и видѣлъ, какіе всѣ они маленькіе, и жалкіе, и одинокіе, и какъ они нуждаются въ защитѣ и любви. И онъ почувствовалъ себя сильнымъ и крѣпкимъ, и голосъ его былъ полный и громкій, когда онъ сказалъ:
— Да, мама. Я буду жить.

Тѣ же темы, но нѣсколько иначе, освѣщаются въ лучшемъ изъ «мелкихъ разсказовъ» г. Андреева: «Гостинецъ». — Два человѣка

жили въ одной мастерской; одинъ—въ качествѣ мастера — давалъ подзатыльники, когда было нужно, а другой, въ качествѣ подростка-подмастерья, получалъ ихъ. Все это было въ порядкѣ вещей, пока Сениста не заболѣлъ и Сазонкѣ не пришлось отвезти больного умирать—въ больницу. Умирающій мальчикъ, потому что онъ могъ умереть, оказался, особенно въ больницѣ, кѣмъ-то очень значительнымъ и требовавшимъ уваженія. Бывалые подзатыльники казались въ больницѣ чѣмъ-то, о чемъ стыдно вспомнить. И вообще все, что напоминало недавнюю дѣйствительность, какъ-то подлежало упраздненію, хотя въ этомъ не было ровно никакого здраваго смысла въ глазахъ Сазонки. «Такъ его все время тянуло называть Сенисту по имени и отчеству—Семеномъ Ерофеевичемъ, что было отчаянно нелѣпо: Сениста былъ мальчишка-подмастерье, а Сазонка былъ солиднымъ мастеромъ и пьяницей, и Сазонкой звался только по привычкѣ...» Мало этого: Сазонка чувствуетъ, что съ мальчикомъ нельзя проститься обыкновенными словами, на нихъ отъ обыденныхъ жестокихъ и жесткихъ отношеній наросло что-то, чему нѣтъ мѣста около умирающаго. И пьяницѣ-портному удается найти нужное слово.

«Ну, прощевай»,—говоритъ онъ Сенистѣ и этимъ необычнымъ словомъ пробуетъ создать атмосферу новыхъ отношеній между нимъ, дававшимъ подзатыльники, и умирающимъ, получавшимъ ихъ.

Эта сцена прощанія съ Сенистой одно изъ наиболѣе останавливающихъ мѣстъ въ обоихъ томикахъ разсказовъ. На просьбу больного придти навѣстить его, Сазонка не только обѣщаетъ придти, но и рѣшаетъ принести гостинецъ. Долго, до самой Пасхи, Сазонка живетъ теплымъ остаточнымъ чувствомъ отъ своего пребыванія въ больницѣ, отъ той радости, которую внушало его обѣщаніе придти къ мальчику, оставленному въ больницѣ «въ жертву одиночеству, болѣзни и страху»... Но Сазонка не пришелъ въ больницу, какъ хотѣлъ: въ первый день Пасхи и съ гостинцемъ въ каемчатомъ платкѣ. Сдѣлалось такъ, какъ Сазонка опасался, что сдѣлается: «И на первый день Пасхи, и на второй Сазонка былъ пьянъ, дрался, былъ избитъ и ночевалъ въ участкѣ. И только на четвертый день онъ выбрался въ больницу, но засталъ уже мальчика въ покойницкой... Мечта обрадовать огромною радостью, хоть передъ смертью, осталась несбывшейся мечтой горькаго пьяницы... Сазонка глядѣлъ на «гостинецъ» (изъ больницы онъ ушелъ за городъ, въ поле), и «бурная, клокочущая жалость и неистовый гнѣвъ подымались въ немъ. Онъ глядѣлъ на каемчатый платокъ—и видѣлъ, какъ на первый день, и на второй, и на третій Сениста ждалъ его и оборачивался къ двери, а онъ не приходилъ. Умеръ одинокій, забытый, какъ щенокъ, выброшенный въ помойку. Только бы на день раньше—и потухающими глазами онъ увидѣлъ бы гостинецъ, и возрадовался бы дѣтскимъ своимъ сердцемъ, и безъ боли,

безъ ужасающей тоски одиночества, полетѣла бы его душа къ высокому небу».

Казалось бы, что при такомъ діагнозѣ болей человѣческихъ, человѣчество—въ глазахъ художника—нуждается въ цементированіи отдѣльныхъ единицъ въ одно крѣпкое цѣлое людей, нужныхъ другъ другу и обезпеченныхъ взаимной связью въ такой максимальной мѣрѣ, въ какой только это возможно. Но авторъ «Маленькихъ разсказовъ» и «Такъ было», повидимому, далекъ отъ такого вывода. Въ чувствѣ механической принадлежности къ чему-то внѣшнему и независимо отъ «меня» существующему, для художника есть точно такъ же что-то тяжелое, наносящее ущербъ его человѣческому достоинству. Чувство удовлетворенія отъ такого рода нужности своей особы другимъ въ глазахъ художника является нормальнымъ развѣ только для героини его разсказа «Кусака»—собаки, которая почувствовала благополучіе, какъ только у нея оказался свой собственный дворъ, къ которому можно было прилѣпиться. Свое имя Кусака получила совершенно случайно. У нея не было имени, потому что она никому не принадлежала, жила гдѣ придется — въ послѣднюю зиму подъ террасой деревенской дачи—и равно всѣхъ ненавидѣла: и людей, которые ее травили, и собакъ, которыя ее отгоняли отъ теплыхъ избъ—«такія же голодныя, какъ и она, но гордыя и сильныя своей принадлежностью къ дому». Но весной дачу заняли дачники, оказавшіеся незлыми людьми: имъ ничего не стоило приласкать одичавшую и озлобленную собаку, и они ласкали и кормили Кусаку, какъ прозвали они собаку за то, что она набросилась на нихъ при первой встрѣчѣ... «Когда прибѣжали дѣти, шумныя, звонкоголосыя, быстрыя и свѣтлыя, какъ капельки разбѣжавшейся ртути, Кусака замерла отъ страха и безпомощнаго ожиданія... она долго еще вздрагивала при каждомъ прикосновеніи ласкающей руки, и ей больно было отъ непривычной ласки, словно отъ удара...» Собака отвѣтила приласкавшимъ людямъ всѣмъ, чѣмъ могла: стала безкорыстно сторожить дачу, лаять на «чужихъ» и ласкаться къ «своимъ». Вообще,—резюмируетъ авторъ,—«всею своею собачьею душой расцвѣла Кусака. У нея было имя, на которое она стремглавъ неслась изъ зеленой глубины сада; она принадлежала людямъ и могла имъ служить. *Развѣ не достаточно этого для счастья собаки?*»

Итакъ, общее несчастье людей, какими ихъ знаетъ Л. Андреевъ, въ томъ, что они одиноки и никому не нужны, но положеніе вещей не измѣнится сколько-нибудь существенно, если бы даже явилась возможность «принадлежать людямъ», возможность «имъ служить». «Развѣ не достаточно этого для счастья собаки»?

Для человѣка, очевидно, этого не достаточно.

Гдѣ логическое примѣненіе неизмѣнной тоски по объединенной цѣльной жизни, которою живутъ герои Л. Андреева, съ этимъ отрицаніемъ чувства «гордости и независимости», которыми жила

собака въ изображенiи г. Андреева,—отъ того, что она была нужна и могла отплатить людямъ тою же мѣрой, которой они мѣрили ей? Въ разсказахъ г. Андреева нѣтъ еще категорическаго отвѣта на этотъ естественный вопросъ читателя. И можно только предполагать (основанiя для этого есть и въ «Кусакѣ»), что для автора вся суть въ томъ, что никакое улучшенiе механическаго строя жизни не сдѣлаетъ людей близкими другъ другу душою; они всегда будутъ другъ другу такъ же мало понятны, какъ непонятна была ласкавшимъ ее людямъ Кусака, когда она пыталась выразить имъ свою любовь къ нимъ, а они только смѣялись надъ забавностью ея неуклюжихъ тѣлодвиженiй; всегда будетъ правъ чиновникъ коммерческаго банка Петровъ («Городъ»), для котораго «каждый проѣхавшiй человѣкъ былъ отдѣльный мiръ, съ своими законами и цѣлями жизни», съ своей женщиной, которую онъ любилъ, съ своей особенной радостью и горемъ, и каждый былъ, какъ призракъ, который являлся на мигъ и не разгаданный, не узнанный исчезалъ. И чѣмъ больше было людей, которые не знали другъ друга, тѣмъ ужаснѣе становилось одиночество каждаго. И въ эти черныя, грохочущiя ночи Петрову часто хотѣлось закричать отъ страха, забиться куда-нибудь въ глубокiй подвалъ и быть тамъ совсѣмъ одному. Тогда можно думать только о тѣхъ, кого знаешь, и не чувствовать себя такимъ безпредѣльно одинокимъ среди множества чужихъ людей.

Иллюстрацiей этого универсальнаго непониманiя другъ друга служитъ крайне утрированный разсказъ: «Нѣтъ прощенiя». Глупая и злая шутка, которая пришла въ голову желчнаго учителя гимназiи Крылова «изъ пустоты голоднаго и злого желудка», основательно убѣдила его въ томъ, что онъ просто-на-просто ребусъ, состоящiй на службѣ по вѣдомству народнаго просвѣщенiя, — ребусъ, всякой разгадкѣ котораго повѣрятъ даже близкiе ему люди, даже жена, съ которою его соединяютъ 12 лѣтъ совмѣстной жизни... Замѣтивъ какое-то скрытное движенiе у юной курсистки, стоявшей рядомъ съ нимъ на площадкѣ конки, Крыловъ поддался злому желанiю попугать дѣвушку, притворившись шпiономъ. И повѣрила притворству не только дѣвушка, повѣрили, очевидно, и другiе, стоявшiе на плошадкѣ, включая кондуктора. Крыловъ оскорбленъ за себя, за то, что никто не находитъ причинъ усомниться — по его внѣшности, по его лицу, по всей его личности—въ томъ, что онъ не можетъ быть шпiономъ. Въ концѣ концовъ, онъ производитъ повѣрочный опытъ надъ своей женой. Но и та вѣритъ признанiю мужа, его пробному заявленiю, что онъ шпiонъ:—Ты знаешь, Маша. Я—шпiонъ.

— Что?

— Шпiонъ, понимаешь, да.

Марiя Ивановна вся какъ-то осѣдаетъ, какъ проколотое тѣсто, и, всплеснувъ тихо руками, произноситъ:

— Такъ я и знала,—несчастная, Господи Ты Боже мой!

Подскочивъ къ женѣ, Митрофанъ Васильевичъ машетъ кулакомъ у самаго ея лица, съ трудомъ удерживается отъ желанія ударить и кричитъ такъ громко, что въ столовой перестаетъ звенѣть посуда, и во всемъ домѣ становится тихо...

— Дура! Дурища! Такъ и знала. Господи! Да какъ же ты могла знать? Двѣнадцать лѣтъ! Двѣнадцать лѣтъ! Господи! Жена—другъ, всѣ мысли, деньги, все...

Гдѣ же выходъ? Какъ будто авторъ «Мелкихъ разсказовъ» нашелъ его въ своемъ «Такъ было»... Если каждый человѣкъ на самомъ дѣлѣ представляетъ собой особый міръ съ своими особыми законами, то и пусть онъ будетъ такимъ независимымъ міромъ; пусть онъ будетъ абсолютно свободенъ; пусть онъ будетъ безгранично воленъ въ самомъ себѣ.

Таковъ выводъ, который, повидимому (съ оговорками, сдѣланными нами въ началѣ замѣтки), слѣдуетъ сдѣлать изъ «Такъ было».—Это, собственно, читательскія впечатлѣнія, а не беллетристическое произведеніе. Художникъ — мастеръ по части мрачнаго колорита, подъ вліяніемъ передуманнаго и лично пережитаго имъ, съ одной стороны, подъ вліяніемъ того, что происходило вокругъ него въ русской дѣйствительности, съ другой стороны,—внимательно перечиталъ сочиненія о великой французской революціи, соединилъ впечатлѣнія отъ прочитаннаго о ней съ общеизвѣстными фактами изъ послѣдующей исторіи Франціи вплоть до нашихъ дней, и размышленія по этому поводу изложилъ въ полупублицистической-полубеллетристической формѣ «Такъ было».

Надъ древнимъ городомъ, гдѣ стояла башня, и надъ всей страной высоко поднимался одинъ человѣкъ, загадочный владыка города и страны, и его таинственная власть—одного надъ милліонами—была такъ же стара, какъ и городъ. Назывался онъ королемъ и прозвище носилъ Двадцатый, по числу своихъ одноименныхъ предшественниковъ, но это ничего не объясняло. Какъ никто не зналъ начала города, такъ не зналъ никто и начала этой странной власти, и насколько хватало человѣческой памяти—въ самомъ глубокомъ прошломъ вырисовывался все тотъ же загадочный образъ: одного, который повелѣваетъ милліонами. Была нѣмая древность, надъ которой уже не имѣла власти человѣческая память; но она изрѣдка раскрывала уста: роняла камень, маленькую плитку, исчерченную какими-то знаками, обломокъ колонны, кирпичъ изъ разрушенной стѣны—и въ этихъ знакахъ уже была начерчена повѣсть объ одномъ, который повелѣваетъ милліонами.

Но вотъ наступило другое чудо въ жизни тѣхъ милліоновъ людей, которые называли себя общимъ именемъ французовъ. Произошло «столь же таинственное возстаніе милліоновъ, какъ таинственна была власть одного». Старое чудо повиновенія одному стало еще больше чудомъ. Все обаяніе этого одного изчезло, какъ только гипнозъ повиновенія прошелъ, и повиновавшіеся пришли въ непосредственное столкновеніе съ тѣмъ маленькимъ—меньше ихъ самихъ—человѣкомъ, которому они повиновались.

Ожидали (въ судъ) короля, а явился шутъ. Ожидали дракона, а пришелъ носатый буржуа съ носовымъ платкомъ. Смѣшно, и странно и немного жутко. Ужъ не произошло ли подмѣны.

— Это я,—король,—говоритъ и Двадцатый.

Да это онъ: какой смѣшной! Вотъ такъ король! Улыбались, пожимали плечами, еле сдерживали смѣхъ и посылали другъ другу съ конца въ конецъ насмѣшливыя улыбки и привѣтливые жесты, и точно спрашивали: хорошъ?..

. . . .

Но вѣдь онъ же былъ король! Что же это значитъ? Тогда всякій можетъ быть королемъ; тогда безграничнымъ повелителемъ надъ людьми можетъ стать и горилла? И ей воздвигнутъ золоченый тронъ, и ей будутъ воздавать божескія почести, и она будетъ устанавливать законы жизни для людей—горилла съ волосатымъ тѣломъ, жалкій пережитокъ, шатающійся по лѣсамъ...

. . . .

Но гдѣ же тиранъ?—внезапно вспыхиваетъ одинъ и схватываетъ другого за плечо.—Скажи мнѣ, гдѣ—тиранъ?

— Не знаю. Мнѣ стыдно идти туда.

— Ужасныя мысли! Неужели ничтожество и есть тиранія? Неужели ничтожные и есть тираны?

— Не знаю. Мнѣ стыдно.

Художнику-читателю удалось передать то настроеніе тревоги, которое растетъ у него (или у кого-то, о комъ онъ въ безличной формѣ говоритъ) по мѣрѣ роста борьбы между королемъ и народомъ... Побѣда несомнѣнно на сторонѣ послѣдняго, но чувство тревоги не только не ослабѣваетъ, но растетъ. Слишкомъ много страха и волненій вызываетъ этотъ ничѣмъ не замѣчательный человѣкъ, чтобы не бояться за будущее. Если бы передъ людьми оказался гигантъ, оказался человѣкъ, обладающій исполинской мощью тѣла, воли или мысли, тогда все было бы понятно. Погибъ исполинъ,—погибло бы и зло, которое только онъ и былъ способенъ причинить. Но былъ только «носатый буржуа»: другими словами, таинственная причина повиновенія милліоновъ не въ немъ, а въ самихъ «милліонахъ». Авторъ «Такъ было», какъ мы уже замѣтили, часто не выдерживаетъ на протяженіи разсказа роли художника, который прибѣгаетъ только къ образамъ и къ возсозданію необходимаго ему настроенія. Не выдерживаетъ онъ и на этотъ разъ. Онъ не хочетъ, чтобы его читатель не сдѣлалъ необходимыхъ выводовъ, и онъ вставляетъ въ общій рисунокъ разсказа рѣзко подчеркнутую бесѣду двоихъ, что «стояли на мосту»:

— Я не вѣрю въ ихъ свободу. Они слишкомъ радуются смерти ничтожнаго.

Изъ города, гдѣ горѣли еще огни, пронесся гулъ голосовъ, смѣха и пѣсенъ. Тамъ еще было весело.

— Нужно убивать власть,—сказалъ первый.

— Нужно убивать рабовъ. Власти нѣтъ, есть только рабство...

— Но вѣдь они любятъ свободу.

— Нѣтъ, они только боятся бича. Когда они полюбятъ свободу, они станутъ свободны.

Не нужно бича, въ чемъ бы онъ ни состоялъ; не нужно никакой власти. Должна существовать одна только свобода. Иначе все не только «такъ было», но и всегда «такъ будетъ»... Одноглазый часовщикъ въ башнѣ, въ которой былъ заключенъ король, въ этомъ не сомнѣвается; такъ было—такъ будетъ; онъ слышитъ это даже въ ударныхъ звукахъ огромнаго маятника въ башенныхъ часахъ:

Достигая вершины своего качанія, маятникъ говорилъ:
— Такъ было.
Падалъ, поднимался къ новой вершинѣ и добавлялъ:
— Такъ будетъ. Такъ было—такъ будетъ. Такъ было—такъ будетъ..

Въ подробностяхъ «Такъ было» не мало существенныхъ противорѣчій автора самому себѣ. Если люди рабы, то понятно (какъ говорится въ началѣ), что среди нихъ «во всѣ времена встрѣчались... такіе, и ихъ было много, которые любили его («одного») больше себя, больше, чѣмъ женъ своихъ и дѣтей, и покорно, какъ изъ рукъ самого Бога, безъ ропота и сожалѣнія, принимали отъ него и во имя его *самую жестокую и позорную смерть,* но за то совершенно не понятно, какъ могло случиться, что временами жестокаго «одного» *всѣ* ненавидѣли и проклинали, а онъ (всетаки) одинъ повелѣвалъ всѣми ненавидящими и проклинающими»... Такъ же не понятно—если по временамъ «всѣ ненавидѣли и проклинали»—указаніе, что только впослѣдствіи, когда народъ «пересталъ... повиноваться, сразу открылись всѣ его старыя, многовѣковыя язвы, и съ гнѣвомъ онъ *почувствовалъ* голодъ, несправедливость и гнетъ». Но дѣло, конечно, не въ томъ, правильно или неправильно освѣщаетъ авторъ «Такъ было» мучительный процессъ возникновенія и временной гибели новой Франціи послѣ 1789 года... Насъ интересуетъ въ данномъ случаѣ только вопросъ, думаетъ ли самъ художникъ, что въ «Такъ было» онъ далъ отвѣтъ на свои «Мелкіе разсказы»? Думаетъ ли онъ, что этотъ отвѣтъ примирилъ бы съ жизнью маленькихъ героевъ его маленькихъ разсказовъ? Едва ли возможно отвѣтить утвердительно. Пусть человѣкъ станетъ не только свободенъ, но и Свободенъ. Едва ли можно усомниться, что это разрѣшеніе жизни—очень далекое отъ того, чтобы быть полнымъ разрѣшеніемъ того, что гнететъ героевъ г. Андреева. Очевидно, что они не станутъ «свободными» ни отъ своей тоски одиночества, ни отъ тоски своей ненужности...

Впрочемъ, быть можетъ, какъ мы уже оговорились, конечная мысль въ «Такъ было» имѣетъ временный характеръ временнаго настроенія, созданнаго больше всего желаніемъ услышать, какъ красиво звучитъ мечта о свободѣ, которая должна быть единымъ Богомъ будущаго человѣчества:

Сердце сказки проситъ
И не хочетъ были.

Переходя къ чисто художественной сторонѣ разсказовъ г. Андреева, мы должны повторить, что самымъ значительнымъ среди мелкихъ разсказовъ является «Гостинецъ». Въ немъ нѣтъ ничего удивляющаго читателя экстраординарностью въ характерѣ наблюденій автора, воспринимающаго явленія окружающей природы и жизни, какъ ихъ *никто* не воспринималъ. Разсказъ написанъ просто и искренно въ томъ грустномъ тонѣ, который, вѣроятно, памятенъ читателямъ «Жили-были»... Близокъ по тону, также принадлежащій къ числу лучшихъ, другой вышецитированный разсказъ о «Кусакѣ». Здѣсь также нѣтъ ни необыкновенныхъ зданій въ родѣ башни изъ «Такъ было», которая въ изображеніи г. Андреева *глотаетъ* «какую-то звѣзду» въ тотъ самый моментъ, когда къ ней (башнѣ) подошли граждане, озабоченные мыслью о Двадцатомъ, ни вставокъ въ стилѣ Метерлинка, вродѣ тѣхъ разговоровъ, которые въ «Такъ было» ведутся между бдящимъ народомъ и на смерть усталыми и сонными стражами короля.—Впрочемъ, и среди «мелкихъ разсказовъ» есть одинъ («Мелькомъ»), фраппирующій читателя неожиданнымъ сравненіемъ дождевыхъ тучъ послѣ іюньской грозы съ... пьяницей, возвратившимся въ кабакъ: «...посѣрѣвшія тучи еще не успѣли разсѣяться, точно имъ было такъ же трудно и непріятно двигаться въ тепломъ и сыромъ воздухѣ, какъ и мнѣ. Минутами онѣ спохватывались, какъ пьяница, который вспоминаетъ, что въ одномъ изъ кармановъ у него еще завалялся непропитый пятакъ, и возвратившись, *съ трескомъ* бросаетъ его удивленному цѣловальнику,—и посылали на землю рѣдкія, запоздавшія капли, *лѣниво* ударявшіяся о листья и траву и наполнявшія окрестность *тихимъ шуршаніемъ*... Помимо вычурной безобразности этого сравненія, трудно понять, какимъ образомъ самъ авторъ не замѣтилъ даже при повторномъ напечатаніи своего разсказа въ общемъ сборникѣ, что капли, которыя «лѣниво» ударяются о листья и «тихо шуршатъ», ни въ какомъ случаѣ не могутъ напомнить пятакъ, брошенный на кабацкую стойку «съ трескомъ».

Кромѣ упомянутыхъ двухъ разсказовъ и «Христіанъ», также включенныхъ въ серію «мелкихъ разсказовъ», значительныхъ—съ чисто-художественной точки зрѣнія, вещей—на нашъ взглядъ—нѣтъ. Ихъ главный интересъ—въ содержаніи. Слабѣе всего разсказы съ юморомъ въ качествѣ основного настроенія. Андреевскій юморъ не только по-андреевски мраченъ: онъ и грузенъ, и угловатъ, и бѣденъ неожиданностью («Оригинальный человѣкъ»).

Случайно или не случайно, одинъ изъ маленькихъ разсказовъ г. Андреева («Воръ»), въ прошломъ году напечатанный въ сборникѣ «Знанія», въ составъ III тома не входитъ.

Быть можетъ, было бы правильнѣе выпустить оба тома (второй и третій) съ распредѣленіемъ разсказовъ просто въ хронологическомъ порядкѣ, не раздѣляя ихъ на мелкіе и на крупные (они и

на самомъ дѣлѣ болѣе крупные), вошедшіе отдѣльно во второй томъ и составившіе не то желтую, не то черную книгу о красномъ смѣхѣ въ жизни и о людяхъ-призракахъ, среди которыхъ самый нормальный едва ли не герой «Въ туманѣ».—Такое распредѣленіе въ чисто хронологическомъ порядкѣ давало бы болѣе правильную «исторію» настроенія такого своеобразнаго художника, какъ Л. Андреевъ.

А. Е. Рѣдько.

Англійская губернія.

Каждый знаетъ по личному опыту, иногда очень непріятному, что представляетъ изъ себя русская губернія съ Держимордами разныхъ ранговъ и мундировъ, иначе «хозяевами». Послѣднихъ, какъ извѣстно, у русскаго обывателя очень много. Тутъ есть господа съ «голубой кавалеріей» черезъ плечо, о которой мечталъ Сквозникъ-Дмухановскій. Эти могутъ арестовать обывателя, сослать его, раззорить, велѣть поджечь его имущество и отнять жизнь на основаніи закона. Тутъ есть господа, безъ всякихъ кавалерій или только съ цвѣтной тряпочкой въ петличкѣ, съ жгутами или съ узенькими эполетами. Эти могутъ избить обывателя, высѣчь его или устроить бойню на основаніи своего рода обычнаго полицейскаго права, признаннаго центральнымъ правительствомъ. Мы всѣ знаемъ русскую губернію съ грозными губернаторами, жандармами, земскими начальниками, полицеймейстерами, паспортами, шпіонами разныхъ категорій, и невѣроятнымъ безправіемъ. Порядокъ въ русской губерніи сложился такъ прочно, что его неизмѣримо труднѣе перемѣнить, чѣмъ центральное правительство. «Хозяева» всѣхъ категорій засѣли здѣсь прочно. Ихъ труднѣе выгнать, чѣмъ клеща, всосавшагося въ кожу. Въ губерніи «хозяева» привыкли къ полному беззаконію и, конечно, не остановятся ни предъ чѣмъ, чтобы удержаться на мѣстахъ. Нѣтъ такого подлаго и кроваваго преступленія, которое остановило бы Держимордъ съ «голубой кавалеріей» и безъ нея, когда дѣло дойдетъ до ихъ изгнанія. А безъ радикальной чистки провинціи всякое завоеваніе русскаго народа въ центрѣ не дастъ почти никакихъ результатовъ.

Итакъ, каждый знаетъ, что такое русская губернія. Но на что походитъ англійская провинція, т. е. графство? Быть можетъ, нѣкоторый отвѣтъ на это читатели найдутъ въ моихъ бѣглыхъ замѣткахъ о посѣщеніи графства Уоррикъ, находящагося почти въ центрѣ Англіи. Графство это—одно изъ наиболѣе старинныхъ и типичныхъ. Оно лежитъ на самой границѣ между земледѣль-

ческой Англіей и промышленной. Далѣе на западъ и на сѣверъ лежатъ центральныя или промышленныя графства, «черная страна», которую я описывалъ когда-то очень подробно въ «*Русскомъ Богатствѣ*». «Black country» занята двумя промышленными мірами, обрабатывающими волокнистыя и не волокнистыя вещества и опредѣляющими политику Соединеннаго Королевства. Столица одного изъ этихъ міровъ—Бирмингэмъ—лежитъ, собственно говоря, въ графствѣ Уоррикъ, но составляетъ отдѣльную самоуправляющуюся единицу.

Конечной цѣлью моей поѣздки были тѣ торжества, pageants, которыя жители «губернскаго города» Уоррикъ и его окрестностей устроили по случаю тысячелѣтія со времени освобожденія отъ датчанъ. Уоррикъ, однако, гордится не только тѣмъ, что его жизнь тѣсно сплетена съ англійской исторіей. Графство, это—родина многихъ великихъ людей, въ томъ числѣ — Шекспира. Поэтому туристы, ѣдущіе на «pageants», отправляются сперва въ Стратфордъ на Авонѣ, а оттуда на лошадяхъ въ Уоррикъ и Лимингтонъ, и потомъ возвращаются по желѣзной дорогѣ въ Лондонъ.

Станція Пэдингтонъ въ Лондонѣ. На перронѣ суетится юркій старичекъ, съ подстриженными усами, въ грязной соломенной шляпѣ, на лентѣ которой вышито: «Cook and Son». Старикъ указываетъ, гдѣ находятся вагоны, предназначенные для паломниковъ, отправляющихся въ Стратфордъ на Авонѣ. Въ нашемъ отдѣленіи восемь паломниковъ, которые всѣ ѣдутъ въ Уоррикъ. Изъ нихъ—шесть американцевъ. Въ другихъ отдѣленіяхъ паломники исключительно американцы. Въ это время года они всегда переѣзжаютъ «на другой берегъ Пруда», какъ они называютъ Атлантическій океанъ, чтобы, по американскому выраженію, «сдѣлать Европу», т. е. осмотрѣть континентъ. И первымъ долгомъ американцы отправляются на поклоненіе въ Стратфордъ на Авонѣ. Какъ только поѣздъ тронулся, публика быстро знакомится. Тутъ представлены многіе Штаты. Постоянно смѣющійся американецъ, съ оттопыренными ушами и топорнымъ, обвѣтреннымъ лицомъ, какъ оказывается, скотопромышленникъ, родомъ изъ маленькаго городка Покательо, въ территоріи «черноногихъ» индѣйцевъ въ штатѣ Айдахо. Скотопромышленникъ заявляетъ, что онъ не только въ первый разъ на «этой сторонѣ пруда», но никогда не былъ даже въ восточныхъ штатахъ. Этому легко повѣрить, судя по его языку. Скотопромышленнику, привыкшему къ отчаянной ругани съ пастухами и индѣйцами, повидимому, стоитъ не малыхъ усилій помнить, что въ вагонѣ—дамы, и поэтому колоритныя выраженія—неумѣстны. Другой американецъ—изъ Филадельфіи. Какъ выясняется изъ разговора, онъ—шотландецъ родомъ, эмигрировалъ въ 18 лѣтъ, повидимому, сильно разбогатѣлъ и теперь, послѣ 35-лѣтняго отсутствія, пріѣхалъ посмотрѣть на родныя мѣста. Затѣмъ слѣдуютъ мужъ и жена изъ Нэшвиля въ штатѣ Тенесси. Жена—очень по-

движная молодая дама, ярко наряженная, чуть-чуть подкрашенная, съ большими жемчугами въ ушахъ. Остальныя двѣ дамы—изъ «Фриско», т. е. С.-Франциско. Одна изъ нихъ рыжая, какъ верблюдъ, нагружена кодакомъ, призматическимъ биноклемъ, двумя путеводителями, большимъ ридикюлемъ, дорожнымъ альбомомъ и еще чѣмъ-то. Съ американцами немедленно заводитъ разговоръ нѣмецъ, усиленно выдающій себя за англичанина. Судя по его объясненію, онъ представляетъ «многія большія фирмы» и постоянно, поэтому, путешествуетъ. Герценъ когда-то сдѣлалъ много очень остроумныхъ замѣчаній объ иностранцахъ въ Англіи. Замѣчанія эти вѣрны до настоящаго времени. Англійская жизнь,—говоритъ Герценъ,—сначала ослѣпляетъ нѣмцевъ, подавляетъ ихъ, потомъ поглощаетъ, или, лучше сказать, распускаетъ ихъ въ плохихъ англичанъ. Нѣмецъ, по большей части, если предпринимаетъ какое-нибудь дѣло, тотчасъ брѣется, поднимаетъ воротнички рубашки до ушей, говоритъ yes вмѣсто ja и well тамъ, гдѣ ничего не надобно говорить. Года черезъ два онъ пишетъ по-англійски письма и записки и живетъ совершенно въ англійскомъ кругу. Входя въ англійскую жизнь,—продолжаетъ Герценъ,—нѣмцы не въ самомъ дѣлѣ дѣлаются англичанами, но притворяются ими и долею перестаютъ быть нѣмцами. Англичане же въ своихъ сношеніяхъ съ иностранцами такіе же капризники, какъ во всемъ другомъ; они бросаются на пріѣзжаго, какъ на комедіанта или акробата, не даютъ ему покоя, но едва скрываютъ чувство своего превосходства и даже нѣкотораго отвращенія къ нему. Если пріѣзжій удерживаетъ свой костюмъ, свою прическу, свою шляпу, оскорбленный англичанинъ шпыняетъ его, но мало по малу привыкаетъ въ немъ видѣть самобытное лицо. Если же испуганный сначала иностранецъ начинаетъ подлаживаться подъ манеры англичанина, тотъ не уважаетъ его и снисходительно трактуетъ его съ высоты своей британской надменности. Тутъ и съ большимъ тактомъ трудно найтись иной разъ; можно же себѣ представить, что дѣлаютъ нѣмцы, лишенные всякаго такта, фамильярные и подобострастные, слишкомъ вычурные и слишкомъ простые, сентиментальные безъ причины и грубые безъ вызова.

— Скажите, какого мнѣнія американцы о разоблаченіяхъ того, что творится въ Чикаго на заводахъ мясныхъ консервовъ?—дипломатически началъ нѣмецъ, выдававшій себя за англичанина.

— Для насъ это не было «разоблаченіемъ»,—отвѣтилъ шотландецъ изъ Филадельфіи,—мы все это давно знаемъ и никогда не ѣдимъ мясныхъ консервовъ.

— Да! Мы слишкомъ хорошо знаемъ, какъ готовятся консервы, чтобы любить ихъ!—захохоталъ скотопромышленникъ.

А поѣздъ, между тѣмъ, мчался. Безконечные ряды однообразныхъ, закопченныхъ кирпичныхъ домовъ съ щетками красныхъ трубъ кончились. Потянулся типичный англійскій ландшафтъ. Блѣдное

британское лѣтнее небо, покрытое даже въ іюлѣ легкой дымкой тумана. Яркая, сочная зелень пастбищъ, крѣпкая и прочная, какъ англійскій строй. Эта зелень не пропадаетъ даже зимой. По лугамъ, изрѣзаннымъ рядами темныхъ буковъ, высокихъ вязовъ и развѣсистыхъ дубовъ, медленно бродятъ жирныя, кудлатыя, сонныя овцы съ большими оранжевыми таврами на рунѣ. Задумчивыя коровы, гладкія, крупныя, съ громаднымъ выменемъ, стоятъ подъ ветлами на берегу ручьевъ. Телята тоже преисполнены британскимъ self-respect. Они чинно стоятъ у воды, вмѣсто того, чтобы гарцовать по лугу, задравъ хвостъ коломъ. Среди полей видны столбы съ наглыми, назойливыми, крикливыми и безстыдными рекламами на нихъ: «Пилюли отъ печени», «Красныя пилюли для блѣдныхъ людей», «Голубыя пилюли отъ плохого пищеваренія», «Пилюли, излѣчивающія всѣ болѣзни». Пилюли носятъ звучныя названія неизвѣстнаго происхожденія, которыя должны дѣйствовать гипнотизирующимъ образомъ на публику. Иныя рекламы составлены въ стихахъ; въ другихъ—въ названіи пилюль соблюдена аллитерація, т. е. повторяются первыя буквы во всѣхъ словахъ. Все живое въ Англіи степенно и проникнуто чувствомъ собственнаго достоинства; за то особенно крикливы и наглы рекламы. Изрѣдка попадаются одинокія мызы, возлѣ которыхъ виднѣются нивы, какъ будто залитыя алой кровью отъ цвѣтущаго дикаго мака. Всюду въ этихъ мѣстахъ жирныя овцы вытѣснили уже землепашцевъ. Сельскіе работники перекочевали или въ городъ, или въ Канаду. Остались только пастухи. Ихъ заработная плата (15—16 шил. въ недѣлю) выше того, что получаютъ плугари (12—15 шил. въ недѣлю).

Среди волнистой равнины на берегу рѣки виденъ небольшой городъ съ дымящими высокими фабричными трубами. Это—Ридингъ, имѣющій свою собственную отрасль промышленности. Но читающій міръ знаетъ Ридингъ не какъ фабричный центръ, не какъ городъ, въ которомъ university extension поставлено необыкновенно хорошо, а по страшной балладѣ несчастнаго Петронія конца XIX в.—Оскара Уайльда. Изъ оконъ вагона видны закопченныя стѣны каторжной тюрьмы. Тамъ, пишетъ о себѣ поэтъ,

„We sewed the sacks, we broke the stones,
We turned the dusty drill:
We banged the tins, and bawled the hymns,
And sweated on the mill:
But in the heart of every man
Terror was lying still" *)

Оскаръ Уайльдъ былъ наказанъ не столько за то, что сдѣлалъ

---

*) «Мы шили мѣшки, дробили камни, переворачивали пыльные тюфяки, стучали посудой, ревѣли гимны и потѣли на мельницѣ-топчакѣ; но въ груди каждаго изъ насъ тихо леталъ ужасъ».

онъ самъ, сколько за пороки другихъ людей, стоящихъ такъ высоко, что даже англійскій законъ не можетъ коснуться ихъ. Тутъ, на ридингской платформѣ, стоялъ предъ отправкой въ тюрьму, ошельмованный, втоптанный въ грязь, со скованными руками, великій и несчастный писатель, зараженный ядомъ пороковъ пресыщеннаго общества...

Нѣмецъ, выдававшій себя за англичанина, между тѣмъ, подробно объяснялъ, что въ Ридингѣ существуютъ «самыя большія въ Англіи бисквитныя фабрики», представителемъ которыхъ онъ имѣетъ честь и счастье состоять. Поѣздъ опять помчался впередъ. Опять замелькали сочные луга, ряды буковъ и сонныя овцы... Мы останавливаемся на двѣ минуты въ Оксфордѣ, потомъ въ Бенбери. Заслышавъ названіе станціи, скотопромышленникъ захохоталъ и потомъ запѣлъ извѣстную всему англо-саксонскому міру дѣтскую пѣсенку, въ которой этотъ городъ играетъ видную роль. Еще остановка, и—мы въ Стратфордѣ на Авонѣ.

II.

«Про Марло мы знаемъ только нѣсколько смѣлыхъ шутокъ и драку въ кабакѣ, закончившуюся смертельной раной. Что касается Шекспира, то намъ извѣстно еще меньше. Врядъ-ли есть еще другой великій писатель, про котораго мы знали бы такъ мало. Вся юность его исчерпывается двумя малозначущими легендами, почти несомнѣнно, ложными. До насъ не дошло ни одного письма, ни одной шутки или изреченія, которыя характеризовали бы жизнь Шекспира въ Лондонѣ... Сто лѣтъ послѣ смерти, Шекспира помнили еще въ родномъ городѣ. Но самымъ усерднымъ и добросовѣстнымъ поклонникамъ въ эпоху Георговъ не удалось, не смотря на всѣ старанія, найти подробность, хотя бы ничтожную, о жизни Шекспира въ Стратфордѣ, послѣ того, какъ онъ оставилъ Лондонъ» *). Этими словами сказано все. Многочисленныя и многотомныя біографіи Шекспира свидѣтельствуютъ только объ изобрѣтательности ихъ авторовъ. Въ дѣйствительности мы ничего не знаемъ про то, какимъ образомъ грубый, полуграмотный парень, бѣжавшій въ Лондонъ, гдѣ онъ добывалъ себѣ жизнь тѣмъ, что смотрѣлъ за лошадьми людей, пріѣзжавшихъ въ театръ,—черезъ два года превратился чудеснымъ образомъ въ ученаго-энциклопедиста. Для насъ загадка, какимъ образомъ ученый, опередившій во многихъ случаяхъ свой вѣкъ, дѣлалъ, въ то же время, грубыя ошибки, очевидныя даже для невѣжественныхъ современниковъ. Мы не можемъ понять, какимъ образомъ авторъ, такъ великолѣпно описавшій Венецію, даже не подозрѣвалъ, что въ Миланъ нельзя прі-

*) F. R. Green „A Short History of the English People", p. 421.

ѣхать моремъ. Тотъ же авторъ утверждаетъ, что Богемія—приморская страна и пр. Если допустить гипотезу, что великій мыслитель, государственный дѣятель и творецъ новаго научнаго метода, занимавшійся на досугѣ писаніемъ беллетристическихъ произведеній («Атлантида») и великолѣпныхъ бѣлыхъ стиховъ,—написалъ также нѣсколько драматическихъ произведеній; если допустить, что этотъ авторъ, считавшій подобное занятіе нѣсколько зазорнымъ для канцлера, — передалъ ихъ знакомому актеру, который приспособилъ ихъ для сцены, что онъ дѣлалъ вообще съ чужими трагедіями, то смѣсь глубокаго знанія съ грубымъ невѣжествомъ станетъ понятной. Бэконъ много путешествовалъ по Италіи. Онъ былъ и въ Веронѣ, и въ Венеціи. Плохой актеръ и отличный дѣлецъ, Шекспиръ не имѣлъ точнаго представленія, гдѣ именно лежитъ Миланъ, но за то у него былъ «глазомѣръ», и онъ зналъ, что можетъ понравиться публикѣ.

Какъ бы тамъ ни было, сложился извѣстный культъ одного лица, которому, справедливо или нѣтъ, приписывается авторство геніальныхъ произведеній. Каждый культъ требуетъ реликвій, при помощи которыхъ вѣра должна крѣпнуть въ сомнѣвающихся. Когда реликвій не осталось, ихъ можно поддѣлать. Лиха бѣда только начало. Черезъ два-три десятка лѣтъ поддѣльныя реликвіи, какъ извѣстно всѣмъ у насъ, освящаются уже преданіемъ и временемъ.

Стратфордъ на Авонѣ, въ значительной степени, живетъ шекспировскими реликвіями. Теперь онѣ всѣ уже освящены временемъ. Комната, въ которой, *по преданію,* родился Шекспиръ, превратилась уже давно въ комнату, въ которой онъ дѣйствительно родился. Въ старой грамматической школѣ въ Стратфордѣ нашли старинную парту, изрѣзанную школярами дореволюціонной эпохи. Сейчасъ же составилось такое умозаключеніе. Шекспиръ учился въ грамматической школѣ. Парта найдена въ школѣ. Слѣдовательно, Шекспиръ *могъ* сидѣть за этой партой. Скамью перенесли въ музей, гдѣ она фигурируетъ подъ названіемъ: «шекспировская скамья». Такого же происхожденія всѣ остальныя реликвіи, показываемыя въ Шекспировскомъ музеѣ. Старинный домикъ, показываемый паломникамъ, свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ о глубокомъ уваженіи ко всему, что связано съ драмами Шекспира: въ саду, который прилегаетъ къ домику, растутъ всѣ деревья и цвѣты, упоминаемые въ этихъ произведеніяхъ. Къ слову сказать, въ Англіи драмы Шекспира гораздо больше почитаются, чѣмъ читаются. Въ Лондонѣ есть только одинъ театръ, который по традиціи ставитъ произведенія Шекспира по одному въ сезонъ. Большая публика въ Англіи изъ всего Шекспира знаетъ только нѣсколько именъ, пять-шесть стиховъ, превратившихся въ избитыя поговорки, да рѣчь Марка Антонія надъ трупомъ Цезаря, которая помѣщена во всѣхъ хрестоматіяхъ. Въ Америкѣ и въ британскихъ колоніяхъ Шекспира знаютъ гораздо лучше. Но въ Англіи,

какъ во всемъ англо-саксонскомъ мірѣ, культъ писателя необыкновенно глубокъ.

Американцы вошли въ домикъ Шекспира, какъ въ церковь, съ непокрытой головой. Даже быкообразный скотопромышленникъ проникся глубокимъ благоговѣніемъ къ громадному камину, у котораго *могъ* сидѣть Шекспиръ, къ стариннымъ стульямъ и къ знаменитому «стратфордскому портрету», помѣщенному надъ окномъ и хранящемуся для вѣрности въ несгораемомъ стальномъ ящикѣ. Скотопромышленникъ пріобрѣлъ даже «Шекспировскія душеспасительныя бесѣды», составленныя какимъ-то предпріимчивымъ стратфордскимъ попомъ и продаваемыя тутъ же въ домикѣ. Когда посѣтителямъ предложили расписаться въ книгѣ, скотопромышленникъ, какъ человѣкъ практичный, справился предварительно, сколько это будетъ стоить? Узнавъ, что платить не нужно, онъ написалъ полностью три имени, фамилію, городъ и штатъ.

Когда мы усаживались въ шарабанъ, чтобы отправиться въ Уоррикъ, оказалось, что одной американки, — рыжей съ кодакомъ,—нѣтъ. Ее нашли въ верхней комнатѣ, у громаднаго камина, гдѣ она, какъ объяснила, «искала вдохновенія». Существуетъ правильный циклъ, который продѣлываютъ всѣ паломники въ Стратфордѣ. Изъ домика, гдѣ родился Шекспиръ, ихъ везутъ въ Шоттери, къ коттеджу, гдѣ жила Анна Хэтуэй, жена поэта, а затѣмъ — въ церковь, гдѣ онъ похороненъ. Въ коттеджѣ рыжая американка справлялась, можно ли ей полежать въ старинной постели, покрытой пестрымъ одѣяломъ, и сколько это будетъ стоить. Въ церкви скотопромышленникъ попробовалъ присѣсть на старинную скамью, но сидѣнье опрокинулось, и онъ очутился на полу, на могильной плитѣ, на которой видно было одно полустертое имя «Люси» и «1679 г.». Чтобы выѣхать на большую дорогу въ Уоррикъ, намъ пришлось опять пересѣчь мутный Авонъ и сонный Стратфордъ.

— Домъ знаменитой писательницы Маріи Корелли,—показалъ старикъ съ подстриженными усами. Рыжая американка сейчасъ же слѣзла и стала фотографировать домъ, обвитый плющемъ. Излюбленная большой публикой романистка усиленно занята въ Стратфордѣ судебными процессами и саморекламированіемъ. Она привлекла къ суду критиковъ, отозвавшихся непочтительно объ ея произведеніяхъ, и получила фартингъ (т. е. копѣйку) за «убытки». Мѣсяца два тому назадъ она начала процессъ противъ типографа, обвиняя его въ томъ, что тотъ выпустилъ въ свѣтъ открытки съ портретомъ романистки. Марія Корелли нашла, что на портретѣ у нея «глупый видъ», и притянула издателя къ суду «за клевету». Присяжные оправдали издателя, и романистка должна была заплатить судебныя издержки.

У насъ, русскихъ, въ Англіи тоже есть мѣсто, которое будетъ привлекать многочисленныхъ паломниковъ, когда великая

революція кончится, и положеніе дѣлъ дастъ возможность думать о такихъ вещахъ. Я говорю о домѣ въ Теддингтонѣ (близь Лондона), гдѣ много лѣтъ прожилъ А. И. Герценъ, гдѣ написаны его лучшія произведенія и издавался «Колоколъ». Въ Англіи великій изгнанникъ пережилъ сильныя бури и обрѣлъ надолго душевный покой. Объ этомъ Герценъ подробно разсказываетъ самъ. «Когда на разсвѣтѣ 25 августа 1852 г. я переходилъ по мокрой доскѣ на англійскій берегъ и смотрѣлъ на его замарано-бѣлые выступы, я былъ очень далекъ отъ мысли, что пройдутъ годы, прежде чѣмъ я покину мѣловые утесы его». Герценъ весь находился подъ вліяніемъ мыслей, съ которыми оставилъ Италію. «Болѣзненно ошеломленчый, сбитый съ толку рядомъ ударовъ, такъ скоро и такъ грубо слѣдовавшихъ другъ за другомъ», онъ не могъ ясно взглянуть на то, что дѣлалъ. «Мнѣ будто надобно было еще и еще дотронуться своими руками до знакомыхъ истинъ, для того, чтобы снова повѣрить тому, что я давно зналъ или долженъ быть знать»... Герценъ былъ униженъ, «самолюбіе было оскорблено... Совѣсть угрызала за святотатственную порчу горести, за годъ суеты». Изгнанникъ чувствовалъ страшную, невыразимую усталость. «Я не думалъ прожить въ Лондонѣ дольше мѣсяца, но мало по малу я сталъ разглядывать, что мнѣ рѣшительно некуда ѣхать и не зачѣмъ. Такого отшельничества я нигдѣ не могъ найти, какъ въ Лондонѣ». По цѣлымъ утрамъ Герценъ просиживалъ одинъ. «Въ этомъ досугѣ разбиралъ я фактъ за фактомъ все бывшее, слова и письма людей, и себя. Ошибки направо, ошибки налѣво, слабость, шаткость, раздумье, мѣшающее дѣлу, увлеченіе другимъ. И въ продолженіе этого разбора внутри исподволь совершался переворотъ... были тяжелыя минуты, и не разъ слеза скатывалась по щекѣ; но были и другія не радостныя, но мужественныя: я чувствовалъ въ себѣ силу, я не надѣялся ни на кого больше, но надежда на себя крѣпчала, я становился независимѣе отъ всѣхъ». Герценъ поселился въ 15 верстахъ отъ Лондона, въ маленькомъ городкѣ Теддингтонѣ, на берегу Темзы. Здѣсь душевный покой былъ обрѣтенъ. «Ошибка была не въ *главномъ положеніи*,—говоритъ Герценъ,— она была въ прилагательномъ, для того, чтобы былъ судъ своихъ, надобно было прежде всего имѣть *своихъ*. Гдѣ же они были у меня? Свои у меня были когда-то въ Россіи. Но я такъ вполнѣ былъ отрѣзанъ на чужбинѣ, надобно было, во что бы ни стало, снова завести рѣчь съ своими—хотѣлось имъ разсказать, что тяжело лежало на сердцѣ. Писемъ не пропускаютъ—книги сами пройдутъ; писать нельзя — буду печатать, и я принялся мало по малу за «Былое и Думы» и за устройство русской типографіи» *).

Домъ, въ которомъ прожилъ много лѣтъ Герценъ, сохранился

*) А. И. Герценъ. Собраніе сочиненій, т. IX (изданіе 1879 г.), стр. 175—180.

до сихъ поръ въ почти нетронутомъ видѣ. Въ немъ помѣщается теперь теддингтонскій городской совѣтъ. На лѣстницѣ висятъ семь аллегорическихъ картинъ, принадлежавшихъ Герцену и вывезенныхъ имъ изъ Италіи. Садъ съ громаднымъ, вѣковымъ кедромъ тоже не измѣнился. Подъ тѣнью этого кедра Герценъ любилъ лѣтомъ писать. Здѣсь онъ правилъ корректуры «Колокола». Въ садъ теперь выходитъ новое, только что пристроенное зданіе—безплатная народная библіотека. Домъ Герцена еще крѣпокъ и, вѣроятно, простоитъ много лѣтъ; но сомнительно, долго ли сохранятся Герценовскія картины, къ которымъ и теперь уже приторговываются антикваріи (одна картина уже продана).

III.

Опять потянулись поля и ряды буковъ. Кони везутъ шарабанъ по великолѣпной дорогѣ, мощеной асфальтомъ и перерѣзывающей все графство. Луга чередуются парками и нивами, на которыхъ колосится высокій ячмень. Съ парками связаны легенды о Шекспирѣ, сложенныя много десятковъ лѣтъ послѣ его смерти. Старикъ показываетъ американцамъ «тотъ самый перелазъ», черезъ который перебирался молодой Шекспиръ, когда отправлялся на браконьерство.

Мы—въ центрѣ земледѣльческой Англіи. Постоянно попадаются обвитыя плющемъ нарядныя мызы, съ кокетливыми занавѣсками на окнахъ въ свинцовой оправѣ. Изъ раскрытыхъ оконъ иныхъ мызъ слышатся звуки піанино. Рядомъ съ мызой находятся одинокіе двухъэтажные домики. Въ нихъ живутъ сельскіе работники. Каждый домикъ приспособленъ для отдѣльной семьи. Къ нему обыкновенно прилегаетъ крошечный огородъ въ нѣсколько квадратныхъ саженей. У дверей бродятъ двѣ-три курицы. Въ углу огорода, въ деревянномъ сажѣ, сердито хрюкаетъ свинья. Въ графствѣ Уоррикъ средній размѣръ фермъ—300 акровъ, хотя попадаются меньшія фермы—въ 40 и даже 20 акровъ. Англійскій фермеръ долженъ обладать капиталомъ въ 5—10 ф. ст. на каждый акръ. Не имѣющимъ такихъ денегъ помѣщикъ не сдастъ земли въ аренду. Обработка земли обходится въ 30—33 шил. за акръ. Рента обходится въ 30 ш. за акръ, что губитъ земледѣліе. Между тѣмъ, англійскій лэндлордъ беретъ за землю, лежащую неподалеку отъ большихъ центровъ, дренированную и перерѣзанную великолѣпными дорогами, столько же, сколько русскій помѣщикъ Полтавской или Воронежской губерніи за участокъ, сообщеніе съ которымъ осенью и весною совершенно отрѣзано. Англійское земледѣліе убито не иностранной конкурренціей, не ростомъ фабрично-заводской промышленности, а крупными помѣщиками. Мелкія фермы въ 5—20 акровъ сплошь и рядомъ существуютъ, не смотря на невѣроятную

ренту и на тенденцію помѣщиковъ превратить земледѣльческія графства въ луга и въ пустыни, поросшія верескомъ, съ цѣлью разведенія куропатокъ. Какія затрудненія встрѣчаютъ на своемъ пути фермеры, видно, напр., изъ слѣдующаго факта, взятаго мною изъ уоррикской газеты. Тридцать лѣтъ тому назадъ молодой фермеръ Ходсонъ снялъ участокъ въ триста акровъ у графа Эгмонта. Пшеница стоила тогда 60 шил. за четверть, и дѣла фермеровъ шли хорошо; но вскорѣ хлѣбъ упалъ въ цѣнѣ, и фермеры начали банкротиться. Помѣщики обязывали фермеровъ контрактомъ, что сѣять. Такимъ образомъ, имъ приходилось выращивать пшеницу въ прямой убытокъ себѣ. Фермеръ Ходсонъ добился у своего лэндлорда права выращивать фрукты, вмѣсто хлѣба. Въ контрактѣ значилось, кромѣ того, что фермеръ имѣетъ право входить въ лѣса помѣщика и истреблять кроликовъ, если лэндлордъ забудетъ сдѣлать это. Фермеръ затратилъ большой капиталъ, насадилъ фруктовыя деревья, завелъ маленькую фабрику для изготовленія варенья, и участокъ сталъ приносить большіе барыши. Садъ и фабрика дали занятіе многимъ работникамъ. Расходъ на нихъ составлялъ около пяти тысячъ ф. ст. въ годъ. Въ 1900 г. лордъ Эгмонтъ продалъ свою землю другому помѣщику, нѣкоему Колмэну, который, какъ и многіе крупные землевладѣльцы, на первомъ планѣ ставилъ свою дичь. Помѣщикъ отдалъ приказъ беречь дичь. И вотъ въ лѣсахъ развелось неимовѣрное количество кроликовъ, которые стали забираться въ фруктовый садъ Ходсона. Въ 1901 — 1902 гг. кролики причинили въ саду убытковъ на 600 ф. ст. Въ 1903 г. убытокъ равнялся 270 ф. ст. На просьбы Ходсона истребить кроликовъ не обращали вниманія. Тогда фермеръ, основываясь на старомъ контрактѣ, заключенномъ въ 1887 г., самъ «вошелъ въ лѣса» помѣщика и убилъ въ нѣсколько дней 500 кроликовъ. Помѣщикъ началъ процессъ. Старый контрактъ былъ признанъ недѣйствительнымъ, и фермеръ принужденъ былъ заплатить 650 ф. ст. (красная цѣна кролику въ Англіи—8 пенсовъ; рыночная цѣна убитыхъ 500 кроликовъ около 16 ф. ст.). Помѣщикъ, однако, не удовлетворился этимъ, а началъ еще другой процессъ. «Стрѣляя кроликовъ,—объяснилъ помѣщикъ,—Ходсонъ вспугнулъ и разогналъ въ лѣсахъ 370 фазановъ». Каждый изъ нихъ былъ оцѣненъ въ 15 ш., поэтому помѣщикъ взыскивалъ 277 ф. 10 ш. На судѣ не было доказано, что фазаны вообще существовали въ этомъ мѣстѣ. Свидѣтель, выставленный помѣщикомъ (лѣсной сторожъ), оцѣнилъ фазановъ въ 17 ш. каждаго. Разсчетъ основывался на рентѣ, жалованіи сторожамъ, количествѣ пива, выпиваемаго объѣздчиками, стоимости яицъ, которыя могли бы снести фазаны, и пр. Помѣщикъ и на этотъ разъ выигралъ процессъ. Иски и судебныя издержки совершенно раззорили фермера. Онъ не въ состояніи былъ уплатить ренту, и вотъ въ февралѣ этого года Ходсона прогнали

съ фермы, которую онъ снималъ тридцать лѣтъ. Громадный фруктовый садъ, фабрика и постройка достались помѣщику. Фермеръ за нихъ не получилъ ни фартинга. Теперь постройки снесены, такъ какъ помѣщикъ желаетъ превратить всю вотчину въ садокъ для дичи.

Приведенный разсказъ—одинъ изъ многочисленныхъ фактовъ подобнаго рода. Въ Шотландіи помѣщики прогнали крофтеровъ, и тамъ, гдѣ когда-то колосились хлѣбныя поля,—теперь растетъ только верескъ да богульникъ...

Навстрѣчу намъ попался красный вагонъ въ родѣ того, въ какомъ разъѣзжаютъ у насъ по ярмаркамъ странствующіе акробаты. Вагонъ представлялъ собою подвижной домикъ, съ бѣленькими занавѣсками на крошечныхъ окнахъ, съ дымящейся трубой и козлами въ видѣ балкончика. Молодой человѣкъ, съ краснымъ галстухомъ, въ сдвинутой на затылокъ шляпѣ, погонялъ сытую, крупную лошадь. Другой молодой человѣкъ возился въ фургонѣ съ какими-то книжками.

Надъ фургономъ развѣвался красный флагъ. Надпись гласила, что это—фургонъ, снаряженный газетой *Клэріонъ*. Въ такомъ фургонѣ разъѣзжаютъ все лѣто по англійскимъ графствамъ агитаторы, проповѣдующіе національзацію земли.

Фургоны выѣзжаютъ изъ Лондона послѣ первомайской демонстраціи, въ которой принимаютъ участіе. Агитаторы останавливаются на ночь на обочинахъ дороги, передъ въѣздомъ въ деревню. Они поднимаютъ флагъ и возвѣщаютъ о своемъ пріѣздѣ звуками рожка. Когда деревенское населеніе соберется, начинается митингъ. Агитаторы объясняютъ необходимость національзаціи земли и раздаютъ публикѣ литературу, составленную такъ, что ее пойметъ каждый. Совершенно неразвитымъ сельскимъ работникамъ аграрный вопросъ разъясняется при помощи картинокъ и графическихъ изображеній.

Нужно думать, что въ ближайшемъ будущемъ аграрный вопросъ въ Англіи вступитъ въ новый и рѣшительный фазисъ. Англичане люди практичные, дальновидные и отлично понимаютъ значеніе фактовъ въ родѣ слѣдующаго. «Вопросъ о безработныхъ принялъ подъ Манчестромъ неожиданный оборотъ,—пишетъ корреспондентъ *Daily News* *).—Безработные захватили участокъ земли на окраинѣ города въ Ливеншульмѣ, принадлежащій церкви Св. Троицы, и грозятъ укрѣпиться на немъ. Движеніе началось въ пятницу 5 іюля. Передовой отрядъ человѣкъ въ двѣнадцать, нагруженный сельскохозяйственными инструментами, кухонными принадлежностями и палаткой, расположился лагеремъ на забранномъ участкѣ. Предводитель отряда Смитъ объяснилъ толпѣ, собравшейся изъ Ливеншульма, что земля немедленно будетъ обработана. Если

*) July 8, 1906.

же собственники попытаются прогнать работниковъ, то послѣдніе, по примѣру буровъ тридцатыхъ годовъ, окопаются рвомъ, соорудятъ баррикады и станутъ защищаться до послѣдняго».

«Повидимому,—продолжаетъ корреспондентъ,— происшествіе въ Ливеншульмѣ является только частью широко задуманнаго плана захвата свободной земли безработными. Они говорятъ, что, если правительство враждебно отнесется къ нимъ, произойдетъ революція, хотя и безкровная, но рѣшительная. Предводитель объяснилъ, что отрядъ, захватившій землю, получаетъ ежедневно деньги на расходы отъ организаціи. На другой день лагерь посѣтили корреспонденты. Они убѣдились, что захватчики принялись уже за работу и снимаютъ дернъ. Джентельмэнъ-фермеръ вызвался дать имъ необходимыя указанія» *). Предводитель отряда объяснилъ корреспондентамъ, что работники не снимутъ палатки по приказу властей. Товарищи его—все народъ рѣшительный. Черезъ нѣсколько дней подобные захваты будутъ сдѣланы во многихъ мѣстахъ. «До настоящаго момента—продолжаетъ газета—не сдѣлано еще никакихъ попытокъ прогнать захватчиковъ, но врядъ-ли ихъ оставятъ въ покоѣ. Ректоръ церкви св. Троицы заявилъ репортерамъ, что онъ не намѣренъ терпѣть захватчиковъ на церковной землѣ... Въ Манчестерѣ основалась организація, которая путемъ захватовъ намѣрена осуществить возвращеніе народа къ земледѣлію». Черезъ нѣсколько дней то же явленіе повторилось и въ Лондонѣ въ округѣ Уэстъ Хэмъ. Подъ предводительствомъ муниципальнаго совѣтника Бенджамэна Каннинхэма безработные захватили пять акровъ городской земли, расположились лагеремъ и принялись обрабатывать участокъ. Въ Уэстъ-Хэмѣ въ настоящее время около 4500 безработныхъ. Партія, захватившая землю, состоитъ изъ 24 человѣкъ въ возрастѣ отъ 26—65 лѣтъ. Они заявили, что будутъ сопротивляться, если ихъ попытаются прогнать.

Я сказалъ, что англичане народъ проницательный и способный оцѣнить значеніе фактовъ. Если захваты земли, въ родѣ приведеннаго, дѣйствительно станутъ массовымъ явленіемъ, то правительство быстро встрѣтитъ движеніе широкими аграрными реформами. Здраваго смысла не лишены въ Англіи ни либералы, ни тори. Обѣ партіи въ свое время пытались бороться съ аграрнымъ движеніемъ въ Ирландіи при помощи законовъ объ усиленной охранѣ и террора. Правительственныя мѣры не уничтожили движенія, но вызвали только въ отвѣтъ красный терроръ съ кинжалами, револьверами, динамитомъ и возстаніями. Послѣ того обѣ партіи давно признали полную негодность и вредъ бѣлаго террора и стали замирять Ирландію

*) Нужно помнить, что безработные—горожане, не имѣющіе, большею частью, никакого представленія о томъ, какъ обрабатывать землю. Отношеніе населенія къ захватчикамъ—едва ли не самое поразительное въ этомъ движеніи.

при помощи широкихъ реформъ. Врядъ-ли поэтому либеральное правительство рѣшится примѣнить въ Англіи мѣры, негодность которыхъ доказана до очевидности въ Ирландіи.

IV.

Старичекъ съ подстриженными сѣдыми усами все увѣрялъ насъ, что кони, запряженные въ шарабанъ, отмѣнные, что въ нихъ «кровь играетъ ключомъ». Однако, на пятнадцатой верстѣ, когда предстояло взобраться на холмъ, кони пристали. Напрасно стегалъ ихъ кучеръ, напрасно суетился возлѣ нихъ старичекъ, размахивая руками. Кони стояли, широко раздвинувъ ноги и вздрагивая всѣмъ тѣломъ. Публика стала слѣзать. Скотопромышленникъ схватилъ коня за оброть. Шотландецъ схватился за колеса, какъ будто могъ двинуть въ гору громадный экипажъ. Нѣмецъ, выдававшій себя за англичанина, махалъ зонтикомъ. Дамы разбрелись. Наконецъ, отдохнувшія лошади втащили шарабанъ на гору. Публика съ шутками и смѣхомъ усѣлась, и мы опять покатили. Но едва мы отъѣхали милю, какъ кто-то крикнулъ: «стой!»

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ кучеръ.

— Человѣкъ за бортомъ!—крикнулъ скотопромышленникъ. Дѣйствительно, однимъ пассажиромъ стало меньше. Рыжая американка съ кодакомъ куда-то исчезла. Сначала въ поиски за нею пустился старикъ, потомъ—шотландецъ, потомъ рѣшено было всѣмъ поѣхать по той дорогѣ, которую мы только что сдѣлали.

Скотопромышленникъ предложилъ самую мрачную гипотезу, въ которой «трампы», т. е. смирные оборванцы, встрѣчающіеся иногда на англійскихъ дорогахъ, играли роль черноногихъ индѣйцевъ или сіуксовъ.

— It will not do, sir! (т. е. предположеніе не годится), — спокойно отвѣтилъ кучеръ, передвинувъ свой цилиндръ съ затылка на лобъ.—У насъ людей на дорогахъ не похищаютъ.

Неизвѣстно, какая гипотеза была бы еще предложена для объясненія таинственнаго исчезновенія, если бы на дорогѣ не показались ликующій старикъ, затѣмъ—шотландецъ, а за ними—рыжая американка, съ кодакомъ въ рукахъ. Исчезновеніе объяснилось очень просто. Американка замѣтила въ сторонѣ мызу, обвитую плющемъ, и пошла фотографировать ее. Публика усѣлась, и шарабанъ покатился по дорогѣ, поддерживаемой въ такомъ отличномъ порядкѣ совѣтомъ графства. Мы проѣзжали мѣста, съ которыми связаны наиболѣе важные моменты въ англійской исторіи. Направо виднѣлся невысокій холмъ, покрытый купами деревьевъ. Это—Хеджъ-Хиллъ, у котораго въ октябрѣ 1642 г. впервые встрѣтились роялисты съ неопытными парламентскими войсками. Вождь роялистовъ сэръ Фэтсрулъ Фортскью опрокинулъ народное ополченіе и погналъ его

къ стѣнамъ Уоррика. Послѣ этой побѣды роялисты были убѣждены, что гидра революціи раздавлена, и что теперь абсолютная власть короля будетъ признана навсегда. Но революція только что еще начиналась. Возстаніе скоро создало такихъ вождей, какъ Кромвель, и такихъ воиновъ, какъ его латники. За первой побѣдой роялистовъ послѣдовали побѣды парламентскихъ войскъ при Грантамѣ, Вайнеби и, наконецъ, при Марстонъ-Мурѣ. Англійская революція поучительна, между прочимъ, въ одномъ отношеніи. При борьбѣ народа съ королевской властью онъ скорѣе всего можетъ разсчитывать на поддержку войскъ въ томъ случаѣ, когда революціонеры имѣютъ организованный центръ, облеченный извѣстнымъ престижемъ и располагающій средствами кормить солдатъ и платить имъ жалованье. Во время англійской революціи такимъ центромъ былъ парламентъ. Въ его рукахъ былъ контроль надъ государственными доходами. Парламентъ могъ ввести новый налогъ, чтобы добыть средства для борьбы, тогда какъ король, отстраненный отъ бюджета, нуждался въ деньгахъ и, чтобы платить жалованіе своимъ войскамъ, вынужденъ былъ перечеканить серебряную и золотую монету. Королевскія войска не остановились бы предъ тѣмъ, чтобы заарестовать или разстрѣлять сколько угодно революціонеровъ; но тѣ же революціонеры, выбранные въ парламентъ, представляли въ глазахъ войскъ уже нѣчто неприкосновенное...

Историческія мѣста, должно быть, по ассоціаціи, навели моихъ попутчиковъ на разговоръ о короляхъ вообще и объ Эдуардѣ VII въ частности.

— Я ѣду завтра въ Виндзоръ,—заявилъ скотопромышленникъ.

— Хотите посмотрѣть паркъ, воспѣтый въ *Виндзорскихъ Проказницахъ*?—спросила вертлявая американка.

— Нѣтъ. Хочу взглянуть на короля и обмѣняться съ нимъ рукопожатіями.

Старикъ объяснилъ, что до короля не такъ легко добраться, какъ до Рузвельта, и что обычай shake-hands между главой государства и каждымъ гражданиномъ, существующій въ Соединенныхъ Штатахъ,—не принятъ въ Англіи.

— Но я могу вамъ показать короля,—прибавилъ старикъ. — Вы можете сказать въ Америкѣ, что видѣли не только Эдуарда VII, но и всѣхъ принцевъ. — Старикъ вынулъ изъ кармана часы и показалъ скотопромышленнику циферблатъ съ миніатюрами всего королевскаго дома.

Изъ-за густыхъ деревьевъ показались высокія, старинныя зубчатыя стѣны Уоррикскаго замка. Насъ обгоняли теперь автомобили, коляски и экипажи всякаго рода, направлявшіеся въ «губернскій городъ» на «pageants». Попадались крайне любопытные всадники: тампліеры въ кольчугахъ, въ бѣлыхъ колетахъ съ краснымъ крестомъ, герольды, саксонцы XI вѣка въ плащахъ изъ звѣриныхъ шкуръ, въ шишакахъ, украшенныхъ бычачьими

рогами, амазонки въ пышныхъ платьяхъ временъ Елизаветы. То изъ сосѣднихъ городовъ и деревень собирались участники «pageants», актеры-любители, въ собственныхъ костюмахъ и на собственныхъ лошадяхъ. Особенно забавно было видѣть крестоносца, въ полныхъ доспѣхахъ, съ щитомъ въ рукахъ и въ макинтошѣ, накинутомъ поверхъ латъ. Мы переѣхали по старинному мосту черезъ Авонъ. На лугу, отъ рѣки до стѣнъ замка, расположились лагеремъ балаганы, карусели, подвижные тиры. Отчаянно выли и пищали десятки шарманокъ, приводимыхъ въ движеніе маленькимъ локомобилемъ, вертѣвшимъ и карусель.

Въ русской провинціи тутъ кишѣли бы стражники, жандармы, казаки. Въ Англіи же удовлетворились двумя полисмэнами, безъ всякаго оружія.

V.

У насъ губернія—своего рода садокъ для начальства всякаго рода, главная забота котораго слѣдить во всѣ глаза за обывателемъ. Губернаторъ по закону «первый блюститель неприкосновенности правъ верховной власти, пользъ государства и повсемѣстнаго, точнаго исполненія законовъ, уставовъ, высочайшихъ повелѣній, указовъ правительствующаго сената и предписаній начальства». И до революціи, какъ извѣстно, безчисленное губернское начальство съ необыкновенной подозрительностью относилось къ каждому шагу обывателя и въ состояніи было сдѣлать человѣческое существованіе невозможнымъ. Теперь, когда почти вся Россія находится на положеніи чрезвычайной охраны, «хозяева» провинціи могутъ: «передавать военному суду не только отдѣльныя дѣла, но и цѣлыя категоріи дѣлъ однимъ общимъ распоряженіемъ; налагать секвестръ на недвижимыя имущества и арестъ на движимыя имущества; подвергать въ административномъ порядкѣ аресту въ тюрьмѣ или крѣпости; устранять отъ должности, на все время чрезвычайной охраны, чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, а также лицъ, служащихъ по выборамъ въ сословныхъ, городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ; пріостанавливать періодическія изданія и закрывать учебныя заведенія». Мы знаемъ, что въ переводѣ на обыкновенный языкъ это означаетъ: жизнь, свобода и имущество каждаго обывателя въ провинціи, въ любой моментъ, находятся въ полной зависимости отъ фантазіи или каприза ген. Карангозова и подобныхъ ему воиновъ, выслужившихъ чины и кресты въ походахъ противъ своихъ.

Щедринъ когда-то писалъ, что въ его глазахъ русская бюрократія всегда представляла собою какую-то неразрѣшимую психологическую загадку. «Не смотря на всѣ усилія выработать изъ нея бюрократію, она ни подъ какимъ видомъ не хочетъ сдѣлаться ею. Еще на глазахъ у начальства она туда и сюда, но какъ только

начальство за дверь—она сейчасъ же языкъ высунетъ и сама надъ собою хохочетъ. Представить себѣ русскаго бюрократа, который относился бы къ себѣ самому, яко къ бюрократу, безъ нѣкотораго глумленія, не только трудно, но даже почти не возможно. А между тѣмъ бюрократствуютъ тысячи, сотни тысячъ, почти милліоны людей. Милліонъ ходячихъ психологическихъ загадокъ! Милліонъ людей, которые сами на себя безъ смѣха смотрѣть не могутъ—развѣ это не интересно?» *). Писано это было очень давно, въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Тогда «милліоны ходячихъ психологическихъ загадокъ» не видѣли опасности для себя и проявляли даже извѣстное благодушіе въ провинціи. Во всякомъ случаѣ, въ губерніи обыватель могъ жить сравнительно спокойно подъ защитой нашего русскаго Habeas corpus—*взятки*. Теперь «психологическія загадки» видятъ, что дѣло идетъ о спасеніи жирныхъ мѣстъ, чиновъ и права на насиліе—и онѣ превратились въ бѣшеныхъ собакъ, готовыхъ разорвать обывателя. «Благодушный» Держиморда теперь не остановится ни предъ чѣмъ, чтобы спасти свой окладъ; въ Петербургѣ и, отчасти, въ Москвѣ есть все же кое-что сдерживающее; но русская губернія представляется мнѣ, присмотрѣвшемуся къ англійскимъ порядкамъ, кладбищемъ въ полночь, какъ оно рисовалось человѣку XV вѣка: всюду мечутся съ адскимъ воемъ страшные лары и упыри, залитые кровью. Оборотни люты, какъ по природѣ своей, такъ и потому, что знаютъ неминуемость разсвѣта, когда придется уходить въ могилу. Но сколько человѣческой крови въ Кишиневѣ, Одессѣ, Томскѣ, Кіевѣ, Минскѣ, Екатеринославѣ, Бѣлостокѣ выпили эти лары! Очистить центры—трудно; но труднѣе всего будетъ «освобождать погосты отъ упырей».

Совсѣмъ иное представляетъ намъ англійская «губернія», т. е. графство. Русская «губернія» создалась искусственно, по волѣ центральнаго начальства; англійское графство — росло естественно и является результатомъ совмѣстной дѣятельности народа. Наша губернія наводнена «хозяевами» всякаго рода, смотрящими и приказывающими смотрѣть за обывателемъ. Это присматриваніе стоитъ народу громадныхъ денегъ. Въ англійскомъ графствѣ начальства очень мало, оно совершенно незамѣтно, права его точно опредѣлены, и стоитъ оно народу очень дешево. Англійская провинція перестроена двумя парламентскими актами («County Councils Act», 1888 и «Local Government Act», 1894) на принципѣ широкаго самоуправленія. Новый законъ не явился результатомъ канцелярскаго сочинительства. Составители закона воскресили старый порядокъ, выработанный самимъ *народомъ* въ теченіе вѣковъ. Законъ былъ только приспособленъ къ новымъ требованіямъ времени. Аналогію широкому самоуправленію, которымъ пользуется теперь англійская «губернія», мы находимъ еще во времена англо-саксовъ. Въ

*) „Благонамѣренныя рѣчи“.

пятомъ вѣкѣ мы видимъ общины, которыя ежегодно распредѣляли годную для обработки землю между всѣми свободными людьми. Выгоны были общіе. Аггрегатъ общинъ (vici) составлялъ *Pagus*, или *gaw*. Совокупность же *Pagi* составляла *Curtas* или *Populus*. Въ пятомъ вѣкѣ англо-саксы имѣли то, чего теперь добиваются ихъ отдаленные потомки: вся земля составляла національную собственность и сдавалась на годъ свободнымъ людямъ (freemen).

Свободные люди представляли тогда, въ военномъ отношеніи, одну милицію, дѣлившуюся на сотни. Воины, входившіе въ составъ послѣдней, были связаны общей дружбой. Соотвѣтственно съ этимъ дѣлилась и земля. Она отводилась всей сотнѣ, а затѣмъ распредѣлялась между отдѣльными семьями. Часть земли оставалась въ личномъ распоряженіи вождя. «Такимъ образомъ, — говоритъ изслѣдователь,—мы видимъ,какъ 1500 лѣтъ тому назадъ незамѣтно вползало понятіе о частной земельной собственности *). Земля, принадлежавшая англо-саксонскимъ племенамъ, дѣлилась на *Folk-land*, т. е. на общинную, и на *Bock-land*, которая передавалась хартіей частному лицу на извѣстныхъ условіяхъ. Соотвѣтственно съ системой владѣнія землей Англія представляла тогда конгломератъ самоуправляющихся общинъ. Послѣ норманскаго завоеванія значеніе короны стало увеличиваться. Мало-по-малу она, а не нація, стала собственникомъ земли. Терминъ *Folk-land*, т. е. общинная земля, исчезаетъ и замѣняется другимъ—*Terra-Regis*, т. е. коронная земля, сохранившимся до настоящаго времени.

Посмотримъ, въ какомъ видѣ существовало самоуправленіе во времена англо - саксовъ. Распредѣленіе населенія находилось въ зависимости отъ системы владѣнія землей. Земской единицей былъ *vicus* или *tun*, состоявшій изъ группы аллодіальныхъ, т. е. свободныхъ отъ ленныхъ повинностей, жителей. Каждый tun рѣшалъ свои дѣла на сходѣ (tun-gemot), въ которомъ принимали участіе всѣ свободные люди, безъ различія пола. Группа такихъ единицъ составляла «сотню», *Hundreds* или *Wapentakes*. Слѣды этихъ «сотенъ» сохранились еще до сихъ поръ въ различныхъ мѣстахъ Англіи. Таковы, напр., деревни Бернгэлъ, Десбаро, Стонъ и Бексъ, составляющія до сихъ поръ «Чилтернскую сотню» *). Группа «сотенъ» составляла «Shire», т. е. графство. Слово «Shire» въ прежнее время не заключало въ себѣ понятія административнаго дѣленія, каковъ, напр., смыслъ слова «губернія». «Shire»—понятіе территоріальное и означало площадь земли, отведенную извѣстному племени. Группа «Shires» составляла королевство. Такъ, напр., группа графствъ, составляющихъ теперь міръ, обрабатывающій волокнистыя вещества,—входила когда-то въ составъ королевства Мер-

*) E. Fordham. „The Evolution of Local and Imperial Government", p. 4.

**) См. о нихъ „Очерки Современной Англіи", стр. 539.

ція. Каждая «сотня» имѣла свое вѣче—*Hundred-gemot*, разбиравшее всѣ дѣла, какъ гражданскія, такъ и уголовныя. На Hundred-gemot каждая земская единица присылала своего судью (reeve) и четырехъ представителей. Во главѣ вѣча находился выборный «сотникъ» (Hundred-ealdor). Представители отъ «сотенъ» собирались на «совѣтъ графства». Дѣла всего графства находились въ рукахъ старшины (ealdorman) и шерифа (Scir-Gerefa, впослѣдствіи sheriff). Когда-то старшина выбирался всѣмъ населеніемъ графства; но мало-по-малу власть старшины стала наслѣдственной. До норманскаго завоеванія наслѣдственный ealdorman долженъ былъ вступать во власть съ соизволенія короля. Шерифъ назначался королемъ и, собственно говоря, онъ наиболѣе напоминалъ нашихъ губернаторовъ, потому что «былъ первымъ блюстителемъ» въ графствѣ «неприкосновенности правъ верховной власти». Кромѣ деревень, въ древней Англіи мы видимъ еще города (Burh), возникавшіе обыкновенно изъ сильно укрѣпленнаго поселенія вождя. Burh управлялся своимъ совѣтомъ свободныхъ гражданъ (Burh-gemot).

Обязанности шерифа теперь немногочисленны и «безвредны» для мирнаго обывателя; но для вѣрности при каждомъ шерифѣ существуетъ товарищъ его (under-sheriff), адвокатъ, слѣдящій за тѣмъ, чтобы «первое лицо въ графствѣ» не нарушило въ чемъ нибудь закона. Англійская «губернія» въ высшей степени благоустроена, порядокъ въ ней образцовый, обывателю живется свободно. При внимательномъ изученіи васъ поражаетъ, однако, не столько это благоустройство, сколько то, какое ничтожное количество чиновниковъ, въ сравненіи съ Россіей, работаетъ въ анлійской «губерніи». Тамъ, гдѣ въ Россіи засѣдаетъ цѣлая армія провинціальныхъ юпитеровъ, въ Англіи скромно и дѣловито работаетъ *одинъ* клэркъ. У насъ въ провинціи шага ступить нельзя, чтобы не понадобилось посѣтить какую-нибудь «канцелярію» съ наглымъ и грубымъ чернильнымъ населеніемъ. Я не знаю, какъ на сѣверѣ, но на югѣ Россіи нѣтъ ни одной канцеляріи, гдѣ, помимо грубости, невоспитанности и некультурности, не процвѣтало бы еще самое отчаянное и беззастѣнчивое взяточничество. Англійская «губернія» обходится почти безъ канцелярій и безъ арміи «совѣтниковъ» всякаго ранга, содержаніе которыхъ стоитъ такъ дорого народу.

VII.

Флаги, вѣнки, щиты, гербы графства, разряженные жители... Мы миновали старинную башню, защищавшую когда-то городскія ворота, и въѣхали въ Уоррикъ. Русскаго въ «губернскихъ» англійскихъ городахъ поражаетъ не столько уютность и красота старинныхъ елизаветинскихъ домовъ съ острыми, высокими крышами и

выступающими впередъ верхними этажами,—сколько... отсутствіе мундирныхъ людей на улицахъ. Мундиръ всегда знаменуетъ право произвола, предоставленное одному человѣку надъ другимъ. Когда послѣ многолѣтняго проживанія въ Англіи, я пріѣхалъ въ Россію, меня прежде всего поразило обиліе мундирной публики. На улицахъ Лондона еще можно встрѣтить людей въ мундирахъ: солдатъ, полисмэновъ и швейцаровъ. Въ англійской провинціи солдатъ нѣтъ. Такимъ образомъ, въ цѣломъ «губернскомъ» городѣ можно встрѣтить только нѣсколько полисмэновъ въ мундирахъ, да и то безъ оружія. Это отсутствіе насилія въ ливреяхъ и вооруженныхъ людей какъ-то особенно внушительно говоритъ о гражданской свободѣ. Впрочемъ, сегодня въ Уоррикѣ болѣе двухъ тысячъ людей, выряженныхъ въ платье всѣхъ вѣковъ. Это—актеры-любители, горожане Уоррика и сосѣднихъ городковъ, принимающіе участіе въ pageants. Представленіе дается людьми, не заинтересованными въ немъ матеріально. Годъ тому назадъ Уоррикъ рѣшилъ отпраздновать свой многовѣковой юбилей. У насъ такой праздникъ принялъ бы немедленно казенно-торжественный характеръ, съ губернаторомъ, войсками, жандармами, архіереями и витіями, вдохновленными полицейскимъ участкомъ. Да и что вспоминать большинству нашихъ городовъ, кромѣ правительственныхъ экзекуцій? Въ Уоррикѣ, когда рѣшено было устроить «pageants», организовалась немедленно лига горожанъ, которая выбрала предсѣдателя и тщательно выработала планъ. Затѣмъ нашлись композиторы, поэты, декораторы, предложившіе безвозмездно свой трудъ. Вызвали любителей. Организованъ былъ «комитетъ археологовъ», который долженъ былъ порыться въ Британскомъ музеѣ и въ старинныхъ церквахъ, чтобы составить рисунки костюмовъ. Доспѣхи рыцарей тоже были тщательно скопированы. И черезъ восемь мѣсяцевъ, въ началѣ весны, все было готово, пьеса составлена, роли разучены и начались репетиціи. Графъ Уоррикъ предложилъ къ услугамъ гражданъ, вмѣсто театра, свой громадный паркъ. Когда все было срепетировано, публика со всей Англіи отправилась смотрѣть pageauts, повторявшіяся шесть дней подъ рядъ.

Сценой является громадный лугъ, почти въ версту. Кулисами служатъ купы развѣсистыхъ дубовъ и буковъ. На заднемъ планѣ этого естественнаго театра—старинный замокъ съ зубчатыми стѣнами и высокими башнями, за нимъ—высокій холмъ, по откосу котораго вьется дорога, а вдали—лѣсъ. У подножья холма вьется сонный Авонъ, въ который глядятся уродливыя ветлы, похожія на гномовъ, припавшихъ къ водѣ, чтобы напиться. Изъ за «кулисъ», т. е. изъ-подъ тѣни дубовъ, выступаютъ группы разряженныхъ людей, мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей. Различныя эпохи мѣняются съ поразительной быстротой. Представленіе состоитъ изъ ряда картинъ, или эпизодовъ, одиннадцати числомъ. Каждая картина построена на какомъ-нибудь эпизодѣ, дѣйствительномъ или

легендарномъ, изъ жизни города Уоррика. Первый эпизодъ относится къ временамъ друидовъ, послѣдній — къ XVIII вѣку. «Театръ» такъ громаденъ, что слова, сочиненныя мѣстными поэтами, почти не слышны; но «pageants» разсчитаны, главнымъ образомъ, на то, что ихъ будутъ воспринимать глазами.

Гдѣ-то звучатъ рога и ударные инструменты. Начинается первый эпизодъ изъ временъ борьбы бриттовъ съ римскими завоевателями. На сцену является король Кимбелинъ, тотъ самый, который у Шекспира названъ Цимбелиномъ. Король провозглашаетъ разрывъ съ Римомъ и обращается къ начальнику легіона съ патріотической рѣчью, взятой изъ трагедіи Шекспира:

«Пока съ насъ не взялъ дани
Насильно Римъ, народъ свободенъ былъ.
Но честолюбье Цезаря расло,
Такъ что почти расторгло все строеніе
Вселенной. Онъ безъ права и предлога
Надѣлъ на насъ ярмо; его стряхнуть
Народъ отважный долженъ, а такимъ
Считаемъ мы себя“.

Ton-gemot теперь преобразованъ въ самоуправленіе *прихода* (parish). Нынѣшній «совѣтъ графства» является преемникомъ средневѣковыхъ съѣздовъ, съ естественной эволюціей. Burh-gemot — являются нынѣшніе муниципальные совѣты. Вся Британская имперія состоитъ изъ самоуправляющихся единицъ. Мы видимъ самоуправленіе въ приходѣ, въ городѣ, въ совѣтѣ графства, въ Соединенномъ Королевствѣ. Сама имперія состоитъ изъ группы самостоятельныхъ демократій, каждая изъ которыхъ составляетъ, въ свою очередь, конгломератъ самоуправляющихся единицъ (напр., Канада составляетъ союзъ двухъ демократій, различныхъ между собою по языку и по вѣрѣ).

Въ средніе вѣка женщины играли видную роль въ общественной жизни Англіи. Онѣ были шерифами, судьями и присяжными *). Ссылаясь на эти прецеденты, англійскія женщины подали парламенту въ 1643 г. петицію, въ которой ходатайствовали объ участіи въ общественной жизни страны. «Благороднымъ рыцарямъ и гражданамъ, засѣдающимъ въ палатѣ общинъ отъ дворянокъ, купчихъ и другихъ особъ женскаго пола прошеніе»,—читаемъ мы въ этой петиціи.—«Просительницы признаютъ заботы коммонеровъ о государственныхъ дѣлахъ и охотно поддержали петицію, поданную парламентомъ королю о вольностяхъ гражданъ и о святости религіозныхъ убѣжденій отдѣльныхъ лицъ». Женщины просили, чтобы и на нихъ распространялись тѣ привилегіи, которыхъ добиваются мужчины. Изъ мотивовъ, выставленныхъ женщинами, я приведу только

*) **Примѣры** приведены въ «Evolution of Local and Imperial Government». p. 150.

одинъ. Женщины должны пользоваться равными гражданскими правами, «потому что онѣ страдаютъ одинаково съ мужчинами отъ тираніи и отъ преслѣдованія религіозныхъ убѣжденій. Деспотія предоставляетъ своимъ агентамъ право мучить одинаково какъ мужчинъ, такъ и женщинъ».

VI.

Завѣдываніе дѣлами графства, по «Local Government Act» 1888 г., находится въ рукахъ избираемаго населеніемъ совѣта графства. Избирателями могутъ быть какъ мужчины, такъ и женщины, сосовершеннолѣтніе, не опороченные судомъ и не получающіе пособія изъ благотворительныхъ учрежденій. Избиратель долженъ, кромѣ того, занимать извѣстное помѣщеніе въ графствѣ, или арендовать тамъ землю.

Англія и Уэльсъ раздѣлены на 62 графства. Число выборныхъ совѣтниковъ зависитъ отъ количества населенія въ графствѣ. Самое меньшее число совѣтниковъ—28 (графство Гэтлэндъ); самое большее — 138 (Ланкастеръ). Совѣты графствъ заботятся о финансахъ «губерніи», общественныхъ зданіяхъ, мостахъ, дорогахъ, домахъ для умалишенныхъ, исправительныхъ заведеніяхъ; совѣты завѣдуютъ составленіемъ избирательныхъ парламентскихъ списковъ, назначаютъ коронеровъ и контролируютъ полицію. Государственной полиціи, т. е. жандармеріи, этого источника произвола, насилія и провокаціи, въ Англіи нѣтъ. Въ «губерніи» есть только нѣсколько «бобби», заботящихся о безопасности мирныхъ обывателей. Помимо всѣхъ другихъ соображеній, отсутствіе многочисленной полиціи, жандармеріи, стражниковъ, шпіоновъ, охранниковъ и мундирныхъ громилъ отзывается крайне выгодно на карманѣ обывателя. По закону 1902 г. совѣту графства предоставлено также дѣло народнаго образованія. Въ англійской «губерніи» немыслимы конфликты, постоянно возникающіе у насъ, вслѣдствіе вмѣшательства администраціи въ школы, грубаго устраненія учителей, безсмысленныхъ запрещеній лекцій и чтеній и пр. Англійскіе города, имѣющіе населенія больше, чѣмъ 50 тысячъ, въ административномъ отношеніи составляютъ самостоятельныя единицы и управляются, какъ будто бы составляли отдѣльное графство. Центральная власть въ англійской «губерніи» представлена очень слабо. Мы имѣемъ въ каждомъ графствѣ «намѣстника» (Lord-lieutenant), считающагося военнымъ представителемъ короны; но это постъ, главнымъ образомъ, почетный, не связанный *ни съ какими* правами надъ обывателями, ихъ свободой или имуществомъ. У насъ «хозяинъ» въ губерніи даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу. Провинціальныя газеты постоянно говорятъ о томъ, что хозяинъ «отбылъ», запретилъ, сократилъ, сдѣлалъ строжайшее внушеніе, распекъ, арестовалъ, выслалъ, вызвалъ войска, приказалъ стрѣлять или пороть и пр. Теперь, какъ извѣстно,

помимо перечисленнаго, многіе «хозяева» заняты еще организаціей погромовъ. Ничего подобнаго англійскій lord lieutenant не дѣлаетъ и не имѣетъ права дѣлать. Провинціалъ до самой смерти не знаетъ, если не справится въ адресъ-календарѣ, кто у нихъ въ графствѣ «намѣстникъ». Вотъ почему жизнь въ англійской провинціи идетъ такъ спокойно. По словамъ знатнаго иностранца, цитируемаго Щедринымъ, въ Россіи «существуетъ особенное сословіе помпадуровъ, назначеніе котораго въ томъ именно и заключается, чтобы нарушать общественную тишину и сѣять раздоры съ цѣлью успѣшнаго ихъ подавленія». Lord-lieutenant, т. е. англійскій губернаторъ, считается лишь командующимъ войскъ, расположенныхъ въ «губерніи». Онъ не имѣетъ права оцѣнивать «благонадежность» обывателей или общественныхъ дѣятелей, не можетъ устранять ихъ и, вообще, не имѣетъ никакого касательства къ «внутренней политикѣ». Нужно ли болѣе поразительное доказательство, чѣмъ слѣдующее? Намѣстникомъ графства Уоррикъ является теперь графъ Уоррикъ, занимающій старинный замокъ, выстроенный его предками въ X вѣкѣ. Лэди Уоррикъ, жена графа, блиставшая недавно на придворныхъ балахъ своею красотой и умомъ,—теперь видный членъ «Social Democratie Federation». Въ своемъ памфлетѣ о безработныхъ, изданномъ въ началѣ этого года, Лэди Уоррикъ доказываетъ, что безработица — болѣзнь, коренящаяся въ самомъ строѣ современнаго общества. Никакими палліативами эту болѣзнь исцѣлить нельзя. Необходимо радикально перестроить общество. Какъ видите, англійская «губернаторша» такъ же мало походитъ на русскую, какъ графство на губернію.

Кромѣ «намѣстника», коронными чиновниками въ графствѣ являются: custos rotulorum (архиваріусъ), шерифъ и коронеръ. По старинному обычаю, восходящему ко времени Эдуарда II, ежегодно, наканунѣ дня св. Мартына (12 ноября), лордъ канцлеръ и министръ финансовъ назначаютъ по три шерифа на каждое графство. Списокъ представляется потомъ 3 февраля королю, который прокалываетъ булавкой первое имя въ каждой группѣ изъ трехъ. Отмѣченный считается избраннымъ въ шерифы. На практикѣ въ шерифы избираются мѣстные помѣщики, но для обывателя они совершенно безвредны, хотя считаются «первыми людьми въ графствѣ». Во-первыхъ, шерифъ назначается только на годъ *), во-вторыхъ, произволъ его, если бы онъ могъ даже проявиться, нейтрализованъ правами каждаго гражданина. Шерифъ предсѣдательствуетъ на провинціальныхъ выборахъ; онъ заботится о поддержаніи порядка въ графствѣ. Въ случаѣ безпорядковъ, шерифъ призываетъ posse comitatus, т. е. все населеніе графства чтобы оно помогло ему поддержать спокойствіе. И всѣ, отказавшіеся

*) Въ Лондонѣ, на основаніи закона временъ Генриха VIII, шерифъ не назначается, а выбирается всѣмъ населеніемъ.

исполнить это приглашеніе, «если имъ больше, чѣмъ пятнадцать лѣтъ, и они имѣютъ званіе ниже пера», подлежатъ штрафу или аресту. На практикѣ обязанности шерифа очень скромны. Онъ присутствуетъ при приведеніи въ исполненіе смертной казни, задерживаетъ, по постановленію суда, имущество несостоятельныхъ должниковъ (въ этомъ ему помогаетъ *bailiffs*). Когда-то шерифъ былъ также и судьею, но этого уже давно нѣтъ.

Провозглашеніе войны сопровождается человѣческими жертвоприношеніями. Каменный алтарь, къ которому друидъ, въ бѣломъ плащѣ и въ вѣнкѣ изъ омелы, влечетъ дѣвицу съ распущенными волосами, въ красномъ казакинѣ, точно скопированъ съ древняго городища Стонеджъ, на Солсбри Плэйнсъ, гдѣ до сихъ поръ видны древніе жертвенники. Въ шести послѣдующихъ картинахъ выступаютъ графы Уоррикъ, начиная отъ легендарнаго Гая до «свергателя королей», выведеннаго въ шекспировской хроникѣ «Король Генрихъ VI». Легенды про Гая Уоррика можно найти въ каждомъ сборникѣ англійскихъ сказокъ. Гай, чтобы замолить грѣхи, отправился крестоносцемъ въ Палестину. Въ бояхъ съ сарацинами онъ переродился совершенно и возвратился черезъ нѣсколько лѣтъ въ родной Уоррикъ, никѣмъ не узнанный. Здѣсь онъ жилъ отшельникомъ, со скорбью вспоминая то время, когда насильничалъ надъ вассалами. Скоро Гай Уоррикъ оказалъ своимъ согражданамъ великую услугу, которая заставила ихъ совершенно забыть прошлое. На берегу Авона, подъ скалой въ пещерѣ поселилось громадное чудовище «The Dun Cow», забодавшее рогами десятки людей. Гай Уоррикъ вступилъ въ единоборство съ чудовищемъ и убилъ его. «Эпизодъ» заканчивается тѣмъ, что на колесницѣ влекутъ громадную голову чудовища. Сзади съ пѣснями и плясками идутъ дѣти и женщины. Голова «Dun Cow» сработана мѣстнымъ ваятелемъ. Величиной она въ добрую сажень. Мастеръ не пожалѣлъ киновари для глазъ и для языка. Рога чудовища тоже очень внушительны, а чтобы придать головѣ болѣе страшный видъ, мастеръ снабдилъ еще ея челюсти четырьмя торчащими острыми клыками, что для «Cow» уже нѣсколько излишняя роскошь. Но зрители не придирчивы и награждаютъ бурными аплодисментами и актеровъ, и мастера. Самая продолжительная картина—десятая. Содержаніе ея—посѣщеніе Уоррика королевой Елизаветой и лордомъ Лейстеромъ. Мы имѣемъ, какъ извѣстно, нѣсколько литературныхъ портретовъ королевы. Шиллеръ рѣзко отнесся «къ царственной лицемѣркѣ» и заставилъ Марію Стюартъ воскликнуть:

„Ублюдкомъ оскверненъ престолъ британскій!
Кривлякой лицемѣрной одураченъ
Довѣрчивый народъ“.

Елизавета у Шиллера сама признаетъ себя лицемѣркой: «О, рабскій гнетъ служенія народу!—говоритъ она.—Позорное хо-

лопство... Какъ устала я этому кумиру поклоняться, котораго въ душѣ такъ презираю! Когда-жъ мой тронъ свободнымъ трономъ станетъ! Должна я чтить общественное мнѣнье, чтобъ отъ толпы стяжать хвалы пустыя,—угодничать должна я передъ чернью, которой лишь фиглярство любо». Англичане считаютъ этотъ портретъ злобной, невѣрной каррикатурой и совершенно отрицательно относятся къ трагедіи Шиллера. Это тѣмъ болѣе любопытно, что характеристика Елизаветы, сдѣланная однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ англійскихъ историковъ, въ сущности, гораздо болѣе безпощадна. Гринъ отдаетъ должное учености Елизаветы, но за то указываетъ на грубость ея натуры (на возраженіе Эссекса, напр., она отвѣтила оплеухой). Поразительное тщеславіе, распущенность и лживость Елизаветы хорошо извѣстны. «Въ безконечномъ лабиринтѣ лжи и интригъ уваженіе къ ней, какъ къ выдающемуся лицу, почти теряется и замѣняется презрѣніемъ» *). Мнѣ пришлось какъ-то указывать, что «восхищеніе» Елизаветой такъ же несправедливо, какъ и «презрѣніе». «Елизавета, какъ впослѣдствіи Викторія, — были типичными представительницами женщинъ двухъ различныхъ фазисовъ развитія страны... Властолюбивая, жестокая, хитрая, ученая и распущенная, Елизавета была типичной представительницей правящаго класса того времени. Она признавала палату общинъ, какъ неизбѣжное зло, безъ котораго нельзя вводить новыхъ налоговъ. Правящій классъ признавалъ въ Елизаветѣ то, что считалъ наиболѣе достойнымъ для дворянина, и любилъ ее».

Съ нарожденіемъ имперіализма въ Англіи создался особый культъ «королевы Бетсъ», т. е. Елизаветы. Ее признали величайшей, мудрѣйшей и наиболѣе проницательной королевой всѣхъ временъ и народовъ. Въ «pageants» Елизавета выведена въ такомъ именно свѣтѣ. Она является на сцену въ старинной великолѣпной, неуклюжей каретѣ, окруженная пышной свитой. Старинныя гильдіи Уоррика выходятъ ей навстрѣчу. Елизавета поднимается на престолъ, и ей представляютъ семилѣтняго Шекспира (дѣло происходитъ въ 1572 г.); затѣмъ королева спускается къ рѣкѣ и уплываетъ въ золоченой баркѣ. Pageants заканчиваются апоѳеозомъ. Геній города Уоррика принимаетъ «четырнадцать своихъ сестеръ»; каждая изъ нихъ представляетъ новый городъ того же наименованія, основанный выходцами изъ метрополіи въ Америкѣ или въ Австраліи. Апоѳеозъ символизируетъ молодыя мощныя демократіи, которыя возникли за океаномъ и создали тамъ новыя формы общественности.

Публика шумно высыпаетъ изъ широко раскрытыхъ воротъ замка. Кареты, омнибусы и кэбы берутся на расхватъ. Очень многимъ приходится пѣшкомъ идти паркомъ версты двѣ, до Лимингтона,

*) J. K. Green. „A short History of the English People", p. 305.

чтобы взять тамъ поѣздъ въ Лондонъ. На дорогѣ звучатъ веселые беззаботные голоса безчисленныхъ зрителей и въ душѣ невольно пробуждается чувство зависти. «Чѣмъ они лучше насъ?—думается русскому.—А между тѣмъ, имъ уже давно удалось устроить себѣ мирную, спокойную, веселую жизнь. Они такъ давно покончили съ деспотизмомъ, что самое чувство ненависти къ нему разсѣялось безслѣдно; они готовы смотрѣть на это кровавое прошлое, какъ на интересную и красивую игрушку»...

Діонео.

Война.

(*Письмо изъ Германіи*).

Karl von Bruchhausen, Major a. D. — Der kommende Krieg. Berlin. 1906. — *Beowulf*, Der deutsch-englische Krieg. Vision eines Seefahrers. Berlin. 1906.— *William Le Queux*. Die Seeschlachtkapitel von Admiral H. W. Wilson. Die Invasion von 1910. Berlin. — Ein englischer *Generastabsoffizier*. Mene, mene, tekel, uphrasiu. Englands Ueberwältigung durch Deutschland. Uebersetzung von einem deutschen Stabsoffizier. Hannover, 1906. — *** Völker Europas...! Der Krieg der Zukunft. Berlin, 1906.—*Seestern*, „1906". Der Zusammenbruch der alten Welt. Leipzig, zwanzigste Auflage.

I.

Звѣрство и политика.

Въ то время, какъ въ Россіи совершается удивительный переворотъ, открывающій великому народу путь отъ варварства къ свободѣ и культурѣ, въ то же самое время въ Западной Европѣ нарождается новое варварство на основѣ капиталистической формы производства, классовой культуры и владычества желтаго металла. И тому изъ русскихъ, кто находится сейчасъ за границей, положительно трудно представить себѣ, какою глухою стѣной ограждена мирная Европа отъ всероссійскаго пожара, и какое безпросвѣтное дикарство развивается подъ прикрытіемъ этихъ стѣнъ въ пресловутомъ краѣ «святыхъ чудесъ».

Замѣчательнымъ образчикомъ новаго варварства является, безспорно, та новая «военная» литература, которая массами появилась на свѣтъ и въ Лондонѣ, и въ Берлинѣ, подъ вліяніемъ различныхъ дипломатическихъ и политическихъ событій—склада и типа марокскаго инцидента. Какъ извѣстно, никогда Европа не стояла такъ близко къ войнѣ, какъ во время этого пресловутаго спора, отразившаго въ мірѣ дипломатическихъ явленій съ неподражаемой ясностью міръ чисто коммерческихъ вожделѣній. И жирная, а вмѣ-

стѣ злобная буржуазная масса словно ждала этого дыханія приближающейся грозы для того, чтобы разразиться цѣлой массой военно-разбойничьихъ и военно-коммерческихъ книжекъ, не оставляющихъ желать ничего лучше ни по своей откровенности, ни по яркости и характерности изложенія.

Великія державы современности выступаютъ во всѣхъ этихъ книжкахъ безъ малѣйшаго фиговаго листка. Постигнувъ тайны современной дипломатіи и пройдя науку Бисмарка, наши авторы отказываются отъ всѣхъ устарѣлыхъ предразсудковъ и берутъ быка прямо за рога. Получается веселенькая картинка изъ допотопнаго міра, когда вселенная кишѣла громадными ископаемыми, а земля и суша были преисполнены крови рвущихъ другъ друга на части ихтіозавровъ, левіафановъ, гигантскихъ летучихъ драконовъ, колоссальныхъ морскихъ змѣй и тому подобныхъ невинныхъ божьихъ созданій. Подъ стекломъ почтенныхъ сочинителей будущей всемірной войны раскрываются ничѣмъ не лучшія картины. Англія выступаетъ здѣсь въ видѣ кровожаднаго и отвратительнаго чудовища, обвившаго полъ-міра своими кольцами и разѣвающаго пасть и на Конго, и на нѣмецкую Африку, и на голландскаго кролика на благословенныхъ Зондскихъ островахъ, и на среднюю Азію, и на другія злачныя мѣста, разбросанныя по лицу вселенной. А рядомъ съ Англіей щелкаетъ зубами Германія, поплывшая по морямъ и протянувшая свои жадные щупальцы всюду, гдѣ только есть «мѣстечко на солнцѣ». Между этими ископаеными въ свою очередь тыкаетъ клювомъ во всѣ уголки міра прекрасная Франція, царапающая своими когтями и Марокко, и Тунисъ, и Индо-Китай, съ вожделѣніемъ взирающая черезъ Вогезы на Эльзасъ-Лотарингскіе виноградники. И въ то время, какъ все это допотопное звѣрье изо всѣхъ силъ стремится обмануть сосѣда и утащить у него изъ-подъ носа или даже изъ лапы жирный кусокъ международной дичи, въ Америкѣ зрѣетъ новый колоссъ, съ громадной пастью, и одѣваетъ постепенно броней свое зыбкое, насквозь буржуазное, купеческое и жирное тѣло. Японія уже обросла. Дыбомъ стоитъ на ней стальной гребень штыковъ, все ловкое желтое тѣло уже заковано въ стальныя плиты, и великолѣпными шимозами дышатъ ея огненныя ноздри. Только Россія временно исключена изъ концерта ихтіозавровъ, такъ какъ она слишкомъ занята собственными дѣлами. Среди остальныхъ болѣе мелкихъ звѣрюшекъ нѣмецкіе провидцы грядущей войны съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются на общипанномъ турецкомъ археопэтриксѣ исламитской породы и съ любовью взираютъ на его пришитые Круппомъ и отшлифованные нѣмцами когти. Это, такъ сказать, служебная скотина германскаго чудища, которая должна сыграть особую роль при всеобщей схваткѣ всего этого столь-же безстыднаго, сколь алчнаго, столь же отвратительнаго, сколь кровожаднаго стада. Да, мы забыли еще одну великодержавную змѣю съ привязанной на хвостѣ афри

канской колоніей или, другими словами, Италію. Въ описаніи пророковъ европейской кровавой бани, ей суждено, наравнѣ съ Турціей, тоже сыграть свою роль, и даже большую, чѣмъ это должно выпасть на долю Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи и Даніи. Участь этихъ послѣднихъ очень проста. По своей малой величинѣ онѣ должны быть слопаны...

Итакъ, на этотъ разъ, я приглашаю читателя временно оставить красивые и чистые города, благоустроенныя и мирныя деревни, и прошу послѣдовать за мной на задній дворъ европейскаго общества, гдѣ льютъ пушки, готовятъ пулеметы, снаряжаютъ лиддитами и робуритами бомбы и готовятъ въ одинъ прекрасный день мирной Европѣ возвращеніе къ допотопнымъ временамъ. Пожалуйте въ доисторическій звѣринецъ, господа!.. Но прежде, чѣмъ мы погрузимся въ пучины военной фантазіи, сдѣлаемъ еще визитъ гг. дипломатамъ въ ихъ министерскіе дворцы, гдѣ рѣшаются судьбы войны и мира и создается исторія человѣчества.

Разсказы про царей, министровъ и дипломатовъ составляютъ любимую пищу для мѣщанскихъ головъ всѣхъ временъ и народовъ. Для человѣка, который никогда не выходилъ изъ лакейской, нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ вообразить себя среди сіятельныхъ графовъ и отягченныхъ орденами особъ. И авторы военнаго апокалипсиса не могутъ устоять противъ искушенія вывести на сцену дипломатическіе переговоры высокопоставленныхъ особъ. Въ твореніяхъ этихъ авторовъ передъ нами проходятъ всевозможныя конференціи англійскихъ министровъ и французскихъ делегатовъ, всеподданнѣйшіе доклады князя Бюлова императору Вильгельму и цѣлая куча нотъ и меморандумовъ, секретныхъ сообщеній и ультиматумовъ, которые нагромождаются нашими утопистами въ чрезмѣрномъ количествѣ и въ архидипломатическомъ стилѣ. Но, увы! — таково, видно, вѣяніе времени —мы не увидимъ среди дѣйствующихъ лицъ ни одного человѣка, который бы блисталъ благородствомъ или великодушіемъ и считалъ бы для себя обязательнымъ соблюденіе порядочности въ общественныхъ дѣлахъ. Всѣ, кого только мы ни встрѣчаемъ на фонѣ кровавыхъ фантазій нашихъ пророковъ, знаютъ только одинъ принципъ силы и единую тактику насилія и обмана. Передъ нами Франція, которая желаетъ надуть Англію въ самый моментъ заключенія военнаго союза. И нечего говорить, что англійскіе государственные люди платятъ тѣмъ же. Передъ нами Германія, которая предлагаетъ нейтральнымъ государствамъ на выборъ быть раздавленными нѣмецкой арміей или «добровольно» стать на сторону нѣмцевъ. Передъ нами Италія, которая дважды измѣняетъ и сегодня бросается въ тылъ вчерашнему союзнику, разъ только ей не удается урвать тотъ жирный кусокъ, на который она уже нацѣлилась. И Японія не отстаетъ отъ другихъ въ изображеніи нашихъ прорицателей. Какъ хищникъ, она бросается на Америку, но немедленно же вступаетъ съ ней въ союзъ, чтобы ограбить общими силами ослабѣвшую въ

борьбѣ Британію. Безнравственность, безчестность, не разборчивая жестокость и вѣроломство, разнузданная игра за счетъ сотенъ тысячъ человѣческихъ жизней, подлое нападеніе изъ-за угла и ничѣмъ не стѣсненное швыряніе въ воду милліоновъ народнаго достоянія—вотъ черты, которыя достаточно извѣстны намъ изъ прежнихъ войнъ въ Европѣ и Азіи и которыя теперь услужливые буржуазные фантасты возводятъ въ перлъ созданія въ своихъ нечеловѣческихъ измышленіяхъ. Особенно характернымъ въ устахъ нѣмецкихъ бумажныхъ завоевателей является тотъ планъ, который они приписываютъ германскому правительству въ его міровой политикѣ. Этотъ планъ состоитъ ни больше и ни меньше, какъ въ томъ, чтобы поднять противъ британскаго владычества въ Африки и Азіи милліоны тамошнихъ фанатичныхъ дикарей подъ знаменемъ «священной войны», правовѣрныхъ противъ гяуровъ. Въ этой войнѣ видную роль долженъ сыграть турецкій султанъ. Будучи чѣмъ-то въ родѣ вассала императора Вильгельма, какъ высшаго покровителя мусульманскаго міра, султанъ долженъ протянуть руку помощи Марокко, гдѣ германскій императоръ своимъ визитомъ уже достаточно выразилъ свое покровительство мусульманамъ. Турецкій султанъ, обязанный помочь нѣмецкому сюзерену мусульманъ, подымаетъ по знаку изъ Берлина зеленое знамя Джевада, и начнется поголовное истребленіе всѣхъ бѣлыхъ въ Африкѣ, Малой Азіи и въ азіатскихъ колоніяхъ Британіи, поскольку тамъ царитъ еще исламъ, а вмѣстѣ и живетъ святой долгъ истребленія христіанскихъ собакъ...

Можно сказать, лѣтописцы кровавой катавасіи поняли императора Вильгельма: того самаго государя, который приглашалъ всѣ христіанскіе народы на борьбу съ азіатскимъ дракономъ, они сдѣлали подстрекателемъ къ истребленію всѣхъ христіанъ подъ сѣнью полумѣсяца... Впрочемъ, это не удивительно: слѣдуя урокамъ Бисмарка, нѣмецкая дипломатія и ея вольно гуляющіе апологеты считаютъ ничто не невозможнымъ подъ луною. Излишне и говорить, что, по теоріи нѣмецкихъ кровавыхъ романовъ, священная война мусульманъ прекратится точно такъ же по сигналу со Шпрее, какъ и начнется.

Приведемъ характерный отрывокъ изъ размышленій фантастическаго американскаго посла въ Лондонѣ, который можно считать типичнымъ для нашихъ «реальныхъ политиковъ»: «образуется жирный супъ для желѣзныхъ ложекъ... соображаетъ этотъ дипломатъ, естественно, итальянчики желаютъ ловить рыбку въ мутной водѣ и выклянчить что-нибудь отъ побѣдителя, какъ это неоднократно уже и бывало... для насъ, однако, чѣмъ бѣшенѣе все идетъ, тѣмъ лучше; и чѣмъ основательнѣе ослабляется Европа, тѣмъ болѣе эффектнымъ становится наше выступленіе, какъ только несоединенные штаты Европы передерутся вплоть до усталости. Предлогомъ для вмѣшательства и объявленія войны можетъ явить-

ся каждый день морскихъ сраженій... Гдѣ-нибудь окажется оскорбленнымъ американскій флагъ на какомъ-нибудь торговомъ суднѣ, и никакихъ извиненій отъ Англіи мы тогда попросту не примемъ... Это мгновеніе, о которомъ Рузвельтъ уже давно мечтаетъ, можетъ оказаться столь благопріятнымъ для развитія американскаго имперіализма въ широкомъ размѣрѣ, какъ ничто иное. Канада должна теперь пасть. Превосходно, что мы такъ долго ждали, пока Канада, благодаря англичанамъ, и на самомъ дѣлѣ не сдѣлалась цѣннымъ предметомъ; раньше она ровно ничего не стоила. Ахъ! мнѣ слышится уже посланіе президента, великолѣпное посланіе въ Европу, насчетъ того, что Америка, де, не можетъ дольше терпѣть варварскихъ посягательствъ войны на современную культуру. Во имя цивилизаціи мы учинимъ миръ, а въ качествѣ коммиссіонныхъ заберемъ все нужное. Можетъ быть, коечто и на Дальнемъ Востокѣ. Мнѣ чудится, что японецъ уже скоро потянетъ насъ къ одному плану и этимъ облегчитъ намъ нашъ поворотъ фронта противъ Англіи. Ихъ происки насчетъ Филиппинъ—дѣло серьезное, и они тамъ прямо или косвенно сдѣлаютъ на насъ нападеніе. Сюда присоединяется еще движеніе китайцевъ. Мы сами себѣ дадимъ тогда порученіе охранять европейцевъ и двинемъ со всей силой. Тутъ еще улыбается намъ коекакая награда въ Океаніи; отъ Самоа до Гонолулу не такъ-то далеко, такъ же, какъ отъ Маниллы до Явы. Да, надо полагать, японцы думаютъ то же, будетъ недурненькое столкновеніе... Германіи мы обезпечили самый дружественный нейтралитетъ... Мы высказали самыя ясныя одобренія, сдѣлали полуобѣщанія; однако я считаю, что было бы очень глупо уже теперь стараться для Германіи; въ концѣ концовъ, она нашъ опаснѣйшій торговый конкуррентъ, и наше будущее требуетъ, чтобы Германія, такъ же, какъ Англія, были надолго ослаблены. Воистину глупы эти европейцы! работаютъ прямо намъ въ руку. Положимъ, Европа, въ концѣ концовъ, должна сдаться передъ Америкой, но они сами расчищаютъ намъ путь. Еще сегодня соединенные штаты Европы были бы достаточно сильны для того, чтобы отбросить назадъ наше развитіе, чтобы диктовать законы Дальнему Востоку... Идіоты! коалиція противъ Англіи, уничтоженіе британской имперіи обозначаетъ ничто иное, какъ всеообщее ослабленіе Европы противъ другихъ частей свѣта. Всемірная власть Англіи есть въ послѣднемъ основаніи только порученіе Европы въ дѣлѣ покоренія остальныхъ расъ. И, наоборотъ, гибель нѣмецкой морской торговли—на ея счетъ хочетъ выиграть Англія? Какъ будто мы съ Японіей уже не приготовились къ тому, чтобы сейчасъ же забрать всѣ плоды, а съ Дальняго Востока вытѣснить во время войны всѣ нѣмецкія и британскія фирмы! Ахъ! никогда еще небо Америки не было такъ полно ликованій. Да здравствуетъ Колумбія! Звѣздное знамя получитъ но-

выя звѣзды! Намъ однимъ принадлежитъ будущее. Да будетъ Божья воля!»

Самый процессъ начала современныхъ войнъ вполнѣ подтверждаетъ эту пиратскую теорію авторовъ будущей войны. Нынче уже не дѣлаютъ никакихъ торжественныхъ объявленій войны и не подвергаютъ долгимъ дебатамъ вопросъ, должно ли начать кровопролитіе или нѣтъ. Въ новое время этотъ вопросъ рѣшается сразу. Оказывается гдѣ-нибудь временное ослабленіе страны—надо пользоваться этимъ и воевать, пока она не оправится и не окрѣпнетъ. Если что плохо лежитъ,—надо хватать безъ зазрѣній совѣсти, надо пользоваться неподготовленностью противника, чтобы выиграть два-три дня для мобилизаціи и, при помощи этого, рѣшить участь всей кампаніи. И тѣ вылощенные, холодные дипломаты, которые рѣшаютъ участь народовъ «въ будущей войнѣ», ни минуты не стѣсняются передать дѣло рѣшенію меча, разъ только есть малѣйшая надежда на успѣхъ въ разбойничьемъ предпріятіи.

Какъ свидѣтельствуетъ англійскій офицеръ генеральнаго штаба на счетъ Пруссіи, «она никогда въ нынѣшнее время не гонялась за какимъ-либо обоснованіемъ войны. Война 1866 г. была вызвана Пруссіей какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она была до крайности вооружена, а потомъ были приведены такъ прекрасно придуманныя причины, что только серьезнѣйшее историческое изслѣдованіе послѣ долгихъ лѣтъ могло разъяснить, что все это были лишь предлоги, необходимые для осуществленія давно подготовленныхъ плановъ. Какъ указалъ въ своей лекціи лордъ Эленборо, выступленіе Пруссіи противъ Ганновера въ 1866 г. въ этомъ отношеніи прямо образцово. Здѣсь королю былъ предъявленъ ультиматумъ съ требованіемъ отвѣта въ 24 часа, а между тѣмъ еще передъ этимъ былъ законченъ полный стратегическій обходъ ганноверской арміи. Точно такъ же гогенцоллернскій инцидентъ послужилъ Бисмарку только предлогомъ для того, чтобы начать войну съ Франціей какъ разъ тогда, когда Германія была лучше всего подготовлена». И примѣры Пруссіи являются только подтвержденіемъ общаго правила. Какъ свидѣтельствуетъ сэръ Фредерикъ Морисъ, «изо всѣхъ войнъ, которыя велись между 1700—1870 г.г., а ихъ всего было 107, франко-нѣмецкая война 1870 г. была единственная за 170 лѣтъ, въ которой объявленію войны не предшествовали никакія военныя дѣйствія». И почтенный маіоръ Брухгаузенъ съ нѣмецкой стороны вполнѣ подтверждаетъ теорію своего англійскаго коллеги: всѣ послѣднія войны начинались совершенно неожиданно для противника, безъ какихъ-либо открытыхъ и оффиціальныхъ предупрежденій. По словамъ почтеннаго маіора Брухгаузена, это совершенно понятно: внезапность нападенія всегда обѣщаетъ большія выгоды нападающему, а благодаря двумъ днямъ, выиграннымъ на мобилизаціи этимъ путемъ, можно рѣшить всю участь кампаніи. И поразительное дѣло: всѣ тѣ шесть кровавыхъ фантазій—двѣ пере-

водныхъ, а четыре оригинальныхъ нѣмецкихъ, которыя я цитирую,— съ полнымъ единодушіемъ начинаютъ веселое столпотвореніе «будущаго» неожиданнымъ нападеніемъ одной стороны на ничего неподозрѣвающаго врага.

Если переводный романъ англійскаго офицера генеральнаго штаба начинаетъ съ «предательскаго» нападенія нѣмецкаго флота на приготовленные для парада англійскіе корабли, то у другого переводнаго автора, у г. Леке, нашествіе нѣмцевъ на Британію начинается разбойничьей высадкой на восточный берегъ страны среди глубокаго мира. У Зеештерна, въ его «Войнѣ будущаго», война между Англіей и Германіей начинается при помощи грубой провокаціи со стороны англичанъ на Самоанскихъ островахъ, гдѣ нѣмецкій крейсеръ начинаетъ пальбу по дерзкимъ britамъ, высаживающимъ своихъ моряковъ на сушу, а затѣмъ уже слѣдуетъ настоящая катавасія, съ внезапнымъ занятіемъ англичанами Антверпена, бомбардировкой Куксгавена, съ вторженіемъ французовъ въ Бельгію и т. п. Анонимный авторъ невѣроятно толстой «Войны будущаго» начинаетъ всемірную войну вторженіемъ французовъ въ пресловутое Марокко; наконецъ, почтенный господинъ Беовульфъ начинаетъ свою книжку «Видѣніе моряка» нападеніемъ англійскаго флота на мирно празднующій Гельголандъ. Все какъ слѣдуетъ быть, все какъ въ настоящей войнѣ. Дипломаты торгуются, надуваютъ другъ друга, обманываютъ народы, подготовляютъ въ надлежащій моментъ неожиданное для врага нападеніе. Наступаетъ этотъ моментъ, и высокія канцеляріи со всѣмъ ихъ маккіавелизмомъ и презрѣніемъ къ человѣчеству уходятъ на задній планъ. Раскрываются огненныя жерла, и человѣчество получаетъ на благо гуманности, культуры и прогресса новые подарки въ видѣ гранатъ и скорострѣлокъ.

Спрашивается теперь, какая разница между проклятымъ междоусобіемъ сродневѣковья, между человѣческими гекатомбами абсолютизма и новыми войнами во имя торговыхъ прибылей и промышленныхъ дивидендовъ? Чѣмъ отличается политика Людовика XI отъ пріемовъ Бисмарка и Наполеона III, гдѣ различіе во взглядахъ между профессіональными человѣкоубійцами XVI вѣка и современнымъ буржуазнымъ обществомъ подъ священной хоругвію красныхъ крестовъ и гаагскихъ конференцій?

Если судить по нашимъ военнымъ романистамъ 1906 г., этой разницы нѣтъ!

II.

Соціалисты.

При изображеніи войны будущаго естественно является вопросъ, что будутъ дѣлать, въ случаѣ военныхъ дѣйствій, народныя массы, тѣмъ болѣе, что какъ признаетъ самъ маіоръ Брухгаузенъ, нынѣшнія войны могутъ быть только народными, хотя бы уже потому, что въ настоящее время дерутся не шайки наемныхъ ландскнехтовъ, а многотысячныя арміи вооруженнаго народа. Господинъ маіоръ выводитъ даже изъ русско-японской войны то нравоученіе, что «окончательный успѣхъ» нынче, «во времена народнаго войска», обезпеченъ только «народной войнѣ». И вотъ тутъ-то возникаетъ вопросъ, о которомъ мы говоримъ; вопросъ о томъ, пожелаютъ ли народныя массы въ XX вѣкѣ такъ же слѣпо и безропотно слѣдовать магической палочкѣ изъ придворныхъ сферъ и дипломатическихъ канцелярій, какъ это было въ старину, во время смертоноснаго урагана династическихъ интригъ и междоусобій? Пойдутъ ли нынѣшніе народы съ такой же легкостью и охотой на дѣло взаимнаго истребленія, какъ это было въ доброе старое время? Неужели и вправду достаточно простого толчка каблукомъ вѣнценоснаго сапога, чтобы вся Европа превратилась въ сплошной вулканъ, гремящій пушечной канонадой и извергающій потоки крови?

Что сдѣлаютъ признанные вожди народныхъ массъ въ современной Европѣ, соціалисты, которые проклинаютъ войну и проповѣдуютъ миръ, зовутъ человѣчество къ братству и мирному труду? Неужели они станутъ спокойно смотрѣть на дѣло приготовленія къ убійству, неужели сами они забудутъ своего бога и бросятся, какъ звѣри, въ всеобщую братоубійственную схватку?

Наши военные романисты отвѣчаютъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ.

Маіоръ Брухгаузенъ въ своей «Будущей войнѣ» предвидитъ противодѣйствіе войнѣ со стороны нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ и заблаговременно объявляетъ ихъ государственными измѣнниками. Въ утѣшеніе своимъ компатріотамъ онъ, однако, не только приводитъ фразу блистательнаго князя Бюлова насчетъ того, что вопросы войны и мира не подлежатъ рѣшенію соціалъ-демократическихъ агитаторовъ, но и руководствуется болѣе положительными соображеніями. Бравый маіоръ предполагаетъ даже худшій случай, а именно, что нѣмецкіе соціалъ-демократы учинятъ массовую политическую стачку во время мобилизаціи и такимъ путемъ попробуютъ на дѣлѣ помѣшать разбойничьимъ мѣропріятіямъ. Однако такая попытка, по мнѣнію маіора, ни къ чему не приведетъ. «Два-три быстрыхъ

удара, нанесенныхъ господамъ агитаторамъ и забастовщикамъ, окажутъ сильное вліяніе на души охотниковъ до стачки». И эти удары не будутъ затруднительны, такъ какъ къ нимъ придется прибѣгнуть развѣ въ «двухъ-трехъ большихъ городахъ и нѣсколькихъ промышленныхъ центрахъ». Еще болѣе утѣшительно вліяютъ на маіора слѣдующія цифры: за 1901 годъ изъ общаго числа рекрутовъ 30% принадлежало сельскому населенію и 36% сельскимъ жителямъ, занятымъ въ разныхъ мѣстностяхъ. И маіоръ принимаетъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій, что эти 66% не принадлежатъ къ соціалъ-демократіи. Изъ оставшихся 34% Брухгаузенъ вычеркиваетъ большинство бывшихъ одногодичниковъ, затѣмъ мелкихъ промышленниковъ и купцовъ, низшихъ служащихъ и т. п. Такимъ образомъ, въ силу этихъ разсчетовъ въ лучшемъ случаѣ только четвертая, а вѣрнѣе только пятая, часть всѣхъ запасныхъ и ратниковъ ополченія окажется соціалъ-демократами; и эти послѣдніе не представляютъ изъ себя чего-нибудь способнаго къ протесту или непослушанію: «стоитъ только, говоритъ нашъ авторъ, одѣть соціалъ-демократическихъ запасныхъ и ратниковъ въ мундиры, какъ уже черезъ нѣсколько дней или часовъ пробуждается въ нихъ насильственно задавленный нѣмецкій духъ въ своемъ полномъ объемѣ, и они чувствуютъ себя солдатами цѣликомъ». Такъ произойдетъ дѣло съ громадной массой «товарищей». «Военная форма и привычка обладаютъ большою силою внушенія, а прирожденный нѣмцамъ военный духъ сдѣлаетъ все остальное». И хотя изъ соціалъ-демократовъ все же не можетъ никогда выйти хорошихъ солдатъ, потому что для этого нужна не только «сильно развитая интеллигентность и мѣткость въ стрѣльбѣ», но прежде всего «радостное мужество и вѣрное сердце», однако большинство соціалъ-демократовъ будетъ сражаться «безъ всякаго противорѣчія» и даже «забудетъ въ теченіи войны свою принадлежность къ красной партіи».

Такъ рисуетъ дѣло отставной прусскій маіоръ. Другіе живописцы грядущаго кладдерадача идутъ еще далѣе. Почтенный Беовульфъ, описывая свой военный сонъ, ограничивается утвержденіемъ, что «всеочищающая гроза начисто вымететъ толстый слой пыли партійныхъ раздоровъ, вѣроисповѣдныхъ споровъ, классовой ненависти, филистерства и фальшиваго идеализма, и, какъ свѣтлый щитъ, засіяютъ вновь любовь къ отечеству и вѣрность къ королю». Въ Берлинѣ, продолжаетъ онъ разсказъ о своемъ снѣ, «массы народа нашли опять путь ко дворцу такъ же, какъ это было въ 1870 г., и принесли императору свои вѣрноподданническія чувства, при чемъ передъ зданіями морского и военнаго министерствъ демонстрировали большія толпы, распѣвая патріотическія пѣсни». По словамъ сновидца Беовульфа, даже крайняя лѣвая въ рейхстагѣ закричала громовое «ура», когда канцлеръ объявилъ о войнѣ съ Англіей послѣ ея нападенія на Гельголандъ.

Нѣсколько иначе рисуетъ намъ соціалистовъ скрывшійся подъ тремя звѣздочками авторъ «Народовъ Европы». Этотъ живописецъ будущаго рисуетъ намъ соціалъ-демократовъ «сохраняющими въ общемъ ледяное молчаніе»; въ рейхстагѣ Бебель, по утвержденію трехъ точекъ, отказывается отъ своего начальнаго утвержденія, что только «манія величія вовлекла Германію въ безсмысленную марокскую авантюру», такъ какъ слишкомъ ясно разоблачилась всеобщая ненависть Европы противъ германской имперіи, у которой, кромѣ союза съ Австріей, какъ оказалось, была лишь одна дружественная поддержка со стороны изслѣдователя морскихъ глубинъ и владыки горныхъ притоновъ въ Монако. Уже нелюбезность Италіи доказала цѣль марокской ловушки, которая должна была вполнѣ изолировать Германію, лишить ея индустрію необходимаго рынка, а самую страну при первой возможности вовлечь въ ужасную войну. И Бебель, по словамъ проницательнаго анонима, долженъ былъ ограничиться пустымъ и вмѣстѣ безспорнымъ положеніемъ, что «все капиталистическое общество несетъ вину за это кровавое и позорное дѣло». Вождь баварской соціалъ-демократіи, даже въ мечтахъ грядущаго, вызываетъ къ себѣ благосклонное отношеніе со стороны благонамѣренныхъ воякъ. По словамъ нашего автора, Фольмаръ заявляетъ отъ имени южногерманской соціалъ-делократіи, «что, къ сожалѣнію и въ видѣ исключенія, они должны стоять на сторонѣ нѣмецкаго правительства, такъ какъ пораженіе и обнищаніе германской имперіи неизбѣжно и тяжелѣе всего отразится на рабочихъ массахъ, объ участи которыхъ, въ случаѣ побѣды, воистину не станетъ заботиться ни французская буржуазія, ни англійская олигархія». Воинственныя три звѣздочки не могли обойтись, конечно, безъ того, чтобъ не напустить на измѣнника Фольмара «великаго инквизитора Меринга» съ отлученіемъ отъ с.-д. церкви. Однако, и у этого автора не только французскіе соціалисты послѣ немногихъ митинговъ протеста кричатъ «реваншъ» и «въ Берлинъ», но и нѣмецкіе соціалисты браво идутъ въ бой, такъ какъ не хотятъ, чтобы «иностранцы вырвали у нѣмецкаго народа хлѣбъ изъ зубовъ».

У господина Зеештерна, въ его «Гибели стараго міра» (кстати сказать, эта книжка выходитъ XX изданіемъ и достигаетъ 100.000 экземпляровъ) мы встрѣчаемъ высоко драматическую сцену: извѣстіе о нападеніи англичанъ приходитъ какъ разъ въ то время, когда въ германскомъ рейхстагѣ ненавистный бюргерамъ Штатгагенъ произноситъ одну изъ своихъ безконечныхъ рѣчей по поводу безобразій въ германской арміи. Съ безмѣрнымъ издѣвательствомъ влагаетъ воинственный авторъ въ уста извѣстному соціалъ-демократу рѣчь, въ которой «каждая пощечина, нанесенная отсталому рекруту на песчаномъ дворѣ», «каждый дружескій пинокъ подъ микитки» превращаются «въ неслыханное оскорбленіе порабощеннаго, безправ-

наго народа». «И все дальше и дальше», говоритъ авторъ, «плескались струи болтливой рѣчи, словно фонтанъ, который позабыли закрыть». Такъ описывается здѣсь «лохматый» народный трибунъ, который въ освѣщеніи автора «каркаетъ» слѣдующія слова: «если солдатъ такимъ образомъ преданъ безъ всякой защиты произволу своего начальства, если вопіющая къ небу несправедливость возводится въ принципъ, то въ такомъ случаѣ нечего и говорить о какомъ-либо воодушевленіи на военной службѣ, о которомъ въ торжественныхъ случаяхъ постоянно такъ много кричатъ. Исполненная чувствъ ненависти и ожесточенія, собранная на два года самаго грубаго и суроваго обращенія, армія вообще перестаетъ существовать, какъ оружіе. Войско, въ которомъ систематически убивается чувство чести, правда, можетъ быть загнано въ сраженіе, какъ лишенная воли масса, однако имъ нельзя уже руководить, его нельзя вести. И если бы сегодня началась война»... Тутъ Зеештернъ прерываетъ дерзостнаго Штатгагена и заставляетъ какъ разъ въ эту минуту рейхстагъ выслушать извѣстіе о началѣ военныхъ дѣйствій. И что же случилось? Штатгагенъ и всѣ его товарищи немедленно были посрамлены взрывомъ патріотическаго энтузіазма со стороны всей палаты, и даже предложеніе Бебеля передать инцидентъ на Самоанскихъ островахъ рѣшенію гаагскаго третейскаго суда и сказанная въ обоснованіе предложенія блестящая рѣчь не могли ничего сдѣлать противъ силы воинственнаго воодушевленія, которымъ были охвачены всѣ, «въ комъ только тлѣла хоть искра національнаго энтузіазма». Страшное возмущеніе противъ измѣнника Бебеля привело къ тому, что Бебель былъ лишенъ слова, и 310 голосами противъ единственно 48 оставшихся вѣрными Бебелю соціалъ-демократовъ было принято предложеніе реакціонера Кардорфа, которое выражало князю Бюлову «неограниченное» довѣріе страны. Такъ провалились жалкіе нѣмецкіе соціалисты подъ бурей патріотическихъ чувствъ нѣмецкаго народа. И съ восторгомъ вслѣдъ затѣмъ Зеештернъ рисуетъ читателю картину, какъ громадныя толпы вчерашнихъ соціалъ демократовъ покрыли собой улицы Берлина и въ громѣ патріотическихъ пѣснопѣній изливали свой истинно-германскій пылъ и восторгъ. Захлебываясь отъ монархическихъ предвкушеній, нашъ авторъ выводитъ, далѣе, короля на дворцовый балконъ и въ мистическомъ экстазѣ провидитъ картину новаго союза между королемъ и народомъ, при чемъ кровожадныя массы въ дикомъ упоеніи своей силы простираютъ къ императору руки, готовыя разить и убивать дерзкаго и вѣроломнаго врага.

Не лишнее упомянуть, что, не смотря на все патріотическое воодушевленіе, прорицатель, скрывшійся за тремя звѣздочками, считаетъ тѣмъ не менѣе своимъ долгомъ оставить гвардію дома «для внутренней службы безопасности», «такъ сказать, въ качествѣ политической полиціи»—недурная, «такъ сказать», подкладка для

патріотическихъ восторговъ во время будущей нѣмецко-европейской войны!

Такъ же обошлось дѣло и съ австрійской соціалъ-демократіей. По словамъ трехъ звѣздочекъ, «манифестація соціалистическихъ богемаковъ» (презрительное выраженіе для чеховъ) принесла «депутатамъ Адлеру, Пермерсторферу, Эльдершу, Эленбогену и ругателю Шумейеру» «пробитыя головы», а «волною христіанско-соціальныхъ (антисемитовъ) и народниковъ-всенѣмцевъ, они были положительно смыты; даже приверженцы Шенерера, Вольфа и крикуна Иро совмѣстно устроили овацію оберъ-бюргермейстеру Люэгеру», т. е., другими словами, всенѣмцы соединились во всеобщемъ одушевленіи вмѣстѣ съ антисемитами.

Наши авторы почти не упоминаютъ о французскихъ соціалистахъ: относительно этихъ послѣднихъ у нихъ нѣтъ никакихъ сомнѣній. Недаромъ въ качествѣ добрыхъ патріотовъ ихъ ставятъ всегда въ примѣръ нѣмецкимъ «парнямъ, лишеннымъ отечества». Протесты Гэда и Жорэса противъ войны совершенно поглощаются воинственнымъ азартомъ ихъ товарищей по партіи, и нѣмецкіе авторы даже на этомъ воображаемомъ примѣрѣ не упускаютъ случая прочесть подходящее наставленіе своимъ отечественнымъ космополитамъ. Криками: «la revanche, á Berlin» кончается протестъ противъ войны французовъ, и это должно подѣйствовать отрезвляющимъ образомъ на нѣмецкихъ «товарищей».

Гораздо хуже обстоитъ дѣло съ бельгійцами. Здѣсь, какъ повѣствуетъ богатый фантазіей Зеештернъ, дѣло доходитъ до очень серьезныхъ вещей. Когда нѣмцы вступили въ Бельгію, чтобы встрѣтить тамъ французскія войска, въ Шарлеруа они наткнулись на неожиданное сопротивленіе. Какъ оказалось, это дерзкіе соціалисты пожелали на дѣлѣ выказать свои симпатіи французской демократіи и оружіемъ защитить бельгійскій нейтралитетъ. Повторилась исторія французской Коммуны. Но роль усмиренія соціалистической «анархіи» здѣсь выпадаетъ на долю не французской буржуазіи, а нѣмецкихъ монархическихъ войскъ. Бунтари соціалисты, конечно, уже успѣли учинить въ Шарлеруа «красную республику», смѣстили городской магистратъ и собрали вокругъ себя горнорабочихъ изъ ближайшихъ округовъ. Эти красные варвары, само собою разумѣется, «подожгли въ городѣ общественныя постройки, разыграли дикія сцены грабежа въ бюргерскихъ домахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ убійства, пожары и неслыханныя звѣрства обозначили собой начало краснаго террора». Добродѣтельныя нѣмецкія войска не могли выдержать такого зрѣлища соціалистическихъ пороковъ и рѣшили усмирить это красное гнѣздо. Три полка съ артиллеріей получили задачу «сломить сопротивленіе рѣшившихся на всѣ крайности соціалистическихъ террористовъ». Задача оказалась не изъ легкихъ. Благороднымъ усмирителямъ пришлось сражаться «среди горящихъ улицъ со всяческой

чернью и доведеннымъ до слѣпого фанатизма гражданскимъ населеніемъ. Только съ трудомъ удавалось брать одну за другой баррикады, которыя были построены изъ развалинъ домовъ; артиллерія не оказывала замѣтнаго дѣйствія на валы въ нѣсколько метровъ шириной, а на мѣсто тѣхъ сотенъ, которыя падали подъ огнемъ нѣмецкихъ шрапнелей, выступали все новые и новые бойцы». Сильнѣйшія баррикады были «частью снаряжены изъ бумажныхъ блоковъ въ метръ высотой, которые употребляются для газетныхъ ратаціонныхъ машинъ, и этотъ упругій, эластичный матеріалъ не поддавался даже гранатному огню»... Только послѣ многихъ дней, когда саперы подвели правильные минные ходы къ баррикадамъ, эти позиціи были взяты. Но и дальнѣйшій бой стоилъ нѣмцамъ громадныхъ жертвъ, такъ какъ подъ ними взрывались громадныя подземныя мины, и нѣмцы цѣлыми отрядами взлетали на воздухъ. Тутъ, однако, усмирителямъ помогло одно характерно обстоятельство: «между соціалистическими вождями возникли раздоры, въ послѣдніе дни борьбы оружіе бунтовщиковъ обратилось другъ противъ друга... и кровавая оргія Шарлеруа потухла только тогда, когда бѣшенство черни охладилось въ ея собственной крови». И къ этой кровавой фантазіи Зеештернъ прибавляетъ слѣдующее нравоучительное заключеніе: «эти событія не остались безъ вліянія на соціалистическую партію въ Германіи, такъ какъ на этомъ примѣрѣ можно было убѣдиться, какія жертвы приходится вести на бойню, разъ только отворяется клѣтка для бестіи!»

Усмиреніе соціалистовъ въ Шарлеруа является только однимъ эпизодомъ въ великой войнѣ будущаго. Эта война не только необходима для «шестидесяти-двухъ милліоновъ нѣмцевъ, которые не могутъ дольше пропитаться безъ жирнаго куска на солнцѣ», но она имѣетъ и другую, болѣе высокую цѣль: она должна повести къ укрѣпленію монархическихъ и консервативныхъ элементовъ Европы за счетъ фривольной демократіи, которая олицетворяется въ соціалистически-радикальной Франціи. И подъ сѣнью германскаго орла въ изображеніи нашихъ авторовъ протягиваютъ другъ другу руки съ одной стороны падишахъ и владыка правовѣрныхъ, а съ другой—монархическіе фламандскіе элементы промышленной Бельгіи; подъ этой сѣнью объединяются въ сознаніи солидарности своихъ интересовъ консервативные круги Швейцаріи и благомыслящіе элементы Голландіи, а въ Италіи кратковременное увлеченіе республиканской Франціей скоро смѣняется торжествомъ «реальной политики» солидной буржуазіи, которая видитъ въ Германіи опору тишины, спокойствія и порядка. Въ Австріи происходитъ то же самое. И здѣсь, не смотря на союзъ съ Германіей, пробуютъ въ началѣ поднять голову разнузданные славянскіе элементы и демократическіе мадьяры. Но и тутъ побѣждаетъ, въ концѣ концовъ, монархическая преданность престарѣлому суверену, и Австрія ведетъ свои войска противъ республиканской гидры.

Въ этомъ концертѣ отсутствуетъ только раздираемая внутренними «происшествіями» архимонархическая Россія. Увы! въ послѣднее время сильно пошатнулся престижъ этой опоры европейскаго порядка, и русскій международный жандармъ временно находится въ отпуску для учиненія внутреннихъ погромовъ.

III.

Какъ надо воевать.

Нечего и говорить, что въ литературѣ будущей войны на счетъ ея способовъ господствуютъ самоновѣйшія теоріи. И, прежде всего, сама война привѣтствуется, какъ средство для возвращенія человѣчества къ его прежнимъ, теперь уже забытымъ доблестямъ.

Въ книжкѣ англійскаго офицера цѣлыя страницы посвящены упадку современнаго человѣчества, а въ частности англійскаго общества. Съ грустью замѣчаетъ этотъ офицеръ паденіе чувства «самоотверженія ради отечества». «Религіозность падаетъ». Повсюду водворяется «распущенность и жажда наслажденій». Браки англійскихъ лордовъ съ богатыми американками приводятъ къ исчезновенію «стараго англійскаго духа, простой вѣры въ благородную идеальность». Мало того, въ Англіи появляются даже «соціалистическіе безпочвенные эксперименты». Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ «сила еврейскаго капиталистическаго элемента». Какъ спасти былую славу и добродѣтели? Конечно, не соціализмомъ: «за 4000 лѣтъ тому назадъ жилъ китайскій императоръ, который ровно 30 лѣтъ вводилъ соціализмъ. И что-же? Ему отрубили голову, и съ тѣхъ поръ китайцы сдѣлались ярко выраженными индивидуалистами». А посему не соціализмъ спасетъ Англію, а всеобщая воинская повинность...

И нѣмецкій авторъ не только подхватываетъ эти на рѣдкость умныя мысли, но и развиваетъ ихъ въ цѣлый гимнъ въ пользу войны. Прежде всего, война водворяетъ истинное равенство. «Профессора и богатые купцы, молодые и старики всѣхъ призваній, всѣ они призываются въ ополченіе», разъ только «сыны народа тамъ, по ту сторону границы, ведутъ къ побѣдѣ въ тяжкихъ бояхъ судьбу имперіи». Дѣло, конечно, не обходится «безъ ропота». Но вскорѣ «всѣ съ отраднымъ рвеніемъ подчиняются долгу, который возлагаетъ на нихъ отечество, какъ на своихъ гражданъ».

Правда, война ужасна, но разнуздывая «самыя дикія страсти», она, вмѣстѣ съ тѣмъ, научаетъ высшей гуманности. Юноша выростаетъ сразу «въ мужа», воины себя чувствуютъ, «какъ человѣкъ къ человѣку», только «различными по народному воспріятію и по цвѣтамъ мундира». «Да, замѣчаетъ сентиментально чело-

вѣколюбивый авторъ, пуля—она дурочка, этотъ маленькій кусочекъ металла. она не знаетъ, откуда она приходитъ и куда идетъ, и какой посѣвъ слезъ восходитъ на той почвѣ, на которой обливаются кровью ея жертвы». И чтобы еще больше дать почувствовать всю гуманитарность войны, нашъ авторъ рисуетъ другую, не менѣе трогательную картину. Вотъ мать узнаетъ о томъ, что ея дитятко стало уже сиротою... тогда обвиваетъ малютка рукой плачущую мать и спрашиваетъ: «Развѣ отецъ никогда больше не вернется?»—Никогда, никогда! О, какой рокъ лежитъ въ этомъ словѣ?—никогда больше. Сколько цвѣтущихъ жизней раздавила эта ужасная кровавая война».

И тѣмъ не менѣе война подымаетъ человѣка «до солнца» и «пробуждаетъ въ немъ высшій цвѣтъ мужественности, а именно—товарищество». «Всѣ сыны народнаго войска, повинуясь приказу молодыхъ офицеровъ, чувствуютъ, какъ эти послѣдніе въ нѣсколько недѣль превратились изъ юношей въ мужей и стали едино съ народомъ въ оружіи. Съ тѣмъ народомъ, надъ которымъ ихъ поставило слово командира... И теперь, когда надъ ними рѣшаетъ все одинъ и тотъ же рокъ... они чувствуютъ себя только какъ человѣкъ къ человѣку»... Прекрасные примѣры «нѣмецкой солдатской вѣрности, товарищества и великодушной мягкости къ побѣжденному врагу» пробуждаются при громѣ войны, при чемъ она же помогаетъ произвести и необходимую чистку. И тотъ, «кто падаетъ пораженный пулей на песчаномъ холмѣ» отъ руки товарищей, тотъ—утѣшаетъ насъ авторъ—все равно и дома попалъ бы въ руки прокурора!

Война воспитываетъ, война возвышаетъ. Таково мнѣніе всѣхъ нашихъ военно-буржуазныхъ поэтовъ, которые съ наслажденіемъ наполняютъ сотни страницъ картинами отвратительной кровожадности, исполненной какого-то патологическаго сладострастія. Словно въ замѣну гладіаторскихъ боевъ древняго міра и дозволеннаго, увы! только въ одной Испаніи боя быковъ, наши фантасты заставляютъ своего читателя смаковать тонкости истребленія людей и вызываютъ въ своемъ воображеніи арену гладіаторскаго цирка, объемлющаго весь міръ. Война воспитываетъ! Въ этомъ мы нисколько не сомнѣваемся. Особенно та война, которую рисуютъ наши энтузіасты; война, въ которой по самоновѣйшимъ теоріямъ уже не полагается никакихъ сдержекъ, никакихъ стѣсненій, никакихъ правилъ заснувшаго мертвымъ сномъ международнаго права.

Однимъ изъ первыхъ упраздняютъ наши мечтатели старое понятіе нейтралитета. По ихъ теоріи нейтральнымъ можетъ быть только тотъ, кто можетъ самъ себя защищать сразу отъ двухъ-трехъ и болѣе противниковъ. Для того, чтобы въ этомъ смыслѣ быть нейтральнымъ, надо имѣть добрый милліонъ войска съ великолѣпными крѣпостями и вооруженіемъ, иначе нейтралитетъ не

принимается во вниманіе. Что же касается воюющихъ сторонъ, то онѣ должны руководиться исключительно соображеніями своей тактики и стратегіи, и, разъ только это представляется для нихъ выгоднымъ, онѣ или нарушаютъ нейтралитетъ безъ всякихъ разговоровъ, или же, подъ угрозой военныхъ дѣйствій, принуждаютъ нейтральное государство принять активное участіе въ разгорѣвшейся между сосѣдями войнѣ. И «война будущаго» развивается въ фантазіи ея авторовъ столь же великолѣпно на бельгійской и голландской территоріи, какъ на датской или швейцарской. А въ награду за военные подвиги эти государства въ лучшемъ случаѣ сохраняютъ status quo или получаютъ кое-какія еще непроглоченныя сосѣдями заморскія колоніи.

Такое пренебреженіе къ правамъ слабыхъ народностей нейтральныхъ государствъ, несомнѣнно, должно въ представленіи нашихъ авторовъ оказывать особенное вліяніе на воспитаніе нынѣшняго культурнаго человѣка.

Другая черточка въ «войнѣ будущаго» не менѣе интересна. Это—беззастѣнчивое пользованіе всякими варварскими элементами среди населенія враждебныхъ государствъ. Съ особеннымъ восторгомъ живописуются здѣсь тѣ гнусные происки изъ-за угла, которые должны поднять въ колоніяхъ черно-красно-и-желто-кожихъ противъ конкуррирующихъ европейцевъ. Съ какимъ-то положительно захлебываніемъ разсказываютъ намъ воинственные авторы о томъ, какъ англичане подымаютъ кафровъ противъ нѣмцевъ, нѣмцы—бушменовъ противъ англичанъ, американцы науськиваютъ малайцевъ противъ нѣмцемъ, англичане — яванцевъ противъ голландцевъ, нѣмцы—арабовъ противъ французовъ, и тому подобное, вплоть до натравливанія японцами китайцевъ на всѣхъ европейцевъ, а нѣмцами всѣхъ исламитовъ на христіанъ. Война будущаго, такимъ образомъ, опирается не столько на силу оружія, сколько на ловкость интриги и подвоха, а въ качествѣ союзниковъ всѣхъ этихъ «мужей», преисполненныхъ вѣрности и благородства, выступаютъ черномазые людоѣды, желтыя полуобезьяны и всяческіе иные раскрашенные въ самые пестрые цвѣта сдиратели скальповъ, охотники за черепами и т. п. фигуры, которыя менѣе всего признаются образцами современной цивилизаціи.

Третья особенность грядущей войны обязана своимъ происхожденіемъ пресловутому опыту русскихъ вспомогательныхъ крейсеровъ во время манчжурской эпопеи. Это — теорія каперской войны, которая въ свое время встрѣтила такое ожесточенное сопротивленіе среди торговыхъ европейскихъ державъ, теперь-же воскресла вновь въ недосягаемомъ великолѣпіи. Захватъ, разстрѣлъ и потопленіе беззащитныхъ купеческихъ судовъ даютъ нашимъ авторамъ воистину драматическія картинки, полныя ухарства и удальства. Отъ нихъ вѣетъ прямо калабрійскими горами и албанскими тѣснинами. Въ одинъ моментъ передъ вами идутъ ко дну милліоны чужого

имущества, принадлежащаго частнымъ лицамъ, вмѣстѣ съ гигантскими скороходами современнаго пароходства, а ни въ чемъ неповинные пассажиры подвергаются каждую минуту опасности разстрѣла со стороны гоняющагося за ними врага. Адмиралъ Рождественскій со своими гульскими селедками и наша Владивостокская эскадра положительно сдѣлали моду. Для энтузіастовъ войны теперь нѣтъ уже ни малѣйшаго вопроса о томъ, что дѣлать съ захваченнымъ на морѣ частнымъ пароходомъ, если нѣтъ возможности увести его съ собой: «потопить его!» И къ такому пиратскому пріему съ восторгомъ прибѣгаютъ изобразители будущей англо-германской войны, безъ малѣйшаго стѣсненія погребая въ пучинѣ столь ненавистную имъ морскую торговлю Англіи вмѣстѣ со всѣмъ ея богатствомъ. Недурные аппетиты выясняются въ созданіяхъ этого военно-купеческаго творчества.

Что же и говорить о пощадѣ частнаго имущества на сушѣ, о неприкосновенности беззащитныхъ городовъ, объ охранѣ всевозможныхъ памятниковъ тысячелѣтней европейской культуры? Нынѣшній буржуа ничего этого не признаетъ. Для мѣднолобаго аршинника въ шикарномъ редингогѣ культура только тамъ, гдѣ деньга, а послѣдняя катится хорошо лишь по дорожкамъ, пробитымъ штыками. И сообразно этому авторы воинственныхъ книжекъ спокойно присуждаютъ къ разстрѣлянію и Реймскій соборъ, и мирный Копенгагенъ, и бѣдный Парижъ, и привѣтливый Брюссель. Все завѣсить кровавой пеленой, все закрыть удушающимъ дымомъ пожаровъ, все разстрѣлять на чисто, чтобъ впредь не повадно было; всѣ поля, луга, дороги покрыть липкой и гніющей грязью—вотъ что называется настоящей реальной политикой, безъ сентиментальности и ложнаго идеализма, проповѣдуемхъ различными «мирниками» или «фридлерами», какъ ихъ презрительно называетъ одинъ изъ цитируемыхъ мною откровенныхъ авторовъ. Чисто работалъ Мольтке и Бисмаркъ въ 1870 г., еще прекраснѣе должна быть работа въ XX вѣкѣ, когда взамѣну игольчатымъ ружьямъ запѣли малокалиберныя скорострѣлки, мѣсто старыхъ пушекъ заступили новыя чудовища, а пулеметы и мозеры обезпечили желѣзный дождь съ боку и чугунныя изверженія кверху.

Современное капиталистическое общество далеко не такъ просто и односложно, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. И наши кровавые романы симптоматически указываютъ на тѣсную связь между ростомъ капитализма и одичаніемъ общества, между развитіемъ торговой конкурренціи и военнымъ соперничествомъ грандіозныхъ боевыхъ единицъ. Простая проповѣдь антимилитаризма—дѣло въ значительной степени потерянное, и бѣдные флидлеры во многомъ похожи на ребенка, желающаго волшебнымъ словомъ остановить несущійся на него паровозъ. Недаромъ почтенный воинъ, маіоръ Брахгаузенъ, прибѣгаетъ за помощью для обоснованія грядущей войны, уже не къ династическимъ разсчетамъ, и не къ рыцарскимъ

фразамъ; нѣтъ, онъ разсуждаетъ какъ купецъ, который познаиъ суть «исторической необходимости». «Соперничество двухъ народовъ», изрекаетъ Брухгаузенъ по поводу предсказываемой имъ англо-германской войны, «совершается по другимъ правиламъ, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ въ культурномъ государствѣ для двухъ соперничающихъ сторонъ въ борьбѣ если не за существованіе, то за благосостояніе. Англія есть торговое государство, она вмѣстѣ съ тѣмъ есть островное государство, безопасность котораго цѣликомъ и вполнѣ зависитъ отъ безусловнаго владычества на морѣ. Развѣ можетъ подобное государство отнестись спокойно къ тому, что міровая торговля съ году на годъ, если и не уходитъ изъ его рукъ, то тѣмъ не менѣе самымъ чувствительнымъ образомъ урѣзывается все больше и больше. Развѣ такое государство не обязано самымъ рѣшительнымъ образомъ заботиться о благополучіи своихъ гражданъ хотя бы даже при помощи насильственныхъ средствъ: война по Кляузевицу есть вѣдь только продолженіе политики при помощи подобныхъ средствъ».

Вотъ истинное разсужденіе современнаго воина, такъ тѣсно связаннаго съ прилавкомъ купца, съ машинами промышленника. И немудрено, что купецъ внесъ въ старое рыцарское ремесло свои пріемы, снабдилъ его своей техникой, далъ ему массовой размахъ и колоссальные размѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ вдохнулъ въ него духъ безчестнаго и жаднаго, безжалостнаго и вѣроломнаго торгашества. Нынѣшнія арміи это лишь насильственный аппаратъ для политики самодержавнаго европейскаго капитала. Это Шейлокъ, одѣтый въ латы короля.

Признаться, мнѣ жалко въ эпоху расцвѣта русскаго политическаго идеализма преподносить русскому читателю такой неблагоуханный букетъ буржуазно-европейскихъ грезъ и вожделѣній. Словно, блуждая по чудному европейскому парку, мы внезапно открыли люкъ отъ громадной клоаки и съ отвращеніемъ убѣдились въ томъ, что въ этомъ паркѣ имѣются цѣлыя моря черной грязи, издающей удушливые и ядовитые газы. Но думаю, знать объ этой клоакѣ особенно не мѣшаетъ тогда, когда, съ одной стороны, носятся вѣсти о Шенбрунскихъ соглашеніяхъ, а съ другой—первая депутація перваго русскаго парламента отправилась въ Лондонъ на конференцію мира.

Пусть народные представители европейскихъ странъ попробуютъ сдѣлать брешь въ желѣзной твердынѣ европейской властвующей буржуазіи, но пусть они не забываютъ, что, доколѣ міръ всемірной конкурренціи напоминаетъ собой борьбу разъяренныхъ чудовищъ допотопнаго міра, до тѣхъ поръ закономъ человѣчества будетъ не миръ, а война.

М. Рейснеръ-Реусъ.

Въ Государственной Думѣ.

Замѣтки, очерки, наблюденія.

Годъ назадъ, когда министръ Булыгинъ благолѣпно и медлительно лѣпилъ свой проектъ созыва земскаго собора свѣдущихъ людей—парламента то-жъ, въ одной изъ петербургскихъ газетъ я прочелъ слѣдующее сообщеніе: «По слухамъ,—приблизительно говорилось въ немъ—на зимній сезонъ въ Петербургѣ снимается много квартиръ провинціалами въ ожиданіи Думы и пріѣзда въ столицу дворянъ и богатыхъ людей,—маменьки думаютъ вывозить дочерей на предстоящій, несомнѣнно оживленный, зимній сезонъ». Помню, тогда это сообщеніе не удивило меня. Предстояло большое дворянское собраніе, съ присоединеніемъ просто богатыхъ людей, и, какъ испоконъ вѣковъ на губернскія дворянскія собранія, поднимались изъ помѣщичьихъ усадебъ маменьки и барышни. Къ сожалѣнію, булыгинскій проектъ не прошелъ въ смыслѣ парламента съ женихами,—дворянами и богатыми людьми, а октябрьскія событія и 17-е октября окончательно ликвидировали всякіе матримоніальные замыслы.

Именно это сообщеніе по какой-то нелѣпой ассоціаціи идей вспоминалось мнѣ, когда я въ первый разъ входилъ въ Государственную Думу.

Это изумительное зданіе Таврическаго дворца, гдѣ нельзя жить, и которое устроено для пышныхъ баловъ, для забытыхъ баловъ давнихъ, пышныхъ, забытыхъ временъ,—съ дворянскими колоннами, съ кулуарами, такъ приспособленными для мазурки monstre, съ удивительной мебелью временъ Очакова и покоренія Крыма, Версаля и Тріанона, съ жениховскимъ бѣлымъ заломъ, такъ приспособленнымъ для свадебнаго пира,—этотъ удивительный дворецъ такъ не гармонируетъ съ тѣми пятью стами русскими людьми, которые пришли сюда. Жениховъ тамъ не оказалось. Я не говорю о лѣвыхъ, о трудовикахъ,—не женихи они. Я всматривался въ лица конституціоналистовъ-демократовъ, естественныхъ жениховъ настоящей Государственной Думы—все сѣрые, сумрачные люди, и такъ рѣдко можно было встрѣтить въ толпѣ не омраченное раздумьемъ жениховское румяное лицо, и то выраженіе гордости, торжества и веселья, которое звучало тогда въ ихъ печати, говорило правымъ и лѣвымъ: что взяли?—вотъ они—мы!.. Печать чего-то *большого*, что я не умѣю выразить,—тоски, ожиданія заботы, трудности лежала на лицахъ. И не было бала въ бѣломъ залѣ и даже, когда зажигались люстры и бѣлый залъ принималъ такой торжественный видъ и тѣнь Потемкина вставала

за колоннами предсѣдательской трибуны,—это трудное, напряженно ожидающее, тревожно-безпокойное настроеніе чувствовалось въ залѣ. И чѣмъ больше бывалъ я въ Таврическомъ дворцѣ, тѣмъ больше ощущались тамъ тревога, тоска, тяжелое ожиданіе...

Такъ живо чувствовалось это, такъ понятно было. Когда они шли,—эти люди изъ своихъ мѣстъ, изъ глубины Россіи,—ихъ провожали криками: «Земли и воли!» «Мира и правды!..» И не померкъ еще за ними кровавый отблескъ зловѣщаго зарева войны и страшный призракъ надвигающагося голода вставалъ предъ ними... И когда они пришли сюда, къ воротамъ этого Таврическаго дворца, ихъ встрѣтила толпа,—о! не веселыя были тамъ лица!—и толпа кричала только одно слово: «Амнистія! Амнистія!» Весь тотъ ужасъ, все то темное и страшное, что дѣлалось въ Россіи послѣдніе полгода,—удивительно,—именно съ 17-го октября!—вошло вмѣстѣ съ ними въ бальный залъ Таврическаго дворца и темнымъ флеромъ окутало бѣлыя колонны, страшнымъ и жуткимъ наполнило парадный бѣлый залъ. Первое слово въ этомъ залѣ было: амнистія. И не нашлось тамъ охочихъ людей пировать съ охочими людьми изъ государственнаго совѣта въ городской думѣ, на устроенномъ городомъ Петербургомъ пиршествѣ.

Часто вспоминалось мнѣ французское національное собраніе. Превосходно сшитые сюртуки, превосходно сшитыя, точеныя рѣчи, строго географически распредѣленные по залу апплодисменты и шиканье, какая-то особенная парадность въ лицахъ, жестахъ, костюмахъ, рѣчахъ. Чувствовалось дыханье огромнаго общественнаго дѣла, чувствовалась собранная въ залѣ страна, но внутренней торжественности, напряженной тревоги не чувствовалось,—тогда, когда я былъ. Говорилъ ораторъ. Ему бросали въ срединѣ рѣчи съ лѣвой или правой или съ центра замѣчанія ядовито-насмѣшливыя, злобно-протестующія, но всегда по-французски блестящія, яркія и отточенныя. Ихъ подхватывалъ ораторъ и бросалъ въ толпу отвѣтныя реплики, такія же насмѣшливыя или коротко ядовитыя, парирующія, какъ ударъ шпаги, и снова продолжались рѣчи, бросались замѣчанія и реплики. Получалось впечатлѣніе блестящаго турнира и спеціально французской «causerie». И такъ часто слово: «rire» прерываетъ печатные отчеты засѣданій національнаго собранія.

Рѣдко смѣхъ звучитъ въ русскомъ парламентѣ. Тамъ говорятся иногда длиннѣйшія и скучнѣйшія, никому не нужныя рѣчи,—говорятся нерѣдко только за тѣмъ, чтобы тамъ, на мѣстахъ знали, что ихъ депутатъ «говоритъ», но такъ мало «causerie» въ этомъ собраніи обремененныхъ людей. Русскій парламентъ удивительное зрѣлище, и, я полагаю, ни въ одномъ другомъ парламентѣ, до Австріи и Соединенныхъ Штатовъ включительно, нѣтъ ничего подобнаго, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны. Лица, рѣчи, акцентъ, мимика, манеры, жесты, костюмы,—все удивительно разномастное,

разнохарактерное, рѣзко индивидуальное, отмежеванное. Католическій епископъ баронъ Роопъ, въ недалекомъ сосѣдствѣ русскіе священники и совсѣмъ недалеко белебеевскій мулла. Поляки, польскіе евреи съ польскимъ акцентомъ русской рѣчи, прибалтійскіе люди, яркія по мимикѣ лица кавказскихъ депутатовъ и рѣзко выпуклыя лица татаръ, башкиръ, киргизовъ. Стройная фигура длинноногаго украинца въ свиткѣ, подпоясанной зеленымъ кушакомъ, совершенно опереточный костюмъ лиловаго литовца и взывающій къ глубокой древности, ко временамъ войнъ съ крестоносцами, костюмъ польскаго крестьянина. Эта яркая пестрая разноцвѣтная толпа такъ опредѣляетъ россійское государство, такъ ярко и необыкновенно индивидуально опредѣляетъ физіономію русскаго парламента. Такого парламента не было и нѣтъ ни въ одной странѣ, и уже это одно предопредѣляетъ необходимость, неизбѣжность огромной творческой работы по устройству будущаго русскаго государственнаго зданія.

Когда я смотрю на пустыя, незанятыя кресла въ бѣломъ залѣ, они наполняются въ моемъ воображеніи людьми, которые еще не пришли,—людьми изъ средней Азіи, людьми изъ Сибири, сартами и туркменами, бурятами и якутами, и предо мной встаетъ во всей сложности, во всемъ величіи та исключительная, творческая, глубоко человѣчная, чреватая огромнымъ будущимъ, работа будущаго русскаго парламента. И если великая русская революція и созданная ею несовершенная, незаконченная Государственная Дума успѣла поставить предъ западно-европейскимъ міромъ новыя задачи и проявить индивидуальное творчество,—то та совершенная, законченная, во весь ростъ революціи, Государственная Дума будущаго—самой постановкой вопросовъ, еще не ставившихся въ качествѣ очередной практической задачи старшими братьями, вольетъ въ сокровищницу человѣческой мысли и вѣчно творящаго мірового государство-строительства широкую волну новыхъ словъ, новыхъ творческихъ идей, чувствъ и мыслей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эта разноплеменная разномастная толпа производила удивительное впечатлѣніе однотонности, связанности, цѣльности. Таковы были первыя впечатлѣнія. Та разслойка трудовиковъ и партіи народной свободы, соціалъ-демократовъ и націоналистовъ не чувствовалась вначалѣ, не было той французской строгой территоріальности апплодисментовъ и шиканья, такъ часто по всему залу разливались бурные апплодисменты, такъ часто негодующіе крики обнимали весь залъ, такъ часто единогласныя или почти единогласныя рѣшенія выносила Дума. Чувствовалось, что у всѣхъ этихъ разноплеменныхъ, такъ территоріально и національно далекихъ другъ отъ друга людей, есть общесвязующій цементъ, есть общій врагъ, котораго всѣ жаждутъ побѣдить, есть общій новый другъ, котораго они ждутъ, которому бурно апплодируютъ.

Поразила меня демократичность русскаго парламента. Я опять

таки не говорю о лѣвыхъ, о трудовикахъ, о «мужикахъ». Товарищъ предсѣдателя, профессоръ Гредескулъ, входитъ на эстраду въ сѣренькомъ пиджачкѣ, который такъ гармонируетъ съ его не торжественной и невеликолѣпной фигурой и такъ не гармонируетъ съ бѣлымъ заломъ, люстрами и колоннами свѣтлѣйшаго князя Таврическаго. Въ такомъ же пиджачкѣ, такой же сѣрый, не жениховскаго вида, входитъ Герценштейнъ. Одинъ за другимъ поднимаются на каѳедру люди партіи народной свободы, трудовики, профессора, бывшіе земцы, дворяне, люди третьяго элемента, крестьяне, въ провинціальныхъ сюртукахъ, въ некорректныхъ пиджакахъ, въ поддевкахъ и свиткахъ, и такъ чувствуется, что они пришли сюда не на парадъ и не на балъ, пришли на тяжелую, трудную работу, на дѣло устроенія русской земли.

Не смотря на эту непарадность и будничность костюмовъ, огромная внутренняя торжественность чувствуется въ бѣломъ залѣ. Тяжеловѣсно, нѣсколько неуклюже, и серьезно идетъ работа въ русскомъ парламентѣ. За рѣдкими исключеніями, говорятся тамъ рѣчи нужныя и трудныя и такъ демократичны онѣ, такъ сильны и торжественны той внутренней тревогой, тѣмъ высокимъ негодованіемъ, тѣмъ сознаніемъ страшно труднаго, колоссально отвѣтственнаго дѣла...

Мало попытокъ къ остроумію, рѣдки хорошо сшитыя, точеныя рѣчи, мало красивыхъ блестящихъ фразъ, имѣющихъ претензію перейти въ учебники и хрестоматіи, рѣдки обращенія къ пирамидамъ. Страшные факты дѣйствительности, страстная жажда освобожденія и новыхъ формъ жизни, гнѣвъ и негодованіе—таково краснорѣчіе русскаго парламента, и въ этомъ его внутренняя торжественность.

Идутъ разные люди на ораторское мѣсто. Для однихъ оно—каѳедра, для другихъ—трибуна, для немногихъ—эстрада и для многихъ—каѳедра въ другомъ смыслѣ слова,—«алтарь отечества». Въ болшей или меньшей мѣрѣ на высокое мѣсто поднимается высокое настроеніе русской жизни...

II.

«Сезамъ, отворись!» говорятъ всѣ они. Входятъ на каѳедру лидеры: «центральные» люди партіи народной свободы. Только они еще женихи и пьяны той побѣдой, которую только что одержали надъ суженой-ряженой, у нихъ однихъ есть французское, корректно-парламентское,—точеныя фразы, хорошо сшитыя рѣчи. Съ высоты ста шестидесяти мандатовъ Петербурга и Москвы, съ высоты вершинъ знанія, воспитанные въ хорошихъ домахъ, западно-европейскаго парламентаризма, и они говорили превосходныя и справедливыя рѣчи о томъ, что и какъ дѣлается въ хорошихъ

домахъ, и какъ изъ Россіи сдѣлать хорошій домъ. Они обращались и къ правымъ, и къ лѣвымъ, и ко всему бѣлому залу, и просили вѣрить, что у нихъ все правильно налажено, что они знаютъ, какъ отворить дверь, и голоса ихъ неслись изъ бѣлаго зала къ тѣмъ, у кого ключи отъ двери, и строго и торжественно говорили: «Сезамъ, отворись!» Они все убѣждали бѣлый залъ, что старые, угрюмые, ржавые замки отвалятся, и темно чугунная дверь откроется, если бѣлый залъ будетъ единодушно вмѣстѣ съ ними также строго-торжественно и корректно говорить: «Сезамъ, отворись!»

Они устанавливаютъ хорошій тонъ въ Таврическомъ дворцѣ и учатъ, какъ вставать, гдѣ сидѣть, учатъ хорошимъ манерамъ, корректнымъ шагамъ. И высоко надъ собой воздвигли монументъ, строгій, торжественный и великолѣпный. Сорокъ вѣковъ и сорокъ тысячъ пирамидъ, и сфинксы, и наполеоны, и богдыханы, и прочіе, важные персонажи неотступно смотрятъ на новый монументъ. И монументъ понимаетъ и также неотступно смотритъ въ глубь прошлаго и въ пучину будущаго и, когда строгій торжественный тонъ бѣлаго зала нарушается и портится стиль, монументъ встаетъ и говоритъ:

— Такъ нельзя! Такъ нельзя говорить, такъ нельзя апплодировать.

На этомъ, на лидерахъ партіи и ихъ монументѣ, и оканчивается великолѣпіе русскаго парламента. Входятъ на трибуну периферическіе, не центральные люди партіи народной свободы: предсѣдатели земскихъ управъ, старые земцы и городскіе гласные, профессора, врачи, общественные дѣятели всѣхъ ранговъ. Я ихъ знаю или лично, или по слухамъ, и когда входитъ на кафедру неуклюжій, тяжеловѣсный сюртукъ или пиджакъ, я вспоминаю ту своеобразную одиссею, которую продѣлывали долгіе годы эти мореплаватели русской жизни, хитроумные одиссеи. Я вспоминаю исторію каждаго изъ нихъ, ихъ долгую городскую, земскую и вообще общественную жизнь, состоявшую, главнымъ образомъ, изъ аварій и кораблекрушеній, изъ Сцилъ и Харибдъ, изъ подводныхъ скалъ и нападеній пиратовъ, эту удивительную русскую жизнь, гдѣ только спеціально выработанное хитроуміе русскихъ одиссеевъ помогало имъ «черезъ пень колоду» протаскивать утлое суденышко дорогого имъ культурнаго и общественнаго дѣла. Не краснорѣчивы они. Съ огромнымъ опытомъ русской жизни, съ выработанной дѣловитостью, цѣпляясь за строго-провѣренные факты, поднимаются они къ общимъ идеямъ, и говорятъ они слова не яркія, не пирамидныя, но неотразимыя неотразимостью русскихъ фактовъ, горькія горечью русской дѣйствительности. Они вносятъ поправки, дѣлаютъ сообщенія по отдѣльнымъ вопросамъ. И карманы ихъ полны петиціями, просьбами, ходатайствами и запросами изъ мѣстъ, откуда они пришли, о томъ непереносномъ ужасѣ, который происхо-

дитъ на мѣстахъ, не смотря на великолѣпный бѣлый залъ, на блестящихъ ораторовъ Думы, не смотря на воздвигнутый монументъ, откуда съ высокаго мѣста несутся, «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ», увѣренія, что Дума есть правительство.

Когда они входятъ на каѳедру, эти великіе знатоки русской жизни, мнѣ все кажется, что вотъ-вотъ они разскажутъ свою долгую трудную жизнь, борьбу за дорогое имъ общественное культурное дѣло, борьбу, не знавшую побѣдъ, а только одни пораженія. Разскажутъ, какъ долго ждали, какъ неустанно терпѣли они, какъ измывались надъ ними губернаторы и всякая администрація, какъ налетали на ихъ мирную, тихую работу лихіе наѣздники Зиновьевы, Штюрмеры и другіе славные сподвижники Сипягина и Плеве, какъ не утверждали въ должности, отдавали подъ судъ, а иногда и сажали въ тюрьмы и ссылали только за то, что они сумѣли оставаться честными и порядочными людьми во времена Плеве и Сипягина, за то, что они дѣлали хорошее культурное дѣло, что любили свою общественную службу,—преслѣдовали ихъ,—мирныхъ и смирныхъ, всегда ждавшихъ и терпѣвшихъ. Я все ждалъ, что они разскажутъ, какъ много они пережили, какъ они за эту долгую борьбу изжили себя и пришли сюда, обремененные неудобоносимымъ бременемъ прошлаго, скептическіе и невѣрующіе. Разскажутъ, что они устали жить и извѣрились въ жизнь, что ихъ душа полна негодованіемъ, и что они всѣмъ сердцемъ жаждутъ новаго будущаго Россіи, но что они не могутъ освободиться отъ старыхъ методовъ борьбы, отъ изученія вѣтровъ, отъ тѣхъ осторожныхъ, оглядывающихся шаговъ, что у нихъ, у людей старой жизни, нѣтъ новыхъ методовъ для новой борьбы, что они безсильны, не вооружены добыть это новое будущее.

Они не говорятъ этого; вмѣстѣ съ лидерами они выговариваютъ: «Сезамъ, отворись!» и дѣлаютъ видъ людей, намѣревающихся «въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ разрушить существующій строй».

III.

Часто поднимается на трибуну гр. Гейденъ, быть можетъ, самая экзотическая фигура русскаго парламента. Среневѣковый нидерландскій государственный мужъ, только по ошибкѣ времени одѣтый петербургскимъ портнымъ въ обычный нивеллированный костюмъ,—этотъ одинъ изъ немногихъ западно-европейцевъ русскаго парламента выдѣляется въ немъ яркимъ колоритнымъ пятномъ. Мы помнимъ его предсѣдателемъ вольно-экономическаго общества въ бурный періодъ жизни общества, благороднаго человѣка, корректнаго джентльмэна—предсѣдателя, никогда ни ставившаго цензуры рѣчамъ и только соблюдавшаго внутреннюю законность в.-э. общества. Теперь онъ сидитъ на правой сторонѣ, и за нимъ цѣлая

группа, встающая, когда онъ встаетъ, и сидящая, когда онъ сидитъ; но онъ одинокъ въ парламентѣ, одинокъ въ своей внутренней сущности. Изъ всего парламента онъ, быть можетъ, единственный представитель не только за страхъ, но и за совѣсть старой законности, онъ поднимается на трибуну не въ защиту стараго режима, но съ привычками мысли его и въ защиту старой законности. Кругомъ его бушуетъ море незаконно-законныхъ требованій народа, вскрывается вся беззаконная сущность законовъ стараго режима, злымъ демономъ бьется этотъ режимъ въ окна Таврическаго дворца, а Гр. Гейденъ все продолжаетъ свою неблагодарную, и печальную по своей неблагодарности, работу поддержанія старой законности, все стремится изъ стараго, грязнаго полукафтанья сшить новый чистый западно-европейскій сюртукъ. Это раздражаетъ, это гнѣваетъ людей, пришедшихъ въ Думу устранить старую законность, установить новую,—и гнѣвныя слова слышатся по его адресу. Гр. Гейденъ, быть можетъ, наиболѣе яркій показатель той эволюціи русскаго общества, которая совершилась за послѣдніе 3—4 года. Тогда онъ считался лѣвымъ, чуть не радикаломъ, теперь онъ считается правымъ, консерваторомъ. Въ существѣ онъ все тотъ же, онъ ничего не забылъ и ничему не научился. И вотъ онъ очутился «въ дурномъ обществѣ», и уродливая, черная тѣнь ложится на его сѣдую голову отъ тѣхъ темныхъ людей, которые сидятъ за нимъ, которыхъ онъ ведетъ за собою.

Входитъ на трибуну Аникинъ. У него широкія плечи, крѣпко сколоченная фигура и суровое, сумрачное, рѣдко улыбающееся лицо. Когда я въ первый разъ слушалъ его, онъ удивилъ меня тѣми, казалось мнѣ, не разсчитанными съ размѣрами зала звуками голоса. И было въ голосѣ его что-то пронзительное, звонко-звенящее, какъ у журавля въ небѣ, несущееся сверху, зовущее дальнихъ. Я невольно оглядывался на сидящихъ въ амфитеатрѣ бѣлаго зала депутатовъ, и мнѣ все казалось, что этотъ пронзительный голосъ несется не къ нимъ, а куда-то далеко - далеко надъ головами ихъ, за предѣлы этого зала. И когда онъ стучитъ по пюпитру, мнѣ кажется, что онъ призываетъ къ вниманію не сидящихъ здѣсь въ залѣ, а другихъ дальнихъ, далекихъ людей. Изъ культурнаго сюртука, изъ его учительскаго прошлаго встаетъ настоящій природный крестьянинъ, еще недавно дѣлавшій улья, разводившій пчелъ, сажавшій капусту. По-крестьянски выговариваетъ онъ Витте, помужицки выговариваетъ смертная казнь, сквозь литературные обороты рвется деревенская рѣчь, и мужицкое негодованіе, мужицкій гнѣвъ рвется изъ этого напряженнаго пронзительнаго голоса. У него нѣтъ красивыхъ оборотовъ и разсчитанныхъ жестовъ, но есть ясная и яркая, упорная, напряженная и неуклоняющаяся линія мысли, которая держитъ во власти слушателей. Мнѣ все кажется, что онъ съ величайшимъ усиліемъ сдерживаетъ себя, и я все жду, что этотъ высокій голосъ сорвется и выльется гнѣвъ и

негодованіе въ жестокихъ, страшно бьющихъ, не парламентскихъ словахъ. Изъ всей Думы этотъ суровый, сумрачный человѣкъ кажется мнѣ самымъ яркимъ представителемъ будущаго «мужика русскаго парламента».

Бѣгутъ на эстраду Родичевъ, Аладьинъ.

Я много разъ слышалъ Аладьина, искренно удивлялся и теперь удивляюсь, почему онъ не занялъ въ Думѣ того крупнаго положенія, которое, казалось мнѣ, естественно приличествовало ему. Мнѣ и теперь не понятно, почему такъ мало вниманія къ его рѣчамъ, почему никто—и радикальнѣе его говорящіе — не останавливаются такъ часто предсѣдателемъ, не получаютъ столько окриковъ: «довольно, довольно!» Я зналъ, что раньше, чѣмъ сдѣлаться депутатомъ, онъ долго жилъ въ Англіи, но забылъ объ этомъ и только недавно, послѣ одной его рѣчи, когда онъ, поднимаясь наноскахъ и опускаясь, словно подпрыгивая, строго-внушительно, неукоснительнымъ пальцемъ распредѣлялъ свою мысль между правыми и лѣвыми и министерской скамьей,—я вспомнилъ. Мнѣ пришли на память собесѣдованія въ Гайдъ-Паркѣ и Уайтъ-Чэпелѣ, на которыхъ мнѣ приходилось присутствовать, и уличные ораторы, выступавшіе на нихъ. Его Англія ушибла. И такъ крѣпко ушибла, что и сейчасъ въ русскомъ парламентѣ пахнетъ отъ него Гайдъ-Паркомъ, и талантливый, крупный ораторъ, кажется онъ чуждымъ русскимъ людямъ, не привыкшимъ къ форсированной жестикуляціи, къ пафоснымъ рѣчамъ.

Родичева ушибли не англичане, а болѣе древніе люди: Демосфены, Катоны и Цицероны. Я слушалъ его на предвыборныхъ собраніяхъ, когда уже выяснялась побѣда к.-д. Тогда онъ былъ ярче, колоритнѣе, былъ очень строгъ и справедливъ и все говорилъ: «Cartago delenda est»! Въ Думѣ онъ какъ-то поблѣднѣлъ, завялъ и сдѣлался, такъ сказать, менѣе страшенъ, но также строго и справедливо спрашивалъ министерскія кресла: Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra? Онъ тоже грозитъ пальцемъ и поднимается до высокаго пафоса, когда говоритъ объ оскверненіи устъ.

И Родичевъ, и Аладьинъ — прирожденные ораторы съ плюсами и минусами этой прирожденности. Н. К. Михайловскій какъ-то объяснялъ, что писатели бываютъ двухъ родовъ: тѣ, которые владѣютъ перомъ, и тѣ, которыми перо владѣетъ. Правильное относительно писателей, это опредѣленіе въ особенности примѣнимо къ ораторамъ, такъ какъ, повидимому, тамъ гораздо болѣе людей, находящихся во владѣніи слова, чѣмъ владѣющихъ словомъ, и, быть можетъ, извѣстная степень невладѣнія собой, способность возбуждаться отъ своего собственнаго слова, съ одной стороны, и необходимость присутствія толпы, наличность обстановки и момента, съ другой стороны, и есть необходимое условіе для прирожденныхъ ораторовъ,—для тѣхъ, которые не дѣлаются, а родятся, которые Божіею милостію ораторы. Доля этой «божьей милости», несомнѣнно,

имѣется и у Родичева, и у Аладьина и, быть можетъ, въ большей степени, чѣмъ у кого бы то ни было изъ намѣтившихся думскихъ ораторовъ. Именно ихъ рѣчи выигрываютъ въ слушаніи и проигрываютъ въ чтеніи, именно у нихъ наименѣе удачными рѣчами являются тѣ, которыя говорятся съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, и, мнѣ кажется, потому именно поблѣднѣлъ Родичевъ въ Думѣ.

Я вовсе не имѣю въ виду преуменьшать цѣнность того и другого. Эта способность возбуждаться моментомъ и своимъ собственнымъ словомъ, не творить волну, а вскакивать на гребень ея—большая вещь, и я мысленно представляю себѣ моментъ, когда волна поднимется высоко и подниметъ на себѣ людей, которыми владѣетъ слово, владѣетъ волна, и которые на моментъ, на мигъ только одни окажутся владѣльцами этой волны.

Входитъ на каѳедру правительство. Поднимается Стишинскій, застегнутый, церемонный, дисциплинированный, посѣдѣлый въ бояхъ, и говоритъ сдержанно, застегнуто, съ фигурами умолчанія,—говоритъ отъ древняго государственнаго писанія. Подымается Гурко, прогрессивный молодой человѣкъ, дрессированный на свободѣ, не церемонный, разстегнутый, и откровенно говоритъ безъ умолчанія отъ новой практики жизни, отъ дворянскихъ вожделѣній. Изумительное впечатлѣніе производили ихъ рѣчи,—впечатлѣніе изумительной скудости мысли, жалкой умственной безпомощности. И такое впечатлѣніе получалось не потому, чтобы рѣчи были очень глупы—онѣ были ни глупы, ни умны и принадлежали къ тѣмъ родамъ литературы, которые называются скучной литературой, а поражало отсутствіе чутья дѣйствительности, глубокое непониманіе историческаго момента и психологіи людей, собравшихся въ этомъ залѣ, отсутствіе государственной мысли, примитивность логики и элементарность психологіи. Воявь передъ страной, пославшей въ этотъ бѣлый залъ своихъ представителей, вскрывались то «оскудѣніе центра», та немощь и изношенность пережившей себя государственной власти, за которой, - огромной и сильной,—всетаки предполагалось нѣчто большое и значительное.

И было жалко смотрѣть на сидѣвшихъ въ министерскихъ креслахъ людей, когда взошелъ на трибуну одинъ изъ лучшихъ представителей того типа ораторовъ, которые владѣютъ словомъ,—И. И. Петрункевичъ, и во всеоружіи мысли стегалъ ихъ жестокими бичами; когда входилъ на трибуну Герценштейнъ и во всеоружіи знанія, со всей силой своего анализа снималъ одно за другимъ тѣ убогія лохмотья, которыми эти люди прикрывали свою умственную наготу.

Выступленія министровъ и вообще членовъ правительства передъ Думой имѣли такое огромное въ революціонномъ смыслѣ значеніе, что я затрудняюсь въ достаточной степени его оцѣнить,—во всякомъ случаѣ большее, чѣмъ самыя пламенныя и радикальныя рѣчи думскихъ ораторовъ. Я говорю о значеніи этихъ выступленій

для крестьянъ. Нужно помнить и хорошо разобраться въ томъ, что значили и значатъ «власть», «правительство» для крестьянъ, да и для всѣхъ русскихъ обывателей, не втянутыхъ въ политику. Прежде всего это было чувство, а не мнѣніе. Люди чувствовали огромность государства россійскаго, необыкновенную сложность государственныхъ задачъ и невольно переносили эту сложность, это величіе государственныхъ задачъ на власть, на правительство, на людей, изъ которыхъ оно состоитъ.

Это было, повторяю, чувство, а мнѣніе выражалось въ такой общепринятой формулѣ: «Эдакую махину управить большого ума требуется!» Инстинктъ общественности облекалъ людей правительства заботой объ общемъ благѣ, думой объ общемъ, думой о государствѣ въ цѣломъ, но главное содержаніе представленія о власти и правительствѣ заключалось именно въ этомъ всеобъемлющемъ могуществѣ, въ этой злой или доброй, но непремѣнно силѣ. И это смутное представленіе объ огромной таинственной силѣ и вызываемое ею чувство смутнаго страха висѣло надъ деревней, надъ глухой Россіей, какъ кошмаръ, какъ тяжелая гиря. И вотъ таинственность исчезла. Эти, окруженные мистическимъ ореоломъ силы и большого ума, люди явились передъ народомъ, и оказалось, что это—обыкновенные люди, даже маленькіе люди, что нѣтъ въ нихъ ничего страшнаго, и оказалось пустое мѣсто тамъ, гдѣ предполагалось огромное содержаніе. Какъ въ сказкѣ Андерсена про новое платье короля, крестьяне вдругъ увидѣли—министры сами сняли съ себя платье въ Думѣ,—что нѣтъ пышныхъ одеждъ, которыми они облекали людей правительства, увидѣли, что они голые, и что это обыкновенное тѣло, не очень сильное, не очень красивое и не очень чистое.

Это произвело ошеломляющее впечатлѣніе на крестьянъ. Я говорю о тѣхъ депутатахъ, которые по существу не состоятъ ни въ какой партіи, а принадлежатъ къ огромной партіи только еще начинающаго сознавать себя крестьянства. Сначала меня даже поразило, что рѣчи Стишинскаго и Гурко вызвали не негодованіе среди именно этихъ депутатовъ крестьянъ, а какое-то огромное веселье, неудержимый смѣхъ.

— Ахъ ты, братецъ ты мой,—говорилъ мнѣ въ колонномъ залѣ одинъ изъ такихъ крестьянъ,—ну и всыпали имъ.—Онъ все хлопалъ себя по бедрамъ, смѣялся и сквозь смѣхъ говорилъ:

— А мы-то въ деревнѣ думали! Вотъ-те и ми-ни-стры...

Они перебрасывались другъ съ другомъ пикантными, во истину веселыми, мѣстами рѣчи Гурко и смѣялись и радовались. Именно радовались, и я понялъ эту радость и веселье. Тутъ дѣло было не въ томъ одномъ, что пріятно и весело слушать, какъ всыпаютъ людямъ, да еще министрамъ,—это была радость по случаю своего освобожденія, по случаю освобожденія отъ темной тяжелой хмары, которая висѣла надъ ними. Я видѣлъ, какъ весело расправлялись

плечи, какъ веселымъ аллюромъ ходили ноги, какъ люди смѣялись надъ самими собой, надъ своими недавними страхами. Было въ родѣ того, какъ если бы человѣкъ, опасавшійся ходить въ ночномъ быту въ темный боръ, по случаю лѣшаго, наполнявшаго боръ страшными звуками, вдругъ поймалъ на мѣстѣ преступленія филина. Какъ онъ сказалъ бы: «Ахъ чтобъ-те разорвало,—а я полагалъ—лѣшій!»,—такъ эти рядовые депутаты отъ крестьянъ говорили:

— А мы-то въ деревнѣ полагали! Вотъ-те и ми-ни-стры!

Исчезла вся таинственность, и вмѣстѣ съ нею и тотъ страхъ, который всегда порождается у темныхъ людей всѣмъ таинственнымъ. Я не имѣю свѣдѣній, но, повидимому, то же дѣйствіе имѣли эти министерскія выступленія и въ деревняхъ, на мѣстахъ. А крики: «палачи», «убійцы», «негодяи», «долой», «вонъ» только закрѣпляли веселыми нотами эту радость освобожденія.

Я повторяю: значеніе этихъ министерскихъ выступленій такъ огромно, въ смыслѣ революціонизированія низовъ Россіи, что его трудно учесть въ настоящее время. Въ этомъ отношеніи много принесъ пользы Столыпинъ, очень помогли Стишинскій, Павловъ, Коковцевъ и Щегловитовъ, но особенно много внесъ въ сокровищницу русскаго освобожденія Гурко. Онъ удачнѣе всѣхъ разрушилъ всякую иллюзію общаго дѣла, общаго блага, государственной мысли, правительственныхъ людей. Съ большой талантливостью и убѣдительностью онъ показалъ крестьянамъ въ Думѣ и крестьянамъ въ Россіи, что это правительство только дворянское.

И всѣ они вмѣстѣ своей немощью мысли, своимъ откровеннымъ разъясненіемъ ихъ государственнаго міропониманія развѣяли по вѣтру тотъ престижъ правительства, старое смутное уваженіе къ нему: крестьяне увидѣли, что этакой махиной управляли люди безъ большого ума.

IV.

Только въ кулуарахъ можно узнать по настоящему рядовыхъ трудовиковъ. Тамъ, въ великолѣпномъ бѣломъ залѣ, они молчатъ. А тутъ по душамъ можно,—и они разговариваютъ по душамъ и, должно быть, наверстываютъ то вынужденное молчаніе въ бѣломъ залѣ: такъ страстно и весело свободны ихъ рѣчи.

Удивительное зрѣлище представляетъ огромный, неимовѣрно длинный колонный залъ во время перерывовъ и тѣхъ многочисленныхъ рѣчей, которыя говорятся только для того, чтобы на мѣстахъ прочитали, что и ихъ депутатъ не хуже другихъ прочихъ и тоже разговоры разговариваетъ. Рядъ кучекъ, рядъ митинговъ. Публика сборная. Тутъ есть яростныя барышни, молодые люди неопредѣленныхъ профессій, журналисты, партійные люди изъ про-

винціи и, конечно, депутаты—та особенная публика кулуаровъ русскаго парламента. Самые веселые митинги тамъ, гдѣ виднѣются малороссійскія свитки и чумарки. Гоголевское опредѣленіе и теперь вѣрно,—такія словечки запускають тамъ, что степенному человѣку и слушать зазорно. Тоже весело и оживленно въ тѣхъ группахъ, гдѣ, такъ сказать, «жулика поймаютъ». «Жуликъ» разный,—въ сюртукѣ и въ поддевкѣ, часто полукупеческаго типа,—изъ депутатовъ и изъ пришлыхъ людей, случается и изъ ложъ-журналистовъ. «Жуликъ» начинаетъ обыкновенно съ того, что деревню очень хорошо знаетъ и что какъ лучше хлопочетъ. Про землю разсказываетъ, какъ чиновники при государственномъ земельномъ фондѣ сгонять будутъ съ насиженныхъ мѣстъ исконнаго крестьянина, на счетъ правъ, автономіи, свободъ подобныя же рѣчи... «Жулика» быстро распознаютъ,—барышни и молодые люди негодуютъ, а мужики хохочутъ и тотчасъ же разыскиваютъ точки соприкосновенія съ рѣчами Гурко, со старыми полицейскими вожделѣніями. И тѣ рѣчи, авторитетныя и убѣжденныя, которыя только что говорились въ бѣломъ залѣ отъ имени народа и во имя народа, удивительно преломляются здѣсь, въ этомъ колонномъ залѣ, получаютъ неожиданное освѣщеніе. Говоритъ украинецъ, — этотъ признанный индивидуалистъ,—кругомъ кучка разномастныхъ трудовиковъ:

— Вотъ они говорятъ: хутора заводить... Отрубные участки... Потомъ, можетъ, и подойдетъ. А теперь? Первое дѣло ребятъ учить, какъ же мы будемъ школы устраивать, ежели по хуторамъ разобьемся? Опять же попъ... крестить, то, другое, — невозможно! Нѣмцы ужъ на что, а и то у насъ другъ къ дружкѣ жмутся.

Другая группа. Говоритъ прибалтійскій человѣкъ: «Вретъ онъ все, — черносотеннецъ», — говоритъ онъ про прибалтійскаго депутата, только что распинавшагося въ бѣломъ залѣ за частную земельную собственность, какъ единственную мечту прибалтійскихъ крестьянъ, распинавшагося за непріемлемость для нихъ общенароднаго государственнаго земельнаго фонда, проектируемаго партіей народной свободы и трудовой группой.

Я долго стѣснялся подходить къ отдѣльнымъ группамъ, но депутаты-крестьяне,—именно сѣрые рядовые люди,—такъ жадно ищутъ слова и разъясненій, что невольно втягиваешься въ это всеобщее собесѣдованіе. Ловитъ меня знакомый депутатъ изъ житницы Россіи и, лихорадочно вглядываясь острыми глазами, спрашиваетъ:

— Какъ вы полагаете на счетъ жидовъ?

На мой недоумѣнный вопросъ поясняетъ:

— Въ нашихъ мѣстахъ ихъ нѣтъ. А между прочимъ тутъ большой разговоръ на счетъ ихъ идетъ. И, напримѣръ, тамъ...

Онъ не говоритъ, что на Кирочной, но я знаю, что спервоначалу онъ имѣлъ къ ней касательство.

Я высказываю свое короткое мнѣніе, но онъ не удовлетворяется

и все вытягиваетъ изъ меня дальше и дальше,—и мы ходимъ по длинному колонному залу, и приходится мнѣ говорить чуть не лекцію: и о пресловутой христіанской крови, и объ евреяхъ-внутреннихъ врагахъ, и объ еврейской эксплуатаціи, и о газетѣ, которая про все это «выписываетъ». Онъ слушаетъ, экспансивный и примитивный человѣкъ, и возбужденно говоритъ:

— Ахъ, ты, братецъ ты мой! все значитъ врутъ! Вѣдь вотъ какая исторія!

У него мужицкое лукавство и хитроуміе, я вижу, какъ онъ фильтруетъ мои слова, но я чувствую, вмѣстѣ съ тѣмъ, когда онъ вѣритъ и соглашается.

Подходитъ другой крестьянинъ, депутатъ одной изъ дальнихъ губерній, худенькій и удивительно моложавый, такъ напоминающій мнѣ знакомаго приватъ-доцента, сдержанный, застегнутый и совершенно не экспансивный. Только въ этотъ разъ онъ немного болѣе возбужденъ и веселъ.

— Знаете, только что телеграмму получилъ!

Онъ даетъ мнѣ прочитать телеграмму. Обычная телеграмма, какихъ много въ послѣднее время печаталось въ газетахъ, съ выраженіемъ сочувствія къ Государственной Думѣ и къ нему, моему знакомому, съ требованіемъ стойко держаться за свободы, за землю и волю и съ обѣщаніемъ, въ случаѣ чего, поддержать думу. И именно потому, что это была изъ обычныхъ телеграммъ, я сочувствую, но говорю спокойно: «радуюсь за васъ».

Тогда онъ возбуждается и необычнымъ для него, застегнутаго человѣка, тономъ говоритъ мнѣ:

— Да вы не понимаете! Обратите вниманіе,—тысяча подписей, все черносотенцы были! Большое это у насъ торговое село... Когда выборы шли, вотъ всего четыре мѣсяца назадъ,—вѣдь они совсѣмъ было земскую школу сожгли, меня предупредили, чтобы на улицу не выходилъ. Убить хотѣли. Дома не ночевалъ.

Онъ суетъ мнѣ телеграмму и все повторяетъ: «больше тысячи человѣкъ подписалось! Тѣ самые... Они...»

Онъ вынимаетъ изъ кармана сложенную аккуратно бумагу и говоритъ:

— Вотъ я статью хотѣлъ въ нашей газетѣ печатать... Какъ вы?—И онъ читаетъ мнѣ набросокъ дѣльной, серьезной крестьянской статьи, которая радуетъ меня не меньше тысячи подписей бывшихъ черносотенцевъ.—Онъ, несомнѣнно, крупнѣе средняго типа крестьянства, но онъ рядовой, не принадлежитъ ни къ какой партіи, кромѣ этой своеобразной политической партіи, называемой трудовой группой, и никогда не говоритъ въ бѣломъ залѣ.

Быть можетъ, наиболѣе своеобразное впечатлѣніе въ этомъ колонномъ залѣ производятъ ходоки, и наибольшее оживленіе вносятъ они. Это все тѣ же ходоки, которыхъ испоконъ вѣковъ посылала деревня въ Петербургъ, только пришли они не въ то мѣсто, куда

раньше ходили. И появленіе ихъ въ колонномъ бѣломъ залѣ то же, какъ и выступленіе министровъ, огромной важности явленіе. Очевидно, перемѣстился центръ тяжести въ народномъ сознаніи, и новое высокое мѣсто нашла деревня для посылки своихъ жалобъ, нуждъ, требованій, для посылки своихъ ходоковъ.

Они изумительны на фонѣ этого колоннаго зала Таврическаго дворца. Въ новыхъ лапоткахъ, съ художественно увитыми по рязански подвертками, загорѣлый и пыльный ходитъ по Таврическому дворцу молодой черноземный крестьянинъ. Съ мѣднымъ лицомъ и глубоко прорѣзанными морщинами, съ прямыми, какъ у дьячка, волосами, выцвѣтшими на солнцѣ неизвѣстнаго цвѣта, — рыжими, русыми или бѣлокурыми—стоитъ пожилой крестьянинъ и спрашиваетъ про дѣло, для котораго послалъ его міръ.

Съ городомъ у нихъ склока давняя изъ-за городской земли, которую они испоконъ вѣковъ арендуютъ,—и вотъ міръ порѣшилъ дѣло это, какъ должно, прикончить и послалъ его узнать въ точности, ждать ли имъ, какъ Дума обсудитъ, или самимъ управляться, своими средствіями.

Какой-то сѣрый господинъ почему-то раздраженно объясняетъ ходоку, что Дума тутъ ничего не можетъ сдѣлать, и что миссія его никчемная,—ходокъ смотритъ острымъ, пронзительнымъ взглядомъ на сѣраго господина, нетерпѣливо машетъ рукой и уходитъ за колонны, очевидно, ждать другихъ свѣдущихъ людей.

Ночью, крадучись, уходили эти люди изъ своихъ мѣстъ, чтобы не застигъ земскій, не остановилъ урядникъ, и несли въ Думу, какъ драгоцѣнность, въ новое высокое мѣсто свои наказы. Не одни наказы. Бродитъ одиноко между рядами колоннъ странный человѣкъ, обвѣтренный, запыленный. Одна нога у него въ сапогѣ, другая обернута какими-то тряпками, и кажется, прошелъ онъ долгій путь и натрудилъ ногу, и развалился его сапогъ. Съ братомъ у него исторія, съ старшимъ братомъ. Дѣлились они. И забралъ старшій братъ не треть, какъ полагалось ему, а половину имущества. И волостной его руку держитъ, и земскій, и даже губернія. Обходилъ всѣ мѣста и пришелъ въ Думу, такъ какъ въ ней онъ, навѣрное, найдетъ правду.

Они удивительные и съ удивительными дѣлами являются въ Думу. Къ моему знакомому, видному трудовику, приходитъ, именно приходитъ, такъ какъ изъ тысячи верстъ онъ проѣхалъ по желѣзной дорогѣ только малую часть, ходокъ, незнакомый человѣкъ, изъ чужихъ мѣстъ. Крестьянинъ изъ западной губерніи полу-русскій, полу-полякъ, онъ подаетъ ему бумагу, гдѣ пишется Іисусъ, Марія, сотвореніе міра и прочія мудреныя слова, и объясняетъ, что онъ узналъ о переходѣ земли народу, и что онъ далъ обѣтъ устроить въ своей губерніи большую, чтобы всѣмъ было видно, часовню *въ память перехода всей земли къ народу*. У него не хватаетъ денегъ, и онъ пришелъ просить, чтобы Дума

помогла ему въ этомъ всенародномъ дѣлѣ. Плана онъ не представилъ, но на томъ мѣстѣ, гдѣ были Іисусъ, Марія, былъ рисунокъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ украсить куполъ этого будущаго народнаго памятника. Вѣтка съ тремя листьями: на одномъ листкѣ написано «земля и воля», на другомъ листочкѣ — «всеобщее избирательное право», а на третьемъ листочкѣ—«свободы»—какія, не помню.

Только здѣсь, въ этомъ колонномъ залѣ митинговъ, начинаешь понимать, чѣмъ сдѣлалась Государственная Дума для крестьянства, для огромной массы населенія, и здѣсь начинаешь понимать всю ту огромную отвѣтственность, огромную трудность положенія трудовой группы. Трудно всей Государственной Думѣ, огромны требованія, предъявляемыя къ той же партіи народной свободы, и я не знаю, работаетъ ли такъ, не покладая рукъ, не зная отдыха другая аналогичная партія западно-европейскихъ парламентовъ. но трудность дѣла трудовой группы совсѣмъ особаго рода. То общество, тѣ слои, которые послали к.-д., ждутъ и способны ждать. Они посылаютъ своимъ представителямъ одобреніе и поддержку, они жалуются на всякія безобразія происходящія на мѣстахъ, и даютъ матеріалъ для запросовъ, но они ждутъ и способны ждать. Тѣ, кто послалъ трудовиковъ въ Думу, не ждутъ, не желаютъ и не могутъ ждать. Они шлютъ ходоковъ и требуютъ отвѣта: «Что же, когда же покончено будетъ съ землей?» Они требуютъ немедленныхъ указаній — какъ поступать съ помѣщичьими землями и въ какихъ формахъ забирать ихъ. И другая отвѣтственность, реальная и страшная отвѣтственность лежитъ на трудовикахъ.

Если рязанскіе крестьяне потребовали отъ кн. Волконскаго, чтобы онъ записался въ трудовую партію, то со своими крестьянами они еще проще говорятъ, еще откровеннѣе.

«Ты лучше не возвращайся въ деревню, смотри!..» И за одно подозрѣніе въ недостаточной близости съ трудовой группой и приверженности къ барамъ тульскіе односельчане собирались міромъ выселить изъ села жену и дѣтей своего депутата Петрухина.

Трудовики жалуются не непереносное бремя свое, жалуются на думскія рѣчи, на украшающія ихъ иностранныя слова, на всѣ эти «директивы», «кооптаціи», «концепціи», «координированія», «прерогативы», которыя стоятъ передъ ними, какъ рогатины, какъ порогъ, черезъ который не перескочешь; жалуются на тяжесть, огромность, новизну дѣла, которое приходится имъ дѣлать.

— Какъ вы думаете, отчего у васъ голова болитъ? — спрашиваю я польскаго крестьянина, пришедшаго ко мнѣ въ думскій врачебный кабинетъ полѣчиться.

— Думаю—отъ мыслей... Мысли трудныя,—отвѣчаетъ онъ.

И поясняетъ, что, конечно, и дома нужно было думать, но думы были обыкновенныя, домашнія, привычныя, а здѣсь приходится думать мысли новыя, трудныя мысли. И думаешь весь день съ

утра и до ночи и ночь всю. Онъ мнѣ высчитываетъ: утромъ комиссія, потомъ Дума до 7—8, а потомъ трудовая группа или автономисты — онъ ходитъ туда и туда.

— Ляжешь въ часъ, а мысли изъ головы не уходятъ, а въ 4—5 утра непремѣнно проснешься.

— Всю жизнь,—какъ-то особенно страстно выговариваетъ онъ,—съ малыхъ лѣтъ въ 4—5 встаемъ мы на работу.

Большой серьезный великороссъ-крестьянинъ, съ волосами въ скобку, почтенный человѣкъ, тоже страдаетъ головными болями, безсонницей и приводитъ мнѣ тѣ же аргументы:

— Разминки нѣтъ,—вытягиваетъ онъ мнѣ свои большія мускулистыя руки.—Круженіе даже въ голову вступать стало. Лѣто вѣдь теперь, самая работа. А съ своего то мѣста все пишутъ, телеграммы даютъ... Такая завируха идетъ...

У к.-д. мысли трудныя, но мысли для нихъ не новыя, мысли привычныя.

V.

Первыя думскія впечатлѣнія давали мнѣ картину общности настроенія, однотонности, и только постепенно начинали вырисовываться и отдѣльныя лица, и отдѣльныя группы, и опредѣленныя настроенія. И прежде всего настроеніе и тактика двухъ главенствующихъ въ думѣ группъ: партіи народной свободы и трудовой группы.

У нихъ разные методы мысли, разныя манеры дѣйствованія. Мнѣ кажется, партія народной свободы, по крайней мѣрѣ ея центральные люди, мыслятъ дедуктивнымъ методомъ, отправляются отъ общихъ положеній къ фактамъ жизни. Поднявшіеся съ низовъ трудовики мыслятъ индукціей. Отъ злыхъ, жестокихъ фактовъ жизни поднимаются они къ общей жестокой русской государственной дѣйствительности, — отъ земскаго начальника и стражника, отъ податей и земельнаго утѣсненія, — опытнымъ путемъ. Такъ въ политикѣ и наоборотъ въ соціальныхъ вопросахъ. К.-д. отправляются въ своихъ логико-психологическихъ положеніяхъ отъ сферы личныхъ и мѣстныхъ интересовъ къ государственной необходимости, — опытнымъ путемъ къ своей аграрной программѣ; трудовики—отъ общихъ, непреложныхъ, какъ религіозныя истины, народныхъ міроположеній къ реальнымъ условіямъ осуществленія этихъ міроположеній.

Когда говорятъ к.-д., мнѣ кажется, что они оперируютъ въ предѣлахъ этого бѣлаго зала, что они все оглядываются направо и налѣво, все расцѣниваютъ реальныя отношенія силъ бѣлаго зала, все ищутъ «равнодѣйствующую» линію поведенія, которая бы проходила черезъ всѣ группы, бережно шла между правыми и лѣвыми.

И если ихъ голоса поднимаются выше обычнаго тона, мнѣ

все кажется, что, какъ желѣзо къ магниту, тянутся они своимъ обычнымъ стародавнимъ притяженіемъ туда, гдѣ сидитъ правительство. Его хотятъ убѣдить, ему грозятъ, его соблазняютъ пріемлемыми соблазнами. И та вѣчная власть этой стародавней централизованной, еще недавно всепоглощающей и всеисчерпывающей власти, гипнотически, какъ глаза очковой змѣи, тянетъ къ себѣ ихъ мысль, ихъ волю, ихъ взоры. И упраздненная жизнью законность, такъ основательно, повидимому, ликвидированные старые методы продолжаютъ неотразимо и властно дѣйствовать надъ к.-д.: не желаютъ они выходить изъ предѣловъ законности, живы для нихъ старые методы...

Когда говорятъ трудовики, они менѣе всего учитываютъ реальныя отношенія силъ бѣлаго зала и нерѣдко—это ставятъ имъ въ упрекъ—вступаютъ въ коллизіи съ бѣлымъ заломъ.

Мнѣ все кажется, что не одинъ Аникинъ, а всѣ они говорятъ не этимъ скамьямъ, не тѣмъ хорамъ, не тѣмъ ложамъ справа и слѣва, а говорятъ они туда, въ глубину страны, которая шлетъ имъ наказы и телеграммы и загорѣлыхъ, запыленныхъ ходоковъ, и учитываютъ они реальныя отношенія силъ только тамъ, въ глубинѣ полей, степей, лѣсовъ. И то, что рѣжетъ глаза хоръ и другихъ креселъ и ложъ справа и слѣва, что производитъ такое шокирующее впечатлѣніе въ этомъ бѣломъ залѣ,—рѣзкія выраженія, не парламентскіе кряки,—выходитъ оттуда же, изъ точки отправленія и изъ линіи направленія міроположенія, изъ полей, степей, лѣсовъ.

Тамъ не втерпежь, тамъ кричатъ, вопятъ, оттуда тянутся сжатые кулаки, несутся гнѣвныя угрозы.

И изъ того, что поля, степи и лѣса, пославшіе трудовиковъ, никогда не втягивались въ процессъ сотрудничества съ правительствомъ, всегда были только объектомъ воздѣйствія, и вся ихъ диффузія заключалась въ податяхъ и поставкѣ защитниковъ отечества, съ одной стороны, въ розгахъ и земскихъ начальникахъ, съ другой,—вытекали и большая освобожденность мысли, и меньшая связанность методовъ, которыя проявила трудовая группа. Они быстро пришли къ заключенію, что со всѣмъ тѣмъ старымъ государствомъ для нихъ дѣло кончено, что отъ всего того, что представляютъ центральные и периферическіе органы государства, ихъ отдѣляетъ непроходимая пропасть полнаго отрицанія, глубокой безнадежности, что имъ не съ чѣмъ и не зачѣмъ идти туда. Я никоимъ образомъ не хочу этимъ хвалить трудовую группу и порицать партію народной свободы за ихъ дѣятельность въ Думѣ. Глубокая разница чувствуется въ этихъ двухъ группахъ, рядомъ сидящихъ въ Думѣ. Сорганизовавшись внѣ Думы, уже какъ партія, вошли въ парламентъ конституціоналисты-демократы; компактно, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ шла эта партія въ Думу и заранѣе обдуманныя, готовыя программу и тактику несла она. И парламентская

фракція партіи была въ общемъ выше партіи, она вобрала въ себя наиболѣе крупныхъ представителей мысли, знанія и западно-европейскаго опыта.

Трудовая группа, прежде всего, группа, а не партія. Она не была даже группой, ея не существовало внѣ Государственной Думы. Крадучись, вопреки стихіямъ, изъ подъ тюремнаго замка, изъ «столь отдаленныхъ» мѣстъ ссылки, изъ-подъ сѣна и рогожки, которыми прикрывали крестьяне своихъ агитаторовъ, перевозя изъ деревни въ деревню, — проникли ихъ представители въ Государственную Думу. И я увѣренъ, что они первые оскорбились бы, если бы я сказалъ, что они выше народа, который послалъ ихъ. Только мѣстами, только какъ счастливыя исключенія, успѣлъ народъ послать своихъ лучшихъ, своихъ излюбленныхъ людей. Здѣсь, въ Думѣ сгруппировались они, сгруппировались на программѣ, платформѣ и тактикѣ мозолистыхъ рукъ. У нихъ нѣтъ того запаса мыслей и знанія, которымъ обладаетъ партія народной свободы, у нихъ не было знакомства съ западно-европейскимъ опытомъ, была не знакома даже парламентская техника. Въ 116-мъ номерѣ Невскаго проспекта, здѣсь, въ бѣломъ залѣ, наспѣхъ, знакомясь другъ съ другомъ, поучаемые наказами, приговорами, телеграммами, письмами, которыми неустанно бомбардировала ихъ Россія, самоопредѣляясь своимъ прошлымъ, своими мозолистыми руками и тѣмъ могучимъ и страшнымъ самоопредѣленіемъ, которое совершается въ настоящее время въ Россіи, — они наспѣхъ, наканунѣ, между двумя засѣданіями вырабатываютъ свою программу, свою платформу, свои тактическіе пріемы.

И если для однихъ служитъ формулой: «воля и земля», то для другихъ: «земля и воля»; если въ партіи народной свободы есть люди, которые только вчера прибавили «и земля», то въ трудовой группѣ много людей, которые только сегодня прибавили къ своей исконной землѣ «и воля», и прибавили, въ значительной мѣрѣ благодаря усиленной пропагандѣ, производившейся министрами въ стѣнахъ бѣлаго зала. И здѣсь вскрывается настоящая сущность народнаго представительства — такова власть тѣсной связи трудовиковъ съ трудовымъ народомъ значительно померкли и поблѣднѣли имена, какіе-нибудь три мѣсяца назадъ носившіяся надъ всей Россіей, а Аникинъ, Жилкинъ и Аладьинъ сдѣлались теперь народными героями. Я не хотѣлъ здѣсь выдавать похвальные или не похвальные отзывы, ставить высокій балъ трудовикамъ и плохую отмѣтку партіи народной свободы,—мнѣ хотѣлось возможно объективнѣе разобраться въ разницѣ этихъ двухъ позицій, двухъ тактикъ главенствующихъ группъ Государственной Думы. Исторія разсудитъ, кто изъ нихъ правъ въ условіяхъ даннаго историческаго момента: тѣ ли, кто не порвалъ съ прошлымъ, кто, учитывая настоящій моментъ, считаетъ возможнымъ приспособить къ новымъ условіямъ жизни старыя нормы дѣйствительности и, апеллируя за предѣлы

Таврическаго дворца, не выходитъ изъ предѣловъ Петербурга и его окрестностей, или тѣ, кто считаетъ, что старая законность кончилась и стала беззаконностью, кто считаетъ безполезными, вредными, гибельными всякія взаимноотношенія съ представителями старой законности, кто, апеллируя за предѣлы бѣлаго зала, обращается къ санкціи полей, лѣсовъ и степей,—къ санкціи народной воли.

Именно потому, что партія народной свободы и трудовая группа являются главными силами въ Государственной Думѣ, что они призваны «въ первомъ чтеніи» провести программу будущаго, я всегда боюсь крупнаго расхожденія по главнымъ вопросамъ этихъ двухъ группъ.

Я люблю моменты, когда бѣлый залъ дѣлается однимъ человѣкомъ—представителемъ русскаго народа, когда онъ гонитъ изъ своей среды людей стараго режима, когда выгоняетъ «палачей» изъ зала, когда всѣ крики, самые жестокіе, самые некультурные, являются самыми правильными, самыми культурными; меня волнуетъ несказаннымъ волненіемъ, когда Дума, какъ одинъ, вотируетъ амнистію полную, неограниченную, амнистію для всѣхъ, когда она, какъ одинъ, посылаетъ свой отвѣтный адресъ, отвѣтъ Россіи на тронную рѣчь, когда выражаетъ недовѣріе министрамъ отживающаго режима, когда она единогласно вотируетъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни всегда, вездѣ, при всякихъ случаяхъ. Это великіе, высокіе подъемы человѣческаго духа, духа русской родины, и ихъ не забудетъ, кто разъ испыталъ.

VI.

Да, исторія разсудитъ. Но и намъ, современникамъ, дозволительно въ мѣру нашего разумѣнія попытаться взглянуть со стороны, исторически, на всю сложную панораму фактовъ, интересовъ и настроеній, хоть попытаться объективно намъ, живущимъ въ глубоко-субъективной, окровавленной дѣйствительности, разобраться въ сложномъ переплетѣ фактовъ, лицъ, партій.

Обычная ходячая фраза газетъ и трибунъ что правительство опоздало вообще и роковымъ образомъ опаздываетъ каждый разъ, тѣмъ самымъ лишая себя возможности воздѣйствовать на события. Да, опоздало и опаздываетъ. Но вѣдь опоздала вся Россія. Та западно-европейская историческая постепенность постановки политическихъ и соціальныхъ вопросовъ—въ Россіи нарушена. Уже давно отмѣчено, что особенность настоящаго историческаго момента въ томъ, что политическій переворотъ одновременно встаетъ съ соціальнымъ переворотомъ, и великая русская революція—великая именно потому, что на нее упали бремена неудобоносимыя одновременнаго рѣшенія политическаго и соціальнаго вопроса. Россія опоздала вовремя рѣшить въ чистомъ, и потому сравнительно легкомъ рѣше-

ніи, свой чисто политическій вопросъ, и когда онъ всталъ, наконецъ, въ мѣрѣ исторической необходимости и неотложности, онъ оказался осложненнымъ тяжелымъ грузомъ соціальнаго вопроса, къ тому времени сгрудились, оформились, организовались, тоже какъ историческая необходимость и неотложность, земельно-крестьянскій вопросъ, рабочій вопросъ.

Опоздала выйти на историческую сцену и конституціонно-демократическая партія. Она не успѣла или не хотѣла рѣшить политическій вопросъ вò-время и пришла къ нему тогда, когда сгрудились, сцѣпились въ огромный запутанный узелъ не только всѣ тѣ вопросы, надъ которыми не одно столѣтіе работаетъ Европа, но и задачи, которыхъ практически не ставила исторія предъ Западной Европой, которыя приходится Россіи рѣшать безъ западно-европейскаго опыта, на свой страхъ, своимъ творчествомъ,—я говорю объ аграрномъ вопросѣ, о много - и разно-племенности Россіи, какъ государственнаго цѣлаго, о необыкновенной остротѣ государственной необходимости и исторической неотложности вопроса автономіи и федеративнаго государство-строительства. Я не хочу этимъ сказать, что на партію народной свободы падаетъ отвѣтственность,—именно сложность русской жизни въ значительной степени предуказала тотъ путь, къ которому пришла Россія въ настоящій моментъ,—я хотѣлъ только установить фактъ. Ей пришлось взять на себя бремена неудобоносимыя и написать на своемъ знамени не только либеральныя политическія требованія, но и соціальныя, вытекающія, по крайней мѣрѣ, изъ той же государственной необходимости. Это сразу предопредѣлило совершенно особенную позицію ея, какъ въ лѣвую, такъ и въ правую сторону. И прежде всего трудность той равнодѣйствующей, той тщательно отыскиваемой конституціоналистами-демократами средней линіи поведенія между правыми и лѣвыми. Положеніе средней партіи, выгодное только послѣ революціи, когда утомляются и дезорганизуются правая и лѣвая, а средняя партія учитываетъ въ свою пользу преступленія правыхъ и героизмъ лѣвыхъ, всегда трудное и тяжелое во время самой революціи, особенно тяжело и трудно въ условіяхъ даннаго историческаго русскаго момента. Дѣло въ психологіи к.-д., о которой я писалъ въ прошлой книжкѣ: нѣтъ у нихъ *энергіи*, *желанія*, нѣтъ тона души, соотвѣтствующаго моменту, нѣтъ подходящихъ словъ. Но не одно это. Своими недоговоренными словами и недописанными главами она только раздражаетъ представителей крестьянъ и рабочихъ, и выдѣленіе трудно опредѣлимыхъ по своей сущности культурныхъ хозяйствъ встрѣчается, какъ лазейка, подвохъ, какъ затаенная мошенническая мысль, какъ измѣна. Съ другой стороны, правыми, т. е. сторонниками въ большей или меньшей мѣрѣ стараго режима,—правительствомъ въ частности,—партія народной свободы расматривается, какъ революціонная партія. И въ этомъ второмъ случаѣ правительство бе-

зусловно справедливо, и именно введеніе въ программу партіи рѣшенія аграрнаго вопроса, въ формѣ принудительнаго отчужденія частно-владѣльческихъ земель, создаетъ совершенную невозможность государственнаго сотрудничества между этими двумя общественными группами: партіей народной свободы и правительственной группой.

Говоря о взаимоотношеніяхъ этихъ двухъ общественныхъ группъ, я не могу не остановиться подробнѣе на этомъ, именно теперь смутномъ, понятіи правительства, и эти взаимоотношенія не будутъ ясны, пока не будутъ раскрыты скобки этого трудно осязаемаго теперь слова: правительство. Уже давно оно—трудно опредѣляемое понятіе. Я помню еще во времена Плеве, а быть можетъ, и Сипягина, какъ одинъ носитель традицій славянофильства, долго прожившій въ деревнѣ, въ своемъ имѣніи, и вызванный въ Петербургъ въ какое-то министерство въ качествѣ свѣдущаго человѣка, такъ горестно резюмировалъ свои петербургскія впечатлѣнія: «Самодержавія нѣтъ! Самодержавіе расхищено!..»

Да, самодержавія давно въ Россіи фактически не существуетъ, давно оно расхищено по кускамъ и торгуютъ имъ оптомъ и въ розницу, но до послѣдняго времени понятіе правительство было болѣе или менѣе опредѣленно, и количество самодержцевъ подлежало извѣстному учету. Постепенно понятіе стиралось, рамки его раздвигались все шире и шире, самодержцы появились въ Варшавѣ и Кременчугѣ, въ Ригѣ и Борисоглѣбскѣ, въ Москвѣ и въ городахъ Кавказа, и на станціяхъ Сибирской желѣзной дороги, и публика, широкіе слои общества, потеряли ясное представленіе о томъ, что такое правительство. По старой памяти, по неистребимой потребности найти виноватаго, говорятъ: Побѣдоносцевъ, Плеве, Витте, Дурново, Треповъ. Рамки пониманія раздвигались, стали говорить: «звѣздная палата», «камарилья», «нелегальное правительство», появились знаменитые «городовые и вахмистры по воспитанію и погромщики по убѣжденію»... Да, все это вѣрно: и вахмистры, и городовые, и Дурново, и Витте, и Треповъ, существуютъ и звѣздная палата, и камарилья, и нелегальное правительство, но вѣдь дѣло-то, конечно, шире и проистекаетъ не изъ злой воли отдѣльныхъ лицъ или даже камарильи—всетаки тѣснаго круга лицъ. Дѣло и проще, и сложнѣе.

Тутъ замѣшаны огромные классовые интересы, и въ правительство втянуто огромное количество представителей этихъ классовыхъ интересовъ. Правительство, какъ таковое, конечно, продолжаетъ существовать, но рядомъ съ нимъ въ непрерывной диффузіи, въ колеблющихся, трудно учитываемыхъ предѣлахъ близости и содружества сформировалось другое правительство, и это новое нелегальное правительство въ настоящее время—не отдѣльные люди, не камарилья, не звѣздная палата, оно—политическая партія. Въ нее вошли всѣ тѣ слои центральные и периферическіе, которые

кормились около престола и самодержавія, люди, связавшіе себя со старымъ строемъ, для которыхъ онъ является вопросомъ жизни и смерти, и прежде всего люди широкихъ земельныхъ латифундій и люди широкихъ латифундій политическихъ правъ. Эти люди, конечно, были и раньше, но они не были въ строгомъ смыслѣ партіей, такъ какъ они тогда съ полнымъ правомъ могли говорить l'état c'est nous. Съ 17-го октября и даже раньше, съ тѣхъ поръ, какъ начались разговоры о людяхъ, довѣріемъ всего населенія облеченныхъ, ихъ государственная позиція пошатнулась, и съ того времени они обратились въ политическую партію, они сдѣлались подпольной партіей, конспиративной партіей. И такъ какъ они объединились въ партію во имя разрушенія основныхъ положеній, намѣченныхъ въ манифестѣ 17-го октября, они сдѣлались революціонной партіей, по терминологіи ими установленныхъ законовъ—преступной партіей. Революціонная, вѣрнѣе, контръ-революціонная партія быстро усвоила должную методологію. У нея есть центральный комитетъ и петербургскій, у нея есть мѣстныя полуавтономныя организаціи, у нея есть свои нелегальныя типографіи, нелегальные склады нелегальныхъ изданій, имѣются прокламаціи и бомбы, и браунинги, и кинжалы, и свои «товарищи», и Суворинъ-отецъ, и бѣлостокскіе громилы, и Грингмутъ, и генералъ Алихановъ, и Ренненкампфъ и прочіе генералы и поручики, знаменитые въ битвахъ на внутреннихъ поляхъ сраженій, архіепископы Гермогенъ и Антоній и іеромонахъ Иларіонъ и пр., и пр.

Правда, у нихъ нѣтъ высокихъ идей, кромѣ классовыхъ интересовъ, которые Щедринъ опредѣлялъ широкимъ словомъ «утроба», у нихъ нѣтъ избирательныхъ вотумовъ страны, нѣтъ приговоровъ и наказовъ, и сами себѣ они посылаютъ телеграммы въ «Правительственный Вѣстникъ»; правда, они только несутъ смерть, не отдавая свою жизнь за чужую смерть; правда, за ними не стоятъ кадры людей высокой души, горячаго сердца, и во всякомъ случаѣ безкорыстныхъ людей, за сребренники нанимаютъ они свою революціонную армію, но классовые интересы ничуть не меньше императивны, чѣмъ высокіе идеалы и святыя слова, и сила отчаянія даетъ смѣлость ставить на карту все и рисковать всѣмъ, но нанятые браунинги такъ же убиваютъ и подкупленные кинжалы также вонзаются въ человѣческое тѣло. Да, существуетъ звѣздная палата, но она—лишь исполнительный органъ широкой партіи и она до извѣстной степени демократически устроена, въ ней есть делегированные люди изъ государственнаго совѣта, изъ дворянскихъ съѣздовъ.

Она должна называться «партіей стараго режима». Ни «монархическій союзъ», ни «русское собраніе», ни «истинно русскіе люди», ни «бѣлое знамя», ни даже, самое вѣрное опредѣленіе, «союзъ активной борьбы съ революціей» не опредѣляютъ настоящаго загла-

вія. Это все выдуманныя для убѣжденія кого слѣдуетъ и на страхъ врагамъ разныя названія одной общей партіи стараго режима, понимаемаго въ томъ мужицкомъ смыслѣ, который, вмѣсто режимъ, выговариваетъ «прижимъ». Только съ такой поправкой будетъ правильно понято въ современномъ смыслѣ слово—правительство. И мнѣ смѣшно слушать рѣчи к.-д., когда они упрекаютъ министровъ въ томъ, что они сваливаютъ отвѣтственность на монарха, по конституціи не могущаго нести отвѣтственность, и, въ качествѣ крайняго аргумента, говорятъ объ опасности для династіи. И рѣчи Родичева смѣшны и комичны потому, что эти рѣчи несутся въ пустое пространство, нисколько не убѣдительны и не императивны для тѣхъ, кто ихъ слушаетъ. Если эта партія стараго режима раньше связывала себя съ самодержавіемъ, то теперь она самодержавіе связала съ собой; если раньше, высокимъ слогомъ выражаясь, она поддерживала тронъ, то теперь она требуетъ, чтобы тронъ поддерживалъ ее. Эти люди превосходно чувствуютъ, что такое классовые интересы, и прекрасно знаютъ, что все остальное—надстройка надъ ними. И если бы имъ жизнь категорически поставила вопросъ: монархія безъ нихъ или они безъ монархіи,—они, не колеблясь, отвѣтили бы: «мы безъ монархіи». Если бы серьезно поставленъ былъ вопросъ о выборѣ опасности для нихъ и для опасности династіи, они, не колеблясь, предоставили бы опасность династіи. И если бы династія погибла, ни одна искренняя слеза не скатилась бы съ ихъ глазъ. Я говорю: ни одна слеза, я говорю, что они выбрали бы «себя безъ монархіи» и опасность предоставили бы династіи, такъ какъ не вижу около престола ни одного человѣка, искренно преданнаго принципамъ монархіи, нелицепріятно любящаго династію, ни одного, кто подчинялъ бы свои сословные и классовые интересы принципамъ монархіи и интересамъ династіи. Я имѣю право говорить это, такъ какъ иначе люди правительства не истолковывали бы высочайшій манифестъ 17-го октября тѣмъ страшнымъ истолкованіемъ, которое они съ того дня по сей день давали и даютъ странѣ, они оберегали бы монархію и династію отъ вовлеченія ихъ въ свою личную борьбу, не обнажали бы передъ народомъ и не подвергали бы монархію и династію ежедневной, ежечасной и совершенно ненужной опасности, какой подвергаютъ всѣ они. И министры должны были бы тотчасъ же послѣ 13-го мая выйти въ отставку, должны были бы поступить такъ не въ силу логики, даже не изъ-за своей чести, а именно въ интересахъ охраны монархическаго принципа, во имя любви къ династіи.

Мы много видѣли неожиданностей, многія неожиданности ждутъ насъ еще впереди,—и прежде всего неожиданности въ тактикѣ и пріемахъ этой подпольной партіи стараго режима.

А конституціоналисты-демократы все говорятъ о сотрудничествѣ съ правительственной властью, все убѣждаютъ министровъ

уйти, все угрожаютъ опасностью для монархіи, династіи. Очевидно, они не понимаютъ всей революціонности своей программы, всей непріемлемости ея для партіи стараго режима.

Когда правительству говорятъ: «Мы демократизируемъ власть, мы уменьшимъ ваши права и увеличимъ права страны», — люди правительства негодуютъ и борятся, но всетаки понимаютъ, что у нихъ остается земля и собственность, объектъ фактическаго могущества, и у нихъ можетъ оставаться нѣкоторая надежда приспособиться къ новымъ условіямъ политическаго строя и использовать свою фактическую власть.

К.-д. не оставляютъ имъ этой иллюзіи. Партію народной свободы упрекаютъ въ томъ, что она стремится уничтожить только латифундіи и оставляетъ на мѣстѣ большую часть мелкаго, а можетъ, и средняго землевладѣнія, но ихъ программа, политическая и аграрная, бьетъ на смерть именно ядро той партіи,—собственниковъ земельныхъ латифундій и полунаслѣдственныхъ владѣльцевъ широкихъ латифундій политическихъ правъ.

А к.-д. все убѣждаютъ звѣздную палату уйти съ исторической сцены, поступиться своимъ настоящимъ и отрѣзать себя отъ всякаго будущаго, и на этомъ, между прочимъ, построена ихъ вся тактика, всѣ рѣчи ихъ ораторовъ. Они все цѣпляются за возможность легальныхъ формъ борьбы съ этой нелегальной правительственной властью. Они хотятъ, чтобы люди правительства сами себѣ рыли могилу и сами надъ собой панихиду служили.

Въ этомъ трагедія положенія конституціоналистовъ-демократовъ,—въ несоотвѣтствіи и несогласованности ихъ цѣлей и средствъ. Ихъ цѣль—глубокая перестройка государственной жизни и, прежде всего, уничтоженіе политической и соціальной роли тѣхъ, кто до сего времени составлялъ правительство. Ихъ методъ—дѣятельность только въ предѣлахъ помѣщенія Таврическаго дворца и не слишкомъ далеко отстоящихъ отъ него зданій, тщательное отгораживаніе отъ всего, что напоминаетъ понятіе революціонности, и непоколебимое желаніе оставаться въ предѣлахъ законности, какова бы она ни была. Въ ихъ распоряженіи остаются только одни средства,— работа съ тѣмъ же правительствомъ, обращеніе къ тѣмъ же органамъ власти, ожиданіе, что они уступятъ свою позицію и согласятся уйти со сцены жизни.

Есть еще другая трагедія, быть можетъ, болѣе глубокая, такъ какъ ихъ личная трагедія та, про которую поговорка есть: «изъ себя не выскочишь». Я уже говорилъ въ прошлой книжкѣ «Русскаго Богатства» о той долговременной диффузіи между правительственными слоями и тѣми, изъ которыхъ вышла партія народной свободы, о долгомъ, прискорбномъ гипнозѣ правительственныхъ словъ и мыслей, тяготѣвшемъ надъ русской жизнью,—о томъ, что я называлъ методологіей к.-д. Я не ожидалъ, что мои горестныя предчувствія такъ скоро оправдаются, и не ожидалъ, что ихъ методологія проявится

съ такой демонстративностью въ той области, въ которой они казались мнѣ почти неуязвимыми,—въ политической области. Я имѣю въ виду ихъ законопроектъ о собраніяхъ и пренія, связанныя съ нимъ. Я не буду подробно останавливаться на отдѣльныхъ статьяхъ,—на той «верстѣ», которая, при территоріальномъ распредѣленіи Таврическаго и Зимняго дворцовъ, лишитъ фактически добрую половину Петербурга возможности устраивать митинги на открытомъ воздухѣ, «на неприпятствованіи движенію», при которомъ многіе россійскіе города, состоящіе изъ огромной площади (предназначенной для движенія) и тянущихся къ ней радіусами улицъ, будутъ вѣковѣчно лишены митинговъ на открытомъ воздухѣ; не буду останавливаться на этомъ смутномъ, допускающемъ расширительныя толкованія, правѣ полиціи закрывать собранія и отсутствіи хотя бы смутнаго намека на право русскаго обывателя привлекать полицію къ отвѣтственности за слишкомъ расширенное толкованіе ею своего права,—и отмѣчу, какъ самое характерное, только тѣ злополучные 24 часа, которые партія народной свободы считаетъ необходимымъ и неустранимымъ условіемъ для того, чтобы русскій обыватель, при будущемъ народовластіи, могъ собираться для обсужденія своихъ, иногда неотложныхъ нуждъ. И характеренъ тотъ единственный аргументъ, который приводили ораторы партіи народной свободы: «такъ принято въ хорошихъ домахъ, въ другихъ европахъ». Они прекрасно знаютъ, что тамъ перемѣстились центры тяжести власти, но государства продолжаютъ оставаться буржуазно-полицейскими. Свою политическую программу к.-д. продвинули далѣе многихъ западно-европейскихъ странъ, — доброе ли сердце, тактическія ли партійныя соображенія, государственная ли мудрость продиктовали имъ ввести въ свою программу рѣшеніе аграрнаго вопроса, но они имѣли смѣлость внести его, и въ этомъ далеко вышли впередъ за предѣльную линію западно-европейскаго государство-строительства.

Они имѣли разумъ и мужество по своему устроить свой русскій домъ, но «отречься отъ стараго міра» русской полицейской дѣйствительности они не могли. У нихъ не хватило силы выскочить изъ самихъ себя, освободиться отъ своей старой методологіи, отъ гипноза мыслей и словъ стараго режима, и здѣсь, въ этомъ элементарно простомъ вопросѣ, они сочли необходимымъ апеллировать къ старому опыту старой Европы, взять изъ него именно то, что уже въ значительной мѣрѣ отжило тамъ вѣкъ и потеряло смыслъ,—взяли именно полицейское существо государства.

Я глубоко вѣрю, что большинство партіи народной свободы никоимъ образомъ не желало этимъ законопроектомъ заковывать въ кандалы народную свободу, но тѣмъ яснѣе становится та личная и общественная трагедія людей партіи к.-д., о которой я говорилъ.

VII.

Для того, чтобы бросить камень въ далекую цѣль, нужно прежде всего, чтобы онъ былъ тяжелъ. Большой комокъ изъ пуха и перьевъ, какъ бы страшно ни размахивалась рука, упадетъ у ногъ бросающаго. Второе условіе достиженія камнемъ цѣли—сила мускуловъ бросающей руки. Важны, конечно, вѣрный глазъ, точно расцѣнивающій разстояніе до намѣченной цѣли, и энергія волевыхъ импульсовъ,—энергія желанія попасть камнемъ въ намѣченную цѣль. Это вѣрно и это нужно твердо помнить всѣмъ политическимъ партіямъ. Только полная гармонія тяжести бросаемаго, силы мускуловъ, вѣрнаго глаза и энергіи бросающаго дѣлаетъ достижимой намѣченную цѣль. Всякое же нарушеніе этой гармоніи,—въ смыслѣ ли перегруженія тяжести, въ смыслѣ ли ея легковѣсности, невѣрность глаза, недостаточность энергіи желанія, дряблость мускуловъ—обрекаетъ политическую партію или на безплодныя потуги, или безплодные широкіе размахи...

. . . .

Мнѣ не пришлось кончить моей статьи и развернуть эту схему въ должной широтѣ. Получилось извѣстіе о роспускѣ Государственной Думы, и нѣтъ ни силъ, ни охоты, нѣтъ возможности спокойно обсуждать далекія цѣли и средства ихъ достиженія, хоть сколько-нибудь объективно разбираться въ логикѣ развертывающихся событій. Глубоко субъективная, окровавленная русская дѣйствительность наполняетъ поле зрѣнія и гонитъ въ даль далекія переспективы...

Мнѣ хотѣлось бы только приложить мою схему къ правительству и этому шагу его—роспуску Думы. Энергія его волевыхъ импульсовъ, энергія силы отчаянія—внѣ сомнѣній; но старый глазъ давно плохо видитъ; трудно сказать, насколько вѣрно учитываетъ правительство имѣющіеся въ его распоряженіи мускулы, но я допускаю возможность, что и безъ толку размахивающая рука успѣетъ перебить много народу; но одно для меня несомнѣнно, — легковѣсность камня, который бросаетъ оно. Съ той тяжестью, съ тѣмъ содержаніемъ, которое заключается въ обращеніи министра Столыпина къ периферическимъ властямъ, камень, такъ отчаянно бросаемый правительствомъ, не долетитъ до намѣченной цѣли, не успокоитъ взволнованнаго народа,—и упадетъ у ногъ бросающаго. Когда-то давно большая тяжесть лежала въ рукѣ правительства, изъ желѣза скована была она, но ржавчина времени изъѣла желѣзо, и только ржавая пыль осталась въ той рукѣ. И временно заполнитъ она воздухъ, но упадетъ къ ногамъ бросающаго.

С. Елпатьевскій.

Раскрытый тайникъ.

(Изъ поѣздки въ Шлиссельбургскую крѣпость).

I.

Широкая рѣка сдѣлала послѣдній поворотъ—и, какъ разъ посрединѣ ея, въ отдаленіи, ярко обозначились бѣлыя стѣны знаменитой крѣпости.

Помѣщается она на островѣ, отдѣляющемъ Неву отъ Ладожскаго озера, и основана еще въ XIV вѣкѣ новгородцами подъ именемъ Орѣшка. Съ тѣхъ поръ въ теченіе почти четырехъ вѣковъ Орѣшекъ (у шведовъ—Нотебургъ), въ виду важности своего военнаго и торговаго положенія, являлся яблокомъ раздора между Новгородомъ и затѣмъ его наслѣдницей Москвою съ одной стороны и Швеціей—съ другой. Не разъ происходили здѣсь долгія, жестокія осады и кровавые штурмы; и только съ окончаніемъ Сѣверной войны, когда русскими взяты были Кексгольмъ и Выборгъ и построены укрѣпленія Петербурга и Кронштадта, Шлиссельбургъ утратилъ, наконецъ, всякое стратегическое значеніе.

Въ другомъ совершенно родѣ его дальнѣйшая извѣстность въ русской исторіи, правильнѣе — въ исторіи нашего самодержавія. Сюда заточало оно своихъ соперниковъ и враговъ. Здѣсь погибъ Іоаннъ Антоновичъ; здѣсь томился Новиковъ, а затѣмъ и нѣкоторые изъ декабристовъ; но, главнымъ образомъ, Шлиссельбургъ прославился съ 1884 года, какъ могила героевъ «Народной Воли», съ именами которыхъ и будетъ всегда ассоціироваться его мрачная память...

Былъ яркій солнечный день, когда пароходъ нашъ присталъ къ лѣвому берегу Невы, на которомъ расположенъ *городъ* Шлиссельбургъ съ его ситценабивной фабрикой и 10 тыс. населеніемъ (въ томъ числѣ масса нищихъ и золоторотцевъ). Но не городъ, собственно, привлекалъ меня; я спѣшилъ на островъ, въ крѣпость, для чего и воспользовался первымъ предложившимъ свои услуги яличникомъ. Несмотря на тихую погоду, волны были настолько бурныя, что молодой, здоровенный дѣтина, исполнявшій должность нашего Харона, не поѣхалъ прямо черезъ проливъ, а долго старался грести вдоль берега, противъ теченія; одновременно выѣхавшій товарищъ его отнесенъ былъ теченіемъ далеко назадъ, и ему лишь значительно позже удалось достигнуть мѣста назначенія. Волны шумно пѣнились и бурлили, бросая лодку то вверхъ, то внизъ; было жутко... Впереди выдвигался изъ воды огромный камень,

и казалось, что какъ разъ на него перевозчикъ направляетъ лодку. Кто-то изъ компаніи, не утерпѣвъ, обратилъ на это его вниманіе.

— Такъ надо, — коротко отвѣчалъ парень, съ котораго уже градомъ катился потъ. И, дѣйствительно, возьми онъ немного лѣвѣе—теченіе унесло бы лодку.

— Вотъ назадъ ѣхать бознѣй!—пояснилъ онъ съ улыбкой, и, признаюсь, не охотникъ до жуткихъ ощущеній, я искренно порадовался, когда на обратномъ пути, вмѣсто лодки, удалось поѣхать на пароходѣ...

Въ этомъ мѣстѣ пролива, соединяющаго Неву съ бурнымъ Ладожскимъ озеромъ, всегда не спокойно, а осенью налетаютъ такіе жестокіе штормы, что сообщеніе крѣпости съ городомъ прерывается зачастую на нѣсколько дней. Такіе же перерывы случаются, впрочемъ, и зимой въ сильныя мятели. На быстринѣ проливъ порою совсѣмъ не замерзаетъ, и тогда приходится совершать на саняхъ большой круговой объѣздъ... Нечего говорить, теплое во всѣхъ отношеніяхъ мѣстечко выбрало самодержавіе для своихъ недруговъ!

— Ну, а въ прежніе годы позволяли сюда ѣздить?—задалъ я вопросъ яличнику.

Парень широко осклабился и замоталъ головой.

— Ни-ни! Прежде, бывало, часовой сію же мунуту замашетъ рукой, закричитъ: назадъ!.. Вонъ, будка и теперь стоитъ, да только часовыхъ ужъ нѣтъ. Посты сняты!..

Въ самомъ дѣлѣ, на крутомъ берегу острова, недалеко отъ крѣпостной стѣны, виднѣлась пестрая сторожевая будка. Но что же это? Возлѣ нея стоялъ человѣкъ и махалъ намъ рукой и, казалось, кричалъ что-то... Значитъ, опять поставили часового?! Недоразумѣніе, однако, скоро разъяснилось: это стоялъ нашъ же товарищъ, пріѣхавшій наканунѣ и вышедшій навстрѣчу; онъ еще издали узналъ насъ и кланялся...

Вотъ, наконецъ, и грозная шлиссельбургская крѣпость!.. Къ этому самому мѣсту, къ этимъ воротамъ, въ темныя глухія ночи не разъ причаливала мрачная баржа съ закованными въ желѣзный переплетъ окнами, и цѣлая рать синихъ мундировъ высаживала на берегъ таинственныхъ плѣнниковъ, безгласныхъ, беззащитныхъ и безсильныхъ: одни пріѣзжали сюда на немедленную смерть, другіе—на многолѣтнюю страду заточенія въ казематѣ... И едва нога узника, волоча кандалы, ступала на роковой берегъ, какъ жандармы хватали его за руки и, точно спасаясь отъ чьей-то погони, точно сознавая всю преступность своего дѣла, бѣгомъ бѣжали въ ворота... Скорѣе! Скорѣе!

Я разсѣянно слушалъ, какъ называли попадавшіяся по дорогѣ зданія: манежъ, канцелярія, квартира доктора, церковь... Не то, не

то! Вотъ она, цѣль: направо — братская могила *), налѣво — кордегардія и кухня, прямо—«новая тюрьма», та самая, въ которой двадцать слишкомъ лѣтъ просидѣли мученики «Народной Воли»... Съ виду, какъ будто, ничего особеннаго въ этомъ небольшомъ, въ два этажа, каменномъ зданіи, состоящемъ изъ сорока тѣсно прижимающихся одна къ другой келеекъ-камеръ: каждая изъ нихъ, на мой взглядъ, миніатюрнѣе камеръ дома предварительнаго заключенія. Камеры Петропавловской крѣпости, сравнительно, гигантскихъ размѣровъ... Затхло, сыро... Но вѣдь лѣтомъ каменныя зданія, когда они пусты и необитаемы, всегда таковы...

Заключенные жили, главнымъ образомъ, въ камерахъ второго этажа, въ нижнемъ—помѣщались мастерскія. Когда идешь по галлереѣ верхняго этажа, то особенно ясно видишь и ощущаешь тѣсноту шлиссельбургскаго тайника, два человѣка не могутъ свободно идти здѣсь рядомъ: съ одной стороны стѣна и двери казематовъ, съ другой — натянутая веревочная сѣтка, предусмотрительно спасавшая заключенныхъ отъ попытокъ самоубійства... И назойливая мысль почему-то все время бродитъ въ моей головѣ: вотъ по этой самой узенькой галлереѣ проходили, бывало, важные, толстые сановники и генералы, наѣзжавшіе время отъ времени въ Шлиссельбургъ; имъ надо было протискиваться бокомъ, чтобы заглянуть въ дверной глазокъ, или зайти въ самую камеру... Впрочемъ, маленькій, юркій П. Н. Дурново проходилъ вполнѣ свободно, восторгаясь, вѣроятно, образцовымъ благоустройствомъ тюрьмы, надъ которымъ немало поработала его собственная фантазія...

— Здѣсь кто сидитъ?—спрашивалъ вполголоса сановникъ у сопровождавшаго его «Ирода». — А!.. Ну, какъ онъ себя ведетъ? Спокоенъ? Отлично! Отворите камеру...

Мы тоже отворяли камеры и тоже каждый разъ спрашивали у нашихъ чичероне, кто здѣсь сидѣлъ, кто умеръ... И овладѣвала порой жуткая иллюзія: вотъ увидимъ хозяина камеры?..

Но его уже нѣтъ. Пусто, тихо... На одномъ изъ оконъ бьется залетѣвшая съ воли большая желтая бабочка, и мнѣ подумалось: не духъ ли это какого-нибудь героя, вернувшагося посмотрѣть на мѣсто своихъ великихъ страданій?..

— Вотъ здѣсь жила Вѣра Николаевна... Здѣсь Лопатинъ... Новорусскій, Лукашевичъ... Антоновъ... Здѣсь умеръ Юрій Богдановичъ... А вотъ тутъ—Юрковскій... Тутъ сидѣлъ сумасшедшій Конашевичъ...

Кто-то, какъ будто, зарычалъ вдругъ или завизжалъ, заставивъ насъ вздрогнуть: это заскрипѣла ржавая дверь сосѣдней камеры, неосторожно кѣмъ-то прихлопнутая...

---

*) Въ ней похоронено около 200 русскихъ солдатъ, павшихъ при взятіи Орѣшка у шведовъ въ 1702 г.

— Тише, господа, тише! Не захлопнуть бы кого въ камерѣ... Ключей нѣтъ, и отсюда не скоро выберешься...

Послѣ такого предупрежденія мы уже не безъ робости заходили въ новыя камеры, съ опаской поглядывая все время, какъ бы кто нечаянно не захлопнулъ двери... Просидѣть тутъ взаперти нѣсколько часовъ—брр!..

Камеры маленькія, свѣтлыя, съ неподвижной желѣзной койкой и такимъ же желѣзнымъ столикомъ, надъ которымъ приспособлена электрическая лампочка на высотѣ, какую указывали сами заключенные; въ углу — водяной клозетъ (само собой разумѣется, что ни водопроводъ, ни электричество теперь уже не дѣйствуютъ). Единственное окно расположено въ верхней части передней стѣны, и чтобы заключенные не могли на него взбираться, подоконникъ сдѣланъ сильно покатымъ. Тѣмъ не менѣе, большинство узниковъ,— и даже женщины,—отлично умѣли это дѣлать: желаніе видѣть хоть тѣнь свободы превозмогало всѣ трудности... Впрочемъ, въ позднѣйшіе годы Шлиссельбурга, когда общеніе между арестантами было уже легализировано, и желаніе взлѣзать на подоконники утратило въ значительной мѣрѣ свою остроту, послѣдніе во многихъ камерахъ передѣланы были на обычный манеръ и служили помѣщеніемъ для ящиковъ съ цвѣтами.

Звонковъ совсѣмъ не было, и въ случаѣ нужды заключенный звалъ жандарма простымъ стукомъ въ дверь. По глубокомысленной идеѣ строителей Шлиссельбурга, арестанты и подозрѣвать не должны были о пребываніи рядомъ съ ними другихъ товарищей,—вотъ для чего нужно было отсутствіе звонковъ... Когда Грачевскій въ 1888 г. сжегъ себя, облившись керосиномъ изъ лампочки, то, кажется, самъ П. Н. Дурново придумалъ другую остроумную штуку—особаго рода желѣзную сѣтку (колпачекъ), въ которую отнынѣ замыкался резервуаръ лампы. Стекло осталось по прежнему свободнымъ; но если бы кому-нибудь изъ узниковъ пришло послѣ этого въ голову зарѣзаться этимъ стекломъ, вѣроятно, Петръ Николаевичъ придумалъ бы и еще какое-нибудь геніальное усовершенствованіе. Къ счастію, этого не случилось... За то огромная веревочная сѣть, какъ я уже сказалъ, отдѣляла второй этажъ тюрьмы отъ перваго, въ корнѣ пресѣкая соблазнъ кинуться съ галлереи внизъ головой на каменный полъ тюрьмы. Но среди искусно разставленныхъ сѣтей, западней и ловушекъ наиболѣе непріятной для издерганныхъ и безъ того нервовъ былъ стеклянный круглый глазокъ въ двери каждой камеры. Снаружи онъ закрывался особаго рода пластинкой, которая при самомъ осторожномъ отдергиваніи производила шуршащій звукъ, дававшій заключенному понять, что на него глядитъ отвратительный глазъ шпіона, лица котораго нельзя видѣть...

Съ тяжелымъ щемящимъ чувствомъ и вихремъ непередаваемыхъ мыслей и воспоминаній вышелъ я изъ холоднаго, затхлаго ящика новой тюрьмы на свѣжій, вольный воздухъ.

Для человѣка, которому довелось повидать не мало другихъ, порой въ десять разъ худшихъ, мѣстъ заключенія, зданіе этой тюрьмы само по себѣ не представляетъ ничего ужаснаго, но оно внушаетъ ужасъ витающими надъ нимъ страшными *воспоминаніями*. Люди, входившіе подъ эти своды, молодые, полные силъ и огня люди, знали, были увѣрены, что они уже никогда отсюда не выйдутъ, что здѣсь ихъ могила! И, дѣйствительно, если инымъ удалось всетаки дожить до вожделѣнной свободы, избѣжавъ разстрѣла, не наживъ чахотки, не сойдя съ ума, то вѣдь это было поистинѣ какое-то сумасшедшее, невѣроятное счастье! А для скольких другихъ Шлиссельбургъ остался тѣмъ кругомъ Дантова ада, на которомъ была роковая надпись: «Оставь надежду навсегда!..»

— Не желаете ли заглянуть въ подвалъ?

— А развѣ и тамъ что-нибудь было? Можетъ быть, карцеръ?

— Ровно ничего тамъ не было. Пустой подвалъ.

— Въ такомъ случаѣ, что же смотрѣть?..

— Но всетаки... Въ публикѣ думаютъ, что тутъ былъ какой-то застѣнокъ...

Сгибаясь въ три погибели и свѣтя передъ собой, мы обошли всѣ закоулки большого и темнаго подвала, спотыкаясь о неровности пола и кучи набросанныхъ безпорядочно кирпичей и камней. Никакого застѣнка, дѣйствительно, нѣтъ... Ни дыбы и никакихъ другихъ орудій пытки...

— А что же это за ящики съ каменьями?

— А, это любопытная вещь. Это остатки минералогическихъ коллекцій, которыя составляли заключенные. Все главное давно уже увезено отсюда департаментомъ полиціи, но разныя мелочи остались.

Нѣсколько такихъ мелочей мы взяли себѣ на память...

Прямо противъ входа въ новую тюрьму, въ десяти шагахъ отъ нея,—кордегардія и кухня. Доступъ туда для заключенныхъ былъ строго возбраненъ, и ничего тамъ интереснаго не происходило, и, тѣмъ не менѣе, это, пожалуй, одно изъ самыхъ любопытныхъ мѣстъ Шлиссельбурга, доставляющее туристу минуту глубокаго удовлетворенія. Я имѣю, собственно, въ виду окна кордегардіи: когда идешь по тротуару мимо тюрьмы, то въ окнахъ этихъ, какъ въ зеркалѣ, видишь отраженіе собственной фигуры... Нечеловѣческую проницательность, дьявольскую порой хитрость и предусмотрительность обнаруживали шлиссельбургскіе церберы, но это заурядное физическое явленіе въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ они упускали изъ виду... Дѣло въ томъ, что изъ этой же кухни жандармы носили пищу и въ старую тюрьму, когда тамъ находились заключенные. Но обитатели новой тюрьмы не должны были даже подозрѣвать о томъ, что тамъ кто-нибудь есть. И вотъ, хорошо зная, что послѣдніе несмотря на всѣ запреты и угрозы, взбираются на подо-

конники своихъ келій и смотрятъ на дворъ, «Иродъ» *) приказывалъ жандармамъ и здѣсь пускаться на хитрость: они должны были, выходя изъ кухни съ посудой въ рукахъ, какъ ни въ чемъ не бывало, направляться спокойнымъ шагомъ прямо къ дверямъ новой тюрьмы, и только потомъ, выйдя изъ поля зрѣнія оконъ второго этажа, круто поворачивать къ старой тюрьмѣ, крадясь вдоль стѣнъ новой. Но окна кордегардіи, въ непреклонной вѣрности истинѣ, каждый разъ изобличали эту звѣриную хитрость тюремщиковъ: шлиссельбургскіе узники всегда знали о появленіи въ старой тюрьмѣ новаго жильца...

Пока компанія наша, смѣясь, обсуждала все это, я съ любопытствомъ глядѣлъ на лицо стоявшаго въ сторонѣ стараго жандарма, двадцать лѣтъ прослужившаго въ крѣпости: что оно выражаетъ—смущеніе, стыдъ, сожалѣніе о былой недогадливости? Но лицо оставалось, какъ маска, неподвижно и непроницаемо... Школа «Ирода»!

Прежде, чѣмъ отправиться въ старую тюрьму, мы заглянули въ трехъугольные дворики для прогулокъ, превращенные позже въ огороды; теперь они густо заросли бурьяномъ и стали почти непроходимы. Огородъ Г. А. Лопатина, между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе одной особенностью: почва, приготовленная для посадокъ, значительно возвышается въ немъ надъ дорожкой, оставленной для прохода. Оказывается, эти насыпи остроумно сооружены были Германомъ Александровичемъ для того, чтобы не нагибаться при выпалываніи сорныхъ травъ... Вдоль всѣхъ огородовъ тянется высокой стѣной деревянная площадка, по которой расхаживали голубые соглядатаи, а за ней, еще выше, подымается каменная стѣна крѣпости, гигантское сооруженіе, дошедшее до насъ еще отъ временъ Великаго Новгорода. Мы взобрались и на эту стѣну, теперь совершенно пустынную, покинутую; а еще годъ тому назадъ по ней также расхаживали часовые, смѣнявшіеся каждые два часа. И при этихъ частыхъ смѣнахъ зловѣщимъ грохотомъ гремѣли каждый разъ тяжелыя желѣзныя ворота, заставляя узниковъ вздрагивать... Сейчасъ же за стѣной плескалось бурное озеро, немолчный шумъ котораго тоже былъ слышенъ въ тюрьмѣ...

II.

Старинная крѣпостная стѣна новгородско-шведскихъ временъ образуетъ, если не ошибаюсь, неправильный многоугольникъ, внутри раздѣленный такой же каменной стѣной на двѣ неравныя части; въ большей изъ нихъ помѣщаются новая тюрьма съ кухней, цер-

*) Такъ прозванъ былъ заключенными за свою безсердечную жестокость первый смотритель крѣпости—Соколовъ.

ковь, канцелярія и другія зданія, въ меньшей—старая тюрьма, въ просторѣчіи именовавшаяся «сараемъ». Расположенный передъ ней довольно просторный дворъ, благодаря исполинскимъ стѣнамъ, производитъ впечатлѣніе глубокаго, мрачнаго, замкнутаго со всѣхъ сторонъ колодца. Въ послѣдній, сравнительно либеральный, періодъ тюрьмы, когда «сарай» былъ уже необитаемъ, какъ тюрьма, и отданъ заключеннымъ подъ мастерскія всякаго рода, въ ихъ же распоряженіе предоставленъ былъ и этотъ дворъ, и онъ весь пущенъ былъ подъ культуру растеній: все солнечное мѣсто отводилось парникамъ, въ которыхъ здѣсь насчитывалось до 35 рамъ. На этомъ же дворѣ выкопанъ былъ единоличными усиліями Н. П. Стародворскаго погребъ. Заглянувъ въ его темную глубину, невольно отдашь дань уваженія богатырскимъ силамъ и упорной настойчивости удивительнаго работника... Злые языки говорятъ, однако, что погребъ никуда не годился: вслѣдствіе отсутствія правильной вентиляціи, продукты въ немъ скоро плѣсневѣли и портились...

Не такое мирное назначеніе имѣлъ этотъ дворъ въ первый періодъ Шлиссельбургской крѣпости: въ 1884 г. тутъ повѣшены офицеры Рогачевъ и Штромбергъ и разстрѣлянъ Минаковъ; въ 1885 году разстрѣлянъ же Мышкинъ; въ 1887 повѣшено пятеро петербургскихъ студентовъ, подготовлявшихъ покушеніе на имп. Александра III: Ульяновъ, Генераловъ, Шевыревъ, Осипановъ, Андрèюшкинъ... Страшно думать объ этомъ! Несчастные юноши, за одинъ только замыселъ, не приведенный въ дѣйствіе, были хладнокровно умерщвлены здѣсь, въ этомъ мрачномъ колодцѣ, почти на порогѣ тюрьмы, подъ самыми ея окнами! И эта жестокая казнь совершена была не при какомъ-либо бурномъ, тревожномъ состояніи страны: революціонное движеніе, напротивъ, было совершенно подавлено, Россія пребывала въ вожделѣнномъ «спокойствіи»...

«Сарай» вполнѣ заслужилъ свое названіе: онъ теменъ, сыръ, неприглядень... Всего одинъ этажъ, въ 10 камеръ. По какому-то темному корридору-лѣстницѣ съ неровными и неправильными плитами-ступенями мы поднялись въ знаменитую, устроенную въ прилегающей крѣпостной стѣнѣ, камеру Іоанна Антоновича. Большой, неправильный четыреугольникъ съ сводчатымъ потолкомъ и небольшимъ низкимъ окошкомъ въ желѣзномъ переплетѣ. Сыро, темно, жутко... Камера дѣлилась когда-то перегородкой на двѣ комнаты, изъ которыхъ задняя служила спальней царевича: тамъ одинъ изъ приставовъ крѣпости и заколол̆ъ его въ 1764 г. кинжаломъ во время извѣстной неудачной попытки подпоручика Мировича освободить Іоанна Антоновича и провозгласить императоромъ. Убійство это совершено было въ силу данной Екатериною спеціальной инструкціи, ясно предписывавшей шлиссельбургскому коменданту—никому не отдавать арестанта безъ именного высочайшаго повелѣнія, въ случаѣ же насильственной попытки освобожденія—умертвить. Для того, чтобы великая Семирамида сѣверныхъ странъ, за мудрость

и добродѣтель прославленная всѣми піитами современной Европы, могла спать спокойно, несчастный юноша-узникъ долженъ былъ уйти изъ жизни! И онъ ушелъ, не видавъ жизни, невиннымъ ребенкомъ попавъ сначала въ Холмогорскую тюрьму, а затѣмъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, проведя въ общемъ около 20 лѣтъ въ безчеловѣчномъ одиночномъ заключеніи, - по свидѣтельству современниковъ, не научившись даже говорить правильно и до конца оставшись ребенкомъ. Вотъ до какого чудовищнаго озвѣрѣнія доводитъ людей жажда самовластія!

Описывая впослѣдствіи друзьямъ-философамъ попытку Мировича освободить Іоанна, Екатерина съ ироніей называла ее «Шлиссельбургской нелѣпой», при чемъ о смерти царевича благоразумно умалчивала...

Съ возмущеннымъ сердцемъ спустился я внизъ, въ «старую тюрьму», и еще разъ зашелъ въ камеру, въ которой провелъ дватри послѣднихъ часа передъ казнью Степанъ Балмашовъ (2—3 мая 1902 г.). Говорятъ, онъ все ходилъ взадъ и впередъ по своей камерѣ, подолгу останавливаясь передъ окномъ. Наконецъ, явился смотритель съ вопросомъ, не хочетъ ли осужденный исповѣдоваться у священника. Балмашовъ отвѣчалъ, что онъ уже сдѣлалъ все, что считалъ нужнымъ сдѣлать, и въ священникѣ не нуждается. Тогда вошелъ палачъ Филипьевъ *) и, объявивъ, что долженъ связать ему руки, спросилъ, будетъ ли онъ сопротивляться.

— Нѣтъ, не буду, — отвѣчалъ Балмашевъ и, отвернувшись къ окну, спокойно заложилъ руки за спину. Палачъ приблизился и связалъ ихъ.

Въ такомъ видѣ Балмашевъ выведенъ былъ въ корридоръ тюрьмы, гдѣ уже собрались всѣ мѣстныя власти, жандармы и солдаты. Но висѣлица построена была не на большомъ дворѣ, гдѣ совершались перечисленныя выше казни, а на маленькомъ, прилегающемъ къ старой тюрьмѣ съ другой стороны, возлѣ наружной крѣпостной стѣны. Сюда привели Балмашова, — и все время, пока читался приговоръ и дѣлались послѣднія приготовленія, пока не былъ накинутъ на него саванъ,—онъ, высоко поднявъ голову, смотрѣлъ на небо. Молился ли онъ? Просто ли ему было противно глядѣть на толпу этихъ звѣрей въ человѣческомъ образѣ, собравшихся глазѣть на его смерть?..

Балмашовъ — единственный изъ всѣхъ казненныхъ и умершихъ шлиссельбуржцевъ, похороненный не внѣ крѣпостной стѣны, а на томъ же дворикѣ, гдѣ происходила казнь. Случилось это потому, что на противоположномъ берегу пролива, гдѣ помѣщаются поро-

*) Арестантъ, осужденный на вѣчную каторгу за 7 убійствъ. Онъ же казнилъ позже Каляева... Телеграфъ сообщилъ на дняхъ, что уголовные арестанты одной изъ кавказскихъ тюремъ убили Филипьева, узнавъ, что онъ вѣшалъ революціонеровъ.

ховые заводы, происходили въ этотъ день какія-то работы на открытомъ воздухѣ, и начальство боялось, что рабочіе обратятъ вниманіе на похороны... Тутъ же, недалеко отъ висѣлицы, среди высокаго бурьяна вырыта была яма... Казненнаго опустили въ нее (кажется, положивъ всетаки предварительно въ гробъ) и засыпали известкой. Послѣдняя, по разсказамъ свидѣтелей, употреблена была только въ цѣляхъ дезинфекціи, а никакъ не для уничтоженія останковъ (молва говорила о негашеной извести). На стѣнѣ, возлѣ самой могилы, виднѣется надбитый кирпичъ,—единственный, сдѣланный кѣмъ-то, знакъ надъ мѣстомъ упокоенія юноши-героя...

Здѣсь умѣстно будетъ разсказать, какихъ два страшныхъ мѣсяца пережили передъ казнью Балмашева шлиссельбургскіе узники, обитатели новой тюрьмы. Кажется, въ февралѣ 1902 года М. Р. Попову удалось какимъ-то образомъ разговориться съ однимъ солдатикомъ-часовымъ, оказавшимся очень симпатичнымъ малымъ (періодъ былъ либеральный, и суровый когда-то надзоръ значительно ослабѣлъ), и ему пришло въ голову воспользоваться новымъ пріятелемъ для отправки на волю письма. Письмо къ матери-старухѣ было настолько невиннаго содержанія, что Поповъ не счелъ даже нужнымъ разсказать о своей попыткѣ товарищамъ. Между тѣмъ, солдатикъ съ письмомъ попался, и въ крѣпости начался страшный переполохъ... Большая часть мелкихъ послабленій, отвоеванныхъ постепенно заключенными, исходила отъ мѣстной шлиссельбургской власти; департаментъ полиціи, если и зналъ объ этихъ пустительствахъ, то не столько санкціонировалъ ихъ, сколько просто глядѣлъ на нихъ сквозь пальцы, при томъ, однако, непремѣнномъ условіи, что въ крѣпости будетъ сохраняться полная внѣшняя субординація и спокойствіе. Но совсѣмъ иначе долженъ былъ отнестись департаментъ, узнавъ о случившемся «скандалѣ», свидѣтельствовавшемъ объ ослабленіи режима,—и понятно, что, еще раньше того или другого указанія изъ Петербурга, шлиссельбургское жандармское управленіе поспѣшило подтянуть опущенныя бразды. Ничего не сообщая заключеннымъ о перехваченномъ письмѣ (Поповъ также молчалъ, самъ ничего не подозрѣвая), комендантъ неожиданно ввелъ въ обиходъ тюремной жизни цѣлый рядъ репрессій, хотя и мелкихъ, но крайне болѣзненно отозвавшихся на приподнятыхъ всегда нервахъ заключенныхъ. Они чутко насторожились... И вотъ, вечеромъ 2 марта, когда жандармы заглянули, по обыкновенію, въ дверной глазокъ С. А. Иванова, послѣдній, въ раздраженіи, закрылъ его изнутри кускомъ холста. Дѣлать это позволялось, и то въ исключительныхъ случаяхъ, только женщинамъ... Дверь отворилась, и повязка съ «глазка» была сорвана; но Ивановъ снова наложилъ ее. Препирательства продолжались долго. Наконецъ, жандармы ворвались въ камеру и начали вязать Иванова, чтобы отвести въ карцеръ... Но въ эту минуту съ нимъ случился эпилептическій припадокъ, сопровождавшійся страшнымъ крикомъ,

который привлекъ вниманіе всей тюрьмы... Заключенные, заподозривъ что одного изъ товарищей бьютъ, стучали чѣмъ попало въ двери, звали смотрителя, выкрикивали угрозы... Прибѣжавшій смотритель пытался ихъ успокоить; тѣмъ не менѣе, Ивановъ, не смотря на болѣзненный припадокъ, былъ всетаки связанъ и отнесенъ въ одну изъ нижнихъ камеръ, гдѣ и пробылъ до слѣдующаго утра.

Обстоятельство это не внесло, конечно, въ тюрьму примирительнаго настроенія; напротивъ, оно показывало, что начальство рѣшило серьезно воскресить старый режимъ, и что нужно или примириться съ этимъ, или дать немедленный отпоръ. Большинство заключенныхъ убѣждено было при этомъ, что виною всѣхъ репрессій — капризъ мѣстныхъ властей, и что необходимо какимъ-нибудь способомъ довести о немъ до свѣдѣнія центральнаго правительства. Съ этой цѣлью В. Н. Фигнеръ написала немедленно къ матери письмо, съ подробнымъ изложеніемъ послѣднихъ событій, хорошо зная, что письмо это не будетъ, конечно, отправлено по назначенію, но за то будетъ прочитано въ департаментѣ полиціи. И вотъ, когда смотритель, ротмистръ Гудзь,—человѣкъ, лично не внушавшій заключеннымъ особенной непріязни и не злой по природѣ,—пришелъ увѣдомить ее, что письмо не будетъ отправлено комендантомъ даже и въ департаментъ полиціи (не ясное ли,—казалось,—доказательство, что комендантъ хотѣлъ скрыть свое самоуправство?),—Вѣра Николаевна, не видя другого средства защитить товарищей, сорвала съ Гудзя погоны...

Случилось это 4 марта. Съ этого дня до конца мѣсяца тюрьма представляла настоящую могилу; заключенные безвыходно сидѣли въ камерахъ, не пользуясь даже прогулками... И только съ 30 марта, когда смѣнилось крѣпостное начальство,—прежняя дѣятельная жизнь начала понемногу возрождаться, хотя былая свобода уже не вернулась (совершенно возбраненъ былъ, напр., входъ въ старую тюрьму съ прилегающими къ ней двумя дворами, гдѣ находились парники, погребъ, мастерскія и пр.). Но главное—неотступнымъ кошмаромъ стоялъ все время вопросъ: что станется съ любимымъ товарищемъ?.. Сама Вѣра Николаевна казалась, какъ всегда, бодрой, живой, даже веселой, но и она предвидѣла, очевидно, возможность жестокой расправы. Никто изъ товарищей не заговаривалъ объ этомъ ни съ нею, ни даже другъ съ другомъ, но каждый и засыпалъ, и просыпался все съ той же неотвязно сверлившей душу мыслью: возможно ли, чтобы русское правительство забыло?.. Развѣ оно способно остановиться передъ тѣмъ фактомъ, что передъ нимъ—женщина? А Перовская? А Сигида?..

Въ половинѣ апрѣля въ тюрьму проникъ смутный слухъ о большихъ студенческихъ безпорядкахъ въ Петербургѣ (объ убійствѣ 2 апрѣля мин. вн. дѣлъ Сипягина ничего не знали); и почти одновременно замѣчены были какія-то работы въ старой тюрьмѣ: туда было доставлено нѣкоторое количество досокъ—не такой длины, какъ обык-

новенныя доски, привозимыя по заказу заключенныхъ для столярной мастерской прямо съ завода. И величина, и количество этихъ досокъ наводили на мысль о постройкѣ помоста для эшафота... Кто-то увидѣлъ затѣмъ, какъ въ «сарай» пронесли странный четыреугольникъ съ подвижной крышкой... Это могъ быть табуретъ для совершенія казни... Возбужденная мысль усиленно работала, силясь подыскать какія-либо болѣе успокоительныя объясненія; но какія? Высказывалось предположеніе, что въ старую тюрьму будутъ привезены новые арестанты, и что на маленькомъ дворикѣ отгораживается мѣсто для ихъ прогулки; четыреугольникъ, поставленный вертикально, могъ служить дверью въ этомъ заборѣ... Правда, очень маленькой дверью...

Такъ тянулись дни за днями въ кошмарномъ, подавленномъ настроеніи. Наконецъ, 2-го мая страшная загадка раскрылась. Рано утромъ этого дня М. В. Новорусскій, проходя изъ тюрьмы въ огородъ, наткнулся на страннную сцену: смотритель, забывъ свой чинъ и возрастъ, опрометью бѣжалъ черезъ дворъ, а за нимъ слѣдомъ жандармъ... Было очевидно, что случилось что-то неожиданное, необычайно взволновавшее начальство... Спрошенный о причинѣ этой бѣготни, дежурный жандармъ пробурчалъ что-то неопредѣленное и явно уклончивое. Почти въ то же время П. Л. Антоновъ, часто имѣвшій привычку заглядывать въ окно своей камеры, изъ которой открывался видъ на главную дорогу отъ воротъ крѣпости къ манежу и канцеляріи,—увидалъ необычайное зрѣлище: къ канцеляріи приближалась цѣлая свита жандармовъ, и посреди шелъ молодой человѣкъ въ штатскомъ платьѣ, нѣсколько сутуловатый, но бодрый и веселый: онъ махалъ по направленію къ тюрьмѣ фуражкой и кланялся...

Вѣсть эта облетѣла тотчасъ же всю тюрьму; узники насторожились, прислушивались, ждали... Антоновъ почти весь день не сходилъ съ окна, и къ вечеру въ предѣлахъ его зрѣнія появились священникъ и другіе неизвѣстные ему чиновники. Ясно было, что готовилась казнь... Однако, онъ пропустилъ минуту, когда Балмашова переводили изъ канцеляріи въ «сарай»; случилось это, должно быть, въ двѣнадцатомъ часу ночи, когда Антоновъ задремалъ отъ утомленья. Вскочивъ затѣмъ, какъ отъ электрическаго толчка, съ койки, онъ увидѣлъ только хвостъ шествія. Всю ночь не покидалъ онъ послѣ этого своего наблюдательнаго поста, дожидаясь выноса тѣла казненнаго. Но подъ утро изъ воротъ старой тюрьмы вышли только участники экзекуціи, при чемъ солдаты отряхали съ себя известку...

Прибытіе Каляева въ маѣ 1905 г. усмотрѣно было тѣмъ же П. Л. Антоновымъ, и точно также случайно. Его провели въ манежъ. Вслѣдъ затѣмъ появился священникъ и другія неизвѣстныя лица,—признакъ того, что снова готовится казнь. Заключенные опять зорко стерегли моментъ, когда осужденнаго поведутъ въ

старую тюрьму... Но его туда не повели. Ночью увидѣли только, какъ за манежъ прошелъ взводъ солдатъ съ ружьями, и поняли, что казнь совершается тамъ же, за манежемъ...

О казни Гершковича и Васильева 20-го августа 1905 года шлиссельбуржцы узнали лишь по выходѣ изъ своей живой могилы. Оба сидѣли въ томъ же манежѣ и были казнены тамъ же, гдѣ и Каляевъ, при чемъ чрезвычайно любопытнымъ и характернымъ кажется мнѣ фактъ, что ни тотъ, ни другой изъ осужденныхъ даже не подозрѣвалъ о присутствіи рядомъ товарища: привезли обоихъ на двухъ разныхъ пароходахъ, посадили въ разныхъ камерахъ манежа, и лишь послѣ того, какъ трупъ одного былъ вынутъ изъ петли и отнесенъ въ могилу, другого вывели изъ каземата и подвели къ той же висѣлицѣ. Для чего и почему это дѣлалось? Неужели руководились тѣмъ формальнымъ основаніемъ, что судились Гершковичъ и Васильевъ по двумъ совершенно различнымъ дѣламъ и, быть можетъ, даже не слышали другъ о другѣ? Нѣтъ! я думаю, не простой чиновничій формализмъ кроется здѣсь, а особая планомѣрность жестокости, переходящей всѣ границы людского безсердечія и въ столь высокой степени свойственной нашей самодержавной бюрократіи... Экономическія и другія практическія соображенія заставляли совершить казнь въ одинъ день и въ одинъ часъ, но всѣ мѣры употреблены были къ тому, чтобы *не* облегчить осужденнымъ ихъ послѣднихъ минутъ отрадой общенія хотя бы и съ незнакомымъ товарищемъ...

III.

Я вышелъ изъ воротъ Шлиссельбургской крѣпости съ желаніемъ никогда больше не вступать въ нихъ. Слишкомъ близко еще проклятое прошлое, и мы связаны съ нимъ черезчуръ живыми нитями... Дальше, дальше!

Передъ глазами снова бурный приливъ, пристань... Но нѣтъ! Еще одинъ долгъ.

Мы взяли направо, вдоль крѣпостной стѣны. Вода подступаетъ къ ней совсѣмъ близко, оставляя лишь маленькую ленту сухой земли; послѣдняя расширяется только на поворотахъ, гдѣ двѣ расходящіяся стѣны смыкаются большой круглой башней. Одно изъ такихъ расширеній, близь Королевской башни, и употреблено было попечительнымъ начальствомъ подъ кладбище политическихъ узниковъ. Ни одного креста, ни одного надмогильнаго холмика на этой полоскѣ земли, принявшей въ себя прахъ нѣсколькихъ десятковъ замученныхъ героевъ! Всѣ слѣды преступленія, какъ будто сознательно, истреблены и скрыты!

Пустынно кругомъ и тихо, только бурныя волны, не умолкая

ни на минуту, бьются о берегъ, на что-то жалуются, о чемъ-то тоскуютъ...

Пали всѣ лучшіе... Въ землю зарытые,
Въ мѣстѣ пустынномъ безвѣстно легли!
Кости, ничьею слезой не омытыя,
Руки чужія въ могилу снесли.
Нѣтъ ни крестовъ, ни оградъ, и могильная
Надпись объ имени славномъ молчитъ...
Выросла травка, былинка безсильная,
Долу склонилась—и тайну хранитъ.
Только свидѣтели—волны кипучія:
Гнѣвно вздымаются, берегъ грызутъ...
Но и онѣ, эти волны могучія,
Родинѣ вѣсточку въ даль не снесутъ! *)

Здѣсь похоронено 28 человѣкъ: Минаковъ, Мышкинъ, Рогачевъ, Штромбергъ, Малавскій, Долгушинъ, Геллисъ, Ульяновъ, Генераловъ, Шевыревъ, Осипановъ, Андреюшкинъ, Арончикъ, Грачевскій, Исаевъ, Богдановичъ, Златопольскій, Буцевичъ, Кобылянскій, Буцинскій, Юрковскій, Немоловскій, Тихановичъ, Варынскій, Софья Гинцбургъ, Гершковичъ, Васильевъ и Каляевъ. Двадцать девятый—Балмашовъ—похороненъ рядомъ, но внутри тюремной ограды, и, наконецъ, тридцатый,—Клименко, который умеръ *первымъ* изъ привезенныхъ въ Шлиссельбургъ народовольцевъ (онъ повѣсился, кажется, всего мѣсяцъ или два проживъ въ крѣпости)—погребенъ на городскомъ кладбищѣ, чуть ли не съ соблюденіемъ христіанскихъ обрядовъ... Шлиссельбургское начальство сдѣлало это «по неопытности» и, говорятъ, получило изъ Петербурга страшный нагоняй. Съ тѣхъ поръ и стали хоронить казненныхъ и умершихъ шлиссельбуржцевъ отдѣльно, подлѣ крѣпостной стѣны, подъ бурный погребальный маршъ холодныхъ ладожскихъ волнъ.

У берега шумнаго моря, всѣ въ рядъ,
Сраженные смертью кровавой,
Покрытые вѣчною славой,
Борцы за свободу отчизны лежатъ!

Каляевъ,—послѣдній по времени покойникъ,—лежитъ съ краю, всѣхъ ближе къ Королевской башнѣ, и только его сравнительно свѣжая могила (10 мая 1905 г.) точно обозначена вбитыми кѣмъ-то въ землю колышками...

Мы долго стояли, молча; кто-то высказалъ, наконецъ, предположеніе, что освобожденный народъ перевезетъ отсюда дорогой для него прахъ въ особо устроенный пантеонъ. Другой горячо возразилъ на это:

— Ни за что! Не нужно тревожить... Здѣсь пусть лежатъ... Сюда будутъ пріѣзжать паломники!

---

*) В. Н. Фигнеръ.

— О, нѣтъ! Шлиссельбургъ такое проклятое мѣсто, что, я думаю, и мертвецы будутъ рады покинуть его. Надо вернуть ихъ на родину!

Разговоръ коснулся будущей судьбы всего Шлиссельбурга. Намъ сообщили, между прочимъ, о намѣреніи главнаго тюремнаго управленія, въ вѣдѣніе котораго крѣпость теперь переходитъ, построить здѣсь большую тюрьму для 800 уголовныхъ. Всѣхъ возмутила эта варварская затѣя, благодаря которой будетъ уничтоженъ одинъ изъ самыхъ святыхъ памятниковъ русскаго освободительнаго движенія...

— Затѣя, конечно, сумасбродная,—замѣтилъ одинъ изъ нашей компаніи,—но я бы не сталъ хранить Шлиссельбургъ въ теперешнемъ его видѣ. Все бы, все до тла бы спалилъ и разрушилъ, чтобы не осталось и слѣдовъ отъ этого разбойничьяго застѣнка!

Я горько задумался... Нѣтъ, я не хочу разрушенія; я свято сберегъ бы каждую пылинку Шлиссельбургской крѣпости, на поученіе грядущимъ вѣкамъ! Вѣдь нигдѣ, быть можетъ, и никогда въ исторіи не жили въ такомъ близкомъ и тѣсномъ сосѣдствѣ, какъ здѣсь, величайшее паденіе и величайшій подъемъ человѣческаго духа, черное злодѣйство и свѣтлая доблесть. Нѣтъ, Шлиссельбургъ долженъ стать великимъ историческимъ музеемъ, гдѣ будутъ учиться человѣчности народы всего міра!

Что касается спеціально затѣи главнаго тюремнаго управленіи, то, надо надѣяться, она провалится по практической своей нелѣпости. Довольно напомнить, что частыя бури нерѣдко отрываютъ крѣпость отъ общенія съ внѣшнимъ міромъ на 3—4 дня, а въ проектируемой тюрьмѣ будутъ помѣщаться нѣсколько сотъ арестантовъ и, быть можетъ, столько же конвойныхъ солдатъ. Чѣмъ же они будутъ питаться?.. Не говорю о томъ уже, что для помѣщенія здѣсь такого большого количества арестантовъ пришлось бы возводить новыя гигантскія постройки, совершенно игнорируя двѣ имѣющіяся уже тюрьмы...

Къ сожалѣнію, чѣмъ нелѣпѣе и безсмысленнѣе какой-либо планъ, тѣмъ больше шансовъ, что русское правительство серьезно станетъ его осуществлять. Какъ характерно, между прочимъ, что и теперь, когда ничего еще нѣтъ, и самый планъ будущей тюрьмы не выработанъ, уже строится... церковь (при существованіи рядомъ другой)! Она, впрочемъ, начата была еще въ прошломъ году, когда сидѣли политическіе.

— Это для васъ!—утѣшающимъ тономъ говорило имъ благодѣтельное начальство и—ужасно спѣшило, спѣшило...

Въ самомъ началѣ постройки сдѣлано было, однако, скандальное открытіе: церковь заложили на томъ мѣстѣ, гдѣ была когда-то клоака... По каноническимъ правиламъ это—кощунство... Къ «самому» Трепову (который считается истиннымъ и вѣрнымъ сыномъ

христіанской церкви), ходила въ этомъ смыслѣ бумага, и въ результатѣ—новую церковь отнесли нѣсколько дальше.

Политическіе, между тѣмъ, покинули стѣны крѣпости; слѣдомъ, покинули ихъ и жандармы... Но на постройку церкви уже было ассигновано 17 тысячъ (около которыхъ вѣдь можно кой-кому погрѣться), — и вотъ въ пустынной, всѣми брошенной крѣпости, неизвѣстно для кого и зачѣмъ, она продолжаетъ строиться...

Возвращаясь берегомъ къ пристани, мы замѣтили въ углубленіи обрыва остатки какого-то костра, съ множествомъ обгорѣвшихъ и не догорѣвшихъ бумагъ. Невольно мелькнула мысль: ужъ не пытались ли здѣсь уничтожить какіе-нибудь слѣды?.. Уѣзжая, не спѣшили-ль сжечь нежелательные документы?.. Быстро спустившись въ обрывъ, нѣкоторые изъ насъ похватали эти бумаги и спрятали въ карманы. Но, увы! догадка оказалась слишкомъ ужъ наивной: въ бумагахъ ничего не было, кромѣ списка жандармовъ, бравшихъ въ разное время отпускъ и получавшихъ какое-то пособіе...

Прощай, Шлюшинъ! Навсегда! Или, по крайней мѣрѣ, до того дня, когда свободный народъ явится сюда почтить своихъ замученныхъ героевъ-борцовъ!

Л. Мельшинъ

Новыя книги.

Факелы. Книга первая. Спб. 1906 г., 211 стр. Цѣна 1 р.

Въ блокѣ поэтовъ, соединившихся подъ общимъ девизомъ въ сборникѣ «Факелы» (по типу сборниковъ «Знанія»), самое интересное положеніе занимаетъ, несомнѣнно, г. Александръ Блокъ. Еще не такъ давно—въ мартѣ 1906 г.—въ стихахъ и на страницахъ газеты «Слово» онъ увѣрялъ, что онъ совершенно невиненъ:

Оставь меня въ моей дали!
Я неизмѣненъ. Я невиненъ...

и что «парусъ воли бурной» отнюдь не тотъ парусъ, подъ которымъ собирается плыть г. Блокъ:

Еще не разъ въ тиши лазурной
Я буду плакать о тебѣ!

— предупреждалъ онъ того, къ кому обращался въ «Словѣ». А теперь г. Блокъ ни мало, ни много, какъ участникъ сборника

«Факелы», редакція котораго считаетъ необходимымъ предупредить своихъ читателей, что для нея «смыслъ жизни въ исканіи человѣчествомъ послѣдней свободы», — свободы, доведенной до высшаго предѣла!.. Эволюція со стороны г. Блока почти молніеносная.

Литературная задача, которую ставятъ себѣ поэты «Факеловъ», формулируется ими въ уже цитированномъ предисловіи: «Мы поднимаемъ нашъ факелъ во имя утвержденія личности и во имя свободнаго союза людей, основаннаго на любви къ будущему преображенному міру». Нѣсколько опредѣленнѣе эта задача характеризуется въ прозаичной сказкѣ г. Эрберга: «Порядокъ». —Міромъ, т. е. грязной, заплеванной гостиницей г. Эрберга долго управлялъ Порядокъ. Управлялъ, т. е. въ интересахъ управленія обрубалъ людей по имѣвшемуся у него аршину. Такъ продолжалось до пріѣзда въ гостиницу «особы поведенія легкаго» (?!), т. е. Свободы, которая призвала къ отвѣту самый Порядокъ, и рѣшительно обрубила его самого, оставивъ Порядку всего полъ-вершка роста. «Какъ увидали это жильцы, да какъ услыхали звонкій смѣхъ Свободы и вольныя слова ея, сейчасъ же понадставили себѣ недостающее (отрубленное Порядкомъ), и забилось у каждаго сердце человѣческое цѣльной любовью и ненавистью, и признали они въ Свободѣ свое Божество».

Уподобленіе свободы или даже Свободы, признанной людьми за Божество, особѣ легкаго поведенія приходится, конечно, отнести за счетъ неуклюжей игривости г. Эрберга, одинъ изъ товарищей котораго по сборнику (г. Сологубъ) заявляетъ за себя и за всѣхъ:

Мы—плѣненные звѣри,
Голосимъ, какъ умѣемъ.

Противъ самаго же желанія г. Эрберга удѣлить въ жизни человѣка на долю порядка всего только полъ вершка, а все остальное предоставить свободѣ, едва ли можно возразить что-либо по существу или въ основномъ принципѣ. Весь вопросъ, конечно, въ конкретныхъ формахъ, въ которыхъ поэты «Факеловъ» должны были освѣтить возвѣщенный г. Эрбергомъ лозунгъ: не больше полу-вершка на долю порядка! Къ сожалѣнію (мы не сомнѣваемся въ искренности намѣреній у участниковъ сборника), именно съ этой стороны въ «Факелахъ» дѣло обстоитъ далеко не благополучно.

Порядку—не болѣе полувершка въ человѣческихъ отношеніяхъ. Это очень усердно подчеркивается всѣми участниками сборника; г. Валерій Брюсовъ на этомъ основаніи обращается къ «близкимъ» (въ переживаемый моментъ культурной исторіи) людямъ со слѣдующимъ предупрежденіемъ («Близкимъ»):

Нѣтъ, я не вашъ! Мнѣ чужды цѣли ваши,
Мнѣ страненъ вашъ неокрыленный крикъ.
Но въ шумномъ кругѣ, къ вашей общей чашѣ
И я бъ, какъ вѣрный, клятвенно приникъ!

Гдѣ вы—гроза, губящая стихія,
Я—голосъ вашъ, я вашимъ хмелемъ пьянъ,
Зову крушить устои вѣковые,
Творить просторъ для будущихъ сѣмянъ.
Гдѣ вы—какъ Рокъ, не знающій пощады,
Я—вашъ трубачъ, вашъ знаменоносецъ я.
Зову на приступъ, съ боя брать преграды
Къ святой землѣ, къ свободѣ бытія,
Но тамъ, гдѣ вы кричите мнѣ: „не болѣ!"
Но тамъ, гдѣ вы поете пѣснь побѣдъ,
Я вижу новый бой во имя новой воли!
Ломать—я буду съ вами! строить—нѣтъ!

Все это очень серьезно и даже красиво и сильно, но все это немедленно же превращается въ каламбуръ, какъ только участники «Факеловъ» начинаютъ «строить» хотя бы собственныя произведенія, изъ которыхъ они создали «первую книгу» своего художественнаго евангелія о послѣдней свободѣ и утвержденіи личности. Ибо единственное требованіе, которому, на нашъ взглядъ, долженъ безпрекословно подчиниться читатель «Факеловъ», это—не требовать болѣе, чѣмъ полу-вершка логическаго порядка въ области содержанія самихъ произведеній (большинства) сборника.

Минимумъ требованій съ этой стороны читатель долженъ предъявить къ вышеупомянутому «Балаганчику» (такъ называется произведеніе г. Блока) и къ произведеніямъ Л. Зиновьевой-Аннибалъ и А. Ремизова, которые особенно, по точному выраженію г. Сологуба, «голосятъ, какъ умѣютъ». Вторая для одного изъ своихъ трехъ разсказовъ взяла содержаніемъ бредъ душевно-больного (въ точномъ смыслѣ этого слова): въ разсказѣ нѣтъ ничего, кромѣ безсвязнаго, хаотическаго бреда больного, который поочередно признается, что онъ былъ революціонеромъ-бомбометателемъ, что онъ «просто пьянъ» и потому не онъ пишетъ (записки), а «вино пишетъ... люблю его винище. Страсть люблю, когда этакъ захочется», и наконецъ—что онъ былъ посланъ «бунтъ усмирять». Но это не совсѣмъ «наконецъ», ибо дальше «еще наконецъ», въ разсказѣ фигурируетъ «она», которая подожгла кисею на люлькѣ, потому что не видѣла ясно ночью близорукими глазами. Непосредственно за этимъ оповѣщеніемъ читателя слѣдуетъ: «Да, будетъ онъ, міръ гармоніи! На небесахъ! Это въ каретѣ... У нея большіе бѣлки, и потому глаза кажутся молящимися... Глаза сгнили. Глаза сгнили... У животныхъ глаза. Знаете что: не нужно ѣсть животныхъ съ глазами». И т. д., и т. д. на семи страницахъ «Факеловъ»! Бываетъ ли такой спутанный бредъ у больныхъ, судить не беремся, но что онъ бываетъ напечатанъ во имя утвержденія личности въ «Факелахъ», читатель легко можетъ убѣдиться, прочитавъ разсказъ г. Зиновьевой-Аннибалъ: «Помогите вы».

Столько же нормальной логики и здороваго художественнаго смысла и въ разсказѣ г. Ремизова («Серебряныя ложки»). Нѣкто,

по фамиліи Пѣвцовъ, благодаря нелѣпому поведенію (по приглашенію допрашившаго его жандармскаго полковника, Пѣвцовъ обѣдаетъ съ нимъ, пьетъ вино, ѣдетъ въ театръ, потомъ на выставку, «послушать пѣвичекъ», и наконецъ... опять въ тюрьму, изъ которой онъ былъ привезенъ для допроса!), сначала заподозрѣвается въ шпіонствѣ, а потомъ и въ... кражѣ серебряныхъ ложекъ у своего пріятеля. Въ разсказѣ г. Ремизова Пѣвцовъ самъ не знаетъ, не укралъ ли онъ и въ самомъ дѣлѣ, и разсказъ кончается словами: «Онъ отыщетъ ихъ, долженъ отыскать... долженъ?» Мы думаемъ, что г. Ремизовъ только по излишней скромности приставилъ къ послѣднему слову знакъ вопросительнаго недоумѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ остается на высотѣ своего замысла и впослѣдствіи создастъ разсказъ о томъ, какъ Пѣвцовъ нашелъ-таки, роясь въ своемъ сундукѣ, ложки, которыхъ не кралъ. Ибо многое есть, другъ Горацiо, что еще никогда и никому не приходило въ голову и потому должно быть напечатано въ «Факелахъ»... Должно быть напечатано, потому что

Вѣтеръ тучи носитъ,
Носитъ вихри пыли,
Сердце сказки проситъ
И не хочетъ были...

— какъ красиво увѣряетъ г. Сологубъ въ тѣхъ строчкахъ, которыя можно понять въ его стихотвореніи № 4.

У г. Осипа Дымова не хватило изобрѣтательности г. Ремизова, и онъ въ рамкѣ разсказа о томъ, какъ полотняная рубаха на заборѣ была удивлена прибытіемъ карательнаго отряда въ деревню (стр. 149: «Полотняная рубаха на заборѣ удивляется уже второй день»), воскресилъ старый анекдотъ о томъ, какъ мужикъ ничего не понималъ, пока ему говорили на словахъ, а какъ только стали честью просить—прикладомъ въ грудь—сразу понялъ. Герой этого анекдота *два дня* не хотѣлъ переѣхать въ бродъ черезъ рѣку, мостъ которой былъ занятъ солдатами, съ приказомъ никого не пропускать. Два дня онъ упрашивалъ солдатъ, пока не обозлилъ и не получилъ удара прикладомъ въ грудь. «Озадаченный такой встрѣчей,—повѣствуетъ г. Дымовъ,—онъ громко икнулъ и глядѣлъ, поднявъ брови. Потомъ проговорилъ, хлопая запыленную шапку (она свалилась отъ удара съ головы) о колѣно: «*Такъ бы и сказали*. А то жди. Третьи сутки. У ихъ присяга, а у меня телѣга», и т. д. Затѣмъ мужикъ немедленно переправился въ бродъ черезъ рѣку... Дальше за анекдотомъ слѣдуютъ другіе анекдоты (прекраснодушные), и все заканчивается разстрѣлами, а въ совокупности считается художественнымъ произведеніемъ, способнымъ пробуждать любовь къ будущему преображенному міру, какъ значилось въ предисловіи редакціи сборника.

Оазисами въ этой пустынѣ горделивой безвкусицы могли бы

быть двà произведенія двухъ Л. Андреевыхъ: «Такъ было» подлиннаго Л. Андреева («Такъ было»см. выше«Литературные наброски») и «Проталина» имитированнаго Л. Андреева—г. Сергѣева-Ценскаго, если бы эта непроизвольная имитація со стороны послѣдняго (иногда очень внимательнаго и тонкаго наблюдателя-художника) не придавала характера несерьезности суммарному впечатлѣнію отъ обоихъ разсказовъ. Иногда читателю кажется, что передъ нимъ серьезно написанная г. Ценскимъ пародія на Л. Андреева, подчеркивающая всѣ особенности литературныхъ темъ и художественной манеры автора «Такъ было»,—все, начиная съ конструкціи и кончая словечками. Чтобы разсказъ былъ совсѣмъ интересенъ, нужно, конечно, чтобы въ немъ была достаточная доза мрачнаго: это въ «Проталинѣ» есть: на сценѣ еврейскій погромъ. Затѣмъ нужно сколько-нибудь проститутки: въ «Проталинѣ» это есть: герой-офицеръ боленъ, заболѣвъ отъ проститутки, у которой было «проклятое природой дряблое, скользкое тѣло». Если нужно еще изъ области половыхъ отношеній, и это есть: Бабаевъ, герой «Проталины» въ связи съ женой псаломщика, своего квартирнаго хозяина, и, когда она проходитъ мимо открытой двери, г. Ценскій замѣчаетъ: «Мелькнулъ *покорный животъ* той женщины въ платкѣ»... Конечно, разсказъ,—переполненный колоритными подробностями о томъ, какъ «двери кого-то глотали» (у г. Андреева башня глотаетъ звѣзду); о томъ, какъ «красный шиповникъ хохоталъ за окномъ» (у г. Андреева красный смѣхъ стоялъ за окномъ); о томъ, какъ во время погрома «стѣны визжали отъ страха»; о томъ, какъ глаза какого-то парня, возмущенно смотрѣвшаго на Бабаева, «съ размаха липнутъ къ лицу Бабаева»; о томъ, какъ два семинариста «бросили» свои лица въ глаза Бабаеву... и пр., и пр.,—кончается совершенно не-обычно. Бабаеву приходитъ мысль, что проститутка, отъ которой онъ заболѣлъ, была «тоже жидовка». Онъ этого не знаетъ — не помнитъ даже лица — но ему «почему-то нужно думать такъ», и *поэтому* онъ въ концѣ концовъ убиваетъ сумасшедшаго еврея, встрѣченнаго на улицѣ и оскорбившаго его, Бабаева.

Какъ видитъ читатель, общее впечатлѣніе отъ новаго идейнаго сборника резюмируется словами Чацкаго: дома новы, но предразсудки стары! Темы могли бы быть интересны, могли бы быть значительны; руководящій лозунгъ серьезенъ; но все губится и превращается въ беллетристическій каламбуръ по неволѣ старой, для участниковъ «Факеловъ», погоней за экстраординарностью впечатлѣнія.

Е. Милицына. Разсказы. Томъ I. Москва. 1906. 330 стр. Цѣна 1 р.

Гильоменъ. Исповѣдь простого человѣка. Пер. съ франц. А. Чеботаревской (Книгоиздательство „Дѣло"). Спб. 1906. 224 стр. Цѣна 70 коп.

Есть портреты, глядя на которые, какъ то вѣришь, что они похожи, хотя не знаешь оригинала. Они убѣдительны. Такъ убѣдительно изображеніе народной жизни въ разсказахъ г-жи Милицыной. Чувствуется, что авторъ въ томъ уголкѣ народной жизни, который ему удалось изучить непосредственно, сумѣлъ схватить черты быта и психики. Въ этомъ основное достоинство разсказовъ г-жи Милицыной; она говоритъ о томъ, что знаетъ. Но здѣсь же— какъ это ни странно — коренится и основной ихъ недостатокъ. Авторъ придаетъ слишкомъ большое значеніе тому, что знаетъ; на самомъ дѣлѣ то, что онъ сумѣлъ видѣть, не слишкомъ существенно. Это, впрочемъ, недостатокъ большинства произведеній изъ жизни народа: они перегружены этнографіей; психологія индивидуальная и просто человѣческая оттѣснена въ нихъ на второй планъ психологіей групповой. Это естественно: не потому, конечно, что въ простонародной средѣ, какъ думали нѣкогда, отдѣльная личность безъ остатка растворена въ общей массѣ, но потому, что слишкомъ ужъ рѣдко умѣніе индивидуализировать въ этой массѣ, которая такъ легко представляется однообразной. Естественно, что при этомъ изображеніи «мужика вообще» этнографія получаетъ доминирующую роль. Записная книжка, куда внимательный беллетристъ заноситъ всѣ услышанныя словечки, прибаутки, пѣсенки, получаетъ перевѣсъ надъ обобщеннымъ, творчески пережитымъ наблюденіемъ. Г-жа Милицына не только заставляетъ своихъ героинь повторять слышанныя ею причитанія; ея герои то и дѣло говорятъ фразы въ родѣ: «Такъ безъ дудки домой вернулись. Еще недѣли двѣ копоть отъ гасницы шла, а бабы, какъ вечеръ, такъ и ну мине грызть». Конечно, не мѣшаетъ иногда знать, что кой-гдѣ крестьяне называютъ дудкой ламповое стекло и гасницей лампу; но это хорошо мимоходомъ, а у г-жи Милицыной это отнимаетъ слишкомъ много вниманія. Между тѣмъ, это вниманіе цѣнно; разсказы, собранные въ лежащей предъ нами книжкѣ, показываютъ, что, сосредоточенное на широкихъ явленіяхъ темной деревенской жизни, оно способно дать ея живыя картины. Разсказы просты по замыслу и почти не выходятъ за предѣлы элементарныхъ, пожалуй, уже извѣстныхъ намъ отношеній. Но эти отношенія пережиты авторомъ наново; его деревенскій пьяница, деревенская любовь, деревенская учительница изображены съ новыми оттѣнками; не новы основы изображенія, но это не вина автора: вина той трагической неподвижности, въ которой ужасающія условія держатъ русскую деревенскую жизнь. Новыя явленія не выростаютъ въ этой жизни изнутри, органически, послѣдовательно, они вспыхиваютъ въ ней, благодаря внѣшнимъ потрясеніямъ. Жизнь идетъ катаклизмами; и

въ нихъ, наконецъ, исчерпывается безконечная сила приспособляемости, которую такъ легко называютъ деревенскимъ консерватизмомъ.

Консервативной считается деревня и на Западѣ, но какъ нужно движеніе этому консерватизму и какъ оно возможно въ немъ, показываютъ, напримѣръ, романъ изъ жизни баварскаго крестьянства, заканчиваемый въ настоящей книжкѣ нашего журнала, еще не переведеннные «Жаки» Бома и лежащія передъ нами воспоминанія французскаго фермера. Эти безхитростные разсказы престарѣлаго дяди Тьеннона, обнимающіе всю его жизнь, произвели на родинѣ автора тѣмъ большее впечатлѣніе, что французская деревенская беллетристика, не исключая «Земли» Зола, по старой привычкѣ, изображаетъ крестьянскую жизнь «съ того берега», романтически прикрашивая ее то въ ту, то въ другую сторону. Жизнь старика Бертена охватываетъ послѣднія три четверти минувшаго вѣка, и разсказы его лучше всего рисуютъ ту эволюцію быта и взглядовъ французскаго крестьянства, которая тѣсно связана съ измѣненіемъ строя. Тьеннонъ былъ уже взрослымъ и женатымъ человѣкомъ, когда до деревни дошла вѣсть о концѣ іюльской монархіи; просто поразительно, до какой степени все это чуждо французскому крестьянину. «Нужда столичныхъ рабочихъ— разсказываетъ онъ — принудила ихъ возстать въ февралѣ мѣсяцѣ 1848 г. Викторія объявила мнѣ эту новость въ одинъ прекрасный день отъ лица г. Перье. Тогда я вспомнилъ, что въ тѣ времена, когда я былъ еще пастухомъ въ Гарибье, я слышалъ нѣчто подобное отъ пильщиковъ: Парижъ въ возстаніи, одинъ король низложенъ и замѣненъ другимъ, котораго звали Луи-Филиппъ, трехцвѣтное знамя смѣнило бѣлое и т. д. Когда я на другой день пошелъ разносить молоко, я разсказалъ эти воспоминанія г. Перье. Онъ сообщилъ мнѣ, что въ настоящую минуту изгнали именно этого короля Луи-Филиппа, и что вмѣсто короля у насъ будетъ республика; онъ объяснилъ мнѣ разницу между этими двумя понятіями». Но это объясненіе не мѣняетъ политической позиціи Твеннона: «Въ деревнѣ обыкновенно мало интересуются правительствомъ. Стоитъ ли во главѣ Петръ или Павелъ, тѣмъ не менѣе въ тѣ же сроки надо сдѣлать тѣ же работы. Однако, на этотъ разъ перемѣна правленія произвела извѣстный шумъ. Республика сдѣлала, впрочемъ, доброе дѣло, за которое я былъ ей тотчасъ же благодаренъ, и не я одинъ: то была отмѣна налога на соль. За соль платили раньше пять или шесть су за фунтъ и ее экономили почти такъ же, какъ масло; теперь же она стала продаваться по два су за фунтъ...» Другое новшество, отмѣченное Тьенномомъ — введеніе всеобщаго голосованія. «Я зналъ, что городскіе рабочіе придавали этому большое значеніе, и позже я понялъ, что они были правы. Но въ эту минуту я не находилъ, чтобы право голоса имѣло столь же большое значеніе, какъ уничтоженіе налога на хлѣбъ». Паденіе второй имперіи также

мало задѣло крестьянина. Однако, подъ конецъ жизни, отдавая себѣ отчетъ въ прожитомъ, видя, какъ понемногу въ общественномъ строѣ осуществляется то, что казалось немыслимымъ, старикъ, столь далекій отъ доктринерства, чувствуетъ и называетъ себя прямо соціалистомъ. Правда, общество, основанное на принципахъ коллективизма будетъ, по его мнѣнію, «только тогда хорошо, когда каждый человѣкъ въ отдѣльности будетъ гораздо лучше, чѣмъ это есть,—почти совершененъ, а до этого еще далеко». Но общее владѣніе землей кажется ему осуществимымъ и желательнымъ, и въ пору деревенской агитаціи, вызванной выборами, онъ произноситъ цѣлую рѣчь въ этомъ смыслѣ...

Романъ Гильомена—хорошій образецъ деревенской беллетристики именно потому, что свободенъ отъ недостатка, отмѣченнаго нами въ началѣ. Его мужики не говорятъ «эссенціями», какъ называлъ эти подобранныя словечки Достоевскій; фольклористъ не найдетъ у него новыхъ матеріаловъ. Но романъ, какъ картина крестьянскаго житья, какъ психологическое изслѣдованіе простой и сосредоточенной мужицкой души, долго будетъ находить внимательныхъ читателей.

Густавъ Жеффруа. Заключенный. Жизнь и революціонная дѣятельность Огюста Бланки. Пер. съ франц. А. Израильсона и П. Теплова. Книгоизд. Глаголева. СПБ. (безъ года) 315 стр. Цѣна 80 коп.

Живая и яркая, иногда похожая на романъ, иногда доводящая живость изложенія до манерности, въ общемъ болѣе цѣнная собранными въ ней данными, чѣмъ выводами изъ нихъ, книга Жеффруа, въ сущности, имѣетъ полемическія цѣли. Авторъ несогласенъ съ обычнымъ представленіемъ о Бланки и всегда старается разбить то, что ему кажется легендой, сложившейся вокругъ имени знаменитаго французскаго революціонера: «Не только для враговъ, но и для друзей—говоритъ онъ по поводу роли Бланки въ осажденномъ Парижѣ—его духовный обликъ является искаженнымъ ходячими предразсудками о немъ. Этотъ легендарный Бланки представлялся какимъ то маньякомъ-конспираторомъ и бунтаремъ, не имѣвшимъ опредѣленной цѣли въ своихъ дѣйствіяхъ и стремящимся въ революціонномъ дѣлѣ только къ разрушенію. Лишь этотъ воображаемый Бланки и былъ извѣстенъ его современникамъ». И для нихъ, и для потомства Бланки это—прежде всего конспираторъ, инсургентъ, человѣкъ партіи. Жеффруа старается показать, что все это было, но было и иное, что по натурѣ Бланки былъ шире того, чѣмъ рисуютъ его выдающіеся моменты его жизни. Цитаты изъ его многочисленныхъ воззваній и статей, замѣчанія, брошенныя въ разговорѣ, дѣйствительно, раскрываютъ искателя и подчасъ скептика въ томъ, кого привыкли считать исключительно вѣрующимъ, законченнымъ бунтаремъ во что

бы то ни стало. Иногда кажется, что его равнодушіе къ соціалистической догмѣ—равнодушіе безусловно практическаго дѣятеля, который ставитъ себѣ опредѣленныя цѣли и не хочетъ связывать себѣ руки раздумьемъ. «Всѣ эти споры о возможныхъ формахъ будущаго общества суть ничто иное, какъ революціонная схоластика»: такъ объявляетъ Бланки молодому Полю Лафаргу, когда тотъ принесъ ему свою брошюру о коллективизмѣ и коммунизмѣ. Но ближайшее знакомство съ Бланки указываетъ, что это совсѣмъ не индифферентизмъ практика революціи, но сомнѣнія ея теоретика, по цѣлому ряду вопросовъ высказавшаго свои воззрѣнія, въ свое время шедшія въ разрѣзъ съ воззрѣніями большинства. Вотъ почему «этотъ революціонеръ среди своихъ безпокойныхъ друзей, нетерпѣливо рвущихся въ бой противъ имперіи, является не только организаторомъ, но и умиротворителемъ. Онъ ясно видитъ, какой могучій механизмъ предстоитъ разрушить, и боится слишкомъ поспѣшными дѣйствіями скомпрометтировать успѣхъ дѣла и будущую республику». И когда ошибка—безрезультатное выступленіе 14 августа 1870 г,—была совершена, Бланки сумѣлъ осудить ее. «*Я думалъ*»—говоритъ онъ—никогда не можетъ служить оправданіемъ и не избавляетъ отъ нравственной отвѣтственности. Сдѣлать по собственному почину невѣрный ходъ, когда дѣло идетъ о свободѣ цѣлаго народа—такая непоправимая ошибка, которую ничто не можетъ извинить». Любопытно, что и догматъ всеобщаго голосованія не нашелъ въ немъ безусловнаго приверженца. Новой французской республикѣ онъ, сидя въ осажденномъ Парижѣ, напоминаетъ, что «двадцать два года тому назадъ республиканцы дорого поплатились, и я боюсь, поплатятся еще больше за преждевременное осуществленіе идеала, прекраснаго въ будущемъ, но могущаго быть гибельнымъ въ настоящемъ. Народъ есть то, что сдѣлали изъ него воспитаніемъ. Онъ платитъ той монетой, которую пускаютъ въ обращеніе среди него. Воспитанный на предразсудкахъ, онъ дѣйствуетъ абсурдно, и требовать отъ него другого—значитъ ждать персиковъ съ ядовитаго дерева манцениллы». Мы отмѣчаемъ эту мысль не для того, чтобы оспаривать ее, что было бы не трудно, но для того, чтобы показать, какъ далекъ былъ отъ догматизма умъ этого революціонера, умъ по истинѣ революціонный. Другое направленіе дѣятельности—и онъ, несомнѣнно, проявился бы въ работѣ—не скажемъ, болѣе творческой, ибо кто же станетъ отрицать творчество въ дѣятельности Бланки,—но болѣе широкой и конструктивной. Трагедія его жизни заключалась въ томъ, что онъ былъ только конспираторомъ, тогда какъ долженъ былъ и могъ быть политикомъ. Его біографъ винитъ въ этомъ «злобу его враговъ и сектантскую исключительность его друзей»; но, кажется, роковыя условія политическаго безвременья были еще больше виноваты въ этомъ. Самъ Жеффруа оттѣняетъ то, что, «какъ только республика торжествовала, Бланки измѣнялъ методы

борьбы и являлся убѣжденнымъ сторонникомъ широкой политической дѣятельности. Онъ былъ главной жертвой тайныхъ обществъ и возстаній». Во всякомъ случаѣ, всякій согласится съ біографомъ Бланки, что «если потомство сохранитъ о немъ память, какъ о вождѣ, который не привлекъ въ ряды своей арміи широкихъ массъ народа, то всетаки онъ является лучшимъ выразителемъ политики своего вѣка».

Біографъ Бланки, несмотря на стараніе, на художественные пріемы, на богатство матеріаловъ, бывшихъ въ его распоряженіи, не смогъ сдѣлать фигуру знаменитаго «узника» особенно рельефной; но онъ сумѣлъ сохранить и выдвинуть то, что въ ней было привлекательнаго. И подъ этимъ впечатлѣніемъ нравственнаго обаянія разстанется всякій читатель съ книгой Жеффруа.

Переводъ не безъ шероховатостей; въ собственныхъ именахъ много опечатокъ и отступленій отъ традиціоннаго чтенія. Въ одномъ изъ объяснительныхъ примѣчаній переводчики сообщаютъ, что Селимена и Альцестъ—«дѣйствующія лица изъ романа Бенжамена Констанъ». Бѣдный Мольеръ! Стоило ли писать «Мизантропа» для столь невнимательнаго потомства!

Проф. Пифферунъ. Европейскія избирательныя системы. (Парламентскія, провинціальныя и муниципальныя). Переводъ Ю. Стеклова. Со статьей проф. М. М. Ковалевскаго. Къ исторіи всеобщаго избирательнаго права. Изданіе Г. Ѳ. Львовича. Серія: Современная Европа.—Редакція П. А. Берлина. С.-Петербургъ 1905. 361 стр.

Книга проф. Пифферуна, въ томъ видѣ, какъ она переведена на русскій языкъ, производитъ впечатлѣніе одной только части, вырванной изъ болѣе крупнаго изслѣдованія. И эта часть представляетъ изъ себя просто и понятно составленное описаніе избирательнаго порядка, дѣйствующаго въ различныхъ государствахъ Европы. Матеріалъ здѣсь непосредственно распредѣленъ по отдѣльнымъ государствамъ безъ какой-либо попытки его систематизировать или сдѣлать изъ него какіе-либо общіе выводы. Книга Пифферуна является, такимъ образомъ, въ видѣ простого справочника, который очень мало выходитъ изъ границъ передачи сырого законодательнаго матеріала. Правда, авторъ приводитъ много данныхъ о самой практикѣ избирательнаго права въ отдѣльныхъ государствахъ. Однако всѣ эти многочисленныя таблицы, съ одной стороны, нѣсколько устарѣли, а съ другой—не поставлены въ какую-либо причинную связь съ соціальнымъ составомъ и политической группировкой населенія. Нельзя не замѣтить поэтому, что заглавіе книги «Европейскія избирательныя системы» является значительно шире своего содержанія, такъ какъ рѣчь меньше всего здѣсь идетъ о «системахъ». Правильнѣе было-бы сказать: «Избирательное право въ отдѣльныхъ государствахъ Европы».

Но въ одномъ отношенiи книга Пифферуна значительно шире своего названiя. Дѣло въ томъ, что проф. Пифферунъ далеко не ограничивается однимъ политическимъ избирательнымъ правомъ, или, другими словами, порядкомъ выборовъ въ парламентъ. Напротивъ, авторъ не только даетъ описанiе порядка выборовъ въ различныя муниципальныя, провинцiальныя и земскiя учрежденiя, но рисуетъ намъ также порядокъ замѣщенiя различныхъ мѣстныхъ должностей въ родѣ должностей мѣстной полицiи или наемныхъ муниципальныхъ чиновниковъ, бюргермейстеровъ и т. п. И хотя меньше всего можетъ быть прилагаемо понятiе «избирательной системы» къ способу замѣщенiя этихъ должностей, авторъ рисуетъ намъ довольно подробно всѣ подобные органы мѣстнаго самоуправленiя и даже, что совсѣмъ удивительно, изображаетъ намъ и отношенiе органовъ общей администрацiи къ мѣстному самоуправленiю и организацiю вотчинныхъ участковъ въ различныхъ странахъ, гдѣ мѣстному помѣщику, безъ всякихъ выборовъ, предоставлено распоряжаться на манеръ феодальнаго барона подчиненнымъ ему населенiемъ. И если съ этой стороны посмотрѣть на данное произведенiе Пифферуна, то окажется, что подъ «Европейскими избирательными системами» скрывается довольно полный очеркъ организацiи мѣстнаго самоуправленiя въ различныхъ государствахъ. Интересно знать, какъ называется въ подлинникѣ то произведенiе голландскаго ученаго, съ котораго сдѣланъ переводъ подъ редакцiей П. А. Берлина?

Къ переводу изъ проф. Пифферуна приложена въ видѣ послѣсловiя лекцiя проф. М. М. Ковалевскаго, читанная имъ въ Брюсселѣ еще въ тѣ времена, когда онъ былъ «республиканцемъ». Лекцiя эта слишкомъ кратка, чтобы быть особенно содержательной, и слишкомъ подробна, чтобы быть яркой и выпуклой. Интересна въ ней характеристика еврейскаго нацiоналъ-либерализма и его отношенiя ко всеобщему избирательному праву. Какъ оказывается, еще въ армiи Кромвеля зародился тотъ «великiй споръ», который до настоящаго времени такъ рѣзко отдѣляетъ элементы порядка отъ всяческихъ супостатовъ. Уже Эйртонъ въ XV вѣкѣ утверждалъ: «Безсмысленно доказывать естественное право каждаго участвовать въ голосованiи и избиранiи. Рождаясь на свѣтъ, люди располагаютъ лишь правомъ на воздухъ и на то пространство, въ границахъ котораго они вращаются. Даровать всѣмъ людямъ избирательное право, это равносильно тому, что признать за ними право свободнаго распоряженiя чужимъ имуществомъ и чужою землею. Если неимущимъ людямъ будетъ предоставленъ голосъ, это неизбѣжно поведетъ къ уничтоженiю всякой собственности, всякаго истиннаго права!» Такъ повторяется исторiя!

Г. Тардъ. Преступникъ и преступленіе. Перев. Е. В. Выставкиной, подъ редакціей М. П. Гернета и съ предисловіемъ Н. Н. Полянскаго. М. 1906, XX и 324 стр., ц. 1 р. 25 к.

Эта книга есть переводъ двухъ главъ изъ сочиненія Тарда «La philosophie pénale». Авторъ преслѣдуетъ двѣ задачи: во-первыхъ, критикуетъ ученіе итальянскихъ криминальныхъ антропологовъ; во-вторыхъ, излагаетъ свой взглядъ на вопросъ.

Извѣстно, что школа Ломброзо пытается открыть физическія основы преступности; она считаетъ преступника то сумасшедшимъ, то эпилептикомъ, то представителемъ атавизма—дикаремъ, родившимся среди цивилизованнаго общества.

Не отрицая существованія физическихъ чертъ, иногда объединяющихъ преступниковъ, Тардъ всетаки переноситъ центръ тяжести на соціальныя явленія: связующаго элемента нельзя найти въ области анатоміи и физіологіи или психологіи. «На нашъ взглядъ, говоритъ авторъ на стр. 55, это связь чисто-соціальная: интимное соотношеніе, замѣчаемое между людьми, занятыми однимъ и тѣмъ же ремесломъ или ремеслами одного рода; этой гипотезы достаточно, чтобы объяснить даже анатомическія и, тѣмъ болѣе, физіологическія и психологическія особенности, отмѣчающія преступниковъ».

Итакъ, особенности преступниковъ суть чисто профессіональныя особенности.

«Если войти въ подробности, изучая въ отдѣльности артистовъ, ученыхъ, философовъ и инженеровъ, то, разумѣется, это дастъ въ концѣ концовъ возможность начертать типическій и довольно характерный портретъ каждой изъ этихъ группъ. Вѣроятнѣе всего также, что онъ легко могъ бы быть болѣе опредѣленнымъ и менѣе сомнительнымъ, чѣмъ знаменитый «преступный типъ». Дѣйствительно, изъ всѣхъ профессій преступная рѣже всего бываетъ такой, которой занимаются по свободному выбору, и въ ней, кромѣ того, вслѣдствіе быстраго вымиранія порочныхъ семей, наслѣдственная передача способностей имѣетъ меньше времени для проявленія. На эту профессію люди бываютъ обыкновенно обречены съ дѣтства; большинство убійцъ и грабителей были сначала заброшенными дѣтьми, и настоящій разсадникъ преступленій нужно искать на каждой площади или перекресткѣ нашихъ большихъ и малыхъ городовъ, въ этихъ шайкахъ хищнихъ уличныхъ мальчишекъ, которые, какъ стаи воробьевъ, собираются сначала для мародерства, потомъ для воровства, вслѣдствіе недостатка воспитанія и хлѣба у себя дома» (стр. 56).

Профессіональная психологія преступника вырабатывается частью подъ вліяніемъ самого преступленія, частью подъ вліяніемъ уголовной юстиціи.

Такъ какъ соціальный факторъ есть главный въ образованіи преступника, то и классификація преступниковъ должна быть

соціологической. Съ этой точки зрѣнія Тардъ строго различаетъ «грубаго и жестокаго» деревенскаго преступника отъ «утонченнаго и развращеннаго» преступника городского.

Такова характеристика «преступника» по Тарду. Что касается «преступленія», то читатель, знакомый съ основнымъ ученіемъ Тарда о подражаніи, заранѣе, конечно, предвидитъ его отвѣтъ. «Подражаніе»—вотъ основной факторъ, способствующій распространенію преступленій. Въ былыя времена подражали аристократіи, и эта аристократія была распространительницей всѣхъ пороковъ и преступленій; теперь роль аристократіи играютъ столицы и большіе города, и они являются очагами, разносящими по странѣ заразу преступленій.

Коснувшись своего излюбленнаго вопроса о подражаніи, Тардъ много страницъ посвящаетъ изображенію того, какъ «низшіе» подражаютъ «высшимъ». «Поговорите съ этимъ крестьяниномъ,—замѣчаетъ онъ на стр. 176,—вы не найдете у него ни одного представленія ни о правѣ, ни о земледѣліи, ни о политикѣ, ни объ ариѳметикѣ, ни одного семейнаго или патріотическаго чувства, ни одного желанія или стремленія, которое по происхожденію не оказалось бы открытіемъ или смѣлой иниціативой, идущимъ съ верховъ общества и постепенно спускающимся до самаго его дна». Даже «его (крестьянина) пристрастіе къ землѣ перешло къ нему отъ крупныхъ феодальныхъ собственниковъ, которые всей душой были преданы землѣ» (стр. 176—7).

Теорія подражанія Тарда хорошо извѣстна всей образованной публикѣ, и о ней самой, по поводу одного изъ ея частныхъ приложеній, здѣсь, конечно, говорить не мѣсто. Конечно, всякое изобрѣтеніе должно вызывать подражаніе уже по тому одному, что оно, такъ сказать, создаетъ пунктъ наименьшаго сопротивленія.

Однако слабою стороною, какъ всего ученія Тарда о подражаніи, такъ и приложенія этого ученія къ вопросу о преступности, является неразработанность вопроса о конкурренціи между различными изобрѣтеніями, т. е. вопроса о томъ, почему подражаніе направляется по той или иной линіи. Относительно преступленія здѣсь выдвигается на первый планъ вопросъ о болѣзненной организаціи субъекта. На стр. 37 Тардъ говоритъ: «Можно придти въ изумленіе, видя, что существуютъ формы сумасшествія, характеризующіяся непреодолимымъ влеченіемъ къ убійству, воровству, насилію, разрушенію, въ то время, какъ нѣтъ ни одной, которыя характеризовались бы главнымъ образомъ стремленіемъ трудиться, пахать, копать землю, ткать и т. д. Все это очень старинныя занятія, постоянно увеличивающіяся въ числѣ и въ теченіе вѣковъ повторяемыя безконечнымъ рядомъ поколѣній. Но, какъ кажется, этого продолжительнаго повторенія не было достаточно для того, чтобы превратить желанія исполнять эти дѣйствія въ физіологическіе инстинкты, имѣющіе своимъ источникомъ опредѣленные

центры въ клѣточкахъ мозга». Этотъ отвѣтъ Тарда, очевидно, не можетъ считаться удовлетворительнымъ, ибо онъ здѣсь отожествляетъ два разнородныхъ и даже въ значительной мѣрѣ взаимно-исключающихъ явленія. Стремленіе «пахать, копать землю, ткать и т. п.» есть выраженіе психическаго равновѣсія, когда существуетъ психическая система (хотя бы весьма несложная и бѣдная), въ которой всѣ (или почти всѣ) элементы гармонически скомбинированы. Наоборотъ, стремленіе грабить, убивать и т. п. есть выраженіе дезинтеграціи психической системы, когда высшій руководящій факторъ исчезъ (или никогда не существовалъ), и когда господствуетъ анархія первичныхъ инстинктовъ. Поэтому психическая болѣзнь, которая есть прежде всего разстройство душевной организаціи, и ведетъ къ убійству, воровству, но не ведетъ къ паханію земли и ткатью (Мы не касаемся здѣсь нѣкоторыхъ случаевъ истеріи, разсмотрѣніе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко). Этимъ указаніемъ на роль низшихъ психическихъ образованій разстроенной душевной системы мы и хотѣли бы пополнить теорію Тарда.

Эта прекрасная книга, къ сожалѣнію, переведена неряшливо и неумѣло. Мы считаемъ нужнымъ отнестись къ этому переводу съ особенной строгостью, потому что онъ появился при такихъ обстоятельствахъ, которыя, повидимому, исключаютъ самую мысль о возможности плохого перевода. Въ самомъ дѣлѣ, книга не только издана высокоавторитетной московской «коммиссіей по организаціи домашняго чтенія», какъ XXIX томъ «Библіотеки для самообразованія», но, вдобавокъ, имѣетъ еще *двухъ* редакторовъ (ибо, согласно заявленію редактора перевода г-на Гернета (стр. XVI), авторъ предисловія прив.-доц. Н. Н. Полянскій держалъ «первую редакцію перевода»). И послѣ всего этого мы встрѣчаемъ вдругъ, напримѣръ, такія мѣста: «Въ общемъ мозговая локализація преступныхъ наклонностей *предполагается теперь тамъ, гдѣ нѣсколько ранѣе Брока предполагалъ мозговую локализацію всѣхъ умственныхъ способностей* (стр. 15). (Мы подчеркнули ошибочно переведенныя мѣста). Въ подлинникѣ читаемъ: «En somme, la localisation cérébrale des propensions criminelles en est aujourd'hui au point où en était, un peu avant Broca, la localisation cérébrale des facultés en général» (p. 226), т. е. авторъ говоритъ, что въ настоящее время спеціальный вопросъ о локализаціи преступныхъ наклонностей находится въ такомъ положеніи, въ какомъ до Брока находился вопросъ о мозговой локализаціи вообще. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 108) мы читаемъ, что въ столицѣ возникаетъ иногда страшная секта, которая наводитъ «такой страхъ даже на историка, что чаще всего онъ, *обладая не меньшей смѣлостью*, чѣмъ Тэнъ и Максимъ Дюкампъ, не осмѣливается говорить того, что думаетъ». Въ подлинникѣ (p. 286) сказано: «à moins d'avoir le courage de M. Taine etc».

Мы могли бы привести еще много примѣровъ болѣе или менѣе полнаго извращенія смысла подлинника въ родѣ, напримѣръ, того, что на стр. 84 сказано, будто морскіе разбойники грабили «еще долгое время послѣ того, какъ горы уже были въ значительной части очищены отъ разбойниковъ, *а моря—вполнѣ*». Въ подлинникѣ (р. 271) сказано: «longtemps après que les montagnes sont purgées en grande partie de leurs écumeurs à elles, les mers restent entièrement infectées des leurs». Отмѣтимъ еще только, что на стр. 183 Григорій Турскій названъ Григоріемъ Туромъ, и прибавимъ, въ заключеніе, что отсутствіе оглавленія весьма затрудняетъ пользованіе книгой.

Проф. П. Эльцбахеръ. Сущность анархизма. Перев. подъ редакціей и съ предисл. М. Андреева. Книгоиздат. «Просторъ». Спб. 1906 г. Т. I, VIII+92 стр., ц. 75 к.—Т. II, 205 стр., ц. 50 к.

Эльцбахеръ, I. Анархизмъ.—II. Р. Штаммлеръ. Теоретическія основанія анархизма. Перев. съ нѣмецк. Б. Яковенко. Изд. Б. В. Яковенко. Спб. 1906 г., 352 стр., ц. 1 р.

П. Эльцбахеръ. Анархизмъ. Пер. съ нѣмецк. Р. Стрѣльцова. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1906 г., 320 стр., ц. 80 к.

Есть вещи, о которыхъ говорятъ очень много и о которыхъ знаютъ очень мало. Къ числу ихъ, несомнѣнно, принадлежитъ и «анархизмъ». Это слово вы встрѣчаете безпрестанно и въ печати, и въ устной рѣчи, и на газетныхъ столбцахъ, и въ дебатахъ на митингахъ и собраніяхъ, и въ обыденныхъ разговорахъ; казалось бы поэтому, оно должно означать нѣчто хорошо извѣстное, по крайней мѣрѣ, большинству образованныхъ людей,—а между тѣмъ, рѣдко съ какимъ терминомъ соединяется столько смутныхъ, неопредѣленныхъ и порой совершенно фантастическихъ представленій, какъ съ названіемъ «анархизмъ». Мы не говоримъ уже о вульгарномъ представленіи объ анархизмѣ, какъ о какомъ-то жупелѣ, о чемъ-то безпредметно страшномъ, о господствѣ полнаго «безначалія», при которомъ каждый воленъ, ничѣмъ не стѣсняясь, распорядиться жизнью и достояніемъ каждаго изъ своихъ ближнихъ. Если мы поднимемся гораздо выше по лѣстницѣ политической образованности, то и здѣсь встрѣтимъ крайнюю путаницу въ сужденіяхъ о томъ, что называютъ «анархизмомъ».

Анархизмъ, какъ извѣстная научная теорія, смѣшивается съ тактикой политической партіи, заимствующей нѣкоторыя программныя предпосылки изъ ученій одной группы теоретиковъ анархизма, при чемъ и анархистскія теоріи, и анархистская практика получаютъ освѣщеніе, часто совершенно далекое отъ дѣйствительности. Очень сложное и разнообразное содержаніе ученій различныхъ представителей анархизма замазывается въ обычныхъ представленіяхъ сплошь одной густой краской, стираются не только

всѣ оттѣнки мнѣній, но даже и рѣзкія противоположности, а анархистъ-практикъ мерещится не иначе, какъ съ бомбой въ рукахъ, въ процессѣ «пропаганды дѣйствіемъ». Неясность и спутанность представленій объ анархизмѣ обнаруживается и въ научной литературѣ. Эльцбахеръ приводитъ длинный перечень противорѣчащихъ другъ другу опредѣленій анархизма, заимствованныхъ изъ посвященныхъ ему работъ европейскихъ писателей. Среди всей этой толпы грѣшниковъ онъ находитъ только двухъ праведниковъ—только двѣ книги (или скорѣе брошюры), написанныя съ полнымъ знаніемъ дѣла. Что же сказать о русской читающей (и пишущей) публикѣ, для которой, не смотря на то, что анархизмъ въ значительной степени *русская* теорія, работы отечественныхъ теоретиковъ анархизма оставались до послѣдняго времени въ большинствѣ своемъ книгою за семью печатями.

Превосходнымъ пособіемъ для того, чтобы разобраться въ этой путаницѣ и составить себѣ ясное понятіе о сущности анархическихъ ученій, можетъ служить работа Эльцбахера, названіе которой приведено въ началѣ настоящей замѣтки. Работа эта основана на тщательномъ изученіи литературы анархизма и отличается рѣдкою объективностью и научною добросовѣстностью. Эльцбахеръ не даетъ критической оцѣнки анархизма, онъ только излагаетъ и систематизируетъ. Среди анархическихъ ученій онъ выбираетъ семь новѣйшихъ,—которыя всѣми признаются за анархическія—именно ученія: Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Туккера и Толстого. Эти ученія излагаются ихъ собственными словами, но по одной и той же системѣ. Такой способъ изложенія, съ одной стороны, долженъ былъ обезпечить отъ привнесенія въ него идей, чуждыхъ излагаемому автору, а съ другой—устранить путаницу отъ сопоставленія различающихся между собою процессовъ мысли. «Мы вынуждали общепризнанныхъ писателей-анархистовъ давать намъ ясные отвѣты на точные вопросы; правда, для этого часто приходилось намъ выкапывать въ ихъ сочиненіяхъ крошечные отрывки мнѣній; намъ пришлось, такъ сказать, процѣживать ихъ, въ случаяхъ взаимнаго противорѣчія между собой, и объяснять ихъ, когда они высказывались необычнымъ языкомъ. Но тѣмъ не менѣе, Толстой, со своими строго логическими построеніями, Бакунинъ съ его смутными взглядами, Штирнеръ, утопающій въ тонкостяхъ, Кропоткинъ, пылающій вселенскою любовью,—всѣ предстанутъ не искаженные, въ своей самобытности, и позволятъ намъ сдѣлать сравненіе» (пер. М. Андреева I, 13). Каждому изъ анархическихъ ученій,—говоритъ Эльцбахеръ—«необходимо поставить вопросъ объ его отношеніи къ праву, государству и собственности; этимъ вопросамъ долженъ предшествовать вопросъ относительно основъ, на которыхъ данное ученіе покоится, а слѣдомъ за ними долженъ быть поставленъ вопросъ о томъ, какъ данное ученіе представляетъ собою свое осуществленіе».

Изложеніе, по этой схемѣ, сущности ученій семи названныхъ выше писателей-анархистовъ составляетъ главную основную часть книги Эльцбахера.

Такому изложенію авторъ предпосылаетъ въ видѣ общаго теоретическаго введенія нѣсколько методологическихъ разъясненій о пріемахъ научнаго изученія анархизма и даетъ опредѣленія понятій права, государства и собственности, съ точки зрѣнія которыхъ онъ разсматриваетъ анархическія теоріи; наконецъ, въ заключительныхъ главахъ, путемъ сопоставленія выводовъ, полученныхъ при анализѣ отдѣльныхъ анархическихъ теорій, Эльцбахеръ пытается установить общее понятіе анархизма и его видовъ.

Этотъ сравнительный анализъ приводитъ къ заключенію, что между всѣми семью разсмотрѣнными ученіями есть только одна общая всѣмъ имъ черта: всѣ они *отрицаютъ государство* въ ближайшемъ будущемъ цивилизованныхъ народовъ. У четырехъ теоретиковъ анархизма (Годвина, Прудона, Штирнера и Туккера) это отрицаніе носитъ безусловный характеръ: они отрицаютъ государство для ближайшаго будущаго, такъ какъ отрицаютъ его вообще, для всякаго времени; Толстой отвергаетъ государство не безусловно, а лишь для нашего будущаго, Бакунинъ и Кропоткинъ предвидятъ, что ходъ эволюціи въ ближайшемъ будущемъ устранитъ государство. Во всѣхъ остальныхъ главныхъ частяхъ намѣченной выше схемы—кромѣ отрицательнаго отношенія къ государству—нельзя указать ни одного пункта, общаго всѣмъ анархическимъ ученіямъ: они глубоко разнятся между собою и по основнымъ, исходнымъ своимъ идеямъ, и по отношенію къ праву и собственности, и, наконецъ, по воззрѣніямъ на способъ осуществленія своихъ идеаловъ. По отношенію къ ихъ основнымъ идеямъ Эльцбахеръ дѣлитъ анархическія ученія на генетическія, признающія высшимъ закономъ человѣческаго поведенія законъ естественный (Бакунинъ, Кропоткинъ), и критическія, полагающія высшимъ закономъ человѣческаго поведенія извѣстную норму. Критическія ученія, въ свою очередь, распадаются на идеалистическія, высшимъ закономъ которыхъ является долгъ (Прудонъ, Толстой), и эвдемоностическія, находящія этотъ высшій законъ въ счастьи цѣлаго (Годвинъ) или отдѣльной личности (Штирнеръ, Туккеръ). Различаются между собою анархистскія теоріи и по тѣмъ положительнымъ идеаламъ, которые они выдвигаютъ въ противоположность государству: одна группа теоретиковъ анархизма, которую Эльцбахеръ называетъ федералистической (Прудонъ, Бакунинъ, Кропоткинъ, Туккеръ), выдвигаетъ на мѣсто государства общественное сожительство, основанное на той юридической нормѣ, что разъ заключенные договоры должны исполняться; по воззрѣніямъ другой группы спонтанистовъ, государство должно уступить мѣсто сожительству, покоющемуся на принципѣ неправовомъ; такимъ принципомъ является или счастіе цѣлаго (Годвинъ), или личное счастіе (Штирнеръ), или любовь (Толстой). Спонтантисы вообще

отрицаютъ самый принципъ права (съ этой точки зрѣнія Эльцбахеръ называетъ ихъ аномистами), федералисты-иномисты признаютъ общій принципъ права, хотя и отвергаютъ большую часть существующихъ правовыхъ институтовъ. Собственность для нашего будущаго совершенно отрицается одною группою теоретиковъ анархизма (Годвинъ, Прудонъ, Штирнеръ, Толстой—индоминисты, какъ ихъ называетъ Эльцбахеръ), другая группа—доминисты, по опредѣленію Эльцбахера—относится къ собственности положительно. Эти послѣднія доминистическія ученія Эльцбахеръ раздѣляетъ на индивидуалистическія, признающія какъ частную, такъ и общественную собственность (Туккеръ), коллективистическія, признающія частную собственность на предметы потребленія, а на средства производства—общественную (Бакунинъ), и коммунистическія, признающія только общественную собственность, какъ на средства производства, такъ и на предметы потребленія (Кропоткинъ).

Наконецъ, глубокія различія между анархическими ученіями обнаруживаются и въ вопросѣ о способахъ осуществленія будущаго строя. По отношенію къ этому вопросу Эльцбахеръ дѣлитъ всѣ анархическія ученія на реформаторскія, представляющія себѣ переходъ отъ отрицаемаго порядка вещей къ желаемому безъ правонарушенія (Годвинъ, Прудонъ), и революціонныя, представляющія себѣ этотъ переходъ, какъ нарушеніе права; среди революціонныхъ ученій, въ свою очередь, онъ различаетъ ученія пассивныя и активныя. Первыя понимаютъ нарушеніе дѣйствующаго права безъ примѣненія насилія, пассивнымъ сопротивленіемъ (Туккеръ, Толстой), вторыя понимаютъ его лишь при помощи насильственныхъ средствъ (Штирнеръ, Бакунинъ, Кропоткинъ).

Въ конечномъ выводѣ Эльцбахеръ опредѣляетъ анархизмъ какъ *философско-юридическое отрицаніе* государства; анархизмъ есть та вѣтвь философіи права, которая отрицаетъ государство. Этимъ опредѣляется мѣсто анархистскихъ теорій въ ряду нашихъ знаній. Необходимыми составными частями каждаго анархистскаго ученія Эльцбахеръ считаетъ выясненіе исходной его точки и отвѣты на вопросы: какого строя оно желаетъ на мѣсто государства и въ какомъ видѣ оно представляетъ себѣ переходъ къ новому порядку вещей. Безъ этихъ указаній ученіе не можетъ считаться полнымъ. Выясненіе отношенія къ праву и къ собственности не является такимъ же органическимъ элементомъ понятія анархизма. Это болѣе или менѣе случайная примѣсь въ анархическомъ ученіи, оно можетъ и отсутствовать, и тѣмъ не менѣе данное ученіе будетъ полнымъ, если въ немъ указаны исходная точка, положительное требованіе (будущаго не-государственнаго строя) и способы осуществленія этого требованія. На какіе виды распадается анархизмъ по существу отвѣтовъ, которые даются на эти основные вопросы, мы видѣли выше.

О крупныхъ научныхъ достоинствахъ книги Эльцбахера мы

уже говорили. Это несомнѣнно превосходное руководящее введеніе въ изученіе анархизма. Но всетаки только введеніе. Какъ уже было упомянуто, Эльцбахеръ ограничиваетъ свою задачу систематическимъ *изложеніемъ* главнѣйшихъ выводовъ анархистскихъ теорій, не входя вовсе въ ихъ критическое разсмотрѣніе; на всемъ протяженіи книги онъ остается вѣренъ ея эпиграфу: je ne propose rien, je ne suppose rien, j'expose. Конечно, такое суженіе рамокъ работы нельзя поставить въ упрекъ автору, но во всякомъ случаѣ читатель не находитъ въ его трактатѣ отвѣта на многіе вопросы, которые неизбѣжно предъ нимъ возникнутъ. Недостаткомъ книги является полное отсутствіе историческаго освѣщенія предмета изслѣдованія: Эльцбахеръ располагаетъ всѣ анархистскія теоріи въ одномъ планѣ, между тѣмъ, самое раннее изъ сочиненій, имъ анализируемыхъ, книга Годвина «An enquiry concerning polticali justice, издано въ 1793 г., а самое позднее Instead of a book Туккера въ 1903; между ними легло цѣлое XIX столѣтіе. Наконецъ, и самые пріемы изложенія Эльцбахера имѣютъ и свою оборотную сторону: размѣщенныя по клѣткамъ, въ одинъ ранжиръ, положенія различныхъ ученій, конечно, дѣлаются болѣе сравнимыми, но за то своеобразіе и естественная послѣдовательность процессовъ мысли каждаго автора исчезаютъ, ихъ индивидуальность значительно теряется. Передъ нами не цѣльный образъ того или иного мыслителя, а отдѣльные куски его ученія, расположенные въ чуждомъ нерѣдко этой системѣ порядку. Но каковы бы ни были эти недочеты, книга Эльцбахера во всякомъ случаѣ въ высшей степени цѣнная и интересная работа, и мы считаемъ долгомъ усиленно рекомендовать ее вниманію нашихъ читателей.

На русскомъ языкѣ книга эта появилась въ трехъ переводахъ. Вполнѣ безукоризненнымъ нельзя признать ни одинъ изъ нихъ; но во всякомъ случаѣ переводы г. Стрѣльцова (изд. О. Н. Поповой) и М. Андреева (книгоизд. «Просторъ») сдѣланы литературно и съ небольшими только неточностями противъ подлинника (Въ переводѣ г. Стрѣльцова ихъ почти нѣтъ, но переводъ г. Андреева читается легче). Къ сожалѣнію, никакъ нельзя сказать того же о третьемъ переводѣ г. Б. Яковенко. Онъ положительно плохъ. Вотъ два примѣра, образчикъ стиля переводчика: «эта форма собственности означаетъ обезпеченіе за каждымъ во владѣніи его собственныхъ произведеній и тѣхъ чужихъ продуктовъ, которые онъ получаетъ безъ обмана и насилія, а также осуществленіе и всѣ тѣ претензіи на подобные продукты, которыя будутъ предъявлены ему другими, благодаря свободному договору». Едва ли самый проницательный читатель пойметъ это мѣсто, вторая половина котораго въ правильномъ переводѣ (г. Андреева) читается такъ: «она означаетъ также осуществленіе всѣхъ правъ на продукты, принадлежащіе ему въ силу свободно заключенныхъ взаимныхъ договоровъ». Мудрено, впрочемъ, было бы и ожидать правильной передачи такого,

мѣстами (въ теоретическомъ введеніи въ особенности) труднаго автора, какъ Эльцбахеръ, отъ переводчика, который Балтійское море называетъ Восточнымъ озеромъ *) и смѣшиваетъ Байрейта съ Бейтутомъ (стр. 307) и милліардъ съ милліономъ (стр. 303).

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются.*** Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Владиміръ Беренштамъ. За право! Изд. III доп. Издательство О. Н. Поповой. Спб. 1906. Ц. 80 к.

Собраніе стихотвореній декабристовъ. Т. I. Изд. И. И. Ѳомина. М. 1906. Ц. 3 р.

Ѳедоръ Сологубъ. Родинѣ. Стихи. Книга пятая. Спб. 1906. Ц. 25 к.

Арнольдъ Аріэль. Красное знамя. М. 1905. Ц. 45 к.

С. А. Ан—скій. Семидесятникъ. Бытовыя сцены въ одномъ дѣйствіи. Изд Вл. Распопова. Спб. 1906. Ц 7 к.

Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности въ переводѣ Валерія Брюсова. Книгоиздательство „Скорпіонъ". М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.

Революція. Поэма ***Барда.*** Съ иллюстр. А. Кетель. М. 1906.

Э. Зола. Истина. Романъ. Пер. и изд. О. Н. Поповой. Спб. 1906. Ц. 1 р.

И. Ф. Масановъ. Библіографія сочиненій А. П. Чехова. М. 1906.

Заволжской. № 2. Нижній-Новгородъ. 1906. Ц. 7 к.

В. Львовъ. Современные годы и творчество В. Вересаева. Изд. О. Н. Поповой. „Темы жизни". Спб. 1906. Ц. 12 к.

М. Л. Гольдштейнъ. Печать передъ судомъ. Рѣчи по дѣламъ „Руси", „Нашей Жизни" и „Сына Отечества". Спб. 1906. Ц. 30 к.

Вл. Дебогорій - Мокріевичъ. Воспоминанія. Книгоиздательство „Свободный Трудъ". Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 коп.

„Свободная Земля". № 1. ***С. Я.*** Правительство и дума. Ц. 5 к. ***В. С. Голубевъ.*** Крестьяне послѣ освобожденія. Ц. 7 к. № 2. ***Л. Э. Шишко.*** Откуда произошла частная собственность на землю. Ц. 8 к. № 3. ***В. Рюминскій.*** Духовенство и народъ (Церковь и государство). Ц. 8 к.

Изданія Н. Глаголева въ Спб.: Положеніе рабочаго класса въ главнѣйшихъ государствахъ Европы, Сѣв.-Америк. Соед. Штатахъ и Австраліи. Томъ I. Ц. 1 р.—***Адольфъ Браунъ.*** Положеніе рабочаго класса въ Германіи. Ц. 60 к.—***Артуръ Лабріола.*** Положеніе рабочаго класса въ Италіи. Ц. 30 к. — ***Э. Лиссагарэ.*** Исторія коммуны 1871 г. Съ приложеніемъ очерка Ст. Мендельсона „Причины и внутреннія движущія силы коммуны". Ц. 70 к.—Соч. ***Фердинанда Лассаля.*** Томъ третій. Ц. 1 р. 25 к. — Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Европѣ и Сѣв.-Америк. Соединенныхъ Штатахъ. Томъ третій. Ц. 2 р. 25 к. ***П. Тепловъ.*** Исторія Якутскаго протеста (Дѣло „Романовцевъ"). Ц. 1 р.

Изданія т-ва „Знаніе" въ Спб.: Сборникъ т-ва „Знаніе" за 1906 г. Книга десятая. Ц. 1 р.—***Л. Андреевъ.*** Въ темную даль. Ц. 4 к.—Жили-были: Ц. 5 к. — У окна. Ц. 5 к. Петька на дачѣ. Ц. 3 к. — На рѣкѣ. Ц. 4 к.— Въ подвалѣ. Ц. 3 к.—Валя. Ц. 3 к.— Молчаніе. Ц. 4 к.—Набатъ. Ц. 2 к.— ***К. Бальмонтъ.*** Стихотворенія. Ц. 3 к.—***Августъ Бебель:*** Профессіональное движеніе и политическія партіи. Ц. 5 к. — Интеллигенція и соціализмъ. Ц. 5 к.—***Ив. Бунинъ.*** Стихо-

---

*) Этотъ промахъ исправленъ, впрочемъ, въ „опечаткахъ", но Бейтутъ такъ и остается на стр. 307 родиной Штирнера, хотя на стр. 91 онъ и рождается, какъ и слѣдуетъ, въ баварскомъ Байрейтѣ.

творенія. Ц. 4 к. — ***М. Горькій***: Емельянъ Пиляй. Ц. ? к.—О чижѣ, который лгалъ, и о дятлѣ, любителѣ истины. Ц. 2 к. — Макаръ Чудра. Ц. 3 к.—Тюрьма. Ц. 3 к.—Зазубрина. Ц. 3 к.—Скуки ради. Ц. 5 к — Проходимецъ. Ц. 7 к. — Каинъ и Артемъ. Ц. 6 к.—Дружки. Ц. 4 к —Васька красный. Ц. 5 к.— Кирилка. Ц. 3 к.—Двадцать шесть и одна Ц. 5 к.—Разсказъ Филиппа Васильевича. Ц. 5 к. — Ярмарка въ Голтвѣ, Ц. 3 к.—Мальва. Ц. 10 к.—Въ степи. Ц. 3 к.—Товарищи. Ц 4 к.—Озорникъ. Ц. 5 к.—Бывшіе люди. Ц. 12 к. — Супруги Орловы. Ц. 12 к. — Ханъ и его сынъ. Ц. 12 к. — Коноваловъ. Ц. 10 к. — Тоска. Ц. 10 к.—Болесь. Ц. 2 к.—

На плотахъ. Ц. 3 к.—Дѣло съ застежками. Ц. 3 к.—Мой спутникъ. Ц. 6 к.—Однажды осенью. Ц. 3 к.— Старуха Изергиль. Ц. 5 к.—Дѣдъ Архипъ и Ленька. Ц. 5 к.—Челкашъ. Ц. 7 к.—Человѣкъ. Ц. 2 к.—Пѣсня о Соколѣ, Пѣсня о буревестникѣ. Легенда о Марко. Ц. 2 к.—***С. Гусевъ-Оренбургскій***: Ометъ. Ц. 3 к.—Конокрадъ. Ц. 2 к.—Миша. Ц. 2 к.—Послѣдній часъ. Ц. 6 к.—На родину. Ц. 4 к.—Сквозь преграды. Ц. 2 к.— Кахетинка. Ц. 3 к.—Бѣдный приходъ. Ц. 2 к.—Злой духъ. Ц. 4 к.—Жалоба. Ц. 5 к.—Въ приходѣ. Ц. 12 к.—***С. Елпатьевскій***: Спирька. Ц. 8 к.— Пожалѣй меня. Ц. 2 к.—Присяжнымъ засѣдателемъ. Ц. 3 к.—***Карлъ Каутскій***. Этика и матеріалист. пониманіе исторіи. Ц. 20 к.—***Л. Клейнбортъ***: О партіяхъ и партійности. Ц. 5 к.— Русскій имперіализмъ въ Азіи. Ц. 8 к.—***А. Купринъ***. Дознаніе. Ц. 3 к.—***Карлъ Марксъ***: Либералы у власти. Ц. 8 к.—Къ еврейскому вопросу. Ц. 10 к—Карлъ Марксъ передъ судомъ присяжныхъ. Ц. 10 к.— ***С. Михайловичъ***. Что такое рабочая партія. Ц. 3 к.—***М. Ольминскій***: Свобода печати. Ц. 12 к.—Права Государственной Думы. Ц. 5 к.— ***А. Серафимовичъ***: Подъ уклонъ. Ц. 3 к—Подъ землей. Ц. 6 к.—На заводѣ. Ц 5 к.—Сцѣпщикъ. Ц. 3 к.— Ночью. Ц. 3 к.—На льдинѣ. Ц. 4 к.— Месть. Ц. 4 к.—Въ камышахъ. Ц. 3 к.— ***Скиталецъ***: Октава. Ц. 12 к.—За тюремной стѣной. Ц. 5 к.—Стихотворенія. Двѣ книги. Ц. 11 к.—Сквозь строй. Ц. 12 к—***О. Сомовъ***. Справедливый налогъ. Ц. 12 к.—***Н. Телешевъ***: Хлѣбъ-соль. Ц. 3 к.—Домой. Ц. 3 к.—Противъ обычая. Ц. 3 к.— Пѣснь о трехъ юношахъ. Ц. 3 к.—***Фридрихъ Энгельсъ***. Статьи 1871—1875 г.г. Ц. 12 к.

Изданія книжнаго магазина С. И. Иванова и К° въ Кіевѣ: ***Эдвинъ Селигманъ***. Экономическое объясненіе исторіи. Ц. 15 к.—***Фр. Мерингъ***. Сущность научнаго коллективизма. Ц. 5 к.—***Ольшевскій***. Очеркъ изъ исторіи бюрократіи. Ц. 10 к.— ***Advocatus***. Пропорціональная система выборовъ и выборы въ Германскій рейхстатъ. Ц. 10 к.—***М. В. Довнаръ-Запольскій***. Мемуары декабристовъ. Ц. 1 р. 50 к.

Изданія Виленскаго склада „Знаніе“ въ Петербургѣ: ***Георгъ Адлеръ***. Анархизмъ. Ц. 20 к.—***Севастьянъ Форъ***. Міровая скорбь. Опытъ независимой философіи. Ц. 1 р.

Книгоиздательство „Дѣло“ въ Петербургѣ: ***Поль Луи***. Будущее соціализма. Ц. 60 к.—Проф. ***М. А. Рейснеръ***. Русскій абсолютизмъ и европейская реакція. Ц. 40 к.—***Р. Трейманъ***. Тирано-борцы. Ц. 50 к.

Изданія И. Д. Сытина въ Москвѣ: ***И. Х. Озеровъ***. Политика по рабочему вопросу въ Россіи за послѣдніе годы. Ц. 1 р.—***Его-же***. Большіе города, ихъ задачи и средства управленія. Ц. 25 к.—***Его-же***. Нужды рабочаго класса въ Россіи. Ц. 15 к.— ***М. В. Довнаръ-Запольскій***. Идеалы декабристовъ. Ц. 1 р. 25 к.

Книгоизд. „Молодая Россія“ въ Москвѣ: ***Сергѣй Обуховъ***. Не въ моготу. Ц. 9 к.—***И. Горцевъ***. Какъ гризинскіе крестьяне борются за свободу. Ц. 2 к.—***Ѳ. Сибирскій***. Очередной вопросъ. Ц. 8 к.

Изданія И. Балашова: М. А. Бакунинъ. Ц. 1 р.—***Ф. С.*** Чего мы ждемъ отъ Думы. Ц. 1 к.—***Его-же***. Чего ждетъ отъ насъ Госуд. Дума. Ц 1 к.—Революціонные силуэты. (Первомартовцы). Ц. 10 к.—***К. Ѳ. Рылѣевъ***. Войнаровскій. Поэма. Ц. 10 к.

Книгизд. „Сѣятель“ въ Н.-Новгородѣ: ***Д-ръ Цаденъ***. Рабочій день и вырожденіе. Ц. 5 к.—***Н. Граціановъ***. Народные университеты въ Зап. Европѣ, Сѣв. Америкѣ и въ Россіи. Ц. 10 к.

Изданія А. И. Лебедева въ Н.-Новгородѣ: Погромы и погромщики. Ц. 4 к.—***А. Л.*** Борьба за право. (По роману Э. Францоза) Ц. 12 к.

Изданіе Вятскаго Т-ва. Какъ жили первые люди и какъ послѣ жизнь измѣнилась. Спб. 1906 г. Ц. 7 к.

М. Нордау. Ложь капиталистиче-

скаго строя. Книгоизд. „Народный Трибунъ". Спб. 1906 г. Ц. 20 к

Е. Тарле. Роль студенчества въ революціонномъ движеніи въ Европѣ въ 1848 г. Книгоизд. „Свободный Трудъ". Спб. 1906 г. Ц. 8 к.

Густавъ Жеффруа. Бланки, его жизнь и революц. дѣятельность. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1906. Ц. 1 р.

И. Вѣтровъ. Анархизмъ, его теорія и практика. Книгоиздательство „Обновленіе". Спб. 1906. Ц. 10 к.

Д-ръ Д. Койгенъ. Міровоззрѣніе соціализма. («Задачи соціалистической культуры» изд. І. Постмана и Б. Ревзина въ Берлинѣ). Спб. 1906. Ц. 25 к.

Вл. Даль. Толковый словарь живого великорусскаго языка. 3 изд. подъ ред. проф. И. А. Бодуэна де-Куртенэ. Изд. товарищества М. О. Вольфъ. Выпускъ XXI. Спб. 1906. Ц. 65 к.

Захаровъ. Въ помощь читателю (Систематическій указатель къ популярной литературѣ). Книгоиздательство „Эпоха" Спб. 1906 Ц. 8 к.

Н. А. Lorentz. Видимыя и не видимыя движенія. Спб. 1905. Ц. 80 к.

Сборникъ по философіи естествознанія. Книгоиздательство „Творческая Мысль". Спб. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Геккель. Міровыя загадки. Общедоступные очерки монистической философіи. Спб. 1906. Ц. 80 к.

Монистическая философія Эрнста Геккеля.

(Э. Геккель. Міровыя загадки. Общедоступные очерки монистической философіи. Пер. съ нѣм. Ѳ. Капелюша. Спб. 1906 г.).

Духовная физіономія Эрнста Геккеля давно извѣстна всему образованному міру. Знаменитый апостолъ дарвинизма, будучи крупнымъ ученымъ спеціалистомъ, въ то же время характеризуется двумя основными чертами, отличающими его отъ большинства другихъ ученыхъ спеціалистовъ: во первыхъ, онъ легко строитъ гипотезы, легко создаетъ картины, широко изображающія ходъ развитія органической жизни въ далекомъ прошломъ, устанавливающія преемственность формъ, ихъ возникновеніе и исчезновеніе. Въ то время, какъ, напримѣръ, Дарвинъ не рѣшается установить преемственной связи между двумя какими либо формами, пока есть хоть одна не объясненная черта различія между ними, Геккель довольствуется установленіемъ основныхъ сходствъ, прибѣгая при этомъ даже къ изображенію гипотетическихъ промежуточныхъ звеньевъ, при помощи которыхъ только и можно установить тѣсную связь между этими двумя формами. Эта легкость построенія гипотезъ и обусловила широкую популярность Геккеля и дала пищу для энергическихъ нападокъ на него со стороны спеціалистовъ. Однако едва ли въ данномъ случаѣ эти спеціалисты были правы. Конечно, Геккель, рисуя обширныя картины, широко освѣщая поле будущей дѣятельности спеціалистовъ, не разъ впадалъ въ ошибки, но эти ошибки всегда относились только къ мелочамъ, подробностямъ и никогда не имѣли принципіальнаго характера. Будучи самъ крупнымъ ученымъ спеціалистомъ, а не

какимъ-нибудь обыкновеннымъ популяризаторомъ, черпающимъ свои свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ, Геккель всегда безошибочно опредѣлялъ общее направленіе научной мысли, принципіальную сторону вопроса, хотя при своихъ *развѣдкахъ* и дѣлалъ иногда ошибочные шаги. Мы отлично понимаемъ всю важность самыхъ, *повидимому*, мелочныхъ вопросовъ въ наукѣ, мы лишь утверждаемъ, что бываютъ случаи, когда вопросъ можетъ считаться твердо рѣшеннымъ въ принципѣ, хотя бы при этомъ еще и нельзя было дать полнаго и подробнаго рѣшенія. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о происхожденіи человѣка. Извѣстно, что Дарвинъ высказался за то, что человѣкъ имѣетъ общее происхожденіе съ животными, но извѣстно также, что онъ пришелъ къ этому ученію не сразу и какъ бы съ нѣкоторымъ опасеніемъ, тогда какъ Геккель, наоборотъ, не только сразу объявилъ себя сторонникомъ этого ученія, но еще сейчасъ же начерталъ и цѣлую родословную человѣка. Пусть эта родословная будетъ не вполнѣ точна; это, конечно, очень важно: установленіе вполнѣ точной родословной человѣка, несомнѣнно, имѣетъ огромное и теоретическое, и практическое значеніе, но, съ другой стороны, несомнѣнно также и то, что именно въ данномъ случаѣ общій вопросъ (вопросъ о кровномъ родствѣ человѣка и животныхъ) можно рѣшить, не входя въ детальное его разсмотрѣніе. Ибо утвердительный отвѣтъ на вопросъ о кровномъ родствѣ человѣка и животныхъ является неизбѣжнымъ выводомъ изъ двухъ твердо установленныхъ фактовъ, или, лучше сказать, изъ двухъ огромныхъ системъ фактовъ: во-первыхъ, было накоплено громадное количество доводовъ, неопровержимо доказывающихъ, что современный органическій міръ развился путемъ постепенныхъ измѣненій изъ простѣйшихъ одноклѣточныхъ существъ; во-вторыхъ, сравнительная анатомія и эмбріологія ясно показали что человѣкъ по своему строенію принадлежитъ къ типу позвоночныхъ, къ классу млекопитающихъ, въ частности къ плацентарнымъ млекопитающимъ, при чемъ особенное сходство онъ имѣетъ съ приматами, въ частности съ обезъянами.

Слѣдовательно, твердо установленная эволюціонная теорія имѣетъ въ своемъ распоряженіи достаточно данныхъ, чтобы утверждать, что происхожденіе человѣка не составляетъ исключенія изъ происхожденія всего остального органическаго міра. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ вопросъ общій и вопросъ частный принадлежатъ къ двумъ различнымъ областямъ: вопросъ общій имѣетъ, главнымъ образомъ, философское значеніе, а вопросъ частный— чисто техническое значеніе. А именно склонность къ философскимъ взглядамъ и является тою второю отличительною чертою Геккеля, о которой мы говорили выше; поэтому и не удивительно, что въ данномъ случаѣ у Геккеля философъ перевѣсилъ натуралиста, и онъ смѣло приступилъ къ построенію системы, руководясь потреб-

ностью къ обобщенію, хотя мелкія детали, необходимыя для окончательной отдѣлки, еще и не были готовы.

Но если вообще склонность къ философскимъ обобщеніямъ характерна для Геккеля, то всетаки ни одна изъ предшествовавшихъ его работъ не имѣла такого исключительно философскаго характера, какой имѣетъ его послѣдняя крупная работа: «Міровыя загадки», вышедшія въ Германіи въ 1899 г., но появившіяся въ русскомъ переводѣ лишь теперь, благодаря измѣнившимся цензурнымъ условіямъ. Въ Германіи эта книга имѣла громадный успѣхъ (русскій переводъ сдѣланъ съ нѣмецкаго изданія, имѣющаго помѣтку: «170—180 тысяча»).

Новая книга Геккеля является не біологической работой, а «общедоступными очерками монистической философіи», какъ сказано въ ея подзаголовкѣ. «Много лѣтъ я носился съ мыслью построить на почвѣ теоріи развитія цѣлую «*Систему монистической философіи*»; этотъ планъ уже не будетъ приведенъ въ исполненіе», говоритъ авторъ на стр. XXVII. Вмѣсто цѣлой «системы», Геккель даетъ «очерки», которые имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, отвѣтить на вопросъ: «*Какой ступени въ познаніи истины дѣйствительно достигли мы на исходѣ девятнадцатаго столѣтія?*» (стр. XXVI).

Прежде всего, Геккель обращаетъ вниманіе на то, что «Грандіозному прогрессу эмпирическихъ знаній въ нашъ «*вѣкъ естественныхъ наукъ*» далеко не соотвѣтствуетъ развитіе теоріи, пониманія причинной связи всѣхъ отдѣльныхъ явленій, которое мы обобщаемъ въ одномъ словѣ: «*философія*» (стр. XXIV). Мало того, до самаго послѣдняго времени между натуралистами и философами не рѣдко замѣчалась явственная антипатія: натуралисты довольствовались своими спеціальными изслѣдованіями и съ недовѣріемъ относились ко всякимъ обобщеніямъ, ко всякой «натурфилософіи», а философы, въ свою очередь, въ большинствѣ случаевъ игнорировали естествоиспытателей. Однако въ настоящее время этотъ зловредный антагонизмъ начинаетъ исчезать, и «выдающіеся люди науки изъ обоихъ лагерей подаютъ другъ другу руки и сообща стремятся къ разрѣшенію тѣхъ высшихъ проблемъ знанія, которыя мы для краткости называемъ двумя словами: «*Міровыя загадки*» (стр. XXIV).

Но въ чемъ заключаются эти «міровыя загадки»?

«Необразованнаго представителя культурной эпохи, точно такъ же, какъ первобытнаго дикаря, на каждомъ шагу окружаютъ безчисленныя міровыя загадки. Съ развитіемъ культуры и науки, число ихъ все уменьшается. Въ концѣ концовъ, *монистическая философія* признаетъ только одну всеобъемлющую міровую загадку: «*проблему субстанціи*». Во всякомъ случаѣ, цѣлесообразно будетъ называть этимъ именемъ еще цѣлый рядъ другихъ труднѣйшихъ проблемъ. Въ знаменитой рѣчи, произнесенной *Эмилемъ Дюбуа-*

Реймономъ въ берлинской академіи наукъ на засѣданіи въ честь Лейбница, онъ различаетъ «*семь міровыхъ загадокъ*» и перечисляетъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: I. Сущность матеріи и силы. II. Происхожденіе движенія. III. Возникновеніе жизни. IV. (Повидимому, преднамѣренная) цѣлесообразность въ природѣ. V. Возникновеніе простѣйшихъ ощущеній и сознанія. VI. Разумное мышленіе и происхожденіе тѣсно связаннаго съ нимъ языка. VII. Вопросъ о свободѣ воли. Изъ этихъ семи міровыхъ загадокъ ораторъ берлинской академіи *три* (первую, вторую и пятую) объявляетъ совершенно трансцендентными и не разрѣшимыми; *три* другія (третью, четвертую и шестую) онъ считаетъ очень трудными, но разрѣшимыми; относительно седьмой, послѣдней «міровой загадки», вопроса о свободѣ воли, которая играетъ самую важную роль въ практической жизни, онъ не высказывается опредѣленно».

«Такъ какъ мой *монизмъ* существенно отличается отъ монизма берлинскаго оратора, и его взглядъ на «семь міровыхъ загадокъ» пользуется большимъ успѣхомъ въ широкой публикѣ, я считаю необходимымъ тутъ же, съ самаго начала выяснить мою позицію по отношенію къ нему. На мой взглядъ, три «трансцендентныя» загадки (I, II, V) находятъ свое разрѣшеніе въ нашемъ опредѣленіи *субстанціи*; три другія, трудныя, но разрѣшимыя проблемы (III, IV, VI) окончательно разрѣшены новѣйшей *теоріей развитія*; послѣдняя, седьмая міровая загадка, вопросъ о свободѣ воли, вовсе не является объектомъ научной критики, такъ какъ она совсѣмъ не существуетъ въ дѣйствительности, покоится только на самообманѣ, какъ *догматъ* и ничего болѣе» (стр. 8—9).

Такимъ образомъ, согласно Геккелю, существуетъ лишь одна настоящая міровая загадка: проблема субстанціи. Прежде всего, нужно замѣтить, что въ своей критикѣ ученія Дюбуа-Реймона Геккель является лучшимъ естествоиспытателемъ, чѣмъ знаменитый берлинскій физіологъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ Дарвина и Спенсера заявлять, что «цѣлесообразность въ природѣ» есть міровая загадка, это значитъ просто игнорировать весь успѣхъ человѣческой мысли за послѣднія десятилѣтія. Мало чѣмъ лучше и помѣщеніе въ число міровыхъ загадокъ вопроса о происхожденіи языка и разумнаго (т. е. на основаніи понятій) мышленія *).

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ III-ей и VII-й загадками Дюбуа-Реймона. Когда Геккель причисляетъ третью загадку, т. е. вопросъ о происхожденіи жизни, къ числу тѣхъ, которыя «окончательно разрѣшены новѣйшей *теоріей развитія*», то приходится сказать, что въ данномъ случаѣ онъ смѣшиваетъ два вопроса: вопросъ: что произошло? и вопросъ: какъ оно произошло? Ибо

*) Кстати, этотъ вопросъ прекрасно разработанъ въ книгѣ Роменса «Духовная эволюція человѣка», появившейся еще въ 1888 г. и недавно переведенной на русскій языкъ.

дѣйствительное положеніе данной проблемы въ настоящее время таково, что, конечно, человѣкъ, вполнѣ усвоившій результатъ современныхъ философскихъ изслѣдованій, ясно видитъ, что между явленіями міра органическаго и, такъ называемаго, міра неорганическаго *не можетъ быть* принципіальнаго отличія, ясно видитъ, что явленія органическаго міра *должны* были развиться изъ явленій міра неорганическаго путемъ своеобразныхъ осложненій; но какъ это произошло—на этотъ вопросъ онъ не можетъ отвѣтить даже съ приблизительною вѣроятностью. Мало того, въ данномъ случаѣ непримѣнимы и тѣ соображенія, при помощи которыхъ мы доказывали, что Геккель былъ правъ, довольствуясь лишь общими соображеніями въ вопросѣ о кровномъ родствѣ человѣка и животныхъ. Ибо тамъ положеніе дѣлъ было совершенно иное: тамъ у насъ были налицо всѣ факты органической эволюціи (естественный отборъ и др.) и было уже доказано, что эти факторы способны совершить гигантскую работу развитія жизненныхъ формъ отъ простѣйшаго одноклѣточнаго существа до человѣкоподобныхъ обезьянъ включительно, и оставалось лишь предположить, что эти самые факторы были способны сдѣлать еще одинъ (и, сравнительно, небольшой) шагъ: способствовать развитію человѣка изъ общаго корня съ человѣкоподобной обезьяной. Совершенно иное мы видимъ въ данномъ случаѣ. Переходъ отъ міра неорганическаго въ міръ органическій есть переходъ своеобразный, единственный во вселенной, а не одинъ изъ многихъ аналогичныхъ переходовъ, какъ переходъ отъ человѣка къ ближайшимъ животнымъ. И поэтому никакихъ факторовъ, способствовавшихъ этому переходу, мы еще не знаемъ: мы должны ихъ открыть, и пока мы ихъ не откроемъ,—одно теоретическое, философское убѣжденіе въ необходимости ихъ существованія, при всей своей законности и даже обязательности, даетъ намъ лишь то преимущество, что мы знаемъ, надъ рѣшеніемъ какой проблемы мы должны трудиться.

Поэтому ставить на одну доску вопросъ о происхожденіи жизни и вопросъ о цѣлесообразности въ природѣ, утверждать, какъ это дѣлаетъ Геккель, что оба эти вопроса «окончательно разрѣшены новѣйшей теоріей развитія», значитъ игнорировать огромное различіе, существующее между положеніемъ обоихъ вопросовъ. Мы бы сказали, что современное эволюціонное ученіе не «окончательно рѣшило» вопросъ о происхожденіи жизни, а лишь окончательно формулировало постановку вопроса, ибо мы теперь, вмѣсто вполнѣ неопредѣленнаго вопроса: «какъ возникла жизнь?», можемъ спрашивать болѣе опредѣленно: «какъ живое возникло изъ не-живого?» или, другими словами: «въ чемъ заключается та своеобразная комбинація неорганической матеріи (и силъ), которую мы называемъ живымъ веществомъ»?

Что касается послѣдняго пункта разногласія между двумя знаменитыми учеными: вопроса о свободѣ воли, то, какъ мы видимъ, въ этомъ чисто философскомъ вопросѣ антагонизмъ двухъ міровоз-

зрѣній достигаетъ своего апогея. То, что Дюбуа-Реймонъ считаетъ міровой загадкой, то самое Геккель считаетъ вопросомъ, не имѣющимъ права на существованіе, простымъ результатомъ самообмана. Здѣсь сказывается радикальный антагонизмъ, присущій вообще философскимъ спекуляціямъ. Однако, одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ великаго прогресса философскаго мышленія заключается въ томъ, что въ настоящее время представители враждующихъ міровоззрѣній начали лучше понимать другъ друга, ибо, мало по малу, накопился уже не малый фондъ общепризнанныхъ истинъ. Это отразилось и на вопросѣ о свободѣ воли. Послѣдователи Канта, эти единственные въ настоящее время серьезные защитники свободы воли, заняли своеобразную позицію, дозволяющую имъ быть рѣшительными противниками свободы воли во всемъ доступномъ познанію мірѣ. Свою излюбленную свободу воли они переносятъ въ міръ интеллигибельный, въ міръ сущностей, недоступный познанію. Здѣсь не мѣсто доказывать несостоятельность и этой попытки спасти свободу воли: для нашей цѣли достаточно лишь указать на то, что, благодаря подобной постановкѣ, вопросъ о свободѣ воли теряетъ свой специфическій характеръ: онъ уже не можетъ быть поставленъ, какъ одинъ изъ вопросовъ познанія, наряду съ такими вопросами, какъ цѣлесообразность въ природѣ, возникновеніе жизни и т. п.: онъ является просто одною изъ сторонъ ученія о сущемъ, и поэтому Геккель могъ бы включить и его въ свою «проблему субстанціи».

Такимъ образомъ, мы вновь пришли къ «проблемѣ субстанціи», этой единственной, по ученію Геккеля, міровой проблемѣ.

«Въ понятіи *«закона субстанціи»* я объединяю (говоритъ Геккель на стр. 109) два высшихъ универсальныхъ закона различнаго происхожденія: болѣе старый *химическій* законъ о «сохраненіи матеріи» и *физическій* законъ о «сохраненіи силы», открытый сравнительно недавно». Такая постановка вопроса приведетъ, вѣроятно, многихъ читателей къ предположенію, что Геккель проповѣдуетъ чистый матеріализмъ. Но Геккель энергически протестуетъ противъ отожествленія его монизма съ матеріализмомъ и по этому поводу дѣлаетъ два слѣдующихъ замѣчанія: «I. Нашъ *чистый монизмъ* не тожественъ ни съ теоретическимъ *матеріализмомъ*, отрицающимъ духовную жизнь и разсматривающимъ міръ, только лишь какъ сумму мертвыхъ атомовъ, ни съ теоретическимъ *спиритуализмомъ* (въ послѣднее время Оствальдъ окрестилъ его *энергетикой*), отрицающимъ матерію и видящимъ въ мірѣ только распредѣленную въ пространствѣ группу энергій, или не матеріальныхъ естественныхъ силъ. II. Нѣтъ, вмѣстѣ съ *Гете*, мы твердо убѣждены, что «матерія нигдѣ не существуетъ безъ духа и духъ— безъ матеріи; они не могутъ также дѣйствовать въ одиночку». «Мы неуклонно держимся чистаго и недвусмысленнаго монизма *Спинозы*; *матерія*, какъ субстанція, обладающая безконечнымъ протяженіемъ,

и *духъ* (или энергія), какъ воспринимающая и мыслящая субстанція,—вотъ два основныхъ *аттрибута*, или свойства божественной сущности міра, всеобъемлющей универсальной *субстанціи*» (стр. 11).

Съ этой нео-спинозистической точки зрѣнія Геккель и разсматриваетъ міровыя явленія, при чемъ, въ качествѣ натуралиста, главное вниманіе онъ удѣляетъ эволюціи органическаго міра, излагая свое ученіе—ученіе вполнѣ послѣдовательнаго дарвиниста. Такъ, напримѣръ, цѣлую главу онъ посвящаетъ «монистическимъ очеркамъ человѣческой и сравнительной анатоміи», въ которой подробно выясняетъ сходство въ общей и детальной организаціи человѣка и млекопитающихся. Затѣмъ слѣдующую главу онъ посвящаетъ «монистическимъ очеркамъ физіологіи человѣка и сравнительной физіологіи», гдѣ выясняетъ сходство между человѣкомъ и млекопитающими во всѣхъ ихъ жизненныхъ отправленіяхъ. Предметомъ слѣдующей главы являются «монистическіе очерки онтогеніи человѣка и сравнительное сходство въ образованіи плода и развитіи человѣка и позвоночныхъ». Въ дальнѣйшей главѣ идутъ: «Монистическіе очерки о происхожденіи человѣка отъ позвоночныхъ животныхъ и въ частности отъ приматовъ».

Во всѣхъ этихъ «очеркахъ» дается ясное и послѣдовательное изложеніе трансформизма, при чемъ, не считая нѣкоторыхъ, быть можетъ, сложныхъ деталей, эти главы являются краткимъ сводомъ истинъ, признанныхъ современной философіей естествознанія. Въ дальнѣйшихъ главахъ авторъ трактуетъ о вопросахъ психологическихъ и космологическихъ. Но и здѣсь, въ сущности, чувствуется натуралистъ, который рѣшеніе всѣхъ остальныхъ вопросовъ старается привести въ соотвѣтствіе съ рѣшеніями хорошо знакомыхъ ему вопросовъ естествознанія. При этомъ нужно еще помнить, что «Міровыя загадки» Геккеля не являются вполнѣ цѣльной и стройной системой. Мы уже выше цитировали заявленіе автора, что онъ отказывается отъ мечты написать стройную «Систему монистической философіи»; онъ указываетъ на «признаки надвигающейся старости» (стр. XXVII), какъ на причину того, что онъ имѣетъ основаніе отказаться отъ своей «мечты». Вмѣсто «системы», онъ даетъ лишь «очерки», относительно которыхъ говоритъ слѣдующее: «Мои свѣдѣнія въ различныхъ областяхъ знанія очень не одинаковы и отрывочны, поэтому моей цѣлью могло быть только набросать общій планъ .. картины вселенной и доказать ея *единство* (несмотря на крайне неодинаковую разработку отдѣльныхъ частей въ моемъ изложеніи). Такъ что мои «Міровыя загадки» являются, въ сущности, лишь «записной книжкой», въ которую я заносилъ *очерки* далеко неодинаковаго достоинства, стараясь объединить ихъ въ одно цѣлое. Часть ихъ написана мною уже въ прежніе годы, другая часть—въ послѣднее время, такъ что изложеніе, къ сожалѣнію, страдаетъ неравномѣрностью» (стр. XXVII).

Мы уже говорили, что, сверхъ главъ, посвященныхъ вопросамъ

біологическимъ, значительное число главъ еще посвящено вопросамъ психологическимъ и космологическимъ. Исходя изъ своей неоспинозистической точки зрѣнія, согласно которой матерія и духъ суть два неразлучные аттрибута единой субстанціи, Геккель вполнѣ естественно, желая прослѣдить эволюцію невидимаго и неосязаемаго духа, даетъ намъ, въ сущности, лишь изображеніе эволюціи видимой и осязаемой матеріи; другими словами, онъ трактуетъ психологическіе вопросы, какъ анатомъ, гистологъ, физіологъ, эмбріологъ и т. п., но нигдѣ не становится на чисто психологическую точку зрѣнія.

Здѣсь относительно Геккеля мы можемъ повторить то, что сказали (см. «Русск. Богатство» 1905 г. № 10) относительно столь близкаго ему по духу Сѣченова: пока изслѣдователи этого реалистическаго направленія остаются вѣрными своему методу—ихъ выводы всегда имѣютъ цѣну; эти выводы могутъ быть неполными, но они не могутъ быть вполнѣ ошибочными. Такъ, въ данномъ случаѣ, Геккель даетъ намъ вполнѣ вѣрную картину постепеннаго усложненія психической жизни. Конечно, послѣ Спенсера и другихъ изслѣдователей эта картина не можетъ претендовать на дѣйствительную оригинальность, но Геккель и не заявляетъ въ данномъ случаѣ особенныхъ претензій: онъ стремится лишь доказать, что психологическая жизнь укладывается въ рамки его монистической философіи. Однако, признавая всю вѣрность его изображенія, мы не можемъ не отмѣтить того, что для дѣйствительнаго разъясненія міровой загадки «проблемы субстанціи» нужно еще освѣтить и другую сторону вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, пусть каждый атомъ является носителемъ двухъ аттрибутовъ единой субстанціи: матеріи и духа. Духовная жизнь атома весьма элементарна, проста и, прежде всего, безсознательна. Затѣмъ мы видимъ, что возникаетъ та своеобразная комбинація атомовъ, которая называется животной клѣточкой, и что эта клѣточка явственно одарена чувствительностью, т. е. способностью реагировать на раздраженіе извнѣ. Послѣ этого мы можемъ прослѣдить постепенную дифференціацію и интеграцію клѣточекъ: образованіе большихъ скопленій клѣточекъ, сопровождающееся возникновеніемъ нервной системы, а съ нею и болѣе сложной реакціи на раздраженіе. Наконецъ, мы наблюдаемъ, какъ дальнѣйшее усложненіе нервной системы: развитіе богатой центральной нервной системы сопровождается возникновеніемъ *сознательной* психической жизни, которая въ своихъ высочайшихъ проявленіяхъ обнаруживается, какъ духовная жизнь геніальнаго человѣка и героя нравственнаго сознанія. Все это, при помощи метода, употребляемаго Геккелемъ, можетъ быть изображено очень хорошо, но... только съ одной стороны. А именно, всѣ эти превращенія «единой субстанціи» съ ея двумя аттрибутами въ изображенія Геккеля намъ ясн и понятны, когда мы подходимъ къ нимъ со стороны одного аттрибута—матеріи. Хотя «свойства матеріи» намъ еще далеко не вполнѣ

извѣстны, но всетаки мы о нихъ знаемъ достаточно, чтобы, по крайней мѣрѣ, пытаться объяснить трансформацію вещества при помощи закона тяготѣнія, химическаго средства и т. п. Но если духъ есть дѣйствительно вполнѣ самостоятельный «аттрибутъ», равноправный съ матеріей, то мы должны еще умѣть подойти къ этимъ трансформаціямъ «субстанціи» и со стороны духа: мы должны хотя бы настолько узнать «свойства духа», чтобы, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, представить себѣ тотъ процессъ, при помощи котораго совершается чудовищный переходъ отъ элементарной, безсознательной духовной жизни атома къ напряженной сознательной жизни творца великой научной системы, героя нравственнаго дѣянія, или творца великаго художественнаго произведенія. Какой процессъ тутъ происходитъ? Какимъ образомъ небольшіе участки «субстанціи», именуемой въ данномъ случаѣ центральной нервной системой, сконцентрировали въ себѣ такую гигантскую духовную силу, тогда какъ въ рядомъ лежащемъ мускулѣ эта духовная сила выражается всего только простою раздражимостью, а еще немного дальше — въ неорганическомъ атомѣ духовная жизнь и вполнѣ неуловима?

На этотъ и подобные этому вопросы Геккель не только не даетъ отвѣта, но, повидимому, и не считаетъ нужнымъ давать отвѣтъ: начертавши трансформацію «субстанціи», выразившуюся возникновеніемъ и развитіемъ нервной системы, онъ считаетъ свою задачу выполненною и весь процессъ выясненнымъ. Это, повторяемъ, не дѣлаетъ начерченной имъ картины невѣрною, но дѣлаетъ ее не доконченною.

Космологическая часть книги Геккеля могла бы быть наиболѣе важною и интересною уже по тому одному, что здѣсь онъ долженъ былъ подойти ближе всего къ выясненію своего понятія субстанціи. Но ея содержаніе ограничивается, въ сущности, изложеніемъ законовъ сохраненія матеріи и энергіи и Канто-Лапласовскаго ученія о развитіи міра изъ первобытной туманности. Лишь въ одной небольшой главѣ, въ 12 страницъ, авторъ вполнѣ воздерживается отъ экскурсій въ біологическія науки, а затѣмъ монистическое ученіе опять иллюстрируется, главнымъ образомъ, на примѣрахъ, взятыхъ изъ области біологіи.

Типичный представитель научнаго движенія второй половины XIX вѣка, т. е. эпохи гегемоніи біологическихъ наукъ, Геккель является яркимъ выразителемъ какъ сильныхъ, такъ и слабыхъ сторонъ этой научной эпохи. О великихъ философскихъ заслугахъ современной біологіи и, прежде всего, о томъ могущественномъ содѣйствіи, которое она оказала эволюціонной философіи, нѣтъ надобности распространяться: это хорошо извѣстно всѣмъ образованнымъ людямъ. Но, повидимому, мало кто догадывается, что этой гегемоніи біологическихъ наукъ пришелъ конецъ, и что теперь, если какая группа наукъ можетъ претендовать на философскую гегемонію, то это, конечно, группа физико-математиче-

скихъ наукъ. Конечно, вслѣдствіе современнаго раздѣленія научнаго труда, мы, вѣроятно, никогда не будемъ имѣть новыхъ Декартовъ и Лейбницевъ, одинаково великихъ, какъ въ философіи, такъ и въ математикѣ, но всетаки уже теперь настало время, когда для философа знаніе физико-математическихъ наукъ важнѣе знанія наукъ біологическихъ.

Читая современныхъ физиковъ и физико-химиковъ, изучая, напримѣръ, электрическую теорію матеріи, часто положительно недоумѣваешь, что это: физика или философія? Съ одной стороны, это—безспорно физика, со всѣми ея дифференціалами и интегралами, со всѣми ея точными методами изслѣдованія; а съ другой стороны, вдругъ получается рѣшеніе громаднаго философскаго вопроса: напримѣръ, та самая матерія, на которую такъ уповали матеріалисты и съ которою не знали какъ справиться спиритуалисты, здѣсь легко и просто сводится на электричество, и, такимъ образомъ, дѣлается шагъ по направленію къ монизму, гораздо болѣе успѣшный, чѣмъ нео-спинозизмъ Геккеля съ его неизвѣстной субстанціей и двумя несводимыми другъ на друга аттрибутами.

Если бы Геккель обладалъ большими свѣдѣніями въ области физико-математическихъ наукъ, то онъ, вѣроятно, лучше оцѣнилъ бы монистическое значеніе ученія современныхъ физиковъ и физико-химиковъ; онъ, вѣроятно, не счелъ бы возможнымъ, напримѣръ, отдѣлаться отъ «энергетики» Оствальда однимъ презрительнымъ отожествленіемъ ея со спиритуализмомъ. Но Геккель до такой степени мало подготовленъ въ этой области, что позволяетъ себѣ здѣсь шагъ, который трудно было бы ожидать отъ крупнаго ученаго, хорошо знающаго, какими аргументами можно создавать и разрушать ученія. А именно, въ своемъ изложеніи судебъ міровъ, то возникающихъ изъ туманностей, то вновь превращающихся въ эти туманности, вслѣдствіе паденія небесныхъ тѣлъ другъ на друга, при чемъ этотъ циклъ повторяется до безконечности,—Геккель сталкивается, конечно, съ ученіемъ объ энтропіи, ученіемъ, согласно которому энергія не можетъ превратиться въ работу до безконечности, ибо при каждомъ подобномъ превращеніи часть энергіи переходитъ въ бездѣятельное состояніе. Теплота можетъ выполнять работу лишь въ томъ случаѣ, когда теплое тѣло окружено тѣлами болѣе холодными, но при каждой работѣ часть теплоты переходитъ къ этимъ болѣе холоднымъ тѣламъ и, такимъ образомъ, навсегда теряется для работы. Согласно этому ученію, конецъ міровыхъ превращеній наступитъ въ тотъ моментъ, когда теплота будетъ распространена *равномѣрно* по всей вселенной. Это состояніе и выражается формулой: *энтропія вселенной стремится достигнуть своего максимума.*

Читатель видитъ, что это ученіе объ энтропіи не совмѣстимо съ ученіемъ Геккеля о вѣковѣчныхъ превращеніяхъ. Конечно, Геккель имѣлъ полное право напасть на враждебное ему ученіе, и если бы ему дѣйствительно удалось хотя бы поколебать его, то уже

одно это поставило бы его въ первые ряды среди современныхъ ученыхъ. Но, къ сожалѣнію, Геккель въ этомъ случаѣ выполнилъ свою задачу въ совершенно невозможной формѣ. «Если это ученіе объ энтропіи,—говоритъ онъ на стр. 129,—покоится на истинѣ, то предполагаемому имъ «*концу* свѣта» должно было бы также соотвѣтствовать «*начало*» его, *минимумъ энтропіи*, когда разница въ температурѣ отдѣльныхъ вещей достигла своего апогея. Обѣ эти гипотезы одинаково несостоятельны съ точки зрѣнія послѣдовательнаго монизма, космогеническаго процесса; онѣ противорѣчатъ закону субстанціи. Міръ не знаетъ ни начала, ни конца. Вселенная не только безконечна, она также вѣчно остается въ движеніи; въ ней безпрерывно происходитъ превращеніе живой силы въ силу напряженія и наоборотъ». Вотъ и все, и такими голословными утвержденіями Геккель думаетъ опровергнуть ученіе первоклассныхъ физиковъ!

Полнота монистическаго міровоззрѣнія, конечно, не могла бы быть достигнута, если-бы авторъ обошелъ молчаніемъ вопросы религіозные, этическіе, эстетическіе и общественные. И, дѣйствительно, Геккель посвящаетъ этимъ вопросамъ часть своей книги, но это—наименѣе разработанная часть сочиненія. Не только авторъ не пытается внести ничего оригинальнаго, но даже, вслѣдствіе крайней бѣглости изложенія, онъ не знакомитъ съ современнымъ положеніемъ вопроса. Бѣглость изложенія станетъ очевидна, когда мы сообщимъ, что, напр., «политеизму» и «монотеизму» посвящено каждому около $^1/_3$ страницы. «Упадку культуры въ средніе вѣка» и «Папизму»—каждому отведено, приблизительно, по $^1/_2$ страницы; «реформаціи» — менѣе одной страницы и т. д. Поэтому объ этой части монистическаго ученія Геккеля нѣтъ надобности говорить.

Мы указали не мало недостатковъ въ монистической философіи Геккеля, къ которымъ нужно прибавить еще и тотъ крупный недостатокъ, что, собственно, философское изслѣдованіе, чисто философская точка зрѣнія вполнѣ отсутствуетъ въ этомъ философскомъ трактатѣ. Однако было бы совершенно ошибочно и крайне односторонне, если бы кто-либо на основаніи всего этого заключилъ, будто мы не признаемъ выдающагося значенія этого труда престарѣлаго апостола дарвинизма. Всякая эпоха характеризуется особымъ міровоззрѣніемъ, и всегда бываютъ цѣнны типичные представители эпохи, развивающіе стройное міровоззрѣніе, приспособленное къ лейтмотиву эпохи. Геккель именно и является такимъ типичнымъ преставителемъ той великой эпохи человѣческаго мышленія, когда геніальное открытіе Дарвина не только совершило переворотъ въ одной изъ важнѣйшихъ и обширнѣйшихъ областей человѣческаго вѣдѣнія, но еще и могущественно способствовало возникновенію эволюціонной философіи, при чемъ, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, *на первое время*, въ этой эволюціонной философіи господствующее мѣсто заняли именно біологическія науки.

П. Мокіевскій.

Хроника внутренней жизни.

I. Эра продолжается прежняя. — II. К.-д. періодъ въ исторіи освободительнаго движенія.—III. Заслуги «кадетской» Думы.—IV. Памяти М. Я Герценштейна.

I.

«Эра продолжается прежняя: ворона мокнетъ»... Такими словами я закончилъ свою прошлогоднюю іюньскую «хронику» *). Буквально тѣми же словами я долженъ начать нынѣшнюю іюльскую: эра продолжается прежняя, и даже «ворона», какъ я назвалъ тогда русскую конституцію, опять мокнетъ...

Въ самомъ дѣлѣ: передъ нами только что красовалась конституціонная декорація, на авансценѣ находились «народные представители», въ перспективѣ—даже совсѣмъ близко, казалось,—виднѣлось парламентское министерство... Но вотъ нажата невидная для зрителей кнопка—и все это сразу исчезло...

Передъ нами—г. Столыпинъ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ только что гнали въ шею. Онъ еще такъ мило держалъ себя при этомъ, что «Рѣчь», въ припадкѣ конституціоннаго благодушія, назвала его тогда «джентльмэномъ». Теперь уже онъ занимаетъ авансцену. Какъ истый престидижаторъ, онъ галантно раскланивается съ публикой. Граціознымъ жестомъ онъ приглашаетъ въ свой «кабинетъ» черной и бѣлой магіи «общественныхъ дѣятелей»:

— Прошу удостовѣриться...

Онъ уже отстегнулъ манжеты, засучилъ рукава,—однимъ словомъ, приготовился. Сейчасъ онъ покажетъ фокусъ «мирнаго обновленія» Россіи. Онъ уже началъ его разстрѣлами...

Точно феерія какая происходитъ передъ нами... Гдѣ же конституція? Въ качествѣ обозрѣвателя я опять вспоминаю «ворону».

Иду я,
Вижу я:
На мосту ворона сохнетъ...

Мы всѣ вѣдь ее видѣли... «Какія перышки! какой носокъ»! Вотъ вотъ, казалось, она взовьется кверху. Чуть не клятвенно конституціонные знахари увѣряли насъ въ этомъ. «Пожалуйста, только осторожнѣе!» «Единственное спасеніе—искусственное дыханіе по системѣ П. Н. Милюкова». Но время шло, а патентованное средство надлежащаго эффекта не производило.

Знахари начали даже смущаться, но въ началѣ іюля ихъ на-

*) См. «Наканунѣ». Спб. 1906 г, стр. 122. Въ «Русскомъ Богатствѣ» соотвѣтствующая глава не появилась вовсе, такъ какъ цѣликомъ была вычеркнута цензоромъ.

дежды вновь оживились. Если не сами они, то, быть может, помогутъ «угодники».

Государственный совѣтъ выразилъ недовѣріе министерству... Фактъ совершился, и послѣ этого рѣшенія государственнаго совѣта положеніе министерства стало совершенно невозможнымъ. Оно, наконецъ, подастъ въ отставку...

Такъ увѣряла «Рѣчь» 2 іюля. Черезъ день явилась новая надежда: на «Божію милость».

Теперь,—писали «Русскія Вѣдомости»,—съ мнѣніями обѣихъ палатъ нашего парламента согласился и государь... И если наши министры ссылаясь на примѣръ Бисмарка, дѣлали видъ, что пренебрегаютъ вотумомъ недовѣрія, многократно высказаннаго государственной думой, если ихъ мало трогало рѣшеніе государственнаго совѣта, то теперь они лишены возможности указывать на довѣріе къ нимъ короны, какъ на стимулъ оставаться у власти. И первымъ необходимымъ послѣдствіемъ утвержденія новаго закона должна быть отставка кабинета *)...

«На Тя, Господи, уповахомъ»... И вдругъ—«совершенно невѣроятное сообщеніе»—вмѣсто парламентскаго министерства на сценѣ русской исторіи оказался г. Столыпинъ.

Взялъ ворону онъ за хвостъ,
Положилъ ее подъ мостъ,—
Пусть теперь ворона мокнетъ...

Когда я начинаю вдумываться въ то, что произошло, то передо мною, какъ живая, встаетъ сценка, описанная на дняхъ въ «XX вѣкѣ» какимъ-то обывателемъ. Привожу это описаніе во всей его непосредственности:

Вчера въ 12 час. ночи 19 числа на 20-е шли два кавалера и шла барышня по шоссе противъ дома 59-го, что на углу новопроложенной улицы въ другъ догнали казаки этихъ молодыхъ людей и сказали, что отдайте барышню а то застегаемъ посадили и увезли барышню она заплакала.

Я никакъ не могу отдѣлаться отъ мысли, что съ Государственной Думой произошло то же самое: ее отдали казакамъ и затѣмъ напечатали сообщеніе, что она «плакала»...

Иного исхода и ожидать было трудно. Въ «новопроложенную» улицу, когда по ней разъѣзжаютъ казаки, нельзя идти съ дамой. А если ужъ идти, то не на «милость Божію» ея кавалеры должны возлагать свои надежды...

II.

Читатели знаютъ, что въ «новую эру» мы не вѣрили и ни въ комъ «мимолетной и тщетной—какъ признаютъ теперь «Русскія Вѣдомости»—надежды на счастливый выходъ изъ тяжкаго и опаснаго кризиса, переживаемаго страной», съ своей стороны, не

*) „Русскія Вѣдомости“, 5 іюля.

возбуждали. Напротивъ, мы все время утверждали, что «историческая грань» между самодержавіемъ и народовластіемъ остается еще не пройденной, и что самый трудный, быть можетъ, переходъ предстоитъ впереди. «Едва ли этотъ переходъ—писалъ я въ сентябрѣ прошлаго года—можно будетъ совершить въ костюмѣ лойяльности». Къ декабрю это предположеніе обратилось у меня въ увѣренность. Событія послѣднихъ мѣсяцевъ ея не поколебали.

На эти событія не лишне будетъ оглянуться. Сдѣлать это я даже обязанъ, такъ какъ они до сихъ поръ остаются не занесенными въ нашу журнальную лѣтопись. Еще въ декабрѣ я прервалъ свои обозрѣнія и съ тѣхъ поръ не имѣлъ возможности къ нимъ вернуться.

Тогда я писалъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ только что произошедшаго въ Москвѣ и далеко еще не закончившагося въ другихъ мѣстахъ вооруженнаго возстанія. Завоеваніе Екатерининской дороги еще продолжалось, покореніе Прибалтійскаго края только еще начиналось; о Сибири, отрѣзанной почтово-телеграфной и желѣзнодорожной забастовкой, доходили лишь смутные слухи, съ Кавказа совсѣмъ извѣстій не было. Предусмотрѣть, что произойдетъ даже въ ближайшіе дни, было не мыслимо. Передъ нами «лежитъ—писалъ я—полоса неизвѣстности,—полоса, несомнѣнно, крупныхъ событій и тяжкихъ потрясеній, великихъ дѣяній и невыносимыхъ страданій, но какихъ—никто предусмотрѣть не въ силахъ. Какъ въ темную ночь живемъ мы».

«Будемъ дѣлать выборы» — провозгласила въ этотъ именно моментъ конституціонно-демократическая партія.

Лозунгъ этотъ прозвучалъ—и я думаю не для меня только—донельзя странно. Въ туманной дали дѣйствительно виднѣлись выборы, но даже думать о нихъ, подъ грохотъ орудій и трескъ пулеметовъ, было трудно. «Дѣлать» же ихъ—въ атмосферѣ забастовокъ, разстрѣловъ и пожаровъ—и вовсе казалось не мыслимымъ. «Во всякомъ случаѣ—писалъ я—не конституціонно-демократическая партія при такихъ условіяхъ *сдѣлаетъ* выборы. Если они будутъ сдѣланы, то, конечно, тѣми, въ чьихъ рукахъ имѣется оружіе»...

Я жестоко ошибся, и теперь долженъ отдать честь дальновидности конституціонно-демократическихъ лидеровъ. Понятно мнѣ теперь и то, почему я ошибся.

К.-д. я считалъ лѣвой партіей. Правда, уже тогда я предусматривалъ возможность, «что разграничительная черта пройдетъ черезъ эту партію и, быть можетъ, даже разрѣжетъ ее». Но это я говорилъ, засматривая въ будущее: «событія—прибавлялъ я—далеко вѣдь еще не кончились». Пока же... Вѣдь на дняхъ, можно сказать, мы вмѣстѣ «явочнымъ порядкомъ» осуществляли свободы. Въ платформѣ к.-д. партіи, какъ и у всѣхъ лѣвыхъ партій и организацій, тогда еще стояло учредительное собраніе. Слишкомъ свѣжо еще было воспоминаніе о томъ, какъ на своемъ учредительномъ съѣздѣ всею душою, всѣмъ сердцемъ к.-д. одобрили всеобщую

забастовку. Резолюція ихъ отъ 18 октября санкціонировала, въ сущности, и другіе болѣе сильные методы борьбы за народную волю... Несомнѣнно, что и правительство, предпринимая репрессіи, склонно было въ то время взять к.-д. партію за общія скобки со всѣми другими «революціонными», если не соціалистическими, то союзными организаціями. Наконецъ, сами к.-д... Вѣдь даже въ Государственной Думѣ они лишь послѣ долгихъ препирательствъ согласились признать фактъ, что они являются «центромъ»...

И мнѣ казалось, что к.-д. партія раздѣлитъ судьбу всей освободительной арміи. Если движеніе будетъ придавлено, то и к.-д., думалось, окажутся подъ прессомъ. При такой обширной площади давленія правительству, быть можетъ, и не удалось бы удержать въ своихъ рукахъ рукоять этого пресса. Не будемъ, однако, гадать, какъ пошли бы въ такомъ случаѣ событія... Фактъ тотъ, что к.-д. партія *не пожелала* раздѣлить судьбу «революціонныхъ» организацій, и ей удалось изъ-подъ пресса высвободиться.

Это можно было, конечно, предвидѣть. Тактика к.-д. тогда достаточно уже опредѣлилась. Правда, теорія ея далеко еще въ то время не сложилась. Противъ второй и третьей всеобщихъ забастовокъ были предъявлены возраженія, но, главнымъ образомъ, практическаго свойства. И лишь П. Б. Струве, неизмѣнно идущій впереди при каждомъ право-фланговомъ движеніи партіи, рѣшительно заявилъ себя принципіальнымъ ихъ противникомъ. Вооруженное возстаніе также осуждалось, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія его непрактичности и безнадежности, и лишь потомъ, на январьскомъ съѣздѣ, была провозглашена этическая его непріемлемость. Тактическая теорія партіи «высшаго порядка» только еще складывалась.

И я думаю, что она складывалась, главнымъ образомъ, въ центрѣ. Я имѣю при этомъ въ виду ту разницу между «центральными» и «периферическими» людьми партіи, которую отмѣчаетъ въ своей статьѣ С. Я. Елпатьевскій.

Я вспоминаю,—говоритъ онъ про послѣднихъ,—исторію каждаго изъ нихъ, ихъ долгую, городскую, земскую и вообще общественнную жизнь, состоявшую, главнымъ образомъ, изъ аварій и кораблекрушеній, изъ Сциллъ и Харибдъ, изъ подводныхъ скалъ и нападеній пиратовъ, эту удивительную русскую жизнь, гдѣ только спеціально выработанное хитроуміе русскихъ одиссеевъ помогало имъ черезъ „пень-колоду" протаскивать утлое суденышко дорогого имъ культурнаго и общественнаго дѣла...

Я все ждалъ,—прибавляетъ онъ,—что они разскажутъ, какъ много они пережили, какъ они за эту долгую борьбу изжили себя и пришли сюда, обремененные неудобоносимымъ бременемъ прошлаго, скептическіе и невѣрующіе. Разскажутъ, что они устали жить и извѣрились въ жизнь, что ихъ душа полна негодованіемъ, и что они всѣмъ сердцемъ жаждутъ новаго будущаго Россіи, но что они не могутъ освободиться отъ старыхъ методовъ борьбы, отъ изученія вѣтровъ, отъ тѣхъ осторожныхъ, оглядывающихся шаговъ, что у нихъ, у людей старой жизни, нѣтъ новыхъ методовъ для новой борьбы, что они безсильны, не вооружены добыть это новое будущее.

Они не говорятъ этого; вмѣстѣ съ лидерами они выговариваютъ: „Сезамъ, отворись!“ и дѣлаютъ видъ людей, намѣревающихся „въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ разрушить существующій строй“...

Этими, сжившимися со старыми методами, людьми тактическая теорія, согласно которой достаточно сказать: «Сезамъ, отворись!», легко, конечно, могла быть воспринята и усвоена. Но я не думаю, чтобы она самими ими могла быть выработана, не думаю, чтобы другіе методы борьбы не только лично, но и принципіально всѣ они считали бы непріемлемыми. Быть можетъ, даже свои собственные методы,—если бы этотъ вопросъ поставить въ упоръ,—многіе изъ нихъ не рѣшились бы признать самыми вѣрными. Больше того: мнѣ думается, что тамъ - на периферіи партіи—найдется не мало людей, которые способны были бы при извѣстныхъ условіяхъ усвоить и «новые методы». Минутами мнѣ даже кажется, что въ сознаніи Пятигорскихъ, Красноярскихъ, Дебальцевскихъ и прочихъ «республикъ» въ декабрьскіе дни участвовали въ числѣ прочихъ такіе же точно люди, какіе въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ послужили кадрами для к.-д. партіи.

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что между центромъ и периферіей к.-д. партіи есть въ этомъ отношеніи нѣкоторая разница. Она сильно чувствовалась и на второмъ, и на третьемъ партійныхъ съѣздахъ. Этимъ, между прочимъ, я объясняю себѣ и ту, на первый взглядъ, довольно странную эволюцію, какая происходила все время въ к.-д. партіи.

На январьскомъ съѣздѣ «учредительное собраніе» уступило мѣсто «учредительнымъ функціямъ» и неспособность сражаться на баррикадахъ была провозглашена въ качествѣ принципа. Въ то же время была признана женская равноправность и насчетъ «справедливой оцѣнки» были даны такія разъясненія, которыя скорѣе приближали партію къ баррикадамъ, чѣмъ удаляли отъ нихъ. Самое наименованіе партіи было измѣнено; привезенное П. Н. Милюковымъ изъ Болгаріи названіе «конституціонно-демократическая» было дополнено болѣе эффектнымъ, зовущимъ, казалось бы, прямо на баррикады, названіемъ «народной свободы». Получилось такое впечатлѣніе, что какъ будто лидеры партіи сдѣлали уступку въ программныхъ вопросахъ, чтобы добиться этой цѣной признанія своей тактической теоріи. Что въ данномъ случаѣ нужно говорить именно объ «уступкахъ», доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что не далѣе, какъ въ октябрѣ, тотъ же П. Н. Милюковъ грозилъ выходомъ изъ партіи въ случаѣ признанія съѣздомъ политическихъ правъ за женщиной.

Когда происходилъ третій съѣздъ к.-д. партіи, я сидѣлъ въ тюрьмѣ, и свѣдѣнія о немъ доходили до насъ лишь въ отрывкахъ. Но общее впечатлѣніе, помню, было то же: новое движеніе въ программѣ влѣво, въ тактикѣ—вправо. Аграрная программа охватила чуть не всю землю и въ нее былъ включенъ даже принципъ, хотя «принципамъ, какъ утверждалъ въ январѣ централь

ный комитетъ, не мѣсто въ программѣ политической партіи». За то даже «учредительныя функціи» исчезли, и к.-д. партія, не скрываясь, шла въ Думу для «органической работы». Она бралась разрѣшить въ ней аграрный, рабочій, національный вопросы...

И опять чувствовалась дисгармонія въ настроеніи. Не спроста, конечно, П. Н. Милюковымъ была сказана рѣчь по поводу основныхъ законовъ. Когда я получилъ газетную вырѣзку съ нею, то мы пользовались уже общею прогулкою, и я читалъ эту рѣчь вслухъ товарищамъ. Даже тамъ, въ домѣ предварительнаго заключенія, ей склонны были апплодировать. При томъ настроеніи, съ какимъ эта рѣчь была встрѣчена на съѣздѣ, казалось, что партія начнетъ въ Думѣ съ отказа признать эти «вѣроломные» законы. Но у бюро съѣзда была уже заготовлена резолюція, которая ни въ коемъ случаѣ не могла связать въ этомъ смыслѣ парламентской фракціи. «Слабо!» «Рѣзче!» — кричали члены. «Единодушіе!»—взывали лидеры... Что касается думской фракціи, то мы всѣ видѣли ея отношеніе къ основнымъ законамъ. Въ концѣ концовъ дѣло дошло до того, что к.-д. готовы были грудью защищать ихъ... Я имѣю въ виду, между прочимъ, конфликтъ, какой готовился въ Думѣ по поводу законопроекта объ амнистіи, предположеннаго къ внесенію трудовою группою. Если бы Дума продолжала существовать, то, быть можетъ, мы увидѣли бы к.-д. въ роли «болѣе роялистовъ, чѣмъ самъ король». Логическое развитіе ихъ тактики неизбѣжно вело къ защитѣ прерогативъ короны, —даже такихъ прерогативъ, какія лишь при очень распространительномъ толкованіи можно найти въ основныхъ законахъ.

Не совсѣмъ, быть можетъ, правильно я противополагаю въ данномъ случаѣ периферію центру. Точнѣе было бы, конечно, противопоставлять правое крыло партіи, болѣе сильно представленное въ центрѣ, ея лѣвому крылу, преобладающему въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстахъ довольно разномастной въ общемъ периферіи. Какъ бы то ни было, несомнѣненъ тотъ фактъ, что программная эволюція партіи опредѣлялась, главнымъ образомъ, ея лѣвыми элементами, а тактическая — правыми. Что изъ этого въ концѣ концовъ могло произойти—догадаться не трудно. Мы видѣли, напримѣръ, какъ г. Петражицкій, выступившій въ Думѣ рѣшительнымъ сторонникомъ частной собственности, истолковалъ аграрную программу партіи. И лидеры ея право на такое истолкованіе потомъ въ «Рѣчи» признали...

Только при такой, до-нельзя своеобразной, эволюціи к.-д. партія и могла, по моему мнѣнію, до сихъ поръ сохранить свое единство. Но въ этомъ же процессѣ развивалась и та внутренняя «трагедія», которая такъ сильно чувствуется теперь въ существованіи партіи. Партійныя цѣли становились все болѣе великими, партійныя средства все болѣе ничтожными.

И только такимъ путемъ, сознательно ограничивъ свои средства, к.-д. партія могла «сдѣлать» выборы. Я думаю, что мнѣ нечего на-

поминать, какъ старательно она, желая выбраться изъ-подъ пресса, отдѣляла себя отъ «революціонныхъ» организацій. Впрочемъ, одинъ фактъ напомню. Январьскій съѣздъ партіи состоялся *съ разрѣшенія*. Я помню то тяжелое впечатлѣніе, какое произвелъ этотъ фактъ на многихъ. Удручалъ и этотъ легкій, какъ будто даже не замѣченный самой партіей, переходъ отъ «явочнаго порядка» къ «разрѣшительному», когда судьбы перваго представлялись далеко еще не опредѣлившимися; удручали и эти хожденія депутацій къ г. Дурново, когда газеты были полны свѣдѣніями о разстрѣлахъ, произведенныхъ въ Перовѣ и Голутвинѣ, и объ ужасахъ, какіе еще продолжали твориться въ Прибалтійскомъ краѣ. Было, однако, и еще одно обстоятельство, бросавшее крайне непріятный свѣтъ на к.-д. тактику. Не задолго передъ тѣмъ дѣятели союза 17 октября обратились съ представленіемъ къ правительству по поводу стѣсненій, какія полиція чинитъ собраніямъ. Гр. Витте предложилъ имъ устраивать собранія, не опасаясь стѣсненій: для васъ мы сдѣлаемъ-де исключеніе. Но союзъ не пожелалъ пользоваться такой привилегіей, когда стоящая лѣвѣе его к.-д. партія лишена того же права, и его дѣятели прямо заявили объ этомъ правительству. О какихъ-либо подобныхъ заявленіяхъ со стороны к.-д. партіи ничего слышно не было.

Напоминая эти факты, я считаю не лишнимъ оговориться. Я отнюдь не являюсь противникомъ такъ называемыхъ «легальныхъ» средствъ борьбы. Отказъ въ общественной дѣятельности отъ всѣхъ законныхъ формъ,—какъ бы отрицательно вы ни относились къ самому закону и охраняемому имъ строю,—представляется мнѣ не только не цѣлесообразнымъ, но и фактически не осуществимымъ *).

---

*) Въ союзѣ защиты слова—въ послѣднемъ его засѣданіи—я настаивалъ поэтому на разрѣшеніи членамъ союза дѣлать заявки о новыхъ газетахъ на основаніи правилъ 24 ноября 1905 г., хотя союзъ относился къ этимъ правиламъ безусловно отрицательно. Иначе создалось бы такое положеніе: всѣ органы, входившіе въ составъ союза, были бы закрыты (такая перспектива въ виду обязательства перепечатать манифестъ революціонныхъ организацій представлялась неизбѣжной), новыя же изданія, если бы не были дозволены заявки по правиламъ 24 ноября, не могли бы возникнуть. Въ концѣ концовъ получился бы союзъ не существующихъ изданій, который, конечно, никакой „защиты“ печати оказать былъ бы не въ силахъ.

Припоминается мнѣ и другой фактъ. Выходившая въ то время соціалъ-демократическая газета „Начало“, при любезномъ содѣйствіи г. Лемке, въ одномъ изъ первыхъ же своихъ номеровъ помѣстила петицію о свободѣ печати, поданную въ 1894 г.—вскорѣ послѣ вступленія на престолъ нынѣшняго государя—петербургскими литераторами. Это та самая петиція, отвѣтъ на которую былъ данъ потомъ „черезъ околоточнаго“. Въ теченіе многихъ лѣтъ эта петиція не могла быть въ Россіи даже напечатана. Получивъ возможность это сдѣлать, г. Лемке, скрывшійся сначала за иниціалами, разсказалъ исторію подачи этой петиціи съ особыми ужимками: „Смотрите, дескать, вотъ они борцы-то! Съ прошеніемъ ходили!“ Однимъ словомъ, онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы засвидѣтельствовать свой переходъ въ соціалъ-демократы (въ ту пору

«Революціонныя» организаціи не только могутъ, но и должны, какъ я думаю, использовать всѣ правомѣрныя формы борьбы съ существующимъ строемъ. Если нельзя основать газеты, устроить собранія, учредить союза безъ соблюденія тѣхъ или иныхъ формальностей, то въ выполненіи ихъ, если его разсматривать само по себѣ, нѣтъ ничего недопустимаго. Больше того: въ осуществленіи такимъ путемъ своего права, въ отстаиваніи уже занятыхъ, хотя бы и не совсѣмъ удобныхъ позицій, разъ имъ угрожаетъ опасность, можетъ быть даже заслуга. И я склоненъ поставить въ активъ к.-д. партіи тѣ усилія, какія она потратила потомъ весной на устройство агитаціонныхъ собраній. Но тогда дѣло стояло иначе. Переходя на «разрѣшительную» позицію—на ту позицію, на которую стремилось отбросить общественныя силы правительство,—к.-д., несомнѣнно, дѣлали уступки. И не права собраній вообще добивались они, а права собраній для своей партіи...

И имъ дѣйствительно удалось отдѣлить себя отъ «революціонныхъ» организацій. Правительству, быть можетъ, было даже выгодно уменьшить площадь давленія, чтобы тѣмъ сильнѣе придавить наиболѣе опасныхъ своихъ противниковъ. Не малое значеніе для ихъ успѣха въ избирательной кампаніи, какъ я думаю, имѣло и то обстоятельство, что крайнія партіи въ выборахъ не участвовали. За «бойкотъ» ихъ потомъ сильно упрекали, но я и сейчасъ не склоненъ считать его ошибкой. Открыто выступить на выборахъ соціалистическимъ партіямъ вѣдь все равно было немыслимо. И если бы онѣ перенесли борьбу на эту почву, то, конечно,

---

многіе вѣдь перешли: Бальмонтъ, Минскій...). Газета, съ своей стороны, не удержалась отъ реплики: „Вотъ они соціалисты-революціонеры-то! бывшіе, настоящіе и будущіе—всѣ тутъ... А соціалъ-демократа ни одного нѣтъ!" Надо сказать, что газета ошиблась: единственный соціалъ-демократъ, имѣвшійся тогда среди петербургскихъ писателей, подъ петиціей подписался. Но дѣло не въ этомъ. Я думаю, мнѣ нечего напоминать, что еще недавно значила подача прошенія „скопомъ"... Для того, чтобы подписать въ 1894 году петицію, быть можетъ, нужно было больше гражданскаго мужества, чѣмъ чтобы напечатать эту петицію и даже осуществлять явочнымъ порядкомъ свободу печати въ ноябрѣ 1905 года... Крайне характерно въ данномъ случаѣ то, что газета, позволившая себѣ эту выходку, издавалась на концессіонномъ правѣ. Чтобы получить разрѣшеніе на эту газету, люди сами ходили съ „прошеніемъ"... Характерно и то объясненіе, какое г. Лемке черезъ день далъ по поводу того, что свою статью онъ подписалъ иниціалами: онъ, видите ли, въ тотъ день былъ еще въ офицерскомъ мундирѣ, теперь же онъ его снялъ и поэтому сообщаетъ полную свою фамилію.

Я, конечно, вовсе не думаю упрекать соціалъ-демократовъ, что они издавали газету, на которую нужно было получить разрѣшеніе. Не думаю я упрекать даже г. Лемке, что онъ поступилъ въ соціалъ-демократы, не снявъ предварительно офицерскаго мундира... Мнѣ хотѣлось лишь на конкретныхъ примѣрахъ показать нецѣлесообразность и невозможность отрицанія всѣхъ формъ того строя, въ какомъ приходится жить и работать.

сюда передвинуло бы главныя свои силы и правительство. Давленіе на выборахъ усилилось бы, и въ результатѣ мы имѣли бы, вѣроятно, далеко не столь оппозиціонную и во всякомъ случаѣ не столь единодушную Думу. Самое большее, что могли бы сдѣлать крайнія партіи, принявъ участіе въ выборахъ, это провести въ Думу нѣсколько лицъ, допустимъ даже нѣсколько десятковъ лицъ, но и то подъ видомъ безпартійныхъ. Сдѣлать свои программы предметомъ открытой агитаціи при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ проходили выборы, повторяю, было немыслимо. Вѣдь ни одной соціалистической газеты въ выборный періодъ не существовало. Ради же проведенія своихъ депутатовъ въ Думу поддерживать «во многихъ милліонахъ русскаго народа мимолетную и тщетную надежду», конечно, не стоило. Да и что бы могли тамъ сдѣлать эти депутаты? Соціалъ-демократическихъ депутатовъ, и при томъ выбранныхъ на партійной платформѣ, мы въ Думѣ видѣли—и, по совѣсти сказать, не много они къ тому, что было уже сдѣлано трудовою группою, прибавили...

Для к.-д. же партіи соціалистическія организаціи оказали двойную услугу. Онѣ не только выдержали на себѣ всю тяжесть давленія, но и своимъ отказомъ отъ участія въ выборахъ произвели, какъ оказалось, такую диверсію, которая поставила партію народной свободы внѣ правительственныхъ выстрѣловъ. Преслѣдовать одновременно и тѣхъ, кто стоялъ за выборы, и тѣхъ, кто былъ противъ выборовъ,—задача была столь трудная, что удовлетворительно разрѣшить ее даже болѣе умное правительство было бы, конечно, не въ силахъ. Напомню, что сами к.-д. высказывали предположеніе, что правительство потому только относится терпимо къ ихъ агитаціоннымъ собраніямъ, что на нихъ выступаютъ бойкотисты...

Какъ бы то ни было, к.-д. выборы «сдѣлали». Я не буду останавливаться на томъ, какъ они были упоены побѣдой, какъ они шли въ Думу, «въ тактъ размахивая шляпой»... Вѣдь они шли осчастливить Россію... Это тріумфальное шествіе я долженъ былъ наблюдать изъ-за тюремной рѣшетки и, уже въ силу этого, могу лишь приблизительно судить о царившемъ тогда въ странѣ и въ к.-д. партіи настроеніи. Скажу одно: въ тюремныхъ стѣнахъ создалась при слухахъ объ этомъ шествіи до-нельзя напряженная атмосфера. Каждый день въ это время казался цѣлымъ мѣсяцемъ: такъ всѣ ждали амнистіи, столь обезпеченной она, по слухамъ, долетавшимъ «съ воли», казалась...

Когда я вышелъ изъ тюрьмы, трудность задачи была уже сознана. Но долго еще к.-д. лидеры склонны были выставлять себя спасителями отечества.

Партія народной свободы,—писалъ П. Б. Струве 11 мая въ „Думѣ“— выдержавъ трудное время на посту, вырвала страну изъ состоянія моральнаго угнетенія и политической растерянности. Она организовала общественное мнѣніе и подготовила тѣ выборы, которые дали настоящую

Государственную Думу. Гдѣ были бы, какъ себя чувствовали бы теперешніе проповѣдники новыхъ „активныхъ выступленій" по декабрьскимъ образцамъ, если бы въ Государственной Думѣ засѣдало не настоящее думское большинство, а большинство правопорядочниковъ и истинно-русскихъ людей?..

Теперь обстоятельства измѣнились. Теперь уже можетъ и должна дѣйствовать та крѣпкая организація общественнаго мнѣнія, которое создала въ значительной мѣрѣ сама Государственная Дума.

Слово за партіей народной свободы!

Около этого же времени П. Н. Милюковъ требовалъ въ судебной палатѣ не только оправданія себѣ и П. Б. Струве, съ которымъ они вмѣстѣ судились, но и признанія заслугъ своихъ передъ Россіей. Лишь много спустя, готовясь уже взять министерскіе портфели въ свои руки, к.-д. лидеры стали писать о «жертвѣ», которую принесетъ, такимъ образомъ, ихъ партія...

Мнѣ какъ-то даже больно вспоминать про эти увлеченія. Но изъ пѣсни слова не выкинешь и изъ исторіи русскаго освободительнаго движенія к.-д. періода не вычеркнешь.

Гдѣ были бы, какъ себя чувствовали бы проповѣдники «активныхъ выступленій?»—спрашивалъ г. Струве. Жизнь уже отвѣтила на этотъ вопросъ. Послѣ разгона Думы они находятся тамъ же, гдѣ находились и послѣ декабрьскаго возстанія,—въ тюрьмахъ. Они вѣдь находились тамъ и тогда, когда Дума засѣдала, когда г. Струве подавалъ свою гнѣвную реплику,—и только въ своемъ увлеченіи одержанной побѣдой онъ не замѣчалъ этого. Слово партіей народной свободы сказано еще не было, а онъ уже пожиналъ лавры.

Теперь оно сказано. Я думаю, что к.-д. сдѣлали весь переходъ, какой полагался по ихъ тактической теоріи. Временами могло казаться, что государственная жизнь вмѣстѣ съ ними вышла на новую колею, и что отнынѣ она пойдетъ уже только путемъ парламентаризма. Но эта надежда оказалась «мимолетной и тщетной». Жизнь круто повернула, и вновь мы оказались на прежней дорогѣ.

Уже начались «активныя выступленія»... Опять передъ нами полоса неизвѣстности, и вновь въ туманной дали виднѣются выборы.

Осложнилась лишь тактика к.-д. партіи. Подъ декабрьскимъ «манифестомъ» стояли подписи шести революціонныхъ организацій. Теперь къ нимъ присоединилась седьмая: подпись партіи народной свободы.

Правда, к.-д. все еще надѣются, повидимому, проходить до конца въ изрядно поистрепавшемся уже костюмѣ своей «лойяльности». «Вы въ правѣ—читаемъ мы въ «выборгскомъ воззваніи»—не давать правительству ни солдатъ, ни денегъ». Но какое же это право? то ли, которое значится въ основныхъ законахъ россійской имперіи, или то, которое творитъ революцію?

Цѣлыхъ полгода нашъ журналъ выходилъ безъ внутренняго

обозрѣнія. Трудно, казалось, мнѣ будетъ догнать быстро бѣгущія событія. Оказывается, однако, что я могу продолжать свои обозрѣнія съ той самой линіи, на которой тогда остановился.

Въ теченіе к.-д. періода русской исторіи впередъ мы не двинулись...

III.

Впередъ мы не двинулись... Но фронтъ, несомнѣнно, развернулся. За это время движеніе сдѣлало вширь громадные успѣхи. Главную роль въ этомъ отношеніи сыграла, конечно, Государственная Дума, явившаяся орудіемъ массовой агитаціи. Такимъ образомъ, «кадетская», какъ ее принято называть, Дума службу всетаки сослужила, хотя и не ту, на которую разсчитывали к.-д.

— Наша ближайшая и непосредственная цѣль—говорилъ въ Думѣ за день до ея разгона г. Котляревскій,—это умиротвореніе.

Съ этою же именно цѣлью к.-д. спѣшили въ Думу, спѣшили разрѣшить аграрный, національный, рабочій вопросы. Въ дѣйствительности же, вмѣсто умиротворенія, были взбудоражены массы. Государственная Дума сдѣлала въ сущности то, чего крайнія партіи предполагали добиться бойкотомъ. К.-д. желали, конечно, идти прямымъ путемъ, считая необходимымъ, какъ можно скорѣе, приступить къ государственному строительству. Но...

Эхъ! пословица-то есть:
Коли три версты обходами,
Прямиками будетъ шесть!

Прямой путь въ дѣйствительности оказался обходнымъ... Долженъ сказать, что мы отнюдь вѣдь не являемся противниками парламентаризма. Напротивъ, только такимъ путемъ—путемъ организованной народной воли,—какъ мы полагаемъ, и можно разрѣшить государственные вопросы. Вся бѣда въ томъ, что к.-д. перешли на этотъ путь тогда, когда время для этого еще не приспѣло. Взяться за государственное строительство, по нашему мнѣнію, можно только со всѣмъ народомъ. Только «черезъ народъ» можно сдѣлать что-либо и тѣмъ болѣе «все для народа». К.-д. же разсчитывали сдѣлать свое дѣло—многое сдѣлать—помимо народа. Въ этомъ и заключается сущность тѣхъ «старыхъ методовъ», съ которыми они сжились, съ которыми они пошли и пришли въ Думу. Въ этомъ отношеніи нѣтъ даже сколько-нибудь существенной разницы между ними и правительствомъ.

Въ самомъ дѣлѣ. Сущность «новой», опубликованной г. Столыпинымъ, деклараціи сводится, по мнѣнію «Рѣчи», къ положенію: «сперва долженъ быть возстановленъ *порядокъ*, а затѣмъ даны будутъ *реформы*». «Въ эту программу—говоритъ газета—цѣликомъ перенесены созвучія, очень хорошо уже знакомыя русскому слуху». Дѣйствительно, хорошо знакомыя... Но вѣдь мы ихъ слышали не

только отъ Плеве и Мирскаго, не только отъ Булыгина, Витте и Столыпина. Какъ я уже упомянулъ, мы слышали ихъ въ Государственной Думѣ, наканунѣ ея разгона, изъ устъ к.-д. «Наша ближайшая и непосредственная цѣль—это умиротвореніе».

— Сидите смирно... Мы все для васъ сдѣлаемъ...

Но сдѣлать помимо народа немыслимо. Лишь то представительное собраніе, которое явится выразителемъ *народной воли,* будетъ въ состояніи, по нашему мнѣнію, осуществить неотложныя для страны великія политическія и соціальныя реформы. Но такимъ собраніемъ не была и не могла быть Государственная Дума. Народной воли въ ней не было.

Въ странѣ еще царитъ другая воля. Историческая грань между самодержавіемъ и народовластіемъ, повторяю, еще не пройдена,— и не потому, что русская конституція на бумагѣ не написана; не написана она и въ сердцѣ. Государственная Дума показала это съ особою очевидностью. Передъ нами была, какъ я уже сказалъ, конституціонная лишь декорація.

Народные представители... Мы видѣли ихъ, опоясанныхъ шарфомъ неприкосновенности. Свою роль они играли не дурно, но именно играли. Можетъ быть, они даже «входили» въ свою роль и съ искреннимъ увлеченіемъ говорили свои «властныя» рѣчи. Въ дѣйствительности же «властителями» они отнюдь не были. Они были редакторами повременныхъ изданій, арендовали типографіи, снимали на свое имя квартиры для рабочихъ клубовъ... Но и эти маленькія услуги великой революціи оказывали наиболѣе, быть можетъ, изъ нихъ рѣшительные. Я видѣлъ какъ-то депутата, которому пришлось возвращаться изъ Финляндіи съ револьверомъ, и видѣлъ, какъ онъ побаивался «начальства». Дѣло, конечно, не въ лицахъ, которыя пришли въ Думу, а въ томъ народѣ, которымъ они были посланы. Народъ ихъ не считалъ правительствомъ,—и сами себя они таковымъ не чувствовали. Ихъ послали «добыть», «охлопотать», а не «дать» землю и волю. Они были назойливые ходоки, но народными правителями, имѣющими власть вязать и рѣшить, они не были...

Государственная Дума — часть правительства... Сколько труда положилъ режиссеръ, напоминая объ этомъ то и дѣло забывавшимъ свою роль актерамъ. И всетаки въ рѣшительный моментъ они объ этомъ даже не вспомнили. Правительство раскололось,—должно было получиться два правительства... Но вѣдь не только не было попытки, но даже мысли, чтобы поступить, какъ полагается правительству, не явилось. Почему Дума не собралась въ Петербургѣ? или она испугалась околоточныхъ? Но вѣдь народные представители могли встрѣтить ихъ, какъ бунтовщиковъ, револьверами... Почему они не встали подъ защиту народа? Почему Дума не потребовала, чтобы войско выслало ей охрану?.. К.-д. лидеры любятъ ссылаться на западно-европейскіе образцы и историческіе прецеденты, считаютъ необходимымъ поступать такъ, какъ это дѣлалось

и дѣлается въ «европахъ». На этотъ разъ имѣлся классическій преценденть:

— Мы собрались здѣсь по волѣ народа и уступимъ только силѣ оружія...

Но даже эта сцена «кадетской» Думой не была разыграна. Арія Мирабо такъ и осталось не исполненной.

Мы съ г. Таномъ живемъ на дачѣ въ Мустамякахъ, какъ разъ на полъ-дорогѣ между Петербургомъ и Выборгомъ. Въ день роспуска Думы мы сидѣли и обсуждали: что же теперь дѣлать намъ, гражданамъ? Самое естественное, казалось бы, предложить себя въ распоряженіе Думы: вѣдь ей нужны будутъ эмиссары, ей нужны будутъ солдаты... И вотъ мы старались представить себѣ сцену: народъ стекается къ Думѣ... Съ какимъ бы недоумѣніемъ его тамъ встрѣтили! въ какое бы затрудненіе народные представители этимъ были поставлены!.. На другой день г. Танъ всетаки поѣхалъ въ Выборгъ, но онъ поѣхалъ туда въ качествѣ... «интервьювера и наблюдателя». Я отправился въ противоположную сторону и въ поѣздѣ встрѣтилъ не мало знакомыхъ, которые такъ же, какъ и я, чувствовали потребность быть въ этотъ день «на народѣ». И всѣ понимали, что для этого нужно ѣхать къ Петербургу, а не къ Выборгу. Тамъ была Дума, но народа не было. Впрочемъ, и Думы тамъ не было.

«Засѣданіе Государственной Думы продолжается»—будто бы такими словами г. Муромцевъ открылъ собраніе въ Выборгѣ.

Крайне характерно, однако, что въ это же самое время всѣ газеты, даже к.-д. «Рѣчь», трактовали уже Думу, какъ не существующую. И въ дѣйствительности ея, конечно, не было. Въ Выборгѣ собрались ходоки, чтобы въ укромномъ мѣстечкѣ, на спокоѣ «отписать» на родину. Никакихъ постановленій тамъ Дума не сдѣлала. Народные представители лишь сочинили общими силами письмо, въ которомъ «отписали»:

— Въ сенатѣ мы проиграли, но дѣло наше вѣрное. Стойте за него крѣпко и ренды барину не платите. Вы въ правѣ...—и т. д. какъ написано въ выборгскомъ воззваніи.

Путь парламентаризма, которымъ пошла к.-д. партія, оказался—что, конечно, не трудно было предвидѣть — перегороженнымъ, и она вынуждена была перепрыгнуть на революціонную тропку. Разрушить безъ народа стѣну абсолютизма было, конечно, немыслимо. Другихъ же путей у партіи не было, и по теоріи таковые ей не полагались.

Именно на тропку перепрыгнула она,—на одну изъ тѣхъ извилистыхъ и неизвѣстно куда ведущихъ тропокъ, какими вынуждены ходить конспиративныя организаціи. Вполнѣ возможно, что, постоявъ на ней одной ножкой, партія народной свободы вновь покамешкамъ переберется на прежнюю дорогу лойяльности, и вновь, быть можетъ, ея лидеры поведутъ своихъ сторонниковъ, чтобы стукнуться лбомъ объ стѣну (если, конечно, кто-нибудь тѣмъ временемъ ея не разрушитъ). Но осмотрѣть эту тропку мы всетаки

обязаны, тѣмъ болѣе, что и помимо к.-д. русская революція ею пользуется. Революціонныя организаціи, какъ я напоминалъ, еще въ декабрѣ пошли ею.

«Не давайте правительству ни солдатъ, ни денегъ!.. ни копѣйки въ казну, ни одного солдата въ армію»!.. Сильно сказано. Я не стану оцѣнивать реальнаго значенія этого средства борьбы при данныхъ условіяхъ. Не буду говорить о томъ, какъ мало значатъ нѣсколько десятковъ милліоновъ прямыхъ налоговъ (а вѣдь о нихъ только и можетъ быть въ данномъ случаѣ рѣчь) по сравненію съ милліардомъ, какой поступаетъ въ казну путемъ косвенныхъ. «Копѣйки» казна дѣйствительно, быть можетъ, не получитъ, но «рубли» соберетъ полностью. Не буду говорить и о томъ, какъ мало значитъ отказъ въ рекрутахъ, — при томъ же вѣдь это въ октябрѣ только будетъ!—когда правительство можетъ держать имѣющихся у него солдатъ, сколько ему вздумается. Ужъ лучше было бы этимъ послѣднимъ сказать: отпускаемъ васъ по домамъ,—расходитесь!.. Въ сдѣланномъ Думой «ходѣ» есть и еще одна сторона, которая всегда меня тревожила и тревожитъ.

Когда мы ѣхали 10 іюля по направленію къ Петербургу, то въ поѣздѣ, шедшемъ изъ Выборга, уже были свѣдѣнія о томъ, что предложили к.-д. И вотъ, помню, одинъ изъ собесѣдниковъ, волнуясь,—полу-гнѣвно, полу-иронически,—восклицалъ:

— Не давайте денегъ!.. Да кто же въ Россіи даетъ ихъ правительству? Гдѣ такіе дураки виданы?.. Подати у насъ не платятъ,— ихъ выколачиваютъ...

При обычныхъ условіяхъ ихъ выколачивали: придутъ и уведутъ послѣднюю корову; если же коровы нѣтъ, то разложатъ и всыплютъ. Въ наше же время—особенно при податной забастовкѣ— поступаютъ и круче. Какой-то генералъ-губернаторъ на югѣ, помню, объявилъ, что онъ будетъ неплательщиковъ просто-на-просто разстрѣливать... Приглашая не давать денегъ, народные представители своимъ воззваніемъ зовутъ, въ сущности, къ гораздо большему. Если этотъ лозунгъ принять въ серьезъ, то онъ вѣдь значитъ: топоромъ защищай свою корову! съ косами и вилами выходите навстрѣчу карательнымъ отрядамъ! Онъ значитъ: начинайте вооруженное возстаніе!

Вооруженное возстаніе... На отрицательномъ отношеніи къ этому лозунгу к.-д. сдѣлали, можно сказать, свою карьеру. Я понимаю тѣ чувства, которыя волнуютъ въ этомъ случаѣ обывателей. Признаюсь, я самъ неустанно твержу: да минуетъ насъ чаша сія!.. Въ декабрьскомъ обозрѣніи, обсуждая и истолковывая призывъ революціонныхъ организацій къ вооруженному возстанію, я писалъ:

Черезчуръ часто и не всегда обдуманно провозглашаемый лозунгъ можетъ быть, конечно, воспринятъ нѣкоторыми въ иномъ смыслѣ, чѣмъ какой онъ имѣетъ въ дѣйствительности. Было бы, однако, слишкомъ прискорбно, если бы возстаніе мыслилось кѣмъ не только какъ печальная

возможность, но и какъ роковая необходимость. Было бы опасно, если бы эту необходимость признавалось желательнымъ, во что бы то ни стало. ускорить... Можно бояться, — продолжалъ я,—что возстаніемъ начнутъ пользоваться такъ же неосторожно и такъ же исключительно, какъ начали было пользоваться забастовкой. Между тѣмъ, вѣдь это крайнее изъ средствъ, какимъ располагаетъ революція, и едва ли нужно говорить, какія могутъ быть послѣдствія, если оно начнетъ срываться. Нужна, конечно, рѣшительная тактика, но въ своихъ формахъ она должна быть достаточно разнообразна и ни въ одной изъ нихъ не должна быть перегружена. Иначе все движеніе можетъ надломиться...

Въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ вооруженному возстанію к.-д. все время шли дальше. Ихъ тактическая теорія позволяетъ имъ отъ этой чаши отвернуться. Если ужъ это необходимо, то пусть ее пьютъ другіе... И вотъ они сами бросаютъ, въ сущности, тотъ же самый лозунгъ.

Главное же, они кидаютъ его въ неорганизованную среду. Они поступаютъ, въ сущности, такъ же, какъ и конспиративныя организаціи, когда тѣ бываютъ вынуждены дѣйствовать прокламаціями; они «зовутъ», а не «дѣлаютъ».

И вотъ я себѣ представляю, что «выборгское воззваніе» доходитъ до какой-нибудь Моховатки. Она въ серьезъ и со всею свойственною ей экспансивностью воспринимаетъ его, тогда какъ всѣ окружающія ее села и деревни относятся съ раздумьемъ. Ничтожная и изолированная деревушка оказывается, такимъ образомъ, брошенной подъ тяжелый молотъ, оказывается противопоставленной всей силѣ долженствующей обрушиться на нее государственности.

Я допускаю такіе методы борьбы, какъ податная забастовка и вооруженное возстаніе, но я полагаю, что, прибѣгая къ нимъ, беря на себя иниціативу, сознательные элементы страны должны быть увѣрены, что они въ состояніи будутъ противопоставить государству не изолированныя и безпомощныя Моховатки, а достаточно обширную и соорганизованную территорію, способную вынести давленіе, не будучи въ конецъ раздавленной. Я понимаю, что податная забастовка или вооруженное возстаніе могутъ вспыхнуть стихійно,—и думаю, что сознательные элементы обязаны въ такомъ случаѣ сдѣлать все возможное, чтобы внести въ нихъ организующую силу. Но такъ просто «звать» къ такимъ вещамъ едва ли они въ правѣ.

И я думаю, что было бы лучше, если бы народные представители,—разъ они считали это возможнымъ и необходимымъ,—сами возстаніе начали. Тогда Дума явилась бы тѣмъ организующимъ центромъ, какого не хватаетъ движенію для «активныхъ выступленій». Къ ней начали бы стекаться люди и средства. Тогда свеаборгскія и кронштадтскія силы, можетъ быть, и не были бы такъ безплодно растрачены. Во всякомъ случаѣ, тогда были бы понятны слова, которыми заканчивается «выборгское возваніе»:

«Въ этой вынужденной, но неизбѣжной борьбѣ ваши выборные люди будутъ съ вами».

А теперь... Г. Онипко дѣйствительно оказался въ Кронштадтѣ... Но я не представляю себѣ, какимъ образомъ какой-либо адвокатъ или профессоръ, а ихъ среди народныхъ представителей было не мало, во время податной забастовки будетъ съ крестьянами. Можетъ быть, онъ откажется отъ обычной рюмки водки. Но вѣдь тамъ, въ деревнѣ топоромъ въ это самое время мужикъ долженъ будетъ отстаивать свою корову...

Занять другую позицію, сыграть роль «правительства», выполнить «учредительныя функціи» Государственная Дума, какъ можно предполагать, была даже въ силахъ... Начиная эту главу, я сталъ говорить о ея заслугахъ и только теперь, окольнымъ путемъ, я могу къ нимъ вернуться. Да, заслуги эти, какъ я уже сказалъ, велики и онѣ, быть можетъ, даже больше, чѣмъ на первый взглядъ кажутся. Дѣло не только въ томъ, что новые обширные слои населенія были взбудоражены Думой, но и въ томъ, что въ психологіи массъ произошли, быть можетъ, благодаря ей, крайне важныя перемѣны. Ходоковъ, а не правителей,—какъ я уже сказалъ,—народъ посылалъ въ Думу. Но послѣ двухмѣсячнаго ихъ тамъ пребыванія,—послѣ того, какъ была наглядно показана вся несостоятельность существующаго правительства и вся безплодность возлагаемыхъ на него народомъ надеждъ—онъ, можетъ быть, и призналъ бы ходоковъ своимъ «начальствомъ». Возможно, что не только въ Свеаборгѣ, но и въ самомъ Петербургѣ нашлись бы нужныя для новаго правительства силы. Возможно, что не только съ воззваніемъ, но и съ декретами народные представители могли обратиться къ народу.

«Кадетская» Дума не испробовала этой возможности,—и мы не знаемъ, насколько велика она. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ направленіи много сдѣлано. И мы ближе теперь къ учредительному собранію, чѣмъ тогда, когда к.-д. взялись сдѣлать выборы. И—кто знаетъ!—можетъ быть, въ слѣдующій разъ народъ будетъ выбирать уже не ходоковъ, а правителей. Если это такъ, то заслуги «кадетской» Думы громадны.

Допуская и признавая ихъ, мы должны во всякомъ случаѣ ясно себѣ представлять то положеніе, въ какомъ мы находимся. Взбудораживъ народъ, Государственная Дума его не сорганизовала. Согласимся даже съ г. Струве, что к.-д. партіей въ процессѣ избирательной кампаніи сорганизовано «общественное мнѣніе», но несомнѣнно, что «народныя силы» остаются не сорганизованными. Въ организаціи ихъ, какъ я думаю, и заключается главная очередная задача.

Я плохо вѣрю въ то, чтобы сколько-нибудь удовлетворительно эту задачу могли разрѣшить существующія у насъ двѣ соціалистическихъ партіи. Пора убѣдиться, что конспиративная организація не можетъ охватить массы. К.-д. партія тоже заявила въ этомъ дѣлѣ свою несостоятельность. Очевидно, за него долженъ взяться

кто-то еще, - и для этого нужна, какъ я думаю, открытая соціалистическая партія.

Почти всю свою «Хронику» я посвятилъ к.-д. Сдѣлать это я былъ вынужденъ всѣмъ ходомъ событій. Изъ пѣсни, какъ я уже сказалъ, слова не выкинешь и изъ исторіи освободительнаго движенія к.-д. періода не вычеркнешь. Долженъ, однако, признаться, что я предпочелъ бы другую тему. Тяжело наносить удары тѣмъ, кому и безъ того больно, и мучительно сражаться съ тѣмъ, кто въ борьбѣ съ общимъ врагомъ является союзникомъ.

Особенно сейчасъ. Вся Россія опять раздѣлена на два враждебныхъ лагеря: среднія позиціи очищены, всѣ освободительныя силы въ одно мѣсто сдвинуты. Всѣ находятся подъ ударами,—и нельзя сказать, кто первый долженъ будетъ выбыть изъ строя. Никто не можетъ считать себя свободнымъ отъ обязанности пріять вѣнецъ мученическій...

Его только что принялъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей партіи народной свободы—М. Я. Герценштейнъ. А тамъ, во мракѣ, быть можетъ, уже оттачивается новый ножъ, предназначенный кому-либо изъ его товарищей по Государственной Думѣ.

Передъ лицомъ этой темной силы всѣ наши разногласія и споры подчасъ кажутся не такъ уже важными, а минутами—даже излишними. Въ частности, съ покойнымъ Михаиломъ Яковлевичемъ,—не говоря уже о томъ, что мы шли въ разныхъ отрядахъ освободительной арміи—и лично другъ съ другомъ мы не разъ полемизировали. Между тѣмъ, мы шли вѣдь въ одномъ направленіи, дѣлали одно дѣло. Оба мы старались добыть народу землю,—правда, въ разномъ количествѣ и въ разныхъ формахъ, но мы стремились передвинуть ее въ одну сторону.

Но... не напрасны всетаки, какъ я думаю, были наши споры и пререканія. Препираясь другъ съ другомъ, мы, въ сущности, держали военный совѣтъ, какъ лучше справиться съ общимъ недругомъ. Взаимныя пререканія помогали намъ найти наиболѣе надежныя и прочныя для себя позиціи.

И даже теперь, послѣ смерти Михаила Яковлевича, лучшимъ вѣнкомъ съ моей стороны на его могилу будетъ, какъ мнѣ кажется, самое внимательное отношеніе къ тому, что онъ сдѣлалъ по аграрному вопросу. Можетъ быть, мнѣ опять придется оспаривать его мысли и планы. Пусть такъ... Для усопшаго общественнаго дѣятеля то, что съ нимъ считаются, служитъ памятникомъ. Когда съ выбывшимъ изъ строя борцомъ ведутъ полемику, то этимъ ему отдаютъ своего рода воинскія почести. И такія почести я, быть можетъ, въ самомъ близкомъ будущемъ долженъ буду отдать покойному Михаилу Яковлевичу.

Пока же, обращаясь къ свѣженасыпанной могилѣ и лежащему въ ней другу-противнику, скажу одно:

— Sit tibi terra levis. Пусть тебѣ будетъ земля легка,—та са-

мая земля, которую ты добывалъ народу и за которую заплатилъ своею кровью.

А. Пѣшехоновъ.

Памяти С. Н. Кривенко.

5 іюня этого года скончался въ Туапсе, Черноморской губерніи, писатель Сергѣй Николаевичъ Кривенко. Въ послѣдніе годы покойный почти отсутствовалъ въ печати, но было время, когда онъ былъ дѣятельнымъ журналистомъ и популярнымъ писателемъ.

С. Н. Кривенко родился въ 1847 году и въ настоящее время онъ приближался къ шестидесятилѣтію, но смерть раньше прекратила эту жизнь, полную борьбы и разныхъ испытаній. Образованіе получилъ онъ первоначально въ кадетскомъ корпусѣ, но, прослуживъ офицеромъ не болѣе года, поступилъ въ технологическій институтъ, гдѣ не могъ окончить курса, и послѣ двухлѣтняго пребыванія въ институтѣ былъ оттуда удаленъ за участіе въ студенческомъ движеніи. Около этого же времени онъ началъ сотрудничать въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» редакціи В. Ѳ. Корша. Пребываніе въ этой газетѣ, съ ея земскими симпатіями, вѣчною боязнью за участь «нашихъ молодыхъ еще не окрѣпшихъ учрежденій», постоянными опасеніями всего рѣзкаго и радикальнаго, неизмѣнною проповѣдью умѣренности,—не могло не отразиться на молодомъ сотрудникѣ и оставило свой отпечатокъ на литературной физіономіи Кривенко даже въ періоды наиболѣе радикальной публицистики и общенія съ самыми лѣвыми элементами журналистики тѣхъ временъ.

Не смотря на всю умѣренность и аккуратность газеты Корша, она была отнята у него гр. Д. Толстымъ, тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, и передана въ руки «охранителей», какъ тогда назывались отцы и дѣды нынѣшнихъ черносотенцевъ. Либеральная редакція разсѣялась, сотрудники остались не у дѣлъ, въ ихъ числѣ и Кривенко. Это случилось въ 1873 году, и съ этого года молодой авторъ начинаетъ появляться въ «Отечественныхъ Запискахъ» редакціи Некрасова, Салтыкова и Елисеева. Подъ руководствомъ Елисеева пришлось теперь работать начинающему журналисту, и это руководство окончательно формируетъ нашего писателя. Радикализмъ широко-идейной программы Елисеева (общей у него съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ) мало тронулъ новаго сотрудника «Отечественныхъ Записокъ», онъ уже вынесъ изъ газеты Корша антипатію къ широкимъ горизонтамъ и теряющимся въ облакахъ вершинамъ. Однако, у Елисеева была и другая сторона дѣятельности и мышленія. Елисеевъ всегда, кромѣ общихъ принциповъ и широкой программы будущаго, стремился имѣть и проводить теоретическую программу даннаго будничнаго дня, то, что теперь называютъ *платформой*. И для того момента (около половины семидесятыхъ годовъ) это была «платформа», поставившая своей цѣлью спасеніе народнаго хозяйства, чтобы оно могло про-

существовать и не погибнуть до лучшихъ временъ, когда настанетъ пора осуществить всю полноту соціализаціи сельской промышленности. Для этого спасенія и отсрочки предполагалось необходимымъ: пониженіе налоговъ, расширеніе надѣловъ, хотя бы до нормъ 1861 года, организація переселеній, мелкій кредитъ, школы. Эта платформа и была усвоена Кривенкомъ и, надо ему отдать должное, онъ остался ей вѣренъ всю свою жизнь. Широкая программа будущаго, того будущаго, которое нынѣ пробуетъ стать настоящимъ, была не для Кривенко, но практическая платформа *того* историческаго дня стала основою всей его литературной дѣятельности. Рядъ статей этого рода обратилъ вниманіе публики на Кривенко и заслужилъ ему имя среди пишущей братіи, такъ что, когда болѣзнь заставила Елисеева оставить «внутреннее обозрѣніе», этотъ отдѣлъ былъ переданъ Кривенку, и съ 1881 до 1883 г. включительно онъ его велъ подъ общимъ заглавіемъ: «По поводу внутреннихъ вопросовъ».

Очень былъ умѣренный человѣкъ покойный писатель, но все-таки оппозиціонный правительству Д. Толстого, тогда угнетавшаго Россію. Къ тому же Кривенко охотно помогалъ ссыльнымъ и заточеннымъ. Всего этого было достаточно, чтобы въ 1885 году его арестовали и выслали затѣмъ въ Западную Сибирь, откуда онъ вернулся только въ 1890 году. Онъ сумѣлъ вернуться еще болѣе умѣреннымъ. Онъ кое-что усвоилъ себѣ изъ толстизма, и программа «садиться на землю» дополнила его прежнюю платформу и сдѣлала ее еще мельче и тѣснѣе.

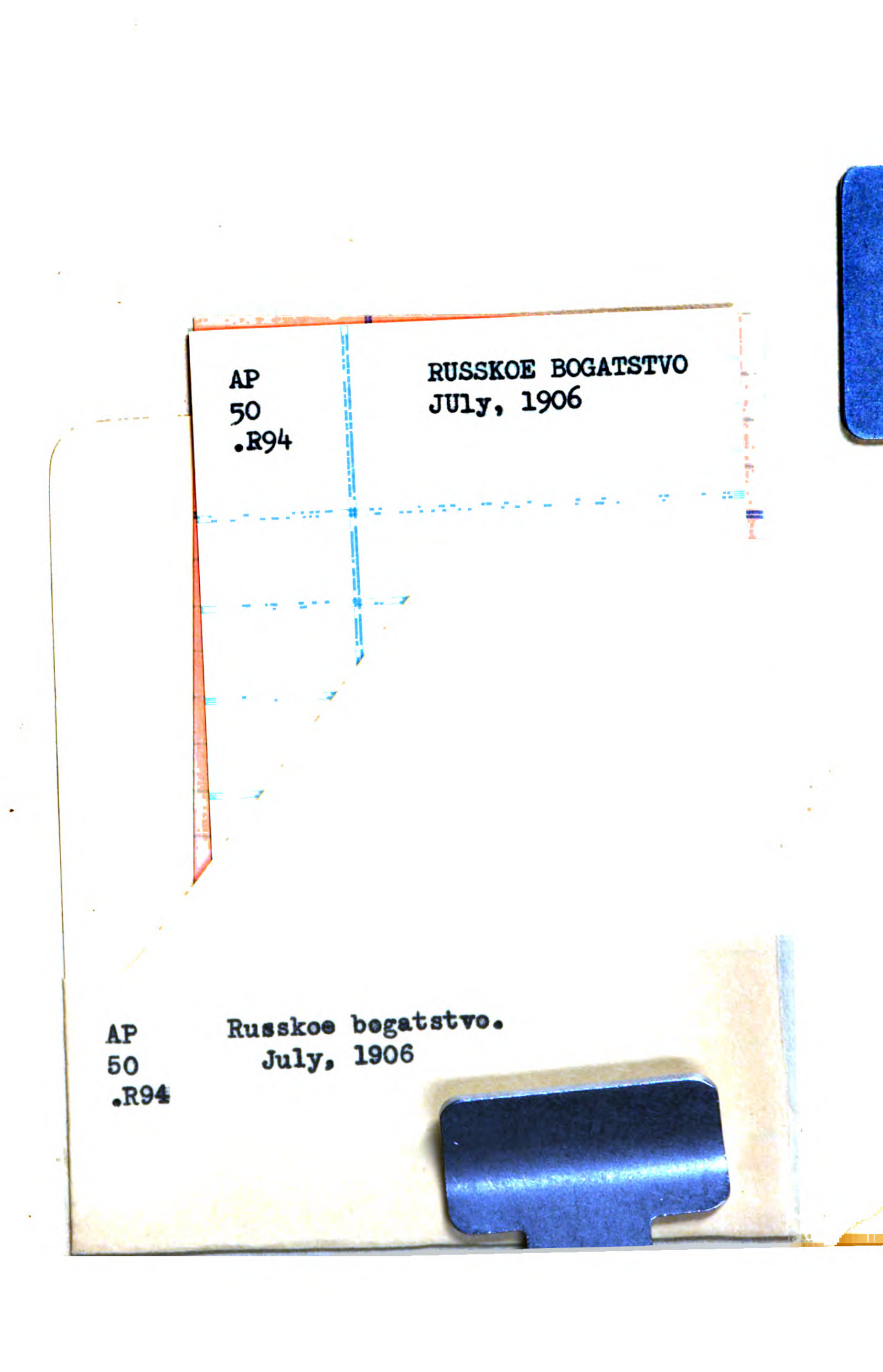
Послѣ неудачной попытки сотрудничать въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» временъ г. Волынскаго, Кривенко вмѣстѣ со Станюковичемъ пріобрѣтаютъ у г. Оболенскаго журналъ «Русское Богатство». Первый годъ изданія кончился неудачно. Надо было для журнала создать атмосферу, при которой возможно было бы опереться на симпатіи широкихъ круговъ читающей публики. Ни узенькая и тѣсненькая программка Кривенко, ни его имя не были достаточны. Самъ Кривенко обратился къ Н. К. Михайловскому, и тотъ согласился стать во главѣ журнала. Это создало необходимую основу для успѣха и для симпатій читателя, но вносило въ журналъ широкіе горизонты, радикальныя программы, рѣшительную критику... Кривенко ушелъ. Каковы бы ни были непосредственные поводы ухода Кривенко, основная причина заключалась въ его умѣренности, которая по измѣнившимся обстоятельствамъ мѣста и времени начинала походить прямо на консерватизмъ.

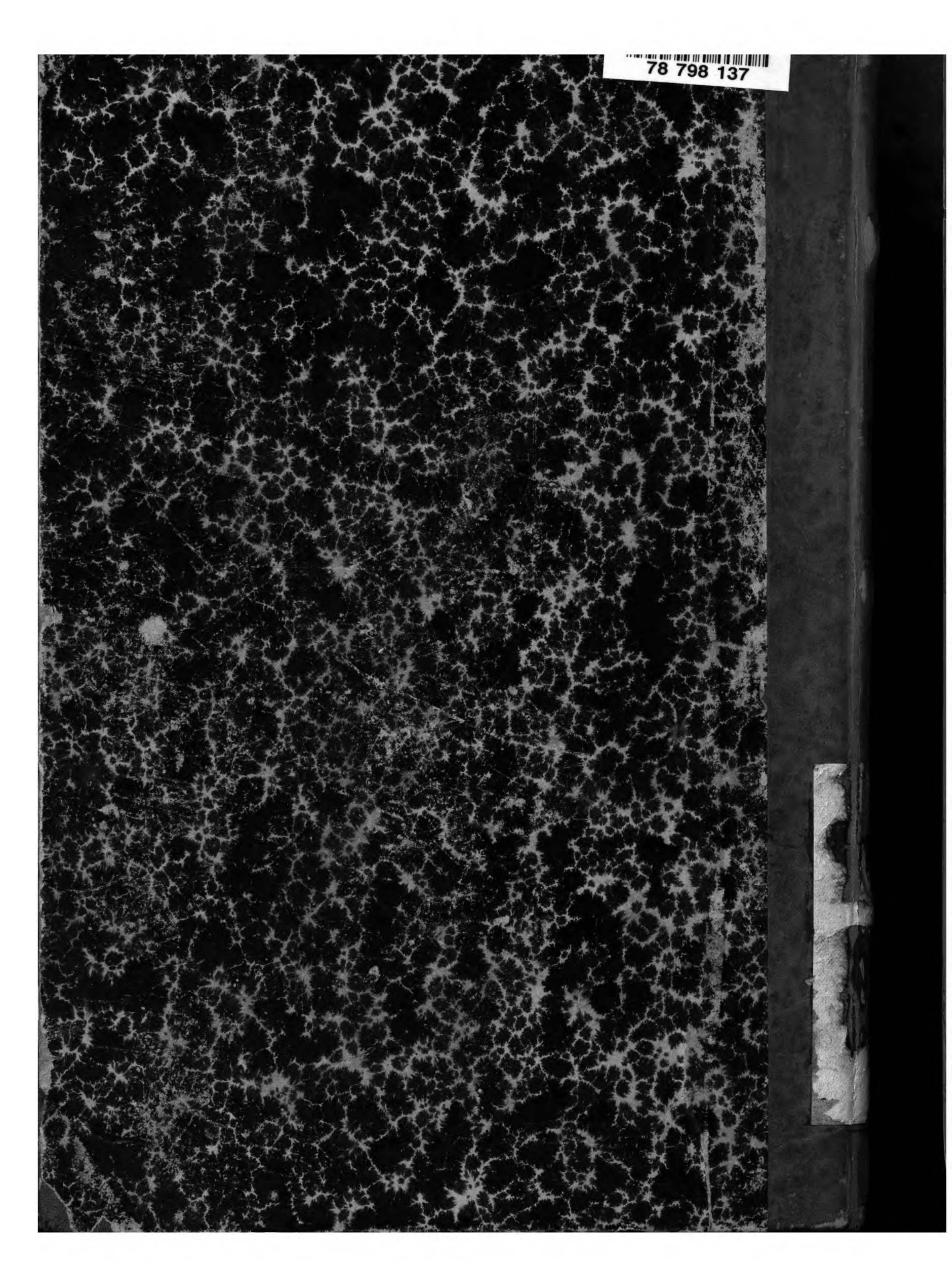
Въ 1895 году Кривенко пробовалъ основать журналъ «Новое Слово», но неудачно. Такъ же неудачно было и его редактированіе газеты «Сынъ Отечества». Читатель переросъ писателя и отъ послѣдняго требовалъ и большей широты, и большаго радикализма. Тѣмъ не менѣе, и публика, и товарищи-писатели должны съ благодарностью записать имя С. Н. Кривенко въ исторіи русской журналистики. Безкорыстно преданный народному дѣлу, какъ онъ его понималъ, стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ, отзывчивый на нужды товарищей, добрый и гуманный человѣкъ, — въ такихъ чертахъ обрисовывается симпатичная и благородная фигура почившаго писателя.

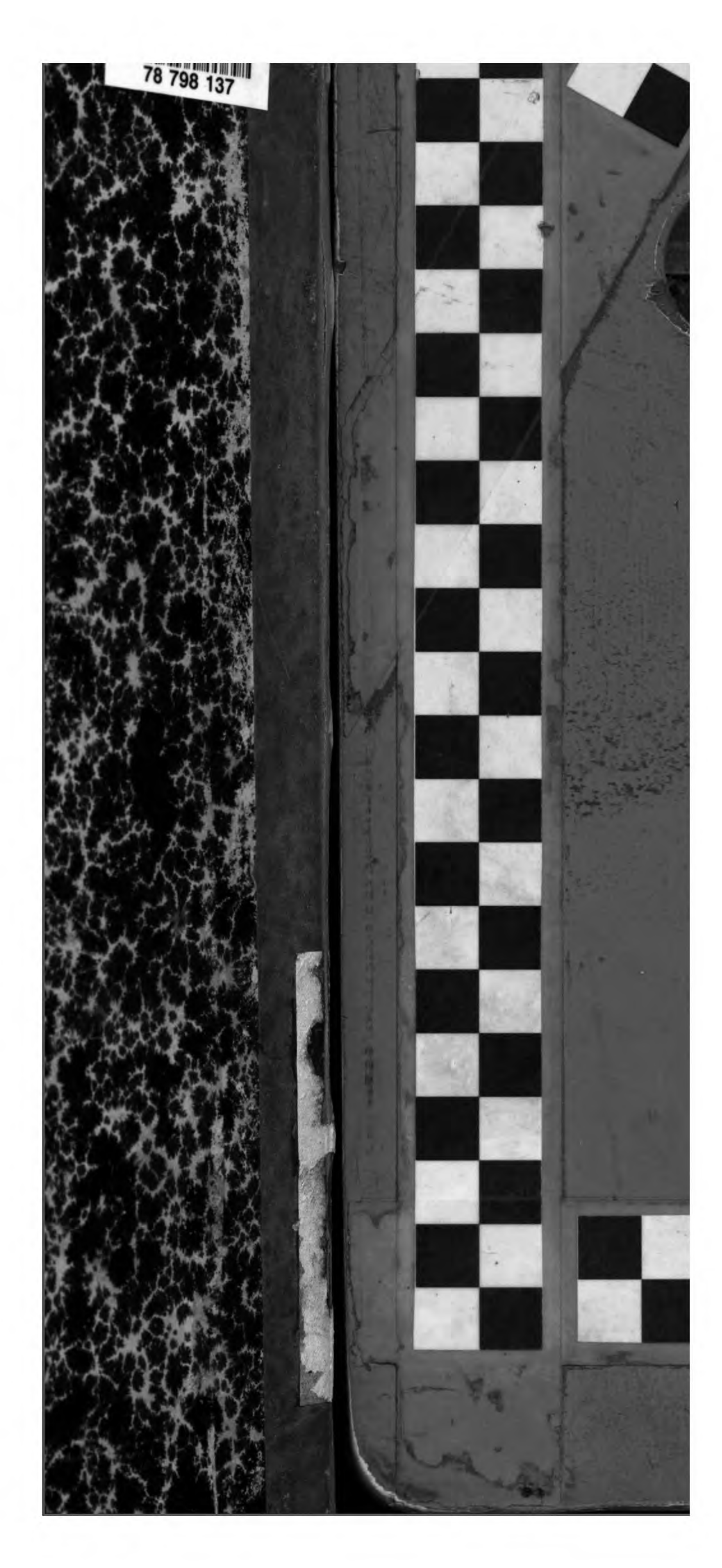
С. Южаковъ.

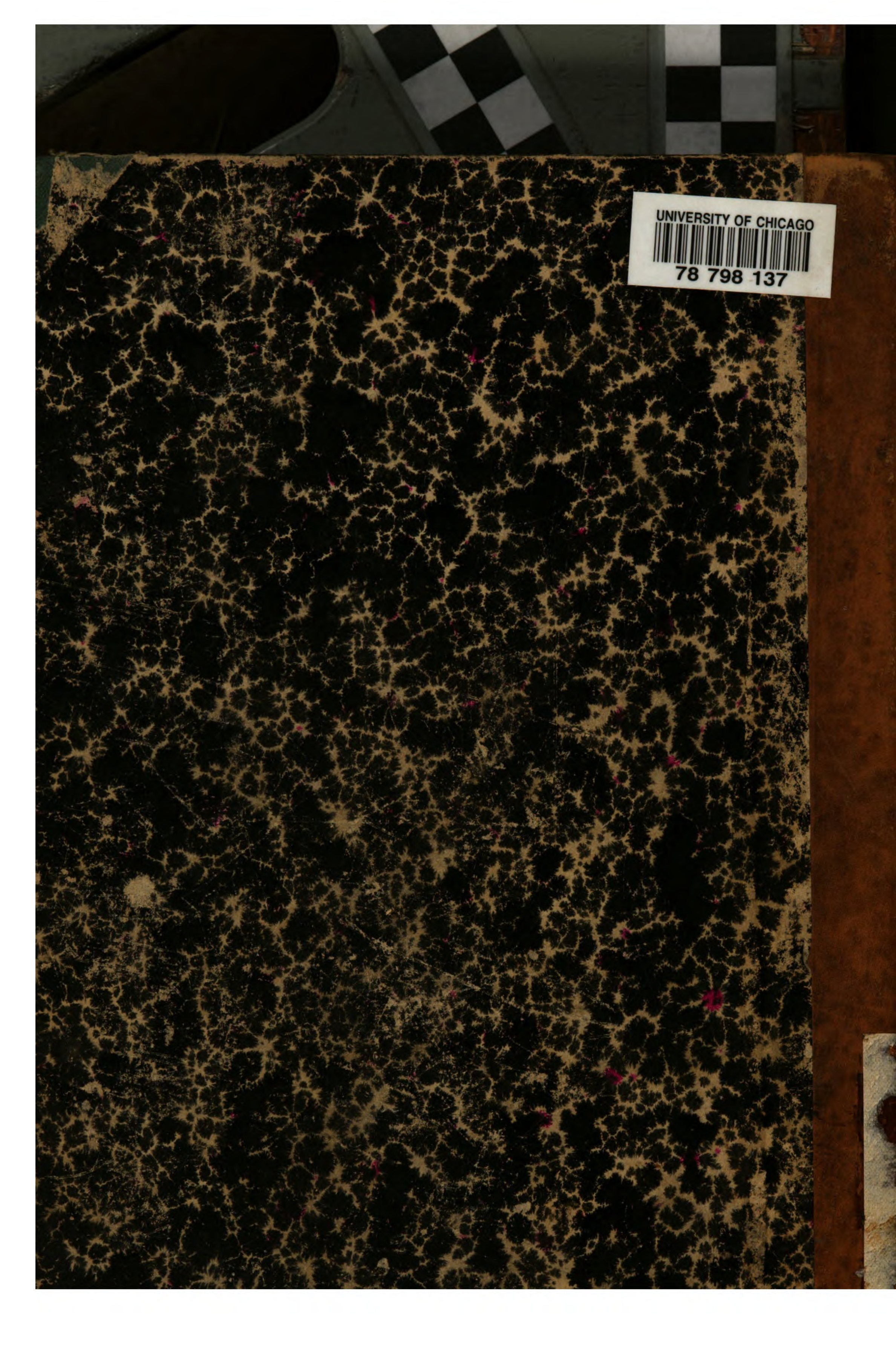
Редакторъ-издатель ***Вл. Г. Короленко.***

10

AP
50
.R94
RUSSKOE BOGATSTVO
JUly, 1906
AP
50
.R94
Russkoe bogatstvo.
July, 1906

78 798 137

78 798 137

UNIVERSITY OF CHICAGO
78 798 137